АНДРЕЙ ХААС

КОРПОРАЦИЯ СЧАСТЬЯ

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО РЕЙВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга написана для тех, кому интересна история развития клубной культуры в нашей стране, для тех, кто хочет знать, откуда появились первые ди-джеи, и для тех, кто прожил в клубах яркие годы своей юности. Культурная ситуация в Ленинграде начала девяностых годов, активно развивающееся сквотерское движение, новая электронная музыка, — все это привело к появлению первого неофициального эсид-хауз-клуба на Фонтанке 145. Автор "Корпорации Счастья" — один из участников событий, знающий жизнь, нравы и людей, которые за прошедшие пятнадцать лет развили гигантскую индустрию клубных развлечений.

•

АНДРЕЙ ХААС
КОРПОРАЦИЯ СЧАСТЬЯ
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО РЕЙВА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ТАНЦПОЛ
1990–1992

1[1]

Весенним днем 1990 года на гранитном тротуаре набережной реки Фонтанки стояли трое молодых людей. Братья Алексей и Андрей Хаас и их товарищ Миша Воронцов пытливо вглядывались в освещенный солнцем фасад дома № 145 и держали совет по возможным вариантам захвата пустующей квартиры № 9. Идея вторжения в эту нежилую квартиру возникла у них несколько дней тому назад, после дружеских консультаций с художником Виктором Снесарем. В мастерской, располагавшейся в этом же доме, Снесарь выслушал рассказ Алексея о неразрешимых проблемах с жильем и за чаем по-приятельски посоветовал:

— Присмотрись к пустующим квартирам в соседних домах, кругом полно брошенного жилья. Вот я, например, живу в этой квартире уже год и никому ничего не плачу.

Вскоре после посещения мастерской Снесаря Алексей и Андрей оказались в гостях у Инала Савченкова, «нового художника», обитавшего в соседнем семиэтажном доме. Познакомившись с братьями, отзывчивый Инал посоветовал им

обратиться к Ивану Мовсесяну, деловитому и осведомленному художнику, наладившему связи с местным домоуправлением. Но осведомленный Иван принял братьев Хаас за гадких утят, людей, не принадлежащих к касте «Новых художников», и надменно отказал им в какой бы то ни было протекции. Не имея склонности к унынию, братья решили помочь себе сами и, не долго ломая голову, присмотрели пустую квартиру в том же доме, где обитал радушный Снесарь. Решение было принято, но по-прежнему оставалось неясно, не поселился ли уже кто-нибудь за пыльными стеклами этого жилища.

— Нужно вставить спички в дверную щель, — предложил Алексей.

— Можно написать записку или почаще заходить и звонить в квартиру, — отозвался Андрей,

— Ребята, может быть, мы просто зайдем, посмотрим и на месте решим, есть там кто-нибудь или нет? — попытался разрешить их сомнения Михаил.

Идея Миши была проста и незатейлива, да и, ко всеобщему удовольствию, реализовать ее можно было прямо сейчас. Отбросив ложную незаинтересованность, троица с тревожными лицами направилась к дому и совершила свой первый подъем по лестнице до третьего этажа, к квартире, в которой им в дальнейшем выпало сообща прожить несколько очень странных лет.

Дорогу они перешли молча, и даже при желании никто из возможных свидетелей этой сцены не заподозрил бы ничего дурного. Просто трое молодых людей идут по своим делам — и только. Правда, одеты они были немного странновато, но в целом это были обычные молодые люди, каких во множестве можно встретить на улицах города. Старший из них, Алексей, был выше всех ростом, широк в плечах и носил длинные, гладко зачесанные назад волосы. Спортивное телосложение и уверенная ухмылка делали его совершенно не похожим на младшего брата Андрея. Тот был необычайно худ, бледен лицом и смотрел на жизнь большими печальными глазами. Про их товарища Мишу можно сказать лишь, что он был высок, коротко стрижен, странен взглядом и, несмотря на зябкий балтийский апрель, уже вырядился в шорты.

Группа новоселов была вооружена внушительных размеров гвоздодером. Андрей остался караулить вход, Миша занял позицию между третьим и четвертым этажами, а Леша установил острие инструмента в дверную щель и весь изогнулся от мускульного напряжения. Через мгновение накладной замок со страшным грохотом оторвался, дверь таинственно распахнулась,

а из-под обшивки проема посыпался ручеек известки. Несмотря на необходимость соблюдения мер конспирации, такая неожиданно быстрая и громкая развязка вызвала приступ общего смеха, после чего стало ясно, что дальше партизанить уже нет никакого смысла. Молодые люди вступили в квартиру и тихо прикрыли за собой дверь.

Темный коридор, уходящий в глубь квартиры, расходился по обе стороны множеством совершенно не похожих одна на другую комнат. Одинаковым был только темный, засаленный лепной потолок, ни разу не беленный за время советской власти, весь в хлопьях паутины и коричневых подтеках. Непрошеные гости настороженно пробирались через завалы старой мебели и мусорные кучи. С удивление ем они разглядывали брошенные коммунальными жильцами личные вещи, обои угнетающих цветов, нелепые бумажные картинки, надписи на стенах, брошенные книги и битую посуду. Экспедиция замерла посреди просторного зала расположение мусора и обломков мебели в этой комнате не было случайным. В хаосе валявшегося вокруг мусора и всевозможной дряни чувствовалось присутствие некой жизни. Это было лежбище городских нищих, и после минутного разглядывания обстановки стало совершенно очевидно, что драные матрасы с вонючим тряпьем — это спальня, а ящик, накрытый промасленной газетой и окруженный множеством пустых бутылок, — это столовая бродяг, которые, судя по всему, ушли в город на дневной промысел.

— Похоже, что тут живут бомжи, — брезгливо произнес Алексей изменившимся голосом, стараясь при этом не вдыхать в себя спертый воздух ночлежки.

— Ребя, что будем делать? Сколько сейчас времени? — спросил Миша. — Надо окапываться.

— У нас есть двенадцать рублей, можно купить новый замок, — сообщил друзьям Андрей. — Давайте укрепим входную дверь, поменяем замок и будем держать оборону.

— Прекрасные апартаменты. Это удача, и она не должна пройти мимо! Если мы не удержим эту квартиру, это будет большая глупость, — подытожил Алексей.

— Тогда завтра с утра с инструментами и замком сюда?

— Нет! Сегодня!

— Лучше прямо сейчас!

— Докурим по дороге.

Компания выбралась из дома и направилась на Садовую к ближайшему хозяйственному магазину. Был прекрасный апрельский вечер, вдоль Крюкова канала прогуливались молодые мамаши с колясками, а у Никольского собора бабушки с

белоснежными прическами прикармливали голубей крошеным хлебом. Горячо обсуждая новые обстоятельства, ребята подзадоривали себя, поддерживая друг в друге решимость довести до конца начатое дело, хотя при этом совершенно не представляли, что на самом деле делают. Несмотря ни на что, когда уставший к вечеру продавец скобяных товаров выдавил из себя: «Что вам?», троица в один голос заявила:

— Самый большой накладной замок!

Тот вечер и стал подлинным началом всей дальнейшей истории. Истории настолько длинной, что ее истоки представляются теперь далеким седым прошлым, да и количество действовавших в ней лиц не поддается никакому, пусть даже самому примерному подсчету.

Итак, квартира сменила жильцов и зажила новой жизнью. После непродолжительной борьбы и одного громкого скандала на лестнице прежние обитатели навсегда исчезли в трущобах большого города и более не досаждали молодым людям. Решительную точку в диспуте о правах на квартиру поставило заявление Алексея, сделанное им самому назойливому из бывших квартирантов. Оно было настолько впечатляющим и энергичным, что, убоявшись расправы, бомж вытребовал себе два рубля отступных и окончательно отвязался.

Отвоеванную территорию новые хозяева стали постепенно приводить в порядок и видоизменять на свой вкус.

Комнат в квартире было множество, но все они были образованы немыслимым количеством стенок, перерезавших три великолепных зала. Все говорило о том, что до революции это была шикарная господская квартира: красивые лепные украшения на стенах и потолках, старые оконные рамы с бронзовыми запорами, мраморные подоконники, великолепные филенчатые двери, белый камин резного мрамора с массивным бронзовым обрамлением и зеркалом под потолок. Для молодых людей, не имеющих денег и подходящего для их образа жизни жилья, эта роскошная квартира была поистине прекрасной находкой.

Первоначально комнаты были разделены между друзьями в соответствии с их вкусами и излюбленными занятиями. Старший из братьев, Алексей, выбрал в качестве спальни небольшую, но уютную комнату с окном во двор и приспособил гостиную для общего времяпровождения. Его брат Андрей, пленившись видом из окна и ночной дрожью уличного фонаря в колышущемся зеркале Фонтанки, обосновался в комнате с эркером. Миша Воронцов, молодой модельер и фотограф, занял оставшиеся две комнаты, выходившие окнами во двор. Из дома он привез

швейную машину, стол, утюги, бумажные лекала, ткани, пакеты со всякой портняжной всячиной и увлеченно погрузился в работу.

Миша был молодым человеком довольно странного вида и одевался только в собственные портняжные произведения. О прежней жизни он обычно сообщал, что жить с алкоголиками-соседями не в состоянии и потому независимость — его жизненный девиз. Во всем прочем его рассказы о себе были немногословны и весьма таинственны.

Что касалось братьев Хаас, то несмотря на трехлетнюю разницу в возрасте и внешнюю несхожесть, их объединяли глубокое презрение к любому труду и богатое воображение, которое рисовало каждый новый день на чистом листе бумаги.

Закончив школу в 1983 году, Алексей был одержим идеей поступить в мореходное училище. Его мечта бороздить моря и океаны не осуществилась, и, оставив мысли о море, он погрузился в пучину Ленинградского рок-н-ролла.

То были славные восьмидесятые, времена бунтарей и романтиков, поэтических бездельников, или, как их ласково именовала милиция, тунеядцев. Для тысяч посвященных центром города был Ленинградский рок-клуб, улица Рубинштейна, 13, и все парадные вокруг этого дома. Группы, сейшены, портвейн, музыка и солдаты рок-н-ролла, весь мир в знакомых, встречи по любому поводу, трава, электрички, пронафталиненные одежды из бабушкиных комодов, ночные посиделки с вином у друзей в коммунальных квартирах, магнитофонные записи и копеечный кофе в «Сайгоне»…

Разные люди встречались ему на пути, и сам он постоянно менялся. Он женился на рок-клубовской тусовщице по прозвищу Таблетка, приобрел в рок-н-ролльной среде прозвище Хаас, поступил в университет на факультет журналистики и в конце концов был пострижен в солдаты. Природные способности не дали ему пропасть на поле боя, и он стал художником в артиллерийском полку, располагавшемся в пригороде Ленинграда, Царском Селе.

Его младший брат Андрей, желая быть похожим на бабушку, майора военно-медицинской службы, все детство мечтал стать хирургом, но к описываемому времени неожиданно для самого себя стал студентом Горного института. В год учебы в нелюбимом вузе Андрей часто навещал брата, доставлял ему маленькие гостинцы из дома, пока его самого не сослали служить в казахстанскую степь.

Возвращение в Ленинград в 1989 году для обалдевшего от солдафонщины Андрея было непростым. Алексей жил в маленькой, но очень уютной квартирке на улице

Кораблестроителей, и приезд отставного вояки внес кучу неудобств в его отлаженную жизнь. За два года мир изменился настолько, что, силясь понять происходящее, Андрей долгое время находил себе применение лишь в кухонной стряпне.

Накурившись, он время от времени рисовал какие-то загадочные акварельки. Самое главное и неожиданное было в том, насколько сменился окрас жизни и сопровождающая ее музыка. Отправляясь в армию заядлым рок-поклонником, Андрей бредил роком и готов был за него на многое. Вернувшись, он увидел, что канули в прошлое «Зоопарк», «Алиса», «Игры», «Аквариум» и творчество дяди Свиньи. Теперь были актуальны Кью, Боб Марли, «Kraftwerk», Соммервиль, «Кино».

Перед Андреем замелькала вереница новых лиц, друзей его брата, и первыми из них стали бывший басист группы «Нате» Игорь Длинный, рок-клубовский продюсер Дмитрий Левковский, Сергей Зайцев, солдат рок-н-ролла Алекс Оголтелый, музыкант будущего Сережа Клипс, Олег Цыган и девушка Юля Хрусталева.

Житие было веселое и подкупающе легкое. Маленькая квартирка была всегда полна гостей, и компании бывали разнообразные. Полгода Алексей со товарищи занимался первым международным проектом «Next stop госк-n-roll». Директор рок-клуба, старый гэбист Коля Михайлов, получил доброе органов, и десятки рок-музыкантов и просто тусовщиков из Швеции, Германии и Норвегии приехали в Ленинград под первую волну горбачевской перестройки. Они приехали, чтобы играть музыку и общаться с молодежью из неизвестною СССР и оказались тут необычайно востребованы.

Именно тогда у Алексея появилась идея поиска новой жилплощади: братья и все их друзья уже не умещались в восьмиметровой кухоньке. Ко всему прочему, постоянный хоровод девушек временами притуплял у него чувство братской любви, вытесняя его мощным природным чувством, и потому младшему брату частенько приходилось ночевать где придется.

За водочный гонорар крепкие мужчины с пьяного угла голыми руками и одной кувалдой вдребезги разнесли несколько стенок, искажавших первозданную планировку захваченной квартиры. Комнат стало меньше, но все равно еще много, а одна из них так и оставалась скопищем хлама. Покрытые с ног до головы алебастровой пылью, заказчики разгрома ликовали. За несколько дней мусор растащили по ближайшим помойкам, пространство расчистилось и приятно расширилось. К телефонной линии единственных официально проживающих в доме соседей ночью был неофициально подключен провод, связь с

миром наладилась, и троица занялась благоустройством. Заработал туалет, над газовой плитой зажегся огонь, из подъезда была обеспечена подача неконтролируемой электроэнергии, а в камине уютно затрещал костерок, подъедающий остатки старой мебели и кучи квартирного мусора.

На первых порах настоящим бедствием были крысы. Прожорливые твари бегали по квартире днем и ночью» тщетно выискивая у новых поселенцев хоть что-нибудь съестное. Алексей, с прохладцей относящийся к животным вообще, испытывал к крысам настоящее отвращение и от войны с ними отказался, поэтому Мише и Андрею пришлось расправляться с грызунами самыми страшными способами, сохранившимися со времен святой инквизиции. В квартире начала появляться мебель, на ней стали частенько посиживать гости, пили бесконечный чай и курили зеленую хохотун-траву.

Первым предметом, попавшим в квартиру, оказался найденный на одной из дворовых помоек круглый стол. На нем установили бронзовую лампу с цветными стеклами, и с тех пор этот стол стал центром бесконечных посиделок.

Из фойе умирающего кинотеатра «Сатурн», располагавшегося на Садовой улице, во время киносеанса, среди бела дня, были экспроприированы шесть кресел, а на задворках гастронома компания похитила несколько незаменимых в быту колесных тележек из-под молочных продуктов. Отсутствие ванной было удручающим обстоятельством, но и с ним было покончено во время одной рабочей вылазки. Гуляя по разгромленному мародерами красивому купеческому дому, братья наткнулись на квадратную чугунную ванну и спасли раритет.

Немало интересного поселенцы нашли и в самой квартире: красивую металлическую кровать с хромированными шариками, дубовый вещевой сундук, коллекцию еврейской музыки на патефонных пластинках, телефонный аппарат в черном фибролитовом корпусе и беспородного кота, решительно отказавшегося выселяться и ставшего в результате молчаливым домашним призраком. Этого черного и достаточно дикого хищника впоследствии удалось немного приручить, он получил прозвище Пицца и стал четвертым колонистом.

Друзья и гости бывали каждый день и засиживались до утра, знакомства с новыми людьми завязывались прочными узлами безделья. Музыка играла круглосуточно из единственного источника звука, маленького бум-бокса. Телевизора не было, да и смотреть по нему было бы нечего, поскольку телевидение тогда было отвратительной прозастойной тухлятиной.

Мощным ураганом в дом ворвался «Technotronic», а за ним и

«Snap». Американская фирма «Трансептал-Технолоджи» приступила к производству компьютеров «Персональный спутник».

Квартира стала приобретать известность как место встреч довольно обширной компании молодежи, проводившей большую часть своего времени в развлечениях и марихуановом дыму. Общая расслабленность и нечетко выраженное течение времени выработали у обитателей квартиры особый режим жизни.

Время весны истекло, пришло жаркое лето, но в квартире № 9 по-прежнему оставались неизменными сон, чай, гости, табак, музыка и праздность.

2

Яркое солнце лилось сквозь пыльные оконные стекла и приятно нагревало мраморный подоконник, заставленный пепсикольными бутылками. Мир, находящийся за этими немытыми стеклами, совершенно точно был, но его жизненное присутствие никак не ощущалось сидящим на подоконнике человеком. Монотонными звуками, отдаленно напоминающими морской прибой, обозначались проносящиеся подокнами машины, но в самой квартире было абсолютно тихо. Андрей — сегодня он был в драных, пузырящихся на коленях коричневых брючках и застиранной майке «New Order» отчаянно скучал. Он дожидался, когда проснется брат и кончится эта невыносимая тишина. Еще одним обстоятельством, нагонявшим на Андрея холодную тоску, был мучавший его с самого утра голод, к полудню превратившийся в громко урчащую желудочную резь.

— Леша! Ты хочешь есть? — громко крикнул Андрей глядя на закрытые двери личных покоев брата.

Вместо ответа за дверями раздался женский смех. Вздернув от удивления брови, Андрей сконфузился. Дверь спальни медленно раскрылась, и в коридор вышел улыбающийся Алексей в одном полотенце, обмотанном вокруг бедер.

— Ты чего шумишь? — с ироничным участием спросил он брата. — Да и кто же ест в такую рань? Сколько сейчас времени? Уже три?.. Алина! Познакомься с моим братом.

В коридор босиком вышла коротко стриженная быстроглазая девушка в огромной, доходящей ей до колен футболке.

— Я Алина, привет! — произнесла девушка с улыбкой и протянула Андрею тонкую руку.

Дотронувшись до нее, Андрей покраснел от смущения и пробормотал несколько слов. На него, достаточно скованного и временами даже дикого в разговорах с девушками эта

неожиданная встреча с Лешиной подругой оказала странное воздействие. Потупив глаза, Андрей уперся взглядом в подступающую к ногам брата полосу солнечного света и почему-то обиделся, приняв его естественную радость за некое братское предательство.

Неловкость продлилась лишь миг, но в воображении Андрея это было невыносимо неудобное молчание, длившееся вечность. Девушка порхнула на кухню, Алексей улыбнулся, и Андрей сумел сосредоточиться.

Пока Алина плескалась в душе, Алексей развалился в кресле и, положив ноги на стоящий рядом стул, принялся готовить утреннюю папироску.

— Ты чего такой серьезный? — спросил Алексей, хитро поглядывая на брата. — Сейчас что-нибудь поедим. Не могу же я ее торопить, а сама она… — Алексей перешел на шепот: — Она классная, правда? Москвичка, приятельница Зайца.

— Ну да, — выдавил из себя Андрей. В комнату неслышно вошла свежая и раскрасневшаяся Алина.

— Ребята, а у вас нет зеркала? — спросила она, перебирая пальцами мокрые волосы.

Затянувшись папиросой, Алексей поднялся ей навстречу и, уходя, оставил в луче света крутящиеся клубы пряного дыма Они долго отсутствовали, а когда вернулись, в руках у Алексея была открытая бутылка шампанского. Налив вино в чайные кружки, Алексей уселся и с пониманием происходящего радостно засмеялся.

— Алина — модель. Снимается в кино и участвует в показах, — пояснил он брату.

— Леша…, — с явной досадой одернула его девушка. — Приезжайте к нам в Москву. У нас весело, — натужно добавила она и нервно посмотрела на Алексея. Продолжение беседы подвисло, и первым на это отреагировал Алексей:

— Андрюха, ты хотел есть? У нас есть предложение пойти в пиццерию. Ты как?

— Давайте сходим, — произнес Андрей разрядившую обстановку фразу.

На набережной Фонтанки настроение у троицы значительно улучшилось. Возымели свое действие свежий ветер, городской шум и бродящие вокруг горожане. Все стало не настолько интимно, чтобы казаться неудобным, и все трое зашагали к Египетскому мосту.

Заведение, куда они вскорости прибыли, являлось самым заурядным и з тех, что процветали на скупом поле кооперативного общепита. Усатый бармен Николай был старым

знакомцем молодых людей. Он покровительственно кивнул им, когда они усаживались за стол, на котором поверх годами не стиранной скатерти лежал мутный лист оргстекла. Трапезная была украшена впечатляющей коллекцией пустых банок из-под пива и невозможно роскошными рогами каких-то вымерших животных. Но больше всего в этом месте потрясал бар. Монументальное сооружение было выполнено из фанеры, обожжено паяльной лампой, покрыто лаком и украшено дерматиновыми вставками с латунными пуговицами. Завершала эту композицию огромная светомузыкальная установка, бросавшая разноцветные лучики на потолок из черного стекла.

Так или иначе, это заведение было не только ближайшим по расположению, но и сулило роскошное времяпровождение.

— Чё будете заказывать? Солянки нет. По-французски ждать двадцать минут. Не мните страницы, девушка, — на одной ноте проговорила уставшая от всего официантка в короткой юбке и лосинах расцветки — «глаз мухи».

— Два жюльена, пепси, бефстроганов с рисом. Нет? Так, тогда эскалоп, хлеба три, судак по-польски. Нет? Э-э… Ну э-э, а можно еще подумать, хорошо, тогда э-э, хлеб, а, уже говорил, ну тогда все, а можно все побыстрее? Повар не машина? Повял.

В кафе натужно заиграла музыка. Это была кантри-баллада американского водилы-дальнобойщика о невероятной любви к перемене мест в исполнении Криса Ри.

— Я есть не хочу, — глухо объявила москвичка.

Алексей убрал руки под стол и поджал ноги под стул.

— Мы тогда быстро, подожди нас, ага? — скучающее банил он.

Опять над всеми повисло неприятное безразличие друг к другу. Алексей закурил, а Алина начала рыться в сумочке.

«А пот и наши приятели», — с радостью подумал Андрей, подняв глаза.

В проходе показался молодой человек, которого братья знали как местного корифея по прозвищу Миха Ангола. Он был не один — с ним прибыло несколько ребят и одна собака.

— Здорово, Леха! Здорово, Андрюха! Привет! — пропел Ангола, поочередно протягивая им руку. — А мы к вам заходили, там никого, нормально, что встретились, привет!

Алина надела темные очки и что-то зашептала Алексею на ухо. Тот немного подумал, перегнулся через стол и начал шептать Андрею:

— Андрей, слушай, вот ключ и пятнашка Ты поешь, а я пойду провожу Алину на вокзал. Ей нужно купить билет, ну и вообще погуляем, ладно? Если будешь уходить, оставь ключ в подъезде

сверху за лепкой. Ага?

— А ты есть не хочешь? — спросил Андрей, разглядывая морщинку на лице брата

— Не-а, я потом, ну в общем, решим, — ответил Леша, посылая ему лукавый взгляд. Парочка поднялась и начала прощаться.

— Всего хорошего, Андрей, была рада познакомиться, будете в Москве — заходите, — торопливо произнесла Алина без всякого воодушевления.

Леша подмигнул Андрею и пожал руки недоумевающим ребятам.

Когда за Алиной и Алексеем закрылись зеркальные двери с выгравированными бамбуковыми зарослями, Ангола спросил, задирая рукав майки:

— Лехина новая герла?

— Даже не знаю, сам в первый раз вижу, — честно признался Андрей.

На покрасневшем плече Анголы была свежая татуировка, изображающая страшные готические узоры с вплетенными в них загадочными символами.

— Гляди, вчера у Соловья кололи с Зайцем, он себе неделю назад до локтя забабахал. Нравится?

— Да. Слушай, а это не больно?

— Ну, больно, конечно, и еще очень чешется. Заяц говорит, надо поссать на рисунок, тогда начнет заживать. Не знаю, как и быть.

— Давай, я тебе обработаю, — закатываясь смехом, предложил светловолосый Коля, при этом поглаживая морду своему псу.

Все дружно засмеялись и принялись обмениваться последними новостями, анекдотами и штанами на вечер. Пока все говорили, Андрей съел свой кусок жареной говядины и подозрительное лечо, а Ангола переговорил у барной стойки по телефону.

Когда он вернулся с бутылкой пива в руке, лицо его выражало крайнюю степень довольства. Он проинформировал компанию:

— Звонил Шведу. У него уехали родители, пришел Заяц с пылевичем и бабами. Андрюха, пошли с нами? А? Надо только пива купить в ларьке.

— Пошли, — согласился Андрей, закончив изучение счета на девять рублей шестьдесят четыре копейки.

В полутемной прихожей Шведа стояло сразу три шкафа. Они создавали пещеру ужасов или лабиринт, в котором новый гость,

если ему предлагали самостоятельно закрыть входную дверь и не провожали в комнату, терялся и звал на помощь:

— Дима! Где ты? Я тут ничего не вижу…

Квартира была коммунальной, и, по оценкам Шведа, в ней в разное время года проживало от двадцати до тридцати пяти человек, давно и искренне ненавидящих друг друга. Народ в «синих» ленинградских коммуналках, как правило, бывал крайне нищий, грубый, не имеющий надежд и светлых устремлений. Так было и в Диминой огромной квартире. Там жили суровые старушки, алкаши и их дебиловатые дети, какой-то дядя, пьяным орущий по ночам, мент-лимитчик, никому не известные мамаши с грудными детьми, пара хачей, десяток кошек и подслеповатый пес, постоянно дремлющий в длиннющем полутемном коридоре.

Естественно, в этом ковчеге жил и сам Дима со своими родителями, опустившимися и оглохшими от беспросветной жизни вокерами. Шведа ненавидела вся квартира, и было за что. Последние несколько лет его магнитофон днем и ночью терроризировал гудящие от похмелья головы соседей. Двери его комнаты работали как в метро, пропуская и выпуская толпы Диминых районных дружков и знакомцев, потрясавших своим грохотом даже соседей снизу. Одним словом, молодежный вертеп дворового масштаба.

— О-о! Кого я вижу! — хитро сощурившись, произнес Сергей Заяц, сидевший по-турецки возле низенького столика, заваленного посудой и бутылками.

Сергей Зайцев, в просторечии Зайчила, недавно вернулся с Черного моря, где они с Алексеем месяц отдыхали у зайцевской мамы в Симферополе, а после в Гурзуфе. Крепкое загорелое тело, коротко стриженная голова, постоянно улыбающаяся физиономия и лично зайцевское отношение ко всему происходящему — это были те черты, которые выделяли его в любой компании. Разговаривал, шутил и смеялся Заяц так, что в его состояние расслабленности начинали втягиваться все собеседники и просто рядом стоящие. Вот и в этот вечер он председательствовал на посиделках у Шведа, одновременно разговаривая со всеми, смеясь, куря, попивая пиво и наглаживая ногу какой-то умирающей от смеха девице, сидящей рядом на стуле.

— А где Леха? — поинтересовался он у Андрея.

— Ушел с какой-то девушкой провожать ее на вокзал.

— С Алиной? Я ее знаю, и не ппо-о на-аслышке. У нее еще сестра есть. Катя, кажется. Ну что, курнем? Где пепельница, кто сделает?..

— Швед!!! Швед!!! — заорал кто-то с улицы. — Швед!

Откинув занавеску, Швед лег на подоконник и высунулся в

открытое окно.

— Ты дома?

— Да.

— Сейчас поднимусь.

— Кто там, Швед?

— Длинный.

— Ну у него и нюх, — подытожил Заяц и радостно засмеялся.

Спустя некоторое время в комнату ворвался Игорь Длинный, одновременно здороваясь со всеми и решительно пробираясь через чьи-то ноги к центру — туда, где стоял низенький столик и посиживал Заяц.

— На концерт в ЛДМ пойдете? — спросил он всех сразу, глубоко затягиваясь перехваченной на лету папиросой.

— А что там сегодня? — спросил Заяц.

— Курехин с «Поп-механикой», «Нате» и «Игры».

— Нету денег, — произнес Ангола.

— А я и так пройду, у меня есть одна фея, Наташа рок-клубовская, — проговорил Заяц, потирая от удовольствия живот под майкой и радостно прижимаясь щекой к руке девушки на стуле.

— Я тоже пойду, — заявил Андрей, нащупавший к тому моменту пару смятых трешек в кармане.

— Тогда надо докуривать и двигаться к метро, — стал поторапливать Швед.

— Ты тоже, что ли, пойдешь? — спросил Длинный.

— Нет, я с вами до Балтийской, я там встречаюсь с Кузьмой и Иркой.

3

Быстро темнеющий вечер разлил по небу все оттенки красного. Теплый воздух поднимался над раскаленным асфальтом колышущимся маревом, а огненный шар солнца закатывался по крышам куда-то вдаль, пожирая трамвайные провода и разжигая пожарища в переулках.

Вдоволь нагулявшись с впавшей в молчаливую меланхолию Алиной и пятьдесят раз пообещав ей звонить, Алексей посадил ее на вечернюю «Аврору» и устремился по Невскому к центру. У него было радостное настроение вновь обретенной свободы, и он шел в толпе, строя глазки и весело поглядывая на барышень, парочками прогуливающихся по Невской перспективе.

Навстречу Алексею по проспекту шествовал молодой человек невысокого роста с ясными пронзительными глазами. Этот темноволосый юноша с взметнувшимися бровями был одет в

шерстяной пиджак и черные брюки, а в руках держал измаранную красками художническую папку. Возле «Паризианы» молодые люди сошлись и, узнав друг друга, остановились по-ленинградски в центре кишащего людского потока и стали беседовать.

— Как ты, Инал? — спросил Алексей, одной рукой продолжая пожимать ладонь друга, а другой нашаривая в кармане пачку сигарет.

— Слушай… все нормально. Вот только что вернулись с Францем и Сережей… Устраиваемся на новом месте…

Инал говорил быстро, но временами делал аритмичные расстояния между словами, что, впрочем, придавало его речи своеобразность и увлекательность.

Разговаривающие вообще мало походили друг на друга из-за разницы в росте (Инал был на голову ниже Алексея) и из-за несоответствия в одежде, однако они испытывали друг к другу самую теплую симпатию и так и не исчерпавший себя интерес, как бывает у редко видящихся приятелей.

— Ты знаешь, мы тоже новоселы, захватили сквот на Фонтанке, прямо над Снесарем,

— Все получилось?

— Да.

— Я же тебе говорил. А ты с кем там?

— Я, Андрюша — мой брат, и Миша Воронцов, ну длинный такой, модельер. Пойдем к нам зайдем, если есть время.

Перейдя Невский, друзья не спеша двинулись по Фонтанке по направлению к Коломне. За час они добрались до места. Во время прогулки Инал подробно рассказал Алексею про три основные новости своей жизни: они нашли новую мастерскую на улице Фурманова, из Германии вернулся Франц Ротвальд, и вчетвером они организовали школу «Инженеров искусств».

— Здорово, — сказал обо всем услышанном Алексей. — А вот отсюда уже видны наши окна.

Еще издалека, на подходе к дому, Алексей заметил рослую фигуру, маячившую на набережной и всматривающуюся в окна третьего этажа. Внешне этот человек неуловимым образом отличался от любого местного обывателя. На первый взгляд ему можно было бы дать лет тридцать, но на самом деле ему было тридцать семь. Это был англичанин Тим Велью, кипучий выдумщик и прожектер, аферист, женившийся в Швеции для получения социального пособия и сбежавший оттуда в Ленинград в поисках легкого бизнеса. Клетчатый тесный пиджак и короткие красные брюки, открывающие остроносые ботинки, были веет лишь потешным дополнением к глумливому выражению его лица Тряся длинными черными волосами, он приветливо отсалютовал

рукой и крикнул:

— Hi, Алекс!!! I'm waiting for you. Nice to see you, guys.

— Hello, Тим! Это мой друг Инал.

— Hi!

Подымаясь по лестнице, Тим без остановки рассказывал про каких-то «крези-бабушка», атаковавших с утра его съемную комнату в коммуналке с рассказами о своих детях. Говорил он по-английски, вставляя в свою речь полюбившиеся русские словечки. С собой он принес плоский «Винстон» и упаковку баночного пива из валютного магазина.

— Вот наша квартира, — распахивая дверь перед гостями, сказал Алексей Иналу.

— Круто. Вы сами все приводите в порядок? А как соседи? — спросил Инал, разглядывая старинные оштукатуренные стены, обнажившиеся после снятия многослойной шкуры старых обоев.

— Что-то сами, а что-то местные с биржи, — пояснил Алексей.

— Биржа — это что такое?

— Биржей у районных «синяков» называется помойка, где они обычно тусуются, бухают и получают трудовые контракты: где чего украсть или сломать, а то еще какая-нибудь работенка подвернется.

Совершив обзорную экскурсию по комнатам, друзья уселись в кресла и щелкнули баночными ключами.

— Классная комната получится, если все стены сломаете. Сколько же здесь метров? — поинтересовался Инал, поводя взором.

— Ты знаешь, если судить по лепке на потолке, то это был зал с четырьмя окнами и эркером, площадь его около ста метров. Но вот видишь, еще две стенки недоломаны, там в комнате Андрей спит. Не хочет выселяться. А за ней еще пустая комната. Так что если сломать комнату и тамбур, то получится красивый зал.

Потягивая пиво и покуривая, старые друзья и новые знакомые неспешно обсуждали малозначительные истории из дня прошедшего и постепенно разговорились о предстоящих планах на пятницу с субботой.

— Инал, приходи завтра вечером к нам в гости, мы спать не ложимся никогда, — воодушевленно предложил Алексей. — Нам один наш приятель подарил две колонки, послушаем музыку, отдохнем. Вечерами по пятницам много народа собирается.

— Спасибо, придем. Времени у нас теперь много, хотя мы тоже новоселы. Представляешь, наша квартира раньше принадлежала купцу-миллионеру Елисееву. Гигантское

пространство, там камин такого размера, что в него свободно человек заходит.

Алексей перевел Тиму рассказ Инала, и тот поинтересовался:

— И сколько вы платите за такой апартмент?

— Мы нисколько не платим. Это была расселенная квартира, бывшая коммуналка, а дом должен был пойти на капремонт. Но денег на ремонт нет, а электричество и вода в доме остались. Мы захватили квартиру и живем.

— Fuck!!! — засмеялся Тим, услышав перевод этой фантастической с точки зрения европейца истории. — Я снимаю у бабушки комнату с одним окном и плачу в месяц пятьдесят долларов рублями. А вы тут в Раше все живете даром?

— Этим мы с тобой, дорогой Тим, и отличаемся друг от друга! — со смехом сказал ему Алексей.

В прихожей хлопнула дверь, и появился Миша с коробкой макарон и маковым рулетом в руках.

— Всем привет! — бросил он сидящим. — Леха, видал, у нас на первом этаже кооператоры заселились, дверь днем вставили. А мы им в эту квартиру целый месяц сносили мусор мешками.

— Пива хочешь?

— Ты же знаешь, я никогда не пью ничего крепче пепси-колы.

Когда Миша удалился на кухню, Алексей стал рассказывать Иналу про его таланты:

— Миша шьет одежду. Хочешь посмотреть?

— Да, очень интересно.

Комната, оборудованная Мишей под мастерскую, была освещена яркой лампой. В центре стоял стол с тумбами, на нем были разложены картонные вырезки и разноцветные обрезки ткани. На полу валялись журналы, пакеты, а вдоль стены выстроилась вереница пустых пепсикольных бутылок. Алексей снял с плечиков шерстяную куртку без рукавов, надел ее и повернулся, давая себя разглядеть.

— Здорово, — сказал Инал. — Он сам все придумывает?

— Ну да.

С подоконника спрыгнул черный кот и стал тереться о ногу Алексея.

— Есть хочешь? Бедолага.

Они вернулись в комнату, где англичанин разговаривал по телефону.

— Алекс! — сказал Тим, отрываясь от телефонной трубки. — Мой друг из Стокгольма, про которого я тебе рассказывал, может прийти завтра к тебе? ОК?

— Of course, Тим.

Инал встал и стал прощаться со всеми, пообещав завтра

вечером зайти в гости с целой компанией.

Поздно вечером Андрей вернулся с концерта в сопровождении двух друзей и принялся воодушевленно рассказывать подробности:

— Представляешь, собралось тысячи полторы человек, я такого давно не видел! Менты долго никого не впускали, и все оттягивались на улице. Мы прошли без билетов и оказались в самом центре зала, где все прекрасно видно.

— Да ты что?! — округлив глаза, сказал Алексей, подшучивая над восторженным состоянием брата. — Не может быть!

Андрей запнулся, стушевался и, поджав губы, засопел, изображая решимость наброситься на брата с кулаками.

— Ладно, ладно, рассказывай, только стол не опрокинь, — продолжая смеяться, сказал Алексей.

— Ну так вот, все было так классно, что после концерн всех еле выгнали из зала.

— А что было-то? Ты где был, Андрюха?

— Я же тебе рассказываю, концерт в ЛДМ. Курехин с «Поп-механикой» и «Странные игры».

— Ну?

— Ну вот. Гаркуша на сцене такое выделывал, что ползала стояло на креслах. Курехин играл на рояле, а на сцене творилось нечто. Потом «Игры» стали исполнять все свои старые песни.

Ангола и Коля, с которыми пришел Андрей, молча слушали диалог братьев и с уважением поглядывали, как англичанин стряхивает сигаретный пепел в фирменную банку. В прихожей хлопнули двери, и в комнату вошли еще двое молодых людей.

— Здорово, привет всем! — радостно улыбаясь, обратился ко всем присутствующим черноволосый парень в костюме, на ходу стаскивая с себя галстук. — У вас дверь нараспашку. Привет, Ваня. — Привет, Женя, — ответила компания.

— Как бизнес? — поинтересовался Алексей.

— Все путем, — ответил один из них, лукаво щурясь и откидывая волосы рукой.

Иван Салмаксов и Женя Бирман — так звали пришедших — стали общими знакомцами и чуть ли не ежедневными гостямипоеле того, как пришли в гости в сопровождении известной модели Лары. Умница и красавица, Ларочка симпатизировала смешным ребятам из этой старой квартиры. Заезжая к ним в гости, она всегда привозила фрукты и разных друзей познакомиться.

Выглядели молодые люди как преуспевающие коммерсанты: автомобили, костюмы, галстуки, ботинки «инспектор». Они

занимались самыми разнообразными делами, начиная от торговли лесом и заканчивая продажей палехских лакербоксов иностранцам.

Но их всегда отличала позитивная настроенность. Улыбка Евгения могла бы останавливать воюющие народы — так она была хороша. Обаяние исходило от этого человека такими волнами, что после беседы с ним все без исключения принимали его точку зрения и убежденно считали его самого весьма достойным персонажем.

Естественное желание развеяться после скучных дел приучило молодых предпринимателей приходить в квартиру чуть ли не каждый день. До знакомства с обитателями Фонтанки Иван был страстным поклонником «Depeche Mode» и на привезенной из Америки аппаратуре самостоятельно экспериментировал с музыкой, но вскорости поменял подборку кассет на house-музыку и на волне восторженного подъема подарил Алексею новенькие колонки из родительской квартиры.

Иван под ручку увел Тима в сторонку и завел с ним беседу, а Женя достал из кожаного портфеля большую бутылку мартини и, скрипнув крышкой, начал разливать вермут по чайным кружкам. Беседа оживилась и потянулась бесконечной чередой мало что значащих историй и шуток, сменяющих друг друга под барабанную дробь магнитофона.

В тот вечер свет в квартире горел до четырех утра. Гости, соблюдая законы уличной конспирации, тихо проскальзывали в парадную и поднимались на третий этаж, где из-за дверей слышалась музыка и многоголосый шум. Внутри было многолюдно, молодежь группками заполняла все закоулки в квартире. Мебели было так мало, что люди сидели в освещенных проемах окон, отбрасывая при этом гигантские тени на тротуар. В большой квадратной комнате танцевали в темноте, которую прорезали лишь отблески горящего камина.

Несколько раз хохочущая экспедиция ходила за шампанским в ночной ларек. Игристое вино было излюбленным напитком компании и поглощалось гостями в больших количествах. Не ночам оно продавалось только в одном зарешеченном торговом заведении на Тургеневской площади — в самом злачном месте Коломны. Владелец этого стального ящика, в своей коммерции основную ставку делавший на спирт «Рояль», уже давно снабжал веселых ребят этим неходовым товаром и, постепенно выучив их лица, стал иногда давать в долг «до утра».

Ночной город был тих в это время. В нем, как жужжащие мухи на дачном столе, ползали лишь поливающие мостовые

оранжевые машины, да желтыми глазами перемигивались никому не нужные светофоры. Приятной внутренней радостью возникало впечатление, что не спит в это время только эта странная компания, не признающая весь остальной мир и почитающая себя его самой живой и интересной частью. Красочные ощущения духовного трепета и восторженного энтузиазма свойственны всем молодым, пока они смотрят на скучный мир и видят в нем лишь свое улыбающееся отражение, радостную картинку собственного прекрасного лица. Эти переживания полностью захватывают в пограничном возрасте души, когда, устав от ограничений детства и чужого права распоряжаться происходящим, человек получает сам себя в безраздельное, а чаще безрассудное пользование.

Так было и с этими красивыми молодыми людьми, испытывавшими от бессонной ночи непередаваемое ощущение счастья. Бесконечность имевшегося у каждого личного времени была настолько необозрима, что время как часть мира и всеобщего бытия не существовало для них вовсе. Могущественное время было для них маленьким джином, сидящим в наручных часах и покорно крутящим стрелки, чтобы было понятнее, что в данный момент делает тот самый «скучный мир».

Когда за последним гостем закрылась дверь, Андрей почувствовал облегчение. Расплывающееся усталостью, огромное путаное впечатление, накопленное за вечер, сменилось звенящей тишиной. Он прошелся по комнатам и подметил перемены, внесенные гостями в их нехитрый быт. Помимо внешнего хаоса: окурков, бутылок, смятых пачек и прочего — он явственно ощущал послевкусие вечера, и это было какое-то новое чувство, сутью своей похожее на эхо в горах, вернувшееся тебе минуту спустя. Покинув прокуренную квартиру, гудящий рой малознакомых людей и множество тех, с кем он и вовсе не был знаком, оставили в его душе эмоциональную путаницу и полную неразбериху в мыслях. Смятение заключалось в том, что глубоко внутри что-то отчетливо не устраивало его, и это что-то он никак не мог прояснить. После обреченного взгляда в себя на него снова нахлынула волна собственной уязвленности. Тут же четко вспомнилось, откуда пришла эта тошнотворная волна, утопившая его сегодня в вязком чувстве раздражения и неуверенности. Все было чудесно, но непривычно ново. Гостей в этот вечер было столько, что они заполонили всю квартиру, и от обилия новых лиц кружилась голова. В какой-то момент Андрей оказался в одной комнате с неизвестной ему компанией красивых людей, цельной своей общей безупречностью. Но с его появлением разговор внезапно стих. Не признав в нем одного из хозяев

квартиры, присутствующие по-своему истолковали его появление и молча воззрились на него.

Андрей наморщил лоб, призадумался и тут же вспомнил что за этим последовало: не имея душевных сил отстраниться от образовавшейся по его вине нелепости, он стушевался и буквально оцепенел. Это длилось лишь миг, но и сейчас он физически помнил устремленные на него насмешливые взгляды.

До конца воспроизведя в памяти этот обескураживающий эпизод, Андрей встряхнул головой, закурил и мысленно попытался вернуться к себе прежнему. Он заглянул в опочивальню друга и увидел Мишу, лежащего на диванчике в одежде и своих любимых «мартинсах». Миша крепко спал, подложив под голову кулак правой руки. На полу, в изголовье его дивана, лежал глянцевый журнал, и с его обложки в потолок безучастно глядела какая-то роскошная дива Андрей выключил в комнате свет и, тихо прикрыв дверь, направился в гостиную.

Удобно устроившись в двух креслах, посреди комнаты возлежал Алексей.

— Ты как, Андрюша?

— Нормально. Устал только.

— Да, шумный денек получился.

— Леха, а кто этот Тимур, который приехал на велосипеде?

— Новиков?

— Наверное, не знаю фамилии.

— Тимур — художник. Я познакомился с ним года два назад в рок-клубе, вернее даже не в клубе, а «Сайгоне». Я в то время проводил там много времени. Однажды мы висели там с Клипсом и Кроликом. Не помню точно, что мы делали, скорее всего — ничего, просто тусовались, и тут входит человек — я его заприметил еще на улице, через стекла витрины. На нем был невероятно длинный черный пиджак с узкими лацканами, ярко-красная рубашка, шелковый фиолетовый шарф и узкие брюки. Узконосые лаковые туфли черного цвета зашнурованы фиолетовой проволокой. Представляешь? Я обалдел и спросил у Клипса, кто это такой. Клипс был всеобщим знакомцем и познакомил меня с Тимуром, а тот пригласил нас к себе в мастерскую. Мы потом иногда встречались — я ходил на сейшены и встречал его, он тогда что-то с «Кино» делал.

— Он что — музыкант? — присаживаясь рядом, спросил Андрей.

— Нет, художник, говорю тебе.

— А этот, в зеленом берете и очках? С девушками?

— Который? — спросил Алексей, потягиваясь и зевая.

— Ну, помнишь, их целая компания была, один из них еще

танцевал на подоконнике. И среди них был один, такой в зеленом берете, круглых очках, весь в губной помаде.

— Ты, наверное, про Дениса Егельского говоришь? Ты познакомился с ними?

— Ага, в своем роде познакомился. Я зашел в крайнюю комнату перевести дух от этой кутерьмы, они там стояли. Уставились на меня, как на стул, который умеет ходить.

— Он художник.

— А Георгий Гурьянов — это барабанщик «Кино»? Ты его знаешь?

— Немного. У него мастерская в соседнем доме.

Голос Алексея становился все более вязким и глухим. Он почти спал. Какое-то время братья молчали, погруженные каждый в свои мысли. Прошедший вечер оказался настолько полным, что сил на разговоры не осталось. Их охватила странная истома, вяжущая и новая на вкус, похожая на стрессовый шок после аварии. Все вроде бы было как надо, но новизна момента, вся эта суетливая мешанина, усталость и личные переживания каждого слились сейчас для них в снотворное молчание.

На столе между стаканов и бутылок мятежным огоньком колебалось пламя догорающей свечи. Чадящий кончик пламени выплясывал в ярко освещенном гроте, покрытом восковыми слезами. В этом догорающем микрокосме взоры молодых людей увязли, сон стал подбираться к ним сквозь сомкнутые ресницы и очень скоро одержал свою очередную победу.

4

Андрей проснулся поздно. Сон не принес расслабления, и все из-за того, что накануне он не смог заставить себя раздеться и рухнул в неразобранную кровать, как в манящий темный омут. Сны были разные, но запомнить удалось немногое. Лежа на спине и припоминая подробности, он, как и обычно при пробуждении в этой комнате, разглядывал путаные сетки трещинок среди лепных падуг потолка В их хаотическом переплетении он различал что-то похожее на очертания собачьей морды. Собака ли это или что-то иное, точно уловить было сложно, и Андрей вызвал в памяти еще несколько случайных изображений, виденных им на протяжении жизни в разных непредсказуемых местах: дома на полу в туалете, в школьном классе, на фасаде дома, на слегка подсохшем асфальте после дождя. Он улыбнулся, припомнив, что тогда даже боялся некоторых из них, был уверен, что это не просто пятна и тени, а наблюдающие за ним существа с неясными замыслами и непостижимыми возможностями. Но сейчас в ярко освещенной

комнате эта странная собака на потолке вроде бы даже симпатизировала ему. Взор медленно поплыл в сторону и стал обшаривать верхнюю кромку обоев с затейливым сочетанием оливковых ромбов на сером фоне. Из стены напротив кровати торчало несколько почерневших от времени гвоздей. С первых дней в этой квартире, пытаясь приукрасить обстановку, Андрей повесил на них свои неработающие часы «Swatch» и старую картинную раму с облезшей позолотой.

Где-то в глубине квартиры заиграла музыка и послышались голоса.

«Опять гости», — с неудовольствием подумал Андрей.

Он потянулся всем телом, перевернулся и, свесив голову, заглянул под кровать. Старые паркетные шашки были покрыты хлопьями пыли, там же валялись давно потерянные носки, окурок и заброшенная книга. Ощущение несвежести еще усиливалось пыльными окнами в эркере. Андрей сел на кровати и убедился в том, что со вчерашнего дня вид за этими окнами нисколько не изменился. Все так же текла серая Фонтанка, за рустованным забором маячила больница для душевнобольных, и над всем этим высился ультрамариновый купол Троицкого собора.

«Привет, психи! — мысленно поздоровался Андрей с обитателями дома напротив. — Ну и грязь. Тьфу! Н-надоело…»

Борясь с нарастающим внутренним раздражением, Андрей стал размышлять, с чего бы начать новый день, и понял, что спасение в одном — в уборке. Он вскочил и побежал навстречу этой идее.

На кухне, в майке и рваных на коленях «Levis», варил кофе Алексей.

— Привет.

— Привет! Какие планы?

— Думаю заняться наведением порядка в комнате. Да и везде не помешало бы.

— А-а! — зевая, ответил Алексей. — Ну, ты начинай, а я прогуляюсь и скоро приду. Помогу.

Уборка началась, но пошла не в том направлении и не удалась совершенно. Подготовительный процесс под «Bronski Beat» превратился в разглядывание найденных журналов «Наука и жизнь» восьмидесятых годов. Вместо уборки удалось немного поностальгировать — с первой страницы журнала на Андрея внимательно смотрел Брежнев. Парадный портрет был опубликован по случаю смерти генсека.

— Леня, старый хрыч. Говно ваша КПСС, но все равно спасибо за тишайшее детство.

Андрею припомнилась целая вереница детских впечатлений,

в которых так или иначе фигурировал бровастый орденоносец. Первое тянулось из начальной школы, когда учительница Александра Андреевна Орел, волевая и решительная женщина, закончившая войну в Берлине, готовила их к вступлению в начальную политячейку. Стать «искорками Октября» можно было только в одном случае — произнеся символическую клятву верности красной звездочке стоя посередине огромного актового зала школы. Андрей вспомнил, как на куске ватмана он рисовал красный от развернутых знамен иконостас с лежащим на барабане манускриптом клятвы.

Позднее, при еще более торжественных обстоятельствах, он стал пионером. Это происходило на улице, у памятника Ленину. Отбросив длань с оттопыренным пальцем, чугунный вождь стоял на постаменте у горисполкома. Под бой барабанов всем повязали алые галстуки и буквально тут же дети узнали, что этот палец у Ильича — не только перст указующий: при определенном ракурсе сзади он превращался в слабоэрегированную пипирку, что до слез потешало новоиспеченных пионеров.

Потом было вступление в уже совершенно недетскую организацию Ленинский комсомол, к чему-то вспомнились пионерлагеря, в которые он наездился в детстве, Олимпиада-80, а затем и похороны Брежнева в прямом телеэфире. Старший брат Леша, бывший тогда десятиклассником, пришел на телепохороны в империалистической майке «Adidas» и стал эпицентром грандиозного скандала с публичным бичеванием перед строем школьников, обвинениями в фашизме, вызовами родителей и угрозами выдачи какой-то страшной справки. Но все обошлось.

Где-то в глубине квартиры давно и настойчиво звонил телефон. Поднявшись с пола и очнувшись от своих грез, Андрей добежал до аппарата и с последним звонком сорвал трубку:

— Але!

— Андрюха! Это Леха! Я из автомата. Совсем забыл, я вчера договорился с Тимом. Он должен прийти к нам около трех со своим шведским другом, у них какое-то дело, хотят поговорить. Впусти их, я сейчас буду, я рядом с домом, на Садовой.

— Хорошо, только купи, пожалуйста, что-нибудь поесть.

Спустя полчаса в гостиной действительно собралась компания. Тим пришел в сопровождении светловолосого мужчины в джинсах, кожаной жилетке и элегантных очках. На вид ему было лет тридцать пять, и он оказался звукоинженером из Стокгольма, работающим в Ленинграде по контракту. Звали очкарика Лукас, он разговаривал только по-шведски и поэтому преимущественно молчал, с интересом разглядывая пыль веков на потолке и стенах зала. Они, очевидно, уже обо всем

договорились, и сейчас Тим разворачивал подробности своего проекта.

— Алекс! You know, вы и так отдыхаете с друзьями по пятница и суббота. Но нет equipment У Лукас есть not expensive amplifier, loud speaker. You play music on the tape. That's So strange. У меня есть предложение: я куплю для вас аппаратуру, И мы станем партнерами в вашем pri vat clab. What do you think?

— Ты знаешь, Тим, у нас клубом называется то место где пенсионеры в оркестре играют. — Алексей рассмеялся.

— Нет. Ты не понимаешь. I mean night clab. Я думая, что вам нужно к своему отдыху относиться как к бизнесу.

— А в чем бизнес-то? У нас собираются друзья, которых мы любим, все отдыхают. Все знают друг друга. Это же компания друзей, — возразил Алексей, разводя руками.

— Точно. Это то, что я хотел тебе предложить. Вам нужно делать компания, который будет этим заниматься.

— Чем этим?

— Intertainment. Ты пойми, я хочу тебе помочь.

Тут Лукас заговорил с Тимом и достал из внутреннего кармана свернутые листки каких-то проспектов. Он говорил, водя по странице пальцем, а Тим переводил на ломаный русский.

— У Лукас в Стокгольме студия. Там есть оборудование, которое вам подойдет, недорогое.

Закончив разговор с Лукасом, Тим стал подробнее пояснять суть своего предложения: на следующей неделе Лукас привезет усилитель, пульт и один пластиночный проигрыватель «Technics», и все это продаст Тиму за две тысячи крон. Тим, в свою очередь, привезет все это на Фонтанку и передаст ребятам с условием рассчитаться потом или стать партнерами. Неожиданные перспективы, открывающиеся за этим предложением, взволновали Алексея, и он стал грызть ногти.

— Что ты думаешь? — спросил Тим.

— Да, конечно, отлично, здорово, супер.

После этих слов разговор закрутился вокруг того, как бы формально закрепить общее намерение. Разливая чай по кружкам, Андрей, как старый канцелярист, предложил перевести все на бумагу и тут же на тетрадном листке подготовил «рыбу» интересующего всех контракта. За этим занятием их застал пришедший невесть откуда Миша. Бегло вникнув в суть вопроса, он завладел проспектами и стал изучать позиции, обведенные фломастером Лукаса.

— Алекс, а как ты хочешь называть это все? — спросил Тим.

— Я уже придумал название. «Танцпол», — ответил Алексей.

— What do you mean? — не понял Тим.

— Это слово с несколькими смыслами. Во-первых, это место, пол, на котором танцуют. А во-вторых — пол, все равно что секс в английском. Ну как род, что ли. Род человека танцующего. Understand?

— «Танцпол»? That's great.

После ухода Тима и Лукаса друзья еще долго сидели у круглого стола, обсуждая, как им модернизировать квартиру, чтобы максимально приспособить ее для танцев. Алексей давно придумал идею светового эффекта на стене и сейчас, схватив телефонную трубку, навертел номер.

— Алло! Дворец пионеров? Алло! Здравствуйте, а можно Колю? Коля? Привет, это Хаас. Слушай, у меня к тебе дело. Нужна твоя техническая мысль. Давай увидимся, ну когда? Хоть завтра. В два? Договорились.

Алексей повесил трубку и стал что-то чертить на листке бумаги.

— Этот Коля — настоящая научная личинка, электронщик из Дворца пионеров. Он у них там светом на сцене занимается. Хочу заказать ему устройство, наподобие бегущих огней, но сложнее.

— Зачем? — спросил Андрей.

— У нас есть стена справа от камина, она получается в центре танцпола. Я давно думал, что было бы здорово придать ей вид оптического тоннеля, уходящего вдаль уменьшающимися светящимися квадратами. Что думаешь?

— Круто! А как это сделать?

— Из очень маленьких лампочек.

— Ну, с прибором понятно, а кто сможет собрать все эти лампочки, ты? — спросил Андрей с сомнением.

— Нет. Помнишь, Ангола приводил к нам своих дворовых друзей? Они еще рассказывали, что учатся в морском радиотехническом училище, а живут в казармах, на Лермонтовском?

— Они дети! Им по четырнадцать лет.

— Какая разница? Они рвутся в бой и дружат с проводами. Звони Анголе.

Как говорится, сказано — сделано. На неделю все погрузились в работу и украшательскую суету. Андрей повесил по углам комнаты имеющиеся колонки, Миша оклеил стены танцпола алюминиевой фольгой, а два молоденьких курсанта и Ангола собрали сложнейшую цепь из трехсот двадцати маленьких лампочек. К концу четверга светотехнический проект был закончен, и волнующийся Коля-световик нажал кнопку на своем приборе. Эффект превзошел самые смелые ожидания. В темной комнате вспыхнул светящийся квадрат размером три натри

метра. Поколебавшись миг, он стал распадаться, и уменьшающиеся квадраты побежали по направлению к центру. Скорость и направление их бега менялись, зрители пришли в состояние эйфорического восторга. Все огни Лас-Вегаса и голливудских ресторанов не смогли бы доставить столько радости, сколько принесли Колин технический гений и моряки с паяльниками. Лазерщик из Мюзик-холла Гоша Копылов подарил клубу прибор д ля получения ультрафиолетового света и сказал, что перед вечеринкой принесет отсутствующую ртутную лампу и покажет, как все работает.

Все эти приготовления вкупе с расползающимися слухами о новом оборудовании принесли свои плоды. К пятнице телефон звонил и днем, и ночью. Бесконечная вереница старых друзей и знакомых извещала, что скучать друг без друга более нельзя и они непременно зайдут повидаться.

Тим сдержал слово, и в пятницу вечером к дому подкатила старенькая «вольво», из которой вышел Лукас. С любопытством, с каким смотрят на новорожденного, все взирали на заносимые в квартиру коробки. На столе стояли распакованный усилитель, кассетная дека «Aiwa», пульт «Vestax» и проигрыватель «Technics» с одной иголкой. Все было подержанное, но это нисколько не уменьшало невероятность момента и не снижало градуса всеобщей радостной суеты. По мелочи Лукас привез еще кучу проводов, наушники, поворотную лампу-фару и, что самое неожиданное, два десятка пластинок с house-музыкой. Несколько часов все возились вокруг металлической стойки на колесиках, в которую слоями установили все оборудование. К часу ночи коммутация была собрана, и все услышали первый звук с виниловой пластинки. По сочности, чистоте и интенсивности он на порядок превосходил уже ставшее привычным вялое звучание кассетных записей, да и мощность звука с новым усилителем возросла вдвое. Все по очереди застревали над проигрывателем, изучая это чудо техники, запуская освещенную специальной лампочкой пластинку, резко ее останавливая и по всякому меняя скорость вращении. Изумляли и возможности пульта, способного одновременно соединить всю имеющуюся аппаратуру и смешивать звуки с разных линий. Молочная тележка превратилась в алтарь, перед которым все по очереди стояли на коленях, вожделенно читая наименования разных штепселей.

Все, час пробил. О да! Одержимость новым звуком была настолько сильна, что возникло желание вообще не ложиться спать. Но сон сморил всех, и перед бурей следующего вечера наступило утреннее затишье.

Бам! Бам! Бум!!!! Ба-ба-бам! Ш Птс-с, птс, бум!!! Бамс, бамс, бамс!!!!!!

Счастливо улыбаясь или смеясь, в постоянно распахнутые двери квартиры входили всё новые и новые лица. Гости прибывали группками и поодиночке, создавали в прихожей водоворот из тел, который растекался потом по двум направлениям: прямо в гостиную и налево в комнату, соседствующую с танцполом. Вечер только начинался, и прогуливающиеся из комнаты в комнату осматривали изменения в интерьере и весело обменивались впечатлениями. Наибольший интерес вызывала фигура Алексея, отстраненно стоящего у аппаратуры с наушниками на голове. В образе диджея он был настолько загадочен, что некоторые из старых знакомых даже не решались подойти поздороваться. Щуря глаза, Алексей приветствовал всех качанием головы, крутил ручки на панелях приборов и поминутно прикладывал ухо к наушнику. Вокруг него образовался круг зрителей, зачарованно наблюдавших за небывалым действом. Из ярких конвертов Алексей доставал пластинки, вчитывался в надписи на яблоках и осторожно ставил их на проигрыватель невиданной формы. Восторженный шепот и всеобщий интерес собрали вокруг него настоящую толпу, и окончательно запруженная комната перестала быть проходимой.

Буме! Буме! Птс, птс!!!

В это же время в танцполе, внутри каминного очага Миша колдовал над ультрафиолетовой машиной. Прибор состоял из гудящего ящика с красным огоньком и странной лампы с темно-синим непроницаемым стеклом. Нажимая кнопки на ящике, Миша добился желаемого эффекта, резко щелкнув, лампа стала разгораться, и в воздухе запахло озоном. Эффект был настолько неожиданный, что раздались радостные возгласы, и люди с хохотом повалили на танцпол, показывая друг на друга пальцами. Свечение лампы усилилось и стало невероятно ярким. Общий свет куда-то провалился, из коричневой мглы ярчайшим сиянием вылезли белые фрагменты одежды, светились белки глаз и зубы, незаметные пятна, оставшиеся после стирки, нитки, а у некоторых даже перхоть на воротнике. Волшебный фонарь прибавил драматизма, и на оживившемся танцполе музыка заиграла чуть громче. В тот же миг на полке каминного зеркала вспыхнул свет, неожиданно и резко он махнул через всю комнату над головами гостей. Девушки взвизгнули и стали подставлять под яркий луч ладони, а он заметался по комнате, разрезая в движении табачные вихри. Музыкальный ритм набрал темп и

мягко захлопал по спинам танцующих басовыми волнами. Музыка стала осязаемой, и танцпол пришел в движение. Затанцевали все неожиданно и сразу, легко, без предварительной разговорной прелюдии под шампанское. Танцпол заполнился несколькими группками, в центре которых были Настя Смирнова, Денис Егельский, Андрей Медведев, Тимур Новиков, Наташа Пивоварова, Адриан Аникушин и Габриэль с Яночкой. Когда плотность среди танцующих стала максимальной, включился световой тоннель, и огоньки уменьшающимися квадратами побежали вдаль, пробивая в темной стене трехмерную перспективу.

Щелкая клавишами на магнитофоне, Алексей посматривал в зал и слушал в наушники куски следующей песни. Он пытался сохранять спокойствие, но нервный трепет пробирался в грудную клетку, ему было жарко и немного кружилась голова. Стараясь не сбиться с ритма и не прозевать концовку еще незнакомых песен, он так нервничал, что не мог даже прикурить сигарету. Рядом с ним стоял десяток ближайших друзей и Тим, одобрительно улыбающийся и потряхивающий головой. Алексей впервые играл за пультом, и не все получалось с миксом, но, по счастью, на это никто не обращал внимания. Общая восторженность была настолько велика, что все друзья, проходившие мимо, протягивали ему свои напитки, но он, как опытный стайер, счел за благо не пить и подставлял только щеку для поцелуев приветствовавших его дев. До этого дня на Фонтанке музыку ставили на кассетах, и танцы постоянно прерывались из-за того, что приходилось мотать пленки. Еще вчера это казалось нормальным, и на вынужденные паузы между танцами никто не обращал внимания. В основном звучали: Джимми Соммервиль, «Dead or Alive», «Snap», «OMD», «Technotronic», «Fun Young Cannibal» и Мадонна.

Музыка привезенная Лукасом на пластинках, была настолько свежая, что некоторые песни повторяли, к всеобщему восторгу, по нескольку раз. В какой-то момент усталость и нервное напряжение достигли своего эмоционального предела, Алексей включил целиком записанную кассету и буквально отшатнулся от пульта.

— Отдохну немного, — улыбаясь, прошептал он.

— Круто, Леха! — прокричал над ухом Игорь Длинный. — А что за пульт? Ага… Дорого стоит?

— Леша, хочешь шампанского?

— Да, можно… Ну как, нормально?

— Супер, — заверил Алексея брат. — Ты видел, как все

выплясывали. Пойдем в крайнюю комнату, покурим. Там тебя человек сто дожидается.

«Крайней» называлась тридцатиметровая комната с двумя окнами на Фонтанку, расположенная за спальней Андрея. Сейчас в ее центре собралась большая компания пестрой молодежи, на полу стояли бутылки из-под шампанского, а в воздухе висел душистый запах травы.

— Леша, ты, наверное, со всеми знаком, хотя нет — познакомься, это Олег Котельников, — сказал Тимур. — Это Андрей Крисанов и Паша, они братья.

— Я Виктор, а это Алиса, — сказал элегантно одетый молодой человек в очках.

«Крайняя» комната была самой дальней и потаенной (насколько это возможно) частью этой квартиры, где при большом скоплении гостей всегда возникала необходимость в уединенном месте. Никто не контролировал ее, но как-то само собой установилось, что гости, не приглашенные особым знаком, проходили мимо ее закрытой двери. В этой комнате на присутствующих распространялась такая близость, которая позволяла всем в пределах этого круга доверительно общаться даже с незнакомыми людьми. Благожелательность была основным качеством, открыто демонстрируемым всеми, а общим было полное отсутствие малейшего напряжения и недружелюбия. Всех собирающихся в Фонтанной квартире приятно раскрепощало отсутствие инородных персонажей, случайных или нежданных лиц, а также людей, не умеющих себя вести.

Алексей провел больше часа на вершине необыкновенного эмоционального подъема и сейчас был весьма доволен всем происходящим. Ему стало казаться, что вся эта круговерть, наполняющая квартиру людьми и звуками, нормальна и естественна, что она всегда была вокруг него. Слегка опьяневшим от переполнявших его чувств взглядом он смотрел на окружающих, многие из которых были чертовски известными и увлекательными людьми, теми, о ком он много слышал, а сейчас вот так запросто стоял и дружески разговаривал. Некий круг посвященных внутри этой модной компании негласно существовал, и новички попадали в него только при условии их индивидуальной, а лучше художественной значимости. Алексей понимал, что с этого момента он — полноправный участник этого круга людей нескучных и трепетных, живущих легко, не считающих дней, людей, к которым он тянулся и с которыми давно считал за счастье познакомиться. Теперь он стал героем, доказавшим всем свою преданность, на него были устремлены приветливые взгляды, к нему тянулись рукопожатия. Магия

момента полностью захватила его и, испытывая прилив необыкновенной нежности, он решил сделать то, что могло улучшить всем настроение. Алексей выбрался из гудящей комнаты, обошел квартиру и, вернувшись к музыкальной стойке, поставил полюбившуюся всем пластинку. Зал огласился радостными воплями и вместе с нарастанием басового ритма царившее в квартире веселье приняло всеобщий характер.

Борясь с накатывающими людскими волнами, Андрей пробирался к своей комнате. Эя ним следом, поминутно застревая на два слова у разных компаний, шествовали Длинный и художник Захар. Троица собиралась поболтать в комнате Андрея и спокойно распить шипучего вина. В комнате было тихо и прохладно, но привычный порядок вещей нарушала странная тень в эркере. Опешив поначалу, Андрей пригляделся и увидел, что тень шевельнулась и оказалась парочкой, забравшейся в темную комнату целоваться.

— Ага! — громко крикнул Длинный, топнув ногой. — Попались!

— Мы, э… извините…

— Да ладно. — Длинный покровительственно махнул рукой. — Я пошутил! Ха-ха-ха!!

Всем стало легче и свободней. Девушка засмущалась и спряталась за спину друга, а молодой человек вышел из тени.

— Я Марат, — представился он, — А это Аня.

— Ну что же, у нас один стакан, — с ухмылкой сообщил Длинный, скручивая фольгу с бутылочного горлышка — А я тебя знаю. Ты с Зайцем в соседнем доме у бани живешь, да?

— Ну да еще Стен с нами. Но там не очень удобно. Вернее, совсем неудобно. К Зайцу ходят толпами бабы — невозможно работать.

Марат оказался веселым молодым человеком, одетым на современный манер: майка, голубые джинсы, мокасины на босу ногу. Он сразу и легко вступил в беседу и рассказал о себе много интересного:

— Мы теперь тоже здесь будем жить.

— То есть как здесь? Прямо здесь? — спросил Андрей с едва заметной улыбкой.

— Да нет. Я съезжаю от Зайца и переселяюсь в этот дом. Я нашел здесь квартиру. Сейчас с домоуправом договариваюсь. Под мастерскую, три комнаты, по дворе, зато дешево

— А-а! А ты чем занимаешься? — спросил Длинный

— Я же говорю, под мастерскую, картины рисовать.

— Так ты художник? — насмешливо поинтересовался Захар.

— Чего рисуешь? Маслице?

— Да ладно! Я что, похож на бородача из ЛОСХа? — Марат засмеялся.

Пол в комнате ощутимо вибрировал в такт бухающей за стеной музыке: бумс-бумс! Тс-птс!

Под утро в квадратной комнате, где танцевали, стало настолько жарко, что кто-то додумался распахнуть окна и впустить в помещение вихрь прохладного воздуха. Утро ввалилось в зал и стало здороваться со всеми свежим вздохом. Цвета в помещении поблекли и, отступив перед колышущимися силуэтами, превратились в полутона. За окнами разгорался белесый день, какой бывает ранней осенью в землях севернее восемьдесят седьмой параллели, день зачинался без рассвета, в этом сумраке уже различались дали города, да каплями дождя на тротуаре подсыхала ночная влага.

В квартире наступал миг всеобщего единения, настоящего, чистого единения молодых душ, без повода и какого бы то ни было предварительного сговора. Каждый по-своему ощущал этот божественный миг, что-то чувствуя, не зная точно, что. Танец был уже общим. В нем перестали существовать по отдельности, закрыв глаза, танцующие сообща тянули вверх свои руки. Те, кто не присоединялся к танцу, уже не имели такой возможности и зачарованно наблюдали, столпившись в дверных проемах. Так продолжалось до тех пор, пока свежий воздух не проник в помещение и не остудил головы танцоров. Продержавшись на этой высоте еще несколько минут, волна радостного воодушевления стала медленно спадать и через некоторое время совсем покинула комнату. Музыка стихла и превратилась в утреннюю мелодию, приятно знакомую и немного грустную.

Алексей уже давно бросил играть и сидел на подоконнике в центре образовавшегося вокруг него полукруга друзей, большая часть гостей разошлась по домам, и за круглым столом с лампой для приятных бесед собрались те, кто никуда не спешил и мог посмаковать утреннюю истому после бурной ночи.

— Спасибо, господа, за прекрасный вечер, — обращаясь сразу ко всем, сказал Тимур.

— Да, великолепно, браво-браво! Просто супер! — подхватили все, одобрительно улыбаясь братьям.

— А вы устроите еще что-то подобное или сегодня был какой-то специальный повод? — поинтересовалась Ира, миловидная девушка с кудрявыми волосами, поющая в группе «Колибри». — Она кокетливо улыбалась молодым людям, пытаясь смутить всех по очереди.

— Да нет. Повод один — провести время, — откровенно признался Леша. — Мы решили теперь регулярно приглашать друзей на такие вечеринки по субботам.

— Да, самая настоящая house-party, — сообщил Тимур. — Я был в Нью-Йорке, в подобных мастерских, где утраиваются вечеринки. Но там немного не то. Обычно это какой-нибудь ангар, а чаще заброшенная фабрика, и на окраине. Здесь у вас совсем по-другому: шикарная квартира, Фонтанка из окон. Красота.

В комнате появился мрачный кот Пицца, прятавшийся всю ночь под ванной. Нервно помахивая хвостом, он недоверчиво осмотрел незнакомых людей, настороженно оценивая свои перспективы поесть. Испытав на протяжении ночи свою еженедельную порцию ужаса, он остро нуждался в пище, чтобы хоть как-то совладать с этой встряской своих слабых кошачьих нервов. Но в квартире кроме соли, чая и пакета лаврового листа за газовой трубой не было ничего съестного. Кот молча страдал, проклиная house-party, о которой так лестно отзывался Тимур.

— Кис-кис-кис! — одновременно позвали его несколько человек.

— Как его зовут? — умиленно спросила Ира. — Какая прелесть!

— А его зови не зови — все равно не придет. Он у нас дикий, — сообщил Миша, разливая чай по стаканам.

— Леша, а можно на следующей неделе я приглашу к вам двух своих друзей? — осторожно поинтересовался Денис Егельский. — Это прекрасные молодые люди, и они очень хотят попасть к вам в гости.

— Денис, это место в той же мере ваше, в какой и наше. Мы будем очень рады, если все друзья и приятные люди будут приходить потанцевать.

— Спасибо, очень мило.

Андрей вышел из гостиной и направился в танцпол. Музыка на кассете давно кончилась, и динамики легонько гудели, отдыхая после многочасовой работы на полной мощности. Он выключил одну за другой все светящиеся кнопочки на панелях, погасил уже никому не нужный свет и вернулся к компании.

— Леша, а ты виделся сегодня с Африкой? — спросил Тимур.

— Я видел его, но не разговаривал, а что?

— Они заходили сегодня с Ирэной, но ты И1рал. Они были недолго и звали нас утром на чай. Хотите, пойдем с нами? Они в мастерской, радом с вами на Фонтанке.

— Я с удовольствием, — ответил Алексей. — Ты пойдешь? — спросил он у брата.

— Пошли, — волнуясь оттого, что на него обратили внимание, сказал Андрей.

Все стали собираться, а Алексей заскочил в свою комнатку переодеться.

— Миша, — крикнул Леша уже на лестнице. — Мы скоро будем.

— До свидания, Миша! Пока! — попрощалась вся компания, спускаясь по лестнице.

— Пока, — с легкой досадой прозвучал из глубины квартиры голос Миши.

Было восемь утра или что-то около того — часов ни у кого не было. Несмотря на время года, неожиданно ярко светило солнце и по бледному небу неслись раздувы белых перистых облаков. Разбившись на парочки, оживленная компания двинулась по гранитной набережной Фонтанки.

— Леша, а Африка — это тот, который в «Ассе» снимался? — спросил Андрей у брата.

— Да. А ты с ним не знаком?

— Я вообще о нем много разного слышал: что он с «кино» играл, с Курехиным, что он художник.

— Да. Но ты видел его у нас много раз, наверное, просто не общался. Он очень интересный, тебе понравится. Тебе вообще нужно знакомиться с новыми людьми, а то ты какой-то нелюдимый. Расслабься.

Борясь с приступами сомнения и нерешительности, Андрей задумался и, шагая рядом с братом, представлял себе что он сейчас увидит. Андрей уже давно слышал имя Африки в разных контекстах и, за последний год немного разобравшись в табели о рангах городского андеграунда, стал определенным образом представлять себе этого человека. Африка был знаком и дружен со всеми известными и модными людьми в этом городе. Андрей

вспомнил, как, вернувшись из армии, он ходил на показ «Ассы» в кинотеатр «Родина». Просмотр тогда был затруднен постармейскими головокружениями, и сейчас сам фильм ему помнился плохо. Остались в памяти лишь несколько сцен: дерзкое исполнение песни про старика Козлодоева на дне рождения какого-то авторитета и как после этого и всего остального уголовники топили труп Африки, сраженного в расцвете лет по вине артистки Друбич.

Дом, в котором обитал Африка, располагался на нечетной стороне Фонтанки, между Подьяческой и проспектом Майорова Шестиэтажный доходный дом с мансардой имел огромный парадный подъезд с множеством надписей на стенах и плохо различимыми следами дореволюционной роскоши. В бельэтаже был лифт, но такой маленький и узкий, что компания смогла подняться, лишь разбившись на две группы. Андрей стоял в лифте, не имея возможности пошевелиться, и разглядывал неприличную надпись на стене перед собственным носом. Мастерская располагалась в мансардном этаже с достаточно высокими потолками, большая стальная дверь была распахнута, все вошли и встретились с хозяином. Африка появился в стеганой куртке коричневого бархата Я поздоровавшись с гостями, пригласил всех на кухню.

Мастерская начиналась с порога невероятным нагромождением всевозможных рулонов, пачек и коробок. Все проследовали на кухню, а Андрей, любопытствуя, стал осматриваться. Слева находился узкий, заставленный старинной мебелью кабинет, прямо от входа шел коридор в жилые комнаты, справа размещалась просторная кухня, из окна которой были видны небо и крыши домов. Играла музыка, все расселись по креслам вокруг заставленного посудой круглого стола и стали беседовать. Африка определенно обладал страстью к собирательству всякой всячины. Эта страсть в сочетании с живой фантазией превратила его жилище в занятное и по-своему неповторимое место. На стенах соседствовали фотографии, картины, иконы в киотах, плакаты, вымпелы, наклейки, знамена и рисунки фломастером. Полки и стеллажи были завалены книгами, журналами, видеокассетами, коробками, статуэтками, бюстами Ленина, макетами кораблей и подводных лодок, странными приборами и, возможно, еще сотней предметов разных времен и назначений

Разговор на кухне крутился вокруг прошедшего вечера и приятных преобразований в веселой квартире.

— Здорово то, что у вас происходит, потому что, когда хочется куда-нибудь пойти повеселиться, становится ужасно

скучно, потому что пойти-то и некуда, — воодушевленно жаловался Денис.

— Да, это точно. Слушай, Леша, я сегодня видел, вы обзавелись аппаратурой? — спросил Африка.

— Да, но если продолжать этим заниматься, то нужно развиваться, — ответил Алексей.

— Браво, браво! Ты просто стихами говоришь, — засмеялась Настя.

Паровозным свистком на плите вскипел чайник, и Тимур стал готовить утреннюю папиросу. Одной рукой заваривая чай в пузатом чайничке, а другой переключая пультом телевизионные каналы, Африка обратился сразу ко всем:

— Сегодня ночью смотрел по спутнику, как Горбачев приехал в Берлин. У него после развала стены популярность в Европе больше, чем у Папы Римского. Но то, что он говорит, не может перевести ни один переводчик.

— Да! Когда он разговаривает, я тоже половину слов не понимаю, — со смехом подтвердила Настя.

— Я думаю, он сумасшедший, — высказал свое мнение Денис.

— «Так вот где собака порылась!» — может нормальный человек такое сказать?

— Что-что? — переспросил Алексей, смеясь.

— Это его новый хит, — сказал Африка. — Не слышал?

— Нет. У нас и телевизора-то нет.

— А мне еще нравится: «Окультуриваться нада!», — со смехом добавил Тимур. — Забавно, что такой весельчак управляет всем этим бардаком. Но нам же, господа, и лучше Коммунизм рухнул, капитализм еще не наступил, так что возможен расцвет культуры. Тем более что нам от прежней власти ничего, кроме психушек, не перепадало, а новая, хоть и не помогает, но, по крайней мере, не преследует. Так что нам, ратникам искусства, все на руку, — мечтательно улыбаясь, закончил Тимур.

В этот момент на кухню мягко вошла высокая белокурая девушка в красивом шелковом халате. Плавность и грациозность были в ее движениях и в том, как она оправляла на ходу раструбы больших рукавов. Она была в легких шароварах лилового цвета и в расшитых разноцветными блестками восточных туфлях с загнутыми вверх заостренными носами.

— Здра-а-авствуйте, господа! — протяжно пропела она, улыбаясь всей компании.

Слегка наклонившись, она подставила Тимуру и Денису щеку для дружеских поцелуев, а после очаровательно улыбнулась и

поздоровалась с остальными.

— У вас сегодня было очень весело. Жаль, что Сергей торопился и мы не остались, — сказала Ирэна, проводя длинными пальцами в перстнях по своим волосам. — Вы не спали еще?

— Нет, — с улыбкой ответил Тимур. — Такое прекрасное утро, знаете ли…

— Господа, я с гордостью хочу показать вам наш первый выстраданный номер журнала — «Кабинет». Мы только вчера их получили, — сообщила Ирэна, разрезая ножницами оберточную бумагу на увесистой пачке.

Она вынула несколько экземпляров книги в твердом переплете с золотым тиснением на черной обложке и передала их Тимуру, Денису, Насте и Алексею.

— О чем журнал? — спросил Леша, разглядывая издание.

— О современном искусстве, безусловно, — ответила Ирэна, шутливо растягивая последнее слово. — Печатался у Мити Шагина на первом в городе ксероксе.

— «Кабинет»! Какая прелесть, — весело сказала Настя. — Так-так, редакционная коллегия: ученый секретарь — Ирэна Куксенайте, редакторы — Виктор Мазин, Олеся Туркина, Ринад Ахметчин…

Спустя полчаса, вдоволь наговорившись, все стали прощаться с хозяевами.

— Леша, заходите к нам в гости, вы же практически в соседнем доме, — пригласил Африка. — Андрей, заходи тоже.

— Мы тоже ждем вас, приходите в следующую субботу на вечеринку, будем рады, — сказал Алексей, пожимая Африке руку.

6

Неделя прошла быстро. Хождение по гостям и праздность были позабыты, их вытеснили живые эмоции и воодушевленная подготовка к следующей субботней вечернике. Как обычно, суету и оживление привнес Миша. Он тщательно обследовал район и в одном мрачном доме на Садовой обнаружил продуктовый магазин, который не справился с экономической ситуацией и тихо умер. Окна магазина были заколочены фанерой, а на фасаде висела теперь уже никому не нужная внушительная вывеска «Гастроном» с длинной подчеркивающей линией. Именно лампы, образующие эту линию, Миша и предлагал похитить. Но вопросов было предостаточно: днем или ночью, тайно или в открытую? Припомнилась кинокартина «Старики-разбойники», и после этого

решили действовать днем. Следуя сценарию фильма, у знакомого грузчика в ночной булочной взяли два синих халата и прихватили из дома стремянку. Как это всегда бывает, работа спорилась в умелых руках — уже через час линия стеклянных трубочек была аккуратно разобрана. Для придания своим действиям большей убедительности рабочие разбросали на тротуаре инструменты и громко переговаривались, разбавляя диалоги матом. Легенда сработала, проходившие мимо граждане лишь безучастно посматривали, как мародерствовали синие халаты. Не прошло и часа, как все благополучно прибыли домой с бесценным грузом для новой инсталляции.

Миша проверил трубочки высоковольтным трансформатором, а Алексей с Андреем за ночь смонтировали их. В результате под потолком танцпола вспыхнула ярко-синяя линия, озаряющая комнату мистическим светом. Эффект был строгий, но красивый. Неожиданным было еще то, что он был отлично виден с набережной и давал повод для очередных похвал со стороны друзей, ежедневно приходивших в гости послушать музыку и поболтать.

Всю неделю Алексей слушал имевшиеся у него две дюжины пластинок и тренировался в игре. Длинный, обладавший прекрасным музыкальным слухом, помогал ему скомпоновать пластинки и учил сводить их по ритму ударных. В результате Алексей выучил весь материал и собрал из него ладный полуторачасовой микс. Играл он его не повторяясь и, в общем-то, почти не сбиваясь с ритма. Строгие критики Миша и Андрей прослушали программу несколько раз и под конец единогласно одобрили. Заяц, перманентно присутствовавший в квартире, записывал все, что игралось, на кассеты, чтобы «балдеть под новый музой», как он жизнелюбиво выражался.

В результате тщательной подготовки и тренировок забалдели действительно многие. Всю неделю новости о последней вечеринке кругами расходились по еще большему кругу знакомых, так что в субботу в квартире стало многолюдно уже с восьми вечера.

Компании, собиравшиеся тогда на Фонтанке, требуют отдельного описания.

Нужно сказать, что с самого начала познакомиться и подружиться с обитателями квартиры стала стремиться местная молодежь, проживающая рядом, в районе Садовой улицы, Лермонтовского и Рижского проспектов. Это были простые и, в общем-то, неплохие ребята, они разузнали о существовании места с новой музыкой и мотыльками потянулись к свету, пытаясь быть

полезными, свести знакомство, бывать в гостях. Сначала кого-то из них привел Заяц, а дальше они стали бывать в гостях один за другим. Костяк их дворовой компании составляли: Ангола, Коля, Леша Парикмахер, Кузьма, Ирка, Дима Швед, Саша Ломбах и Масальский.

С первых дней новый сквот посещали разнообразные друзья Алексея, старые рок-клубовские персонажи: Левковский, Клипс, Сергей Заяц, Алекс Оголтелый, Книзель, Баранов, Хрусталева, Кролик — и бесчисленное количество сопровождавших их друзей. Иногда они приходили с травой, почаще всего с портвейном. Музыка, олицетворявшая их время и их самих, медленно, но неотвратимо уходила в прошлое, становясь к началу девяностых вульгарной и депрессивной. Рок медленно угасал, относимый в сторону мощной волной нового электронного мейнстрима. Они еще держались на своих позициях, по инерции делали то, к чему привыкли, но со снятием с рок-музыки грифа секретности, заманчивой ауры запрещённости и бунтарства ощущение настоящей цели у многих пропало, и практически все они вышли из моды. На Фонтанке те немногие из этих персонажей, кто смог адаптироваться к новой музыке, перемешались со свежей формацией молодежи, существующей уже в другом времени. Эти новые выделялись среди серой обыденности, по-новому представляя себе музыку и красоту. Постоянными и всегда приятными гостями на Фонтанке были: Габриэль и Алеша Воробьевы, Яночка и Даня Адельсоны, Сергей Климов, Саша Киселев, Лелик Захаров, Яна Пловчиха, Ира Балетная, Олег Поваров, Викентий Дав, Бета Померанцева. Красивые и интересные, объединенные молодой дружбой, они тянулись друг к другу и ежедневно встречались в этой квартире.

Круг общения рос и стал захватывать самых известных людей того времени — «Новых художников». Феномен художественной и музыкальной культуры Ленинграда перешагнул границы СССР, и к тому времени «Новые художники» были известны уже во всех модных столицах мира. На Фонтанке стали бывать: Тимур Новиков, Денис Егельский, Георгий Гурьянов, Андрей Медведев, Сергей Бугаев-Африка, Андрей Кирсанов, Евгений Козлов, Олег Маслов, Инал Савченков, Олег Котельников. Они привносили в свободное и произвольное общение молодежи ощутимый стиль, одним своим присутствием поднимая общий уровень общения до степени утонченности. Для молодежи эти люди были загадочными и недоступными звездами, к ним тянулись, от них исходила энергия, порождавшая все новые и самые интересные идеи. Именно рассказы Тимура только что вернувшегося из заграничных поездок, натолкнули Алексея на мысль регулярно

устраивать вечеринки, превратив свою мастерскую в закрытый клуб для близких друзей.

Так, благодаря образовавшемуся кругу интеллектуальной молодежи и знаменитостей, квартира стала невероятно популярной как место встреч самых интересных людей. Но на Фонтанку все приходили отдохнуть и лишь избирательно позволяли непосвященным общаться с собой. Впрочем, никто и не позволял себе назойливости или панибратства. Всем было приятно любезничать, и многие даже в разговорах с близкими знакомыми обращались друг к другу только на вы.

Эта как всегда веселая суббота стала примечательна тем, что Георгий Гурьянов пришел с друзьями и состоялся один очень важный для всей дальнейшей истории разговор.

Из Москвы в гости к Георгию приехал его старинный друг Рубен, все звали его Рубик. Примечательная личность, чья армянская семья имела французские корни, Рубик постоянно жил между Москвой и Парижем, являлся всеобщим приятелем и непревзойденным знатоком электронной музыки. Он обладал безупречным вкусом, на много шагов опережал общие предпочтения и снабжал новой музыкой своих любимых друзей, в первую очередь Георгия.

Осмотревшись на вечеринке и понаблюдав за происходящим, он сказал Алексею во время знакомства:

— Все это очень круто, но по-настоящему играть можно или на лентах, или на одних вертушках. А так, как вы, на одном кассетнике и одной вертушке — нереально сводить, не говоря уже о скретче.

— Да, но у нас пока только один «Technics», — отвечал Леша, с интересом посматривая на этого невысокого черноволосого парня. — Да и этот первый в городе. Второй даже взять негде.

— Ты знаешь, пару лет назад мы были в Риге на фестивале и познакомились с классными ребятами. Там был один диджей-самоучка, Мистер Тэйп. Он играл на бобинных магнитофонах. Можешь себе это представить?

— Ну а что тут нового? Раньше на всех дискотеках играли только на бобинах, ничего другого не было.

— Немного не так. Представь себе: он переделал магнитофоны и вставил в них регуляторы скорости. Он научился отлично сводить и при этом делал такой скретч, что башню сносило.

Собравшаяся в комнате компания с интересом слушала занятную историю, а находившийся в приподнятом настроении Георгий уверенно и громко добавил:

— Согласен! В смысле музыки они просто супер. Классно играют.

— Так вот, — продолжил Рубик. — Этот Мистер Тэй послал видеозапись своего сета в Европу на диджей-фестиваль и выиграл главный приз — два «Техникса», — докончил Рубик свой поучительный рассказ.

— Ну и что? — улыбнулся Иван Салмаксов. — Леша же не Мистер Тэйп.

— Сейчас расскажу главное, — продолжил Рубик, — У них в Риге уже несколько человек играют на вертушках, но есть один совершенно классный парень, Янис Крауклис. Вам нужно с ним познакомиться. Я думаю, он с удовольствием приедет, если ему оплатить дорогу. Мы с Георгием уже приглашали его год назад.

— Как приглашали? — изумились слушатели. — Расскажите, Георгий!

— Я думал, вы все знаете. — Георгий улыбнулся и, немного выждав, продолжил: — Я, Тимур и Рубик устроили закрытую гей-вечеринку в ДК Связи и пригласили Яниса. Было здорово, но все испортил их директор. По сути, это была первая вечеринка, и мы все равно остались довольны.

— Я недавно приглашал Яниса в Москву, — сообщил Рубик. — Делал вечеринку для друзей в кинотеатре, но московская публика, вы же ее знаете, большинство вырядились как в ресторан, а половина вообще ничего не поняла. — Он открыл небольшую сумочку, вытащил кассету и протянул ее Алексею. — Вот возьми, послушай. Если понравится, я помогу тебе с ним связаться.

— Может, сейчас поставить? Тут нормальное качество? — заинтересованно спросил Леша, вертя кассету в руках.

— Металлическая пленка, я писал на профессиональном «Teak» прямо на вечеринке.

— Да, действительно! — поддержал Георгий. — Давайте, наконец, послушаем нормальную музыку. Пойдемте!

Большая часть присутствовавших отправилась вслед за Рубиком и Георгием в танцевальный зал. Алексей прослушал пару песен на кассете, подготовился и включил запись — через минуту место у пульта опустело. Квадратная комната, до отказа заполненная людьми, ритмично завибрировала. Легкая и дивная музыка повлекла их, заставила трепетать, овладела сознанием. Звуки понесли воображение танцующих вдаль, в темноту закрытых глаз, все дальше и дальше, заставляя тела двигаться. Разговоры стихли, музыка поборола болтунов, заставила их замолчать и слушать. До этого момента большая часть присутствующих никогда так не танцевала. Это был даже не

танец, а скорее та самая настоящая жизнь, ради которой они и не спали ночами.

Андрей танцевал у окна, выискивая место, где музыка была слышна громче всего. Иногда он закрывал глаза и, кружась, проваливался в яркие видения, а когда приоткрывал их, лишь мельком успевал разглядеть перед собой пляшущие силуэты. Танцевало так много людей, что пол ощутимо раскачивался. Все время его слегка касались чьи-то руки, колышущиеся совсем близко плечи, иногда он сам нечаянно задевал кого-то рядом и, получив взглядом мгновенное прощение, снова окунался в музыку. В самом начале он находился. В сильнейшем возбуждении, и танец его был очень резким, слегающими вокруг тела руками, однако переполненный танцпол сдавил Андрея телами, а выстроившийся об ритм умерил пластику. Теперь он танцевал расслабившись раскачиваясь всей массой послушного тела. В какой-то момент он широко раскрыл глаза и больше не закрывал их. Пот капельками стекал по разгоряченному лбу, но это было даже приятно. Прямо перед ним танцевала черноволосая коротко стриженная девушка в рубашке с яркими цветами. В какой, то миг девушка приоткрыла глаза, улыбнулась ему и тут же затерялась в водовороте тел.

Разгоряченный Андрей выбрался из танцпола и, как будто только что очнувшись от сна, стал недоуменно разглядывать людей, спокойно посиживающих в гостиной. Дергающейся походкой он прошел на кухню и умылся в раковине холодной водой. На низком подоконнике сидела оживленно беседующая компания малознакомых людей. Прислушавшись к их разговору, Андрей понял лишь то, что речь идет о некой Монро, которую собравшиеся называли то он, то она, и что та, которую так зовут, сейчас придет. Пропустив весь этот бред мимо ушей, Андрей стал искать сигареты, и поиск привел его в комнату брата. Эта маленькая и уютная спаленка пряталась от шума квартиры за холщовой драпировкой. Андрей сигарет не нашел и, отплевываясь от табака, стал курить папиросу «Три богатыря». Он присел на корточках у стены и прислушался к рокоту голосов и звукам извне. На стене висела недавно нарисованная братом картина — копия «Лающей собаки» Кита Херинга. Кто-то подарил открытку с этой собакой, и она так понравилась Алексею, что он смастерил из оконной фрамуги подрамник, обтянул его холстиной и перенес на него маслом эту незамысловатую собаку. Херинг был чертовки популярен. Его танцующие человечки были практически у всех на футболках, кепках и записных книжках. Андрей вспомнил свое посещение первой и единственной выставки Херинга в Ленинграде, организованной Иваном Мовсесяном после смерти

художника. Припомнились и рисунки Крисанова, виденные в мастерской Андрея Медведева, и он подумал, что во всем этом есть что-то общее. Дверь приоткрылась, впустив в комнату шум вечеринки, и полог отдернула чья-то унизанная перстнями рука.

— Да! Спасибо, я сейчас, минуточку… — послышался в дверях звонкий голос.

— Владик, не задерживайтесь, Юрис уже приехал, будем снимать кусочек здесь и остальное на Софьи Перовской… — вторил ему чей-то знакомый голос.

— Се-кун-до-чку!!! — по слогам громко произнес тот, кого звали Владик.

Пятясь, он вошел в комнату с черной сумкой на плече, прикрыл дверь и, развернувшись, увидел отдыхающего Андрея.

— Здравствуйте! — громко и театрально воскликнул незнакомец. — Я Владислав! — сообщил он, снимая плащ и начиная торопливо разуваться.

Дверь открылась еще раз — на этот раз вошли Тимур Новиков и Юрис Лесник Огромный, с черными всклокоченными волосами Юрис держал в руках большую сумку и кофр, на котором было написано «Пиратское телевидение».

— Андрей, привет, — поздоровался Тимур. — Плади Вам помочь?

— Нет, нет, я справлюсь. Мне нужно пять минут. Юрис расстегнул сумку, вытащил из нее камеру «Sony» микрофон, провода, штатив и со всем этим хозяйством вышел в сопровождении Тимура.

— Та-ак! — не сказал, а пропел Владислав. — Начнем! А где же зеркало? Ага, вот! Какое маленькое! Вы не поможете мне? Подержите его немного вот так! Нет, нет! Чуть выше, вот так! Прекрасно.

В одно мгновение он практически оголился, оставшись лишь в трусах и носках. Из принесенной сумки он достал розовое платье с пышным подолом и ловко надел его через голову. Не ожидавший ничего подобного Андрей опешил и чуть не выронил зеркало из рук. Справившись со всеми пуговицами и крючками на платье, Владислав натянул на ноги белые чулки, а потом извлек из сумки парик блондинки и аккуратно надел его на голову. Прихорашиваясь и тщательно крася губы, он напевал известную песенку из старого кинофильма. Повертевшись перед зеркалом еще несколько минут, он переобулся в белые туфли на каблуках и, окончательно удовлетворившись получившимся образом, послал своему отражению томный поцелуй.

— Ну вот я и готова! — радостно сообщил Владислав Андрею, продолжавшему стоять с зеркалом в руках. — Большое

вам спасибо за помощь! — бросил он на лету, выбегая из комнаты.

— Пожалуйста, — выдавил Андрей ему вслед, набрав полные легкие папиросного дыма.

Промчавшись розовой ракетой по комнатам и вызвав всеобщее оживление, Владислав оказался в центре подготовленной мизансцены: лучом своей видеокамеры Юрис освещал стену в гостиной, а в пятне этого света «блондинку» поджидала та самая коротко стриженная девушка в рубашке с красными цветами. Из-за громкой музыки и общего гула никому не было слышно, о чем они разговаривали, но было похоже, что улыбающаяся и активно жестикулирующая «блондинка» отвечает на вопросы коротко стриженной. Спустя какое-то время все снова пришло в движение: теперь участники съемки переместились в соседнюю комнату, и яркий луч высветил угол, где у аппаратуры стоял Алексей в наушниках. Коротко стриженная встала справа, Владислав подобрался слева, взял диджея под руку и эффектно, для кадра протянул к его щеке губки бантиком. Алексей двусмысленно заулыбался, и они втроем стали переговариваться, обращаясь то друг к другу, то к камере. Это действие продлилось еще несколько минут и закончилось под аплодисменты присутствующих. Царило необычайное оживление, и под эту веселую неразбериху действующие лица удалились в «крайнюю» комнату.

Только под утро уставший Андрей снова увидел брата: тот таинственно поманил его пальцем и знаком попросил выйти для секретного разговора. Братья уединились в тихом чулане рядом с входной дверью. В этой маленькой пыльной комнатке с одним окном во двор с первых дней была устроена свалка всевозможного хлама, но главным образом там хранилась гора пустых бутылок из-под шампанского и пепси-колы.

— Что-то случилось? — настороженно спросил Андрей, прикрывая за собой дверь.

— Нет. Все в порядке. Э то я просто так, чтобы спокойно поговорить, — усаживаясь на подоконник, успокоил Алексей. — Давай покурим. Слушай, Андрюша, меня Тимур сегодня познакомил с одной интересной девушкой из Германии.

— Что за девушка?

— Катрин Беккер из Берлина, умница, работает сейчас здесь и собирает материал для своей диссертации. До недавнего времени она жила в мастерской на Пушкинской, но там совершенно невозможные условия, и сейчас начались проблемы с властями. Белла Куркова пытается отобрать дом у художников, и,

судя по всему, им всем придется куда-то переезжать. Тимур спросил, не можем ли мы на время приютить Катю. Ей, по сути, скоро негде будет жить. Что ты думаешь?

— Я как ты. Но, по-моему, ты по-немецки только «Хэнде хох!» знаешь. А где она будет жить?

— В моей комнатке, а я перееду в «крайнюю», радом с тобой. А насчет «Хэнде хох!» не переживай — Катя свободно говорит по-русски.

— Леша, поясни, пожалуйста, чтобы я понял, Монро это кто? Это тот молодой человек, которому я сегодня помогал переодеваться в платье? — зевая и растирая ладонью лицо, спросил Андрей.

— Нуда. Владик Мамышев. Как он тебе? Смешной, правда? С ним вообще настоящая история. Рассказать?

— Ага.

— Сделай папироску.

— С удовольствием.

— Так вот. Насколько я знаю, Владик из семьи исполкомовских бонз, так что вырос в брежневском благополучии. Но так вышло, что его тонкая сущность переполнила молодое сознание женскими ощущениями, и он стал тяготиться своей мужской наружностью. К тому времени у него появился кумир, который увлек его на всю жизнь.

— Монро?

— Точно. Владик увидел ее на фотографии и с тех пор стал изменять свой облик, чтобы приблизиться к Монро. В какой-то момент его забрали в армаду, по-моему, туда же, где ты служил, на Байконур.

— А-а. Я слышал об этом, там ходили слухи о каком-то солдатике, который накрасил губы, а потом его сдали в психушку,

— криво ухмыльнувшись, сообщил Андрей.

— Не совсем так, — возразил Алексей. — Благодаря своим талантам Владик стал армейским художником и отдалился от общего армейского безумия, рисуя всевозможные плакаты и стенды. По ночам он запирался у себя в каптерке, переодевался в платье и спокойно расслаблялся, занимаясь творчеством. Ну так вот. Как потом выяснилось, помимо всего прочего, он раскрасил фотопортреты всех членов ЦК КПСС, пририсовав им пышные волосы, серьги, тени над глазами, накрашенные губы и все прочее, так что они все стали похожи на старых трансвеститов. И вот однажды усатый прапорщик с красной повязкой «Дежурный» застукал его после отбоя в окружении этих потрясающих произведений и, будучи неготовым увидеть рядового Мамышева в женском платье, поднял общую тревогу. — Алексей крепко

затянулся из стреляющей семечками папироски, замолчал, но помедлив самую малость, продолжил: — Ну так вот. Все, как ты и говоришь: психушка, доктора. Думали, съехал солдатик от жары. А когда выяснили, что он в полном здравии, то по-тихому выперли его из армии, и Владик оказался дома. Ну, а уж тут в Ленинграде — последний трагический аккорд. Поняв, что открыто жить в любимом образе не удастся, он впал в депрессию и, не найдя выхода из этой трагедии, решил наложить на себя руки. Переоделся в самое красивое платье, надел туфли на каблуках, белый парик, навел красоту, повесил на шею кирпич и пошел в четыре утра топиться на Мойку. На счастье, по дороге его встретил Тимур Новиков, который ехал откуда-то из гостей на велосипеде.

Неожиданная концовка этой забавной истории заставила Андрея радостно засмеяться, а Алексей продолжил:

— Тимур, увидев печального мальчика-девушку, заговорил с ним и сообщил, что ему не топиться надо, а получать от своего увлечения пользу и удовольствие, относиться к своей страсти как к искусству. И, как ты сегодня видел, стал Владик ведущим «Пиратского телевидения». Кстати, они ведут свои репортажи вместе с Катей.

— Так эта коротко стриженная и есть Катя Беккер? — спросил Андрей.

Алексей утвердительно кивнул и открыл дверь, намереваясь выйти. В коридоре компания веселой молодежи собиралась расходиться по домам и разыскивала хозяев, чтобы попрощаться.

Откланявшись, все вышли на лестницу, и многоголосый гул был слышен в парадной еще минуту. Внизу хлопнула дверь.

Из притихшей гостиной в коридор вышел моложавый мужчина лет тридцати пяти в элегантном вязаном пиджаке. Росту он был среднего, носил усы и, имея подтянутую фигуру, держался с благородной осанкой. Его сопровождали две. длинноногие девушки, при ходьбе они ритмично покачивали бедрами. В руках у мужчины был дорогой зеркальный фотоаппарат, и он навел объектив на Лешу.

Кл-лак! — медленно щелкнул фотоаппарат на большой выдержке.

— Леша, мы пойдем, спасибо. Я сегодня вечером буДУ дома, если хочешь, заходи в гости, — пригласил фотограф.

— До свидания, мальчики, — закокетничали длинноногие, прощаясь.

— Спасибо, Женя, я приду, если можно, часов в семь.

— Да, конечно. До встречи! Когда Алексей закрыл за гостями дверь, Андрей спросил

его:
— А кто этот Женя?
— Художник Евгений Козлов, «Русское поле».

7

Сквозь частые разрывы облаков косые лучи солнца весело пробивались во двор дома на Фонтанке. Некогда населенный прислугой из барских квартир, этот двор переживал не лучшие времена и был очень похож на тысячи таких же обветшалых и обшарпанных дворов, страшными уродами прятавшихся за фасадным великолепием погруженного в безвременье города. Стены дворовых построек имели совершенно неопределимый цвет, из-под обвалившейся штукатурки виднелись кирпичные пятна, украшений и декора почти не было, и лишь над оконными проемами кое-где сохранились гипсовые, протравленные дождями карнизы. В темном углу двора уныло доживала свой век утомленная непосильной работой и брошенная хозяином ржавая машина без колес, на капоте в позе сфинкса спокойно сидела кошка. Но несмотря на удручающие признаки упадка, во дворе ощущалось присутствие жизни: в открытом окне второго этажа гулко играла музыка, смеялась невидимая девушка, какой-то мужчина в арке курил сигарету, и несколько молодых людей оживленно сновали по двору, перетаскивая картонные коробки.

Молодой художник Марат, долгое время проживавший совместно с Зайцем в соседнем доме, обосновывался в новой мастерской. Он сумел заполучить квартиру во дворе и в этот день перевозил из родительской квартиры необходимые вещи. Его отец, занимавшийся строительными подрядами, помог сыну-художнику: появились волшебники-рабочие, вставили стальную дверь, навели порядок с электричеством и оклеили стены перевернутыми белой стороной географическими картами. Для Марата этот теплый солнечный день стал днем новоселья, и поприветствовать нового поселенца по очереди приходили разные обитатели дома. Квартирка была небольшая, в две комнаты, соединенные узким коридором; была еще крохотная кухня при входе, тут же превращенная в склад всякого хлама. Вдоль стен в квадратной комнате стояло несколько картин, а в центре вокруг круглого стола за бутылкой шампанского собралась небольшая компания.

— Неплохая квартирка, Марат, — громко и одобрительно заявил Заяц, снимая с головы наушники и осматриваясь вокруг. — Келья, светелка, гальюн. Все как надо. Знатные тенеты.

— Да, приятная и почти что легальная, — удовлетворенно

согласился Марат. — Я договорился с инспектором из ЖЭКа на два года, буду платить этой тете понемногу, а там посмотрим.

— Твои картины? — поинтересовался у своего нового друга Андрей.

— Да, старые. Это когда я еще в Репинском учился. Я сейчас другие рисую, вот посмотри.

Он принес из коридора одну картину и установил ее на табурет у стены. Работа была выполнена ярчайшими красками и изображала кричащего человека в зеленом пиджаке с желтыми пуговицами. Человек этот поднял руку в приветственном жесте и что-то яростно кричал.

— Автопортрет, — пояснил Марат.

— Послушайте, кто знает, во сколько сегодня выставка? — спросила у собравшихся подруга Марата, миловидная девушка Аня.

— Ночью, около часа, — ответил Андрей.

— А кто будет выставляться?

— Все «Новые художники» — Новиков, Егельский, Гурьянов, Тузов, Маслов, Медведев, Котельников. Да, кстати, Марат, помоги с транспортом. Нужно перевезти к мосту несколько рулонов. Я договорился встретиться с Алексеем на набережной в двенадцать часов, будем помогать навешивать картины.

— Конечно довезем. Но еще только десять, — радостно запротестовал Марат. — Сейчас-то что будем делать?

— Пить вино и слушать музыку, — веско разъяснил Заяц.

Спустя час изрядно повеселевшая компания оказалась на набережной Фонтанки, перед серой автомашиной «Москвич».

— Это что, твоя? — спросил Заяц, с улыбкой разглядывая похожую на большое зубило машину.

— Отец подарил на день рождения, — смеясь, ответил Марат. — Жуткий механизм, но ездит.

Усаживаясь на переднее сиденье, Длинный поднял вверх указательный палец правой руки и наставительно заявил:

— Дареному «Москвичу» в зубы не смотрят.

Поездка по городу доставила всем удовольствие. Теплый ветер врывался в открытые окна и приятно обдувал лица. В салоне громко играл переносной магнитофон, а вся компания оживленно болтала. Автомобиль пролетел по вечернему городу и вскоре выехал на Невский. Замелькали дома, магазины, пестрые толпы народа на знаменитом проспекте, открылась взору гигантская перспектива Дворцовой площади с Александрийской колонной, машина замедлила ход и остановилась на светофоре перед мостом.

— Ну вот и место сегодняшней выставки, — сказал Андрей,

поглядывая по сторонам.

— Что, прямо здесь? Не понимаю, где именно? — удивилась Аня.

— Прямо здесь, на подъемном створе. Натянут веревки поперек моста, а на них картины, потом пролет поднимется, и выставка заработает. Вообще вся эта идея принадлежит Ивану Мовсесяну. Мы лишь помогаем ему.

— Выгружаемся!

На набережной было очень оживленно. Пространство перед Дворцовым мостом было уже перегорожено металлическим турникетом, и усатый постовой лениво не пускал ла мост посторонних и зевак. Сотни отдыхающих и туристов прогуливались по набережной, с удивлением наблюдая за суетой, происходящей на гигантской плоскости старинного моста. Несколько человек растягивали веревки по ширине моста и крепили их в отверстиях металлических бордюров. Другая группа раскатывала на нагретом асфальте рулоны картин и крепила холсты к этим веревкам. Общим процессом руководил Иван Мовсесян. Он очень нервничал. Все суетились и волновались, посматривая друг на друга, вокруг, на небо, на часы. Дождя, по счастью, не предвиделось, да и сильного ветра тоже, но время было неумолимо. Разведение мостов — дело точное, связанное с речной навигацией, оно не терпит никаких неожиданностей. Ивану удалось вовлечь и свои планы контору, ведающую разведением всех мостов, и убедить их пораньше перекрыть движение по Дворцовому. Ценой согласия стали двести долларов.

Через час нервной беготни и нервов основной замысел был осуществлен, и двенадцать полотен были в три ряда укреплены на черной поверхности моста. Рядом с турникетом и на подступах к разводной части стало очень многолюдно. Покрякивая, подъехала милицейская машина и, недоумевая от всей этой небывальщины, из нее вылезли похожие на грибы менты в зеленых касках. Маяком в толпе высилась фигура Юриса горящим прожектором видеокамеры шарящего в электрических сумерках. Когда раздались милицейские свистки, а за ними и предупреждающий о начале подъема звонок, по пешеходным тротуарам со стороны Васильевского еще бежали люди. Собравшаяся на неразводном пролете огромная толпа молодежи всколыхнулась и радостно ахнула, нить трамвайных проводов посреди моста задрожала и, провисая, стала оплывать. Послышался глухой гул и скрежет подъемных механизмов, и в тот же миг середину моста разрезала расширяющаяся линия. Кромка разводной части медленно поползла вверх, невероятным образом искривляя привычную перспективу с литыми чугунными

перилами, столбами и трамвайными рельсами. Неторопливо вставая на дыбы, огромные плоскости дрожащего моста все выше и выше поднимали перед зрителями пятна ярких картин. Через пару минут подъем закончился, мост остановился, и толпа подалась назад, чтобы лучше разглядеть удивительное зрелище.

— Красота! Поздравляю вас всех, господа! — воодушевленно воскликнул Тимур в центре нарядной компании единомышленников и друзей.

К центру моста подходили новые и новые группы знакомых, они смешивались с собравшимися и горячо обсуждали невиданную акцию. Горожане, морские курсанты, туристы и просто любопытствующие не понимали, что происходит, но с интересом разглядывали собравшуюся молодежь и выставленные картины, а с проезжей части одобрительно гудели проносящиеся по набережной машины. Где-то в толпе зрителей закричали: «Ура!!»

Было около двух ночи, и до окончания экспозиции оставалось чуть меньше часа. На реке, под разведенными пролетами моста, проплывали черпающие бортами воду баржи и сухогрузы, полные песка и бревенчатых пирамид. Свежий балтийский ветер свободно гулял по широкому пространству Невы, легонько шевелил края вывешенных на мосту полотен. Никто не расходился. Стоя у моста, говорливые компании были поглощены беседами и любовались моментом. Серая пелена короткой ночи светлела, и даль спящего города проступала, постепенно проясняясь. В этих предрассветных сумерках поблекший электрический свет уже был не нужен, и фонари висели в прохладном воздухе желтыми пятнами.

За пять минут до сведения моста добровольные помощники изготовились в ожидании сигнала к действию. В глубине опорных быков заработали машины, мост вздрогнул и стал медленно опускаться. Одна за другой завели двигатели скопившиеся перед мостом машины, ожидавшие часа переправы на другой берег. Когда две части моста соединились, на него бегом устремились люди, спешащие смотать картины и освободить проезжую часть от веревок. В считанные минуты все было убрано, люди в желтых безрукавках оттащили в сторону турникет, и на освобожденный мост рванули автомобили.

Прощаясь, все пожимали друг другу руки, обнимались и, удовлетворенные, постепенно расходились по домам. На Фонтанку отправилась большая компания. Неспешным шагом все добрались до места и засели в гостиной с бутылкой вина. Несколько утренних часов все говорили, смеялись, пили чай и вино, вспоминали подробности прошедшего дня. Для Андрея этот

полный радости и треволнений день завершился лишь тогда, когда, перестав что-либо понимать в хитросплетениях разговора, он не прощаясь ушел в свою комнату, повалился в одежде на кровать и мгновенно уснул. Сквозь вязкую пелену сна ему слышались какие-то звуки: в его комнату кто-то входил, в соседней комнате смеялись и где-то рядом трала музыка Постепенно все стихло. В беззвучном забытьи сна Андрей услышал, как рядом с кроватью заскрипел старый паркет, и после этого спящему стало тепло. Кто-то накрыл его пледом.

— Спи, — тихо сказал кто-то голосом Алексея.

— Сплю, — не своим голосом ответил Андрей.

Пробуждение было долгим и приятным. Несколько раз во время его приближения вихреобразный рой сновидений рассыпался карточным домиком, и память беспомощно подхватывала налету последнее, что казалось важным в невообразимой путанице переживаний. Наконец непослушные глаза приоткрылись, и связь ощущений разорвалась окончательно. Андрей понял, что единственное, что еще возможно, так это снова зажмуриться и попытаться досмотреть, чем же закончился этот самый интересный и очень важный сон, беспардонно прерванный отдохнувшим организмом. Ненадолго это удалось сделать, но по тысяче деталей было ясно, что все участники этого небывалого действа уже перестали ему доверять и один за другим исчезают в темной пучине непознанного.

Медленно, но неотвратимо освободившееся пространство разбежавшихся ощущений заполнилось короткими размышлениями. Тело перевернулось на спину, руки раскинулись, и освобожденная от гнета грудь растянулась, как гармошка, и издала при этом звук сипящего зевка.

— Доброе утро! — по старой памяти поздоровался он сам с собой.

Ему стало приятно, как в детстве, когда по воскресеньям мама долго и ненастойчиво будила его доносящимися из глубины дома заманчивыми призывами завтракать. Лежа с открытыми глазами, Андрей стал припоминать переполненный событиями вчерашний день, и на него нахлынули живые переживания, долгая белесая ночь у разведенного моста, кокетничавшая с ним девушка и трогательная, располагающая к откровениям беседа в дружеском кругу при неясном утреннем свете.

Окончательно решив просыпаться, он поднялся и направился к умывальнику. Никого не было видно. Приоткрыв дверь в спальню брата, Андрей заглянул внутрь. Привычный порядок вещей в комнате был нарушен несколькими неизвестными

сумками и разбросанными книгами. На пружинном матраце, выпростав голую ногу из-под покрывала, спала та самая коротко стриженная немка, которую Андрей видел несколько раз у них дома, в том числе и на вчерашней выставке. От неожиданности Андрей опешил и отшатнулся от двери, представляя себе, что немка может его увидеть и решит, будто бы он подсматривал за ней во время сна. Ее голая нога его смутила, он стушевался, и мысли, перекрутившись в голове, полетели в разные стороны. Не имея возможности разобраться во всей этой странности, он заскрипел паркетом, подкрался к комнате Миши и взялся за ручку. В ярком свете электрической лампы хозяин комнаты неподвижно сидел за швейной машинкой и тревожно вглядывался в медленно открывающуюся дверь.

— Фу-ты! Дурость какая. Напугал меня! — прошептал Миша. — Ты чего бродишь, как привидение?

— Пошел умываться, заглянул к Леше…

— Знаю, знаю. Ты вчера раньше всех заснул, а мы под утро ездили на Васильевский за ее вещами. Леха уступил ей свою комнату.

— А сам-то он где? — спросил Андрей.

— Он в «крайней» комнате. У тебя за стеной, — нетерпеливо ответил Миша, явно желая закончить разговор.

Через три часа в квартире громко заиграла музыка — проснулся Алексей. Наступил новый и непривычный для всех час официального принятия свершившегося изменения в привычном укладе быта. Не заставляя себя ждать и не оставляя времени для приватных комментариев, в гостиную вошла улыбающаяся Катрин.

— Прыивет! — одновременно всем и почти без акцента сказала она. — Я Катя.

Миша, сидевший у стола заулыбался, а Андрей протянул ей руку для мужского приветствия, но тут же, смутившись,

отдернул ее.

— А-андрей…

Катя засмеялась и сама подала ему руку для пожатия.

— Алоша, спасибо. Я в твоей комнате выспалась, как заныделю, — сказала она, усаживаясь и выкладывая на стол пухлый блокнот и пачку «Ротманс».

— Да, это правда, — ответил Алексей, улыбаясь. — Ты знаешь, это странное место, я здесь могу спать сутками. Даже когда уже не хочу. Просто просыпаюсь и засыпаю снова.

— Могу, когда не хочу, — медленно повторила Катя, пряча в ладони необоримый утренний зевок. — Да. Я вообщэ в этом

городе поняла, што такое спать, никогда так много не спала. А я спать обожаю.

Никто ничего не ответил. В этот миг каждый припомнил все то хорошее, что стояло за взлелеянной годами страстью спать, этим необсуждаемым общим увлечением, где личным было лишь то выражение, которое всегда бывает на лице проснувшегося.

— Чай? — спросил Миша.

— Да, — пропели все сразу.

Алексей, поднявшись из-за стола, подошел к стойке с музыкой и стал перелистывать конверты пластинок. Он извлек черный диск, блеснувший на солнце алмазной дорожкой, и включил проигрыватель. Раздался басовый ритм, затарахтели дробные звуки барабанов, и завыло что-то напоминающее проносящиеся мимо автомобильные сирены. Вся эта масса звуков разной скорости слилась в один, прекрасно ощущаемый общий ритм.

Миша вернулся из кухни с чайником и патронташем чашек.

— Это что?

— «KLF», — не совсем понятно откликнулся Алексей, поднимая над головой конверт с изображением половины лица безволосого андрогена.

— Катя, а как ты оказалась в Ленинграде? — поинтересовался Андрей.

— Я приехала сюда в восемьдесят девятом году как историк искусства из университета Бохума. Один немецкий фонд дал мне стипендию, и я должна была готовить магистерскую диссертацию.

— А что за диссертация?

— Ти не поверишь, ведь я немка. Тема такая: «Ленинские и сталинские портреты в социалистическом реализме 1932–1954 годов».

— Действительно странно.

— Да. Странно. Но здесь все вообще странно. После комфортной жизни в Германии я поселилась в жутком общежитии и посещала занятия в университете, который носит имя Жданова, этого красного монстра. Я долгое время не могла провести границу между диссертацией и реальной жизнью. Было очень странно — уже находясь здесь, я узнала, что стена, разделявшая Германию, разрушена благодаря коммунисту. Но мне очень повезло. Мой научный руководитель Иван Дмитриевич Чечот познакомил меня с интереснейшими людьми: Аллой Митрофановой, Андреем Хлобыстиным, Олесей Туркиной, Виктором Мазиным, Катей Андреевой. У меня появились настоящие друзья.

Зазвонил телефон.

— Да! Привет, уже проснулись, давно, — отрывисто сообщил Андрей собеседнику. — Хорошо, подожди. Леша, мы едем в Планетарий, как договаривались? Да, будем. Пока, увидимся.

— Это кто?

— «Новые композиторы».

Алексей утвердительно кивнул.

— Мы будем у вас через полчаса, — закончил разговор Алексей.

На другом конце провода телефонную трубку повесил молодой человек, светловолосый и стриженный настолько коротко, что казался практически лысым. Он находился в затемненном помещении, очень напоминающем зал какого-то исследовательского института. Обширная комната, заставленная металлическими шкафами с сотнями тумблеров, выключателей и разноцветных лампочек, таинственно освещалась светом одной настольной лампы.

— Они дома и сейчас выезжают на метро, — сообщил светловолосый сидящему рядом в полутьме человеку.

— Прекрасно. Наконец-то все свершится.

Совещавшихся таким образом молодых ладей звали Валерий Алахов и Игорь Веричев. Официально они являли собой Клуб научной фантастики при Ленинградском планетарии, а неофициально — первую в андеграундом мире электронную группу «Новые композиторы». Их музыка мало походила на общеизвестные образцы формального творчества и нашла своего слушателя лишь в этом особом месте — земном заповеднике космоса.

Красивое трехэтажное здание Планетария с действующим телескопом на крыше размещалось в Александровском саду на Петроградской стороне. Попадая в него, посетители оказывались в двухсветном зале с круговым балконом, заполненным ракетными двигателями, моделями спутников, фотографиями и множеством других интересных для любознательного ума экспонатов. Подлинным украшением этой экспозиции была точная копия первого спутника Земли — стального шара с надписью «СССР», висящего на тросе в центре зала. Но эти вещи были лишь прелюдией к настоящим впечатлениям, которые ожидали гостей космического мемориала.

Главным иллюзионом являлся Звездный зал — место проведения лекций о глубинах космоса. Когда выключали свет, огромный круглый зал со сферическим потолком превращался в черную бездну. Уникальная установка швейцарской фирмы Карла Цейсса вращалась в центре зала и, поворачивая сотни

управляемых лучей, чертила в темноте достоверные зодиакальные узоры. «Новые композиторы» писали музыку, сопровождавшую эти фантастические представления, и эта близость к тайнам мироздания придавала музыкантам чувство значимости и создавала вокруг них ауру таинственности.

В двенадцать часов дня в Планетарий бодрым шагом вошли трое молодых людей. В прохладном фойе здания их встретил пожилой служитель и строго потребовал предъявить билеты.

— Мы пришли по поводу тематического вечера. У нас встреча с директором, — веско представился Алексей. — А вот, собственно, и те, кто нас пригласил, — добавил он, указывая на появившегося Алахова.

— Пропустите их, пожалуйста, это к нам.

— Ох уж мне эта «Фантастика», — пробурчал привратник.

После дружеских приветствий компания уселась на диванчик и принялась вырабатывать план действий.

— Всем не имеет смысла идти к директору. Астрономы — народ специальный, мало контактирующий с землянами, — сообщил Валера.

— Я останусь, посмотрю вокруг, — обрадовался Андрей.

— И я тоже, — подхватил Миша.

Алексей и композиторы скрылись в глубинах здания и отсутствовали около получаса. Когда они вернулись, у них был вид людей, достигнувших своей самой заветной цели.

— Ну как директор? Все удалось? — спросил Андрей у сияющего брата.

— Классный дядечка. Настоящий астроном Стеклящкин, — ликуя, сообщил Алексей. — Он встретил нас довольно приветливо, и я стал рассказывать нашу легенду о космическом празднике. Он вроде бы даже проникся. Но конечно, Валера, я должен сказать, что мы договорились только благодаря вам. Чувствуется, что вы провели хорошую подготовку. Вы у него в уважухе, как подлинные космонавты.

Все засмеялись, радуясь необыкновенной удаче и внезапно открывшейся перспективе. Рассевшись на мягких диванчиках, молодые люди стали обсуждать детали предстоящей house-party.

— Мы думаем, нужно, чтобы все было очень красиво, — торжественно начал Алексей. Все согласно закивали.

— Хорошо бы оставить в зале все эти космические штуки, — сказал Миша. — Они классно выглядят.

Все снова закивали.

Молчавший до этого Игорь резонно отметил:

— Тут есть много интересных вещей, которые можно

использовать. Но все это детали… — Он немного замялся, как видно обдумывая свой вопрос, потом все же решился и спросил: — Леша, а кто же будет играть?

— Как кто? Вы! — со смехом ответил Алексей. Валера заулыбался и покраснел, а Игорь покачал головой:

— Мы можем, но у нас есть только старая программа «Спутник». Она минут на десять, не больше… А дальше? Кассетных записей тут уже будет недостаточно.

— На самом деле, — серьезно заявил Алексей, — мы приглашаем Яниса из Риги. Он супердиджей, лучший у нас в стране. Но он профессионал, и этим зарабатывает на жизнь. Его цена двести долларов, но с нас он денег не возьмет. Ему самому интересно поиграть на большой площадке, нужно только оплатить бензин — он приедет на машине. Так что музыка у нас будет, и самая лучшая. Потом вы сыграете, и еще «Л.Ю.К.И.» рвутся. «Танцпол» берет на себя практически все вопросы по организации: звук, свет, рекламу…

— Леша, расскажи, пожалуйста, какой будет звук? — перебил его Валерий.

— Ты знаешь Тарнавского? Рок-н-ролльный прокатчик? Нет? Ну, в общем, у него есть звук рупорный. Зато много. Мы думаем, пяти киловатт хватит. А со светом еще проще —

возьмем у него все что есть, будет круто.

Обсуждение продлилось еще какое-то время и закончилось выработкой четкой даты проведения. Первую масштабную вечеринку было решено устроить ровно через месяц, в субботнюю ночь.

8

Песен еще не написанных сколько,
Скажи, кукушка, пропой…
В городе мне жить, или на выселках
Камнем лежать, или гореть звездою, звездой…

Гитарные аккорды и полный грустного отчаяния голос разносились по квартире, надрывая сердца двух человек, слушавших песню. Чувство стесняющей грудь тоски неожиданно сильно охватило Андрея, да так сдавило, что он заморгал. Алексей сидел рядом, положив голову в ладони и уперев локти в колени. Братья грустили. Никакого повода не было, но эта заигравшая с утра пластинка изменила их настроение, а погода была уныла — свет без тени под полупрозрачным небом, да несохнущие лужи от ночного дождя.

Солнце мое, взгляни на меня.
Моя ладонь превратилась в кулак.
И если есть порох, то дай огня.
Вот так…

Подавленность природы передалась впечатлительным молодым людям. Братья хоть и переживали сходные волнения души, но все же молчали, не поверяя друг другу своей печали. Старший не хотел выглядеть сентиментальным, а младший, помня детские обиды, боялся показаться слабачком. Но случилось следующее: грусть не вынесла напора рвущихся чувств, и в одночасье все стало честно и оттого легко. Алексей положил руку на плечо брата, тот повернул голову и прижался к ней щекой. Они обнялись и, вздохнув, почувствовали огромное облегчение.

Эту новую пластинку «Кино», «Черный альбом», им подарил Георгий Гурьянов, у которого Алексей был в гостях.

Слушая Цоя, Андрей вспоминал 1986 год, когда он ходил в рок-клуб, в переполненный зал с поломанными креслами, слушать концерты богов. Вчерашний школьник, вырвавшийся из-под родительской опеки, он оказался в невероятно притягательной обстановке. Все вокруг были живые, и он сам очень хотел стать своим среди них.

«Странные игры», «Аквариум», «Кино» и «Алиса».

— Ты как? — спросил Алексей, вглядываясь в прищуренные глаза брата.

С глубоким выдохом Андрей покачал головой, давая понять, что стало легче. Желая вырваться из этого состояния, Алексей встал и поменял пластинку. Он поставил «OMD», и ситуация стала меняться: кровоток усилился, радость и надежда прорвавшейся плотиной хлынули в душу, и раскачивающийся звонким эхом голос запел о любви.

Алексей подмигнул брату, у того улыбка выползла на лицо, и в конце концов оба засмеялись.

— Эх, Андрюха! Нам ли быть в печали? — пропел Алексей, гримасничая, как деревенский рубаха-парень. — Кстати! — продолжил он, меняя интонацию. — Гарик с Яночкой звали нас в гости. Поедешь?

— Угу, — промычал Андрей, выписывая головой круги.

— Та-тара-та-та-та-та, та-тара-тара-ра!..

Появился кот-призрак. Остановившись посреди комнаты и, как обычно, повиливая хвостом, Пицца окинул присутствующих мрачным взглядом и, не получив ни малейшего намека на кормежку, уселся слушать «OMD».

— Та-тара-ра-ра-ра!!!

Возвещая о приходе гостей, в прихожей задребезжал звонок. Андрей пошел открывать двери. Вернулся он в сопровождении Жени Бирмана, Вани Салмаксова и какого-то молодого человека в джинсовой куртке.

— Слушайте, а у вас весело! Познакомьтесь, — пропел Женя. — Это Кирилл Фролов, наш друг и умница, учится в мединституте.

Кирилл оказался симпатичным молодым человеком с быстрым взглядом. Темноволосый, по моде коротко стриженный, он был одет в льняные штаны и джинсовую куртку.

Покуда за столом протекал малозначительный разговор, Иван прошелся по комнатам и, заглянув в танцпол, внимательно рассмотрел на стене хитроумное устройство из сотен лампочек и проводов.

— На вечеринке ничего не понял. Помню, что передо мной стена светилась и качалась, думал набухался, — признался он со смехом.

Шутка понравилась Алексею, и он неспешно ответил:

— Многим так показалось.

Женя удобно растянулся в кресле и улыбался во всю мощь:

— Давненько не виделись. С прошлого воскресенья. Чего делаете? Когда пати?

Алексей перевернул диск на проигрывателе, прибавил громкости и ответил:

— Вечеринка, как всегда, в субботу, миднайт, на танцполе. А так вообще планы грандиозные.

Помедлив на пике внимания, Алексей поведал друзьям о намерении «Новых композиторов» устроить большую вечеринку в Планетарии.

Женя с Иваном обменялись многозначительными взглядами, а Алексей стал прояснять подробности:

— Понимаешь, наша квартира — это всего лишь маленький клуб, где мы можем принимать близких друзей и оттягиваться, как нам захочется. Мы хотим устроить настоящий праздник, чтобы пришли все наши друзья и потанцевали под классную музыку. Мы думаем, что может набраться около трехсот человек.

— Если не больше, — задумчиво согласился Бирман.

Иван одобрительно покачал головой и после непродолжительного раздумья спросил:

— Слушайте, но нужны же деньги! И не пара шекелей, а прилично, чтобы все устроить.

Алексей улыбнулся и придвинул к нему свое кресло:

— Я думаю, что нужно продать часть билетов. Мы нашли

парня, который организует бары, так что, если все будет удачно, можно и заработать. Пора выходить из подполья. Сейчас самое интересное — это заниматься вечеринками, но нужно переходить на профессиональные рельсы. Народу видимо-невидимо, ничего не происходит. Кроме пары застойных дискотек, в городе ничего нет, мы в полном вакууме.

— Он сделал паузу и, пустив носом струйку табачного дыма, продолжил: — Я тут сам недавно на свой страх и риск пошел на дискотеку в ЛДМ. Хотел посмотреть, что там.

— Ну и как?

— Бред полный. «Сюзи Кейтч», «Модерн Токинг», «Мираж» и «Наутилус Помпилиус». Толпа гопников в тренировочных костюмах, пергидрольные бабы танцуют медляки с братками, заводки на драку, паленая водка в буфете, ну, одним словом, все как надо. Хотим все вместе сходить еще в «Курьер» на разведку…

Женя, внимательно слушавший рассказ Алексея, вопросительно поднял брови, а Кирилл подсказал ему:

— Это в ДК Связи, районная дискотека. Считается лучшей в городе. Но там то же самое — сброд, пацанятник.

— Идея с вечеринкой мощная, а главное, своевременная, — сказал Иван, растягивая слова. — Я имею в виду большую вечеринку. Но как избавиться от гопников? Ведь понабежит быдло и все испортит. Кто с этими животными будет разбираться?

— Да, вопрос, — согласился Алексей. — Но мы думаем, что нужно действовать по-нашему, то есть тихо. Распространим приглашения среди друзей и не поднимая лишнего шума…

Женя засмеялся:

— Не поднимая шума — не получится. По городу и так бродят слухи о какой-то загадочной закрытой дискотеке на Фонтанке, так что первые десять человек, которым вы дадите билеты, расскажут об этом всем, кому можно, и через три дня об этом будет знать весь Питер.

Теперь засмеялась уже вся компания, и Алексей, понижая нежизнеспособность своего плана строжайшей конспирации, радостно воскликнул:

— Ну и пусть! Частная вечеринка. Есть приглашение — заходи! Нет — извини! Не это главное, разберемся, в конце концов, поставим какого-нибудь амбала на дверях, будет фильтровать народ.

— А вот это, может, и сработает.

На набережной Фонтанки стояла белая «вольво» с желтыми номерами и водителем в черном костюме.

— Женя, это ты, что ли, на такой катаешься? — спросил

Андрей, чуть ли не первый раз в своей жизни увидев иностранную машину.

— Ага, служебка из фирмы.

Гремя музыкой, удивительная машина быстро доставила друзей на Выборгскую сторону, где компании распрощались, договорившись увидеться в субботу.

Дом на углу Карла Маркса и Выборгской, где жили Яночка и Габриэль, был типичным образцом доходного строительства прошлого века. Пятиэтажный, изначально скупо декорированный, а к настоящему моменту в полной мере истерзанный ленивыми ремонтами, одним фасадом он смотрел на тихую улицу, а другим — на промышленные дали гигантского завода «Русский дизель». В ответ на звонок за хорошо знакомой дверью неожиданно залаяла собака. — Визитеры смутились, отлично помня, что никакой собаки в квартире не было, и тем не менее, когда Яна открыла дверь, на лестничную площадку выскочил маленький светло-серый пудель.

— Шило! Шило! — подозвала струсившего пуделя Яночка. — Привет, Леша, привет, Андрюша!

В узкую прихожую встречать друзей вышел Даня, младший брат Яночки.

— У вас новая собачка?

— Да, зовется Шейла-И. Маме подарили. Проходите в комнату, а то к нам неожиданно с дачи вернулась бабушка.

Друзья понимающе переглянулись — всем, кто бывал в этой гостеприимной квартире, был хорошо известен авторитет Яниной бабушки, настоящей ленинградки-блокадницы, обладавшей волевым характером и не слишком благосклонно относившейся к бесконечным гостям и электронной музыке. Напряжение спало, только когда вся компания оказалась в комнате и плотно прикрыла дверь. Кроме Габриэля в комнате был еще один молодой человек, представившийся Костей.

— Ну что, рассказывай, как ты дошел до жизни такой! — обратился Алексей к Габриэлю. — Давно не виделись.

— Давно, это точно. Только вчера вернулся со съемок.

— А что сейчас снимается? — спросил Андрей.

— «Посвященный», с Гор Нахалом в главной роли. Молодой человек Костя щелкнул магнитофонными кнопками и включил музыку.

— Что, записываете? — спросил у него Алексей.

— Да, обмениваемся с Гариком музычкой. Я с восемьдесят шестого года записываю «BBS — World TOP20 Show» Пару лет назад там уже стала появляться house-музыка. У меня дома этими бобинами стена выложена, в основном старье, но есть и

нормальные истории.

— Бобины — вот это старье, — ответил ему Алексей.

— Знаю. Вот сейчас потихоньку пытаюсь перейти на кассеты.

Открыв дверь носом и опасливо повиляв хвостиком, в комнату вбежала собачка Шило.

— Шило, не бойся, все свои, — ласково утешила ее Яна. Все умиленно уставились на песика.

— Слушай, Гаврила, что за странное имя Шило?

— Мы долгое время фанатели от барабанщицы Принца. Такая очень красивая, безумная негритоска Шейла-И. В честь нее и назвали. В Шило ее бабушка перекрестила. Не могла произнести правильно.

— Леша, а как у вас дела? Мы большой компанией собираемся к вам в субботу. Можно приходить? — спросила Яна.

— Да, конечно. По субботам, как обычно, у нас. Мы тут новый план разрабатываем.

Перестав колдовать над магнитофонами, Габриэль снял очки и, весело прищурившись, приказал:

— Так?.. Рассказывай!

Алексей засмеялся и с удовольствием выдал все тайные замыслы «Танцпола». Многократно рассказывая про будущую вечеринку, он раз от раза усложнял свое повествование, приукрашая детали и живописуя подробности предстоящего действа. Проговаривая его для новых слушателей, он сам погружался в мечтания, воображая и домысливая еще неясный результат, уснащая его понравившимися фантазиями и картинками. Сейчас, в пряном дыму травы, этот рассказ расширился до такого объема, что превратился в захватывающее описание и вызвал у всех присутствующих восторженное одобрение. Алексей и сам был в восторге. В первый раз за эти дни ему удалось так ясно представить себе будущую вечеринку. И хотя он смог описать словами лишь малую часть той фееричной картинки, которая возникла в его воображении, он был так рад придуманному, что захотел немедленно начать что-то делать, готовиться, хлопотать.

9

За полгода до описываемых событий в дверь сквота на на Фонтанке, где обитали Заяц, Марат и Стен, кто-то позвонил. За поздним часом никто из друзей-бездельников гостей не ждал, да и к тому же все посвященные никогда не звонили, а стучали по металлической накладке на двери особым стуком. Они выстукивали «Kraftwerk». Продолжительный и тревожный звонок

посеял легкую панику и, памятуя о предыдущих бравурных скандалах с соседями и домоуправом, музыку выключили, двери в накуренную комнату тихо прикрыли, а открывать отправили Стена, выглядящего в таких случаях необычайно прилично.

Стен, напуганный наставительным шипением Зайца и предпринятыми мерами конспирации, долго расспрашивал, кто да зачем. После он осторожно приоткрыл дверь и, не увидев явной угрозы, стал рассматривать незнакомца, поднявшего такой переполох. На пороге стоял высокий худощавый парень в светлой куртке и изодранных на коленях джинсах.

— Мне нужен Марат, — сказал молодой человек, немного волнуясь и стараясь выказать максимально возможное дружелюбие.

— Марат? — тревожно переспросил Стен, оглядываясь назад.

— Кто здесь? — выглянул из-за его плеча Марат. — О-о! Назарчик! Какая встреча! Ты откуда взялся?!

Радостно заулыбавшись, он выбрался на лестничную площадку, и они обнялись как старинные приятели.

— Я из армии вернулся.

— Да ладно! Заходи! Ложная тревога! — крикнул Марат вглубь квартиры.

В ответ заиграла музыка. Друзья прошли по заставленному подрамниками коридору и оказались в комнате, служившей гостиной. Марат представил своего друга Зайцу и Стену:

— Олег Назаров, мой старинный друг. Только что дембельнулся. Отличный парень, вместе учились в Серовском училище на реставрации.

Улыбающийся Заяц, в майке без рукавов, протянул Олегу сплошь исколотую мистическими узорами руку:

— А мы пуганулись. Думали, опять эта баба сумасшедшая сверху ментов подтянула! Садись, служивый, рассказывай! Курить будешь?

Немного смущаясь, молодой человек уселся на предложенное место и тут же получил дымящуюся папиросу. Он несколько раз затянулся и с непривычки закашлялся. Заяц поколдовал над плеером, заиграла музыка, и уже через несколько минут волнение и неуверенность у новоприбывшего рассеялись под напором сложных мыслительных завихрений и общей расслабленности. Он стал рассказывать о себе, о ненавистной армии, о сомнениях, но больше слушал новости, пил чай и разглядывал своего сильно изменившегося друга. Уже через несколько минут в этой до невозможности замусоренной комнате он наконец-то почувствовал себя среди друзей. Чувство позабытой пьянящей умиротворенности придавило его к старому дивану. Улыбаясь и

еще не до конца веря случившемуся, он всем сердцем радовался, что вернулся в этот долгожданный художнический мир, потерянный на целую вечность из-за отбытия безумной армейской ссылки. Ему показалось, что бездушие и чудовищные нравы, которые окружали его последние два года, происходили не с ним, а он всегда был здесь и никогда не покидал пределов этой комнаты. Лишь на минуту отлучился… Как маленький мальчик из сказки Гауфа, отошел от матери ненадолго и остался в плену у алой колдуньи на годы. Он сидел с безмятежной улыбкой на лице, водил ложечкой по ободку пустой чашки. Но из этих успокоительных размышлений его скоро вывел голос Марата

— Ну и что? Вернулся. Чего делать будешь? — допытывался он, радуясь и тормоша друга за плечо.

— Хочется рисовать и ничего не делать, — мечтательно ответил Олег, делая паузы между словами. — Но непонятно только где. Дома на Большевиков, с бабушкой — это бред. Меня просто тошнит от всех этих новостроек. Снимать, наверное, буду… Может, что посоветуешь?

Заяц удобно растянулся в кресле и, положив ногу на ногу, стал раскачивать кроссовкой с развязанным шнурком. Глумливо улыбаясь, он разглядывал воодушевленное лицо демобилизованного художника, вникая в глубину его душевной неопределенности и просторы девственной впечатлительности. Будучи по натуре невероятным циником-оптимистом, Заяц никогда не допускал мысли о том, что в этой жизни нужно платить за то, что можно взять даром. Исходя из этой жизненной доктрины, он не стал полемизировать и по-дружески коротко, без обиняков перешел своему видению затронутого вопроса.

— Тебе что — деньги некуда девать? Сейчас только дураки и кооператоры снимают. Настоящий неформал все берет за так!

— Это как? — рифмуя, заинтересовался Олег, в первый раз за эти полчаса внимательно взглянув на Зайца.

— Пришел, увидел, повесил замок! — наставительно вразумлял Заяц.

Марат хитро посматривал на своих друзей, но не вмешивался в их завязавшуюся таким образом беседу.

— Сейчас такая тема, — покровительственно заверил Заяц, делая на лице свое коронное и самое «убедительное» выражение.

В это время после некоторого отсутствия в комнату вернулся Стен с внушительной эмалированной кастрюлей.

— Кто будет есть? — спросил он, устанавливая снедь на шаткий столик.

— Да, пора подкрепиться, — жизнерадостно согласился Заяц, быстро наполняя тарелку дымящимися макаронами. Он облил их

кетчупом из пластикового тюбика, выгнул шею и, смешно гримасничая, удовлетворенно погладил себя по животу: — Жериво!..

Сразу после этого Заяц закончил свою мысль:

— Ну так вот. Хочешь рисовать, балдеть или еще что — бери и ищи квартиру. Вселяйся и рисуй, — подытожил он с набитым ртом.

Ничего не поняв из прагматичного совета Зайца, молодой человек заулыбался и стал расспрашивать Марата про его житье. Уплетая макароны, Марат охотно поведал другу массу интересного из собственной жизни, новости об общих друзьях и вкратце обрисовал ему картину неформальной жизни города.

Наговорившись и переписав у Марата все новые телефоны, Олег попрощался и, слабо представляя, что делать дальше, выбрался на тускло освещенный переулок Макаренко. По улице беззвучно гулял ветерок, и к ночи стало по-осеннему свежо. Рядом с домом находилась старая, еще дореволюционная баня, а перед ней на истоптанном газоне стояли две девятые модели «Жигулей» с затемненными стеклами. Из открытых дверей одной машины несся матерный блатняк, а перед дверью в баню роились подозрительные личности. Проходя мимо, Олег обратил внимание, что у машин нет номеров, а крылья, капоты и двери — разных цветов. От стены отделилось темное пятно и перегородило ему дорогу. Слегка опешив, Олег стал оценивать свои перспективы в предстоящей драке, но угрожающее пятно сделало еще пару шагов и оказалось плохо скроенным человечком, смертельно пьяным и с расстегнутой ширинкой.

— Уп-ввз-за-акри-ить… — прохрипел пьяненький, для большей убедительности жестикулируя пальцами перед своим ртом.

— Не курю! — резко и неприязненно сообщил Олег бродяге.

— О-очшшш-енж-жал… — с трудом закончил диалог собеседник и тут же начал мочиться на тротуар, обливая свои грязные брюки.

Олег брезгливо отпрянул и стал обходить пьяного, пытаясь как можно быстрее удалиться. Не успел он сделать и пары шагов, как услышал за спиной резкий и холодный окрик:

— Ты чего, убогий, здесь ссышь? А? В дышло захотел?

Олег обернулся и увидел, что толкавшиеся перед баней полубандитские братки в спортивных костюмах деловито подходят к пьяному.

— А-ае-нах-хрр-бля! — поприветствовал их незадачливый пьянчуга.

Бам! ляпц! бац! — не спеша легли наставительные затрещины. Быстро удаляясь, Олег еще раз оглянулся и увидел, как тренировочные костюмы лениво пинают свою жертву. Пытаясь переключить свои мысли на что-нибудь хорошее, Олег ускорил шаг и, дойдя до Садовой, зашел в телефонную будку. В карманах нашлась монетка, и он решил позвонить своему другу Денису Одингу и договориться о встрече.

По армейскому обыкновению Олег проснулся рано, сбросил с себя спавшего на нем бабушкиного кота и прошлепал на кухню. Еще не наглядевшись на возмужавшего внука, бабушка встала совсем рано и уже ждала его завтракать, плотно заставив столик

невероятным количеством угощений.

— Мне кто-нибудь звонил? — спросил Олег, тыкая вилкой в разные тарелки и блюдечки.

— Вчера Денис звонил. Справлялся, где ты да что. Я сказала, что будешь поздно.

— Ладно, ба. Я больше не хочу.

— Как, а горячее, у меня в духовке.

— Не-не-не. Все, я пошел.

— Я все прежние вещи постирала, но ты вырос, прямо не знаю. Ну не в этой же рванине ходить, — пропела бабушка, указывая на драные джинсы внука.

— Я буду ходить только в этом.

Собираясь выходить из дому, Олег обошел знакомые до мельчайших подробностей крохотные комнатки бабушкиной квартиры. Его настроение вязло в этих пригнанных друг к другу полированных шкафах, набитых дешевым хрусталем и всякой дребеденью. Остановившись перед дверью, он поймал себя на мысли, что ненавидит этот быт ушедшего в прошлое брежневского благополучия, одинаковый для миллионов квартир.

— Мастерская, — сказал он себе и вышел на пахнущую мусоропроводом лестницу.

Денис пришел на станцию «Маяковская», где у него в одиннадцать была назначена встреча, чуть раньше и, побродив среди людской суеты, стал разглядывать непрерывный поток людей, поднимавшийся из дыры подземки. Ему было двадцать лет. Он был молод, красив, высок ростом и обаятелен. Девушки робко одаривали этого голубоглазого блондина взволнованными взглядами, а он лучистым солнышком всегда сиял в ответ счастливой улыбкой.

Денис познакомился с Олегом еще на концертах рок-клуба, долгое время они были очень дружны, но потом Олег пропал на годы. Денис пробовал себя в разном, но, увлекшись рисованием, стал мечтать о поступлении в Академию художеств и даже нанял репетитора, однако несмотря на это экзамены были провалены, и он превратился в свободного художника.

Еще издали Денис разглядел Олега среди поднимающихся на эскалаторе граждан. Тот махал рукой и приветливо улыбался. Привычное для мужчин рукопожатие было заменено крепкими объятиями, друзья выбрались на улицу и пошли прогуливаться. Октябрьский день был прекрасен. Ясное небо пропускало радостные лучики, горожане ловили на себе их последнее тепло и тысячами ног создавали на тротуарах причудливо скрещивающиеся тени. Через проходные дворы друзья вышли на Пушкинскую и уселись на лавочку возле памятника великому

поэту. Островок, на котором стоял бронзовый Пушкин, был усеян пожелтевшей листвой. Друзья разговорились о всяких разностях, и Олег стал рассказывать приятелю о своем посещении Марата и о ценном опыте, извлеченном из этого посещения.

— Ты пойми, — толковал он Денису. — Ты хочешь рисовать — а негде. Мне сейчас как воздух нужно помещение, где можно рисовать, и та же ситуация. Нам надо объединиться и найти какую-нибудь заброшенную квартиру.

Денис почесал переносицу и весело сказал:

— Я готов!

Молодые люди в знак закрепления согласия звонко лопнули ладонями и, поднявшись с лавочки, одновременно произнесли:

— Куда пойдем?

Они рассмеялись и пошли по Пушкинской, задрав головы и громко обсуждая степень запыленности разных окон. Бродили до вечера. Иногда заходили в подъезды, проверяли свои наблюдения, но всегда кто-то отзывался на звонок, лаяла собака или обнаруживались иные признаки обитания. Когда начало смеркаться, голодные и раззадоренные, приятели решили прерваться, сговорившись встретиться завтра, там же, в то же время.

Так они прощались вечерами целый месяц. Ходили, бродили, вскрывали квартиры, но ничего подходящего не находили. Иногда к ним присоединялись их друзья, но потом и они их оставляли. Постепенно втянувшись в поиск, Олег и Денис нашли в огромном доме в Свечном переулке малюсенькую квартиру. Было решено вселяться и за несколько дней туда были свезены все личные вещи: мольберты, ящики, краски, подрамники, аппаратура и прочее.

Через какое-то время Денис познакомился с управдомом, горькой пьяницей Валентиной. Восприняв их самовольное заселение как неуважение и акт агрессии, она ругалась, грозилась и скандалила, но однажды Олег завел с ней очень интересный разговор, и скоро она поняла, что художники — милейшие парни.

Сжимая в руке двести рублей, баба Валя рассказывала дворнику:

— Ведь не какие-нить там бандюги, а наши.

В общем, свои, родные. Она стала называть их сынками, и в какой-то момент раскрыла перед ними такие чудеса, о которых молодые люди уже и мечтать не могли. Она пригласила их осмотреть и выбрать любую из пустующих в огромном доме квартир и за скромный гонорар обещала свое покровительство.

Веря и не веря ворчливой старухе, друзья отправились с ней

на экскурсию по дому. Громко кляня Горбачева, развал Союза, бандитов и всех остальных, она из глубины двора повела их к парадному подъезду. Все вместе они поднялись на третий этаж и остановились перед дверями квартиры № 10. Старуха прекратила свои бормотания и начала рассказывать:

— Этот тихий хрен… Все думали, он инженер, сволота, а потом смотрим, бумага приходит в контору. Ну, значит, ему пишут. Наши бабы читают — его-то нет… А он, сволота, кагэбэшник оказался. Пятнадцать лет тут прожил и ни гугу. Во как! — радостно поведала она.

— Кто кагэбэшник? — переспросил Денис, улыбаясь бедовой рассказчице.

— Ты, сынок, не думай, он тихий, но его не выпустят. А ордер на него записан, так что ничего не поделать. Никого не вселят и вас не выселят. Вы уж только, сынки, бабе Вале, случись что… вы, я вижу, порядочные…

— А кто этот кагэбэшник?

— Жилец здешний, последний оставался, когда все семьи выселили в манёвренный. Так вот его возьми — и в сумасшедший дом на Пряжку. Не выдержал, сволота, съехал. Прям при мне и забирали, замотали только всего. А он обоссался…

Поковырявшись с замком, она отперла высокие двустворчатые двери и шагнула внутрь. То, что увидели Олег с Денисом, понравилось им буквально с порога. Это была старая дореволюционная квартира. Нарезанная во время построения социализма на десятки маленьких комнаток, она была велика, и во всем виделся барский размах.

Баба Валя куда-то нырнула, и ребята стали бродить по гигантским апартаментам. Комнат было несчетное количество. В квартире оказалось два старинных камина, красивые двери, лепка по потолку и два балкона, выходящих на Свечной переулок. Выбравшись на один из них, друзья закурили и, боясь спугнуть удачу, молча дожидались, пока их позовет управдом.

— Шо сынки, пойдет? — шутливой строгостью запытала их вернувшаяся старуха.

— Подойдет, — спокойно ответил Денис, — а…

— Ну, живите, тока не безобразничать!

— Мы?! Да нет, мы только рисовать, тихо, к нам никто не ходит…

— Ладна, ладна… — усмехнулась женщина. — У меня тоже муж племянницы по этой части. Маляр. Свои, сочтемся. Тока тут комната этого психа, туда не надо. Завтра скажу Валере, он вам запитает счетчик, а газ и воду тут и не отключали…

— Баба Валя! — восторженно прорычал Олег, по-медвежьи

заключая старуху в объятья.

Когда они отлепились друг от друга, в руке у бабы Вали были пятьдесят рублей на «текущие расходы».

10

Апрель, разваливавший бастионы зимы первыми солнечными прогревами, крутил по улицам города потоки сырого ветра. Начинался долгий поединок леденяще страшной, но утомленной своей злобой зимы и капризной, но день ото дня все более опревающей весны. Это противостояние тепла и холода непредсказуемо по времени, так как известно, что зима может нанести свой подлый удар даже в цветущем мае. Но жизненная надежда для подбитых авитаминозом пяти миллионов горожан заключалась в том, что весна неизбежно победит.

Кутаясь в шерстяной шарф, купленный у нищенствующей бабушки, Катя Беккер шла по улице. Она смотрела себе под ноги и не интересовалась подробностями уличного мира, одеждой прохожих и странными формами грязных машин. Внешняя составляющая жизни этого затерянного во времени и политических катаклизмах города была ею давно изучена и теперь ничуть не волновала. Она жила в Ленинграде уже около полутора лет и не переставая удивлялась лишь происходившему вокруг нее круговороту культурных событий. Круг ее друзей и знакомых рос и ширился с каждым днем. Она была счастлива, потому что могла общаться с самыми интересными представителями неофициального искусства. Сегодня она была в гостях у отца некрореализма Юфита в его квартире рядом с музеем Арктики и Антарктики. За разговорами засиделись допоздна, и домой Катя возвращалась уже в электрических сумерках. Свернув с Гороховой на набережную Фонтанки, она пошла вперед, отворачивая лицо от особо резких порывов ветра и разглядывая рисунки темных проталин на сером льду реки. Катя улыбнулась, вспомнив, как месяц назад на этом самом льду Фонтанки художник Виктор Снесарь, из-за усов немного похожий на Сальвадора Дали, устроил восхитительный с ее точки зрения и безобразный по мнению прибывшей милиции перформанс.

Виктор держал мастерскую в том же доме, где размещался «Танцпол». Он много рисовал, был очень общительным, и у него на кухне всегда было тесно от друзей и визитеров. В числе прочих произведений в его мастерской находилось полотно размером два на три метра. Эта работа была выполнена черной и ярко-желтой краской и изображала замысловатые узоры. Продолжительное время эта картина мучила автора, и однажды, хорошо

подготовившись, он решился с ней покончить.

Солнечным мартовским днем Виктор с помощниками вынесли огромную картину на искрящийся лед Фонтанки и установили ее вертикально рядом с пешеходным Смежным мостом и, так уж получалось, напротив Измайловской психиатрической больницы. Вооруженные видеокамерой помощники изготовились снимать: Виктор разделся догола, облил картину бензином и взял в руки заранее приготовленный ритуальный факел. Редкие прохожие, ставшие свидетелями этого действа, были потрясены увиденным. В полуденный час посреди города на белом льду реки стояла режущая глаз ужасная картина, а вокруг нее, непонятно что крича, в одних кроссовках бегал голый человек, размахивающий горящим факелом. Видевшие это пожилые женщины тихо крестились, дети в голос хохотали, а сгрудившиеся у перил неформалы одобрительно кричали. Достигнув нужной степени самовозбуждения, голый демон махнул факелом, и картина вспыхнула, да так ярко, что инквизитору пришлось отпрыгнуть от ее палящего жара. К концу акции подоспели менты. Ленивой трусцой они попытались изловить полуодетого художника, спасавшегося бегством по льду, но вскоре оставили затею.

Подходя по набережной к месту, где Крюков канал впадает в Фонтанку, Катя встретила Тимура Новикова и Андрея Хлобыстина.

— Привет, Катя!

— Добрий вечер, Тимур! Андрей! Приятная встреча. Вы куда? К нам?

— И да, и нет, — с улыбкой сообщил Тимур.

Мужчины расступились, и Катя зашагала между ними

— Мы навестить Георгия в его новом жилище, — сказал Андрей. — Он обосновался в квартире напротив той, где живете вы.

— В самом деле?

— Н-нда! — протяжно и немного в нос подтвердил Тимур. — Хороший район для живописи, как выражается Георгий. В соседнем доме, где была его прежняя мастерская, что-то произошло. В общем, там не стало покоя.

Меж тем они подошли к дому № 145 и поднялись на третий этаж. Из-за дверей «Танцпола», как обычно, бухала музыка, а из квартиры напротив сквозь узкую щелочку пробивалась полоска света. Не успел Тимур постучать, как дверь сама раскрылась и из нее, пятясь, вышел Миша, а за ним и Андрей.

— Пока, Георгий, — отсалютовали молодые люди.

— Спасибо! Вы мне очень помогли, — послышался

сдержанный голос Георгия.

Одной фразой он поблагодарил и попрощался с молодыми людьми.

— О, Тимур! Привет. Спасибо, что зашли. Проходите. Привет, Андрей. Привет, Катя, Вы тоже ко мне?

— Здравствуйте, Георгий. Да, если можно.

— Конечно, проходите, — пригласил Георгий, внезапно повеселев. — Такой сумасшедший день. Хорошо, что Алексей с ребятами помогли. Я бы один не справился с этим переездом.

Все вошли и оказались в просторной зале, имевшей форму усеченного прямоугольника. Красивая комната была заставлена мебелью, коробками и картинами, и в две стороны из нее вели несколько дверей.

— Роскошная квартира! — одобрительно прокомментировал Хлобыстин.

— Не такая большая, как хотелось бы. Но в целом очень приятная, — согласился Георгий. — Мастерская, спальня и столовая. Проходите сюда.

Все оказались в просторной комнате, выходящей двумя окнами на Фонтанку.

Приятели расселись вокруг круглого стола и стали осматриваться. Георгий распаковал картонную коробку, извлек несколько бокалов и серьезным голосом предложил:

— Не хотите ли выпить вина?|

Получив всеобщее одобрение, он откупорил темную бутылку и разлил.

— За ваше новоселье, — произнесла тост Катя.

— За новые пространства, — поддержал Тимур.

Отпив глоток густого терпкого вина, Георгий встал и, рассказывая о подробностях переезда, возобновил прерванные манипуляции по подключению аппаратуры. Соединив нужным образом все провода, он отстроил эквалайзер, поставил иглу на пластинку и, удовлетворенный звучанием вернул сяк столу.

— Какие планы на завтра? — поинтересовался Тимур. — Выставка открывается в двенадцать.

— Как, уже завтра? — оживившись, спросил Георгий,

усаживаясь в кресло.

— Да, в двенадцать, в корпусе Бенуа.

— Катя, вы пойдете на открытие?

— Конечно! Меня пригласили Катя Андреева и Олеся Туркина.

Георгий, Тимур и Андрей тонко улыбнулись.

— Еще вина?

— Да, пожалуйста…

Катя проснулась в своей комнате и, не ощущая в квартире никакого движения, посмотрела на часы. Она забыла снять их ночью, и теперь на запястье остался красноватый след. Часы показывали половину одиннадцатого.

Вчерашний вечер прошел настолько интересно и радостно, что Катя улыбнулась, вспоминая отдельные его части. Беседа у Георгия затянулась глубоко за полночь. Георгий был в прекрасном настроении, шутил, угощал вином и, не отходя от аппаратуры, ставил свои любимые пластинки. Катя еще раз удивилась глубине и многообразию этого человека, старательно прячущего от постороннего взгляда подробности своей жизни, окружающего себя лишь любимыми друзьями и сложнейшими условностями в отношении к жизни и успешности. Говорили о странном моменте, наступившем в их жизни: Государственный Русский музей, этот оплот классической живописи, закупил в коллекцию работы «Новых художников», признавая тем самым их существование и культурную значимость. Картины Георгия Гурьянова, Тимура Новикова, Бугаева-Африки, Олега Котельникова были приобретены музеем и будут показаны на выставке, которая открывается сегодня…

Сегодня в двенадцать.

Двенадцать…

О!

Катя окончательно проснулась и, быстро одевшись, вышла из спаленки. В большой комнате с камином слышались негромкие голоса. За столом сидела целая компания: Алексей, Андрей, Миша и «Новые композиторы».

— Доброе утро, Катя, — поприветствовал ее хор голосов. — Мы тебя не разбудили?

— Нет-нет, я сама проснулась. Опаздываю на выставку.

Она стала торопливо собираться, а ребята продолжили разговор, уже не понижая голоса. На столе лежали несколько листков бумаги — договор между Планетарием и клубов «Научная фантастика» о проведении долгожданной вечеринки.

— У нас есть двенадцать часов на все про все, — сказал Миша, изучая бумаги.

— Я думаю, если подготовиться и действовать быстро, то времени хватит, — заверил его Алексей Веричев молчал, а Алахов добавил:

— Мы с Тимуром возьмем на себя все украшательство. Тимур повесит несколько своих картин и предлагает организовать на вечеринке выставку Олега Маслова. Примерно двадцать картин!

— А мы займемся всей техникой и организацией, —

подытожил Алексей. — Кто будет заниматься барами?

— У нас есть приятель Саша Потапов, он все организует, — ответил Валерий.

Андрей, до этого момента не участвовавший в разговоре, спросил сразу у всех:

— Тысяча рублей аренда. Осилим? Что думаете?

— Конечно! Продадим сто — сто пятьдесят билетов, и бары что-то дадут, — уверенно закончил совещание Алексей, подмигивая Андрею.

— Ну, что? На выставку? — спросила Катя, входя в комнату. — Полчаса до открытия.

— Да, пора!

На двух машинах компания добралась до канала Грибоедова и оказалась в огромной толпе, собравшейся перед входом в музей. На открытие собрался весь цвет неформальной культуры. Народу было так много, что, затерявшись в толчее, Андрей довольно долго не мог найти своих товарищей. Гуляя по залам, он встретил массу знакомых и с нескрываемым удовольствием проинформировал каждого о предстоящей вечеринке.

Выбравшись из водоворота людей в теплом холле музея, Андрей вышел на набережную канала и сразу продрог. Алексей и Миша уже поджидали его, и воссоединившаяся троица устремилась к Невскому. Обмениваясь впечатлениями о выставке, они спешили на встречу с одним важным для их дальнейших планов человекохМ. Через старых рок-клубовских знакомых Алексей договорился увидеться с Игорем Тарнавским, имевшим приличную по тем временам концертную технику и сдававшим ее в прокат. Немного опоздав, ребята добрались до старого кафе-мороженого, где их уже дожидался стройный мужчина лет тридцати.

— Что вам нужно? И когда? — сразу перешел он к сути вопроса.

— В следующую субботу нужно пять киловатт звука и свет, чтобы организовать вечеринку.

— Как понять «вечеринку»? — переспросил Тарнавский.

— Ну, танцевальную вечеринку.

— Дискотеку, что ли?

— Нет, не дискотеку. Ночную вечеринку.

— Так вам это ночью нужно? — опять переспросил Тарнавский, все больше удивляясь. — А кто ночью придет?

— За это не беспокойся, — улыбнулся Миша. — Это наша проблема.

— Ну, со звуком проблем нет. Со светом: есть фонари на секциях. Десять секций, стробоскопы и дым.

— Ладно, а что по деньгам? Сколько стоит?

— Учитывая ночь — пятьсот рублей, — сообщил Тарнавский с улыбкой.

— Идет, — быстро ответил Алексей.

Тарнавский удивленно поднял брови. Договоренность скрепили рукопожатиями, и, уже собираясь уходить, Алексей поинтересовался:

— А от нас-то что требуется?

— Деньги и электричество, — был ответ. Все облегченно засмеялись.

— Это я понимаю, — сказал Миша уже на улице. — Деньги и электричество. Что нам остается?

— Нужно сделать приглашения и в эту субботу раздать всем У нас на вечеринке, — сказал Андрей.

— Правильно, займешься?

— Могу. Я знаю одну контору, где есть ризограф. Нужно только оригинал нарисовать.

Маховик раскручивался целую неделю. Субботняя вечеринка на «Танцполе» прошла так быстро, что Андрей едва успел что-то запомнить. К игравшему Алексею подходили друзья и показывали полученные приглашения, а он одобрительно кивал, подтверждая достоверность невероятного факта.

Компания «Танцпол» имеет честь пригласить Вас.
Планетарий.
Играет диджей Янис (Рига)

Весь следующий день телефон звонил не переставая. Представлялись и напоминали о себе десятки знакомых, испрашивали приглашения и просили за своих друзей. Вечером начались визиты тех, кто по разным причинам не был на субботней вечеринке. Эти хождения не прерывались всю неделю, а получившие приглашения наполняли город слухами и подогревали интерес у огромного числа молодежи, далекой от ядра событий.

Несколько раз ребята ездили в Планетарий, осматривались на местности и встречались с разными служащими. Самая интересная встреча состоялась в Мюзик-холле, где под куполом зрительного зала обитали лазерщики. Гоша Копылов и Дима Егоров пообещали «расстрелять всех в щепки» и в подтверждение своих слов произвели маленькую презентацию. Гоша нажал кнопки, загудели приборы, заработали насосы, и из продолговатого ящика брызнул ослепительный луч изумрудного

цвета. Чтобы еще эффектнее продемонстрировать свое могущество, Гоша прикурил от луча сигарету и положил пальцы на клавиши пульта.

— Смотрите, — сказал он торжественным голосом.

Луч запрыгал по столу с зеркальцами и невероятно быстро стал перенаправляться в разные стороны. Все зрители припали к окну и увидели потрясающий эффект, производимый этим беснующимся лучом.

В темноте зала были установлены зеркальные призмы, конусы и полусферы. Встречаясь с ними, изумрудная нить распадалась на тысячи лучей, сталкиваясь и пересекаясь, они пронизывали тьму невообразимой геометрией.

— Круто! Вот это прибор! — восторженно воскликнул Андрей.

— Плохого не держим.

Все складывалось как нельзя лучше. Приближающийся день вечеринки звенел волнением в ушах. Все ждали пятницы. И вот она наступила. До двенадцати дня все по очереди прогуливались вдоль окон, высматривая на тротуаре машину Яниса. К двум часам общая нервозность стала просто невыносимой.

Когда уставшие от ожидания друзья отправились пить чай, в прихожей раздался звонок. Попадали отброшенные стулья, дверь открыли — на пороге стоял молодой мужчина в джинсовой куртке и бейсбольной кепке, надетой задом наперед.

— Здра-авствуйте! Я Янис. Еле вас нашел. Поможете мне принести вещи из машины?

Все вышли на набережную и занесли в квартиру две коробки с «Technics» и тяжелый кейс, набитый пластинками.

— Хотите послушать материал, который я отобрал для вечеринки?

— Of course! — ответил Алексей. На круглом столе установили два новеньких проигрыватели, Янис включил запись и поставил первую пластинку.

Три часа он играл не прерываясь. Друзья зачарованно слушали музыку и, не отрывая глаз, следили за удивительной техникой игры. Они впервые видели, как работает настоящий диджей: управляя скоростями, переключая каналы и смешивая линии на пульте.

Быстрым вихрем в квартиру ворвались Иван Салмаксов, Женя Бирман, Кирилл Фролов, Заяц, Игорь Длинный. Все окружили Яниса живым кольцом и, когда он сыграл последнюю из привезенных пластинок, стали знакомиться.

— Я не понимаю, Леша, — сказал Янис, — почему вы играете

без монитора.

— Как понять, без монитора?.

— Такое дело, — стал пояснять Янис, — когда играешь, одним ухом слушаешь реально звучащую песню, а вторым в наушнике — следующую. Чтобы слышать бит без задержки из зала, всегда ставят маленькую колонку, монитор. Какой у вас завтра будет звук?

— Рупорный. Пять киловатт. Но монитор найдем. Кассой мощности он нужен?

— Можно ватт на двести.

— О'кей.

Иван, перелистывая пластинки в ящике, спросил:

— Янис, а где ты играешь дома?

— Дома не так много мест. Два в Риге. Еще езжу по республике, когда меня приглашают. Но такую музыку, как я здесь играл и завтра буду играть, у нас почти не слушают.

— А ты уже играл в Ленинграде? — удивленно спросил Бирман.

— Да, год назад меня пригласил Рубик. Я играл на закрытой вечеринке в ДК Связи. Народу было немного, все геи. Но музыка всем понравилась. Сейчас я привез музыку еще лучше. А еще у нас есть свое маленькое радио. Играем house на всю Ригу.

— Радио?

— Смешная история. Мы купили у русских военных большую машину с выдвижной антенной, в которой установлена радиостанция на один киловатт. Машину переделали и, перемещаясь с места на место, ведем трансляцию на город. Официально волну и разрешение на вещание не получить никогда. Но у нас только музыка, и пока нас не трогают. Так что настоящая пиратская станция, но молодежь слушает.

Целый день в квартире играла музыка. Хоровод новых лиц кружил вокруг Яниса, не давая ему ни минуты покоя. Приезжий диджей так воодушевлял членов клуба, что ажиотаж по поводу завтрашней вечеринки к полуночи дошел до предела. Уставший от дороги и бурного общения Янис испросил у Леши место для отдыха, попрощался со всеми и отправился спать. Гости разошлись, все стихло, и ночь темным безмолвием заполнила квартиру.

11

Такого суматошного дня, как эта суббота, служащие Планетария не могли припомнить за всю историю его суще,

сгвования. С раннего утра стены звездного храма наполнились непривычным шумом и возгласами, подъезжали крытые фургоны, дюжие грузчики выгружали ящики и закатывали их внутрь здания. Команда техников распаковывала эти ящики и развешивала на перилах второго этажа секции с прожекторами. Связки длинных кабелей паутиной опутали балкон, их увязывали и соединяли друг с другом, в стенах почтенного учреждения стоял крик и гвалт. К полудню приехала машина со звукоаппаратурой, и массивные, видавшие не один концерт колонки двумя стенами составили на первом этаже. Последними появились лазерщики. Егоров придирчиво выбрал место для нанесения удара и начал руководить установкой, а Гоша принялся хлопотать с тонкими настройками своего уникального прибора.

В самый разгар монтажа в сопровождении «Новых композиторов» в зал прибыла дирекция Планетария. Двое бородатых ученых внимательно понаблюдали за неразберихой в зале и с тревожным сомнением осмотрели горы оборудования.

— Валерий, — густым голосом выразил свои сомнения старейший, — это мало похоже на подготовку к молодежному вечеру, посвященному популяризации проблем космоса Второй бородач согласно закивал. Продолжая следить глазами за хаосом вокруг, он указал рукой на порталы колонок:

— А что это за оборудование?

Валерий принял загадочный вид и стал пространно объяснять:

— Понимаете, по нашему замыслу, молодежь будет воспринимать все происходящее через некую призму научно-технических приспособлений. Это важно. Все эти приборы способствуют тому, чтобы в нужный момент возникла атмосфера, которая позволит присутствующим ощутить себя на празднике, главной составляющей которого будет ««Тайна космоса». — Сделав паузу, Валерий важно посмотрел на представителей администрации и продолжил свои затейливые пояснения: — А «Тайна космоса» — это как раз и есть то непознанное из всего множества вопросов о мироздании, сущность которого, как известно, скрывается в глубинах Вселенной.

— Э-э. Ну, это понятно, — нетерпеливо перебил его директор, — а что на самом деле будет? Как все будет происходить? Как вы собираетесь вести вечер? И что вообще вы соби-и…

От неожиданности директор пригнул голову, а заместитель трусливо охнул. Прямо между их головами с легким электрическим щелчком сумрак зала вспорол ослепительный луч. Эффект был настолько неожиданный, насколько неожиданным

является выстрел из ружья над ухом спящего человека.

Силясь вернуть присутствие духа, ученые настороженно осмотрели дрожащую нить света с ожившими в ней мириадами пылинок. Медленно и зловеще ослепительная линия стала вздыматься вверх и, наткнувшись на зеркальную сферу под потолком, взорвалась тысячью зеленых лучей. Раздались восторженные возгласы. Директор опасливо втянул голову и воскликнул на выдохе:

— Это впечатляет!

Его подозрительный заместитель оценил силу космического оружия, находящегося в руках маленького человечка в кепке, и стал въедливо допытываться:

— Это, должно быть, опасно?

— Нет, ну что вы! — блаженно улыбаясь, ответил Валерий. — Это совершенно безопасно, если только не подставлять руку или одежду.

— Что вы имеете в виду?

— Может дырку прожечь.

Директор заулыбался и остался доволен шуткой. Используя образовавшееся преимущество в сложном разговоре, Валерий смело продолжил:

— Мы хотим приблизить молодежь к нашей основной теме. Сделать это можно только посредством релаксации. Современные молодые люди не интересуются ничем, кроме музыки. Вот мы и хотим дать им возможность послушать музыку и подвигаться в окружении наших прекрасных экспонатов. План заключается в том, чтобы создать в зале красивую космическую инсталляцию. Для этого, собственно, здесь и используется столько оборудования.

— Хорошо, Валерий. Я все понял. Теперь о сегодняшнем вечере. Меня, как вы понимаете, ночью не будет. Так что все вопросы будете решать с Сергеем Александровичем.

Второй ученый важно закивал бородкой. Сразу после этого руководство оставило поле боя, поспешив укрыться в тиши своих научных кабинетов.

— Ну вот, — с улыбкой сообщил Валерий друзьям. — Директор все посмотрел, расспросил и вроде бы остался доволен.

— Чего сказал-то? — спросил Миша, допивая свою пепси-колу.

— Да ничего, по сути, не успел. То да се. Я слегка приоткрыл ему тайну нашего замысла, а в нужный момент их сразил лазер. Так что все в порядке.

— Тогда за дело.

К вечеру основные хлопоты закончились, интерьеры украсили яркие картины Олега Маслова и несколько работ Тимура, десятки прожекторов осветили зал разноцветными лучами. Рядом с подсвеченной моделью первого спутника подвесили зеркальный шар, и тысячи световых пятен закружили по стенам. Планетарий сотрясался громоподобным звуком, слышным далеко за пределами здания. Гуляющие в Александровском парке удивленно поглядывали на обычно тишайшее учреждение, недоумевая, откуда было взяться такому грохоту. Звуковики проверяли низкочастотные колонки, и эта проверка вызвала у служащих настоящий шок. Пожилая уборщица гневно потрясала руками и, силясь перекричать децибелы, изошла на хрип. Успокаивать ее пришел Сергей Александрович, сам серьезно напуганный грохотом и дымовой завесой. Изловив Алахова, он дрожащим от возмущения голосом пообещал прекратить вечеринку, если немедленно не получит обстоятельных разъяснений. К счастью, спустя минуту были включены остальные колонки, и перепуганным служащим стало ясно, что эти ужасные звуки — не зов Аида, а всего лишь часть вполне безобидной песенки — просто звучала она очень и очень громко. Инцидент был исчерпан. Махнув на все рукой, заместитель директора отправился в свой кабинет, а несгибаемая старушка — в ближайший гальюн.

Вскоре приехал Янис. Вместе с Алексеем он долго крутил ручки приборов и в конце концов добился нужного звучания. Янис сразу оказался в центре внимания. Вокруг стола, за которым он готовился играть, стояло два десятка молодых людей, следивших за ним с благоговейным вниманием.

Позже всех приехала машина с «начинкой» для баров и муравьиная цепочка молодых людей потащила на второй этаж коробки с напитками. Шеф-куратор баров Саша Потапов степенно поздоровался с организаторами и со знанием дела заверил:

— Мы все успеем.

Морщась от громкого звука и опасливо озираясь по сторонам, девушки-барменши начали греметь бутылками, расставлять выпивку и развешивать на полках написанные фломастером столовские ценники. Из картонных коробок на разложенные салфетки выкладывались горы бутербродов, коржиков и прочей сомнительной снеди. Миша, пристально наблюдавший за этим процессом, оценил развитие ситуации и возмущенно запротестовал:

— Саша, так не пойдет. Зачем вы заваливаете бар этой жратвой?

— А что? Нормально, — ухмыльнулся Потапов.

— Нет, не нормально. Убирайте все это! И еще — зачем столько водки? Ее никто не пьет.

— Ка-ак? А-а…

— Слушай, Саша! Наши гости предпочитают шампанское. Ну, еще пепси. Так что пока есть время, увози крепкий алкоголь и тащи шампанское. Лучше всего «брют».

— И что-то девушки твои выглядят как-то стремно, — весело сообщил ему подошедший к бару Алексей.

Он уже успел изучить выбор напитков и сейчас критически осматривал персонал бара. Вконец сбитый с толку, Потапов хотел было разобидеться, но взял себя в руки:

— А чего девушки? Нормальные. Обкатанные. А вы каких хотели?

— Не бери в голову, — успокоил его Алексей. — Просто меня потрясла вон та, с лаковым начесом и в кружевах. Присутствующий рядом Габриэль услышал это признание и очень громко зашептал Алексею:

— Леха, с начесом твоя, но только, чур, вон та сисястая, в леопардовом педжике — моя баба.

Общий хохот потонул в громкой музыке, а проинспектированное таким образом барное хозяйство накуксило губки и пришло к выводу, что заказчики — довольно странные придурки.

Несмотря на то, что до начала вечеринки оставалось еще два часа, приглашенные, друзья и знакомые стекались к Планетарию. На улице было прохладно, так что, потоптавшись на гранитной террасе некоторое время, все начинали напирать на двери, пытаясь под любым предлогом проникнуть внутрь. За дверями присматривал старенький дедушка в узком ретропиджачке, отвлеченный всем этим от ежевечерней и очень важной газеты. Перед ним, робеющим от происходящей круговерти, плотной стеной разрасталась пестрая толпа, поминутно требующая вызвать кого-то из уже находящихся внутри бездельников.

Поначалу привратник пытался это делать. Закрывая двери на засов, он не спеша отправлялся на поиски, твердил в уме неизвестное ему имя, но в адском шуме скоро забывал, с чего начал, и никого не находил. К его ужасу, в то время как он отлучился, какой-то враг открыл-таки двери, и полсотни человек, осаждавших вход, не дожидаясь ничьих согласований, ворвались внутрь.

Вскоре приехали Тимур Новиков, Георгий Гурьянов, Юрис Лесник, Олег Квадратная Башка, Монро, Олег Маслов, Африка, Ирэна Куксенайте, Виктор Мазин, Ольга Тобрелутс, Андрей

Медведев и Олеся Туркина.

К тому времени, когда у входа выросла уже настоящая толпа, на втором этаже, в отгороженном от шума лектории, на мягких диванчиках шло последнее перед началом вечеринки совещание.

— Придется кого-то ставить на вход. Большая часть приглашенных уже внутри, а на улице еще море народа, — заявил Миша.

— У нас есть девушка, — начал Валера.

— Девушка не пойдет. Нужно знать друзей в лицо и не мямлить, — отрезал Алексей.

— Может, сами по очереди будем стоять на входе? — предложил Андрей.

— В принципе, почему нет. А девушка может работать в кассе и собирать деньги. Андрей, иди на вход, и давайте запускать людей.

— Когда открываем двери?

— Минут через пятнадцать.

— Сколько стоят билеты?

— Пятьдесят.

Пятнадцать минут пролетели, и в открывшиеся двери хлынул поток истомившихся гостей. Большинство предъявляло старенькому контролеру свои пригласительные, многие покупали билеты, а некоторые осаждали присматривающего за входом Андрея. Помещение Планетария быстро, как тонущая бутылка водой, наполнялось людьми. Задние ряды напирали, и передние стали поневоле выходить на танцпол. Зрители, густо облепившие балкон второго этажа, съедали глазами настоящего диджея, приехавшего играть на houseparty. Он был одет чрезвычайно просто, лишен спеси и отвечал всем дружеской улыбкой. Заполнявшийся танцпол был прямо под ногами, и Янис хорошо чувствовал, какой эффект оказывает его музыка.

Он играл прекрасную, никем еще не слышанную музыку, сердца танцоров трепетали, на лицах были счастливые улыбки. Эту вечеринку все ждали и долго к ней готовились. Большая часть пришедших принарядилась, многие пришли в специально подготовленных костюмах.

Отстояв час на входных дверях, Андрей устал от умоляющих стонов безбилетников, и вот наконец получил возможность рассмотреть вечеринку. Протиснувшись через вибрирующую толпу, он поднялся на второй этаж, и оттуда ему открылась поистине фееричная картина. Мощный вентилятор разгонял вихрящиеся клубы дыма, а в его подвижных слоях сталкивались и

перекрещивались разноцветные лучи. Потоки света заливали самые дальние уголки пространства, раскидывали во все стороны тени и расцвечивали плотную массу танцующих. Быстрыми белыми взрывами, похожими на тысячекратно усиленную фотовспышку, заработали стробоскопы, и от их бешеного мигания у всех танцующих возникло ощущение покадровой замедленности движений. Неожиданно эту пульсирующую смесь света и тьмы разрезал лазер, блеснувший над головами танцоров разверткой зеленого луча. Эта переливающаяся в клубящемся дыме плоскость махнула крылом, коснулась поднятых рук и, перевернувшись несколько раз в пространстве, распалась на отдельные лучи. Каждая из этих стремительных молний перенаправилась на вращающиеся призмы, от которых лучи разлетались тысячами брызг.

Музыка звенящими тарелочками отстукивала быстрый ритм, а откуда-то снизу все звучание поддерживалось глубоким басом, заставлявшим трепетать низ живота. Звонкий женский вокал сверлил уши:

— I feel it, I feel it, I feel it… move your body!!!

Янис разыгрался. Набрав силу, его музыка несла танцующих все дальше и дальше. К двум часам ночи танцевали уже везде: внизу на танцполе, на подиумах, на балконах второго этажа, у баров. Андрей поминутно сталкивался со знакомыми и друзьями, счастливыми и разгоряченными. Все радостно обнимались и спешили высказать друг другу свои восторги. Протиснувшись к бурлящему бару, он получил пластмассовый стаканчик, до краев заполненный шампанским, и тут же оказался в центре большой компании. Заяц, Длинный, Андрей Медведев, Марат, Наташа Пивоварова, Лера, Костя Митенев, Дима Бучин, Настя Смирнова и Адриан Аникушин смеялись, пританцовывали и пили шампанское. После общих приветствий и веселого обмена впечатлениями Заяц тронул Андрея за локоть и, скорчив загадочное лицо, стал делать глазами какие-то знаки. Желая понять его многозначительные гримасы, Андрей нагнулся, а Заяц неожиданно громко прокричал ему в ухо:

— Пошли курнем!!!

Эта псевдоконспирация, как и все обычные шуточки Зайца, закончилась общим хохотом, большая часть компании прихватила недопитые бутылки и отправилась искать место для курения — «тенеты», как любовно называл их Заяц. На втором этаже друзья нашли служебную лестницу, и через пять минут площадка наполнилась ароматным дымом.

Очень скоро Андрей снова оказался на балконе и,

облокотившись на перила, стал наблюдать за происходящим. Скользя взглядом по танцполу, он находил знакомых и с интересом следил за движениями их тел. Манера танцевать у всех была разная: одни расслабленно покачивались, давая свободу только рукам, другие энергично подпрыгивали с ноги на ногу и раскачивали головой, а некоторые упирались в пол негнущимися ногами и, вибрируя всем телом, ежесекундно ускользали из того положения, в котором были миг назад. При всей разнице в пластике и манере танцевать, задаваемый музыкой темп был общим, и его басовые удары физически заставляли тела повиноваться.

В плотной массе Андрей разглядел взмокшего от танцев брата. Алексей был в своей английской кепочке, он стоял, разговаривая с Георгием Гурьяновым и какой-то девушкой в синем парике. Георгий слушал Алексея, снисходительно улыбался и, глядя куда-то вверх, покачивал головой в ритм музыке. Рядом с ними, у ракетного двигателя, «Пиратское телевидение» снимало свой репортаж.

Андрей увидел Катю Беккер, подстриженную еще короче, чем обычно. С новой прической она стала похожа на улыбчивого мальчика, но женские округлости были отчетливо различимы под складками одежды. К своему удивлению, Андрей увидел, что Катя в кадре не одна. Вынырнув из темноты, к ней присоединилась еще одна Катя Беккер, ее точная копия. Черноволосые близняшки с ярко накрашенными губами встали в пятно света и заулыбались окружившим их зрителям.

Монро, — догадался Андрей, присмотревшись к клону.

Кто-то тронул его за плечо, Андрей резко обернулся и увидел Даню Адельсона.

— Андрюша! Тебя Миша просит срочно подойти к выходу, — тревожно сказал он.

Друзья устремились по лестнице вниз.

— Что случилось, Даня?

— Там проблема.

— Что за проблема?

— Там на входе быки, ломятся внутрь.

— Что за быки?

— Ну, братки в спортивных костюмах.

Вырвав Алексея из компании друзей, Андрей коротко объяснил ему происходящее, и они бросились к выходу. Молодежь, толпившаяся в тамбуре между дверями, к тому моменту разбежалась, дедушка-контролер потерянно жался к стене, а Мишу окружили три бритоголовых спортсмена в черных кожаных куртках:

— Ты, черт, чё не понял! Мы посмотреть своих друзей хотим…

— Здесь нет ваших друзей, — отвечал им бледный Миша.

— Эй! Эй! Эй! — ворвался в перепалку Алексей, отводя руку, уже занесенную над Мишиной головой.

— А ты кто такой? — переключились на него бандиты.

— А вы кто?

— Щас узнаешь…

— У нас здесь мероприятие, и никаких ваших друзей здесь нет и быть не может, — решительно сообщил им Алексей с высоты своего роста, с ненавистью глядя на бритоголовых карликов.

— Слышь ты! Мероприятие!.. Телки, бухло!.. А это что за билеты по полташке? — заорал один из разбойников, указывая на объявление над кассой. — Ты кому платишь вообще?

К входным дверям стали стягиваться общие друзья, догадавшиеся, что происходит что-то неприятное. Через минуту компания молодежи стала в десятки раз превышать количество нападавших, и те, оценив свои перспективы, умерили прыть.

— Ладно, козлы, — сказал самый отвратительный и агрессивный.

— Серый, слышь? Поехали за пацанами в баню!

— Па-ажди! — заорал тот, к которому обращались. — Мы скоро вернемся.

— А ты, бурый, — обратился к Мише другой бандит, играя желваками, — я тя, сука, завалю!

С этими словами он коротко и сильно ударил Мишу в живот, грязно выругавшись, вынул сигарету изо рта и щелчком пальца бросил окурок в лицо перепуганной девушки в кассе.

Бандиты вышли на террасу, спустились со ступеней и уселись в «восьмерку» с тонированными стеклами. Черная машина с включенными фарами простояла пять минут, а потом, взвизгнув резиной, умчалась в темноту Александровского сада.

— Миша, ты как? — стали сочувственно спрашивать все вокруг.

— Нормально. Ребята, пойдемте поговорим, — обратился Миша к Алексею и Андрею.

Друзья зашли в помещение кассы и, отправив умываться плачущую девушку, стали совещаться.

— Что думаете? — спросил Миша.

— Откуда они взялись? — стал выяснять Андрей.

— Понимаешь, все было прекрасно, и вдруг забегает с улицы девушка, плачет и просит помочь. Ее молодого человека бьют на улице какие-то бандиты. Не успел я ничего понять, как эти

гопники ввалились внутрь и стали бычить. Они заводились минут десять, потом начали прессинговать кассиршу.

— Понятно, — сказал Алексей серьезно.

— Что будем делать, если они вернутся? — спросил Андрей.

— Остается только звонить в ментовку, — предположил Миша.

— Слушайте, — сказал Леша, — да пошли они к черту. Давайте прекратим продавать билеты, закроем двери и будем ждать утра. Нам осталось два часа.

Через несколько минут они снова оказались в жарком зале, до отказа заполненном танцующими. Вид безмятежно веселящихся людей произвел обратную смену настроения, и, подбадривая друг друга взглядами, друзья заулыбались. Каждый думал о чем-то своем, а перед глазами разворачивалась новая и удивительная реальность. Сбылась их самая заветная мечта. Вот она, они ее видят и осязают, она повсюду. Они стоят посреди «танцпола», и всем управляет музыка.

К счастью, неприятная история на входе осталась почти никем не замеченной, и гремящая барабанами вечеринка несла счастливых танцоров все дальше и дальше. Танцевали все: друзья, знакомые, виденные однажды, абсолютно неизвестные ребята, танцевала вся огромная компания модников этого города, перевоплощаясь, кружась и вздымая руки.

Вдоволь насмотревшись на происходящее со стороны, Андрей испытал невероятное облегчение от того, что справился с робостью и сам оказался среди танцующих. Позабыв все бессмысленные волнения по поводу гангстеров, он понял, что уже ничто не помешает вечеринке, и шагнул в мигающее пятно света.

Два часа пролетели, как минута. Был уже шестой час утра, и божественный Янис вел танцоров к финалу. Это был уже даже не танец, а общее душевное соитие, расслабляющее сознание и напоминающее эйфорию гипнотического транса. Сильнейшие эмоциональные переживания этой ночи связали всех присутствующих невидимой силой. Казалось, будто эта пропитанная музыкой сила влечет тела за собой, качает мягкими волнами, и этому счастью не будет конца.

Но время, которого никто из собравшихся не замечал, все же взяло свое, и из неостановимого потока музыки стали вываливаться кусочки. Поначалу это были отдельные звуки, потом целые фразы. Янис заставил всех поднять руки и блаженно закрыть глаза. Грохнув в последний раз, замолчал молот, шесть часов сотрясавший все живое, остались лишь несколько звуков, изящных и долгих. Повиснув в образовавшейся тишине, эти звуки

стали перетекать из одной высоты в другую и постепенно набирать невероятную резкость звучания. Прощаясь с околдованными слушателями, Янис крутил ручки на эквалайзере пульта. Одним поворотом регулятора он доводил этот сомнамбулический звук до невероятной высоты и ясности, а через миг хрустальная игла звучания раскалывалась, тон становился мягче, уходил из резкого в тягучий и дальше в протяжно-гудящий.

Перестав звучать в эту самую счастливую минуту, музыка оставила свою тень, электрическое марево, фон уставших усилителей, едва слышимый песочек пустой звуковой дорожки.

12

Гулко, как это бывает в тоннелях, по длинному коридору квартиры на Свечном переулке разносились мощные удары. Невысокого росточка дюжий паренек в строительном комбинезоне, утирая со лба белые от известки потоки пота, колотил стену кувалдой. Он мял ее и сотрясал, крошил штукатурку, расчищая слой старых досок. Его напарник, крепкий, как можжевеловый корень, пожилой мужчина, ловко орудовал ломом, поддевая доски и заставляя их с визжащим скрежетом отрываться от стены. Время от времени в запыленный коридор выбегал светловолосый юноша в маечке обтягивающем трико. Закрывая лицо от пыли, блондин взволнованно кричал молотобойцу:

— Е-енаррмальна-а?!

Тот прерывал равномерные удары и уважительно отвечал:

— Куда она денется!

Несколько дней назад, когда было закончено перетаскивание вещей из маленькой убогой квартирки на первом этаже в роскошную и необъятную трехсотметровую квартиру, Олег Назаров и Денис Одинг попытались самостоятельно сломать стены коммунальных комнат. Несмотря на то, что я они сражались изо всех сил, толка из этого не вышло никакого. Изранив в кровь руки, усталый Денис стал замазывать ссадины йодом и печально сказал другу:

— Олег, это нереально!

— Вижу, — с угрюмой злобой глядя на изувеченную стену, сказал Олег. — Это мы с одной два часа бьемся, а здесь их десяток.

Плюнув на неудачу, друзья скрутили папироску и стали чаевничать. Вскоре стукнула дверь в прихожей, и, перепрыгивая

через кучи штукатурки, в комнату влетел молодой человек с двумя пластмассовыми ящиками в руках.

— Всем привет! — бодрой скороговоркой бросил он друзьям.

Новоприбывшего звали Саша Штейн, он был всеобщий знакомец, неунывающий оптимист, затейник ко всему прочему, начинающий художник. Прознав про то, что Олег с Денисом заполучили шикарную мастерскую, он без церемоний объявился у них и, приняв деятельное участие в обустройстве пространства, оказался полезным гостем.

— Привет, Саня! — устало откликнулся Олег. — Два часа уродуемся с этой стеной, ничего не получается. Доски такой толщины, что гвоздодер гнется.

— Вижу! — произнес Штейн, доставая из своих бесчисленных карманов всякие сладости к чаю. — Нужно нанять гоблинов. Найти каких-нибудь позлее, самим стараться бесполезно.

— Он сделал театральную паузу. — Я как раз таких знаю. Нормальные парни! Они моему знакомому разобрали старую дачу. Телефон имеется.

— Звони немедленно! — потребовал забинтованный Денис.

Ангажированные Штейном рабочие действительно появились. Они приехали на грузовой машине и согласились убрать ненужные стены, взяв вместо денег старые доски и бревна. Оказалось, что эти умельцы собирают столетней выдержки дерево и задорого продают его реставраторам.

Началась трехдневная эпопея по разгрому стен. Рабочие разбились на две группы: одна крушила все подряд, а вторая выкидывала мешки с мусором и выносила доски. Молодые люди ежечасно выскакивали из-под завешенной холстиной двери и нетерпеливо разглядывали разрастающееся пространство. Когда все закончилось и белые от пыли работяги уехали, квартира приняла свой первозданный вид. Образовалось два зала по шестьдесят метров с камином и балконами, пригодных для занятий живописью и приема гостей. Две красивые тридцатиметровые комнаты, не подвергавшиеся разрушению, художники отвели под спальни. Кроме них нетронутыми остались кухня, ванная, келья сумасшедшего кагэбэшника и еще три комнаты, в будущем пригодные для любого использования.

Все произошедшее было невероятно, и во все это верилось с трудом. Мастерская оказалась неправдоподобно велика, и счастливый Олег сказал Денису:

— Я оставил десяток длинных досок, закажу себе подрамники три на четыре. В этом пространстве хочется рисовать большие форматы.

Наварив целый таз мучного клейстера, друзья оклеили стены

белой изнанкой дешевых географических карт, а постоянно пасущийся в мастерской табунчик девушек из художественных кругов был брошен на мытье полов.

Через несколько дней ремонтная истерия стала стихать, и молодые люди занялись обустройством собственных комнат. В квартире появились электричество, газ и тепло, и быт художников полностью наладился. Прошло еще какое-то время, и, сидя перед горящим камином в один из зимних вечеров, друзья пришли к выводу, что пора принимать гостей.

— По-моему, все уже прекрасно! Лучше некуда, — высказал свое мнение Денис, критически окидывая взором огромную комнату.

— Согласен, — поддержал его Олег. — Тепло, вода, свет, дверь, замок.

— Еще телефон протянем откуда-нибудь.

— Надо отдыхать. Надоел этот ремонт. Может, устроим новоселье? Позовем всех друзей, немного оттянемся.

— Никаких возражений, — мечтательно заулыбался Денис при мысли о небольшой вечеринке. — Я бы еще группешник пригласил какой-нибудь.

— Какой?

— Ну какой? Наших же друзей — «Два самолета».

— Точно. И «Соусрекс», — подхватил Олег.

— Ага. И «Колибри»!

— Точно! Устроим вечерину!

— Но без экстремизма?

— Конечно…

Наступил вечер назначенного дня, и квартира наполнилась веселым шумом. Жора Баранов привез динамики, «Два самолета» — ударную установку и клавиши, а диджей из «Курьера» Сергей Никифоров — кассетные магнитофоны.

К ночи яркий свет в квартире погасили, заиграла музыка, и под шумные аплодисменты новоселы откупорили первую бутылку вина.

Вскоре стали прибывать званые гости и их многочисленные друзья. Олег в измаранном красками комбинезоне по-хозяйски встречал их в дверях, целовал каждого в щечку и приглашал к «столу». Этот единственный имеющийся в обстановке стол был выполнен в виде концептуального объекта, в центре которого размещался эмалированный таз с ананасами, обложенный по кругу рядами пирожных и стопками пластмассовых стаканчиков.

Для всех без исключения новоселье начиналось с чинного осмотра апартаментов, потом под шутки и хлопки

откупориваемых бутылок динамично переходило в оживленную говорильню, а очень скоро и в яростные танцы.

Всю ночь по тишайшему Свечному переулку разносились бешеный грохот музыки, визги, хохот и громкие возгласы. В пустующем доме соседей было немного, поэтому мер маскировки и конспирации никто не предпринимал.

В гости пожаловало такое множество народа, что к двум часам ночи входные двери просто перестали закрывать: «Тотальный джаз», «Два самолета», «Колибри», «Л.Ю.К.И.», «Аукцион», Опасный, Марат, Длинный, «Джуки пуки», Габриэль, Заяц, Адриан Аникушин, Дима Бучин, Андрей Медведев, Олег Поваров, братья Мосины, Вета Померанцева, Викентий Дав, Ольга Тобрелутс, Олег Гамаюн, Инал Савченков со товарищи, Олег Маслов и еще примерно человек пятьдесят чьих-то друзей, имен у которых никто не спрашивал, но чей внешний вид свидетельствовал о неформальности и жажде развлекаться.

Так все и получилось — веселье удалось. Табачный дым клубами вырывался из открытых форточек, от громкого звука дрожали окна, а в их освещенных прямоугольниках скакали призрачные тени. В течение ночи «Два самолета» раз десять сыграли любимые народом песни, хмельная аудитория громко подпевала и кричала «Еще!». Другой участник, группа «Колибри», к моменту выступления петь уже не могла, но, спасая имидж, развеселая Пивоварова устроила свой собственный перформанс. Гости орали, шумели, поминутно требовали танцев и еще шампанского, вся мастерская была завалена пластмассовыми стаканчиками с недоеденными ананасами и залита напитками. Гостиная, в которой стояла звуковая аппаратура, была так переполнена танцующими, что пол качался от плясок. Те, кто танцевать уже не мог, сидели на подоконниках, курили, разговаривали, ходили к метро за алкоголем, спали. На последнем дыхании вечеринка донесла своих гостей до утреннего финала и затерялась эхом в заснеженном переулке.

К шести утра внук известного скульптора Аникушина Адриан крепко заснул на полу в полутемной прихожей. Сразивший его сон был прямым следствием отключения сознания из-за количества выпитого в тот вечер алкоголя. Девушки бросили Адриана, и он спал в своей лисьей шубе, вальяжно развалившись на куче чужой одежды. Музыку выключили полчаса назад, но в квартире все еще стоял громкий гул голосов. Гости расходились шумно и долго.

В таком плачевном состоянии Адриан пребывал не один. Для обычно малопьющего Олега новоселье тоже стало трудным

испытанием. Руки и ноги не желали слушаться, его мутило, на лице застыла сонная улыбка. Олег сидел на стуле в вязкой духоте прокуренной комнаты и тяжело дышал. Шампанское, а потом и портвейн сыграли с ним злую шутку, его так разморило, что комната плыла в глазах цветным калейдоскопом. Задыхаясь в безвоздушной мути, он попытался сконцентрироваться и стал разглядывать говорившего с ним человека. Собеседник расплывался в глазах. Олег предпринял последнюю попытку вырваться из этого беспомощного состояния: даже не пытаясь закончить разговор, он встал на дрожащие ноги и вывалился из прокуренной комнаты. Пошатываясь, добрел до большой гостиной, постоял у открытого окна, немного пришел в себя и вскоре узнал среди гостей Дениса. При виде очнувшегося друга Денис расплылся в счастливейшей улыбке, поднялся и, покачиваясь, сделал шаг навстречу.

— Олега! Ты как? Хочешь коньяку? — спросил он, вешаясь на плечо своему и без того нетвердо стоящему другу.

— Давай, Назарчик, на посошок! — потребовали присутствующие.

— Нет, что-то я устал. Сигарету?

— Не-а. Пойду к себе, — выдавил Олег, растирая лицо руками и яростно зевая.

Он обвел комнату осоловевшим взглядом и, не прощаясь ни с кем, направился к спальне. Поддерживая за локоть, Денис довел его до дверей:

— Олег, там, это… Ну… — Денис махнул рукой и вернулся к компании.

В чистом воздухе спальни витал тонкий запах незнакомых духов. Плохо соображая и ничего не видя в темноте, Олег добрел до своего ложа и с размаху повалился в него. Раздался жалобный писк, и Олег испуганно подскочил.

— Кто здесь?

— Я, — тихо ответил женский голос.

Постель зашевелилась, и из складок шелка появилась голова девушки.

— Ты кто? — силясь понять происходящее, спросил Олег.

— Я Саша, — робко доложила девушка. — Мы с подружками вам помогали. Полы мыли. Помнишь?..

— А-а… — промычал Олег, приваливаясь на локоть и клоня отяжелевшую голову.

— Ты извини, что я здесь прилегла, очень устала. Мне стало не по себе, а Денис сказал, что здесь можно отдохнуть. Я сейчас уйду…

Девушка Саша села на кровати, а Олег устало опрокинулся на

спину. Какое-то мгновение они молчали, практически не видя, но ощущая присутствие друг друга. Мысли путаными рывками сближали их, учащая сердцебиение.

— А где же твои подруги? — тихо спросил Олег, чтобы сказать хоть что-нибудь.

Сейчас, в горизонтальном положении и тишине, ему стало немного легче, но все еще ощущались тошнотворные головокружения.

— Не знаю, — еще тише прошептала Саша.

— Курить хочешь?

— Давай.

— Достань, там под кроватью были сигареты.

Пытаясь нашарить сигареты, девушка наклонилась и стала тянуться вниз. Ее легкое тело крест-накрест легло на Олега, а волосы упали, рассыпавшись, ему на руку. Он робко дотронулся до ее головы, а она, повернув к нему лицо, взяла его за кисть и поцеловала в ладонь. Через мгновение, исступленно дыша, они рвали друг на друге одежду. Добравшись до ее мягкого тела, Олег, не помня себя от страсти, повалил ее на спину, покрывая поцелуями грудь, шею и лицо.

Проснувшись поздним вечером, Денис прошелся по замусоренным комнатам и обнаружил Штейна, спящего на восьми составленных вместе стульях. При появлении друга Штейн выглянул из своего лежбища и поприветствовал Дениса поднятием руки.

— Как дела? — спросил он.

— Только проснулся, а ты как? Уже не спишь?

— Назаров разбудил.

— В каком смысле? Он проснулся?

— Час назад. Слышишь? — спросил Штейн, указывая пальцем в сторону спальни Олега.

Денис замер и прислушался. Из глубины мастерской доносились тихие стоны. Денис вспомнил подробности утра и лукаво заухмылялся.

В квартире был настоящий свинарник. Повсюду валялся мусор и окурки. Пустые бутылки и стаканчики стояли на подоконниках, на столе и на липкой от ананасового сока рок-клубовской аппаратуре.

Включив погромче музыку, Денис занялся уборкой. Вдвоем со Штейном они расставили мебель, собрали бутылки и намели три огромных коробки мусора. В разгар работы в гостиную вбежал абсолютно голый и готовый к детозачатию Олег. Перехватив у Штейна зажженную сигарету, он, утирая пот со лба, деловито осведомился:

— Шампанского нет?

— Знаешь, кто по утрам пьет шампанское? — спросил Денис, осматривая боевую экипировку друга.

— Ладно вам! — пробурчал Олег, исчезая за своей дверью.

— Саня, — обратился Денис к Штейну, — пойдем в Дом актера, поедим. У меня остался четвертак.

— Покормишь? — спросил Штейн. — Я без денег.

— Легко.

Подкравшись к дверям, за которыми прятались голубки, Друзья громко захохотали и отправились в ночной город.

Прогремевшее с настоящим куражом новоселье очень понравилось молодым художникам и их друзьям. Квартира сразу же попала в число городских мастерских, где каждый день собиралась неформальная молодежь, ищущая безудержного веселья и легких наркотиков. Друзья начали увлеченно рисовать, хотя было трудно и дорого доставать нужные краски. Пытаясь оторваться от традиционной живописи, Олег смело экспериментировал с цветами, и его палитра была полна самых интенсивных флуоресцентных цветов. По мере вхождения во вкус росли и размеры их картин. Мастерская была заставлена готовыми работами и подрамниками. Картин получалось так много, что их дарили всем приятелям. Друзья принимали у себя огромное количество гостей, в том числе интересующихся всем иностранцев, и каждый вечер у них можно было застать кого-нибудь из известных городских персонажей.

Публичность мастерской стала привлекать к себе внимание. Все прилагаемые усилия привели к тому, что однажды в гостях у художников оказался и местный участковый. Этот потертый службой усатый капитан осмотрел все комнаты и, придирчиво проверяя паспорта у подозрительных художников, поинтересовался документами на квартиру. Оказалось, что участковый в курсе того, что в квартире проживал сумасшедший пенсионер из органов безопасности. Более того, они были чуть ли не друзьями, и капитан проявлял серьезную озабоченность его судьбой и неприкосновенностью опечатанного помещения.

Во время первого посещения художники туманно объясняли стражу порядка свое присутствие в квартире, объявив мастерскую временной, но безусловно одобренной домоуправом. Некоторое время все было спокойно, и они почти забыли о капитане, но, как это обычно бывает, во время второго визита ментов было уже двое. Они пришли подшофе и полчаса вымогали у художников пятьдесят рублей. После завершения этой неприятной процедуры милиционеры неожиданно заверили, что покровительствующая друзьям баба Валя — дура и документы на аренду получить все

же придется. А то…

Срок был определен в один месяц.

Время шло.

Друзья каждый день собирались что-то предпринять, да все как-то не получалось. То одно, то другое. В конце концов на это просто плюнули.

Вечеринки продолжались. Уже не с таким размахом, как в первый раз, но зато почти еженедельно. Постоянно расслабленные Олег с Денисом установили такой простой порядок посещения Свечного: каждую субботнюю ночь, а иногда и воскресное утро сквот был полон самой разнообразной молодежи. Постепенно втягиваясь в богемный круговорот, художники перезнакомились со всем городом и стали друзьями-неразлучниками. Их повсюду узнавали — отчасти из-за высокого роста, а больше из-за того, что в своей мастерской они поощряли практически все, кроме проявлений хамства и насилия. Квартира напоминала нечто среднее между художественной студией, репетиционной точкой, подпольной танцулькой и центром психоделических экспериментов. Саша Штейн, чрезвычайно стесненный в своих домашних условиях, попросил Дениса позволить ему пожить в мастерской и, получив полное одобрение, вскоре окончательно переселился на Свечной. Его серьезно увлекала графика, а рисовать дома не было никакой возможности.

Месяц, отведенный участковым, пролетел, и однажды ранним утром в квартиру требовательно позвонили. Заспанный Штейн долго расспрашивал через дверь, кто пришел, и, получив визгливый ответ, открыл. На пороге стояла целая делегация, состоящая из участкового, бабы Вали, какой-то толстой женщины с фиолетовыми волосами и местного Дворника, горького пьяницы. Услышав неприятный разговор в прихожей и сообразив, что происходит, Денис пробежался по комнатам, спрятал не предназначенные для постороннего взгляда вещи и пепельницы, полные папиросных гильз. Через некоторое время домовое начальство ввалилось в гостиную, и все увидели Дениса, стоящего перед мольбертом с кисточкой в руках. Всю площадь внушительного холста занимал разноцветный фрактал, из глубины которого на комиссию сурово смотрел немигающий глаз. Денис сделал удивленное лицо и, отложив сухую кисть, радостно бросился здороваться. Комиссия была сбита с толку проявлениями такого радушия, стала осматриваться, и только через минуту толстая гражданка с фиолетовым шаром на голове

смогла перейти к сути вопроса:

— Мы поселили вас здесь, чтобы вы присматривали за квартирой, а что получилось? Вопли, крики, музыка всю ночь. Вы еще переломали все стены. В нижней квартире потолки треснули, шестнадцатая квартира жалуется, что вы подключились к их телефону…

Участковый пожевал свой ус и тоже высказался:

— Что это у вас за музыка такая? Бум-бум-бум! Хождения всю ночь… С этим надо заканчивать.

Кривой испитой дворник, желая обозначиться в важном разговоре, поддакнул:

— Ваши мешки с мусором в арке свалены?

— Не наши.

В комнату вошел Олег.

— Что же это получается? А? — распалялась толстуха.

— Или вы оформляете документы, или мы попросим вас отсюда, — продолжал мент.

Олег, Денис и Саша стояли потупившись. Выслушав все обвинения в свой адрес, Денис ответил:

— А давайте мы оформим эту мастерскую в аренду?

— Я вам месяц назад говорил, чтобы вы это сделали, — резонно ответил участковый.

— Но мы же художники. Мы не знаем, куда идти, к кому…

Женщина, возглавлявшая комиссию, прижала к своему необъятному бюсту папочку с документами и, взглянув на Дениса, ответила:

— Значит так, даем вам три дня сроку. Явитесь в РЭУ, там у меня прием с восьми. Я вам дам образец заявления, и пойдете с ним в исполком. А за электричество вам нужно платить в жилконтору. Все!

— И вот еще, — интимно добавил участковый, почему-то пристально глядя на Штейна. — Вы этот шалман по ночам заканчивайте, а то я это самое…

Через пять минут, закончив чтение ультиматума и обоссав в уборной стульчак, представители власти ушли.

Час после этого в гостиной шло совещание. Молодые люди даже не могли помыслить о том, чтобы оставить мастерскую без боя. Они настолько вжились в эти стены, что были готовы на любые трудности, лишь бы отстоять свой микромир. Предстоял переход на другой уровень.

Подводя итог сказанному за утро, Олег заявил:

— Надо сделать бумаги, и пошли они все подальше.

Всю неделю после вечеринки в Планетарии «Танцпол» пребывал в состоянии полной эйфории. После расчета с Янисом, барами, уборщиками, звуковиками и лазерщиком Гошей карманы обычно полунищенствующих ребят все равно остались туго набиты деньгами. Проведенной вечеринкой были довольны и официальные лица. Во время волнующей встречи с дирекцией ученые суммировали все ощущения и, сдержанно поблагодарив устроителей, высказали надежду на возможное продолжение серии научно-просветительских вечеров. Вследствие этого благоволения уже через неделю был заключен договор на проведение следующей вечеринки.

Тим Велыо, ежедневный гость на Фонтанке, тоже получил свои первые дивиденды от вложенных в аппаратуру «Танцпола» сумм. Правильно оценив перспективы этого «бизнеса» и возможности молодых людей, авантюристичный англичанин призывал Алексея тщательнейшим образом готовить следующую party.

Сделали коммерческий вывод и сами «танцпольщики»: для приватных вечеринок на Фонтанке Миша стал организовывать закупки шампанского и пепси-колы. Торговля этими благородными напитками прижилась и пошла довольно бойко. Начав с двух ящиков вина и хорошенько изучив спрос мемберов клуба, уже очень скоро Миша стал каждую субботу наполнять поясную сумочку купюрами. Непьющий ничего из алкоголя, он преодолел барьер дружественной стеснительности, и «Танцпол» стал регулярно зарабатывать на любви молодежи к шампанскому.

Вечеринка с Янисом произвела эффект разорвавшейся бомбы. Восторженных разговоров о ней было столько, что в следующую субботу на Фонтанке собралось такое множество народа, что все едва поместились в квартире.

Впервые во время вечеринки на безлюдной набережной под окнами клуба были припаркованы несколько автомобилей. Новых людей, желающих познакомиться с «Танцполом» и попасть на Фонтанку, стало так много, что входную дверь пришлось контролировать, чтобы хоть как-то фильтровать неизвестных.

Кассеты, оставленные Янисом, играли не переставая. Они переписывались и передавались среди друзей как величайшая ценность; множась, они проникали во все дружеские компании. Недостаток информации и музыкальный вакуум были такими, что если где-то играл house, то можно было с уверенностью сказать, что его слушают друзья или их знакомые.

Во время субботней вечеринки Андреи открыл на звонок

двери и увидел большую компанию молодых людей, нерешительно столпившихся на лестнице. Улыбчивая девушка, стоявшая впереди всех, стала робко объясняться. Из ее рассказа выходило, что, не зная номер дома, молодые люди нашли клуб, пройдя всю Фонтанку пешком, они замерзли, и им очень хочется, чтобы их впустили. В подтверждение своей причастности к танцевальной музыке компания показала приглашения из Планетария и заверила, что музыка Яниса стала самым ярким впечатлением их жизни. На их счастье, в тот момент из-за дверей выглянул Алексей. Услышав эти вдохновенные слова, он покровительственно улыбнулся симпатичной просительнице и великолепно устранил перед молодыми людьми все препятствия.

— Заходите! Очень рады! — гостеприимно пригласил он.

Новые пятнадцать человек, счастливо улыбаясь, один за другим вошли в «Танцпол». Из-за обилия людей, начиная от входа, квартира была почти непроходима. Под потолком прерывисто мерцала синяя неоновая трубка замысловатой формы, освещавшая группу людей, столпившихся в прихожей. Андрей остался среди друзей, а Алексей, воодушевленный юностью и трепетностью девушки, жестами пригласил новоприбывших следовать за ним. Длинный пронаблюдал эту сцену, хитро подмигнул Андрею и сообщил маленькой компании клубных старейшин:

— Леха дал галантного! Сейчас играть будет. Тонко работает.

Все засмеялись, прекрасно понимая причину внезапной вспышки дружелюбия у любвеобильного Алексея.

— Готов поспорить, что красотка через пять минут будет слушать музыку в наушниках прямо с пульта. Это Лехин коронный прием, — сказал Заяц.

В дверь снова позвонили. Андрей открыл, и в прихожую вошел художник Евгений Козлов в сопровождении незнакомого мужчины.

— Привет, мы к вам, — сообщил Евгений, пожимая руки всем знакомым.

— Ринад, — коротко представился его спутник.

Когда Евгений с Ринадом удалились по коридору, Андрей спросил у друзей:

— А кто это с Козловым?

— Ринад Ахметчин, — ответил Длинный. — Очень серьезный человек. У них с Козловым совместные проекты по искусству. Слышал?

— Нет.

— Ринад финансирует коллекцию «Русское поле», которую собирает Женя.

Из наполненной людьми гостиной, смеясь, вышли два молодых человека с пластмассовыми стаканчиками в руках.

— Здра-авствуйте! — манерно поздоровался женственный Николетта. — Ой, сегодня такая классная музыка, но так много людей, что даже душно! Познакомьтесь, это мой друг Игорь, только что приехал из Германии.

Молодой человек, которого представил Николетта, протянул ручку для приветствия.

— А ты что в Германии делаешь? Работаешь? — спросил Длинный, разглядывая на Игоре кружевную рубашку и гроздь сережек в правом ухе.

— Нет. Мой бойфренд работает в Гамбурге, вот я и езжу к нему.

— А он что делает?

— Он стриптизер. Танцует в клубе на Рипербанне.

— А, понятно, — радостно заухмылялся Длинный. Помахав всем ручкой, Николетта увел своего приятеля обратно в гостиную. Заяц проводил парочку долгим насмешливым взглядом и брутально пошутил:

— Ехали два педика на велосипедике.

— Ну зачем вы так, Сережа, — с шутливой строгостью пожурил его Длинный.

— Мне этот, в кринолине, тоже не понравился, у него руки влажные, — сказал Захар.

Оставив зубоскалящих друзей, Андрей протиснулся к танцполу, где повстречал Даню Адельсона и Дениса Исакова. Вместе они уселись на мраморном подоконнике и, потягивая шампанское, стали глазеть на танцующих. Позиция для наблюдения была самая удачная: справа — бурлящая гостиная и Леша за пультом, а слева — каминный зал, до отказа заполненный танцующими. Андрей стал разглядывать веселящуюся публику. Прямо перед ним танцевала большая компания: Ирэна Куксенайте, Виктор Тузов, Габриэль, Яночка, Олег Маслов, Виктор Фролов, Алиса, Андрей Медведев, Викентий Дав, Игорь Быстрый и Лера Эклера. Рядом с ними веселились Гена-негр, Джон Сидоров, американец по прозвищу Псевдофотограф, друг «Танцпола» с Дальнего Востока Рибок и его девушка Кукурузина. В центре зала беззаботно выплясывали Иван Салмаксов, Саша Яркин, Миша Палтус, Иван Мовсесян и Кирилл Фролов. В глубине танцпола Андрей разглядел компанию молодых людей, попавших на эту вечеринку благодаря Алексею.

В какой-то момент Даня толкнул Андрея локтем в бок и указал в сторону гостиной. Не помещающиеся на танцполе люди, до отказа заполнили гостиную и стали танцевать в ней, невзирая

на электрический свет и плохую слышимость. Как и предсказывал Заяц, улыбчивая девушка, заставившая дрогнуть сердце Алексея, пританцовывала рядом с аппаратурой и бросала на диджея нежные взгляды.

Все пришло в движение.

Выбравшись из раскачивающейся комнаты, Андрей прошел в гостиную, поболтал с приятелями, после чего снова очутился в коридоре. В дверь кто-то настойчиво звонил. Открыв, Андрей увидел двух незнакомых людей.

— Ну что, хозяин. Мы пришли, давай показывай, — заявил один из них, длинноволосый в кожаной куртке с косой молнией.

Встряска, произведенная Планетарием, была настолько мощная, что с андеграундного дна на поверхность всплыли старые рыбы. Волосатый попытался войти, но Андрей разозлился на его бесцеремонную напористость и преградил дорогу:

— У нас частная вечеринка. Мы не знаем, кто вы, и вас не приглашали, — сердито ответил он.

— Я Бутусов, а ты кто?

На лестничную площадку вышел разгоряченный от танцев Марат в белой рубашке. Быстро оценив ситуацию, он прикурил сигарету и, радостно улыбаясь, сообщил нахалу:

— Вам не на эту вечеринку нужно. Идите в свою рок-н-ролльную помойку и там веселитесь.

При этих словах в прихожей захохотали девушки, а на площадку заинтересованно выглянули еще несколько человек. Пребывающий в звездном образе рокер был настолько обескуражен услышанным и тем, что не был узнан молодежью, что на мгновение лишился дара речи. Его приятель, присутствовавший при этой глумливой сцене, от смущения стал пятиться и спускаться по лестнице.

— Пойдем отсюда, — позвал он своего товарища уже с нижней площадки.

Нахмурив кустистые брови, не допущенная на вечеринку знаменитость зло уставилась на безмятежно улыбающегося Марата.

— Давай-давай! — стал подзадоривать Марат. — Гитару не забудь!

Через минуту рокеры, чертыхаясь, стали спускаться по лестнице и, хлопнув дверью, навсегда исчезли в темноте ночи. Марат, отстоявший чистоту рядов на танцполе, стал рассказывать смеющимся девушкам о своем отношении к рок-волосатикам, а поздно подоспевший Заяц посетовал На тр, что нехорошо было отпускать рок-идола, не угостив хотя бы одной затрещиной.

В разгар этого веселья дверь квартиры напротив открылась, и

оттуда в открытую дверь «Танцпола» проследовали Денис Егельский, Константин Гончаров и Тимур. Последним вышел Георгий. Заперев двери, он кивком поприветствовал притихшую молодежь и шагнул в грохочущую темноту.

— Георгий Гурьянов! — зашептались на лестнице.

Музыка стихла в семь утра, а уже к восьми последние из разомлевших гостей попрощались с хозяевами и разошлись по домам. В опустевшей гостиной вокруг стола со старинной лампой засела небольшая компания близких друзей. Единственную среди собравшихся за столом молодых людей девушку звали Ольга. Она представлялась труднопроизносимой фамилией Тобрелутс, а на вечеринки приходила в длинных юбках, разрисованных краской высоких ботинках и ярко-синем парике.

Заварили чай, Длинный готовил утреннюю сигаретку, и собравшиеся не спеша рассказывали друг другу байки.

Молодые люди смеялись так громко, что из соседней комнаты вышла Катя, проснувшаяся от шума в гостиной. Она заснула час назад, но из-за непрекращающегося хохота поспать ей удалось недолго.

— Всем привет, — сказала она.

— Гуд морнинг, Катя. Разбудили? — спросил Длинный.

— Не то чтобы. Я вроде как бы спала, но все время слышала какие-то невероятные истории. Думаю, что нужно пить снотворное. А где Леша?

— Мы не знаем.

— Я тоже не знаю, — ответил Миша.

— Пошел провожать одну фею. Сказал, что скоро будет, — сообщил Андрей, слегка посвященный в утренние планы брата.

— Ну, что я говорил. Тонкая работа, — захохотал Длинный, похлопывая Зайца по плечу.

Катя чему-то расстроилась и, запив чаем таблетку, поднялась из-за стола.

— Всем пока, — попрощалась она и, нахмурившись, ушла спать.

Компания переглянулась и принялась ухахатываться далее, пытаясь делать это насколько возможно тише. Через полчаса пришел Алексей. У него был рассеянный и очень довольный вид. Развалившись на диване, он перелистывал журнал «ГО», покуривал и безучастно слушал шуточки друзей. После его прихода за столом возникла неловкая пауза, но совсем ненадолго. Сидевшие за столом гости, давние друзья, были священными коровами, которых нельзя было обижать и за которыми было закреплено неприкосновенное право находиться по утрам в

гостиной столько, сколько им заблагорассудится. Исходя из этого, Алексей почувствовал, что компания немного угнетена его персональной обособленностью. Он отбросил журнал, потянулся и встал.

— Леша, хочешь чаю? — спросил его Миша, направляясь с пустым чайником на кухню.

— Чаю? Можно и чаю, — ответил Алексей с улыбкой, усаживаясь в кресло.

Будучи самым известным бабником в компании, Заяц сделал свой собственный вывод о причинах умиротворенной мечтательности друга и спросил напрямик:

— Леха, как прогулка?

— Отлично. Познакомился с такой милой девушкой. Приходила сегодня с братом и его друзьями. Такая странная…

— Ну, а ты чего?

Алексей расплылся в довольной улыбке и туманно выразился:

— Я-то что. Были бы люди хорошие.

— Ясность.

Почувствовав, что засиделась, Ольга Тобрелутс поднялась и стала прощаться.

Длинный, сидевший ближе всех, поднялся и отправился ее провожать. Прошло несколько минут, во время которых на лестнице были слышны голоса, и вскоре Игорь вернулся и сообщил компании:

— Послушайте, там в подъезде стоит какой-то малый довольно комсомольского вида и говорит, что ищет музыкальный клуб. Он сдуру позвонил в дверь к Георгию. Не знаю уж, что Георгий ему ответил, но вид у него сейчас очень потерянный. Что с ним делать?

— Тащи его сюда, — распорядился Алексей, заметно оживляясь.

В сопровождении глумливо улыбающегося Длинного в гостиную вошел молодой человек среднего роста престранной для воскресного утра наружности. Это был светловолосый юноша плотного телосложения с небольшими и удивленно взирающими вокруг глазами. Одет он был в потертый костюм светло-серого цвета, невзрачную рубашенцию с полосатым галстуком-селедкой, а завершали этот ансамбль кожаные кроссовки с разноцветными шнурками. В руках серый костюмчик держал объемистый полиэтиленовый пакет, в котором при ходьбе что-то позвякивало. Его появление было настолько неожиданным, что в комнате повисла немая пауза.

— Ну вот, — громко объявил компании Длинный. — Знакомьтесь, как тебя зовут? Женя?

Молодой человек не знал, на ком из сидящих за столом сфокусироваться, выбрал самого вальяжного и, развернувшись к Зайцу, стал зачитывать текст приветствия:

— Здравствуйте. Я Женя Рудин. Мне семнадцать лет, и я из Мурманска. Я поступил в Ленинградскую консерваторию в класс вокала. У нас в консерватории некоторые студенты ходят к вам и рассказывают, что здесь самая классная музыка. Мне очень нравится современная музыка. Классическая мне тоже нравится, но современная еще больше. Вот.

Он говорил громко и быстро, но при этом очень робея. Для своего представления забавный малый избрал тактику непрерываемого монолога. Уставшие от ночного веселья и разомлевшие к утру слушатели удивленно моргали глазами, улыбались, но слушали не перебивая. Глотнув воздуха, певец продолжил:

— Я не знал, как к вам попасть, и уговаривал своего друга взять меня с собой. Но он отказался, сказал, что меня не пустят. Сказал только, что это где-то на Фонтанке. Вот я и стоял с семи утра, слушал музыку из окон, а когда все разошлись, решил подняться. Я сразу попал не в ту дверь. Но я бы очень хотел ходить к вам, если можно. Я могу помогать…

При этом он сделал такое комичное выражение лица, что Алексей не выдержал и громко засмеялся. Миша профессиональным взглядом портного окинул костюм этого чудика и сказал:

— Да ты садись, не маячь.

Не заставляя просить дважды, молодой человек тут же бухнулся в кресло Длинного. Тот крякнул от смеха и, оставшись без кресла, присел на диван. Все молчали, ожидая какого-нибудь нового развлечения. Многоопытный Заяц внимательно оценил размер позвякивающего пакета и, прикинув в уме, пришел к выводу, что следующим номером программы станет старый азиатский обычай подкреплять прошения обильной выпивкой. Желая поскорей получить подтверждение своим приятным догадкам, он заглянул в свою пустую кружку и, пристально уставившись на улыбающегося мурманчанина, сказал:

— С тобой все ясно. А что это у тебя за пакет? Не ноты же ты нам принес?

— А, это! — оживился Женя Рудин.

Он зашелестел пакетом и одну за другой выставил на стол три литровые банки варенья.

Улыбка медленно сползла с лица Зайца, а все остальные громко захохотали. Довольный позитивной реакцией на свой презент, юноша пояснил:

— Ребята, которые к вам ходят, говорят, что у вас совсем нечего кушать. Мама прислала мне посылку, вот я и решил принести вам варенье…

— Да уж, — выдавил из себя Заяц, разглядывая округленными глазами надписи на этих злосчастных банках. — Клубника, слива, абрикос. Эх-хе-хе, чему только вас в этой консерватории учат. Консервации готовить, что ли?

Молодой человек, не догадываясь о глубине зайцевского разочарования, хихикнул. Подарки произвели на компанию веселящее воздействие, но по-настоящему обрадовался только Миша. Повертев баночки в руках, он выбрал абрикосовое варенье и деловито утащил его на кухню. Через пять минут все получили по новому стакану чая и принялись дегустировать желтоватый конфитюр.

— Ну а что вообще? — желая еще посмеяться, расплывчато спросил Алексей у раскрасневшегося от чая студента

Откусив каменную сушечку, тот охотно поведал:

— У нас на кафедре есть синтезатор. Мы с приятелем сейчас пытаемся его починить. Хотим освоить. Мне рассказывали, что вы играете на каких-то проигрывателях, да? Я решил, что, когда закончу учиться, работать в театре не буду. У моей мамы в Мурманске своя фирма, она делает кофе…

Поняв, что ничего смешного больше не будет, Алексей зевнул и стал осаживать разошедшегося паренька:

— Ну ладно, ладно. Все ясно, понятная тема. Э-э… Ты заходи, конечно. Женя? Да? Женя. Там посмотрим. Только слушай, если соберешься идти — надень что-нибудь попроще. Ладно? А то это уж слишком шикарный образ.

Женя доверчиво заморгал глазами и, соглашаясь на все условия, затряс головой:

— Я тогда пойду?

— Ага, — зевая во весь рот, одобрил его порыв Алексей.

— До свидания!

Когда энергичный молодой человек ушел, засобирались и Длинный с Зайцем. Миша закрыл за ними дверь, покормил вареньем кота Пиццу и тоже отправился спать. Скрючившись в кресле, Андрей сквозь прикрытые ресницы поглядывал на брата. Алексей сидел с закрытыми глазами и молчал. Потом он подтянул к себе телефон и набрал номер.

— Алло! Женя, доброе утро. Это Леша. Вы еще не спите? Я могу зайти к вам за холстом? Хорошо. Я тогда подойду. — Он повесил трубку, потянулся всем телом и бодро сказал Андрею: — Ты спишь, что ли?-

— Не-а.

— Пойдем, сходим к Козлову.

— Зачем?

— Я договорился взять у него подрамник с холстом. Хочу нарисовать картину ему в коллекцию.

— А ты что, теперь художником стал?

— Почему нет, — улыбнувшись, ответил Алексей. — Сейчас все художники. Сейчас модно быть художником. Ты же тоже что-то там мажешь у себя в светелке.

— Это я папе на пятидесятилетие рисовал. Мажешь… — обидчиво насупился Андрей.

— Да ладно тебе, не обижайся, Рафаэль. Пойдем, поможешь. Мне одному не дотащить.

Натянув свитер, Андрей догнал брата уже на лестнице. Он стоял и задумчиво разглядывал красивые лепные тяги на стенах подъезда. Стократно закрашенные масляной краской, они вспухли и утратили свою первоначальную геометричность, хотя по-прежнему были очень красивы.

— Красиво, правда? — спросил Алексей.

— Да, сколько хожу, любуюсь.

Спускаясь по лестнице, братья повстречали на первом этаже новых арендаторов. Это были какие-то странные мужики, неизвестно чем торгующие в своем сомнительном офисе. Через открытую дверь был виден безвкусный ремонт, который они произвели в квартире первого этажа, облепив все старинные стены древесно-стружечными плитами, покрыв потолок гипсовыми квадратиками и устлав полы ковролином невероятно гадостного цвета. Кооператоры, копошившиеся возле стальной двери, подозрительно посмотрели на молодых людей, и один из них обратился с вопросом:

— Вы живете в этом доме?

— Живем. А что? — холодно ответил Алексей.

— А у вас есть вода?

— Есть.

— А у нас нет, — с неожиданной печалью сообщил мужичок.

— Примите наши соболезнования, — издевательски вежливо ответил Алексей.

Сдерживаясь, чтобы не засмеяться прямо в подъезде, братья вышли на улицу и дали волю своим чувствам.

— Между прочим, — сказал Андрей, — эти олухи уже приходили к нам. Пытались выяснить, почему у них не работает телефонная линия. А это мы ее перерезали.

— Да бог с ними. Что они нам могут сделать? Мутные они какие-то.

— А что это за коллекция, которую собирает Козлов?

— Если кратко, он приготовил большое количество холстов два на три метра и раздает их художникам. Те рисуют по картине и отдают их Жене. Так собирается коллекция «Русское поле». Козлов с Мовсесяном хотят показать эти картины летом на Дворцовом мосту.

Не желая снова начинать разговор о художниках, Андрей аккуратно спросил у брата:

— А ты как попал в этот список?

— Просто предложил Козлову нарисовать картину, и он согласился.

Козлов обитал в соседнем семиэтажном доме, который высился громадой над маленьким барочным домиком «Танцпола». Молодые люди вошли в огромный подъезд и поднялись в лифте на последний этаж. Евгений долго не открывал, а когда открыл, тут же убежал в другую комнату заканчивать телефонный разговор. Вскоре он появился, все уселись на диван у низкого столика и стали беседовать.

— Алеша, подрамник, собственно говоря, готов давно. У тебя времени почти три месяца. Выставка, наверное, состоится в июле.

— Отлично. Я думаю, что успею.

— А что за сюжет?

— Сейчас сложно сказать, нужно вжиться в картину, — напустил туману Алексей.

В знак согласия Евгений кивнул. Он распотрошил блок «Мальборо» и закурил.

— Ты же помнишь прошлую выставку на мосту?

— Ну конечно. Мы же помогали…

— Иван переименовал этот проект. Теперь выставка будет называться «Музей Дворцовый мост». Хочется, чтобы было не менее двадцати картин. Так что теперь дело только за тобой.

— Хорошо, Женя. Мы, пожалуй, пойдем. Ты еще не спал, да и мы тоже.

— Ладно. Ну что же, забирайте холст и спасибо за сегодняшнюю вечеринку.

В коридоре стоял огромный подрамник. Развернув его в прихожей, ребята попрощались и кое-как вышли из квартиры. Уже спускаясь по лестнице и тяжело дыша от напряжения, Андрей сказал брату:

— Ничего себе картина.

— Неслабый размерчик! — весело согласился Алексей.

Алексей установил чистый холст в «крайней» комнате рядом с собственной кроватью и, возбужденный новой перспективой, решил немедленно приступить к рисованию. Устало усевшись на полу, Андрей прислонился к стене и стал наблюдать за

манипуляциями брата. Вынашивая идею приобщиться к миру искусства, Алексей давно насобирал у знакомых художественных красок, кисточек и банку со скипидаром. Разложив все это в идеальном порядке и немного успокоившись, он присел рядом с Андреем на пол и мечтательно уставился в огромную плоскость чистого холста.

— А что ты хочешь нарисовать? — спросил Андрей, от усталости очень медленно выговаривая слова.

— Есть одна классная идея.

Алексей встал и принялся рыться в стопке журналов, аккуратно сложенных на подоконнике. Через несколько минут он нашел то, что искал, и показал Андрею страницу в журнале «Face». На развороте среди разноцветных текстов было несколько иллюстраций, в одну из них упирался его указательный палец. В зеленоватом от электрической ряби экране телевизора надменно улыбалось лицо очень странного диктора. Говорящая голова была в темных очках, а светлые зачесанные назад волосы и полуоткрытый рот придавали этому персонажу некоторую агрессивность.

— Это кто? — спросил Андрей, разглядывая картинку

— Неважно, просто образ, мне нравится. Я хочу нарисовать его, а задним фоном огромную толпу наших друзей. Одни лица. Что думаешь?

— А у тебя получится?

— Посмотрим.

14

Сквозь разрывы перистых облаков на огромный город, раскинувшийся у неприветливого моря, смотрел месяц май. Чахоточные хрипы зимнего дыхания окончательно прошли, и белое светило посылало на улицы, дома и жителей свои теплые струи. Как обычно к концу апреля, город Ленина преображался и готовился встречать Первомай, культовый праздник коммунистов всего мира. Впервые после зимней спячки улицы тщательно отмыли поливальными машинами, а на покрашенных серебряной краской фонарях развесили сотни кумачовых флагов и лент. На Дворцовой площади бухал полковой барабан. Военный оркестр репетировал марш парадного выноса городского знамени. Молоденькие курсанты, выпущенные из казарм на простор и свежий ветер, молодцевато печатали шаги по каменной брусчатке и весело поглядывали на гуляющих девушек. На вместительной трибуне, развернутой задником к Эрмитажу, группа рабочих привешивала красно-белый транспарант «Мир, Труд, Май».

Состязаясь с военным оркестром, невидимый человек сердито пробовал силу микрофона. «Раз, раз, раз», — раздавался над площадью его гнусавый голос.

Разглядывая приготовления к городскому празднику, смеясь и что-то обсуждая, Андрей и Марат шли через площадь в сторону Невского проспекта Для Андрея весна всегда была самым любимым временем года, и две недели назад, 16 апреля 1991 года, он отметил свое двадцатидвухлетие. День рождения получился милым и домашним. По каким-то внутренним причинам Андрею с детских лет очень нравилось число 22, и он очень ждал этот день рождения Друзья и знакомые собрались в квартире на Фонтанке и, поздравляя именинника, засиделись до позднего вечера за чаем, тортом, шампанским и травой.

Сегодня молодые люди вышли из дома около трех. Разомлевшие под первыми лучами весеннего солнца, они долго бродили по городу, дожидаясь назначенного часа, когда был условлен сбор на Невском. Дело в том, что в восемь вечера небольшая компания общих знакомых собиралась ехать в гости к Адриану Аникушину в мастерскую его знаменитого деда. Дедушка Адриана с многочисленной родней уехал в Америку, и огромное здание на Малой Невке было предоставлено в полное распоряжение Адриана. Автор множества известнейших монументов, Аникушин-старший еще при жизни был канонизирован советской властью, и город выстроил живому классику персональную мастерскую на Петроградской стороне.

В прохладном вестибюле метро друзья встретили Длинного, Захара Андрея Медведева и Диму Бучина. Обмениваясь шутками, молодые люди увлеченно разглядывали витрину кооперативного ларька, набитого всякой дребеденью и желтой прессой. Загадочно улыбаясь, Длинный обратил общее внимание на выставленные в витрине квадратики картона, утыканные пластмассовыми значками. Это были микроскопические серп и молот разных цветов с простейшей застежкой.

— Знаете, что это такое? — спросил Длинный с довольной ухмылкой.

— Нет, а что? Мусор какой-то кооперативный, — предположил Марат, покупая пачку сигарет.

— Нет, не мусор. Это то, на чем наш общий друг Юрис Лесник до своего «Пиратского телевидения» делал очень неплохие деньги. Это его продукция. У него был цех, который шлепал всю эту мелочь в гигантских количествах. Если хотите знать, Юрис стал зарабатывать деньги уже тогда, когда мы с приятелями по рок-клубу пили портвейн в парадняках из

горлышка.

Рассказав эту поучительную историю, Длинный, как обычно, заразительно засмеялся, а компания побросала монетки в турникет и стала спускаться под землю. После теплого дня прохладный воздух подземки приятно остужал тело. Разглядывая поднимающихся по эскалатору граждан, Андрей считал стеклянные факелы фонарей и насчитал их двадцать шесть. При сходе с бегущей лестницы он увидел служительницу в синем берете, мирно спящую в своей будочке. Через три минуты ожидания на многолюдной платформе из темноты тоннеля выскочил ревущий поезд. Вытащив все вагоны, состав остановился, и людской муравейник торопливо создал обычную в таких случаях давку.

— Осторожно, двери закрываются, следующая станция «Горьковская».

Откусывая края одежды у последних заскочивших, хлопнули двери вагона Уже через мгновение ревущий поток втянул громыхающий поезд в черную дыру и оставил на путях подрагивающие клочки газетной бумаги.

Компания выбралась на поверхность на Кировском проспекте и пешим порядком за полчаса достигла прохладного парка В тени послевоенных тополей, окруженное опрятными цветочными газонами, пряталось странное здание белого кирпича, имевшее огромную наклонную крышу и разновеликие стеклянные фасады.

— Вот мы и на месте, — сообщил Бучин, очевидно бывавший здесь и раньше.

Из глубины дома была слышна музыка, а в открытых Дверях друзей встретила неожиданно появившаяся дама средних лет. Женщина неестественно радостно заулыбалась незнакомцам и, широко раскрыв объятия, стала по очереди обнимать молодых людей.

— Здравствуйте, здравствуйте, мои милые, такие хорошие, так, так, и все красавчики…

Бунин подмигнул друзьям, давая понять, что не надо реагировать на эту странную женщину, но радость дамы была так велика, что, обняв их всех, она не остановилась и потрепала художника Захара по волосам, будто это был ее любимый внучонок восьми лет. Женщина тараторила какие-то бессмысленные вещи, и ошарашенные друзья увязли в узком коридоре, не осмеливаясь двинуться далее.

— Тетя! Иди спа-ать!!! — очень громко закричал появившийся в другом конце коридора Адриан.

При этом окрике тетя расплылась в еще большей улыбке и,

молитвенно сложив руки на груди, блаженно взглянула на Адриана, приближающегося к ней с сигаретой в зубах.

— Все-все. Иду-иду, — пропела она, окидывая гостей Адриана прощальным взглядом.

— Давай-давай, — на той же семейной ноте допел куплет Адриан. — Пора-пора!

Адриан увлек друзей за собой и вывел их в огромный двусветный зал. Изнутри помещение оказалось гораздо более внушительным, нежели представлялось снаружи. Гигантская стеклянная стена открывала прекрасный вид на парк, внутрь вливались потоки мягкого вечернего света, объем казался воздушным и легким. Приближающиеся белые ночи отдаляли сумерки, и на пепельно-сером небе были хорошо видны бледные звезды.

Множество маленьких светильников высвечивали уютные уголки, на диванах сидели компании, играла музыка, и в пространстве стоял гул голосов. Стены мастерской были украшены бесчисленными листами графики и картинами, а на деревянных помостах в центре зала высились несколько гипсовых скульптур.

— Ну что? — радостно воскликнул успевший уже изрядно захмелеть Адриан. — Проходите туда, сюда. Куда хотите. Выпивка на столе, располагайтесь.

— Адриан! Ну где же ты? Мы соскучились. Ты почему нас оставил? — капризным голосом стала отчитывать его Ира Пудель, одна из певуний группы «Колибри».

При звуке этого голоса Адриан оцепенел, а Пудель приблизилась к нему с бокалом в руке.

— Привет, мальчики, — пропела она, близоруко щурясь на новых гостей.

В Иру Адриан был влюблен без памяти. Он был готов всегда и везде исполнять любые ее капризы, он был бессилен перед своим чувством, но то, как она относилась к нему на людях, давало основания думать, что она лишь позволяет ему себя любить. На этом вечере она была королевой бала. Достаточно миловидная и самовлюбленная, она доводила ревнивого Адриана до умопомешательства, постоянно кокетничая с молодыми людьми и смущая их своей фривольностью. Однажды не избежал этой участи и Андрей. На одной из первых вечеринок в кругу друзей Пудель прижала робкого юношу взглядом и стала лукаво допытываться:

— Ты ведь Андрей, Лешин брат? Да?

— Нет! — более резко, чем следовало бы, ответил ей Андрей, всегда раздражавшийся, когда его идентифицировали только как

Лешиного брата.

— А кто же ты? Коля? — издевательски засмеялась тогда Пудель, уничтожая этим смехом уже не интересного ей молодого человека.

Они остались крайне недовольны друг другом, и сейчас, по прошествии года, заприметив Андрея в числе новоприбывших, Ира не удержалась от ехидной шпильки:

— Коля, здравствуй! — громко воскликнула она с вызывающей улыбкой.

Все недоуменно переглянулись, но Андрей давно подсушил влагу излишней обидчивости:

— Привет, Фрося! — бросил он кудрявой.

Тонкий барометр Адриановой души почувствовал дуэльное настроение этих странных приветствий. Резко обернувшись, он смерил Андрея подозрительным взглядом, но тот только пожал плечами, и уже через миг всех разнесло в разные стороны.

На вечеринку к Адриану собралось достаточно разношерстное общество. Большую часть гостей Андрей знал или ранее где-то видел, но были и совершенно неизвестные люди. Самую большую компанию составляли друзья и окружение «Колибри», резвившиеся под музыку и вино. Более правильно было бы сказать, что ими являлись все присутствующие, но все же попадались и гости, державшиеся особняком.

Цветастая рубашка Адриана мелькала в помещении ярким пятном. Он по-хозяйски обходил всех собравшихся, шутил и постоянно что-то пил. Давно начав этот приятный процесс, к разгару веселья Адриан был уже довольно сильно пьян. Все знали его любовь к алкоголю, доходящую иногда до валяния на лестницах, но на собственной вечеринке он пока еще стоял на ногах, хотя уже обнимался со всеми и громко хохотал.

По прошествии какого-то времени Андрей, Марат и Длинный, осмотревшись, очутились возле стола с напитками и завладели бутылкой шампанского. Длинный снял фольгу, ловко раскрутил проволочный корсет, и бутылка громко выстрелила. Разметав мелкие безделушки, пробка опрокинула паспарту с фотографией на верхней полке стеллажа. С змеиным шипением вино стало изливаться на пол, Длинный обрадовался удачному выстрелу, и троица подставила бокалы.

— Неплохо получилось, — с удовольствием отметил Длинный.

— Хорошо еще, что ничего не разбил, — резонно заметил Марат, указывая на десятки мелких бюстиков, выставленных на деревянных полках.

— О! А вон и твой брат! — воскликнул Длинный, указывая пальцем в дальний угол мастерской. Андрей присмотрелся и действительно увидел брата, сидевшего на диване в компании друзей.

— С кем это он? Ага, Настя Смирнова, Егельский, Пивоварова, Раненая. Чего делают? Курят, — закончил наблюдения Длинный. — Так. Берите бутылку, пошли.

Присоединившись к обнаруженной компании, все учтиво поздоровались с дамами и образовали новый, расширенный кружок, в котором постоянно позванивали колокольчики женского смеха. Длинный — известный шутник и балагур — сыпал смешными историями, на что милое девичье общество, распалившись от вина и полутьмы, отвечало доверчивым смехом. Из этого веселого круга постоянно кто-то выходил, но его место тут же занимали новые любопытствующие и желающие поучаствовать в острословии.

Комфортно устроившись в кресле, Андрей следил за прерывистой нитью общей беседы и, подливая себе из разных бутылок, молча пил. Прислушиваясь к болтовне, он принялся разглядывать трех девушек, сидевших на диване, пытаясь уразуметь, какая из них нравится ему больше. Светловолосую красавицу Настю Смирнову он знал прекрасно. Милая и обаятельная, она в любых обстоятельствах всегда и всем очаровательно улыбалась, умела поддержать любую беседу и была подчас довольно остроумна. Она дружила с Денисом Егельским, и эта красивая пара часто бывала на Фонтанке. В центре сидела шумная, вечно хохочущая хрипловатым смехом Наташа Пивоварова. Близкие и друзья рок-н-ролльной юности звали ее Наташа Уличная. С ней Андрей был знаком меньше, хотя довольно часто видел ее на всяких увеселениях. Ему очень нравился чистый и живой темперамент этой хрупкой женщины. Наташа была певицей, и все в ее жизни и характере ближайших друзей было этим пропитано. Третья красавица была ему вовсе неизвестна. Длинный назвал ее Раненой, но что это значило, было неясно. Черноволосая, миниатюрная, с изящными руками, она немного напоминала девочку-подростка. Лоб до самых бровей прикрывала челка, а из-под бровей смотрели большие карие глаза, в которых порея огонек живого любопытства. Улыбаясь, она показывала красивые маленькие зубы, и ее щеки премило округлялись. Она больше молчала, но когда говорила или смеялась, делала это приятным грудным голосом. Почувствовав, что ее разглядывает незнакомый молодей человек, девушка повернулась к Андрею и улыбнулась.

В разгар веселья среди танцующей молодежи неожиданно

появилась блаженная тетушка Адриана. При ее появлении разговоры сразу стихли, она вышла на самое видное место и, неодобрительно раскачивая головой, затараторила:

— Мальчики, девочки, мальчики, девочки, ух, накурили, да и спать пора, спать пора. Это зачем же такая позднотища, спать пора, мальчики, девочки…

Через минуту из-за ее спины яркой молнией выскочил Адриан в своей тропиканской рубашке. Нежно приобняв тетушку за плечи и с трудом выговаривая слова, он стал громко ее программировать:

— Тетя! Иди спать! Тетя! Иди спать! С-спать!

Загипнотизированная этими звуками тетушка еще немного покачала головой, после чего послушно дала увести себя в апартаменты. Победно выстрелила пробка шампанского, музыку опять включили на полную громкость, и шумные разговоры с прожилками радостного смеха возобновились. Вскоре Адриан вернулся и красноречивым жестом дал понять, что никто и ничто не помешает разрастающемуся веселью. Несколько человек стали танцевать под надрывающийся магнитофон, остальные продолжили выпивать и пускать клубы табачного дыма.

За время долгих посиделок Алексей несколько раз таинственно исчезал. В какой-то момент он снова объявился в кругу друзей, подмигнул брату и спросил вполголоса:

— Ты долго собираешься тут еще тусоваться?

— Даже не знаю. А ты?

— Андрюха, у нас куча дел. Завтра приезжает Янис, послезавтра вечеринка.

— Так у нас вроде бы все готово? — спросил Андрей, поколебленный напором его ложной деловитости.

— Чего тут делать? Уходим. Давай, технично, не прощаясь. Пошли.

Алексей ловко выскользнул из компании и скрылся в темном коридоре. Выбираясь из тесного круга друзей, Андрей наступил на чьи-то нош и нагнал брата уже на выходе, где тот нежно прощался с какой-то девицей. Чтобы не мешать, Андрей деликатно вышел на улицу, но тем не менее услышал все, что сказали друг другу взволнованные сердца.

— Пока, увидимся, я позвоню тебе, — ворковал Алексей.

— Хорошо, увидимся, — шептала она в ответ. Подарив девице долгий поцелуй, Алексей разжал объятия и беззаботно направился к выходу. После прокуренных.

Через минуту из-за ее спины яркой молнией выскочил Адриан в своей тропиканской рубашке. Нежно приобняв тетушку за плечи и с трудом выговаривая слова, он стал громко ее

программировать:

— Тетя! Иди спать! Тетя! Иди спать! С-спать!

Загипнотизированная этими звуками тетушка еще немного покачала головой, после чего послушно дала увести себя в апартаменты. Победно выстрелила пробка шампанского, музыку опять включили на полную громкость, и шумные разговоры с прожилками радостного смеха возобновились. Вскоре Адриан вернулся и красноречивым жестом дал понять, что никто и ничто не помешает разрастающемуся веселью. Несколько человек стали танцевать под надрывающийся магнитофон, остальные продолжили выпивать и пускать клубы табачного дыма.

За время долгих посиделок Алексей несколько раз таинственно исчезал. В какой-то момент он снова объявился в кругу друзей, подмигнул брату и спросил вполголоса:

— Ты долго собираешься тут еще тусоваться?

— Даже не знаю. А ты?

— Андрюха, у нас куча дел. Завтра приезжает Янис, послезавтра вечеринка.

— Так у нас вроде бы все готово? — спросил Андрей поколебленный напором его ложной деловитости.

— Чего тут делать? Уходим. Давай, технично, не прощаясь. Пошли. Алексей ловко выскользнул из компании и скрылся в темном коридоре. Выбираясь из тесного круга друзей, Андрей наступил на чьи-то ноги и нагнал брата уже на выходе, где тот нежно прощался с какой-то девицей. Чтобы не мешать, Андрей деликатно вышел на улицу, но тем не менее услышал все, что сказали друг другу взволнованные сердца.

— Пока, увидимся, я позвоню тебе, — ворковал Алексей.

— Хорошо, увидимся, — шептала она в ответ.

Подарив девице долгий поцелуй, Алексей разжал объятия и беззаботно направился к выходу. После прокуренных помещений свежесть весенней ночи показалась им пьяняще ароматной. Алексей взглянул на часы.

— Миднайт, май френд. Если хотим успеть через мост, нужно торопиться.

Транспорта в этот поздний час уже не было, и пустые перекрестки блестящего от ночной влаги проспекта перемигивались желтыми огоньками светофоров. Братья пошли пешком, обмениваясь по дороге впечатлениями о вечеринке, гостях и смешных историях. Через какое-то время им повезло — над ними сжалился водитель пустого троллейбуса. Он подобрал ребят и довез их до Кировского моста, как раз в то время, когда милиционеры начали ставить заграждения. Домой они добрались пешком только к трем часам ночи и, обессиленные, разошлись по

комнатам.

На следующий день рано утром приехал Янис. Он опять привез целый ящик пластинок, и все утро Алексей слушал новый материал. Андрей и Миша злили по делам, в гости зашел Георгий Гурьянов. Он стал часто заходить к своим новым соседям по злграм, когда просыпался. Георгий принес настоящий кофе, самолично его сварил и, угостив напитком друзей, устроился в кресле для обычной церемонии: кофе, сигарета и беседа. На этот раз компанию ему составили Катя Беккер, Алексей и Янис.

— О, WestBamI — воскликнул Георгий, услышав начало новой пластинки. — Вот кого нужно пригласить поиграть на вечеринку! Классный парень.

— Да, музыка просто супер, — согласился Алексей, разглядывая конверт пластинки. — Но как такого монстра пригласить? Непонятно.

— Очень просто. Он мой друг.

Все удивленно воззрились на Георгия, а тот невозмутимо пояснил:

— Я долго жил в Берлине и всех их прекрасно знаю. Больше всех я, конечно, дружен с Вильямом. Он основатель и владелец всего «Low Spirit». Очень аристократичный и умнейший человек. Я его очень люблю.

— Георгий, — сказала Катя. — Я не знала, что вы дружите с «Low Spirit». Они действительно самые классные, и сейчас очень популярны в Германии.

— Ну что вы, Катя! Я мною лет профессионально занимаюсь музыкой и больше кого бы то ни было в этой стране знаю об электронной музыке. Как же я могу не знать ВестБама! Я был знаком с ним еще до того» как он познакомился в Риге с «Поп-механикой». Если быть точным, в «Low Spirit» много классных диджеев. Но ВестБам — один из лучших.

— Тихий дух? Что такое «Low Spirit»? — поинтересовался Алексей, внимательно слушавший рассказ Георгия.

— Это настоящая sound system: свой звукозаписывающий лейбл, диджеи, букинг, клубы — все, одним словом. Клубы на Западе существуют уже двадцать лет. Это у нас ничего не было. Ваши вечеринки — в буквальном смысле первые.

— Георгий, давайте их позовем к нам! — воодушевленно воскликнул Алексей.

Георгий улыбнулся его азартной энергичности и, допив свой кофе, ответил:

— Все может получиться, если этого очень сильно захотеть. Давайте обсудим это попозже. Я сейчас немного занят, уезжаю в

Париж.

— Если это вам не помешает…

— Алексей, никто и ничто не сможет помешать нам отдыхать, если мы того пожелаем.

— Я тоже могу помочь, если надо что-то писать или обсуждать с немцами, — присоединилась Катя.

— Отлично, спасибо за компанию, — сказал повеселевший Георгий.

Он поднялся с кресла, кивнул всем и своей неподражаемой походкой отправился обратно в мастерскую. Через миг он вернулся, взял забытый на столе пакет кофе и, уже не прощаясь, быстро удалился.

К вечеру квартира наполнилась друзьями. Личность Яниса магнитом притягивала к себе молодежь. Были розданы последние бесплатные приглашения и даже составлен дополнительный список тех, кому этих приглашений не хватило. После прослушивания привезенных пластинок к ночи Алексей выбрал для себя тридцать дисков, но они стоили так дорого, что он пообещал Янису расплатиться за них после вечеринки.

Сама же вечеринка получалась совсем так же, как первая. Различия были только в постановке света, мощности звука и декорациях. В первый раз Планетарий украшали картины Маслова и Тимура, но табачный дым плохо действует на холсты, поэтому теперь произведениями решили не рисковать. Кроме того, накануне вечеринки лазерщики придумали концепцию новой постановки. Мозг их небольшой компании, архитектор Егоров, нарисовал сложную схему размещения зеркал и долго рассказывал подробности инновации. Из его слов выходило, что если лазер будет вынесен на балкон и установлен рядом с диджеем, то эффект будет в десятки раз более зрелищным.

Субботнее утро раскидало участников в разные концы города. Миша поехал на Литовскую улицу, где размещалась база Тарнавского. Потратив целое утро, он наше еще несколько забавных светильников и один невероятный прибор, который Тарнавский ласково именовал «Кастрюля». Похож он был на огромного краба со множеством ножек, на этих ножках крутились зеркальца, а из всех щелей по ним поливали разноцветные лучики. Андрей прибыл в Планетарий с утра и занялся расстановкой экспонатов, изготовлением диджейского стола, навешиванием проводов и прочими необходимыми делами.

Во время саунд-чека Янис окончательно пришел к выводу, что плотность звука недостаточная, и Алексей потратил полдня, выискивая по студиям специальный компрессор. Янис профессионально разбирался в дискотечном саунде — звук с

компрессором стал упругим и мощным, уменьшилась рыхлость и шумность в целом. Четко выделенный бас стал бить в грудную клетку мощными ударами. Впрочем, и количество колонок к этой вечеринке увеличилось вдвое.

Суета и хлопоты продолжались до десяти вечера. К этому часу перед входом в Планетарий собралась такая большая толпа, что приехавший Янис не смог пробиться к дверям. С вертушками и пластинками его повели к черному входу, через двор соседнего театра «Балтийский Дом».

Человек сто бесплатно приглашенных друзей были специально предупреждены, и в большинстве своем прибыли на вечеринку немного раньше намеченного часа. Минуя давку, они беспрепятственно проникли в Планетарий до открытия дверей и теперь с довольными лицами прогуливались по расцвеченному залу.

Барный распорядитель Потапов тоже расстарался, учел особенности публики и предстоящего действа. Заработанный на первой вечеринке гонорар так его воодушевил, что, отбросив свою обычную ленцу, он деловито хлопотал перед открытием. Отряд барменов вырос и был на этот раз одет без прежней ресторанной роскоши, бары доверху забили шампанским и особым образом подсветили.

Бегая по всему Планетарию, спеша кого-то найти и куда-то успеть, Андрей настолько замотался, что забыл съездить домой, забыл переодеться, забыл поесть, перенервничал и очень устал. Замедлив свой бег и прекратив уже ненужную суету, он остановился на балконе и понял, что вечеринка началась. Пространство танцпола быстро заполнялось людьми. Разросшийся звук прямым физическим воздействием заставил вибрировать все вокруг, а погружавшиеся в него люди начинали ритмично раскачиваться. Возле диджейского стола большая группа молодежи, затаив дыхание, следила, как играет диджей. Среди множества лиц Андрей узнал того смешного паренька из Мурманска, который не так давно решил накормить «Танцпол» вареньем. «Серый пиджачок» в буквальном смысле выполнил наказ Алексея и на этот раз надел джинсовый комбинезон с футболочкой. Как и все, кто был рядом, этот странный парень с напряженным вниманием пожирал глазами руки Яниса.

Выпив в баре шампанского, Андрей спустился вниз и неожиданно застрял на входе. Поток людей оказался такой, что Миша тонул в нем и в одиночку не справлялся. Вдвоем они кое-как потеснили напиравшую толпу и стали регулировать ситуацию с приглашенными. Помимо молодежи, на вечеринку прибывало и

много крепких парней, но, к счастью, настоящих проблем пока не было, люди улыбались и, торопясь попасть внутрь, бойко покупали билеты. В течение первого часа было продано около трехсот билетов, а если прибавить еще и сотню приглашенных, то выходило, что вечеринка собрала невиданное количество молодежи. Дождавшись, когда поток гостей немного ослаб, Андрей решил разыскать брата и порадовать его этой невероятной новостью. Оставив Мишу на входе, он нырнул в танцпол, но тут же столкнулся с компанией друзей. Саша Яркин, Миша Палтус, Марат и еще два незнакомых молодых человека вытанцовывали с счастливыми лицами. Подойдя к этим улыбающимся и принаряженным ребятам, Андрей пожалел, что сам в каком-то скомканном состоянии, с голодной резью в животе и неясным настроением, ему очень захотелось вот так же беззаботно потанцевать, а не думать о проводах, билетах и прочем бреде.

— Привет, Андрей! — поздоровался Марат и засмеялся. — Познакомься, мои друзья: Олег Назаров, Денис Одинг. А это Андрей. Я вам рассказывал про Фонтанку, — продолжил он, обращаясь уже к своим приятелям.

Все радостно заулыбались, пожали друг другу руки, а тот, кого звали Олегом, что-то коротко шепнул Марату. Счастливо улыбаясь, Марат кивнул головой и в свою очередь что-то шепнул Палтусу. Уже через секунду Палтус шептал Андрею на ухо:

— Андрюша, хочешь кислоты?

— Чего? — наморщил лоб Андрей. — Чего?

— Марку хочешь? У нас осталась половинка, давай забалдеем, — весело закричал Палтус в грохоте музыки.

Андрей недоверчиво заморгал глазами.

— Эсид. Держи!

Из маленького кармашка джинсов Миша достал смятую целлофановую пленку от сигаретной пачки, осторожно развернул ее и, наслюнив палец, достал малюсенький клочок белой бумаги.

— Ешь! — коротко приказал он, приближая свой вытянутый палец и весело глядя Андрею в глаза.

Не успев ни о чем подумать, Андрей слизнул этот клочок и стал мять его передними зубами.

— Лучше не глотай сразу. Мы все вместе съели час назад, уже впирает! — хохоча сообщил Марат. — Ва-ау!!!

Яркин, Палтус, Олег и Денис поддержали его и, не сговариваясь, тоже взвыли.

С первого этажа, из невидимой глубины танцпола, им ответило несколько бесноватых голосов.

— Ва-ау!!!

Янис резко остановил пластинку, и в повисшей пустоте глухо и страшно зазвучал гудящий ритм детройтской музыки черных. Молодые люди мгновенно отреагировали и, забыв про беседу, всем телом сорвались в резкий и размашистый танец. Они так энергично задвигались, что казалось, воздух вокруг них должен был пениться. Потеряв ушедших в танец друзей, Андрей сглотнул горькую слюну и, решив продолжить свои поиски, отправился на балкон. Следом за ним туда же вывалилась мускулистая компания коротко стриженных людей с золотыми цепями на шеях. Замерев от вида неожиданно открывшегося под ногами зала и от фантастической перестрелки лазерных лучей, они уцепились за перила и, морщась от громкого звука, стали озираться по сторонам. На их лицах заплавали ухмыляющиеся гримасы; освоившись, они стали тыкать пальцами в танцующих и гадко ржать.

«А вот и демоны», — подумал Андрей.

Встревожившись и решив понаблюдать за ними, Андрей протолкался к бару, допросился шампанского и одним махом выпил содержимое стаканчика. Колкие пузырики ударили в нос, и ровно через минуту он почувствовал приятное кружение в голове.

Рассматривая толчею вокруг, Андрей обратил внимание, что публика сегодня была совершенно другая, чем на первой вечеринке. На этот раз было не просто много людей, на этот раз среди приятных глазу веселых модников постоянно встречались совершенно непонятные персонажи. В основном их можно было отнести к двум родственным типам. Первыми были крепкие парни в белых рубашках, черных брюках с манжетиками, обутые в лодочки с бахромистой лапшой. Эти неулыбчивые ребята совершенно не знали, что нужно делать в такой странной ситуации, когда негде присесть и нечем подкреплять серьезность собственного образа. Раскорячив ноги и нахмурив лбы, они молча дурели от происходящего, но, не умея радоваться жизни, делали это с каменными лицами. Рядом с ними или отдельными группками тусовался второй вид — хохочущие от неожиданных впечатлений бабы. Чаще всего эти создания были одеты в обтягивающие зады платья, таскали в руках дурацкие сумочки и были обвешаны дешевой бижутерией. Но эти бабищи веселились от души и, потряхивая телесами, размораживали пространство вокруг своих серьезных кавалеров. Понаблюдав, Андрей подметил еще один, представленный меньшим количеством людей, но куда более однородный и неприятный подвид — бритоголовых. Эти полуспортсмены с наглыми глазами шныряли в толпе. С довольными гримасами они двигались в пространстве, расталкивали танцующих и, стараясь перекричать музыку,

матерно обменивались короткими впечатлениями. Происходящее им очень нравилось — много красивых девушек, чьи субтильные молодые люди ничего не стоили. Они были похожи на хищных террексов, оказавшихся в огромной массе добрых травоядных.

«Надо идти вниз, искать Лешу», — подумал Андрей, ощущая горячую волну, неожиданно прилившую к голове.

Он спустился на танцпол и совершенно неожиданно встретился с братом.

— Андрей! Я пойду к Янису, — крикнул ему Алексей. — Его там достают какие-то гопники, чтобы он поставил им их кассету. Помоги, пожалуйста, Мише. Там прибыла еще тьма народу, он один не справляется. Уже приезжали менты. Была какая-то драка в парке, но сейчас вроде бы все в порядке.

— Хорошо! Хорошо! — прокричал Андрей, начиная покрываться испариной. — Я, собственно, тебя и искал! Не волнуйся!

Братья разбежались в разные стороны. Темный тамбур между стеклянными дверями был заклеен черной бумагой, и Мишу не сразу удалось обнаружить. Скрытый толпой скопившейся молодежи, он отбивался от напиравшей публики и одновременно пытался держать свободным подход к окошку кассы.

— Какие билеты, сколько? Пятьдесят? Вы офонарели! — орал ему в лицо какой-то толстяк с золотым браслетом. Сзади заныли девушки:

— Толя, не душись. Ты же обещал. Оглянувшись, этот Толя хмыкнул, достал из-под своего брюха толстый бумажник и засунул голову в кассу.

— Держи, — грубо сказал он, пытаясь засунуть Мише под ворот футболки скомканные билеты. После этого несколько минут все было спокойно — молодежь читала объявление на дверях и, не вступая в полемику, платила деньги в кассу.

— Ну как там? — устало улыбнувшись, спросил Миша.

— По-моему, все получилось. Звук ты и отсюда слышишь, но самое классное — это лазер. Сейчас помимо всего прочего стала возникать огромная пирамида, до самого потолка. Супер. Пойди посмотри.

— Ты справишься? А где Леха?

— Он пошел к Янису. Там его кто-то достает. Иди, но возвращайся поскорее.

Миша перевернул бейсболку задом наперед и, подмигнув Андрею, отправился в танцпол.

В то же самое время, лавируя между тел, Алексей поднялся на балкон и услышал, что музыка выключилась.

Неодобрительный гул разгоряченного танцпола разрывался отдельными свистами, и еще издалека он увидел Яниса, стоящего за пультом с растерянным выражением лица. Понимая, что произошло что-то из ряда вон выходящее, Алексей бросился вперед, расталкивая людей. Добравшись до места, он увидел кучу выпотрошенных пластинок, недоеденные бутерброды и бутылку водки на столе, а рядом двух низкорослых братков с тупыми рожами. Один надел себе на голову наушники и тыкал пальцами по кнопкам пульта, а другой удерживал Яниса за локоть и рычал ему в ухо:

— Слышь, а чё у тебя одна и та же пластинка играет уже два часа? Поставь Поль Маккартни. Знаешь эту… На-ра-нара-нара-ра. Давай, давай!

Он собирался еще что-то сказать, но сзади его за плечи схватил Алексей.

Другой бандит, оглохший от грохота в наушниках, увидел, как его напарник уплывает в сторону.

— А?! Чё?

Он скинул наушники и, развернувшись к Алексею, попытался ударить его. Но Алексей, который был на две головы выше, резко взял его за шиворот и, оторвав с места, потянул от стола. К образовавшейся свалке бежал Виктор Фролов с двумя товарищами.

— Янис! Включи музыку! — громко закричал Алексей.

— Э! Слышь, ты! — орали братки.

Янис схватил одну из пластинок и, не глядя на пулы, кинул иглу на диск — зал огласился ужасным электрическим визгом. Быстро поправив сбитый эквалайзер, он выкрутил частотные настройки и привел звук в нормальное положение.

К месту действия приближались друзья, желавшие помочь, а на Алексея напрыгивали двое бритоголовых.

— Ты кто такой? А? Чё, бурый, разобраться хочешь?

— Не лезь сюда своими грязными руками! — кричал Алексей. — Понял?!!

— Не понял!!! Щас ты сам все поймешь!

Замахнувшись, коротышка попытался ударить, но занимавшийся боксом Алексей увернулся и коротко треснул его в челюсть. Сраженный стал оплывать и падать на столпившихся зевак. Откуда-то набежало еще несколько бритых. Завязалась короткая драка, в которой приняли участие человек десять. Когда дерущиеся разлепились и все приготовились к новому столкновению, Виктор Фролов в порванной рубашке и с ссадиной на лице закричал:

— Хорош!!! Хорош! Ты чего к нему лезешь? Он музыкант и играть для тебя не будет. Иди в кабак и там распрягай.

— Слышь, ты, — тяжело дыша и утирая разбитый подбородок, выдавил из себя бандит.

Словесная перепалка тонула в грохоте музыки. Противоборствующие стороны были окружены плотным кольцом молодежи. Зыркнув злыми глазками на Алексея и Виктора, один из этих бандючков плюнул кровавой слюной на пол и сказал:

— Пошли на улицу, суки!

— После вас! — ожесточенно закричал ему Алексей.

Двое зачинщиков и еще три присоединившихся к ним спортсмена, оглядываясь и расталкивая людей, стали прорываться к лестнице. Раскидывая удары по разбегающейся молодежи, они лавиной понеслись вниз. Алексей коротко приободрил Яниса и вместе с Виктором и пятью добровольцами они устремились за ними. Люди на танцполе уже позабыли о досадной остановке музыки, и битком набитый зал счастливо танцевал. Свора разъяренных бандитов вывалилась с лестницы и стала кулаками прокладывать дорогу к выходу. На беду, у входного тамбура Юрис Лесник готовился делать репортаж для «Пиратского телевидения». Завидев вихрь на танцполе, он включил осветитель и камеру, а уже через минуту оказался перед несколькими спортсменами, глаза которых горели жестокостью.

— Ты, бля, кого снимаешь? — закричал один из них, ударяя Юриса в бок.

Луч видеокамеры резко дернулся и пропал под ногами. Пытаясь спасти аппаратуру, Юрис поднял ее выше и, продолжая снимать, получил еще один удар. Потеряв равновесие, он всем телом ударился в стеклянную стену. Катя Беккер и Владик Монро, в одинаковых женских нарядах, за? были про свой репортаж и, парализованные страхом, едва отскочили от потока битых стекол. К месту действия подоспели защитники танцпола, но никто из танцующих не понимал, что происходит. Почти все продолжали танцевать, но тут раздались крики:

— Отойди! Убери руки! Отойди от него!

Перекрывая грохот музыки, неожиданно и хлестко грохнул пистолетный выстрел. Истерически заверещали девушки, и кто-то страшно закричал:

— А-аа!!! Гла-аза-аа!!!

Образовалась давка.

Оставшись на входе, Андрей присматривал за кассой и спокойно курил, пока сильный удар не сотряс деревянную раму внутренней двери и стекла крупными осколками не обсыпали

всех стоявших рядом. В образовавшейся дыре громко забухала музыка, послышались крики и прозвучал выстрел. Молодежь на входе присела от страха и с криками ужаса бросилась на улицу. Из зала в тамбур стал выбираться газ, разъедающий глаза и вызывающий приступы удушья. Бандиты выскочили на улицу и, скатившись со ступеней, стали откашливаться. Закрывая лицо платком, из входной двери вышел Валера Бугаев, недавно приехавший из Новороссийска старший брат Африки. В руке у него был пистолет. Из-за его спины появились Алексей, Виктор, Андрей, Миша и еще десятка три молодых людей, со страхом и ненавистью глядевших на потрепанных и потерявших боевую слаженность братков.

— Валера, ты стрельнул? — тяжело дыша, спросил Алексей и утер рукавом катящиеся градом слезы.

— Я. А чего было делать? Я смотрю, один из них Юриса ударил. Потом еще раз. Гляжу, этот гад за ремень камеры уцепился и сейчас разобьет ее. Я и пальнул ему в рожу.

Похабно крича и отплевываясь от едкого газа, бандиты грозились всем, чем только можно, но не предпринимали новых попыток к нападению. Одному из них было по-настоящему плохо. Он стоял на четвереньках, и его рвало. Из зала к ним вывалилось еще несколько олигофренов, и, образовав кружок вокруг поверженного, они обсуждали как им наказать этих пидорасов.

Большую часть участников и свидетелей побоища от пережитого трясло мелкой дрожью. Молодежь, столпившаяся на ступенях, нервно курила, не решаясь зайти внутрь. Ситуация никак не разрешалась — ни в одну, ни в другую сторону, пока по парку не заплясали красно-синие лучики и со стороны метро не послышалось характерное гудение ментовского козелка. Бандиты подхватили своего блюющего брата и под улюлюканье молодежи кинулись в темноту парка. Через минуту они попрыгали через ограду на Кронверкском проспекте и скрылись в переулках.

— И враг бежит, бежит, бежит! — воодушевленно пропел Владик Монро. — Какие мерзавцы! Юрис, вы как?

— Я ничего. Хорошо, что камеру не разбили.

— Заходите все внутрь, — попросил Миша присутствующих. — Не стойте здесь. Всё в порядке. Мы сейчас закроем двери, и они будут работать только на выход.

— Валера, ты, что ли, пальнул? — спросил улыбающийся Африка, появляясь на крыльце. — Я так и понял. А чего случилось?

— Пойдем расскажу, — сказал ему Алексей. — Пойдемте. Андрей, ты побудь с Мишей я пойду успокою Яниса. Будем продолжать. Не останавливать же вечеринку из-за этих упырей.

Радостно восклицая и шумно обсуждая произошедшее, молодежь поспешила внутрь. Наряд милиции подъехал и, не увидев никого снаружи, как по заказу, занял выжидательную позицию в ста метрах от здания. Обрадованные этим обстоятельством, Андрей и Миша сорвали черную бумагу с внутренней двери и наспех залепили ею первую стеклянную стену. Теперь с улицы творящееся внутри было вообще не различимо.

Навешивая листы бумаги, Андрей стоял с поднятыми руками и тяжело дышал. По всему телу пробегали волны, поднимающиеся от пяток до затылка, на затылке они превращались в теплые поглаживания. Закончив работы по маскировке входа и опустив руки, Андрей попытался прикурить сигарету. Сигарета дрожала в непослушных пальцах, а спички не хотели зажигаться. От этого он радостно засмеялся. Пытаясь понять, что с ним происходит, он посмотрел на окружающих, но никто не обращал внимания на его дискоординацию. Андрей поймал себя на ощущении, что его правая нога не опирается на землю, а, немного приподнявшись и нервно постукивая, передает всему телу пульсирующие сигналы. Он встряхнул головой, потом еще раз — это оказалось очень приятно. Стало не хватать воздуха. Вздохнув несколько раз всей грудью, Андрей понял, что ему не хватает не воздуха, а громкости. Приблизившись к дверям на танцпол, он ощутил, что плотность звука усилилась и пробегавшие по телу волны стали сильнее. В массе звуков он услышал какой-то сигнал и, будучи не в силах ему противиться, подпрыгивающей походкой пошел в сторону танцпола.

Андрей вспомнил случившееся с ним час назад, улыбнулся и с разрастающейся радостью стал ощущать горячий поток в жилах. Теперь тело само реагировало на звуки. Густые низкочастотные волны приняли его, и, закрыв глаза, он поплыл в них, как в осязаемой материи. Появившиеся гибкость и отточенность движений спиралью выкручивались из позвоночника. Стали ощущаться самые неожиданные части тела. Он почувствовал свои ступни, лопатки, ключицы. Больше всего его поразили ожившие пальцы. Перестав слепо слушаться его, они судорожно натянули сухожилия и стали удлиняться. Пальцы проснулись и самостоятельно задрожали. Остановившись среди шторма танцующих, Андрей дотронулся ими до собственной шеи и ощутил, как по волосам прошла прохладная дрожь. По шее пальцы поднялись на скулы и, оттолкнувшись от висков, разлетелись в разные стороны.

Янис, переживший до этого очень неприятные минуты, был сейчас хорошо защищен друзьями и изливал на слушателей

лавину красивых звуков.

Руки хрустко вывернулись и стали парить рядом с телом.

Все дальнейшее было похоже на один прекрасный и бесконечный сон. Андрей проживал невероятно яркую и в то же время иллюзорную действительность, видя перед собой лишь смутные тени, глаза, движения и саму музыку. Он слился с окружающим его звуком. Превратился в воздушное существо. Трансформировался. Ему очень хотелось передать кому-нибудь хотя бы часть того бесконечного восторга, который распирал его изнутри.

Пробуждение произошло только тогда, когда прервалась музыка и включили яркий свет. В совершенно мокрой одежде и по-настоящему переродившийся, Андрей вместе со всеми вышел на улицу и, вдохнув чистого воздуха, ощутил головокружение.

«Так вот ты какой, эсид», — с застывшей улыбкой на лице подумал он.

15

В длиннющем коридоре старого присутственного места гулял сквозняк, доносящий до посетителей отчетливый запах борща. Сотни крашенных белым дверей пестрели разнообразными объявлениями, а множество людей, ищущих в этих стенах правды и всевозможных вспомоществований, растерянно бегали по этим бесконечным коридорам, сталкиваясь друг с другом и прижимая к груди измятые бумажки. Тихонько приоткрывая двери, просители с плаксивым видом засовывали в них головы и униженной скороговоркой пытались расспрашивать сидящих за столами каменных баб. Эти величественные и исполненные государственной важности особы, будучи от природы добрыми и чуткими женщинами, за годы службы постепенно окостенели и потому надменно давили эти вопросы и просьбочки.

— Вы что, читать не умеете? На двери все написано. Закройте дверь. Нет, ну вы только посмотрите!

Необходимо отметить, что распорядок работы разнообразнейших секретариатов и канцелярий, куда расстроенные граждане мечтали снести свои проблемы, был так удобно заведен, что, приходя в одно место и отстаивая там очередь, они уже никоим образом не могли поспеть в следующее. Таким плачевным образом потертые документы месяцами пытались получить какую-нибудь печать или резолюцию, а их владельцы — радость жизни.

В бесконечно запутанном здании исполкома между вторым и

третьим этажами Олег Назаров сидел на подоконнике и от скуки болтал ногами. На лице его было полное равнодушие, навеянное административным ребусом, который он вместе со своим другом разгадывал последние полчаса. Потыкавшись с жэковскими бумагами по разным кабинетам, он успел уже нахамить отзывчивым служащим, и теперь более сдержанный Денис взял инициативу на себя.

Оставив своего реактивного друга на лестнице, Денис стал неспешно прогуливаться по кабинетным джунглям. Очень скоро ему повезло — одна молоденькая секретарша расплылась под теплым взглядом красивого блондина и приоткрыла перед ним тайну исполкомовского лабиринта. Внимательно выслушав любезную девушку и записав детали, Денис снисходительно улыбнулся стоящим в бесполезной очереди пенсионерам и отправился разыскивать таинственный кабинет 312. Дверь с такой табличкой действительно отыскалась, но коридор в этой части здания был подозрительно пуст. Постучав и услышав «Да-да!», Денис смело вошел и, придав своему голосу максимальное сладкозвучие, спросил:

— Здравствуйте, а можно увидеть Элеонору Михайловну?

— Я вас слушаю, — игриво ответила одна из трех дам, занимавших этот перегруженный конторской мебелью кабинет.

Стараясь не упираться глазами во вздымающееся на груди обширное декольте Элеоноры Михайловны, Денис кратко пояснил цель своего прихода:

— Мы художники. Мы нашли мастерскую. Хотим оформить эту площадь в аренду. Э-э. Ну вот, собственно…

По всему было видно, что Элеонора Михайловна постигала основы электронного делопроизводства — слушая Дениса, она продолжала тыкать одним пальцем в клавиатуру новенького компьютера. Захлопав ящиками, женщина достала несколько машинописных формуляров, выложила их на стол и стала пояснять, что, когда, куда и как. Из ее пояснений вырисовывалась трижды закрученная и дьявольски сложная для исполнения последовательность требуемых от арендатора действий. Вникнув в сказанное, Денис поблагодарил сексапильную Элеонору и отправился разыскивать своего друга. Олег по-прежнему сидел на подоконнике и отчаянно скучал.

— Тухлые дела, Олег, — устало поведал Денис.

— Почему?

— Мне дали такое море бумаг, что мы запаримся их все писать. Похоже, без волосатой руки сюда соваться без толку. Сейчас нужно поспеть в первое место написать заявку. Ну, а там… Пойдем!

Друзья отыскали стенд с нужными образцами и занялись составлением документа. Олег громко диктовал, а согнувшийся над маленьким столом Денис записывал. Несколько листиков было уже смято, но друзья, посмеиваясь, продолжали.

— Извините, пожалуйста, можно вас спросить? — послышался рядом чей-то вкрадчивый голос.

Друзья обернулись и увидели мужчину в больших очках с толстым портфелем в руках.

— Да мы сами тут впервые…

— Нет-нет. Я не об этом. Я вот стоял рядом и слышал ваш разговор. Вы говорили про художественную мастерскую? Я не ослышался?

— Да, мы художники, — гордо откинув голову, сообщил Олег. — А здесь оформляем аренду мастерской. А что?

Очкарик поставил портфель на стол и завел с друзьями очень долгий и невероятно странный разговор. Из его торопливого и сбивчивого рассказа выходило, что он владелец фирмы, торгующей красками, причем объемы этих продаж измеряются вагонами, но помимо этого прибыльного промысла его фирма содержит еще какой-то журнал и что-то там еще по мелочи. Выложив всю эту массу коммерческих сведений, незнакомец приблизился к ребятам и, понизив голос до приватного шепота, стал излагать причины, побудившие его обратиться к молодым людям. Через минуту выяснилось, что владелец лакокрасочной империи испытывал острое желание помогать художникам. Эта страсть снедала его, и вот сейчас, здесь, наконец-то судьба свела его с такими замечательными парнями, у которых еще и трудности с мастерской.

Чувствуя неприятный душок рыночного дурилова, Олег напрягся и стал пристально рассматривать облик подозрительного охмурялы. Торговец красками был среднего роста, с небольшим брюшком, носил подбитое мехом кожаное пальто и двубортный пиджак малинового цвета. Лысина объемистым пятном прожгла его голову, и, очевидно желая компенсировать этот досадный недостаток, он носил под носом среднего размера волосяной прибор. Забыв про недописанную заявку, Денис тоже уставился на очкарика, а тот продолжал краснобайствовать, вызывая в Олеге уже вполне конкретное раздражение. В отличие от Олега, Денису совершенно не показалось, что они становятся объектом приложения усилий многоходового афериста, и, доверчиво слушая торговца красками, он даже улыбался. Разгадав природу тягостных сомнений, омрачивших лицо Олега, человек в кожаном пальто суетливо полез в карман и вытащил две визитные карточки.

— Прошу, будем знакомы, — сказал он, торопливо пожимая ребятам руки.

«Лев Сергеевич Нагайкин, генеральный директор МП „Кредо", — прочитал Олег на карточке. — Что же ему, в конце концов, от нас нужно? Морда немного на ментовскую похожа. Вот хмырь!»

Отвечая на его немой вопрос, странный дядя взял портфель в руку и, кашлянув в кулак, предложил:

— Олег, Денис, можно без церемоний? Давайте доедем до моего офиса, здесь недалеко, попьем кофе, обсудим. Есть у вас время?

«Ну не съест же он нас, — подумал Олег, оглядывая одутловатого бизнесмена. — Если что, я ему сразу с ноги приклею».

— Что думаешь, Олег? — спросил улыбающийся Денис.

— Давайте, — хищно буркнул художник.

Выбравшись из исполкома, все уселись в «Жигули» и, проехав квартал, оказались перед трехэтажным жилым домом. На одном из подъездов на стене висела малоприметная табличка: «МП „Кредо" Издательство и полиграфия».

— Сюда, прошу! — пригласил Нагайкин, открывая стальную дверь с огромным замком.

Офис оказался маленькой квартиркой на первом этаже, довольно засаленной и несвежей. Комнат, не считая пустой кухни и сортира, было всего две. В одной из них, автолом, заваленным папками и бумагами, сидела жгучая брюнетка. При виде молодых людей она изобразила на лице целую гамму радостных оттенков и выплыла навстречу директору. Денис с Олегом стали осматриваться. Из оргтехники в этом незатейливом офисе присутствовали только факс и допотопный компьютер, но комната была богато декорирована. В глаза бросались фотообои, изображавшие осенний лес с каким-то тоскливым озерцом, кроме того, офис украшали две кадки с искусственными пальмами ядовито-зеленого цвета.

— Моя секретарша, Виктория, — сообщил Нагайкин, снимая пальто и жестом приглашая в следующую комнату.

Комната эта, очевидно, служила кабинетом самому директору, потому как Нагайкин чувствовал себя в ней весьма непринужденно. Стол, стул, телефон, сейф, диван и стеклянный столик, заваленный журналами, — вот, собственно, и вся обстановка, наполнявшая этот странный кабинет. Усадив художников на диван и затребовав обещанный в исполкоме кофе, Нагайкин сделал пару телефонных звонков, а когда покончил с делами, подсел к гостям и стал рассказывать.

— Молодые люди, мы нужны друг другу. Вы художники. Я

очень уважаю эту профессию и знаю, что обычно художник беден.

При этих словах он развел руки в стороны, всем своим видом выражая сострадание беспомощному и жалкому положению художника. Выдержав короткую паузу, он продолжил:

— У меня есть предложение. Я арендую для вас ту мастерскую, которая вам нужна, буду оплачивать ее и платить вам зарплату. Вы будете рисовать, а я через своих знакомых помогу продавать ваши картины. Что думаете?

В комнату с подносиком вошла секретарша. При ближайшем рассмотрении у нее обнаружились две удивительные особенности: впечатляющего размера бюст и очень смелый фасон платья. Когда она подавала директору кофе, ее грудь лежала у Нагайкина на плече, а сидящие на низком диване художники, подняв от удивления брови, смогли внимательно изучить ее розовые трусы.

— Я только не пойму, — сказал Олег. — Кругом полно художников. Почему мы? Вы же не знаете, что мы рисуем, и вообще у нас мастерская триста метров. И вряд ли…

— Вот и чудесно. То, что надо, — обрадованно перебил его Нагайкин.

— В каком смысле?

— Мы с вами где встретились?

— В исполкоме.

— Это вы были в исполкоме, а я этажом выше, в налоговой службе. Понимаете? Если честно, то сейчас мою фирму серьезно поджимают, а один из способов уходить от этого — это перечислять средства на гуманитарную или социальную помощь. Поэтому чем больше ваша мастерская и зарплата, тем для меня лучше. Потраченные на это деньги не облагаются… Ну там, одним словом, сложная кухня. Извините меня, я сейчас…

Зазвонил телефон, и Нагайкин убежал разговаривать.

— Чего думаешь? — спросил Олег своего друга.

— Не знаю. Как-то все это странно. На бандита он вроде бы не похож. Да и чего у нас брать?

— Нечего.

— Может, он аферист?

— А может, он не врет?

— Если так, то было бы вообще круто. Мастерская бесплатно плюс бабки на жизнь.

Слушая наивные рассуждения друга, Олег взял в руки один из пестрых журнальчиков, лежавших стопкой на столике. Открыв обложку, он полистал его и расплылся в странной улыбке. Олег быстро показал разворот журнала Денису: практически вся площадь изображения была напечатана красками телесного

цвета. Это была яркая порносайта, обстоятельно иллюстрирующая совокупление двух волосатых мужиков и одной девицы. Позиции были довольно замысловатые, но интерьеры и постановка — ниже среднего.

— Слушай, а эта с двумя членами во рту слегка на секретаршу похожа, — прошептал Денис.

— По-моему, это она и есть, — тихо ответил Олег, просматривая дальше фотобифштекс.

За разглядыванием разогревающих картинок ребят застал Нагайкин.

— А-а! — сказал он. — Это наш развивающийся проект. Тоже художественный в какой-то мере. Полиграфический бизнес сейчас на подъеме. Важно только понять, что печатать. Послушайте. Сейчас я вынужден уехать по делам. Свой телефон я вам дал, позвоните мне, если надумаете. Хорошо?

Поднявшись с дивана, ребята пожали порнокоролю руку и стали выбираться из офиса. Прощаясь у входной двери, секретарша пожелала Денису всего хорошего, а Олегу сказала «До свидания».

— По-моему, ты скоро сам окажешься в том журнальчике, — со смехом сказал Денис, выходя на улицу.

— Слушай, — остановил его Олег. — А может быть так, что этот маньяк Гайкин просто дурит нам головы, чтобы мы оттрахали его секретаршу для очередного номера?

При этих словах Олег подозрительно обернулся, опасаясь слежки со стороны распоясавшегося Нагайкина, но на улице, заполненной обычными горожанами, ничего подозрительного не замечалось. Выслушав предположение друга, Денис радостно засмеялся, но после этого резонно заметил:

— Во-первых, он не Гайкин, как ты говоришь, а целый Нагайкин. А во-вторых, если уж на то пошло, — сначала договор на мастерскую, а уж потом хот-дог для секретарши. Я себя не на помойке нашел. Ты видел в этой порнушке, какой мясной фарш она устроила с теми хачами. Смотреть больно.

Добравшись до Кузнечного рынка, они купили пакет разнообразной снеди и, попивая пиво, неспешно пошли в сторону Свечного. Отобедав вареным картофелем с сосисками и запив все это сладким чаем, Олег стал постепенно отходить от странных переживаний этого дня.

Вечером в мастерской собралась компания друзей. Поймав некий кураж и пожелав обильно угоститься вином, Олег стал выворачивать карманы, но насобирал не более трех рублей. За две последние недели денежный кризис постепенно придушил

его худой кошелек. У родителей опять просить не хотелось, а продать свою живопись давно не удавалось. Выманив Дениса из гостиной, он решительно потребовал:

— Звони этому Гайкину. Я думаю, получается глупая ситуация. Этот сладкунишка уговаривает нас взять деньги, а мы еще и сомневаемся. Звони, скажи, что мы ждем его в мастерской, пусть все посмотрит, может, еще и сам передумает.

Полностью согласный с такой постановкой вопроса, Денис позвонил Нагайкину и назначил встречу.

На следующий день очкарик пришел, с интересом походил по мастерской, пересмотрел все картины, а после они втроем долго пили чай на кухне. Выяснив все подробности, он забрал бумаги и сообщил, что в случае удачи в исполкоме нужно будет подписать какие-то документы, по которым бухгалтерия списывает деньги. Нагайкин объявил, что возьмет мастерскую в аренду на год и будет платить художникам по договору полторы тысячи рублей, а фактически по шестьсот, но каждому и ежемесячно. Когда Нагайкин откланялся и ушел, друзья так радостно бросились друг другу на шею, что пуговицы с рубашки Дениса посыпались на пол. Невероятность всего происходящего усилилась еще больше, когда Олег выложил на стол несколько купюр, только что полученных от душечки Нагайкина.

Объявившийся под вечер Штейн разделил с приятелями их бурную радость, и очень скоро друзья усилили восторженное ощущение тремя бутылками портвейна.

Полученные от коммерсанта сто рублей открыли перед уставшими от безденежья художниками безбрежные просторы развлечений, и на несколько дней они погрузились в безудержное веселье — музыка, бесконечные гости и марихуановый дым снова наполняли веселую квартиру.

В кутежах и попойках прошло несколько дней, и однажды в мастерской раздался телефонный звонок. Женский голос сообщил, что документы готовы и ребят ждут в офисе с паспортами. Не откладывая эту долгожданную процедуру ни на минуту, ослепленные легкостью жизни художники устремились в логово Нагайкина. Дверь открыла полная женщина и, узнав имена и цель прихода, пригласила пройти. Кроме нее в офисе сидел и читал газету еще какой-то человек. По-хозяйски пройдя в кабинет шефа, женщина достала из стола пачку скрепленных печатями документов и дала им на ознакомление. Договор на аренду квартиры был заключен на имя Нагайкина, но все равно сам факт его наличия вызвал на лице Дениса блаженную улыбку. Отдав доброй тете свои паспорта, ребята подписали множество бумаг, некоторые из которых та почему-то тут же убрала в стол.

Поставив подписи, где было указано, и получив ксерокс договора, молодые люди поблагодарили бухгалтера и собрались уходить.

— Подождите! — воскликнула женщина, странно посмотрев на светящихся радостью художников. — Это еще не все.

Зазвенев связкой ключей, она отворила старый сейф и, пробравшись руками в его набитое бумагами чрево, извлекла толстую книгу в черном переплете. Не понимая, чего еще ждать, друзья молча следили за ее манипуляциями. Женщина раскрыла учетную книгу и попросила их по очереди подойти к столу.

— Пишите прописью, — приказала она Олету. — Я, такой-то, паспорт, серия, номер, получил от Нагайкина Льва Сергеевича, так, одну тысячу пятьсот рублей. Так. Ну вот, теперь дату и подпись. Спасибо. Теперь вы.

«А, вот в чем тут дело, — подумал Олег, ослепленный вспышкой неожиданной догадки. — Жулики! Нас развели, как зябликов…»

Написавший аналогичную расписку Денис стоял и размышлял над сделанным, потерянно морща лоб. Женщина заперла книгу в сейф и, попросив подождать минуточку, выскользнула из комнаты.

— По-моему, нас кинули! — прошептал Денис. — Теперь мы должны им три тысячи. И этого Нагайкина здесь нет, чувствуешь?

— Нас подставили!

— Зачем мы паспорта отдали?

— Вот же они! На столе! — тихо вскрикнул Олег.

— Давай заберем, пока не поздно.

— Я этому Гайкину всю резьбу скручу, — с яростью прошипел Олег.

Еще не понимая до конца, что с ними произошло, он стал суетно перелистывать договор, пытаясь ухватить в нем суть обмана, жертвами которого они только что стали. Ничего не различая в плывущих строчках, он утер со лба выступившую испарину и смял листки документа в отяжелевшем кулаке. Гнев стал заливать его сознание багровой краской. Видя, что друг теряет самообладание, Денис попытался взять его за локоть.

— Тише, Олег! Сюда идут…

Не давая молодым людям времени для перехода к аффекту, женщина вернулась, но уже не одна, а в сопровождении того двухметрового лба, который читал до этого «Советский спорт» на кухне.

— Володя, постой-ка здесь, чтобы я не волновалась, — приказным тоном потребовала она.

Лоб тут же встал у ребят за спиной.

Олег так напрягся всем телом, что решил, не дожидаясь

развязки, ударить стоящего сзади Володю локтем в живот, потом вырвать у бухгалтерши паспорта и удрать. В этот момент женщина снова открыла сейф, пошарила в верхнем отделении и вытащила пачку денег размером с кирпич. При виде этого перевязанного резинками денежного брикета мрачные мысли и горечь обиды разноцветными фейерверками взорвались в головах у «обманутых». Звуки этого фейерверка разбудили всех на небе, с облаков спустились ангелы и заиграли в серебряные трубы. Не слышавшая этой музыки бухгалтерша молча распотрошила пачку, ловко зашелестела купюрами и через минуту придвинула ребятам две одинаковые стопочки фиолетового цвета

— Вот, пожалуйста, по шестьсот, — пропела она ангельским голосом.

Этот быстрый ритм сменяющихся настроений привел к тому, что, увидев перед собой пачки денег, Олег, по счастью неуспевший треснуть Володю, неожиданно и громко засмеялся. Расценив этот нервный смех как природное жизнелюбие или чудаковатость художника, охранник и сам улыбнулся.

— Лев Сергеевич просил вас позвонить ему, — доверительно сообщила бухгалтер. — Он послезавтра приезжает из Москвы. До свидания.

Молодые люди не вышли, а выплыли из офиса Их покачивало при ходьбе, и где-то в самом центре мозга, в том его участочке, который ведает наслаждением, пережитое вызвало бурную реакцию. Сжимая в руках пачки денег, они молча прошли по улице метров триста, прежде чем смогли сказать друг другу первое слово.

Это первое слово с эйфорическим наслаждением произнес Денис:

— Нереалка!

Денис остановился и попытался вынуть из стиснутой руки друга мятые остатки договора Продолжая улыбаться, Олег с трудом разомкнул взмокшие пальцы и стал помогать другу расправлять бесценные листочки. Вид у них был Довольно странный: красные от волнений, они остекленело глядели на мятые листы бумаги и пачки денег в своих Руках.

— Я не понимаю. Так все получилось? — спросил потрясенный Денис.

Олег шмыгнул носом. На его лицо мало-помалу стало возвращаться привычное одушевленное выражение. Он достал из пачки двадцатипятирублевую купюру и принялся разглядывать ее на свет.

— Может, этот хмырь их сам шлепает? У него же типография!

— Послушай, Олег! Какого черта? Давай зайдем в магазин и

что-нибудь купим. Если деньги левые, будет крик. Если нет — мы в космосе!

Через пять минут они были в большом гастрономе. Передав на всякий случай свою долю другу, Олег подошел к кассе с подозрительным четвертаком.

— Шампанское, пожалуйста, полусухое, — тихо сказал он в стеклянное окошко.

Женщина в синей безрукавке приняла купюру, повертела в руках и положила под металлическую тарелочку для сдачи. Когда, набрав полные легкие, кассирша собралась закричать, Олег затравленно обернулся и послал Денису безнадежный взгляд.

— Люба! — заорала кассирша. — У нас полусухое осталось?

— Да!

— Восемь семьдесят пять, молодой человек. Возьмите спичек, сдачи нет.

Это был последний удар. С той стороны, за порогом, в дверь громко стучало счастье. Двери даже не распахнулись, они вывалились, рассыпались под его напором, и, ослепляя художников, счастье вознесло их на вершину блаженства. Винная бутылка в руках Олега выстрелила пробкой еще в магазине. Шипящая пена потекла на бетонный пол. Заливаясь неестественным смехом и обливаясь игристым вином, молодые люди выбежали на улицу. Когда сияющее облако счастья вылетело из гастронома, его еще долго судил кипящий ненавистью пенсионерский трибунал.

Через три дня в дверь квартиры в Свечном переулке кто-то требовательно постучал. Штейн пошел открывать, и довольно скоро в комнату ворвалась шумная группа представителей власти. Бархатные портьеры не пропускали яркий день в изрезанную тенями гостиную, в камине пылал огонь, а на круглом столике стояли несколько бутылок вина и огромное блюдо с заморскими фруктами. В комнате играла классическая музыка, блаженствующие художники сидели на диванчике и играли в шахматы.

— Здравствуйте, — поприветствовал гостей Олег. — Добрый день — или вечер. Извините, нет часов, — прибавил он, наблюдая за тем, как начинает закипать усатый капитан. И верно, не выдержав глумления тунеядцев, капитан махнул подручным, и молодые сержантики приготовились к задержанию.

— Одну минуточку, — точно рассчитав драматургию момента, надменно произнес Денис.

— Включите свет! — истерически заверещала женщина.

— Ваши документы! — засуетились сержанты.

— С этим надо заканчивать! Валерий Петрович, примите меры!

— Так, всех в отделение!

— Ознакомьтесь с договором, — хладнокровно закончил Денис.

В наступившей тишине он раскрыл картонную папку и выложил на стол несколько мятых листков.

— Вот, пожалуйста. Эта квартира арендована фирмой «Кредо», сотрудниками которой мы все являемся.

— Если нужно, можно позвонить директору, — издевательски вежливо предложил Олег.

— Ну, вы, это, выйдите, — обратился капитан к застывшим в глупой мизансцене сержантам. — Подождите в машине. Зло зашевелив усами, он оправил мундир и одернул дерзких бездельников:

— Вы мне, это самое, того. Давайте без художеств.

Сбитая с толку дама с фиолетовым шаром на голове пробежала документы глазами и выдавила из себя:

— Что-то это не похоже на какую-то фирму. Чем вообще эта фирма занимается?..

Олег понял, что дело покатилось по официальным рельсам, и довольно туманно ответил:

— Ну знаете, современное искусство — это такая сложная история. Главное, что есть бумаги, не так ли?..

Капитан сонно посмотрел на жэковскую распорядительницу, та еще раз пролистала документы и поставила точку в разговоре:

— Пойдемте, Валерий Петрович.

— Мы с вами договорились, — кинул, уходя, капитан. — Чтобы был порядок!

— Конечно, — хором заверили остающиеся.

Когда в прихожей хлопнула дверь, трое молодых людей выстроились в линию, обняли друг друга за плечи и, напевая старинный мотив, затанцевали сертаки: Тара-ра-ра-ра! Тара-та-ра-та-ра-ра-ра!

Капризная красавица Жизнь нарядилась в белые одежды, стала веселой, щедрой и приятной в быту. Одна за другой, трудности, преследовавшие друзей, ушли в сторону, а необыкновенная цепь событий сложилась так, что им чертовски повезло — мастерская была отвоевана окончательно и бесповоротно. Никто больше не досаждал молодым художникам.

Как непотопляемый корабль с двумя капитанами, мастерская вышла в море безграничных развлечений.

На огромные деньги, полученные от добряка Нагайкина,

друзья накупили массу превосходных красок и погрузились в творчество. Рисовали увлеченно, взахлеб. По случаю одержанной победы было решено устроить грандиозное веселье, и, как это всегда бывало, в гости нагрянуло огромное количество друзей и знакомых.

Музыка гремела, мастерская была полна народа, а в квартиру все звонили и звонили. В очередной раз открыв дверь, Олег увидел большую компанию бельгийцев, часть из которых ранее уже бывала в гостях. Иностранцы притащили с собой гору фруктов, валютную выпивку и, получив гостеприимное приглашение, стали приветствовать хозяина. Кого-то радостно обняв, а кому просто пожав руки, Олег пропустил всех и увидел ее. Последней в квартиру зашла светловолосая девушка в ярко-синем шерстяном пальто. Подняв на Олега большие серые глаза, она улыбнулась и протянула руку:

— Я Аннета. Привет!

16

Приятным майским днем в залитой солнцем гостиной вокруг стола сидели Алексей, Миша и Андрей. Это был воскресный день после вечеринки в Планетарии, и начинался он с довольно необычного зрелища — на круглом столе лежал невысокий, но обширный в диаметре курган мятых денег. Зевая и тихо переговариваясь, еще не завтракавшие молодые люди погружали в него руки и, вытаскивая бумажки разных цветов, складывали из них непослушные и постоянно расползающиеся пачки. Когда игра в это странное лото была закончена и отсортированные пачки сдвинули к центру стола, ребята стали их пересчитывать. Долго тасуя купюры и ведя сложные подсчеты, Алексей разделил имевшиеся несколько тысяч рублей между всеми участниками. Внушительную часть съела аренда Планетария и техника, но все же оставшаяся у «Танцпола» сумма заставила друзей радостно засмеяться.

Поздно проснувшись после вечеринки, Янис нашел своих друзей погруженными в созерцание тысяч, налил себе кружку чаю и был приглашен к делению сладкого пирога. Рубли пересчитали на доллары, и Алексей расплатился за новые пластинки, отдав почти все деньги, которые удалось заработать. Очень довольный случившимся, Янис подарил ему свои наушники и, провожаемый всеми жильцами уехал в Ригу.

Вечером, разбегаясь веселиться по разным компаниям, братья предварительно условились о часе и месте важной встречи, запланированной на следующий день.

Наступил понедельник. Алексей и Андрей вышли из дому около одиннадцати и не спеша пошли в центр, на Невский проспект, к кинотеатру «Аврора».

Они шли на встречу с Виктором Фроловым. Этот крепко скроенный, всегда дорого и модно одетый молодой человек появился полгода назад на Фонтанке и сразу стал всеобщим приятелем. Он приходил всегда вдвоем с Алисой. Трудно было сказать, кто кого сопровождал. Скорее всего, они были настоящей парой, очень симпатичной и всегда привлекающей к себе внимание. Алиса была красива, а ее друг Виктор — строг и подтянут. Никто не знал, чем Виктор зарабатывает на жизнь. Поговаривали, что он валютный мажор, но никто в подробности не вникал и серьезно этим не интересовался, а в маленьком обществе фонтанкинского клуба они были приняты как настоящие модники и на равных дружили с самыми интересными его персонажами.

Полтора месяца назад, после первого выступления Яниса в Планетарии, Виктор обсуждал с Алексеем грандиозный успех вечеринки и вскользь упомянул, что «Танцпол» абсолютно беззащитен перед реальной угрозой бандитского произвола. Тогда он туманно дал понять, что его обширные связи и знакомства могли бы помочь в решении этой непростой проблемы. Алексей хорошо запомнил неприятный момент на входе во время первой вечеринки в Планетарии, так что после вчерашнего побоища со стрельбой он, не раздумывая, согласился вернуться к разговору.

Выбираясь из подполья и пытаясь перевести свое хобби в практическую плоскость, «Танцпол» впервые познакомился с дикой реальностью молодого русского капитализма. Старое слово «бандит» уже не передавало всей ужасающей жестокости, с которой бритоголовые истязали своих дойных коров, несчастных предпринимателей. Страх, который нагоняли на простых граждан полчища спортсменов, управляемых авторитетными уголовниками, был всеобъемлющим. Пребывая вдали от реальной жизни и уж тем более от коммерции, молодые люди жили в состоянии полной изоляции от бандитского разгуляева, никогда не интересовались разбойничьими тотемами и непонятными крышами.

Нужно сказать, что до недавнего момента никто из везде сущих разбойников тоже не интересовался маргинальными сборищами нищих интеллектуалов, приходивших на Фонтанку поплясать. Музыка и страх не пересекались. Но вторая вечеринка в Планетарии перевернула карту «Танцпола» рубашкой вниз.

Возможность приезда ВестБама была предрешена, и впереди был месяц на обстоятельную подготовку, но события последней вечеринки говорили сами за себя. Прошедшую с такими трудностями party уже никак нельзя было назвать дружеской или хоть в какой-то мере приватной. Резонанс первого праздника в Планетарии был настолько велик, что на втором образовались настоящие проблемы. Сложилась практически неконтролируемая ситуация, «Танцпол» едва отбился от нападавших вепрей и с трудом довел вечеринку до конца Поэтому взвешивая перспективы приезда звезды немецкой техносцены, друзья решили серьезно озаботиться безопасностью собственных проектов.

На встречу во двор кинотеатра Виктор пришел с незнакомым молодым человеком невысокого роста. Человек этот имел едкие, обшаривающие глазки, а одет был в черную рубашку, черные брюки, черные ботинки и пиджак малинового цвета с золотыми пуговицами. Для беседы выбрали лавочку в саду, разбитом вокруг памятника Екатерине Великой,

— Знакомьтесь, — звучным голосом представил Виктор незнакомца. — Владимир.

— Вова, — сообщил малиновый пиджак, крепко стискивая братьям руки. — Ну чё, какие дела?

— Да особо никаких, — сдержанно ответил Алексей, расстроенный этим рыночным панибратством.

Алексей закурил и скучающе посмотрел на фронтон здания Публичной библиотеки. Не осознавая дешевой фальши своего разухабистого тона, Вова осклабился и крайне резко для первого знакомства спросил:

— А чё так?

— Ничё. Какие у нас с вами дела? — еще более прохладно и дерзко ответил Алексей, обидевшись окончательно и намереваясь уйти.

Виктор понял, что разговор заходит в тупик, и развел руки, как рефери на ринге.

— Так. Я все понял. Давайте я объясню по-простому. Алеша, ты меня поправишь, если что не так. Идет?

— Попробуй, — безучастно согласился Алексей.

— Слушай, Вова. Это мои друзья. Они в своей системе и занимаются разными вещами, не будем вдаваться в подробности.

— А чё так? Ну давай.

Алексей с Андреем утомленно переглянулись, мысленно кляня Виктора, его желание помочь и этого дебилизированного коротышку.

— Слушай, Вова, завязуй бодаться. Давай по делу. Идет?

— Пошло'.

— Ну так вот, чтобы тебе было понятней. Будет история — дискотека. Скоро, через две недели, может, через месяц. Будет лаве, дают процент. Двадцатку. Нужно разрулить с пацанами и поставить пару молодых отмахаться на входе от залетных, если что.

— А чё за дискотека, с волами? Есть бабы-то? Ну ладно, Витя, я шутканул, не бычься. Давай. А сколько лаве?

Начинающий терять самообладание Виктор прекрасно понимал, куда может привести этот нелепый разговор его дружбу с Хаасами. Сделав над собой усилие, он растянул свое лицо в деланной улыбке и, понизив голос, продолжил:

— Слышь, Володя, я тебя знаю давно. Тебе это интересно?

Володя скривил рот и зло молчал, уставившись на Виктора. Андрей, напряженно ловящий каждое слово этого странного разговора, решил, что этот тип сейчас кинется в драку. Но ничего не произошло — через несколько секунд напряженного молчания Вова расправил морщины на маленьком лбу и коротко согласился:

— Пошло.

Краем глаза Виктор увидел выражение лица Алексея и понял, что разговор пора заканчивать.

— Леша, я сейчас подойду. Подождите меня.

— Хорошо, — ответил Алексей, откидываясь на ребристую спинку лавочки.

— Давайте, пацаны, — прогнусавил Володя, ударяя ладонью с полусогнутыми пальцами по рукам Алексея и Андрея.

Когда Виктор со своим знакомым вышли из садика и затерялись в толчее Невского, Андрей, взглянув на брата, сказал:

— Ну и урод этот его приятель.

— Да уж, — согласился Алексей. — Ну а чего делать-то? Без охраны нам нечего и думать приглашать кого-то, не говоря уже о ВестБаме. Янис позавчера серьезно струхнул в Планетарии. Да и я, если честно, не особо был рад махаться в эсиде с этими уродами.

— Так ты тоже эсида наелся? — засмеялся Андрей.

— Было дело, а ты?

— Ну так, чуть-чуть, — заулыбался Андрей.

— Ну да. Видел я твои «чуть-чуть», как ты летал в шесть утра по залу. Слушай, сейчас Виктор вернется, давай покумекаем. Я думаю, если делать ВестБама, то нужна тотальная реклама, и быков набежит столько, что будут проблемы еще похлеще. Вот только двадцать процентов не многовато для этих животных? Как

думаешь? С другой стороны, мы же сами объявили эту цифру, так что теперь поздно переигрывать.

Через минуту в саду снова появился Виктор, теперь он скрывал глаза за темными очками. Он оглянулся, окинул долгим взглядом Невский и, усевшись на лавочку, продолжил прерванный разговор.

— Я очень извиняюсь за этого дебила, но поверьте, это еще не самый худший. Не суть. Думаю, что вам необходимо иметь хоть какую-то защиту, иначе скоро вас могут разорвать.

Алексей улыбнулся и, помедлив самую малость, ответил:

— Витя, а ты уверен, что этот Вован справится? И как это все будет выглядеть? Не очень понимаю. Бандиты будут по нашей просьбе лупить других бандитов. Да они же все «братаны».

— Леша, сейчас такая ситуация, что людей перемалывают за очень малые деньги. Вы не сможете в одиночку. Нужно, чтобы какая-то группа считала ваши вечеринки своими… Постой, постой! — воскликнул Виктор, видя бешено расширяющиеся глаза Алексея. — Ты меня не так понял! Послушай. Получая свои проценты, они охраняют вечеринку от других, потому что бригад сотни, и они все не «братаны». Они стреляют друг в друга, а потом свозят трупы в багажниках на помойки. Такие дела. А еще есть залетные или просто беспредельщики. Тем вообще ничего, кроме драк, не нужно. Сейчас очень жесткие времена. Вам просто повезло, что те, с кем мы дрались в субботу, не вернулись с оружием. Я думал, будет хуже. Поверь, больше надеяться, что пронесет, не стоит. Слухи о ваших вечеринках гуляют не только среди молодежи. Для бандюганов это красная тряпка перед носом.

Над лавочкой повисла пауза, и все погрузились в свои размышления. Через какое-то время Алексей устало закончил:

— Я не знаю, Витя. Давай попробуем. Мы готовы платить эти проценты, лишь бы они не решили съесть нас целиком. Нам нужен порядок на вечеринках в Планетарии и чтобы не обижали наших гостей. Вот, собственно, и все.

— Ладно, не будем забегать вперед, посмотрим, — сказал Виктор, приподнимаясь и энергично махая рукой какому-то невидимому на многолюдном проспекте человеку.

В раскрытые воротца сада не спеша вошла молодая женщина в белом плаще и красных лаковых туфлях сезона шестьдесят седьмого года. В руках она несла плетеную су мочку с гнутыми бамбуковыми ручками и сквозь персиковые стекла очков приветливо посматривала на поднявшихся ей навстречу молодых людей. Где бы она ни появлялась, плавность ее походки и изящество осанки всегда приковывали к ней взгляды, вот и

сейчас, развевая полы ее легкого плата, теплый ветер нес эту воздушную фигуру навстречу вытянутым рукам Виктора.

— Алиса! — вымолвил Виктор, заключая девушку в объятия.

— Привет, Алиса! — поздоровались братья.

Все присели на лавочку и подставили лица солнечному свету.

— Мы с Виктором собираемся покататься по Неве на речном пароходике, — сообщила Алиса. — Не хотите составить нам компанию? Соглашайтесь, прошу вас, отличная погода, я в последний раз каталась на катере еще в школе.

Не заставляя себя долго просить, Алексей взглянул на молчаливого брата и радостно ответил:

— Конечно, с удовольствием, отличная идея.

Сидя на лавочке и слушая общий разговор, Андрей крутил головой, глядел то на одно, то на другое, но все же время от времени бросал непослушный взгляд на коленки Алисы, поражался их трогательной форме и цвету гладкой кожи. Он испытывал к ней неосознанное и полупрозрачное чувство влюбленности, немного похожее на молчаливое обожание юноши по отношению к редко появляющейся на его горизонте прекрасной даме, сердце которой прочно занято другим. Сексуальная притягательность волнами расходилась вокруг этой женщины, часто заставляя воображение мужчин загораться огнем, а представительниц слабого пола, наоборот, очень пристально ее разглядывать. Красивая, умная и тонко чувствующая, она нравилась очень многим, но любила только своего Виктора.

Друзья выбрались из сада и решили добраться до реки на автомобиле. Интеллигентный мужчина на ухоженной «Волге» за рубль доставил их к Дворцовой набережной, и после душного проспекта они оказались в хорошо продуваемом пространстве Невы. Стиснутая от края до края гранитными стенами, река неслась бурным течением, устремляясь в Финский залив. Серые воды вздымались и пенились, силились своим ходом низвергнуть массивные быки, прижатые ко дну циклопической тяжестью старинных мостов. Прогулявшись в тени деревьев по Адмиралтейскому проспекту, компания друзей добралась до плавучей пристани, дебаркадера, как его правильно назвал Виктор.

Неизвестно почему, некоторые из знакомых частенько называли его Витя-морячок. И правда, в действительности он немного смахивал на моряка. Роста он был невысокого, имел достаточно атлетическую фигуру, небольшая и всегда коротко стриженная голова сидела на крепкой шее. Имея правильные черты лица, он умело управлялся с собственной мимикой и, в

зависимости от ситуации, мог делать разнообразные мины. В какой-то мере ему была присуща и главная особенность всех моряков — слегка раскачивающаяся, но все же твердая походка, которой он весело шагал по жизни. Одним словом, при виде причаленного к плавучей пристани теплохода Виктор чрезвычайно оживился.

По сходням все зашли на палубу дебаркадера и купили билеты на ближайшую экскурсию. Теплоход имел воздушное название «Чайка» и представлял собой прогулочное судно с остекленным низом и открытой террасой верхней палубы. Там же, наверху, размещалась небольшая надстройка со множеством антенн и хлопавшим на свежем ветру речным вымпелом. В проеме открытого окна этой рубки виднелся усатый капитан в черном кителе с расшитыми золотым шнуром рукавами. Капитан курил и весело поглядывал, как на Сенатской площади хмельной от счастья жених в знак вечной преданности тащит свою визжащую невесту вокруг Медного всадника.

— Бравый кэп! — радостно сообщил друзьям Виктор, забираясь вместе с ними на борт теплохода. — Когда отправляемся?! — крикнул он капитану, глядя снизу вверх и заслоняясь от солнца ладонью.

Капитан улыбнулся пассажирам, а вместо ответа изогнутый рожок на крыше его рубки издал быстрый и задорный звук. Юнга в белой холщовой робе забегал по раскаленной палубе, втянул трап с веревочными леерами и принял с берега отвязанный швартов. Где-то под ногами загудела машина, и, поднимая вокруг кормы потоки пены, качнувшийся теплоход стал отплывать от пристани. Не смотря на теплый день, народу, пожелавшего прокатиться на нем, был о совсем немного. Друзья прошлись вдоль узких бортов и спустились в просторный салон теплохода, плотно заставленный стульями и столами.

— Здесь не так интересно и к тому же душно, — справедливо заметила Алиса, оглядывая меблировку.

Несколько семейных компаний, расположившихся в салоне, галдели, фотографировались и тыкали пальцами, указывая на разные достопримечательности. По крутой лестничке друзья поднялись наверх и оказались в более выигрышной позиции — накрывавшая палубу металлическая крыша покоилась на тонких опорах, не создававших ни малейшего препятствия движению воздуха, площадка продувалась и дышала свежестью. С этого высокого уровня повсюду, куда простирался взор, открывался чудесный вид. Палуба была совершенно пуста, и ни одна из скамеек, рядами заполнявших ее, не была занята. Впереди виднелась распахнутая дверь капитанской рубки, из нее

доносилась музыка

На этой высоте при полном ходе теплоход ощутимо раскачивался, так что спокойно стоять можно было только ухватившись за поручни. Слева неспешно проплывало здание университета, а справа высились шпиль Адмиралтейства и уплывающий за крыши домов купол Исаакиевского собора. По мере приближения к Дворцовому мосту судно выбралось на середину реки и, постепенно набрав полный ход, влетело под разводной пролет, гудящий сверху потоками транспорта.

— Эй!!! — крикнул что есть мочи Алексей в образовавшихся прохладных сумерках.

Гулкое эхо быстро вернулось с ответом: эй! эй! эй…

Тень нависшего над головами гиганта сдвинулась, мост стал заваливаться назад и быстро уменьшаться за кормой, а кораблик выплыл к центру главной панорамы, развернувшейся вокруг невероятно просторным кругом. Виктор достал мельхиоровый портсигар с изображением легавой собаки, небольшая компания расселась на лавочках и, передавая друг другу сигаретку с тяжелым дымком, стала любоваться окружавшей их красотой.

Огромным дредноутом, покачивающимся на волнах, мимо проплывала Петропавловская крепость. Со своими бастионами, флагштоками, пушками, шпилями, сторожевыми башенками и щелями для ружейного боя гранитная цитадель напоминала призрачный корабль, давно оставленный командой.

— Как красиво! — воскликнула Алиса, вертя головой. — С воды город совершенно другой. Я даже забыла эти ощущения. Смотрите, как освещен Мраморный!

— Красота! — согласился Виктор и, поднявшись с места, направился к распахнутой двери капитанской рубки.

— Витя, ты куда? — спросила Алиса с улыбкой. — Порулить?

Виктор скрылся в дверном проеме рубки, но через какое-то время появился на палубе, довольный и ухмыляющийся:

— Да, да, да! Хорошо, хорошо. Мы сейчас. — Вернувшись к заинтригованным друзьям, он сообщил: — Послушайте, кэп оказался настоящим морским волком. Мы быстро столковались. Леша, это может быть интересно. Он предлагает, если есть желание, а главное, деньги, любые прогулки на этом теплоходе.

Все поднялись с мест и стали заинтересованно приближаться к рубке. Приборы, ручки, рычаги и прочее оборудование в ней были лишь дополнением к самому капитану. Это был уже немолодой, но очень колоритный мужчина огромного роста. Он сидел в своем форменном кителе в кресле и, придерживая рычаг управления гигантской рукой, наслаждался радиопередачей. Увидев делегацию, капитан сделал радио тише и повернул

голову.

— Здравствуйте, здравствуйте! — поприветствовали его пассажиры.

Алексей обшарил взглядом кабину и лукаво улыбнулся капитану:

— Скажите, а правда, что можно на вашем пароходе устроить незапланированную экскурсию?

— Ну, не на моем и не на пароходе, но можно, — многозначительно и довольно расплывчато ответил капитан. — Смотря куда идти.

— Куда — не так важно. Хоть прямо, хоть по кругу, важно — когда, а вернее — во сколько, — в таком же таинственном духе ответил Алексей.

— Так когда, то есть — во сколько? — хитро заулыбался морской волк.

— Ночью можно? — весело спросил Алексей.

— Спальных мест нет.

— А мы спать и не будем.

— А чего будете?

— Пить, курить и девочек любить.

Своим громким хохотом капитан испугал Алису, доверчиво слушавшую этот разговор.

— Так чего вы хотите? Чем я могу помочь? В залив мне нельзя, сразу предупреждаю. А аренда сто рублей в час плюс тонна солярки — двести, такие дела.

— Идет, — торопливо ответил Алексей. — А на сколько часов можно?

— У меня последняя экскурсия в одиннадцать пятнадцать, и до девяти утра я у Всадника на швартове.

— Супер! Давайте с двенадцати до восьми. Нас будет человек сто — ну, может, сто пятьдесят. У нас свой бар и музыка.

Потрогав усы, капитан с интересом взглянул на бойкого молодого человека. Совершая маневр, он ненадолго оторвался от беседы и спустя минуту ответил Алексею:

— Деньги вперед — таков наш морской закон.

При этом он снова разразился громоподобным гоготом, в котором утонул деликатный смех молодых людей, потрясенных простотой и величием его жизненной позиции.

— Нас устроит в эту субботу.

— В субботу так в субботу, — покорно согласился великан.

— Все, договорились! — торжественно заключил Алексей.

Пожав капитану руку, молодые люди оставили его править кораблем, а сами вернулись на палубу.

— Отличная идея, — сказал Андрей сияющему от

удовольствия брату.

— Да, здорово получилось, — добавила Алиса.

Зардевшийся от похвал Алексей закурил и положил конец славословиям:

— Если бы Витя не познакомил нас с капитаном, ничего бы и не получилось.

Когда вечером Миша узнал о теплоходе, он пришел в восторг от этой идеи. Предстояло в кратчайшие сроки решить целую кучу вопросов, и поэтому с утра следующего дня все бодро взялись за дело. Алексей собственноручно нарисовал оригинал приглашения, символами и смелыми линиями изобразил море и летящую над ним чайку. Через несколько дней эти приглашения были напечатаны, и начался процесс их распространения. Удивительная летняя затея — покататься на кораблике, и не просто покататься, а потанцевать на воде — с невероятной скоростью распространилась среди друзей. Вычтя расходную часть водного путешествия, молодые люди представили себе количество желающих попасть на борт, поделили его на оговоренное с капитаном число пассажиров и отняли от полученного число самых близких друзей. Так, очень примерно, выяснили, сколько билетов требуется продать. Порешили, что для того, чтобы сто постоянных членов клуба повеселились при таких приятных обстоятельствах, необходимо продать их друзьям пятьдесят билетов по пятьдесят рублей. Вырученной суммы как раз должно было хватить на все расходы. Речная прогулка должна была стать настоящим развлечением, которое клуб организует для собственного увеселения. Как справедливо заметил Иван Салмаксов, «эти пятьдесят оплатят общин счет и скромно затеряются в толпе».

Но нужен был звук и минимальный свет. На помощь пришел старый рок-клубовский друг Жора Баранов, он подарил «Танцполу» две колонки, которые из-за своих размеров мешали ему в тесной студии. Со светом все решилось еще проще; взяли ультрафиолетовую лампу, поворотную фару и вращающийся прожектор под желтым колпаком, напоминающий милицейскую мигалку.

Остаток недели пролетел в незначительных хлопотах, и вот наступила суббота. Целый вечер Андрей и Миша проторчали на пристани, поджидая теплоход, чтобы во время его получасовых стоянок между экскурсиями успеть затащить на борт все необходимое Нерешенным оставался вопрос, куда девать с корабля двенадцать столов и шестьдесят стульев. Узнав, что мебель не нужна, капитан округлил глаза и не скрывая удивления

спросил;

— А на чем же вы будете сидеть? На полу, что ли? А выпить, а закусить? Как же это?

Андрей решил не расстраивать капитана и честно признался:

— Мы сидеть не будем. Мы будет танцевать.

— Танцевать? Такого у меня еще не было!

Решение пришло само собой. Тетушка, заведовавшая дебаркадером, целый день отслеживала движения людей с коробками и в какой-то момент не выдержала и сделала ребятам въедливое замечание. Дипломатичная беседа с ней привела к тому, что очень скоро стороны договорились, и ребята получили разрешение свалить мебель на причале.

Уже с одиннадцати вечера на набережной стали появляться приглашенные и гости. Ровно по расписанию, бурля пеной, «Чайка» причалила к дебаркадеру, вышли немногочисленные туристы, и по сходням забегали люди. Начали выгружать мебель, закипела подготовка, стал слышен звон расставляемых бутылок, подключили усилители и свет, но тут выяснилось одно никем не предвиденное обстоятельство — даже когда теплоход спокойно стоял у швартовой стенки, он покачивался на волнах, и от этой качки иглы на проигрывателях срывались то в одну, то в другую сторону, портя пластинки и неприятно визжа. Не помогали ни подкручивания противовесов, ни утяжеление звукоснимателей, ни толстые листы поролона Ужасно расстроенный, Алексей грыз от волнения ногти и посматривал на собравшуюся перед трапом толпу. Решения не было.

— Да плюньте вы на пластинки! — весело предложил Женя Бирман. — Хотите, я привезу двухкассетный магнитофон? Потанцуем под кассеты. Нам не привыкать. Чего думаешь, Леша?

Алексей просветлел, когда услышал это простое и единственно возможное решение.

— Сворачивайте вертушки и запускайте всех на борт, мы сейчас обернемся, — крикнул он брату, бегом устремляясь на пристань.

По узкому трапу, весело шумя и переговариваясь, на борт «Чайки» стали подниматься заждавшиеся гости, они мгновенно заполнили палубы и, за неимением другого занятия, принялись распивать шампанское. За сотней попавших на борт счастливчиков с берега печально наблюдали несколько десятков человек, не имевших ни приглашения, ни денег. Стоя у трапа, Андрей был вынужден выслушивать бесконечные мольбы и просьбы за многочисленных друзей и классных ребят, желавших оказаться на теплоходе. Когда запланированные билеты были распроданы, на борту находилось около ста шестидесяти человек.

Через двадцать минут к дебаркадеру подлетела машина.

— Как у нас дела? — нетерпеливо спросил Алексей, взбегая по трапу.

— Билеты проданы, но, как видишь, осталось человек тридцать чьих-то друзей. Капитан ругается, что уже перебор, боится, начерпаем воды. В принципе, остались только нормальные ребята. Денег ни у кого нет, может, возьмем их, пока капитан не видит, и отчаливаем?

— Конечно, действуй. Я займусь музыкой. Подойдя к трапу, Андрей облокотился на перила и тихо сказал:

— Все, кто здесь находится, заходите на борт. Отплываем.

Не веря своему счастью, молодежь с радостными возгласами устремилась на «Чайку». Андрей махнул матросу, тот отдал швартовы, прыгнул на борт и стал втаскивать трап. Раздался короткий гудок. Тяжело груженный, низко сидящий в воде теплоход вздрогнул от напряжения и выпустил из трубы черный столб солярочного дыма. Между его бортом и пристанью стала расползаться линия воды.

Громко крича и махая руками, по набережной к дебаркадеру бежал Игорь Длинный. За ним поспешали Заяц и две какие-то барышни.

— Зайчила! Привет! — закричал Андрей, смеясь над комичностью ситуации и в то же время жалея друзей, досадно опоздавших на каких-то пять минут.

— Андрей! — надрывался Длинный, силясь перекричать музыку. — Заберите нас!!

— Поздно!! Не могу!

Выгребая против течения, «Чайка» медленно набирала скорость, устремляясь к Дворцовому мосту. На небольшом предварявшем поход совещании было решено сначала плыть к Охтинскому мосту, там разворачиваться и на всех парах обратно к Адмиралтейским верфям. Последний мост разводился в половине второго ночи, и до начала движения грузовых судов нужно было успеть вернуться и встать на якорь возле крепости. Впрочем, на маршрутный план все махнули рукой и положились на опытность капитана.

Корабль медленно плыл мимо сияющих огнями набережных. Желая насладиться, большая часть пассажиров собралась на верхней палубе и оттуда любовалась величественным видом. Речной плоскодонный кораблик, не рассчитанный на то, чтобы более сотни человек находилось выше ватерлинии, стал опасно крениться из стороны в сторону и черпать воду бортами. Распахнулась капитанская рубка, и строгий голос, усиленный репродуктором, сказал:

— Уважаемые экскурсанты! Мы можем перевернуться, если часть из вас не покинет смотровую палубу. Пожалуйста, спускайтесь в салон и равномерно распределяйтесь по бортам!

Большинство, в основном изрядно струсившие от сильной качки девушки, услышав предупреждение, бросились вниз. Ситуация стабилизировалась, и путешествие продолжилось.

В невысоком, но длинном салоне синим пламенем горел ультрафиолетовый фонарь. Его неясный свет заставлял светиться одежду и зубы, лица же танцующих оставались в полутьме. В плотно заполненном танцполе люди распознавали друг друга буквально на ощупь. Узким лучом над головами махала поворотная фара, на носу корабля крутилась желтая мигалка, и при таком световом минимализме пассажиры весело затанцевали. Расчет был верный — погруженные в полутьму зрители могли видеть ночной город, проплывавший за стеклами салона.

Двигаясь между плотно сгрудившимися вдоль бортов компаниями, Андрей пробирался наверх, в капитанскую рубку. В руке он нес полиэтиленовый пакет, в котором позвякивали бутылки. Троекратно постучавшись, он вошел в рубку и закрыл за собой тяжелую дверь. Капитан знаком пригласил присесть, Андрей уселся в кресло и выложил на пульт управления пачку денег.

— Вот, всё как и договаривались.

— Хорошо, — кратко отреагировал капитан, пряча деньги в карман кителя.

— Вы пересчитывать не будете?

— Ну, я думаю у нас без обмана?

— Конечно.

Немного помедлив, Андрей стеснительно предложил:

— Игорь Валентинович, возьмите, пожалуйста, ну, от нас, в общем. — Он вытащил литр водки и две бутылочки с пепси.

— Да вы что! Я же, так сказать, за рулем, двести душ везу,

— запротестовал капитан, не предпринимая, однако, попыток отказаться от презента.

— Я тогда пойду. Если мы вам понадобимся, подайте короткий гудок, хорошо?

— Гудеть не положено, но ладно. А вы услышите?

— Конечно.

Закончив умасливание капитана, Андрей с облегчением выбрался наружу. Свежий ветер бодрыми порывами метался между рядами скамеек, на которых обнимались поддавшиеся очарованию ночи влюбленные парочки.

Андрей прошел смотровую палубу, спустился вниз и столкнулся с Габриэлем и Яночкой, созерцавшими ночной город с

кормы корабля. В руках у Гарика была пузатая бутылка темного стекла, и при виде друга он взмахнул ею, облив палубу налитком.

— Здорово, Андрон! — закричал он. — Хлопнешь с нами? Папаня привез из рейса. С корабля на бал.

— Андрю-юша! — нараспев поприветствовала Яночка, по-дружески целуя Андрея в щеку.

— Что пьете?

— Настоящие мореманы пьют только ром! — ответил Гарик уверенным тоном, протягивая бутылку.

Андрей отхлебнул из горлышка, закашлялся, горячая волна поднялась из глубины груди, перехватила дыхание. По приказу Гарика через мгновение процедуру, пришлось повторить. До этого раза Андрей никогда не пробовал таю крепких напитков и был потрясен силой воздействия. Глаза заслезились, нос хлюпнул, в голове затуманилось, он задышал ртом, попытался разбавить крепость воздухом, закашлялся, и туг же ему очень захотелось курить. Похлопав себя по карманам, он поспешно достал пачку, прикурил сигарету и, щурясь увлажненными глазами, умиротворенно улыбнулся друзьям.

— Как пошло? — поинтересовался Гарик, прикладываясь к бутылке.

Ответить не удалось. Хохочущая компания общих друзей вышла на корму и заполнила это маленькое пространство. Возникла оживленная беседа и общий обмен впечатлениями, сразу же поглотивший приватный диалог. Бутылка пошла по кругу и очень скоро, по старой морской традиции, полетела, пустая, за борт. Андрей смотрел на сияющие лица друзей и, выпуская вихрящиеся струйки табачного дыма, чувствовал себя счастливейшим человеком на свете. Он и на самом деле был абсолютно счастлив, поскольку находился среди интересных людей, громко играла музыка, под ногами качалась палуба, а за развевающимся от ветра красным флажком весело пенилась волна. Идея с пароходиком так удачно выстрелила, что попала, как говорится, не в бровь, а в глаз. Необычность обстановки опьяняла присутствующих сильнее любого вина. Проплывающие мимо набережные, мосты, машущие руками пешеходы и свежий балтийский ветер — все это сильно приободряло, и позитивные вибрации наполняли сердца путешественников радостным трепетом.

Оставив шумную компанию, Андрей устремился в громыхающий басами салон. Снаружи эта плавающая оранжерея выглядела демонически. В тяжелом ультрафиолетовом сумраке, разрубаемом быстрыми махами белой фары, колыхались ярчайшие пятна одежд. Среди неясных силуэтов мерцали огоньки

сигарет, а по стеклам салона, догоняя друг друга, с бешеной скоростью носились два желтых луча. Салон был до отказа наполнен танцующими. Музыка гремела не чисто, но все же сносно. Шагнув за стойку бара, единственного места, в котором не было тесно, Андрей увидел Марата и двух его друзей, с которыми он познакомился в Планетарии. Молодые люди увлеченно танцевали, скаля ослепительно горящие зубы. Махнув им рукой, он хлопнул пробкой шампанского и стал наполнять стаканчики шипучим вином. Друзья приблизились, утирая пот, поздоровались и принялись за угощение.

— Классная идея — устроить вечеринку на воде, — возбужденно кричал Марат. — Как вам удалось заполучить такой кораблик?

— Дискомафия, — засмеялся Олег Назаров.

Светловолосый Денис Одинг улыбнулся и поинтересовался:

— А куда плывем?

— До Смольного, потом обратно — начнется проводка судов, и движение закроется. Будем стоять у Петропавловки, а обратно к шести.

— Круто!

Андрей разглядел брата, машущего ему и з-за пульта рукой, выскользнул из бара и стал пробираться на нос. Согнувшись над магнитофонами, Алексей колдовал с кассетами. Вокруг стола было очень многолюдно, но больше всех за спиной у диджея выделялась группа красивых девушек. Среди этих длинноногих красавиц Андрей узнал улыбающуюся Алину, принцессу подиума, давно дружившую с «Танцполом». Очевидно, она и привела с собой эту смеющуюся и очень довольную происходящим футбольную команду манекенщиц.

— Андрюша! Как там все?

— Плывем. Я расплатился с кэпом. Все счастливы, скоро встанем на якорь.

— Послушай, Алина при гласила целую кучу красавиц, но я занят, а барышни скучают и хотят шампанского. Принеси, пожалуйста, вина. Бутылок пять.

— А строгий Миша со своими цифрами? Он меня съест за разбазаривание бара.

— Мишу за борт, — кратко приказал Алексей.

Выполняя просьбу брата, Андрей доставил на нос рвущийся от тяжести пакет и выставил на треугольный столик множество бутылок. Красавицы оживились и благосклонно заулыбались расторопному юноше, а вокруг стали собираться известные городские мачо, привлеченные красотой девиц и внушительной винной поддержкой.

«Мавр сделал дело. Мавр может уходить» — подумал Андрей, кивая брату в сторону извивающихся красавиц.

Алексей ответил улыбкой и снова согнулся над пультом. Оказавшись в центре салона, Андрей уселся в проеме распахнутого окна и принялся наблюдать з а всеобщим весельем. Компактно умявшись, на борту «Чайки» поместились практически все знакомые и друзья, еженедельно посещающие квартиру на Фонтанке. На их лицах было столько радости и оживления, что можно было не сомневаться — «Чайка» несет их на вершину блаженства. Андрей перевел взгляд в сторону бара и увидел согбенного Мишу с молоденькой помощницей, едва успевавших удовлетворять пожелания возбужденных гостей. Радостный гвалт, возгласы и веселая сумятица, наполнявшие танцующую палубу, переплетались с басовым ритмом и образовывали над ночной Невой невероятный ералаш.

В какой-то момент, перекрывая музыку и весь этот бедлам, откуда-то сверху донесся короткий, срывающийся звук. Спустя минуту этот звук повторился настойчивее, и до Андрея дошло, что это капитан шлет из рубки взволнованные сигналы. Протискиваясь между толпящимися, он устремился вон из салона и стал как можно быстрее пробираться вдоль узкого борта. Его окликали, хватали за локти, приглашали в компании, но он, бросая на ходу короткие реплики, волнуясь, поспешал наверх. Добравшись до заштурваленной двери, он постучал и вошел. Капитан сидел на своем месте и переговаривался с кем-то по радиосвязи. Закончив переговоры, он обернулся и, отчетливо пахнув водочным духом, сообщил:

— Ну музыка — это я еще понимаю. Но что там за проблесковый фонарь желтого цвета? Со мной связались из пароходства и скандалят. Говорят, что на ходу мы подаем какие-то сигналы и издаем страшный вой. С берега подумали, что у нас ЧП. Выключите эту лампу, или я причаливаю, мне работа дороже!

Во время этого бурного диалога Андрей все понял и согласно закивал:

— Хорошо, хорошо. Я сейчас же выключу прибор.

— Давайте, а то может речная милиция появиться на катере — тогда всему шабаш. К тому же мы сейчас встаем до пяти утра, а тут самый центр города.

— Бегу.

Корабль замедлил ход и, подбираясь бочком к Заячьему острову, стал тихо выруливать по течению, готовясь встать на якоря. Запыхавшийся Андрей примчался в салон и проинформировал брата о капитанском ультиматуме. Было решено фонарь не выключать, но убрать на пол, чтобы светил

только по ногам. Вечеринка продолжалась как ни в чем не бывало. Успокоившись, Андрей уселся на диване, закурил и стал наблюдать. Разогретый и полный счастливой эйфории танцпол сотрясал корпус корабля гулкой дрожью.

Расположившийся р ядом Саша Я ркин выспросил у Андрея все подробности остановки и суетливой смены освещения. Узнав о возможном прибытии речной милиции, он затуманился и, указывая в д аль темной реки пальцем, сказал Андрею:

— Не хочу, конечно, накаркать, но, по-моему, к нам действительно кто-то плывет.

Скользнув взглядом в указываемом направлении, Андрей сглотнул комок. Прямо к ним моторным ходом несся катер, выписывая в сумраке ночи размашистые линии горевшим на рубке фонариком.

«Менты», — подумал Андрей.

Прокисшим духом свинского скандала запахла вся акватория реки. Необходимо было что-то предпринимать, во всяком случае спасать результаты активной деятельности бара. Вскочив на ноги, Андрей чуть не сбил каких-то девушек и устремился к Алексею. Он играл музыку, клацал кнопками и, счастливо улыбаясь, не подозревал о нависшей над всеми неприятностью.

— Алеша!!! Слышишь? К нам плывет катер с ментами. Вон, гляди. Я пошел к Мише, нужно убрать все деньги.

— Я с тобой, подожди.

— Черт!

— Быстрее!

Алексей рванул с головы наушники и, озабоченно оглядываясь, стал пробиваться к окну. Бегство диджея из-за пульта не осталось незамеченным, ближние ряды смутились и сбились с ритма. Все стали вглядываться в темный силуэт Дворцовой набережной, со стороны которой приближалась красная точка.

— Что? Что случилось?

— Менты сюда плывут.

— Начинается.

— У кого что ненужное — за борт! — тихо скомандовал Алексей растерянным друзьям.

В окна полетели пачки папирос и бумажные пакетики. Музыка стихла Возникла суета С левого борта было отчетливо видно, как в катере, держась за поручни, стоят несколько фигур. Прошла томительная минута, и, когда катер приблизился на десять метров, все двести человек на «Чайке» затравленно замолчали. В наступившей тишине с ментовского катера послышался хорошо знакомый многим вальяжный голос:

— Мы все участники регаты!!!

Приветливо махая окаменевшим зрителям руками, к теплоходу подплывали Длинный и Заяц. Образовалась такая тишина, что было слышно, как водица хлюпает о борт «Чайки».

— Чего музыку выключили, ха-ха-ха! Мы за вами уже час гоняемся, — перепрыгивая на борт, сообщил Заяц.

— А где менты? — резонно поинтересовался кто-то с верхней палубы.

— Какие менты?

— Мы думали, что вы — это речные менты, — сказал Алексей.

Услышав это признание, Заяц так громко засмеялся, что этот смех передался всем пассажирам «Чайки». В это время матросы помогали выйти из рубки катера двум смертельно пьяным девушкам, завернутым в одеяла. Перетаскивая с катера на борт теплохода полногрудую блондинку, Заяц пропел ей:

— Рыбонька моя! Сегодня твой вечер!

Девушка до этого дня, очевидно, никогда не испытывала таких потрясений и такого внимания к своей персоне и поэтому очень смутилась, что сто человек, свесившиеся с перил, разглядывают ее с довольными физиономиями.

— Спасибо, товарищи балтийцы! — прокричал Длинный отплывающему катеру. Матросы в темно-синих робах отсалютовали початой бутылкой водки.

Попав в гущу ухмыляющихся друзей, Длинный не заставил себя ждать и поведал короткую историю блестящей морской операции:

— Когда вы бросили нас умирать на причале, мы поначалу очень расстроились, а потом нашли этих курсантов с мичманом из Фрунзенского училища. Они оказались настоящими пиратами. Мы влили в них две бутылки водки и полетели в погоню. За Литейным мостом мы уже почти вас настигли, но вы ушли на скорости. Потом мы долго искали еще бухла, и вот нашли вас уже тепленьких, на якоре. Так что врубайте музыку!

— Полный вперед! — скомандовал Заяц.

Быстрый переход из веселья в страх и из страха в смех очень взбодрил всех присутствующих. Заиграла музыка, корабль снова наполнился шумом и смехом. Мимо заякоренной «Чайки», гудя и пенясь, шли огромные сухогрузы. Разрезая форштевнем ленту реки, эти длиннющие громадины заставляли веселый теплоходик подолгу раскачиваться в свинцовых водах Невы. Танцы возобновились.

Дело шло к пяти утра. Светало, и над рекой появились чайки.

Померкли призрачные силуэты домов, выступили множественные детали фасадных узоров и отблески неба на стеклах. По набережным пошли люди, забегали машины, и, грохоча колесными парами, по Кировскому мосту прополз пустой трамвай. Вытравив якорь, теплоход задрожал бортами и, сложив с течением всю мощь своей машины, быстрехонько полетел к Сенатской площади.

В последние полчаса плавания Алексей выключил музыку, и разомлевшие от усталости пассажиры любовались дивным видом утреннего города. Экспедиция, безусловно, достигла своей цели, общее единение и эмоциональная однородность слились в этом приятном молчании в беззвучную музыку покоя.

17

Настырность караулит лень. Женя Рудин, смешной чудак из Мурманска, добился того, что на него прекратили обращать внимание, и начал еженедельно бывать на Фонтанке. Никто точно не знал, зачем ему это нужно — вина он не пил, травы не курил, девушек у него не было, он не танцевал и ни с кем, собственно, не общался. Миша, по обыкновению своему, хозяйствующий на вечеринках, стал замечать, что этот Женя проводит большую часть времени за спиной у играющего Алексея. В такие минуты взгляд его был очень внимателен, он напряженно глядел и глядел, потряхивая головой в такт музыке. И вот однажды, во время субботней вечеринки, этот странноватый парень дождался, когда Алексей захотел отойти от пульта, чтобы пообщаться с друзьями и подошел к нему с простодушным видом:

— Хочешь, я тебя подменю?

— Ты?

— Ну да, я смогу. Умом я все понял, осталось только попробовать.

Сомневаясь и медля, Алексей на минуту призадумался.

— Слушай, я тут приготовил пластинку, вот эту. С этой бороздки — видишь, она чуть белее, вот ее и поставь потом. Ну а с пультом — не знаю. Переведи, как сможешь. Ага? Если не получится, включай кассету. Я скоро…

Недоверчиво улыбнувшись этому странному парню, Алексей передал ему наушники и уступил место за пультом. Женя поставил пластинку на турнтэйбл, надел наушники и сосредоточился. Его ожившие руки покрутили ручки настроек, он согнулся над столом и приготовится к миксу. Через мгновение Женя запустил второй диск, и две пластинки закружились одновременно. Выровняв скорости, он несколько секунд поиграл

их вместе, а потом перевел звук с одного канала на другой. Зал живо отреагировал возгласами на удачный переход. Выхватывая куски бита то с одной, то с другой пластинки, он пощелкал каналами, жонглируя звуками, и вопросительно посмотрел на Алексея.

— А у тебя неплохо получается, — похвалил его Алексей.

— Ну давай, действуй-злодействуй.

Оставив танцпол, Алексей вышел из квартиры и постучался в дверь напротив.

Уже месяц шла подготовка к приезду ВестБама в Ленинград. Георгии Гурьянов, как и обещал, организовал переговоры с «Low Spirit», а Катя Беккер написала кучу писем и, проговорив с Берлином астрономическую сумму, продвинула переговоры еще дальше. Окончательную ясность внес факс полученный две недели назад. Немцы прислали письменное согласие на выступление и туровое расписание ВестБама на все лето. Из имеющихся свободных дат нужно было выбрать наиболее удобную, и после серьезных размышлений остановились на первой субботе июля.

— Алексей, — серьезно сказал Георгий, предлагая другу присесть. — Не могу вам точно выразить, как я волнуюсь из-за всего этого. Это мои друзья. Они приезжают втроем…

— Втроем?

— Да, втроем. Вильям, ВестБам и Рокки.

— А Рокки — это кто?

— Рокки — это еще один классный диджей. Приезжают они на три дня, буквально через две недели. Я рассказал Вильяму все подробности о вашем клубе, и они хотят после пати в Планетарии устроить на Фонтанке приватную вечеринку для друзей.

— Супер! — оживился Алексей. — У нас как раз есть классная идея для этого.

— Что за идея?

— Мы хотим сломать стены.

— Какая странная затея. Зачем?

— Наш танцпол уже мал и не вмещает всех гостей. Хочется сломать все стены в квартире. Имеется в виду: комнату с эркером и стену «крайней» комнаты. Получится зал в сто метров!

— Если так, то это действительно отличная идея, а вы успеете?

— Конечно.

— Но я не об этом хотел поговорить. Я волнуюсь по поводу разбойников, которые зачастили к вам на пати, а теперь пытаются попасть даже сюда на Фонтанку.

— Все под контролем, Георгин. Мы договорились с одной структурой, и они будут охранять Планетарий.

— Вы уверены?

— Ну, более или менее.

— Отлично!

Довольный разговором, Алексей вернулся на вечеринку и с удивлением обнаружил, что плотный танцпол увлеченно танцует. Никто не заметил, что он покинул пульт и уступил место незнакомцу. Странный парнишка, как музыкальный автомат, ставил пластинки одну за другой и сводил их так ловко, будто выпекал блины на двух сковородках. В его, может быть, не совсем изящных, но математически верных миксах присутствовало абсолютное чувство ритма.

Алексей нашел брата в «крайней» комнате, попросил его отправить посторонних и заняться поисками Миши. Когда вся компания была в сборе, Алексей плотно закрыл двери.

— Вот что! — сказал он торжественным голосом. — ВестБам приезжает четвертого июля.

— Это точно?

— Откуда ты знаешь?

— Точнее не бывает, мы же сами выбрали первую субботу июля. Так вот. Они отзвонились сегодня Георгию и подтвердили свой приезд. Все трое: Вильям, ВестБам и Рокки.

Молодые люди призадумались. Прошел год с небольшим с тех пор, как они, не зная своего завтрашнего дня, поселились в этой странной квартире, ставшей в силу обстоятельств центром увлекательнейшего молодежного движения. За ними укрепилось звание устроителей моднейших вечеринок, и они посвящали этому все свое время, но до настоящего момента все это являлось лишь проекцией их собственного безудержного желания развлекаться. Домашние вечеринки на Фонтанке были частным делом «Танцпола». Никаких обязательств ни у кого ни перед кем не было. Есть желание — есть вечеринка, нет желания — нет ничего. Однако весенние выступления Яниса всколыхнули спокойные воды и так раскачали ситуацию, что приезд технозвезды, бывший до этого несбыточной фантазией, стал по-настоящему реален.

— И что будем делать? — спросил Андрей.

— Немцы хотят приватную вечеринку после Планетария, — сообщил друзьям Алексей. — Так что в первую очередь начинаем сносить стены. Если мы успеем открыть большой зал, будет круто. Честно говоря, к нам стало ходить так много гостей, что танцевать в маленьком зале больше невозможно.

— Может, нам еще какие-нибудь документы получить? —

предложил Андрей. — Легализоваться? Я встречался с «Инженерами искусств», они сказали, что получили бумаги от некоего общества «А — Я».

— Ты у нас канцелярист, так что давай, действуй. Нужно выбираться из подполья, — закончил Алексей и, поднявшись, отправился играть.

— А где ты будешь рисовать свою картину? — крикнул ему вслед Андрей, указывая на огромный холст с набросанными контурами говорящей головы.

Алексей остановился в проеме открытой двери, кинул взгляд на свое недоконченное произведение и улыбнулся:

— С картиной мне все равно не успеть, так что буду дорисовывать в общем зале, когда будет время. Сейчас не до этого.

К утру радостная новость о приезде немцев распространилась среди ближайших друзей. Находясь под глубоким впечатлением, Алексей сыграл вестбамовскую пластинку много раз подряд, возвращаясь и повторяя самые злые и бескомпромиссные темы. Танцоры уже научились распознавать эти странные песенки и, поддерживая диджея радостными возгласами, яростно жгли ногами. К шести утра Алексей вообще перестал играть другие пластинки и допиливал слушателей электрическими визгами полюбившейся «Rock da house».

Компьютерные звуки, жесткий ритм и вкручивающиеся в мозг сэмплы резко выделяли эту музыку из массы вокального и немного сладковатого house, обыкновенно царившего на танцполе. Сменились не только звуки и привычная скорость — немцы изобрели собственные правила построения ритма, уснастили их возможностями быстрого набора темпа и внезапными остановками. В этих звуках чувствовалось что-то новое, их энергетика была более радикальна и психоделична. В этой музыке не было романтизма. Немцы играли жестко и очень своеобразно. Исчезла сладкая патока, так называемые «сопли», неотъемлемая составляющая афроамериканского house. Если звучал голос, он не пел нежностей, не пытался разжалобить и напустить любовного тумана — циничный урбанистический подонок бесстрастным голосом приказывал и диктовал.

Вечеринка закончилась песенкой «Party is over».

После ухода гостей, следуя давней привычке, за круглым столом собрались Марат, Габриэль, Данечка Адельсон, Длинный, Андрей и Алексей. В распахнутые окна вовсю светило солнце. Было около семи утра, но несмотря на это, никто из друзей не

спешил расходиться. Друзья оплывали в креслах, как свечи, вяло переговаривались, курили и позевывали. Миша, единственный человек в квартире, владевший тайной появления шампанского, сразу смылся спать, и потому выпить компании было абсолютно нечего. Гарик отправился будить ключника, стал требовать вина и развлечений, но едва увернулся от брошенного в него ботинка и, проклиная скупердяя, вернулся ни с чем. Томясь от скуки, компания попыталась развлечься чаем, но чай без сахара оказался ужасной гадостью и никого не взбудоражил. Вскоре выяснилось, что все не прочь бы покурить травы, но, как это обычно бывает, ее ни у кого не оказалось. Прекрасная идея стала проговариваться вслух и муссироваться в мельчайших деталях. Все принялись обсуждать ее, раззадориваться, по сто раз переспрашивать друг у друга и возбужденно вскакивать с кресел. Завязался узелок общего интереса, и на бледных лицах заиграл румянец волнения. Перелистав телефонные книжки, Длинный, Марат, а потом и Даня совершили несколько звонков. Заспанным торговцам сулили золотые горы, в ход пошли уговоры, стоны, обещания — но все было тщетно. От этой неразрешимости курить захотелось еще больше. Дойдя до предельной стадии самоистязания, Гарик неожиданно хлопнул себя по лбу и, подняв палец, завладел всеобщим вниманием.

— Тихо! — воскликнул он голосом сапера, наступившего на фугас. — Данила, ты помнишь, у меня был мешок беспонтовой пыли?

— Помню, лежит на шкафу. Но ее что куришь, что не куришь — толку никакого.

— Сейчас все будет, — таинственно сообщил Гарик, посматривая на взволнованных друзей сквозь стекла очков.

— Чего будет-то?

— Манагуа.

— О-у! — закрыл лицо руками многоопытный Длинный.

Гарик поднялся и стал рыться в карманах. Найдя мятую пятерку, он протянул ее Дане и, похлопав его по плечу, скомандовал:

— Данила, пулей на тачке на Маркса и обратно. Не забудь купить молока.

Прошло полчаса изнуряющего ожидания, и Данечка вернулся, держа в одной руке литр молока, а в другой — целлофановый мешок с целой пригоршней желтоватой пыли. Утомленные жаждой травокурения, все уставились на этот сомнительный продукт, нюхая и пробуя пыльцу на вкус.

— М-да, — кисло констатировал Алексей. — Не сказать, что супер.

— Да уж, левая пылища, — согласился Длинный.

Вместо ответа Гарик взял мешок, прихватил пакет молока и устремился на кухню. Снедаемая мучительными сомнениями компания поплелась за ним. Взяв единственную в доме кастрюлю, Гарик влил в нее молоко, всыпал порошок и, поставив это месиво на огонь, стал помешивать ложкой.

— И чего? — зевая, спросил Андрей, с сомнением разглядывая коричневую грязь, пузырящуюся в кастрюле.

— Терпение, — наставительно поучал Гарик, продолжая выпаривать несносно воняющую жидкость. Через пятнадцать минут с видом доброй мамы он на вытянутых руках вынес друзьям свое угощение. Отворачивая носы от тошнотворного смрада, все стали рассматривать содержимое кастрюли.

— Манагуа! — торжественно объявил Гарик.

Не видя на лицах друзей былого энтузиазма, он выставил чайные кружки в ряд и разлил в них получившуюся бурду. Все взяли по чашке и, уставившись друг на друга, стали ждать, когда питье остынет. Первым выпил Гарик, а за ним и все остальные. Зажмурившись, Андрей проглотил содержимое стакана и чуть не срыгнул все обратно. Крякнув и сморщившись, он поставил кружку на стол и принялся отплевываться от набившихся в рот крупинок. Вкус у Манагуа был не просто мерзкий — он был мерзкий до невозможности. После распития напитка радости за столом не прибавилось, а даже наоборот, на несколько минут воцарилось тягостное молчание.

— Чего-то у меня живот скрутило, — пожаловался Марат.

— Ничё, ничё! — приободрил его инициатор канабиольного отдыха. — Сейчас вставит, все забудешь.

От этих слов компания рассмеялась. Но только от них. Друзья просидели полчаса, напряженно прислушиваясь к обещанным ощущениям. Мозг был чист и ясен, насколько он может быть ясен у не спавших всю ночь людей.

— Я же говорю — левая пыль, — закапризничал Длинный.

— Только время зря убиваем; — согласился с ним Алексей, поднимаясь из-за стола. — Пойдем на Тургеневскую, позавтракаем в закусочной. Есть хочется.

Согласившись, что опыт не удался, компания поднялась и уже через пять минут оказалась на улице. День выдался прекрасный, на редкость солнечный, с безбрежным полем радостного голубого неба и летящими по нему белыми овечками облаков. Теплый ветерок обдувал друзей, изможденных бессонницей и тягой к развлечениям. Не спеша шагая по дороге, они получали массу удовольствия от прогулки. Летний город уже ожил и, как фишки,

расставлял по своим старым улицам ленивых пешеходов. Мир примет говорил: «Вокруг спокойствие».

Навстречу бледным молодым людям из подворотни выбежал пес. Этот припадающий на лапу драный помоечник остановился, вяло гавкнул и, завиляв свалявшимся хвостом, побежал обратно в темный загаженный двор.

— С-сслушай, эта пыль, наверное, от времени выдохлась, — задумчиво произнес Гарик, очевидно продолжая размышлять над неудавшейся затеей. — Год лежала…

Все рассмеялись, а Алексей интимно понизил голос и сообщил приятелю:

— А я был уверен, что все это бред.

— Да ладно! Сто раз убивались, — недоумевая, оправдывался Гарик.

— Надо было тебе ее съесть одному — тогда бы точно вставила, — жизнерадостно пошутил Марат, улыбаясь и по своему обыкновению лукаво поглядывая на собеседника.

За разговорами добрели до Тургеневской площади и зашли в старую застойную закусочную. Несмотря на воскресное утро, в маленьком помещении было полно народу: обычный люд, ничего особенного — обыватели, в основном пожилые. В воздухе витал характерный дух дешевой еды, перемешанный с узнаваемым запахом мытого кафельного пола Компания, хихикая, разбрелась по раздаче, набирая на колотые подносы тарелочки с кашами и оладьи. Испытывая резкие приступы голода, Андрей замешкался и после краткого раздумья стал нагребать в свои тарелки все подряд. Ухватив блины, он облил их морем сгущенки, после спросил пюре с котлетой, потом селедку под шубой, потом коржик, потом чай. Когда он оказался у кассы, толстая тетка постукала на счетах и подвела забавный итог.

— Одиннадцать двенадцать.

— Чего-чего? — переспросил Андрей, силясь управиться с задрожавшим от нервных покалываний подбородком.

— Одиннадцать двенадцать…

Андрей поднял на кассиршу глаза и увидел ее макияж. Обильно, как это любят делать только работники общепита и оперные солистки, женщина нарисовала себе фиолетовые тени вокруг глаз, начернила ресницы и накрасила губы, увеличив их природный размер примерно в два раза Не в силах более сопротивляться воздействию этой дикой красоты, Андрей радостно рассмеялся прямо ей в лицо. Бросив мятые деньги на кассу, он с прыгающим в руках подносом стал пробираться к столу, продолжая смеяться так неестественно громко, что испугал бабульку с кисельком. При виде этой беззубой старушки Андрей

зашелся еще пуще. Стакан чая на подносе опрокинулся, и горячая жидкость потекла по рукам. Все стало невероятно смешным. Теперь ему казалось, что вот уже полчаса он идет к столу, где над тарелками с едой умирают от смеха его товарищи.

«Наверное, они смеются надо мной», — пронеслось у него в голове.

Только добравшись до места, он понял, что произошло. Алексей сидел, закрывая лицо руками, а из-под его ладоней вырывался сдавленный хохот. Марате Гариком, нагнув головы, смотрели на тарелку с манной кашей и ржали, как племенные жеребцы. У Дани от смеха по лицу текли слезы, а Длинный, оседлав стул, как детскую лошадку, поднимал его на двух стальных ножках на дыбки.

На что бы Андрей ни посмотрел, его начинало трясти от смеха. Более всего ему понравилось смотреть на строгого мужчину, который при виде ухахатывавшихся молодых людей гневно шевелил усами. Вид этих тараканьих усов вызывал у Андрея конвульсии. Скрывать причину своей радости он не мог и, продолжая таращиться на мужика, счастливо хохотал.

Еду пришлось бросить, так и не попробовав. Надсаживаясь от смеха, молодые люди вскочили и, опрокидывая стулья, выбежали из закусочной. Свежий воздух не помог, хохот не прекращался. Перебежав трамвайные пути, ребята попрыгали через кованую оградку и оказались в маленьком парке в центре площади. Здесь на лавочке минут через пятнадцать им стало полегче. С красными от радостных слез глазами, они закурили сигарету и курили, передавая ее друг другу трясущимися руками.

— Да-а-а… — протянул Алексей. — Манагуа.

— Я же тебе говорил, — обмахиваясь платком, ответил Гарик.

— Не слабо, — согласился Андрей.

— Я посмеялся, как ведро каши съел, — продолжая шутить, сказал Длинный.

— Немного челюсти болят от такой пищи, — сообщил Марат, трогая себя за скулу.

— Наши зрители из этой столовки до сих пор в окна выглядывают. Понравился экшн, — тонко подметил Даня.

Начало многих дел препоручается понедельнику. Так уж заведено давно и крайне разумно. Остатки воскресного дня были расслабленными, квартира дремала, не о твечая на звонки в дверь и не поднимая телефонную трубку. Понедельник наступил, и в квартире произошла мобилизация сил.

Алексей лютовал. Его упоительно несло. Легкими взмахами руки он чертил в воздухе виды перевоплощенного помещения и

бросался емкими комментариями:

— Так! Эту стенку убираем! Эту стенку на фиг, ну, в общем, все это на фиг!

Его радостные указания внимательно слушали несколько человек. Частично это были районные фэны, частично друзья, согласившиеся приложить руку к переоборудованию танцпола. Работа предстояла титаническая. Но всем известно, что ломать — не строить. Привычный быт и намоленная обстановка в комнатах пришли в движение. Для поднятия боевого настроя включили кассету с «OMD», и разгром начался. Действовали организованно и не суетясь. Два огромных лома, кувалда с металлической рукоятью и топор по очереди передавались друг другу. Штукатурка отваливалась смачными кусками, куски падали, поднимались клубы пыли, и, надрывно визжа, из старых досок выдирались гвозди. Работа продвигалась медленно и тяжело. Грязи становилось все больше и больше. Вокруг оголяемых стен вырастали курганы извести, дранки и колотых досок.

Битва за «Танцпол», затухая и вспыхивая вновь, продолжалась с перекурами до ночи.

Белый от пыли бумбокс выстукивал боевые марши всю неделю. В пятницу вечером измученные, но довольные участники ремонта наконец-то увидели переродившийся зал. Теперь всем стало казаться, что вся огромная квартира — всего лишь оправа для этой роскошной комнаты. Пять окон с эркером посредине и единое обрамление потолочной лепки. Эркер, прятавшийся до этого в вечно безлюдной спальне Андрея, ожил и сделался доступен. Теперь он стал маленькой стеклянной ложей в барочном театрике, сценой которого был центр зала. Вход приходился ровно посередине противоположной стены. Все стало светло и соразмерно, а пространственный объем существенно расширился.

Две грузовые машины, доверху заполненные сбрасываемым из окон мусором, увезли переломанный хребет коммуналки и горы облеплявшей его штукатурки. Обозначилась забавная странность фактуры — фрагменты трех комнат оставили на стенах и полах зала пятна обоев и разноцветные следы покрасок разных времен. Обнаружилось, что старинный дубовый паркет квадратными шашечками почти не пострадал, и семьдесят лет стоявшие на нем стенки не нанесли ему вреда. Одним из приятных моментов теперь стало то, что девушки с барельефов, парившие до этого на стенах разных комнат, встретились в одном пространстве и весело за танцевали в своих овальных медальонах.

— Это круто! — не уставал повторять Миша, вытаптывая

«мартинсами» дорожки в известковой пыли.

Всю субботу обитатели квартиры провели в новом зале. Он был абсолютно пуст и бел. В центре поставили стул, и, сидя на нем, все по очереди привыкали к обстановке.

Кот Пицца по-своему почтил вниманием открытие бального зала. Отряхивая лапки и крутя усами, он рысцой пробежался из угла в угол, после чего, подозрительно помахивая хвостом, удалился к себе на кухню. Сам того не зная, дикий кот выполнил старый ритуал — в новый дом первым впускают кота.

Субботняя вечеринка была, естественно, отменена, и по такому случаю ночью в квартиру попали только самые близкие. Музыка с кассетника играла совсем тихо. В полумраке по пыльному залу бродили люди. Прогуливаясь, они старались не задевать ногами десяток горящих свечей, расставленных на полу. Гости усаживались на мраморные подоконники, осматривались и, переговариваясь вполголоса, пили шампанское. Низко посаженные огоньки свечей струили неясный свет, и длинные тени людей разрастались к потолку гигантскими исполинами.

В мерцающем освещении сумрачного зала странная метаморфоза произошла и с недорисованной картиной Алексея. Изображенный на ней кричащий человек уверенно смотрел вдаль, без колебаний и каких бы то ни было сомнений. Ожившая голова в темных очках видела будущее и звала за собой. Загадочная картина кричала гостям: «ВестБам! ВестБам. Бам! Бам! Бам!»

Адресно и методично раздаваемые приглашения ручейками растекались по всем направлениям. До вечеринки осталась ровно неделя.

В середине этой недели ребята несколько раз побывали в Планетарии, общаясь с дирекцией и службами. Дело было в том, что после драк, стрельбы и выбитых стекол директор убоялся уничтожения звездного храма и дурной славы и решительно отказался от дальнейших вечеринок. Он был хмур и категоричен, но после нескольких встреч напряженный поединок ответственности и сомнения разрешился традиционным в таких случаях способом. «Танцпол» увеличил сумму аренды и предложил компенсировать любые потери в интерьере. Дирекция не смогла устоять и, выслушав доклад о принятых мерах безопасности, дала добро.

Много времени заняла техническая подготовка. Желая украсить вечеринку каким-нибудь необычайным эффектом, друзья снова оказались в обители Коли-электронщика. Уяснив суть вопроса, самоделкин порекомендовал взять стробоскоп — самый мощный из всех, которые когда-либо создавало

человечество. Корпусом этому самодельному прибору служила двухсотлитровая бочка, а внутри была установлена такая мощная газовая вспышка, что ее лучистой энергии хватило бы, чтобы посылать сигналы в самые дальние галактики. Все это (вечеринка и бочка), как утверждал Коля, «будет прекрасно гармонировать».

Слухи о приезде ВестБама вырвались на городской простор. Справляться и хлопотать о проходках и билетах стало такое количество незнакомых людей, что в последние дни перед вечеринкой Алексей был вынужден записать на автоответчик короткое сообщение: «Здравствуйте! «Танцпол» приветствует вас. Вечеринка состоится в Ленинградском планетарии в субботу. Начало в 23.00. Играет ВестБам».

Произошла активизация молодых ленинградцев, представляющих совершенно разные направления современного творчества. Где-то со среды на Фонтанку стали приходить художники, музыканты, журналисты, искусствоведы, модельеры, киноартисты, преподаватели и писатели. Званые и незваные, приходя, они пытались добиться бесплатного прохода для себя и своих друзей.

Список членов клуба ширился, к нему все время добавлялись какие-то маленькие списочки, доносимые неизвестно кем, делались дописки, расставлялись плюсы и галочки. Телефон звонил не переставая, приходившие люди мешали наводить порядок, постоянно требовали внимания и отвлекали отдел. Уставшему от всей этой ажитации Алексею попался в руки один из списков. Прочитав его и не найдя в нем ни одного знакомого имени, он скомкал лист и сказал партнерам:

— Все наши друзья уже получили приглашения. А этих людей я лично не знаю. Это твои знакомые? — спросил он у Андрея.

— Нет, все мои друзья получили проходки.

— Твои, Миша?

— Нет.

— Тогда все в сад. То есть в кассу.

Список с неясными именами полетел в ящик для мусора.

В последний день перед вечеринкой на Фонтанку обрушилось целое паломничество всевозможных персонажей, пожелавших озаботиться вопросом прохода на вечеринку. Известные и не очень, частью нужные и интересные, в общей массе это были бесполезные любители потусоваться. Большей части из них был дан суровый ответ; «Бесплатный проход только для членов клуба». Некоторые, раздосадованные на то, что не были признаны таковыми, оставили в подъезде срамные надписи хулительного толка.

Пытаясь приблизиться к пониманию вопроса безопасности, пришлось встречаться и с представителем охраны. На этот раз Володя воздержался от проявлений непосредственности, и короткая встреча прошла в деловом режиме;

— Здорово! Ну чё?

— Завтра в двенадцать ночи.

— Ага. А где?

— Планетарий знаешь?

— Найдем.

— Нужно двух-трех человек.

— Будет.

— Справятся? Будет человек триста.

— Боксеры, а один вообще из Карабаха приехал. Чего с лаве?

— Как договаривались, двадцать процентов со входа, но только в понедельник.

— Пошло.

Вернувшись после этого разговора на Фонтанку, братья застали дома целую компанию. Из их оживленной беседы стало ясно, что немцы уже приехали и сейчас ушли с Георгием в кооперативный ресторанчик. На полу стояли несколько заклеенных стикерами кейсов и ящики с пластинками.

— Ну чего? — спросил Андрей у Миши. — Как они? Рассказывай.

— Нормальные парни. Вильям такой высокий и важный ВестБам — смешной, маленький, коренастый, а Рокки — тоже вроде ничего. Да сам увидишь. Я их видел-то минуту. Они с Георгием по-английски говорили, я же ни слова не знаю. Так, поздоровался. Они посмотрели квартиру и пошли. Георгий говорит, что когда-то у них была похожая квартира в Берлине.

— Слушайте! — сказал Алексей. — Завтра с утра вы рвете в Планетарий и рулите там, а я с ними пообщаюсь. Хорошо?

— Может, пока есть время, начнем мыть полы в зале? — предложил Миша. — Не на известке же танцевать, да и колонки нужно сюда перетаскивать и свет какой-нибудь.

Распустив всех по домам, друзья принялись за дело. Пол заливали водой, а образующуюся грязь откачивали тряпками. Десятки ведер воды смыли пыль, старый паркет разбух и стал пахнуть влагой. Комната посвежела. Из-за сноса стен нарушилась электрическая проводка, и поэтому пришлось срочно навешивать временные провода и подключать имеющиеся приборы. Когда ребята привешивали ультрафиолетовую лампу, в комнату вошли Георгий и немцы. Работу прекратили. Георгий представил всех друг другу, а Алексей пригласил немцев в гостиную.

С большим любопытством Андрей разглядывал заграничных

знаменитостей. Вильям был старше всех. Ему было около сорока. Это был высокий стройный мужчина, одетый в элегантный костюм кофейного цвета и узкие черные туфли. Со спокойным интересом он посматривал на молодых людей и время от времени наклонял голову к Георгию, рассказывавшему интересные подробности о вечеринках в Ленинграде.

ВестБам оказался молодым человеком лет двадцати пяти, невысоким и плотно сложенным. Он был очень коротко стрижен, имел открытый взгляд и был улыбчив. На его белой бейсболке был вышит забавный человечек — эмблема «Low Spirit». Рокки, как показалось Андрею, был чуть постарше ВестБама, лет тридцати или что-то около того. Это был рослый брюнет. Он был в голубых джинсах, майке и джинсовой же куртке с моднейшими потертостями на груди. Он улыбался, но больше молчал.

Алексей подсел к ВестБаму и завел с ним интересный для обоих разговор, и через несколько минут оживившийся ВестБам раскрыл один из ящиков. Он принялся выкладывать на стол десятки пластинок и раскладывать их по разным стопочкам. Это были промокопии — пластинки, не предназначенные для продажи. Диски были упакованы в одинаковые бумажные конверты и имели в яблоках белые круги. На этих кругах черным маркером были написаны названия песен и имена. Прокомментировав каждый диск, ВестБам обвел рукой разложенные новинки и сообщил Алексею, что вся эта музыка привезена в подарок. Алексей расцвел от радости.

Через какое-то время в квартиру пожаловали Тимур и Африка, после чего Георгий увел всю компанию к себе в мастерскую.

В квартире остались только Миша и Андрей. Полистав белые конверты и почитав странные названия, Андрей наугад выбрал несколько пластинок и отправился к вертушкам. Музыка была странная. Подходящим определением было бы «гудящая, звенящая и электрическая». Ритмы были достаточно подвижные, а саунд — совершенно новый. В целом очень танцевальные и забористые. Вдвоем с Мишей они переслушали все подаренные пластинки и, усталые, заснули кто где. Личных спален теперь уже не было.

Время близилось к полуночи, наступала суббота.

18

Яркая коротко стриженная блондинка прострелила сердце Олега навылет. Он утонул в ней, как тонут в море большой и внезапно пришедшей любви. Они стали неразлучны и от этого

счастливы. Дни и ночи он посвящал своей Аннете, покоренный глубиной ее характера, широтой взглядов и нежностью. Она прекрасно говорила по-русски и, кроме этого, знала еще несколько европейских языков. Им было интересно вместе, но поначалу их бурный роман омрачался тем, что где-то в глубине сознания Олег немного нервничал и стеснялся. Радость влюбленности отравляла стыдливая гордость. Ему казалось, что друзья, недолго думая, порешат: «Кадрит Назаров немку, за границу пытается уехать». Но ему повезло. Добрый и искренний человек, Наташа Пивоварова, по-женски заметив его смущение, расспросила обо всем и сказала ему как другу; «Не бери в голову. Красивая девушка. Одобряю».

Его отпустило, стало легко.

Следуя течению, которое их несло, Олег с Аннетой плыли во времени, пробуя на себе все неизведанное, имеющее тонкую грань новизны ощущений. Молодость и жажда взбираться все выше в собственных чувствах толкала их на разные безрассудства и опыты. Оголяя нерв мироощущения безграничным доверием, они не оставляли за собой ни единой ступеньки, чтобы спуститься назад.

Дни понеслись с невероятной быстротой, закрутив двенадцатимесячное колесо года. Так они и жили — Олег, Аннета, Денис и Штейн.

Вечеринки, которые друзья устраивали в своей мастерской, стали регулярными и очень часто превращались в психоделические эксперименты, во время которых участники познавали глубину и силу своего сознания. Картины, которые они рисовали, тоже сорвались с привычных рамок. В этих кричащих полотнах все чаще стала проступать немыслимая яркость галлюциногенного восприятия мира и неадекватность самих авторов.

Этот бурный период продлился всю зиму и докатился до конца весны. Одним теплым майским утром в дверь квартиры кто-то постучал. На пороге стоял Нагайкин. Вид его был растерянный, если не сказать жалкий. Нужно сказать, что этот человек сыграл значительную роль в становлении и развитии художественной группы со Свечного переулка, но никогда не досаждал молодым людям своим присутствием. Со дня заключения исторического договора о безвозмездной помощи художникам он был у них в гостях лишь несколько раз — приводил каких-то мужиков смотреть картины и знакомиться с молодыми талантами. Мужики эти, как правило, ничего не покупали, но с интересом слушали накуренные россказни художников и уходили очень довольные. Но несмотря на

очевидную коммерческую невостребованность производимых художниками работ, бухгалтерия порноконцерна ежемесячно звонила на Свечной и просила получить деньги. Благодаря этому чуду художники надолго оторвались от проблем выживания, активно рисовали и публично развлекались.

— Здравствуйте, Лев Сергеевич! — воскликнул чрезвычайно удивленный Олег, протирая глаза — Милости просим!

На зов вышел заспанный Денис в шелковых трусах и майке с надписью «Acid-house».

— Здравствуйте, здравствуйте, ребята. Как вы тут? — устало спросил Нагайкин.

— Мы — отлично! — бодро воскликнул Олег, не замечая в глазах Нагайкина тихой печали. — Работаем, хотим собрать картины и устроить выставку, вас думали пригласить и всех сотрудников…

Нагайкин спросил чаю и, усевшись на стул, вытер пот со лба. Он явно терялся, и Олег с Денисом, успевшие заметить его напряженную подавленность, притихли и погасили улыбки. Когда подоспел чай и все застучали чайными ложечками, Нагайкин стал рассказывать:

— Понимаете, какая история приключилась. Одним словом, моей фирмы больше нет. Я попал под пресс. С одной стороны, меня драконит налоговая, но это было бы еще полбеды. Но сейчас на меня наехали бандиты, моя крыша разбежалась, не захотела связываться. По правде, я думаю, что именно они и организовали весь наезд. Слишком быстро все произошло. У меня отняли офис, все деньги, машину и сейчас пытаются выдавить из квартиры. Но в моих руках все контакты, поставщики, ну ладно… Это, наверное, не так интересно…

— Нет, что вы, интересно! — воскликнул Денис и тут же понял, что его пресная отзывчивость вряд ли доставит облегчение Нагайкину.

Нагайкин отпил глоток и тихо покачал головой.

— Поэтому, ребята, теперь вам придется как-то самим. Я, наверное, уеду из города. Не знаю.

— Может, мы можем чем-то помочь? — спросил Денис, растерянно глядя на друга.

— Да! — воскликнул Олег, оживляясь. — Лев Сергеевич, может, нужна наша помощь?

— Спасибо, ребята, ну чем вы мне поможете! Не дай бог такое. Впрочем, мне нужно на какое-то время секретаршу посадить на телефон. У меня еще остались дела, и может, мне удастся выкрутиться.

— Конечно.

— У нас есть свободная комната, пусть работает.

— Все будет в порядке, Лев Сергеевич! — воодушевленно воскликнул Денис. Тот горько улыбнулся и, прихватив пузатый портфель поплелся к выходу. Хлопнула дверь.

— Н-да! Дела, — растирая лоб руками, произнес Олег.

— Капец лафе, — расстроенно согласился Денис.

Через неделю секретарша Нагайкина пожаловала в мастерскую. Ее появление вызвало у всех обитателей смешанные чувства. Длинноногая и грудастая, она за руку поздоровалась со всеми мужчинами. Увидев эту роскошную красотку, облаченную в мини-платье с люрексом, Аннета не выдержала и весело рассмеялась. Виктория спокойно оглядела уступающую ей в объемах прелестей блондинку и деланно улыбнулась.

Аннета взяла Олега под руку и утащила его в спальню:

— Назаров! — Она часто обращалась к любимому по фамилии. — Где вы нашли это чудо?

— Я тебе рассказывал. Помнишь, коммерсант, который порнуху снимает. Он оплатил нам мастерскую и еще деньги давал. Так вот, его фирму сожрали бандиты, а это его секретарша. У нас будет сидеть, пока все не утрясется.

— Да она вас по одному переловит у туалета, и пискнуть не успеете, — засмеялась Аннета.

Прошло всего несколько дней, и Виктория освоилась в мастерской. Целыми днями она красила ногти и болтала по телефону. В отведенной под временный офис комнатке было одно окно во двор, а под потолком висела унылая лампочка В этой комнате установили картонный ящик из-под телевизора, стул, повесили на стену календарик и провели параллельный телефон. Однако сидение в мрачной кладовке секретарше не понравилось, и она постоянно бродила по мастерской, интересуясь, кто чем занят. Чаще всего она подходила к Денису или Штейну, присаживалась рядом и начинала томиться. Давясь от распирающего их смеха, молодые люди делали вид, что ничего не происходит, и, краснея от жарких фантазий, продолжали заниматься своими делами. В таких случаях взволнованная секретарша издавала протяжный вздох, хлопала накладными ресницами и принималась гладить ногтями свою шею. День ото дня ее интеграция в жизнь молодых художников все больше и больше приближалась к попытке изнасиловать кого-то из них. Она изнывала от невнимания со стороны самцов. Поняв силу и значимость немки, которая никогда не лезла за словом в карман и зорко стерегла Олега, она сосредоточила свое внимание на светловолосом красавчике. Но пылкая и чувственная душа Дениса

парила в романтических высях и не имела ни малейшего намерения падать так низко. Часто взволнованному Денису приходилось спасаться от томимой страстью секретарши в запертой спальне.

На помощь пришел случай. Как это обычно и бывало, в одну из майских суббот квартира наполнилась музыкой, шумом и гостями. Услышав накануне телефонные переговоры друзей, Виктория сообразила что к чему и не ушла вечером домой. На вечеринке она выпила и собрала вокруг себя кружок волнующихся юнцов, жадно разглядывающих ее шикарную грудь и туго обтянутый тканью торс. Успех был полный. В резервном офисе Нагайкина наконец-то закипела работа. Был сломан не только импровизированный стол из картонной коробки, но и единственный в обстановке стул. Олег с Денисом следили за происходящим и ухахатывалась над порноаттракционом, заработавшим на вечеринке.

Прошло несколько недель. Виктория ежедневно приходила на службу и уже спокойней относилась к обитателям мастерской, с нетерпением ожидая звездной субботы. Она «перезнакомилась» со многими молодыми людьми, обросла поклонниками, стала слушать house-музыку и несколько раз попробовала психотропные препараты.

Однажды в квартире снова появился Нагайкин. Его было трудно узнать — костюм мятый, усы обвисли, под глазами мешки, тревожно бегающий взгляд. Все говорило о том. что он затравлен. Было видно, что он находятся на дне темной пропасти страха и безнадежности.

— Лева! — радостно воскликнула секретарша при виде своего поверженного босса.

— Вика! — с грустью ответил он, по привычке обнимая ее зад.

— Кто-нибудь мне звонил?

— Не-а.

— И бог с ним.

Они удалились в офис и полчаса не появлялись. Когда Нагайкин вернулся с красным лицом, он был без ботинок и, стесняясь, попросил чего-нибудь выпить.

Штейн сгонял на Владимирскую и вернулся с коньяком. Все сели к столу и молча выпили из чайных стаканов. Коньячное тепло растопило барьер в душе Льва Сергеевича, и переполнявшие его душу чувства хлынули на слушателей.

— Хорошие вы ребята, — тихо сказал он. — А со мной все кончено. Я бегу. Бегу из города, из собственной жизни. Меня ищут, но сюда не придут, не бойтесь. Я пришел попрощаться.

Размашисто плеснув себе в стакан, он выпил одним махом и упрятал лицо в ладонях. У Олега зачесались глаза Он проникся жалостью и состраданием к этому странному и, как выяснилось, безобидному человеку, пожалел его и загрустил вместе с ним. Тишина за столом прозвенела еще минуту, а после этого Нагайкин встал и, застеснявшись своего неопрятного вида, пошел одеваться.

Уходя, он пожал всем руки, поцеловал Викторию и, попросив не поминать лихом, вышел из квартиры, аккуратно прикрыв за собою дверь. Друзья, не сговариваясь, вышли на балкон и долго смотрели, как его ссутулившаяся от бед фигура, шатаясь, удаляется но шумной улице, чтобы навсегда пропасть в водовороте жизни.

— Лева!!! — надрывно закричала Виктория.

Нагайкнн не оглянулся.

— Странный у вас тут бизнес, — задумчиво произнесла Аннета.

Черными ручейками туши по щекам Виктории текли слезы. Выпив из горлышка остатки коньяка, она, выворачивая ноги на незастегнутых шпильках, пошла на выход.

Но она не пропала. Через месяц снова появилась в мастерской. Был субботний вечер, и, как обычно, мастерская постепенно наполнялась гостями. Виктория сменила свой имидж: она была без косметики, на ней был просторный хлопковый сарафан и сандалии на низком каблуке. Пропало дикое ощущение озабоченной зверюги, желающей перетрахать весь мир, которое она обычно внушала Она не танцевала, не протягивала никому свою грудь, вела себя скромно и, сидя на стульчике, очень умеренно выпивала. Пленившись этой сдержанной сексуальностью, отец одного из друзей Олега, известный в городе художник, подсел к ней. Под грохот музыки и шум веселья они проговорили всю ночь. Позднее выяснилось, что этот пожилой мужчина так влюбился в секретаршу горемыки Нагайкина, что, пообещав купить ей квартиру в Бостоне, увез с собой в Америку.

Так она и исчезла из жизни молодых людей, оставив в офисе пузырек лака для ногтей и записную книжечку, полную мужских имен.

Лето было в разгаре. Марат пригласил Олега и его друзей потанцевать на Фонтанку, 145. До этою они были в Планетарии и на кораблике «Чайка», по на самой Фонтанке не бывали ни разу. По этому случаю, отправляясь на патл, компания друзей старательно принарядилась.

На лестнице перед квартирой, откуда слышалось буханье

барабанов, стояли группки молодых людей. Дверь открыл Миша и, не узнав никого из пришедших, строго воззрился на них.

— Привет! — звонко воскликнула Аннета, улыбаясь молодому человеку.

Она протянула ему в руки две бутылки шампанского и шагнула вперед. Машинально взяв бутылки, Миша сделал шаг назад. Аннета, за ней Олег, потом Денис и Штейн оказались в прихожей.

— Есть курнуть! — дружелюбно сообщил Олег, желая подружиться со строгим дорменом.

— У меня нет времени! — четко и ясно отрезал Миша, закрывая двери перед оживившейся на лестнице молодежью.

Оказавшиеся таким образом внутри, молодые люди стали осматриваться. Квартира была велика и полна народу. В прихожей неоновый полумрак, громко играет музыка, и ноги чувствуют, как где-то рядом трясется пол. Растянувшись цепью, они пошли вперед и тут же встретили Медведева и Бучина.

— Привет! Привет! Привет! — перездоровались все друг с другом.

— Марата не видели? — спросил Олег.

— Там он, — ответил Медведев, указывая рукой в темноту коридора.

Марат действительно отыскался. В своей неизменной белой рубашке он сидел на диване в окружении трех девушек и рассказывал что-то веселенькое. Настя Смирнова, Галя Орловская и девушка Ира внимательно слушали историю о путешествии Марата на только что купленную отцом дачу:

— Я иду сто, и вдруг из-за кустов выпрыгивает гаишник. У меня между колен трехлитровая банка с пивом, купил на станции, крышки нет, тормозить нельзя!

Девушки, чувствуя остроту момента, тихо посмеивались непрерывным бэк-вокалом.

— И тут он выскакивает на дорогу! Я смотрю, один, без машины, без рации, я делаю рулем так! Другой рукой прикрываю банку! Мент в одну сторону, пена лезет в другую, я весь в пиве, сиденье! Руки липкие…

— Может, ему помощь нужна была? — со смехом спросила Настя, поглядывая на рассказчика.

— Наверное, он запах пива почувствовал и поэтому так бежал к тебе! — засмеялась Галечка.

— Привет, Марат! — махнул другу Олег.

— О!!! Назаров! Здорово! Девушки, я сейчас…

— Марат! А дальше-то что было? — затребовали красавицы продолжения истории.

— Дальше? А все. Я приехал на дачу, и мы с братом тайком от папы допили это пиво, — засмеялся Марат, поднимаясь с дивана.

— Только пришли? Экскурсию? — спросил он у друзей, собравшихся в кружок. — А чего вы все время у себя сидите, сюда не приходите?

— Рисуем, — скромно пояснил Денис.

— Рисуем! Я же был у вас, видел эти ваши художества! Ха-ха-ха! Балдеем, ты хотел сказать.

Аннете понравился этот веселый человек, и, оценив его чувство юмора, она радостно засмеялась.

— Давай, Назарчик, расскажи, как ты там рисуешь! — шутливо потребовала она.

Олег заулыбался и заворчал па друзей:

— Ну все, все! Напали. Нас, собственно, сюда никто и не звал. Вот ты пригласил, и мы пришли. Я никого из местных не знаю, кроме Андрея, которого мы в Планетарии накормили бумажками.

— Пойдемте, чего сидеть! — предложил Марат.

Пройдя наполненную людьми гостиную, они вошли в комнату, где играл диджей. За пультом стоял невысокий плотный паренек в джинсовом комбинезоне. Низко припав к столу, он сосредоточенно крутил ручки.

— А кто это играет? — поинтересовался Штейн.

— Женя Мурманский, — сообщил Марат. — Лехин ученик.

Они приблизились к распахнутым дверям и стали созерцать танцпол. Вечеринка только начиналась, и танцующих было столько, что они пока не мешали друг другу. Одинокие взмахи фары рассекали полутьму, из окон лился мягкий свет, и в серебристой дали противоположной стены сиял неоновый горизонт.

Незаметно для себя все начали делать танцевальные движения, потом друзья оставили Марата и без слов стали приближаться к колонкам. Звук надвигался приятными волнами и с каждым шагом становился громче. Достигнув центра зала, Аннета заколыхалась на месте, Олег дрогнул всем телом, Денис поднял руки, а Штейн развернулся на пятках. Друзья затанцевали. Они танцевали, радостно улыбаясь друг другу и с интересом рассматривая окружающих.

Через какое-то время Марат увидел их снова, они распивали шампанское в коридоре. Присоединившись, он вкрутился в разговор и уже через минуту из этого уголка стали слышны раскаты его жизнерадостного смеха.

Из «крайней» комнаты, продолжая с кем-то разговаривать, пятясь, вышел Алексей. Он развернулся и задорно подмигнул

компании.

— Леха! — обратился к нему Марат. — Помнишь ребят со Свечного? Они пришли впервые.

— Классно. Я сам давно собираюсь к вам в гости. Много слышал, но не был.

— Приходи, вернее, приходите! — воскликнул Олег. — Хоть на следующей неделе.

— На следующей неделе у нас вечеринка в Планетарии с ВестБамом. Так что лучше уж вы к нам!

19

То, что вечер будет непростым, стало понятно уже к десяти часам. Пестрыми струйками по Александровскому парку стекалась молодежь. Образовывая группки, люди заполняли пространство перед входом в Планетарий, сидели на ступенях, слонялись с места на место, смеялись, курили. Из глубины здания вырывались низкочастотные вибрации, заставлявшие дрожать стеклянную мембрану закрытых дверей. Время от времени темноту парка разрезали мечущиеся всполохи автомобильных фар, и к каменной террасе перед входом подскакивали машины. Некоторые из них выглядели очень подозрительно. Темные стекла, мятые двери и бритоголовые пассажиры с цепями — все говорило о том, что на праздник пожаловала не только приятная молодежь.

В это же время в здании происходил разговор, напрямую связанный с этими гостями. В лектории встретились Алексей и Вова, приведший на вечеринку троих вышибал. Эти трое были растеряны в той же мере, что и их бригадир. Очевидно, ничего не уразумев из предварительных собеседований и оказавшись в гудящем Планетарии, Вова был раздавлен масштабностью происходящего и, разговаривая с Алексеем, нервно крутил на пальце огромное кольцо из фальшивого золота.

— Послушай, Володя, — втолковывал ему Алексей. — Самое главное — это безопасность немцев. Ни один человек не должен перейти веревочный барьер, который мы натянули. Хочешь — сам стой, хочешь ставь людей.

— Так! — скомандовал Вова. — Саня, Петро! Давай к веревке.

— Подожди, — остановил его Алексей. — Тут важно понять. Вас трое?

— Ну, я, если что-чего, и пацаны еще знакомые, — торопливо заверил Вова.

— Давайте так. Двое наверху с ВестБамом и Рокки. Если кто-то из них идет куда-нибудь — хоть поссать, хоть куда, то один

идет с ним, другой у пульта.

— Поняли? — замычал Вова на своих подручных.

Троица карателей закивала головами. Один из этих троих был маленький, сухой, со злыми глазами и, очевидно, заводной до махача. Другой — толстый, с расплющенным носом и в черных брюках с наглаженными стрелками. Третий был наголову выше двух предыдущих, бессмысленней во взгляде и от этого, видимо, самый эффективный при возникновении сложностей.

Вова начал развод личного состава:

— Так, короче. Слышь, завязуй скакать. Саня, идете с Петром к тому немцу и, короче, паси там эту веревку. Если чё, тут еще Щегол, Рязань и Сева Давай!

— А чё там, только чтоб этого не дергали? — спросил маленький и злой, кривя рот в усмешке. Толстый, с несгибающимися руками Петро ожил лицом и, уворачиваясь от воображаемого удара задвигал бровями.

— Да вообще! — образно пояснил Вова, осклабясь и показывая при этом желтевшую среди зубов рандолевую фиксу. — Слышь, Леха. А чё еще?

— Нужно, чтобы кто-то был на входе и держал контроль,

— туманно пояснил Алексей.

— Роман, давай. Только эго самое… А чё там, кто?..

— Там буду я, Миша и мой брат Андрей, — ответил Алексей, напряженно всматриваясь в лицо Романа.

— Понял? — переспросил Вова у Романа. Тот кивнул и продолжил стоять без движения.

— Чё, пошли? — спросил Вова.

— Да, пора.

Они вышли из лектория и оказались на балконе второго этажа. Людей было еще немного, но взоры всех присутствующих были устремлены к месту сосредоточения силы. Выполненный в форме параллелепипеда и обтянутый черной тканью, диджейский стол был подсвечен цветными софитами и обкручен целлулоидным шлангом, в котором бегали желтые огонечки. Над столом маячила фигура ВестБама, углубленного в саунд-чек. Он крутил какую-то специальную пластинку — в абсолютной тишине громко и полнообъемно стучал упругий бит. Рокки сидел рядышком и рылся в пластиночном ящике, Янис с товарищем из Риги подключали бобинные магнитофоны. Место действия по периметру было обтянуто белым шнуром, и перед ним уже успело скопиться немалое количество зрителей.

Неожиданно, в одно мгновение, у всех померкло в глазах — из-под балкона с бешеной яркостью застрочил стробоскоп Коли-электрощика. В мелькающих долями секунд взрывах этого

белого пульсара на лицах неподготовленных спортсменов заплясало выражение неожиданного страха. Они встали как вкопанные и не могли тронуться с места, потрясенные изменившимся миром и своей неспособностью реагировать на происходящее. Через мгновение страшные вспышки прекратились, и зал провалился в привычный глазу полумрак.

— Посмотрите, пожалуйста! — обратился Алексей к низкому и толстому. — Вот этот парень за пультом и его товарищ в полосатой майке — это и есть диджеи. Необходимо сделать так, чтобы им вообще никто не мешал. Они не говорят по-русски. Я скажу им, что вы останетесь с ними. Подождите. Приветствуя на ходу толпящихся рядом друзей, он прошел к немцам и долго что-то объяснял ВестБаму, указывая ладонью в разных направлениях. Тот покивал, и Алексей вернулся.

— Ка-ароче, — подытожил Вова. — Давай!

Низкий с толстым втянули ноздрями воздух и встали рядом с белой преградой.

Можно предположить, что чувствовали немцы, которым была предложена такая охрана, но трудно представить, что чувствовали охранники, первый раз в жизни увидев живых немцев.

Алексей, Вова и молчаливый Роман отправились к выходу. За десять минут до открытия дверей первый этаж был уже полон приглашенными и друзьями. Дойдя до стеклянных дверей, Алексей тронул Мишу за плечо.

— Миша! Это Роман. Он будет на входе для поддержки с нашей стороны.

В это время проверка звука закончилась и, вывернув ручки до отказа, Рокки поставил первую пластинку. Сорвавшаяся лавина звука толкнула воздух и ударила в низ живота. Разговаривать стало невозможно.

Открыли двери, и в перегороженный двумя столами тамбур начали вдавливаться люди. Образовалась невероятная суматоха. Миша и Андрей ловили руки с протянутыми пригласительными, возникла давка, и под ее напором столы, ограничивающие пространство перед кассой, стали медленно ползти назад. Последним, что увидел Алексей, уходя обратно в зал, был Вова, обнимающий какого-то уркагана, по-братски прижимаясь щекой к его ухмыляющейся физиономии.

Первый час пролетел как одна минута. Планетарий раздулся от набившихся в него людей и дрожал каменными стенами. Звук, выставленный в один фронт, сдувал своим давлением передние ряды, но несмотря на его устрашающее физическое воздействие,

перед колонками бесновалась плотная масса танцующих. Люди заполняли все свободные места в здании, балкон сделался практически непроходимым, толпились даже на темной лестнице.

Около двух ночи поток на входе стал постепенно иссякать. Долговязый Роман в эти часы, безусловно, помог сунул раз в зубы напирающему братку и выкинул компанию пьяных гопников, но в этой помощи было столько злобы, что его приходилось постоянно осаживать. Он грубо толкал теснимых очередью девушек, матерился на разряженную молодежь и, раздувшись от собственной значимости, подолгу братался с прибандиченными персонажами.

Оставив Мишу на входе разгребать все дальнейшее, Андрей отправился осматривать происходящее. Двигаться в пространстве было чрезвычайно сложно. Приезд ВестБама и красочные легенды о дискотеке на Фонтанке взбудоражили полгорода и привлекли на вечеринку небывалое количество молодежи. Присутствовали, конечно, и крепкие парни, но на этот раз их соотношение с модной молодежью можно было оценить как один к пяти. К счастью, такое количество крепышей не вызывало у них командного чувства, и большая их часть, морщась от громкого звука, оставалась безучастной к происходящему.

Осматриваясь вокруг, Андрей пробирался вдоль танцпола, с удовольствием отмечая своих знакомых, исступленно танцующих под техноколотушку. Музыка была настолько динамичная и забористая, что ее можно было назвать агрессивной по сравнению со светлой романтикой Яниса. В конце зала за пультами сидели техники Тарнавского, а рядом с ними стояли Алексей и Иван Салмаксов.

— Чего вы спите? Это не рок-концерт, — кричал Алексей одному из них. — Это техновечеринка. Какого черта вы так светите? Где стробоскопы? Заливку короче! Не надо светить всеми бидонами по пять минут. Включите свои программы на самую большую скорость. Кастрюлю эту включайте…

— Я включу, а потом будет нечего показывать, — оправдывался волосатый парень.

— Вруби все, чтобы мигало, и не парься, — весело закричал Салмаксов растерянному технику.

— Кончай дрочить! Начинайте светить. Деньги за что платим, чтобы ты тут спал? — округляя глаза от негодования, закричал Алексей.

Перепуганный паренек уложил руки на регуляторы и стал нажимать на клавиши. Под темным потолком ожил и зашевелил лучами огромный прибор. Переливающиеся лучи разбежались в разные стороны и заметались по залу. Танцующие сразу же

отреагировали на это дружным воем и свистом.

— Так! — поучал Алексей. — Теперь гаси заливку и стробоскоп. Так, теперь темноту. Видишь? Лазерщики заработали. Они мне жаловались, что вы врубаете все свои фонари и водку жрете, а из-за вашей заливки не видно ни фига.

— Кто, мы?

— Неважно. Ты должен постоянно менять картинку по свету и слушать музыку.

— Так что — руками все включать, что ли?

— А ты думал на автомате? Нам светомузыка не нужна. Нам нужно световое шоу. Понял?

Техник пригорюнился, но все же взялся за труды.

— Ну чего, Андрюха? — спросил Алексей у брата. — Как дела? Народ идет?

— Пока вроде бы нормально. Народу человек двести пятьдесят, может, больше. Правда, упырей понабежало. Но пока все тихо. А здесь как?

— Порядок.

— Как ВестБам? — спросил Андрей, указывая пальцем на балкон.

— Янис уже закончил, сейчас Рокки играет. ВестБам с Георгием и Вильямом в лектории. Он начнет играть с трех.

— Охрана-то с ними?

— Должна быть — посмотри, пожалуйста, я здесь пока побуду, а то эти парни вообще не врубаются, что делать.

Пытаясь попасть на второй этаж, Андрей поплыл в море людей, но по дороге натолкнулся на крайне неприятную ситуацию: трое спортсменов прессинговали двух молодых людей, по всей видимости, из-за их внешнего вида. В шуме переполненного зала гогочущие братки хватали ребят за одежду и орали им на ухо:

— Слышь? Ты чё, педик, в натуре?

— Чё вырядились, дырявые? Слышь, смотри — серьги…

— Дай поносить. Не дергайся! — кричал другой, пытаясь снять серьгу с уха. — Да не плачь ты, тебе еще никто ничего не сделал…

Все происходило практически посреди танцпола Танцующие рядом люди опасливо расступались, но никто не ввязывался. Было страшно. Андрей заметался в поисках охраны, но никого не нашел. Пока он суетился на танцполе, он увидел ситуацию, заставившую его искать помощи уже бегом. Заламывая руку, бритоголовый качок тащил девушку на темную лестницу. У девушки в глазах был безумный страх и отвращение. Пытаясь ей помочь, какой-то молодой человек, очевидно ее знакомый,

схватил негодяя за руку, но получил сильный удар локтем в лицо. Заливая кровью рубашку, молодой человек упал и тут же получил еще один удар ногой в живот. Расталкивая людей, Андрей стал продираться к выходу и чуть не был удушен воротом собственной футболки.

— Куда ты ломишься? Смотри под ноги, — прокричал ему в лицо какой-то двухметровый амбал.

Отпустив майку, этот верзила толкнул его в грудь ладонью и отвернулся. Андрей влетел на вход и, увидев охранников, подбежал к ним, задыхаясь от волнения:

— Пойдемте быстрее! Там девушку бьют…

— Поди разберись, — скомандовал Вова.

Роман не спеша пошел за Андреем, и через пару минут они добрались до места. Никого не было: ни девушки, ни молодого человека, ни бандита. Андрей взметнулся по лестнице на площадку между этажами и махнул рукой поднимавшемуся Роману. Зажатая в темный угол, девушка плакала и тряслась от страха, а рядом с ней стояли уже двое. Молодежь, заполнявшая лестницу, сторонилась бандитов и проходила мимо. Роман не спеша подошел к ним, и они загудели в агрессивном диалоге. Через минуту он отошел и, плюнув на пол, сообщил:

— Да все нормально. Это его кобыла. Просто напилась и пошла выламываться. Разберутся сами.

— Да, но он там бил еще кого-то… — воскликнул Андрей, понимая, что Роман врет и не хочет связываться с негодяями.

— Ну сейчас же не бьют? — закончил разговор Роман и стал спускаться вниз по лестнице.

Не добившись ничего от трясущейся девушки, бандиты неожиданно ее оставили и, грязно ругаясь, стали спускаться обратно в зал. Девушка, которую трясло мелкой дрожью, осталась рыдать на ступенях лестницы.

Находясь в состоянии повышенной нервозности, Андрей добрался до второго этажа и стал осматриваться. Из-за переполненности балкона диджейского стола почти не было видно. Он попытался встать на носочки, но все равно увидел лишь ряды колышущихся голов. Практически все из находившихся на балконе танцевали. Не дознавшись, все ли в порядке с диджеем, Андрей стал продираться к дверям лектория. К счастью, возле них стоял тот самый, маленький и злой. Покачиваясь с нога на ногу, он презрительно смотрел, как перед ним выплясывала разряженная молодежь.

— Все в порядке? — напряженно спросил Андрей, подойдя к нему вплотную.

Маленький и злой наморщился, подался вперед и тут только

разглядел стоящего перед ним человека.

— А, это ты. Нармальна все! — пролаял он и отвернулся.

Андрей отворил дверь и зашел в лекторий. Массивные двери предохраняли находящихся внутри от грохота музыки и шума. Помещение освещалось парой цветных прожекторов, и в этом успокаивающем полумраке на мягких диванчиках сидела большая группа друзей и знакомых. Яркий луч видеокамеры освещал то место, где сидели ВестБам, Вильям, Георгий, Катя и Тимур. Они оживленно разговаривали, давали интервью телевизионщикам. Обстановка была самая умиротворяющая и никак не походила на кошмар, произошедший только что в переполненном зале. Андрей прошел в глубь лектория, приблизился к компании и поздоровался с друзьями. Все громко беседовали, обмениваясь впечатлениями. Выпив стаканчик вина и выкурив сигарету, он немного успокоился и стал размышлять, что ему делать дальше. Нужно было идти ко входу или отправляться искать брата, чтобы рассказать ему о случившемся. Андрей медлил.

Через какое-то время все решилось само собой. Большая компания пришла в движение, поднялась и направилась на выход — ВестБам шел играть. Сопровождаемый дрожащим лучом видеокамеры и внушительной свитой, он пошел по балкону, волна интереса полетела впереди, и несмотря на тесноту, толпа расступалась, образуя коридор. Усиливая кульминационность момента, Рокки поднял руку вверх и резко остановил игравшую пластинку.

В образовавшуюся тишину разрастающимся потоком стал врываться звук, похожий на визг электродвигателя. Звук свирепел, становился резче и, колеблясь, как синусоида, рвался из ревущих колонок. ВестБам оказался за пультом и воткнул в пульт шнур висевших на шее наушников. Все взгляды были устремлены на него, стало ясно, что это он и есть, и к нему потянулись сотни рук. Перекинувшись с Рокки парой слов, он улыбнулся публике и, как фокусник, вытащил первую пластинку. Герой берлинского «Трезора» помахал черным диском танцующим, и тут же в зале погас свет. Все, как один, взревели от неожиданности, и через мгновение кромешную тьму разорвал яркой вспышкой луч лазера. Из-под потолка он пронзил собравшихся тысячью игл и заставил всех трепетать. Светящийся сноп зеленых нитей медленно закружился по восхищенной публике, и застучал первобытный барабан:

— Бам! Бам! Бам! Бам! Бам! Бам! Бам!

ВестБам играл уже час, а Андрей, остановившийся неподалеку на балконе, не мог оторваться и слушал. Вернее

сказать, он слушал и смотрел. Все, кто в этот момент мог видеть играющего ВестБама, стояли как зачарованные и смотрели.

Впечатление было очень мощное. ВестБам знал свой материал абсолютно и, не думая ни секунды, выбирал пластинки из ящика. Вынимая диск из конверта, он точно знал, какая часть его сейчас нужна, с какой стороны и на какой скорости ее нужно играть. Он жонглировал пластинками, заставляя их играть вместе, скретчил, переводил звук с канала на канал и постоянно крутил частотные настройки, добиваясь неимоверных акцентов. Пластинки менялись с такой быстротой, что некоторые из них он не успевал убирать в конверты и складывал стопкой рядом на стуле.

Зал, затанцевавший с первого удара его барабана, был наполнен до отказа и бодро вибрировал. Отдача танцующих была очень мощная — свист, возгласы и иногда короткий вой. Музыка была суперсовременная, технократическая, напористая, а из-за частых свистков и засемплированных реплик — немного хулиганская. Это была живая субстанция звуков, раскрученных на очень хорошей скорости.

Неожиданно кто-то тронул Андрея за плечо. Он резко обернулся и от удивления широко улыбнулся. Ребята со Свечного — Олег, Денис и немецкая подруга Олега Аннета — смеясь, бросились обниматься. Судя по рвущимся в танец телам и радостному блеску глаз, они были в самом веселом настроении и смотрелись весьма живописно. Задавала тон Аннета. В зеленом, очень декольтированном платье, леопардовых туфлях и яркой косметике, эта блондинка с длинными прямыми волосами и смеющимся взглядом выглядела очень эффектно. Олег был в старомодном шелковом костюме черного цвета в узкую голубую полоску. Приглядевшись к Одингу, Андрей увидел, что Денис в белых женских чулках, белой футболке и серебряной кепке с огромным козырьком. На запястьях, как напульсники, были намотаны банданы с американскими флагами, он счастливо улыбался всем вокруг и рвался танцевать. Еще с минуту они поколыхались рядом и стали уплывать в сторону, а Андрей оторвался от созерцания и отправился вниз. Уже в дверях он едва не столкнулся с вылетевшим со входа разъяренным Романом. Опасливо заглянув в тамбур, Андрей увидел, что ничего опасного не происходит: Миша и человек десять молодых людей мирно беседуют.

— Куда это он полетел?

— Да он вообще уже куражится, — стал рассказывать Миша. — Избил тут на крыльце какого-то парня за то, что тот с крашеными волосами, а сейчас с охраной подъехал какой-то бык

в цепях, так этот обосрался и стал им руки целовать.

— Что за бык?

— Ну такой толстый с двумя братками на пальцах. В зал пошли.

— И чего?

— Я ему и говорю: «Эти люди, Роман, пошли танцевать за твой счет. С ними вместе ты пропустил уже пятнадцать человек». А он набычился, стал красный. Я думал, он сейчас на меня кинется. Дебил!

— Вова говорил, что он больной на всю голову после Карабаха, — сообщил Андрей. — Все время хочет убивать. И куда он сейчас побежал?

— Не знаю, постой здесь, ладно? Я схожу посмотрю, — попросил озабоченный Миша.

— Хорошо, будь осторожен и посмотри, где Леха. Миша выскользнул из стеклянного тамбура и затерялся в темноте.

Андрей закурил, уселся на стол и стал слушать музыку. Движение на входе практически замерло, и лишь изредка какая-то компания выбегала на свежий воздух покурить. Около четырех утра из соображений безопасности Андрей велел девушке в кассе закрыться изнутри и оставшееся до окончания вечеринки время читать книжку. Очень хотелось пить, Миша не шел.

Неожиданно на вход прибежал Вова с перекошенным от злости лицом.

— Чего ваш Миша сказал Роману? Я сейчас видел его у бара, он уже набухался и хочет этого Мишу порвать.

— Роман избил тут наших гостей и постоянно пропускал непонятно кого. Миша сказал ему, что это за его счет, — сдержанно пояснил Андрей.

— Кого непонятно кого? — допытывался Вова, нервно бегая глазками по сторонам.

— Ну не наших танцоров, точно. Каких-то спортсменов — я не знаю, не присутствовал.

— Ну и чё?..

В этот момент, раскидывая с громкими криками людей, из зала выскочили несколько человек. Один толстый, увешанный золотом и с расчерченным шрамами лицом, а за ним еще двое молодых и одинаковых, в черных рубашках. У одного из этих чернорубашечников кровоточила свежая ссадина на виске, а у другого был разорван ворот. Вид у них был яростный, как у посланцев ада. Молодые люди, толкавшиеся на входе, в ужасе разбежались, а Андрей и Вова только и успели, что прижаться к стене. Разметав преграждавшие путь столы, бешеные выскочили на террасу и стали там орать друг на друга. Дикая сцена продлилась минуту, после чего троица демонов попадала в «БМВ» и с огромным ускорением унеслась в темноту парка.

Их появлению на входе предшествовала некая история, которую, задыхаясь от волнения, стали рассказывать несколько прибежавших очевидцев. Из их путаного рассказа выходило, что пять минут назад в центре танцпола вспыхнула драка. Бандиты били какого-то молодого человека, пытались отнять у него девушку или что-то вроде того. Молодой человек сейчас в туалете, смывает кровь, ну а не готовые к его решительному отпору бандиты, позорно ретировались.

Не зная, как ко всему услышанному относиться — как к победе или как к поражению, Андрей поморщился при мысли, что центр танцпола прекрасно виден сверху и что эту драку вполне мог заметить ВестБам. Если это так, то это было уже действительно ужасно.

Неожиданно появился красный от волнения Миша. Он вплотную подошел к растерянному Вове и стал возмущенно кричать:

— Мало того, что этот Роман устроил драку на входе и пускал непонятных людей, так он сейчас стал со мной заводиться! Зачем нам такая охрана? Он вообще офигел. В зале драка. Быки бьют нашего товарища, а этот урод хватает меня за одежду и дышит перегаром в лицо!

— А где он сейчас? — резко спросил Вова, азартно втягиваясь в накал событий.

— Да вот он, — с ненавистью крикнул Миша, махнув рукой в сторону зала.

Хватая воздух руками, шатающейся походкой ко входу приближался невменяемый Роман. Тяжелый осоловевший взгляд на его анемичном лице не предвещал ничего хорошего. Вова отлепился от стены и, расставив руки, пошел на сближение. Под воздействием стресса и алкоголя Роман, очевидно, мысленно вернулся в горячий Карабах и, не видя ничего перед собой, ринулся в рукопашную. От первого удара Вова увернулся, а второй настиг его по полной. Хрипя проклятия, они сцепились и упали на пол в тамбуре между дверями. Андрей с Мишей поспешно ретировались, а следом за ними на террасу выкатился надсаживающийся от мускульных напряжения клубок из координатора и исполнителя охранных мероприятий. Наблюдая этот производственный конфликт с безопасного расстояния, Андрей и Миша увидели, что постепенно ревущий от ярости Вова стал одерживать верх над пьяным Романом. Сбив противника ударом в живот, он уселся на него сверху и стал методично охаживать своими тяжелыми кулаками-гантелями. Через пять минут был зафиксирован полный нокаут. Роман был размазан по полу и окончательно сброшен с занимаемых позиций. Тяжело

поднявшись на ноги, Вова утер пот и выплюнул розовую слюну. Вытерев об одежду поверженного свои окровавленные руки, он торопливо прикурил сигарету и, ухватив за ноги героя Карабаха, потащил его в тихий уголок подальше от входа.

Из дверей показался растерянный Виктор Фролов. Увидев похороны Романа, он все понял и быстро направился к Вове.

— Миша, что же все-тайн там произошло? — напряженно спросил Андрей, продолжая наблюдать за беседой Фролова с Вовой. — Я вижу драку сегодня уже не в первый раз.

— Я пошел посмотреть вечеринку. Все было нормально. Молодежь, похоже, вся обожралась кислот, но все очень красиво и вставляет. В зале орут, свистят, творится что-то нереальное. ВестБам играет, и все пляшут, как сумасшедшие. Я смотрел полчаса, а потом пошел на второй этаж. Увидел Леху, он выплясывает на балконе. Там вообще все наши танцуют. Все счастливы. Георгий, красавец, голый по пояс, танцует прямо у перил. И тут меня хватает этот выродок и начинает бредить. Он уже вдрызг пьяный, наваливается на меня. Пока я с ним разговаривал, световики врубили Колин стробоскоп, представляешь, что началось. Смотрю: внизу драка на танцполе. Все мигает, ничего не понятно.

— Что за драка? — переспросил Андрей, начиная увязывать в одно целое события последних десяти минут.

— Быки, которых пропустил этот Роман, бьют какого-то парня в черном костюме, он падает, встает, снова падает, хотя, может, мне показалось в этих вспышках. Я побежал вниз, ну а дальше ты сам все видел.

Отряхивая брюки и облизывая разбитую губу, к друзьям подошел Вова. Он тяжело дышал и прихрамывал. Андрей и Миша молча воззрились на него. Вова уселся на ступеньку террасы и, утерев пот со лба, сообщил:

— Ка-ароче, с ним все.

— Умер, что ли? — испуганно поинтересовался Миша.

— Да завязуй, умер. Отдыхает.

— А он сейчас отдохнет и снова придет? — спросил Андрей.

— Не, харэ. Я буду тут.

— Слушай, Вова, — обратился к нему Виктор, — остался час до окончания, давай доедем до финала без трупаков.

— Пошло, — устало согласился Вова.

Оставив Мишу, Вову и Виктора на входе, Андрей устремился вглубь зала проверить свою догадку. Он добрался до мужского туалета и увидел там несколько человек, сгрудившихся у умывальника. В центре стоял Олег Назаров. Нагнувшись над

раковиной, он ронял красные капли крови в шумящий поток воды. Потом повернул свое разбитое лицо к стоявшему рядом человеку, попытался улыбнуться и с неузнаваемой дикцией сказал:

— Видите, Виктор, какая классная вечеринка и какое у меня лицо!

— Да-а! Да! Да! Все беды из-за баб, — наставительно забормотал Виктор, бережно поглаживая Олега по плечу. — Я давно говорил, лучше бы вы, Олег, были гомосексуалистом.

Олег полностью погрузил свою голову под поток холодной воды. Денис, стоявший рядом с растерянным видом, увидел Андрея и подошел.

— Представляешь, мы все в эсиде. Танцуем. Нереальная музыка, и вдруг какой-то бандит говорит своим быкам: «Тащите эту бабу ко мне в машину». Они хватают Аннету за руки и волокут в сторону. От неожиданности рвет башню. Олег дает одному из них в рыло, а другой бьет его. Олег падает, встает и снова бьет. Во второй раз он упал головой на каменный пол. Народ расступился, Олег встает, и его снова сбивают. Крики. Аннета вырвалась, а эти бандиты вдруг как заорут: «Он неугомонный!» — и стали валить с танцпола. — Сделав неожиданную остановку, он снял кепку, утер лицо накрученным на запястье платком и, влажно дыша, закончил рассказ: — Прет нереально.

Оставив друзей в туалете, Андрей пробрался к центру зала и стал рассматривать танцующих. Его взгляд тяжело двигался по колышущейся массе людей. Состояние духа было тревожное, а вечер катался испорченным. Кто бы мог подумать, что вечеринка, которую все так ждали, наделе обернется таким кошмаром. Постояв минут десять и не замечая ничего опасного, Андрей стал постепенно успокаиваться и настраиваться на другой лад. Несколько виденных им драк, по большому счету, никого не смутили и охоту веселиться не отбили.

Прекрасная музыка лишала способности подолгу размышлять над проблемами. Все вокруг исступленно двигались. Молодежь действительно объелась препаратами, судя по тому, что у большинства танцы были просто бешеные.

Был шестой час утра, и вечеринка медленно катилась к завершению. Балкой, полностью превратившийся в танцпол, был полой людьми. Места для того, чтобы встать и спокойно понаблюдать, просто не было. Справа и слева от ВестБама счастливо танцевало огромное количество знакомых. Немного удрученный тем, что ему уже не достичь их счастливой

расслабленности, Андрей пробрался к бару.

— Двести шампанского, — скомандовал он уставшей девушке.

Пока наливали шампанское, к нему подошел полный печали барный организатор.

— Андрей, тут какие-то люди надергали бутылок из бара, не знаю, что и делать.

— Какие люди?

— По-моему, какие-то бонды.

— Ну знаешь, это сейчас уже не самое неприятное, — допивая вино, закончил разговор Андрей.

Несколько десятков свистков буравили уши, люди вокруг кричали и выли, перевозбуждение достигло максимальной точки. ВестБам разогнал локомотив с танцующими до предельной скорости и, издав паровозный гудок, стал оттормаживаться, постепенно вытравливая пары из котлов и испуская из-под визжащих колес яркие искры. Ритм замедлялся. Яростный оскал у многих танцующих постепенно пропадал, лица мягчели, очеловечивались, движения выстраивались в общий ритм.

На какой-то песне зал разучил мелодию и стал хором подпевать. Стало понятно, что диджей заканчивает свой сет, что это конец, и предстоит прощание.

Но последовавшие вслед за этим звуки смяли ожидаемое представление о привычном финале. ВестБам поставил последнюю пластинку, но играть ее не стал. Удерживая пальцами диск, он заставлял иглу скрежетать в бороздке, издавая при этом страстный визжащий звук — пугающий и кричащий, что всему наступает конец, что это последний звук во вселенной и сейчас он пропадет навсегда. Навсегда.

Скретч оборвался, и медленно, с ленивыми потягиваниями, из гудящих от мощности колонок, стала вытекать последняя фраза. Женские голоса растягивали этот напев, и какое-то время он подрагивал в душном воздухе, висел, не падал.

— The party is over, — обрезал тишину мужской голос.

Чем был хорош вечер наступившего вслед за этим воскресенья, так это тем, что по воскресеньям «Танцпол» никогда не устраивал вечеринок. В этот день молодежь не имела привычки являться в гости, и потому к двенадцати ночи по личным приглашениям в квартиру пожаловали только самые близкие.

Диджейский стол установили в эркере, зал подсветили несколькими приборчиками, в остальных же комнатах был

полумрак, горели свечи.

Практически все собравшиеся в этот вечер на Фонтанке были на вчерашней вечеринке и только сейчас смогли сообщить друг другу подробности пережитых там чувств.

Несмотря на опасения, никто не поминал те несколько моментов страха, которые кое-кому из присутствующих пришлось пережить. Эта тема не то что бы замалчивалась — она не затрагивалась. Немцы либо действительно не видели драк, либо почли за благо не обсуждать все это, возможно списывая увиденное на местный колорит и темпераментность русских. Неизвестно.

Было около часа ночи, за пультом еще никого не было, играла запись, и маленькое общество радостно бурлило. В гостиной все смеялись, шутили и угощались морем выставленного на столах шампанского. После вечеринки с ВестБамом Алексей, недолго думая, выставил все припасенное для продажи шампанское и щедро предоставил гостям неограниченное угощение.

Вскорости в квартире произошло движение, сопровождаемое оживленными возгласами. Из мастерской Георгия вернулись ВестБам, Вильям, Рокки, Георгий, Катя, Леша, Тимур, княжна Голицына (недавно приехавшая из Англии, где ее семья обрела вторую родину после Октябрьской революции), Егельский, Монро, Рубик и еще несколько человек, приехавших на вечеринку из Москвы и Риги. Успевший отдохнуть ВестБам оказался в центре внимания и, мило улыбаясь своим ленинградским поклонникам, увлек желающих танцевать за собой в зал. Танцпол мгновенно наполнился людьми.

С первой пластинки стало ясно, что звезда находится в отличном настроении и желает показать собравшимся все, на что способен. ВестБам заиграл, и зал послушно пустился в пляс. Скромный танцполовский звук был выжат до последнего ватта — да так, что динамики надрывно хрипели.

В уютном камерном зале диджей был прекрасно виден всем собравшимся. Его руки свободно парили над столом, он выкручивал ручки на пульте, менял скорости и заставлял звучащие песни постоянно изменяться. Звуки перемешивались в микшере, пропадали, сплетались друг с другом и всячески трансформировались. Он выхватывал из целых пластинок даже не части, а короткие реплики, кусочки, звуки, уснащая и дополняя ими звучащую музыку. Пульт превратился в музыкальный инструмент, на котором он самозабвенно играл для танцующих. У него была настоящая техника, техника профессионала, наработанная тренировками и сотнями выступлений. Он

разыгрался, завел зал и стал выкладывать один за другим настоящие бриллианты. Танцпол ликовал.

Усталый, но довольный, Андрей стоял у эркера и смотрел, как ВестБам играет. Танцевать уже не хотелось. Прошедшая накануне вечеринка забрала все душевные силы, произошло энергетическое обезвоживание. Он практически спал с открытыми глазами, но продолжал при этом слушать и наслаждаться. Разные мысли проносились у него в голове. Более всего его занимала невероятность того, что в эркере его бывшей спальни, где он еще так недавно подолгу просиживал с книжкой или рисунком, стоит берлинский диджей и играет спои миксы. ВестБам играет. Зал полон друзей, а в Катиной светелке (бывшей Лешиной спальне), в коробке из-под папирос «Три богатыря» лежат заработанные восемь тысяч рублей…

Кто-то тронул его за плечо. Он обернулся и увидел улыбающегося Инала Савчеикова.

— Андрей, привет! Я как-то говорил тебе про «А — Я», помнишь? Это организация, берущая под крыло художников и музыкантов.

— А, ну да, помню.

— Захар сейчас здесь. Хочешь, познакомлю. Ты же хотел какие-то документы справить… Или нет?

— Да, да, спасибо.

Инал отыскал в каминном зале человека в зеленой безрукавке с кисточкой волос на затылке. Захар оказался мужчиной лет тридцати пяти, носил усы и был приветлив. Он внимательно выслушал пространный рассказ Андрея о проблемах «Танцпола» и обещал помочь. Пожав друг другу руки и довольные друг другом, Андрей и Захар расстались.

В гостиной расположилась компания, сторонящаяся танцев и активности вообще — компания, избравшая себе утехой разговоры вокруг стола с шампанским. На столе стояла старая бронзовая лампа. Её колпак из разноцветных стекол был скреплен свинцовыми прожилками, лампа освещала лица сидящих вокруг и бросала на потолок замысловатые пятна желто-красного света.

Тимур рассказывал собравшимся новость о приезде в Ленинград художников Пьера и Жиля.

— Да, господа, представьте себе, — утвердительно отвечал Тимур на удивленно поднятые брови.

— А когда это произойдет? — спросил Егельский. — Если это вообще может произойти…

— Может. Сейчас такое время, что все может произойти.

— Время сейчас действительно странное, — поддержала Тимура Ирэна. — Происходят такие вещи, о которых мы раньше и подумать не могли. Достаточно вспомнить, к примеру, городские культурные события пусть даже пятилетней давности.

— Да! Да! — согласно зашумело общество.

— Оглянитесь вокруг! — весело предложил Тимур, поводя вокруг себя рукой. — Вот даже сегодняшний вечер, возьмем его. Год назад за этим же круглым столом собиралось не более десяти человек послушать кассетник и покурить травы. А сейчас мы сидим в той же компании, но вместо кассетника для нас играет лучший диджей континента. Так что я нисколько не сомневаюсь, что они приедут. И не только они.

— Было бы интересно с ними пообщаться, — сказал Хлобыстин. — Так когда же это будет?

— Трудно сказать, когда это будет. Но будет точно. Может, через три месяца, может, через полгода, — сообщил Тимур.

— Да, в нашем городе начинается настоящий зв е зд о пад,

— с улыбкой произнесла Ирэна.

Андрей, к своему стыду, не знал, кто такие эти Пьер и Жиль, и поэтому не смог оценить невероятности поведанной Тимуром новости. Однако если Тимур что-то рассказывал, то делал это с такой убедительностью, что все слушающие начинали верить ему безоглядно.

— Очень забавная история произошла вчера с Артемом Троицким, — продолжал Тимур. — Троицкий приехал из Москвы с телевизионщиками на ВестБама и еще до начала вечеринки записал собственное интервью, где говорил, что электронная музыка — гадость, ВестБам — бездарь, ну и прочее в том же духе.

— Так и что же? — смеясь, поинтересовалась Ирэна.

— Ну а потом он оказался на вечеринке.

— И?

— А часа через два прибежал, велел стереть свое интервью и записал новое.

Компания, слушавшая эту поучительную историю, дружно рассмеялась.

— А что он записал во второй раз? — спросил Алексей.

— Что электронная музыка — супер, а ВестБам — просто герой, — с улыбкой сообщил Тимур.

Почти бегом из танцпола в гостиную, вырвался Гарик. Налив в первую попавшуюся кружку вспенившегося вина, он жадно выпил глоток и, окинув веселым взглядом присутствующих, воскликнул:

— Напрасно сидите! Такой музыки вы теперь еще долго не услышите!

Он махнул в себя остатки вина и умчался в гудящий зал. Восторгаясь его преданностью музыке и умению развлекаться, все присутствующие радостно засмеялись и стали подниматься.

— Действительно, — заметила Ирэна, вставая, — какой смысл приятно сидеть, когда можно приятно потанцевать.

— Пойдемте, пойдемте! Все, все! Без исключений! Отправляясь вместе со всеми, Тимур доверительно взял

Алексея за плечо и негромко сказал:

— Помните, Алексей, наш с вами разговор в этой же комнате примерно год назад?

— Да, что-то такое припоминаю, — заулыбался Алексей, пытаясь вспомнить, о чем же они говорили.

— Вы тогда спрашивали у меня совета, и мы с вами разоткровенничались по поводу будущего…

— А-а! Да, конечно, прекрасно помню. Вы сказали, что этим сейчас никто не занимается и что это безграничная перспектива.

— По-моему, у вас все получилось. Судите сами: вы не бросили заниматься вечеринками, это оказалось нужным всем друзьям, и это стало вашим делом.

— Да, Тимур, спасибо, это был мудрый совет, мы действительно не знали, чем себя занять.

— Будущее, о котором мы говорили, Алексей, уже стоит у вас за дверью.

— Красиво сказано, Тимур.

— Пойдемте танцевать.

20

Невероятно жаркое лето 1991 года, доставившее столько мучений изнывавшим от духоты горожанам, к концу августа постигло неожиданное фиаско. Пылающее красное пятно на небе разогрело температуру до максимума и как-то резко сломалось, сникло. Балтийский ветер нагнал бесчисленную армию туч, порывисто задул, и из поднебесной пропасти полили затяжные дожди. Долгие, серые, еще не холодные, эти дожди низвергались с неба миллионами тонн воды, растекались по улицам, шумели и с утра до вечера барабанили по жести подоконников унылой дробью. Пытка этим звуком продолжалась день за днем. Этот август стал лих еще тем, что в Кремле происходила дележка власти. Народ волновался, и у всех на слуху было загадочное ГКЧП. Горбачева сместили, и в Москве началась такая неразбериха, что, глядя на все это, страна загудела тягостным шепотком. Невероятные события происходили и на берегах Невы. Новоизбранный мэр города Анатолий Собчак замкнул

историческую ленту Мебиуса, и городу было возвращено его историческое название Санкт-Петербург. Но несмотря на навеваемое погодой уныние, путч в Кремле и реформаторские настроения в Смольном, события на Фонтанке, 145 шли своим чередом, неспешно разматываясь, как нитяной клубок.

Производство крупных вечеринок стало для «Танцпола» идеей-фикс, основным занятием, поглощающим всё время и силы. За два месяца, прошедшие после вечеринки с ВестБамом, были проведены еще два праздника в Планетарии. Играл Янис, оба раза с полным залом и с трудно контролируемым бандитским разгуляевом. Охрана в лице Вовы практически уже ни от чего не спасала. Получая деньга, он саботировал дело, все больше и больше раздражая «Танцпол» своей некомпетентностью. Помимо всего прочего, этот Вова стал нагло и напористо лезть в дела придираться к расчетам и требовать увеличения своей доли. Он приводил все новых и новых «защитников», и раз от разу они становились все гаже и бесполезнее.

Августовским вечером не имевшие телевизора и не следившие за политическими катаклизмами Алексей, Андрей и Миша сидели в своей квартире перед распахнутым окном и, прислушиваясь к потокам дождя, обсуждали проблемы, весьма далекие от страданий отечества.

— Послушайте, почему только Планетарии? — спрашивал у всех Алексей. — Нам нужно что-то предпринимать дальше. Это уже неинтересно. Наши друзья уже почти не ходят, всем надоело.

— Согласен, — поддержат его Миша — Но я от другого отталкиваюсь. Мне кажется, что Планетарий стал коммерческим. Мы прикормили там бандитов. Люди ходят, но многие боятся. Если менять места проведения и мобильно информировать свою публику, то, может быть, будет спокойнее. Андрей выслушал эти разумные доводы и сообщил друзьям:

— Чтобы двигаться, дальше необходимо самим подписывать договоры аренды и прочее. До этого дня этим занимались «Композиторы». Все наши вечеринки официально устраивал клуб «Научная фантастика». Нам нужны бумага.

— Ты же познакомился с этим дядей, который обещал помочь с документами, — спросил Алексей.

— С Захаром?

— Ну, я не знаю. Сходи к нему, реши вопрос.

Экспансия в новые места стала необходима. Так уж сложилась ситуация, что не только у мемберов «Танцпола», но и у обычных посетителей Планетария стала отчетливо заметна кислая реакция на однообразие постановочного замысла.

Из пространства Планетария были выжаты все соки.

Не помогало ни перетаскивание колонок, ни новая развеска света, ни что-либо другое. Планетарий просто приелся. Молодежь попривыкла к бандитам и их бабам и ходила в Планетарий, как в спортзал, со сменной обувью — потанцевать и домой. Единственное, что спасало, — так это музыка Яниса, хотя и он уже стонал от наседавших на него качков. Несколько раз ею просто вынудили поставить на вечеринке кассету с блатняком, и никто ничего не смог поделать.

Подвыветрились первый дух и душевность замысла. Встав на коммерческие рельсы, сама идея начала приобретать единственно возможную в данных условиях форму. Как нельзя выкинуть слов из песни, так же было невозможно исключить присутствие на вечеринках неприятных для молодежи прибандиченных спортсменов. Реалии времени были таковы.

После одной из вечеринок Миша Палтус вывел формулу, согласно которой молодежь может находиться в наполненном быками Планетарии и не обращать на них внимания. Стоя перед баром, Миша громко поведал своим друзьям:

— Я знаю, что в Планетарии нужно делать!

— Что? — спросили у него собравшиеся.

— Нужно куражиться и покупать шампанское… Надоело бояться.

В известной мере он был прав. Ни молодежь, не принимающая грубость и задыхающаяся в присутствии уголовных элементов, ни сами бандиты, полагающие, что главное в жизни — это физическая сила, не могли договориться. Модникам вечеринки нужны были для души, а быкам — для тела Первые наслаждались музыкой и красотой, а вторые приходили, чтобы поизмываться над кем-нибудь. Как ни странно, возраст тех и других был примерно одинаковый: двадцать — двадцать пять лет. Различие было лишь в направлении и скорости движения сознания. Но как бы мало ни было это различие, между двумя этими направлениями лежала пропасть.

Разговор, состоявшийся в квартире на Фонтанке, был прямым следствием этих обстоятельств. Было решено действовать. Миша и Алексей стали рыскать по городу, присматриваясь к загнивающим домам культуры и старым кинотеатрам, а Андрей отправился за документами.

Общество «А — Я» размещалось на первом этаже ничем не примечательного дома на Фонтанке, полностью занятого кооперативами и фирмочками. Захар Коловский радушно встретил посланца «Танцпола» и пригласил в свой кабинет.

Комната, обставленная конторской мебелью, была украшена несколькими картинами. Зарешеченные окна выходили на Фонтанку. За разговорами и прояснением ситуации выпили чаю. Захар Михайлович подробно объяснил Андрею процедуру вступления в общество новых участников и задал кучу важных вопросов. Через какое-то время Андрей перекочевал в соседнюю комнатку, где долго сочинял тезисы к будущему уставу молодежного клуба.

Те вещи, которыми они занимались, и те, которыми хотели бы заниматься, нужно было назвать сухими и казенными фразами, мысли расползались по чистому листу, Андрей злился и грыз карандаш. Не закончив труды в один прием, он откланялся и отправился домой.

Походы в «А — Я» продолжались несколько дней, и в результате Андрей принес на Фонтанку сброшюрованную папку, в которой были: устав Общества «А — Я» и Положение о молодежном клубе «Танцпол», имеющем выборного директора и концепцию деятельности. Бумаги были скреплены печатями и имели все необходимые формальные данные, позволяющие вести переговоры и некоторую хозяйственную деятельность.

Алексей с Мишей тоже не теряли времени. В результате проведенных поисков был обнаружен Дворец культуры на Васильевском острове. Гибнущее в тисках финансового кризиса огромное здание сталинского периода было мертво и обескровлено. После развала СССР интерес к социалистическим ценностям угас, и финансирование монструозного института культурного развития строителей коммунизма прекратилось. Дворец культуры влачил жизнь, больше похожую на смерть.

Построенное в форме вытянутого параллелепипеда, здание имело длиннющее фойе с двумя рядами квадратных колонн, кое-как пригодное к использованию. Все увиденное в здании производило угнетающее впечатление затхлости и упадка. Директриса этой богадельни, старая комсомольская мымра, долго присматривалась к молодым людям, недоверчиво слушала их красноречивые байки про молодежь и светлый праздник. Ее горящее отвращением нутро чувствовало, что эти напористые ребята — враги, и не просто врага, а враги идейные. Новая формация врагов, еще не описанная в разъяснительных брошюрах. Желая получить деньги, тетка страдала, и от этого все время врала, запутывала переговоры, срывалась на визг, а после уморительно лебезила. Алексей с Мишей были в шоке от этой страшилищи, сидящей под портретом Ленина в кабинете, набитом рукодельным пионерским мусором.

Отвечая на поставленный истеричной директрисой вопрос:

«Что же вы тут у нас во Дворце хотите сделать?», утомленный Алексей посмотрел на нее сонными глазами и, радуясь сорвавшемуся признанию, ответил: «Мы хотим танцевать».

Нагородив кучу нелепиц, убитая суммой директриса воодушевленно отдалась. Свежеиспеченный молодежный клуб «Танцпол» взял развалины в аренду. Начался накатанный процесс подготовки. Пригласили Яниса. Юноша из Мурманска, уже два месяца выступающий на Фонтанке как ученик Алексея, напросился играть вторым номером. На вопрос Андрея «Как тебя обозначить в рекламе», он четко и ясно ответил: «Я — Грув».

Быстро-быстро последние дни августа понеслись на встречу с Дворцом культуры. В новом месте, безусловно, была своя интрига, что-то неизведанное и загадочное. По как-то так сложилось, что даже у самих устроителей не случилось былого воодушевления. Впрочем, никто и не ждал ничего немыслимого от этой пробной вечеринки. Да и само здание могло повергнуть в уныние любого оптимиста.

Применив все технические новации: светотехнику, дым, мощный звук и пару усатых ментов, — «Танцпол» стартовал на Васильевском острове.

Пути-дорожки хороши, когда они накатаны. Так вышло и на этот раз. По небольшому количеству розданных флаеров набилось столько людей, что часть из них так и не смогла потанцевать у колонок и веселилась где-то на лестнице. К полутора сотням приглашенных «Танцполом» близких друзей прибавились около трехсот человек, купивших билеты.

Помещение, напоминавшее длинный коридор, рассекалось цветными лучами, высвечивающими кашу из людей. Царили бардак и несуразица. Андрей и Миша всю ночь бегали по длинному залу, задыхались от духоты и не имели возможности на что-либо повлиять. Помещение было такое, что если находишься в одной его части, то совершенно непонятно, что происходит в другой. Янис с Грувом играли на специально приподнятом подиуме, а Алексей опекал их, отбиваясь от многочисленных желающих заказать медляк.

В какой-то мере Мишины предположения сбылись: ленивые до всего нового братки-спортсмены не сообразили, что за ДК, что за Б.П., какого такого В.О. Морд почти не было, но случилась другая напасть. Васильевский — обособленное место, остров. Кто там живет, тот им и владеет. Заполнившие танцпол василеостровцы в массе своей оказались курсанта ми мореходных училищ, простыми и охочими до балдежа пропойцами. Действовали они слаженными группками, а пили так, чтобы

напиться, — то есть бутылками. Бары в буквальном смысле взорвали — к утру там там не осталось камня на камне, они представляли собой руины с мешками денег, политых слезами барменов.

Трудная вечеринка прошла почти полностью без контроля. Вова с его кооперативом охранных услуг в порядке эксперимента был послан к лешему, и в зале орудовали лишь василеостровскне менты. Андрей, Миша и Алексей наслаждались, наблюдая за тем, как пожилые прапорщики, когда надо, с оттяжечкой, взмахивали дубинами, охаживая ими заводил беспорядков и прочих любителей разборок. Насилие резины крепко, но эластично заменило насилие человека. Эффективность у ментов с дубинами была такая, что Вова со своими подручными и рядом не стоял.

Дворец сотрясался от культуры. Она была везде. Всюду. Куда ни плюнь. Друзья «Танцпола» и модники из материковой части города широко открывали глаза от удивления, постигая нравы василеостровских. Местные корифеи зажигали яростно. Самым популярным танцем был бой с тенью, при котором плохо координирующий свои прыжки танцор размахивал кулаками, вызывая у ближайшего окружения ответное желание потанцевать. Эффект местечковой танцульки усиливался еще тем, что по старой дискотечной традиции зверообразные юноши-подростки стояли вдоль стен, а девушки соблазнительно выплясывали, пробуждая у них мощное чувство соперничества и жажду обладания этой дешевой красотой.

Через два часа после начала вечеринки Миша выяснил и сообщил Андрею, почему пришло так много лохов. Оказалось, что в этом здании десятилетиями работала дискотека для рабочих с острова. Разузнав по своим каналам, что такого-то числа состоится «дискотека с иностранным диск-жокеем», завсегдатаи не пожалели денег и оказались в гуще событий. Иногда шум, производимый этими странными танцорами, перекрывал грохот аппаратуры. С надрывным треском ломались пластмассовые стулья, и подвыпившие гопники, распушив хвосты, картинно разбирались из-за имевшихся в наличии маленьких уродок.

С трудом защитив Яниса и Грува от натиска восторженных слушателей, вечеринку удалось бескровно довести до финала. В шесть утра менты получили по сто премиальных рублей и замахали табельными шлангами. Васнлеостровцы знати их умение убеждать и, не раздумывая, кинулись врассыпную. В первый раз за эту ночь Андрей улыбнулся.

Ослепленные в начале и прозревшие в конце, друзья сделали вывод относительно новых мест: невозможно пытаться веселиться в депрессивных местах и, что еще важнее, нельзя пересекаться с

танцующими контингентами районных масштабов.

Янис уехал. Со всеми, включая отодвинутого отдел Вову, расплатились и стати отдыхать, дожидаясь следующей субботы в собственном клубе.

В среду вечером в дверь квартиры на Фонтанке кто-то постучат. Миша отправился открывать, и спустя минуту из прихожей послышались страшные крики. Ураганом в гостиную ворвались несколько человек. Сидевший за столом Алексей и отдыхавший на диване Андрей от удивления неожиданности потеряли дар речи.

— Сидеть! — громко и злобно закричал один из ворвавшихся, наваливаясь руками на плечи Алексея.

Рваным шагом в комнату вошел подталкиваемый сзади Миша Толкал его в спину старый знакомый, Вова. Лицо его было серое от злости, он сжимал кулаки и, усаживая Мишу в кресло, прошипел матерно:

— Сиди, сука, бля!

Один из его подручных, бегая глазами по помещению, спросил:

— Чего делать-то с ними будем?

— Послушайте! — воскликнул Миша, пытаясь встать. — Что происходит? Вова, зачем?..

— Заткнись! — громко крикнул стоявший рядом бандит.

Вова кивнул ему, тот достал из-под спортивной куртки металлическую монтировку и со всего маха ударил ею Мишу по руке. Миша закричал от боли и схватился за разбитую руку. Алексей попытался вскочить, но на него навалились двое стоявших за спиной.

— Не дергайся!

Миша корчился в кресле от боли, а завладевший полным контролем над ситуацией Вова стал прохаживаться по комнате и злобно кричать:

— Вы, овцы, совсем охренели! Вы чё? С вами по-хорошему, а вы наглеете. Какой договор был? Двадцатка! А вы чё? Сколько дали? Вы — овцы, ваше дело лаве зарабатывать. Где деньги?

Андрей осознал, что наступила страшная минута. Он весь съежился и не мог пошевелиться. На них напали настоящие бандиты. Первый раз в своей жизни он видел людей жестоких и беспощадных, пришедших для того, чтобы поработить, унизить и причинить страдания. Вместе с их бывшим охранником Вовой бандитов было шестеро. Это были парни довольно обычной наружности, глупо и безвкусно одетые в полуспортивный стиль. Пока Вова, распаляясь, кричал, некоторые из налетчиков

расползлись по квартире и стали рыскать по комнатам.

С ненавистью глядя на бандита, Алексей сказал:

— Как договаривались, так и расплатились. Нам ваших денег не надо!

— Слышь ты, Леша! Я же тебе говорю, — теперь это все наши деньги. Вы — овцы, ваше дело пахать, а лаве будем мы заниматься. Я тебя спрашиваю, где деньги с прошлой субботы?

— Мы тебе отдали вашу часть.

— Сейчас все отдашь!…

— Слышь! Мы нашли! — крикнул из глубины квартиры какой-то мерзавец, помахивая коробкой из-под папирос «Три богатыря».

— Скока там? — алчно оживился Вова, срываясь к коробке с деньгами.

— Ну тут, пажди! Скока тут — около штуки!

— Слышь, а где остальное? А-а!? Слышь, где лаве? Алексей прищурил глаза и пояснил судьбу остальных денег:

— Ты, наверное, думаешь, что все бесплатно: место, техника, реклама, люди? З а все надо платить. Мы зарабатываем примерно столько же, сколько и вы. Только мы работаем, а вы нет…

— А мы чё не работаем? — помахивая железкой, заржал тот, который ударил Мишу.

Вова переложил деньги в карман, подошел к Алексею и торопливо сказал:

— Ладно. Слышь, давайте, че-нибудь там решайте, короче. Ну это, давайте. Техника, звук, ну там все крутите, давайте, давайте!.. Работайте! И все будете целы. Попробуете опять нас кинуть, овцы, — я вам не завидую. Двое бандитов заржали в голос.

— Пошли! — проорал Вова своим шнырявшим по квартире подельникам.

Потеряв интерес к происходящему, бандиты стали выходить из помещения, обсуждая с гадким смехом увиденные в клубе картины и фотографии.

Когда они с грохотом захлопнули двери, Миша, державшийся до этого момента, издал стон. Друзья помогли ему снять джинсовую куртку и все вместе стали рассматривать увечье. Темно-синий кровоподтек от удара раздувался на руке ужасной опухолью. Кости, судя по шевелящимся пальцам, были целы, но ушиб был очень сильный. По совету Андрея, работавшего в школьные годы санитаром, Миша просидел полчаса, держа поврежденную руку под струей холодной воды. Эта процедура немного помогла — боль стала не такой мучительной и немного уменьшился отек.

Стали совещаться, что делать дальше. И не только с рукой, а вообще со сложившейся ситуацией. Настроение у молодых людей было самое гадостное и подавленное: в своем доме они подверглись нападению, ограблению и избиению. Мерзкое чувство измаранности в грязи усиливалось еще и тем, что, как скоро выяснилось, бандиты, прибывшие с акцией устрашения, на самом деле просто ограбили квартиру. Из Катиной комнаты (к счастью, ее не было дома) были украдены духи, дорогой фотоаппарат, серебряные кольца и все деньги, заработанные на вечеринке. Все было перерыто, и на незастеленной кровати отпечатались следы грязных ботинок.

— Вот уроды! — сокрушался Миша, получая от Андрея все новые и новые перечисления украденных вещей.

— Ну я еще понимаю фотоаппарат, но открытый флакон одеколона — ото вообще! — бесновался от отвращения Алексей.

— Ну и охранника пассанул нам Витя! — горестно констатировал Андреи, сметая стекла от разбитой фотографии.

— Да Витя-то что? Он помочь хотел, кто же знал, что так получится.

— Что будем делать? — спросил Миша. Он прислонил пылающую огнем руку к холодной бронзе настольной лампы. — Надо что-то решать.

Алексеи и Андрей нервно закурили. Несколько минут никто не произнес ни слова, каждый по-своему переживал и обдумывал крутой поворот событий.

— Пошли они на хер, — подытожил своп размышления Алексей. — Жили мы без этих денег и дальше проживем. Все из-за этих планетариев, будь они неладны. Деньги, бандиты, избитые друзья. Не помню, говорил я вам или нет, но это уже потом выяснилось: Андрею Медведеву на ВсстБаме чуть спину не сломали. Он пришел на вечеринку в костюме пионера, и его так избили, что он теперь ходит в корсете. Это наш друг пришел на нашу вечеринку! Какому-то человеку там же ухо отрезали. Бред. Мы споткнулись об веревочку, которую сами и натянули. Теперь еще этот Вова- выродок.

— Может, нам плюнуть на гигантоманию и не заниматься такими вещами, после которых приходят люди с палками? — предложил Андрей.

Алексей посмотрел на распухшую Мишину руку и с ожесточением воткнул окурок в пепельницу. Он встал, направился в танцпол, обошел квартиру кругом, вернулся.

— У нас есть свой клуб. Так?

— Нуда, — согласился Миша.

— Все наши друзья любят бывать здесь. Так?

— Верно.

— Здесь нет коммерции, и, следственно, не может быть бандитов. Так давайте заниматься своим клубом, и все. Просто не будем ничего делать в таких масштабах, чтобы контактировать с рэкетом.

Наступившая суббота пришлась на первые числа сентября. Кончилось это странное лето, полное душных асфальтовых испарений. Дожди лили не останавливаясь. Солнце практически не появлялось, прячась в серой мгле небес. Иногда под вечер редким лучом оно расцвечивало видимый из квартиры Троицкий собор, освещало звезды на его ультрамариновом куполе и снова пропадало. Осеннее настроение пришло в город, погрузив его жителей в рутинную ежегодную меланхолию.

За несколько дней, прошедших с момента нападения рэкетиров, весть об этом успела распространиться среди узкого круга друзей и еще больше сплотила его участников. Но жизнь не стоит на месте. Оправившиеся от потрясения и тягостных сомнений молодые люди убрали квартиру и, обзвонив друзей, ждали начала вечеринки. Было решено тщательно оберегать клуб от незнакомых и сомнительных посетителей, с этой целью в двери установили глазок.

Накануне субботней вечеринки на Фонтанке появилась мама Алексея и Андрея, приехавшая в город на один день. Ее служебная командировка была связана с делами в Москве, и, быстро покончив с ними, она смогла вы браться в Ленинград, чтобы повидать сыновей и посмотреть, где он и живут. Родители Алексея и Андрея были специалистами, работавшими по контракту. Приехав на Фонтанку, мама не удержалась от слез, увидев своих повзрослевших и, как ей показалось, страшно исхудалых детей в заброшенной квартире при отсутствии даже минимального комфорта. Она увела всю компанию в ресторан и за обедом долго расспрашивала, пытаясь понять, чем они занимаются и почему считают подобную жизнь привлекательной. Выяснилось, что работа родителей скоро заканчивается, и мама поручила сыновьям найти место для строительства загородного дома под Ленинградом. Оставив обнищавшим детям денег, она уехала, полная тревог за их судьбу и будущность. Алексею и Андрею было сложно объяснить маме суть собственных занятий, спартанский быт и выработанный уклад жизни. Трудно было сказать, что они только тем и заняты, что сами веселятся и создают ситуацию, в которой отдыхают их друзья. Кое-как успокоив и проводив мать, они вернулись в свой клуб прямо перед вечеринкой.

В полночь стали собираться гости. Миша с Андреем стояли на входе и открывали двери, только внимательно рассмотрев визитеров в глазок. К часу ночи в квартире уже стоял ровный гул голосов, играла музыка и было достаточно многолюдно. Алексей поставил к пульту Грува, а сам решительно направился к компании, в которой отдыхал Виктор Фролов. Друзья отошли в уголок, где и состоялся трудный разговор. Алиса, присутствовавшая при этом объяснении, от переживания и стыда заплакала и стала упрекать Виктора в бездумности. Они поругались, и страшно огорченный Виктор ушел. Некоторые из друзей, отчасти посвященные в невеселые детали произошедших событий, понимали, что «Танцпол» находится перед нелегким выбором: бросить все или продолжать заниматься этой интересной, но теперь также и опасной деятельностью. Что-либо советовать в этой ситуации было сложно. Никто и не советовал.

Из этих горестных раздумий и неопределенного настроения компанию, как обычно, вывел Длинный. Он пришел на вечеринку с Андреем Крисановым, только что приехавшим из Швейцарии. Длинный улыбался всем глумливой и многозначительной улыбкой, строил таинственные гримасы и собирал вокруг себя тесный круг ближайших друзей. В результате его подозрительной деятельности собралось человек десять, все набились в малюсенькой Катиной спальне и сгрудились вокруг Крисанова. Собравшиеся внимательно разглядывали странную фотографию, передавая ее из рук в руки. Странность ее заключалась в следующем: чтобы понять, что там изображено, нужно было сначала выслушать комментарии самого Крисанова. Андрей рассказал довольно интересные факты о психоделических опытах с грибами, носивших характер магических ритуалов у некоторых северных народов. Речь шла о практике употребления псилоцибиновых грибов и вызываемых ими галлюцинаторных состояниях. На фотографии была изображена кучка бледно-желтых грибов с заостренными шляпками и длинными тонкими ножками. Из рассказа Андрея выяснилось, что фотография сделана в Швейцарии, где на сырых лугах, в долинах предгорий, эти грибы были собраны его друзьями, большими поклонниками house-музыки. Как выяснилось, психоделические грибы свободно произрастали в некошеных полях с влажными кочками высокой травы.

— Мы с этой фотографией два дня по полям лазали, — рассказывал друзьям Длинный.

— Где это вы лазаете, здесь же не Швейцария, — со смехом заметил Алексей.

— Где-где. В Юкках, в Осиновой Роще. Марат, внимательно разглядывавший изображенные на фотографии грибы, спросил:

— И какой эффект?

— От чего? — переспросил Крисанов. — От ползаний по полям?

— Нет. От этих грибов.

— Я помногу не ел, штук по десять. Ну, все по нарастающей. Меняются цвета, свет приглушается, и ты видишь яркие картинки — ну, как мультики перед глазами. Иногда становится очень смешно, а иногда бывает и очень страшно. Мир куда-то проваливается, и вылезает такое…

— И вылезает такое!.. — передразнил его Длинный, вынимая из кармана бумажный пакет.

Он взял его кончиками пальцев, положил на кровать и стал осторожно разворачивать. В комнате воцарилась полная тишина, и казалось, будто никакой вечеринки нет и за стенкой не играет музыка. Длинный развернул газету, и заинтригованные зрители увидели горсть сыроватых грибов, плотно слепившихся своими длинными ножками в бледно-желтый клубок.

— Это что, они и есть? — спросил Гарик, морщась и приглядываясь к грибам.

— На, сравни! — предложил Крисанов, вытаскивая из кучки один гриб и укладывая его на фотографию.

Все уставились на получившуюся композицию. Грибы, изображенные на снимке, и гриб, влажной кожицей приклеившийся к глянцевой фотобумаге, были совершенно идентичны. Странной формы шляпка, чем-то напоминающая перевернутый винный фужер, тонкая ножка, превосходящая шляпку по длине в несколько раз, и цвет. Цвет у этих грибов был неоднородный. Шляпки у них были песочно-желтые, а ножки — фисташкового или оливкового цвета, и чем ближе к корню, тем темнее.

— Ну что? Начнем? — спросил Длинный. — Свежак грибочки! — Он стал ворошить слепившиеся грибы своими тонкими пальцами, отделяя их друг от друга. Он разложил их в ряд на мятой газете и тщательно пересчитал. — Так! Сорок восемь. А нас? Раз, два, три, четыре… девять. Ага! Выходит, по пятерочке на брата. Не бог весть что, но на первый раз пойдет. — Длинный сгреб пять грибов на ладонь, закинул в рот и стал жевать. — Угощайтесь, господа! — пригласил он друзей и добавил с набитым ртом: — По вкусу, конечно, гадость, но есть можно. Эх, сейчас чайку бы. Пойду на кухню, подсуечусь.

Компания оживилась, и все по очереди стали опасливо принюхиваться и жевать поганки. Андрей вместе со всеми

отправил доставшиеся ему грибы в рот и с тревогой начал их пережевывать. По вкусу они были никакие — сырость поля и запах грибницы, вот только противно было разгрызать зубами хрустящие ножки. Когда все было съедено и проглочено, Крисанов предложил:

— Давайте попьем чаю. Чай поможет. Горячая жидкость и сахар — то, что надо.

Компания стала выбираться из спаленки, а Андрей спросил у брата:

— Ты думаешь, это правда? Я не очень понял, что будет?

Алексей заулыбался и, выключая свет, шепнул:

— Андрюха, какая разница? Я сам не знаю, посмотрим. Пошли на кухню.

После распития несладкого чая компания грибоедов мало-помалу разбрелась по квартире и присоединилась к различным занятиям общества. Кто-то отправился танцевать, кто-то развалился на диване, а кто-то стал бесцельно слоняться по комнатам. История о волшебной силе грибов, повергающих шаманов в транс и заставляющих людей галлюцинировать, крепко засела у Андрея в голове.

В какой-то момент он даже пожалел, что так просто, на волне всеобщего интереса согласился съесть свои пять штук и стал заложником плавающих в желудке плохо пережеванных поганок.

Но время потихоньку шло, и ничего особенного не происходило. Он отправился на вход и, чтобы чем-то заняться, стал болтать с оказавшимися рядом друзьями. Разговор получился короткий и вскорости затух, друзья куда-то удалились. Андрей попытался разговориться с Мишей, но завернул такое длинное предложение, что, не доведя его до конца, забыл, с чего начал и от этого немало смутился. Миша хитро посматривал на него, и Андрею даже показалось, что он все знал — и не только про грибы, а про что-то еще, о чем Андрей и сам пока еще не догадывался.

«Но он не может ничего знать! Ведь он неотлучно стоял здесь, на входе! — успокаивал себя Андрей, посматривая на Мишу. — Почему же он так странно смотрит?»

Не желая встречаться с Мишей взглядами, Андрей уставился в сторону. Над дверным проемом висела гнутая неоновая трубка синего цвета. Эта линия завладела его вниманием, и он стал всматриваться в ее ярчайший свет. Сощурив глаза, Андрей увидел, как свет рассыпался искрами в ресницах, и вслед за этим глаза закрылись. Он продолжал видеть странный свет. В глубине глазного яблока неоновая трубка прожгла свою точную копию и

теперь пылала в сознании. Недолго думая, Андрей стал хлопать глазами, повторяя свой опыт, и, к своему изумлению, раз от раза в закрытых глазах синяя лента начинала распадаться на все большее количество цветов. Рядом с уже привычной синей образовалась малиновая и следом за ней кроваво-красная, а после — фиолетовая, желтая. Через какое-то время это необычное видение стало отчетливо различимо уже и с открытыми глазами. Он потер глаза, но это не помогло. Испугавшись видения, обнаружить существование которого в реальности не удавалось, Андрей отвернулся от светящейся трубки и попытался снова сфокусироваться на Мише.

Внезапно в ушах раздался громкий звон. Миша отпрянул от стены и ринулся открывать входную дверь. Справившись с замком, он шагнул в темноту, а из сияющего потока открытого дверного проема в квартиру стали заходить какие-то люди. Они наполнили прихожую шумом и разноголосицей, Андрея случайно коснулся чей-то локоть, с ним, безмолвствующим, кто-то поздоровался, он слышал, как произносят его имя, но не реагировал. Все происходящее не вызвало у него никаких эмоций и интереса, даже напротив — ему захотелось покинуть это место, чтобы узнать, что происходит в остальной части квартиры. Не соотнося свое новое, внезапно блеснувшее желание с появившимися в коридоре людьми, Андрей отвернулся от них и, задумчиво ведя указательным пальцем по стене, медленными шагами направился в танцпол.

Гудящий звук навалился на него так сильно, что стесненная им грудь задышала с усилием. Полумрак, окруживший Андрея, вплывал в помещение через пять огромных окон, до половины заполненных мечущимися силуэтами танцующих. Иногда темноту разрезал проблеск белого луча, но после этого мрак сгущался еще сильнее. В центральном, самом широком окне горела крохотная, но ослепительно яркая точка. Вокруг этой точки расходились удивительно красивые круги разноцветных отсветов, смутно прорисовывающих в пустоте очертания нависшего над лампочкой человека.

У Андрея возникла потребность немедленно узнать, кто был этот человек и откуда он взялся. Ступая вперед и не глядя себе под ноги, он ощутил огромную радость от того, что уже идет к этой светящейся точке, идет по тонкому стеклу и лишь чудом не проваливается в темную бездну под ногами. Плоскость, по которой он шел, сотрясалась и вибрировала, а он похолодевшим низом живота чувствовал страшную пустоту под этим непрозрачным стеклом. Эта щекочущая смесь радости, любопытства и страха тянула вперед, как веревка, но путь через

комнату казался просто бесконечным. Шаги давались с трудом. На него пахнуло жаром человеческих тел, все вокруг шевелилось, тряслось и прыгало, показалось даже, что пот заструился по коже, отекли пальцы рук. Рядом страшно загорелись чьи-то глаза В колонках раздался жуткий скрежет, и в недосягаемой дали заколыхались отсветы светящейся точки. Танцующие обиженно завыли, раздался свист. Музыка сломалась, и все остановились. Стало ясно, что этот жуткий скрежет возвещает о том, что стекло, на котором все скакали, не выдержало и начало лопаться, грозя провалиться и низвергнуть всех в пропасть. Поборов свой страх, Андрей опустил глаза и с ужасом увидел, что все так и есть: прямо от его ног расходились во все стороны прямоугольные трещины. Удивительно быстро трещины опутали все пространство темного стекла, и в наступившей тишине стало отчетливо слышно, как под ногами танцоров что-то скрипит.

Неожиданно музыка громыхнула снова, и все бешено запрыгали. Прямо на Андрея, сосредоточенно глядящего себе под ноги, налетел хохочущий Марат:

— Хорош паркет рассматривать! — закричал он ему на ухо. — Давай танцевать!!! Вау!!!!

Постигнув смысл сказанного, Андрей нагнулся и, опустив руку, дотронулся до шероховатого пола пальцем. Ноги, минуту назад приросшие к раскалывающемуся стеклу, ожили, он прошел несколько метров, отделявших его от загадочного человека. Полумрак внезапно расступился, и в глубине эркера перед ним предстал Алексей, задумчиво согнувшийся над вертушками. Рядом с Алексеем, странно улыбаясь и опустив руки по швам, стоял Женя Грув. Яркая точка, минуту назад поразившая воображение Андрея, оказалась малюсенькой лампочкой, подсвечивающей стол, все как-то стало вставать на свои места: комната, пол, пятна света. Но что-то странное было в выражении лица Алексея, оно стало каким-то анемичным, напоминающим гипсовую маску, чужим, далеким, постаревшим. Силясь понять причину столь внезапной перемены, Андрей стал медленно наклоняться к нему, чтобы приблизиться вплотную и заглянуть в глаза. Совершенно неожиданно Алексей громко рассмеялся сам себе, не видя перед собой ни Андрея, ни кого-либо еще. Гипсовая маска начала крошиться, разламываться и кусками отваливаться от лица. Алексей просветлел от этого смеха и отпустил пластинку, которую до тех пор удерживай. Вторая пластинка заиграла, разъезжаясь с первой по скорости, и стала бить по головам танцующих самым нелепым образом. Случившаяся звуковая каша опять вызвала досадующие стоны из зала, но ситуацию быстро спас Грув. Ловким движением он остановил

предыдущую пластинку, и тут псе услышали ту песню, которая гак поразила Алексея.

Это был «Kraftwerk», «Radioactivity». Распознаваемая сразу и безошибочно, эта песня заставила зал взреветь от радости. Одобрительный рев заставил Алексея разогнуться, он уронил наушники на стол, улыбнулся, шагнул в сторону и прыгнул в танцпол.

Никто и никогда до того момента не видел танцующего Алексея таким. Все, что ему пришлось пережить за последний час, вылилось в этот немыслимый танец. Прижавшись к стене, Андрей наблюдал за этим штормом, сотрясавшим танцпол; перед ним в резиновом гудении звука бесновалась масса людей, похожих на неживых существ. Он стоял и смотрел. Сил для того, чтобы выбраться обратно и снова пройти через танцпол, не было. Андрей не трогался с места и позвоночником ощущал продольную гипсовую тягу, украшавшую простенок между окнами. Откуда-то снизу по коже побежали мурашки, он встрепенулся и осознал, что стал жертвой собственной впечатлительности.

Не управляемая сознанием внутренняя дрожь поднималась от трясущихся ног. До этого момента она пугала, но теперь была даже приятна и в какой-то мере начала забавлять. Разглядев в толпе танцующих счастливых участников сегодняшнего эксперимента, Андрей с облегчением улыбнулся. Те, кто отведал грибную закуску Длинного, упоенно танцевали, размахивая руками и не видя ничего перед собой. Музыка носила их, как ветер носит лист. Больше всех веселился Марат. Он изобрел странный танец, который можно было бы назвать «Самолет». В своей горящей ультрафиолетовой рубашке он широко раскрывал руки, носился по танцполу и, сминая танцующих, громко хохотал.

Пугающего в происходящем больше ничего не было. Напротив, стало даже радостно. Андрей разглядывал смешные выкрутасы Марата и бешеные танцы брата и вдруг неожиданно сам для себя расхохотался. Грув настороженно покосился на него, но ничего не сказал и снова углубился в микс.

Забравшись в эркер и устроившись на подоконнике, Андрей просидел там последний час вечеринки, с интересом рассматривая мелкую рябь электрического света на ночной Фонтанке. Калейдоскоп настроений остановился на этой картинке и замер.

Темнота отступала, с каждой минутой дали темного неба светлели.

Мир снопа возвращался в привычные формы, и Андрей с удовлетворением понял, что его отпустило.

Книга осени очень быстро перелистывала свои страницы. Замелькали, как капли холодного дождя, который и день и ночь изливался с небес, унылые, похожие один на другой дни. Это размачивание города продолжалось до середины сентября. Но всему в этом мире, в том числе и непрерывному дождю, приходит конец. Погода улучшилась, серые шторм туч раздались в стороны, и над ржавыми крышами промокшего Петербурга появилось негреющее солнце. Наступил тот момент ранней осени, когда лето уступает свою власть над настроениями людей и, прощаясь с ними, дарит на память несколько погожих дней. Это напоминает трогательное выступление на бис перед сезонной сменой декораций, и благодарные горожане аплодируют стоя. Улицы наполняются прохожими, во всех скверах — детская возня и гуляния, но ничто уже не может остановить наступления осени. Желтеют листья и, осыпаясь на ветру, разносятся по всему городу.

Таким вот радостным сентябрьским днем Алексей отметил свое двадцатипятилетие. Для него этот день рождения был приятен и грустен одновременно. Ему казалось, что заканчивалась первая, самая важная часть жизни, а дальше все понесется с огромной скоростью навстречу неизбежной зрелости. Проснувшись поутру и получив нежные поздравления от брата и друзей, новорожденный загрустил и впал в меланхолическое настроение. На столе стоял подаренный Катей букет цветов и самый огромный торт в овальной коробке, который только отыскался в Метрополе.

Эта странная хандра продержалась какое-то время, а после сменилась приятными хлопотами, и состояние именинника заметно улучшилось. К вечеру два подоконника в гостиной заполнились подарками: букетиками, книгами, фотографиями, рукодельными открытками. Там же расположились несколько живописных работ, старинные пластинки, очки и множество других презентов.

От идеи устроить в этот день вечеринку Алексей отказался и спокойно провел его в приятном кругу друзей за беседами и вином.

На следующий день Катя уезжала в Германию. Прожив в Ленинграде несколько лет, она лишь иногда по делам своей диссертации ненадолго уезжала в Берлин, а вот сейчас отправлялась на родину на долгий срок, а может быть, и навсегда. Ее дружба с молодыми людьми, обитавшими в этой заброшенной квартире на Фонтанке, приняла такие очертания, что, обнявшись со всеми и усаживаясь в такси, она заплакала от грусти расставания.

Таковы уж были эти дни. Отъезд Кати не стал последним. Наследующий день Алексей собрат дорожную сумку и уехал на юг. Гарик и Яночка давно звали его к морю, и, утомленный городом и круговертью клуба он не стал раздумывать: надавал распоряжений брату и умчатся на вокзал. Вслед за ним стартовал Заяц и еще несколько общих знакомых. Началось массовое бегство на юг.

В разом опустевшей квартире остались Андрей и Миша. Оки договорились выждать неделю-другую без вечеринок и обзвонили всех знакомых с предупреждениями. «Танцпол» закрылся на осенние каникулы.

Радовался этому обстоятельству лишь Георгий. В огромном зале он рисовал большие холсты. Там же разместили масштабный автопортрет Георгия, выполненный на фоне безграничной перспективы моря и оранжевого неба в пустом зале эта картина смотрелась настолько впечатляюще, что люди, впервые увидевшие ее, робели и надолго замирали, всматриваясь в пронзительные глаза Георгия.

21

Андрей проснулся от шума и надрывного кошачьего крика во дворе. Так душераздирающе могут кричать только два обезумевших от страсти самца, схватившись в смертельном поединке за популярную кошку. Шерстяной клубок визжащей ненависти прыгал по грохочущей жести навеса и производил адский шум.

Растирая лицо руками, Андрей сел на диване и попытался собрать в одно целое осколки внезапно разбитого сна. Квартира безмолвствовала. Вот уже две недели, как уехал Алексей, а два дня назад, сославшись на семейные надобности, исчез и Миша. Андрей пребывал в полном одиночестве.

Как был, голышом, он побрел в сортир. Прослушав раскатистую песню низвергающейся из бачка воды, он занялся чисткой зубов, а после с сомнением потрогал свой подбородок. Из торчащего за трубой осколка зеркала на него глядело взъерошенное лицо с немного припухшими от сна глазами и черной щетинкой, но эти очевидные признаки мужественности его крайне раздосадовали, так как управляться с ними было практически нечем. Из всех валяющихся на подоконнике одноразовых бритв он выбрал одну, которая показалась ему самой свежей, и, намылив нижнюю часть лица, с отвращением стал ее шкрябать. Бритье с холодной водой и старым лезвием причинило столько страдания, что, кое-как управившись со

щетиной под носом, Андрей пожалел свой украшенный родинкой подбородок и выкинул бритву в открытую форточку.

«Усы — это отвратительно. Особенно на моей физиономии», — подумал он, разглядывая результаты гигиенической пытки.

Собрав постель в комок и приодевшись, Андрей прошлепал в каминный зал. Посреди зала стояла стремянка, на полу валялся молоток и несколько гнутых гвоздей, а на стене висела огромная картина. Она занимала практически всю площадь стены от пола до потолка, и Андрей молча уставился в ее перспективу.

Вчера вечером он был в гостях у «Инженеров искусств». Друзья-художники завладели огромной квартирой на Петроградской стороне и принимали его в этой новой безбрежной мастерской, полной картин и металлических скульптур. В числе прочих Андрею была показана одна картина, совершенно не похожая на те, что рисовали «Инженеры». Впрочем, она и не была нарисована. Это был огромный коллаж, склеенный из обрезков принтов. Как объяснил Инал, на фабрике, которая изготовляет копии известных полотен, «Инженеры» нашли огромное количество бракованных картин. Все они были напечатаны на тонком холсте и имели разнообразные изъяны в цветах. Там было множество сюжетов: пейзажи, натюрморты, портреты — практически все из тех, что украшают фойе дешевых гостиниц, больниц, школ и продаются в обычных канцелярских магазинах. Договорившись с фабрикой, они вывезли себе в мастерскую груду этих холстов, перерезали их ножницами и, потратив массу времени, склеили из получившихся фрагментов гигантский коллаж.

Многослойное изображение представляло собой даль, перегороженную аркадой с тремя полуциркульными арками. Даль была заполнена странными сюжетами совершенно разных эпох и стилей, смешанными с невероятной изощренностью и юмором. Здесь было все: всадники, мебель, дамы, дети, цветы, небеса, поля, фрукты, птицы — и вся эта немыслимая каша казалась перспективно устроенной и живой.

Андрей так долго рассматривал эту необычную картину, что совершенно неожиданно получил ее в подарок. Безмерно удивленный, он долго благодарил Инала, а после три часа шагал ночью домой с четырехметровым рулоном на плече.

Сейчас, при ярком дневном свете, Андрей о д е рал внимательно посмотрел на это странное произведение и ухмыльнулся — вернувшись поздно ночью, он в одиночку стал навешивать картину и едва не покалечился, падая со стремянки.

Из потаенного лежбища на свет божий выбрался кот Пицца. Отсутствие вечеринок, как санаторный режим, благотворно

подействовало на этого мрачного кота, он соскучился по людям и сейчас, желая подкрепиться, стал жалобно мурлыкать.

— Да я и сам хочу есть, — сообщил ему Андрей. — Сейчас что-нибудь придумаем.

Он накинул куртку, проверил наличие денег и устремился к выходу, намереваясь добраться до ближайшего гастронома. Захлопывая дверь, Андрей услышал в подъезде подозрительные раскаты начальственного голоса, а спустившись, столкнулся с тремя мужчинами. Двоих коммерсантов из офиса на первом этаже ему уже приходилось видеть ранее, а вот третий, в кожаном пальто и с надменной физиономией, был ему незнаком. Именно этот надменный, увидев спускающегося молодого человека, обратился с вопросом:

— Одну минуточку, можно вас?

— Да, — ответил Андрей, разглядывая густую растительность, выбивавшуюся из-под ворота неизвестного.

— Мне коллеги сказали, что это вы занимаете квартиру на третьем этаже?

Андрей остановился, сунул руки в карманы и насупился:

— И что?

— Ну, вот и я вас спрашиваю, что? — вопросом на вопрос ответил волосатый. Он сделал небольшую паузу и после этого пафосно сообщил: — Моя фирма оформляет документы на это здание. Можно сказать, что они уже готовы. В жилконторе про вас ничего не знают, техник тоже. Так что не знаю, что.

Понимая, что дальнейший разговор может только усугубить ситуацию, Андрей промолчал. Волосатый смерил его пренебрежительным взглядом и продолжил:

— Не знаю, чем вы там занимаетесь, но нам нужно будет с вами пообщаться.

— Давайте пообщаемся, — сонно согласился Андрей. — Только сейчас у нас все в отъезде. Приходите в конце октября, через месяц.

— Через месяц — так через месяц, — согласился крупный руководитель. — А все-таки чем вы там занимаетесь? Постоянно музыка играет. Ни вывески, ни документов?

— Культурное общество, клуб «Танцпол», — отрапортовал Андрей.

— О! Культурное! — с издевкой повторил волосатый. — Ну до встречи, до встречи!

— Всего хорошего, — безразлично ответил Андрей.

Он вышел из подъезда в смятении, и тут же его едва не сбила выезжавшая из двора машина. Отпрыгивая от дохнувшего жаром автомобиля, он оперся на пыльный капот и в испуге выругался.

Водитель резанул его сигналом, затормозил, дверь машины открылась, и оттуда выбрался Марат:

— Напугал меня! — в сердцах закричат Андрей.

— Ха-ха-ха-ха!!! — затился радостным смехом Марат. — Куда идешь?

— В магазин, кормить кота.

— Да брось ты своего кота, поехали с нами за город.

— Куда это?

— Прокатимся. Я договорился с Олегом Назаровым. Помнишь такого?

— Куда же вы собираетесь ехать по такой сырости?

— За грибами.

— За грибами? За какими? За этими глючными поганками?

— Ну да, за ними. Длинный показал мне место в Юкках, они там возле дороги растут плантациями.

Пытаясь вообразить себе плантации зеленоватых поганок, Андрей всмотрелся в лицо приятеля — постоянно улыбаясь, Марат немного выпячивал нижнюю губу.

— Ну, не хочешь в поля, поехали просто заедем к Олегу, — не унимался Марат.

Долго уговаривать Андрея не пришлось, и уже через пять минут они мчались по набережной Фонтанки. Марат вел машину сосредоточенно, но легко, следил за рывками потока и успевал посматривать в зеркала. Пока он лавировал в тесноте улиц и пробирался к центру города, Андрей готовился к встрече — бывать на Свечном ему еще не доводилось. Он вспомнил, как выглядит Олег, — долговязый парень с интенсивными движениями, с виду очень добрый, но странноватый. Припомнилась и его немецкая девушка, виденная в Планетарии, — эмансипированная, хохочущая, с уязвляющим взглядом, полным насмешливого превосходства

Марат лихо развернулся на Владимирской площади, заскочил в переулочек и стал распугивать сигналом вялых бродяг с котомками.

— Приехати. Во-он их окна! — сообщил Марат, указывая на ряд пыльных окон.

Повинуясь этому жесту, Андрей поднял голову и посмотрел на дом. Довольно загаженный и обветшалый, он с потерями дожил до нынешнего времени, но все еще сохранял остатки того величественного замысла, который вложил в него архитектор. Друзья зашли в парадную и стали подниматься по широкой лестнице. Марат, который обычно ходил очень быстро, взлетел на нужный этаж и энергично застучал кулаком в дверь. Загремели запоры, и в проеме предстал Олег Назаров. Он был небрит, в

полинявших джинсах и свитере с вытянутыми рукавами. Где-то в дальних комнатах играла музыка, и повсюду стоял тонкий аромат индийских благовоний.

— Проходите, — пригласил художник, открывая дверь в просторную комнату, залитую электрическим светом. Друзья расселись и принялись разглядывать детали обстановки.

— Работаешь? — деловито осведомился Марат, осматривая разбросанные по полу кисти и краски и полную окурков пепельницу.

— Ночью работал. Аннета уехала в Гамбург, Денис у родителей, а Штейн в Москве. Как стемнело, выгнал всех гостей и рисовал до утра.

Он указал на огромный холст, в центре которого были изображены гигантские солнцезащитные очки популярной среди молодежи формы. Очки висели в пустоте, а дном этой пустоты являлась кричащая яркими красками мозаика. Пока Андрей с Маратом обозревали циклопические очки, Олег оделся и стал выключать лампы и светильники. Комната погрузилась в полумрак, льющийся с улицы через немытые окна

— Общее внимание! — протрубил Назаров, помахивая бутылкой коньяка.

— О-о! — потешно пропел Марат. — Ну, я-то за рулем, а вам, думаю, будет в самый раз.

В машине Марат с Олегом оживленно разговаривали и хохотали, вспоминая проделки знакомых и какие-то истории из студенческой жизни. В какой-то момент разговор закрутился вокруг вечеринок и стал приближаться к цели поездки. Из их разговора Андрей понял, что Олег еще не изведал волшебной силы магических грибов. Он обстоятельно расспрашивал Марата о впечатлениях, а тот, срываясь на смех, как мог, живописал пережитое.

— Тебе понравится! — уверял Марат. — Нас в первый раз угостил Длинный. Танцевали до утра. Я никогда так не смеялся. Видел очень смешные мультики, цвета менялись — супер!

Олег откупорил бутылку и, отхлебнув порядочный глоток, спокойно признался товарищам:

— У меня после падения головой на пол в Планетарии и так все время цвета меняются.

Марат сжал губы, искоса взглянув на своего друга.

— Да уж. Хорошо, что так все закончилось, могло быть и хуже.

— Д а Ты себе не представляешь, — оживившись, стал рассказывать Олег, — началось все еще на Свечном. Мы съели эсид и стали наряжаться. Я понял, что мне не нравится мой

наряд, и очень расстроился. Потом пришла одна мысль — я сломал дверь в закрытой комнате, где хранилось барахло единственного жильца нашей квартиры, вломился туда и нашел там шкаф с кучей старинных костюмов. Вырядился в один из них, и мы помчались в Планетарий. Уже было такое состояние, что, когда ехали в такси, Денису казалось, будто бы под ним пол проваливается. Искры в глазах, вечеринка, друзья, ВестБам, море знакомых, просто класс… И вот… Мы танцуем в центре зала, и вдруг Аннету хватает какой-то бык… Я бью его, кто-то бьет меня, Аннету тащат в сторону, я падаю, встаю, меня опять сбивают… Потом эти уроды куда-то делись, а я весь в крови шел с Аннетой и Денисом пешком домой, ни одна машина не останавливалась, а после замороженную курицу себе на лицо одеват — отеки снимал.

От смущения Андрей хлебнул коньяку и, закашлявшись, стал объяснять:

— Мы сделали все, что могли, но наша охрана сама передралась…

Олег улыбнулся.

— Да брось ты! Вы тут совершенно ни при чем. Вспомни, что происходило. Слава богу, что ВестБаму не накостыляли. К этому все шло.

— Это точно.

Марат привез Андрея обратно на Фонтанку, друзья тепло попрощались и расстались.

Первый, кого увидел Андрей, вернувшись домой, был кот Пицца, сидевший с кислой мордой в коридоре. При его появлении кот не пошевелил даже хвостом, точно знал, что пришедший — предатель и обманщик.

— Пицца, как я мог забыть! — с искренним сожалением воскликнул Андрей.

Зная цену этим словам, кот не удостоил его ответом. Андрей прошел в гостиную и замер — в центре комнаты на кресле лежала незнакомая дорожная сумка.

— Р-руки в-верх!!! — необычайно громко закричал кто-то за спиной.

От неожиданности Андрей дернулся всем телом и присел. В комнате раздался знакомый с детства смех, всегда сопровождавший самые удачные шуточки брата.

— Здорово, Андрюха! — хлопая его по плечу, сказал Алексей. — Как ты тут? Живой? Счастливый от неожиданного приезда брата Андрей растерялся.

— Ты-то как? Как Крым?

Довольный, коричневый от загара Алексей уселся в кресло и стал рассказывать:

— Все супер! Отличная компания: Гарик, Яночка, Заяц, девушки и еще несколько человек из Москвы. Были в Гурзуфе. Но в принципе все побережье изъездили. Красота, море, фрукты. Уезжать не хотелось. А вы тут чего? Все тихо?

— Да. Мы с Мишей решили взять тайм-аут и закрыли клуб на время. Грув только иногда приходит потренироваться — и все.

— Ну и правильно. Сейчас с новыми силами займемся. Знаешь, после месячного отсутствия я сейчас прошелся по клубу и понял, что нужно изменить. Все устарело, хочется перемен. Как думаешь?

Андрей поглядел на воодушевленное лицо брата и одобрительно покачал головой.

— Пора бы…

С возвращением Алексея из Крыма события на Фонтанке оживились и стали входить в привычное русло. Возобновляя субботние вечеринки в клубе, провели модернизацию квартиры, устроили мелкий ремонт и всяческие улучшения. Починили отклеившийся от щитов паркет, обмели потолочную пыль, перетянули холстом старые диваны, подсветили гостиную и вообще освежили пространство. По случаю за малые деньги была куплена дверь от входа в метрополитен. Этот трехметровый лист каленого стекла с неимоверными трудами втащили в квартиру и превратили в стол для диджея.

«Инженеры искусств» подарили клубу рулон зеркальной пленки, и этой пленкой тщательно заклеили все стекла. Семь выходящих на Фонтанку окон ослепительно сияли на солнце, и помимо декоративной функции выполняли еще и защитную, скрывая от посторонних глаз происходящее в клубе.

В начале октября произошла первая после трех недельного перерыва вечеринка. Аккуратно распространяемая информация достигла только нужных кругов, и на Фонтанку пожаловали старые друзья, успевшие изрядно с о скучиться по ночным танцам.

Снова набирая массу посетителей, клуб расширялся, и очень скоро слухи о закрытых вечеринках на Фонтанке опять стали привлекать всеобщее внимание. Помня угрозы злокозненного Вовы, «Танцпол» не расслаблялся и все время был на чеку. Но к счастью, происходящее в стенах частной квартиры, где не было сбора денег, нисколько не заботило злодея, он видел в этом мало проку, а больших скотобоен в Планетарии больше не проводилось

и пока не предвиделось. Однажды он даже позвонил, участливым голосом справился о делах, посетовал на то, что его вынудили давить на неформалов. В целом разговор закончился ничем: сославшись на личную занятость, Алексей проинформнроват злодея, что мегавечеринки пока не предвидятся, а все дальнейшее покрыто густым туманом неизвестности. Поныв и пожаловавшись на безденежье, Вова выразил надежду, что все наладится, и прощаясь, даже воздержался от хамства.

На этом диалог с бандитами пока закончился. В изменившейся манере вести переговоры у этого человека чувствовалась чья-то программная воля. Как в скорости выяснилось, Виктор, сжигаемый стыдом за свое участие в этой мерзкой истории, задействовал все возможности и, как мог, объя снил браткам, что бизнеса больше не будет. Виктор и Алиса снова стали бывать на Фонтанке, ситуация сгладилась и вскоре забылась.

Помимо всяческих переустройств и обновлений, в команде — «Танцпола» произошли и кадровые укрупнения. Андрей вызвал и з небытия своего однокашника по Горному институту, некоего Олега Ишутова. Потерянный во времени и пространстве, этот молодой человек совершенно не знал, чем занять себя в жизни. Любительские опыты с фотографией, которым он предавался в последние годы, не дали ему ни удовлетворения, ни денег, и, не найдя себе лучшего применения, он приобщился к делам клуба Олег курировал все технические вопросы, сидел с паяльником, чинил технику и помогал Мише закупать напитки.

Объявился и стал вхож в клуб новый диджей, Семен Матик. Никто не знал, откуда он взялся и почему так себя обозвал. Это был своеобразный, безобидный и довольно забавный малый. Невысокого роста, с круглым лицом, он всегда улыбался, посматривая на мир из-под козырька бейсбольной кепки. Как и Грув, он не пил, не курил, отличался молчаливостью и не заводил ни с кем партийных знакомств. Говаривали даже (безотносительно к алкоголю), что Матик вообще не пьет никакой жидкости, что якобы ему это мама не позволяет, или что он инопланетянин, и еще бог знает что в том же фантастическом духе. Клубных сплетников потешали эти побасенки, и на этой волне Семен легко интегрировался в сложный и малопонятный для него мир. В известной мере, ему помогло то, что он очень любил электронную музыку и к тому ж е был аккуратен и благовоспитан. Поразительно быстро он поднаторел в технике игры и вскорости стал поигрывать на вечеринках под началом Грува.

Алексей снисходительно относился к своим ученикам, помогал им подбирать материал, снабжал пластинками и позволял целыми днями тренироваться в клубе.

Грув тоже не топтался на месте. Он прекрасно адаптировался к своему новому амплуа диджея, возрос в технике и стал достаточно популярен среди завсегдатаев клуба. Он выработал собственную манеру игры, основанную на безупречной точности бита, мощном скретче и ряде других, иногда слегка театрализованных приемах. Средства, присылаемые мамой, позволяли ему покупать новые пластинки, и, собирая коллекцию house-музыки, он возносился в мечтах к тому дню, когда сможет купить свой собственный комплект «Technics-1200».

В начале ноября пришла зима. Из темных туч просыпался неожиданно ранний снег, над рекой закрутило мириады колких льдинок, завьюжило по сухим тротуарам и как-то сразу стало страшно холодно. Это была вторая зима, которую молодые люди проводили в этой заброшенной квартире, но так уж сложилось, что из десяти радиаторов отопления на этот раз заработали только три. Загадочные ли воздушные пробки, украденные на чердаке бронзовые краны, или попросту ветхость вековых труб служили тому причиной? Ясности было не добиться. По причине этого бедствия стынущий дом начал накапливать холод и постепенно погружался в ледниковый период. Холодный ветерок свободно гулял по залу, и через незаклеенные окна квартира наполнялась настоящей стужей. «Танцпол» простудился в полном составе, ослаб, изнемог, и решение вызрело само собой. Во дворе появились люди в грязных телогрейках. Эти мужики приволокли изъеденные ржавчиной трубы и прикатили тележку с газовыми баллонами. Они долго матерились в подвале, после на чердаке, стучали по трубам, рычали и рвали старые коммуникации. Сумма, предложенная Алексеем за обогрев клуба, настолько потрясла видавших виды отцов, что, забыв служебный долг, они плюнули на разнарядку и три дня налаживали новую трубу, задействовав при этом все украденные в жилконторе ресурсы.

К намеченному сроку старые батареи начали потрескивать, в них забулькала горячая вода, они наполнились теплом и стали настолько приятными, что дикий кот Пицца уселся на одну из них и первый раз в жизни заурчат от удовольствия.

Эти глобальные работы в доме привлекли к квартире массу внимания. Результатом стало то, что в один прекрасный день кооператоры с первого этажа заявились для знакомства с «культурным обществом». Андрей заранее посвятил брата и Мишу в суть состоявшейся в сентябре неприятной беседы, и потому их

появление ни для кого не стало неожиданностью.

Холеный директор, тот самый, которого Андрей в своих рассказах обозначал как «волосатого», прибыл в обществе двух подельников и был встречен в прихожей б е з радости и особой участливости. От решительного предпринимателя не ускользнула прохладность приема но он не стушевался и, совершив официальную церемонию представления собственной персоны, потребовал провести его в комнату для переговоров. Представителей бизнеса проводили в гостиную, где они, диковато оглядывая обстановку, расселись кто где.

— Итак, — бодро начал волосатый.

Для придания себе большей уверенности в незнакомой обстановке он уцепился руками за подлокотники кресла и уложил ногу па ногу. Рассмотрев молодых людей, он не разобрался, кого из них следует считать руководителем, и потому продолжил свою мысль, обращаясь к Андрею:

— Мы уже беседовали о том, что вы незаконно занимаете эту квартиру, у вас нет документов, нет договора, ничего…

— А какие вам, собственно, нужны документы, и почему вы нас о них спрашиваете? — напряженным голосом перебил его загорелый здоровяк.

Начало разговора Алексею не поправилось, и вид этого самодовольного индюка с первой минуты стал его крайне раздражать, Испытывая глубокое отвращение к возрождающемуся движению кооператоров, Алексеи не мог избавиться от предубеждения ко всей этой братин и был уверен, что все промышляющие подобным образом — личности сомнительные, дрянь-людишки, торгаши, достойные презрительного невнимания и ничего более. И эта наглая скотина заявляется в созданный руками посвященных храм и, развалясь, начальствует, тянет свои грязные руки…

— Леша… Леша… — шепнул Андрей, беря его за локоть. — Спокойно.

Чувствуя, ч то молодые люди уж е начинают нервничать, директор, которого, к слову сказать, звали Дыба Юрий Павлович, внутренне поздравил себя с удачным началом и тут же сменил угол атаки:

— Я уже говорил вам, что мы приобретаем дом в собственность, и, как вы понимаете, нахождение здесь посторонних организаций, легально или нелегально, становится просто невозможным.

— А что у вас за организация, простите, я не расслышал? — корректно спросил его Миша, в глазах которого стояла глумливая издевка.

— Компания «Кринта» — с напыщенностью сообщил Дыба.

Внутренне он отметил сложную мимикрию Мишиного лица и про себя определил его как персонажа, могущего помешать развитию намеченного сценария.

— А чем вы занимаетесь? — не унимался Миша.

— Морепродукты с Дальнего Востока, — последовал ответ. — Вы так меня расспрашиваете… — Тут Дыба в первый раз улыбнулся — ему пришла на ум довольно приятная словесная фигура, позволяющая поскорее закончить препирательство С молодыми нахалами. Откашлявшись в кулак, он посмотрел на своих приунывших коллег и применил классический прием всех следователей: — В общем-то, это я вас должен расспрашивать, вам не кажется? — сказал он, обращаясь к Мише.

Ход был удачный, и ожидая реакции, Дыба уставился на скуластого издевщика и загорелого грубияна.

— Пожалуйста, — не препятствовал скуластый.

— Так вот, — продолжал Дыба, тщательно выбирая слова. — С чего мы, собственно, и начали. Квартира и ваша организация. Кто вы и почему тут находитесь?

Алексей, сидевший со скучающим лицом, незаметно пихнул под столом Андрея ногой.

— Мы являемся структурным подразделением Культурного общества «А — Я», — четко сообщил Андрей, — которое… Одну минуточку.

Он неожиданно поднялся со стула и ушел в маленькую спаленку. Вернулся он с пухленькой папкой документов и выложил их на стол перед оживившимися рыботорговцами.

Предоставив своим коллегам изучать бумага, Дыба весь обратился в слух. Школа комсомольских интриг, через районный отдел ВЛКСМ приведшая его к браконьерам Дальнего Востока, научила слушать не перебивая. Направляясь на третий этаж скандализировать этих странных молодых людей, он блефовал и находился в уязвимом положении: вожделенных бумаг на дом все

еще не было, а процедуры, связанные с их получением, с каждым новым шагом все больше напоминали непроходимое административное болото. Сейчас он пытался вести себя так, чтобы у Культурного общества даже не возникло желания усомниться в значимости его слов, и поэтому, приподняв брови, Дыба придал своему лицу удивленное выражение терпеливого внимания.

Настроившись на нужную волну, Андрей продолжил официальный доклад:

— Наша компания называется «Танцевальный клуб „Танцпол"». Мы организуем праздники, концерты, фестивали, вечеринки и другие мероприятия, связанные с отдыхом людей. Существуем с 1990 года, официальный статус с 1991 года Общество, которое нас зарегистрировало, занимается проблемами локальной городской культуры, а его участниками являются группы художников, театры и студии совершенно разных направлений.

— А каким направлением вы занимаетесь? — поинтересовался Дыба для того, чтобы иметь возможность поразмыслить над складывающейся ситуацией.

— Электронной танцевальной музыкой.

Один из мужчин, изучавший документы, обратился к своему шефу:

— Юрий Павлович, все так — Культурная организация, устав, протоколы, все на месте, но никаких арендных бумаг.

Дыба расцвел в победной улыбке и, проницательно глядя на Андрея, сказал:

— Вот мы и подбираемся к главному вопросу. Кто вы, теперь понятно, но почему вы находитесь именно здесь — совершенно не ясно.

Немного успокоившись и избавившись от первых негативных ощущений, Алексей жестом попросил брата помолчать и стал рассказывать:

— Год назад мы нашли этот дом. Это была заброшенная квартира, в которой жили бомжи и бродяги. Они жгли здесь костры и растаскивали то, что осталось от интерьера. Мы выгнали их отсюда и разместили здесь свой клуб. Целый год мы наводили здесь порядок и следили, чтобы дом не разрушался. Благодаря нам он не сгорел и не превратился в помойку. Не знаю, заметили вы или нет, только недавно мы за свой счет восстановили отопление в доме.

Дыба кивнул. Продолжая пытаться понять, кто же тут главный и на ком сконцентрировать свое умение пудрить мозги, он стал внимательно вглядываться в лицо говорившего с ним

парня.

— Эта квартира является нашим клубом. Здесь собираются музыканты, художники, журналисты, модельеры, критики, искусствоведы, и для них мы устраиваем свои вечеринки. Если год назад у нас не было денег, чтобы взять квартиру в аренду, то сейчас мы стали зарабатывать и потратим на это все свое время, но бумаги получим.

Этот поворот в рассказе загорелого Дыбе совсем не понравился.

«Лихие ребята», — подумал он.

Ему ничего не оставалось, как блефовать дальше. Он решил взлететь на восходящем потоке их энтузиазма и придать ситуации удобный для себя вид. Требовалась некая хитрость, и вскорости она отыскалась.

— Хорошо, — покровительственно молвил Дыба. — Мы сейчас с вами соседи. У вас еще есть время. Пока никто никому не мешает. Даже напротив, — при этих словах он поднял обе ладони вверх и придал лицу выражение глубокого удовлетворения, — вы работаете, сохраняете дом, отопление, и вообще. Это неплохо. — Спешно уходя от опасного рубежа, на котором озлобленные молодые люди могли начать огрызаться и требовать бумаги у него самого, он счел полезным попытаться расположить их к себе и снять напряжение. Старый и проверенный трюк всех аферистов и манипуляторов заключался в том, чтобы показать, что агрессии больше не будет, а будет спокойная и рассудительная заинтересованность. — Скажите, — спросил он, меняя тональность на доверительно-дружественную, — а правда сейчас на этом можно заработать?

— На чем? — чувствуя фальшь в его голосе, спросил Алексей.

— Ну вот на этом: культура, ну и вообще, молодежь, художники…

— На культуре заработать нельзя! — отрезал Алексей. — Но на культурных мероприятиях — можно.

При этом заявлении двое помощников Дыбы, тихо дремавших во время словесной дуэли шефа, слегка оживились и с интересом уставились на Алексея. Пытаясь поудачней закончить беседу, Дыба изобразил на своем лице просветление и вкрадчиво спросил:

— И много? В смысле: как скоро? Я коммерсант, и поймите правильно, мне просто интересно.

Уставший от его скользкой оборотистости, Алексей собрал все свое самообладание и сообщил точные цифры:

— Даете рубль — через сутки получаете два.

Настала очередь Дыбы изумляться. Втянувшись в этот

путаный разговор и потеряв его первичный накал, он был вынужден осмыслить услышанную информацию. В том, что сообщил ему загорелый, была какая-то несовместимость с привычной ему скоростью прироста денег. В то же время сообщено это было без обдумывания и уж явно без желания понравиться. Проанализировав момент, он решил, что наилучшим для него сейчас будет слегка пошутить, а после этого попытаться закончить непростое знакомство с Культурным обществом. Лучше всего было бы свистнуть участкового и выгнать этих странных типов из квартиры, а после устроить здесь склад, а еще лучше — офис. Но нахрапистая атака захлебнулась, типы оказались еще те, и теперь нужно было, не теряя лица, оставить за собой полноту действий в будущем, а сейчас удалиться. Изобразив на своем лице безмятежную улыбку, Дыба покачал головой и мечтательно произнес:

— Буду рад услышать от вас в дальнейшем такое предложение. Даешь рубль — получаешь два. Это интересно. Ну что же, молодые люди, для первого раза, я думаю, достаточно. Теперь мы с вами знакомы. Пока все оставим как есть. После Нового года, может быть, у нас будет больше информации, и мы сможем вернуться к дальнейшим беседам.

Загремели отодвигаемые кресла, и компании-антиподы, поднявшись на ноги, пожали друг другу руки. Миша проводил кооператоров и, закрыв за ними дверь, вернулся в гостиную.

— Это жулики какие-то! — сообщил друзьям Андрей. — Надо было гнать их в шею, но теперь уж е поздно.

— Ничего страшного, — предположил Алексей. — Они д умали взять нас на испуг, документы, дом, аренда Если они такие крутые, почему сами сидят в самой мертвой квартире? А в этом доме, между прочим, еще и жильцы есть. Во дворе несколько квартир, там люди живут. Думаю, нам нужно озаботиться какими-то бумагами.

— Это нереально.

— Почему?

— Мы утонем в этих нечистотах.

— Может, просто плюнем? — предложил Миша.

— Па что плюнем, на документы?

— Не-а. В буквальном смысле — на кооператоров.

Друзья рассмеялись, и Алексей добавил к сказанному:

— Есть два пути. Первый: послать их на все четыре стороны, не пускать больше в квартиру, не вести переговоров и, возможно, вскорости ждать ментов. Это самый простой и привычный нам способ решения подобных проблем. Но есть и второй. Он более сложный, я бы сказал, стратегический — включить их в наши

планы. Вы видели, какое лицо было у этого парня, когда я ему сказал, что наши проекты дают двести процентов прибыли?

— Думаешь, он поверил? — спросил Андрей, собирая бумаги в папку.

— Неважно, поверил или не поверил, их нужно привлечь на нашу сторону. Они дураки, это несомненно. Но с дураками нужно работать. Если они такие жадные до денег, то нужно высветлить горизонты, разрисовать перспективы, поддать радужных цветов и увлечь их в наши сети. Им очень нравятся деньги — а нам наш клуб. Конечно, клубом их не увлечь, но нужно придумать для них проект, на котором они смогут заработать. Нам нужно развиваться. Если с Планетарием нереальные трудности из-за бандитов, нужно придумывать что-то другое. Клуб есть клуб; он был, есть и должен быть, но мы же компания, занимающаяся развлечениями, и поэтому мы не можем стоять на месте.

— Согласен, — поддержал его Андрей. — События, которые мы раскрутили, идут по нарастающей. Год назад к нам приходило двадцать человек, полгода назад — сто, а сейчас — пятьсот. Это геометрическая прогрессия. Я вам как специалист по химии могу сказать: это реакция, пена уже вылезла из реторты и скоро растечется по столу, а потом и по всей комнате. Нам не отсидеться за этими стенами…

Алексей округлил глаза и, состроив ошеломленную гримасу, произнес:

— Эк ты кудревато хватил! Прогрессия, реакция — это «ту мач». Давайте проще выражаться. Есть проблема: кооператоры пытаются отжать дом, мы пытаемся сохранить клуб. Наш бизнес — развлечения, их — тухлая рыба. Нужно просто совместить эти два понятия.

Андрей и Миша, внимательно слушавшие его рассуждения, не выдержали и громко рассмеялись. Смех, сорвавшись с высоты возникшей трудности, покатился вниз и развалил по дороге нагороженные горы бредовых домыслов. Нахохотавшись досыта, Алексей закончил совещание:

— Не будем забывать, что мы сами создали всю ситуацию. Что нам эти люди? Достанут нас — найдем другое место, но пока это помещение принадлежит нам.

Через два дня разговор получил свое продолжение. Кооператоры больше не появлялись, но на субботней вечеринке Алексей рассказал тесной компании друзей подробности случившегося. Это был правильный шаг, тут же приведший к коллективному обдумыванию сложившегося положения и появлению массы суждений. Посвятив общество в суть проблемы, друзья получили единодушное мнение, граничащее с

требованием: «Лечь костьми, но клуб не сдавать». Это единодушие придало им сил и уверенности, но была еще одна половина большого вопроса: производство глобальных акций, сложности, связанные с раскачиванием клубной ситуации и движением «Танцпола» вперед.

В обсуждении этих планов приняли участие Тим Велью, Валера Алахов, Иван Салмаксов и Женя Бирман. Компания, как это обычно бывало, засела в гостиной и проговорила до десяти утра. Алексей рассказал друзьям, что «Танцпол» прекратил вечеринки в Планетарии по причине нарастающего бандитского террора и по этой же причине стал заложником безголовой охраны. Необходимость продвигать вперед танцевальную культуру в Ленинграде, да и вообще в стране, была очевидна. Но как это делать — вот в чем был вопрос.

Тим только разводил руками и обреченно вздыхал, когда пересказывал спои впечатления о состоявшихся в Планетарии вечеринках. Знакомый с бандитами исключительно по голливудским фильмам, он был глубоко потрясен, первый раз в жизни столкнувшись с таким морем насилия.

В отличие от него, Иван Салмаксов и Женя Бирман проявили к беседе настоящий интерес, и, когда Тим с Алаховым удалились, Бирман сообщил друзьям:

— Леша, мы с Ваней зарегистрировали собственную компанию. Собираемся заниматься шоу-бизнесом и вечеринками в частности.

При этом заявлении Андрей и Миша удивленно посмотрели на него, но ничего не сказали, а Алексей тонко усмехнулся и спросил:

— Что за компания?

— «Block Limited», — сообщил Женя, внимательно наблюдая за реакцией Алексея. — Я понимаю вашу иронию, — продолжил он. — Из того, чем мы с Ваней занимались, прыгнуть в вечеринки — это может показаться странным, но почему бы и нет?

— Это сейчас реальная перспектива! — воодушевленно воскликнул Иван.

— Мы хотим попробовать. И кстати сказать, по существу вопроса: мы только что вернулись из Москвы. Было несколько встреч на предмет поиска помещений, годных для проведения вечеринок. Завтра мы снова улетаем в Москву и, может быть, скоро найдем что-нибудь подходящее.

— Если здесь, в Питере, такие сложности с местом и быками, — добавил Иван, — давайте переносить свои интересы в Москву. Свет клином не сошелся на этом Планетарии.

Когда все разошлись, Андрей запер двери и вернулся в комнату. Алексей сидел в кресле, уложив вытянутые ноги на стол.

— Я что-то не совсем ясно понял, что он сказал, — обратился Андрей к брату. — Они организовали контору, которая будет заниматься вечеринками? Так они же, вроде, были коммерсанты — лес, фонды, икра, матрешки, иностранцы?

— Были, верно. А теперь видишь — шоу-бизнес, вечеринки.

— Ловко!

— А ты думал!

22

Прошло несколько дней, и в квартире раздался междугородный телефонный звонок.

Из Москвы звонил Бирман, и после разговора с ним Алексей сидел минуту в задумчивости.

— Чего хочет? — спросил Андрей.

— Как обычно: денег и славы. Он говорит, что они вышли на дирекцию ВДНХ и практически до говорились взять в аренду павильон «Космос». Возможная дата вечеринки — середина декабря. Завтра они прилетают в Питер и будут у нас вечером. Сколько это получается времени?

— Чуть больше месяца, — ответил Миша. — А что там, как это вообще выглядит?

— Не знаю. Бирман говорит, что это гигантское пространство со спутниками и ракетой перед входом.

— С ракетой, говоришь?

— С ракетой.

На следующий день ворвавшиеся в квартиру Женя и Иван вывалили лавину информации. Они привезли договор, составленный между «Block Limited» и ВДНХ на проведение в павильоне «Космос» музыкального праздника, и рассказали массу интересного. Выставка достижений на родного хозяйства, этакий город в городе, занимает гигантскую площадь, и сейчас, как все подобные монстры, из-за нехватки финансирования переживает не лучшие времена.

В связи с этими сложностями дирекция согласилась на предложение Бирмана сдать в аренду на сутки какой-нибудь из павильонов и, обдумав все как следует, предложила «Космос».

— Если мы найдем необходимые деньги, то все может состояться в середине декабря! — подведя черту под всем сказанным, возбужденно сообщил Женя. — Нужно примерно десять тысяч. Это будут практически все расходы, связанные с

площадкой, — я имею в виду аренду, охрану и прочее.

— Десять тысяч рублей? — спросил его Миша, отрываясь от листочков договора.

Женя иронично улыбнулся и четко произнес по слогам:

— Десять тысяч долларов США.

— Ну а постановка, техника, реклама, бары, охрана? — спросил Андрей. — Это еще будет стоить столько же. Двадцать тысяч? Сколько же нужно продать билетов, чтобы вернуть эти деньги?

— Сколько будет стоить техника, я не знаю, надо считать, — ответил Бирман. — У нас предложение к вам: давайте совместно займемся этим проектом. Нужно все очень быстро решать и еще быстрее делать. На все про все — месяц.

Посмотрев на Андрея и Мишу, Алексей ответил за всех:

— Это классная идея! Давайте займемся. Только как это будет выглядеть?

— Наше предложение — делить прибыль пятьдесят на пятьдесят, — сообщил Женя, испытующе глядя Алексею в глаза.

— Ну что же, и это интересно, — после некоторого раздумья ответил Алексей.

Иван Салмаксов, молчавший до этого, включился в беседу и стал рассказывать детали возможной организации труда:

— Мы с Женей займемся формальными вопросами: бумагами, договорами, поиском денег, а вы всем остальным — звук, свет, реклама, музыка. Что думаете?

— Логично, — улыбнувшись, согласился Алексей. — Вот только где взять такую прорву денег?

— Нам нужно срочно найти всего десятку. То, что необходимо платить сразу и до начала. Остальное можно будет оплатить после вечеринки, — сообщил собравшимся Женя. — А в отношении денег могу сказать вам следующее: Москва — это не Ленинград. Если здесь цены в Планетарий были десять долларов, то там они будут пятьдесят. А при таких ценах, чтобы окупиться, нам нужно продать всего пятьсот билетов. Это более чем реально.

— Нужно завтра первым рейсом лететь Москву, смотреть место и после этого окончательно решать, — заявил Салмаксов.

— Подождите, подождите! Вы уже летите в самолете. Ну а деньги-то где искать? — спросил Миша с улыбкой.

— Нужно думать.

Андрей, молчавший во время этого энергичного совещания, нагнулся к Алексею:

— Леша, послушай, а может быть, этим кооператорам с перпого этажа предложить? Ты же сам говорил, что этих дураков нужно задействовать.

— А они что — готовы вкладываться? Богатые? — взволнованно зачастил Бирман.

— Непонятно, — улыбаясь его оживлению, ответил Алексей. — Как они себя вели — так похоже, что у них наполеоновские планы. Почему нет? Можно с ними поговорить.

— Нужно со всеми разговаривать.

— Послушайте, — завладел всеобщим вниманием Женя, — если есть хоть малейший шанс получить у них деньги, его нужно использовать. Давайте завтра с ними встретимся. Я могу это взять на себя. Тут важен подход.

Подход, о котором было заявлено, оказался действительно волшебным рычагом. На следующее утро Бирман, Салмаксов. их партнер Кирилл Фролов и Алексей предстали перед служащими рыбного консорциума во всем блеске. Рядовые сотрудники оробели при виде такой делегации и сообщили, что директор Юрий Павлович заседает в головном офисе на Московском проспекте. Пиджаки и дорогие галстуки, в которые была облачена компания «Block Limited», а также ослепительная деловая улыбка Бирмана кратчайшим путем провели их к заветной цели, и уже через сорок минут переговоров шеф компании «Кринта» и команда его заместителей уразумели масштабы возможного обогащения и выгоды от параллельной рекламы в Москве.

Но неожиданно возникший перед ними проект был настолько необычен и трудно представим, что Дыба долго колебался и не мог прийти ни к какому решению. В офис компании в срочном порядке были доставлены видеоматериалы, отснятые «Пиратским телевидением». Дядечки в костюмах несколько раз пересмотрели репортажи о приездах в Ленинград Яниса и ВестБама, ознакомились с финансовыми результатами вечеринок, узнали численность гостей, цены в кассах и барах, расходы на организацию, объемы продажи полученной прибыли. Задав все интересующие его вопросы, Дыба подытожил:

— Быстро вы работаете. Мы встречались неделю назад и, честно говоря, тогда мне показалось, что вы пошутили.

— В каком смысле пошутили? — изобразив на лице деланное изумление, переспросил его Алексей.

— В том смысле, что «даешь рубль, а получаешь два», — с улыбкой напомнил Дыба понравившуюся ему фразу.

— Мы и не думали шутить, — веско заявил Алексей, придавая своему лицу выражение максимальной убедительности. — Это реально. Важно просто иметь вначале этот рубль. У нас, например, его сейчас нет, а у вас, очевидно, есть.

Сладкая лесть пролилась в нужное место, и директор фирмы,

борясь с самодовольной улыбкой, поспешил его заверить:

— Ну что вы! И у нас не все так легко, как может показаться на первый взгляд…

Женя, внимательно слушавший этот нежный диалог, решил, что пора брать директора за жабры. Вынув из специальной папочки несколько листков, он выложил их перед Дыбой и, сдвинув брови, решительно сказал:

— Рублем тут не обойтись! Вот примерная смета расходов по аренде места и производству, а дальше… — при этом Женя простер руку над столом и с энтузиазмом взглянул в окно, — дальше очень примерные, я бы сказал, самые пессимистичные прогнозы по прибыли.

Дыба упал лицом в документ, и когда оторвал от него умаслившиеся глаза, Бирман продолжил манипуляции:

— Как видите, мы может практически удвоить сумму расходов. Плюс, что немаловажно для вас, — не поддающаяся исчислению выгода от рекламы!

Дыба снова уставился в бумаги. Наконец, оторвавшись от документов, он передал их своему заместителю.

— Если я вас правильно понял, — испытующе глядя на Бирмана, спросил он, — вы предлагаете нам вложить в этот праздник около десяти тысяч и гарантированно извлечь не менее пятнадцати?

— Ну да.

— Это при самом скромном сценарии, если на праздник придет не более пятисот человек, — добавил Салмаксов. — Но для Москвы пятьсот человек — это ничто. Мы вкладываем примерно аналогичную сумму, так что условия у нас получаются партнерские.

— Мы можем закрепить это на бумаге, в виде договора, как угодно…

— Все ясно, — сообщил Дыба.

Вставая с кресла, он дал понять, что переговоры закончены, пожал представителям шоу-бизнеса руки и сказал на прощание:

— Будем думать. В общем — интересно.

Думали они недолго. Переговоры и консультации продолжились еще два дня, в течение которых представитель рыботорговцев успел слетать в Москву, и после возвращения с ВДНХ события стали разворачиваться с головокружительной быстротой. «Танцпол» составил совместный договор с «Block Limited», а те, в свою очередь, придумали какую-то форму соглашения с «Кринтой» на официальное партнерство, деление барышей и совместные расходы в предстоящем празднике

космического танца. Скелет проекта стал обрастать мясом прямо на глазах.

Через пять дней после первого визита в офис «Кринты» поздно вечером на Фонтанке объявился Дыба с заместителями. Они пробыли в клубе не более пятнадцати минут, но после их ухода на столе остались стопка подписанных документов с синими печатями и увесистый полиэтиленовый пакет с сотней тысяч рублей. Мешок выпотрошили, вокруг стола с кучей денег собрались все участники и некоторое время в полной тишине любовались этим зрелищем.

— Ну что? Как начнем действовать? — взвешивая в руке увесистый денежный брикет, спросил у собравшихся Алексеи. — Предлагаю всем высказываться. Я лично думаю, что необходимо действовать следующим способом. Женя, ты с Ваней и я отправляемся завтра в Москву и делимся там на группы. Вы закрываете все административные вопросы, а я смотрю павильон и готовлю постановку. Женя одобрительно кивнул:

— Необходимо найти офис в Москве, заплатить деньги, подписать бумаги, решить все по технике, ну и еще миллион всего разного.

Иван откинул длинные волосы назад и добавил:

— Нам нужно составить общий план действий. Потом определить людей, которые будут все решать, — и не просто решать, а решать быстро. План должен быть жестко привязан к календарю, и каждая позиция должна иметь свою стоимость. Иначе начнется такой бред, что мы ничего не успеем.

— Правильно! — поддержал его Женя. — У нас есть, вернее, будет определенный бюджет, который нам не стоит превышать, если мы хотим заработать. Нужно составить смету всех трат.

— Но ее можно составить, только оказавшись в Москве! — перебил его Алексей.

— Действительно, что толку рассуждать здесь о смете, если московские цены совершенно неизвестны! — поддержал его Андрей. — Может, поговорить о том, что нужно делать прямо сейчас и что не требует огромных расходов? О рекламе, например, о музыке. Кто играть будет?

— Послушайте! — обратился ко всем Миша. — Может, начнем с главного?

— Это с чего?

— Вечеринку нужно начинать с названия.

Предложение было правильным, и компания, перебивая друг друга, погрузилась в ожесточенные дебаты. Место проведения и космический антураж диктовали направление, в котором логичней всего было искать ключевое слово. Друзья припомнил»

все возможные формулировки, так или иначе связанные с космической тематикой: Космос, Старт, Орбита, Спутник, Галактика, Ракета, Звезда, НЛО, Полет, Пришельцы, Юпитер, Зодиак, Исписав названиями целый лист и так ни до чего и не договорившись, компания поделилась на группы, которым какие-то названия казались правильными, а какие-то — просто убогими. В конце этого бесплодного обсуждения Алексей обратился к Андрею:

— Ты же служил в армии на Байконуре. Есть там какие-нибудь классные названия? Вспомни!

— Ты знаешь, — ответил Андрей, — мы перебрали кучу названий, но самое знаменитое и известное всему миру имя так и не вспомнили. Это — Юрий Гагарин. Его знают абсолютно все.

— Согласен! — воскликнул Иван. — Только звучит странновато для вечеринки. «Юрий Гагарин».

— Может быть, просто «Gagarin»? — предложил Мнша.

— «Gagarin» — это уже лучше, — согласился Алексей. — Но все-таки, что — «Gagarin»? Ну, что это такое?

Иван поднял руку и завладел всеобщим вниманием.

— Мы что делаем? Вечеринку? Ну так и нужно включать в название само слово «вечеринка». По-русски это звучит как-то неуклюже, поэтому предлагаю писать название по-английски: «Party Gagarin».

— Может, стоить поменять эти слова местами? — предложил Алексей. — «Gagarin-party» звучит гораздо приятнее.

— Согласен!

— То, что надо!

— Тогда решили: «Gagarin-party».

На следующий же день после этого исторического совещания партнеры улетели в Москву и вернулись оттуда до отказа загруженные разнообразной информацией. Женя и Иван внесли часть денег и окончательно утвердили с дирекцией дату вечеринки. Алексей придумал схему использования павильона, составил список технических проблем и перечень всей необходимой техники. Павильон был настолько огромный, что для его озвучивания и освещения требовались горы оборудования.

Но было обстоятельство, которое не учли с самого начала: павильон не отапливался, а это означало, что в середине декабря температура на вечеринке могла быть близка к температуре на улице. Срочно требовалось какое-то решение, или нужно было отказываться от затеи в целом.

Проблема отопления такого необъятного пространства стала

непреодолимым препятствием. Вся сложность заключалась в циклопических размерах здания. «Гигантский» — это, по словам Алексея, не то слово, которым можно было описать его масштабы. Привычный трехэтажный Планетарий мог свободно, вместе с телескопом на крыше, уместиться внутри этого павильона, и не один раз. Несколько дней Алексей ломал голову, питаясь что-то придумать, обзванивал всевозможные предприятия и оборонные заводы. Решения не было.

Необычайно быстро новость о том, что «Танцпол» готовит огромную вечеринку в Москве, распространилась среди членов клуба и разошлась далеко за его пределами. Бодрящее своей новизной, а по сути, известное каждому, ее название зажило самостоятельной жизнью, вызывая улыбку у всех, кто его слышал. Клуб превратился в место ежедневного сбора десятков людей, пожелавших участвовать и помогать в таком невиданном проекте.

В первую очередь принялись за подготовку рекламы. По просьбе «Танцпола» Георгий Гурьянов, Денис Егельский и Андрей Медведев занялись рисованием плакатов. Их предполагалось распечатать тысячными тиражами, заклеить ими всю Москву. Марат взялся за создание эмблемы, которая должна была печататься на оригинальных футболках.

Тимур обратил общее внимание на то, что «Gagarin», будучи ленинградской культурной экспансией, должен представить москвичам максимально широкий срез современной культуры, и преложил помимо танцев, света, музыки, устроить еще и художественную акцию. Он подал идею организовать на вечеринке выставку и предложил для экспонирования собственные картины.

Помимо всего прочего, мероприятие решили снимать на видео, чтобы потом смонтировать короткометражный фильм. Миша Палтус занялся подбором киноматериалов в архивах «Главкосмоса», а Викентий Дав на «Русском видео» стал готовить рекламный ролик.

Через несколько дней мучительной неопределенности Алексей разыскал контору, которая называлась «Гипроавиапром». Осмотрев площадку и произведя вычисления, авиапромовцы предложили семьдесят обогревателей. Эти длинные, похожие на лампы дневного света приборы требовалось разместить линиями по периметру зала, где будут находиться люди, создав таким образом замкнутый тепловой контур. Как утверждали инженеры, семьдесят приборов решили бы все проблемы с холодом в «Космосе».

Женя и Иван обосновались в Москве. Устроив себе офис рядом с ВДНХ в номерах недорогой гостиницы, они практически утонули в работе. Организационные проблемы стали нарастать снежным комом, все увеличиваясь и увеличиваясь в объеме, но к первым числам декабря структура мероприятия была уже четко выстроена.

Арендовали всю технику, транспорт, монтажные леса, видеостену, обогреватели, передвижной гардероб, разборные бары, мебель, подиумы, заграждения. В результате непростых поисков нашлись партнеры, взявшие на себя организацию баров, договорились с милицейской охраной, проинформировали всех участников, пригласили прессу и разослали с курьерами сотни приглашений.

В Петербурге тоже шла интенсивная подготовка. «Танцпол» пригласил из Франции парижского диджея Иоакима Горо, а из Риги на вечеринку приезжали Янис, East Bam, Mr. Tape и McUncle U. Помимо диджеев, пригласили группы «Новые композиторы», «Not Found», «Л.Ю.К.И.», а также мало кому известных «Fantomasen» и «Scalp The Soul». Безусловно, играть собирался и сам Алексей, выдумавший себе по такому случаю сценическое имя New Culture.

Когда «Новые художники» закончили свои плакаты, они были срочно отданы в печать. Георгий Гурьянов нарисовал летчика в форменной куртке и кожаном шлеме, смело смотрящего в голубое небо, Денис Егельский собрал коллаж, изображавший фигуру Гагарина с ракетой на голове, а Андрей Медведев изобразил ночное небо с белыми горошинами звезд и летящую по этому небу веселую ракету.

По мере приближения дня вечеринки ажиотаж вокруг «Gagarin-party» принял в Петербурге космические масштабы. Количество людей, требовавших отправки в «Космос», перевалило за несколько сотен, и все они тщательно готовились к десанту. Стало ясно, что этой массе молодежи необходимо протянуть руку помощи. «Танцпол» объявил, что все, кто оплатит свой проезд в столицу, автоматически получат билеты на вечеринку, и с этой целью были забронированы пять купейных вагонов Петербург — Москва.

Благодаря всем этим обстоятельствам владельцы и сотрудники компании «Кринта», еще месяц назад спокойно торговавшей рыбой, оказались втянутыми в мощный водоворот плохо контролируемых событий. Поначалу коммерсанты чуть ли

не ежедневно наведывались на Фонтанку, пытались быть в курсе событий и рулить процессом, но по мере того как ситуация сформировалась, немного успокоились и стали появляться реже. К концу подготовительного марафона они отослали своих эмиссаров в Москву, а получив там исчерпывающую информацию, и вовсе замкнули свое внимание только на «Block Limited».

За два дня до вечеринки Алексей вернулся из Москвы и стал рассказывать новости. За последнее время он сильно похудал и осунулся, но глаза горели азартом. На стене в гостиной висели свежеотпечатанные плакаты. Посмотрев на них, Алексей улыбнулся, и сообщил:

— Смешная история. Ребята, которые везли их в Москву, наверное, сильно накурились и забыли утром в купе все плакаты Медведева. Они приехали в гостиницу, а когда обнаружилась пропажа, помчались на вокзал: бегали по сортировочной станции, но плакатов так и не нашли. Я вам скажу, кашу мы заварили серьезную. К нам аккредитовалось такое количество иностранной прессы, что, если хотя бы половина напишет о вечеринке, о ней узнают даже в Антарктиде. Снимать будут два наших телевизионных канала и один английский. Пригласили всех художников, модников, музыкантов — всего около пятисот ВИП-приглашений. В Москве большое оживление, но никто толком ничего не понимает.

— Леша, а технически как все выглядит сейчас?

— Сегодня уезжаем в Москву, так что завтра ты сам все увидишь. Но если в двух словах, то пока построили только бары. Выглядит это, конечно, странновато, внешне напоминает выставочные секции. Их обклеивают рекламной чепухой и глупыми надписями, но какая нам, собственно, разница. Эти бары выстроены в линию, а вдоль них — длинный коридор, пол которого заложили щитами. В конце этого длинного коридора, под куполом находится круглое пространство, которое и будет танцполом. Там стоит огромный спутник. По бокам поставим звук, а сзади выстроим леса для света и лазеров.

— На каком звуке остановились?

— «Outline». Двадцать киловатт. Я его слушал — без вопросов. Абсолютно новая серия. Белого цвета, выглядит просто убойно — с такими торчащими из колонок штуками. Внешне напоминает самолетные турбины. Звуковики обещают всех положить на пол.

— Это впечатляет. А что со светом?

— Мы берем восемь новых приборов. Управляются компьютером, меняют цвета, стробоскопируют и машут лучами во

все стороны. К тому же — горы заливочного света, дым, стробоскопы, пушки и три лазера. Кстати сказать, уже собрали все обогреватели. Кроме того, что стало тепло, это еще и очень красиво — ярко-красные линии, тянущиеся через весь павильон.

Начинался последний и самый суетный день перед отъездом в Москву. Дел накопилось такое множество, что, казалось, для их решения не хватит и недели. Целый день все носились по городу, собирали все, что необходимо было забрать, и встречались с разными людьми. К вечеру всем удалось собраться на Фонтанке. Вместе с ребятами из «Танцпола» в Москву ехали еще десять волонтеров, приглашенных работать на монтаже и во время вечеринки. После их отъезда в квартире должны были остаться лишь несколько человек, которым было поручено координировать отправку молодежи на поезде. Шумная компания, получив все инструкции и билеты, распалась на группы, чтобы самостоятельно добираться до Московского вокзала. Должен был ехать и Тимур с картинами. Пока поезд стоял на перроне, все нервно курили, высматривая его в толпе. За несколько минут до отправления он с довольной улыбкой появился на перроне, и компания с облегчением разошлась по вагонам. Уже очутившись в купе, Алексей уселся на полку и устало закрыл глаза. Тепловоз дернул, и поезд тронулся. Алексей улыбнулся, открыл глаза и обвел попутчиков повеселевшим взглядом:

— Поехали!

23

Андрей не понимал Москву, не чувствовал ее, не любил и никогда не воображат себя жителем этого раскинувшегося на десятки километров купеческого царства-государства. За всем, что виделось ему сейчас из окна машины, мчавшей их по московским улицам, он наблюдал, подавляя сонную утреннюю зевоту. На фоне неба цвета тающей ночи высились огромные дома, в этих тянущихся километрами громадинах горели окна, а за тысячами этих желтых квадратиков копошились десятки тысяч заспанных граждан. Эгоцентрично размышляя над значимостью своего появления в этом городе, Андрей брезгливо поморщился, представив смехотворную малость собственного присутствия в этом океане людей. Таких купе, как то, в котором он приехал сюда, в вагоне было десять, в составе было пятнадцать вагонов, на вокзале было пять поездов, а таких вокзалов тут только на одной площади оказалось три.

«Тут до нас никому нет дела», — мрачно подумал он, заранее настраиваясь на холодный прием, который окажет им Москва.

Но приглядевшись повнимательнее к замершей на светофоре улице, он улыбнулся и бодро сунул локтем в бок дремавшему рядом Мише. Дернув головой, Михаил очнулся и, потерев глаза, просипел:

— Ты чего? Приехали?

— Смотри, — сказал ему Андрей, указывая на длинный забор с красными лампочками, окружавший затянутое строительной сеткой здание.

Своей нижней частью забор утопал в придорожном сугробе, а выше, над отвалами грязного снега, был оклеен чем-то напоминающим гигантскую кинопленку. При внимательном рассмотрении эта кинопленка оказалась наклеенными в ряд плакатами Георгия Гурьянова — летчик со строгим лицом гордо смотрел в располосованное самолетами небо.

— Смотри! — в свою очередь толкнул Миша сидящего впереди Алексея.

— Подожди, — ответил ему Алексей. — Скоро еще не такое увидишь.

Выкрутившись из сложной дорожной петли, такси подкатило к небольшому сталинскому зданию и остановилось. Грязненькое, обсаженное перед входом традиционными елями, здание это оказалось третьеразрядной гостиницей «Колос». В фойе гостиницы стоял раскатистый гул — две группы, приехавшие с вокзала раньше, нервируя администратора, шумно требовали заселения.

После импровизированного завтрака появился нездорово бледный Бирман. Поздоровавшись со всеми, он озабоченно посетовал на миллион трудностей, приватно пошептался с Алексеем, томясь, выдал кое-какие деньги и сразу исчез.

Андрей, наблюдавший его унылую пантомиму, спросил у брата:

— Что-то случилось? Плоховато Женя выглядит.

Алексей улыбнулся и ответил:

— У них все время что-то случается, не обращай внимания. Собирай всех, поедем делами заниматься. У Бирмана предпусковая истерия.

Помощников с трудом выгнали на улицу, они выстроились в шеренгу по двое, похватали привезенные коробки и загрузились в автобус с надписью «Gagarin-party». Через два квартала автобус нырнул в охраняемые ворота и покатил по территории выставочного комплекса. Еще издали молодежь заметила реактивный самолет и высоченную сигару ракеты, торчащую посреди заснеженного парка. Ракета была настоящая, но и она терялась на фоне здания, высившегося куполом позади нее. Когда

все выгрузились на снег, Алексей хлопнул по спине задравшего голову Мишу и с улыбкой спросил:

— Впечатляет? — Не получив внятного ответа, он поздоровался с курившим на входе милиционером и открыл тяжелую дверь: — Welcome!

Все прошли внутрь, и свет солнечного утра померк — сооружение всей массой навалилось на маленьких человечков. Удивленно осматриваясь, они стояли в начале огромного вытянутого ангара длиною метров двести и шириной около пятидесяти. Этот ангар напоминал рассеченную в длину трубу, вдоль стен которой стояли разнообразные космические спутники. С одного торца этой трубы находилось здание центрального входа с различными службами, а с другой — невероятных размеров пространство, накрытое устремленным в небо куполом. Купол этот был прозрачным, и сквозь геометрические ряды стальной конструкции яркое утреннее солнце врывалось в павильон косыми лучами. В центре освещенного зала на мощной станине стоял впечатляющий своими размерами космический корабль «Восток».

Андрей вспомнил камерное здание ленинградского Планетария, тоже славившего космос и обладавшего коллекцией космических экспонатов, однако она уступала этой в правдоподобии и была несоизмеримо меньших объемов. Представленные здесь спутники были сплошь настоящими. Раскинув синие крылья солнечных батарей и ощерившись антеннами, они выглядели настолько фантастично, что лучших декораций для вечеринки придумать было невозможно.

Сложив коробки, молодежь разбрелась по павильону и достаточно долго находилась в прострации, осмысливая увиденные красоты и масштабы предстоящего действа.

Из одного конца павильона в другой, развозя тяжелые ящики, с шумом носился пахнущий соляркой погрузчик. Алексей поздоровался с рабочими, собиравшими под куполом монтажные леса, перекинулся парой слов с другими техниками и повел Андрея с Мишей все показывать.

— Смотрите, — сказал он, указывая на выстроенный вдоль одной стороны ангара сложный лабиринт секций. — Это общие бары. За ними — ВИП с отдельным входом, там на входе видеостена, здесь везде столы…

— Для чего столько баров? — недоуменно спросил Андрей. — Раз, два, три, четыре, пять, шесть. Это не считая приватного. А столы зачем? Они что — есть здесь собираются?

— Я на этой почве с Бирманом уже устал ругаться, — раздраженно сообщил Алексей. — Он утверждает, что это Москва

и что солидные люди привыкли сидеть за столами.

— Чего? Солидные люди? — округлив глаза, изумился Миша.

— Да, да, май френд! — громко воскликнул Алексей, энергично жестикулируя. — Ты думал, мне тут легко?! Они сначала хотели еще и горячее в термосах заказать и сидеть тут жрать котлеты по-киевски! Но слава богу, удалось от этого отбиться. Ты себе не представляешь, какой бред городился все это время. Тут был один дебил, главный по барам, так он предложил грандиозную, по его мнению, бизнес-концепцию: поставить столы на танцполе и запустить официантов! Но когда я сказал, что уезжаю домой, Бирман его слил.

К разговаривающим приблизился неимоверно худой человек, увешанный монтажными инструментами.

— Алексей, — сердито начал он, — там стойки ставят под галерею — чтобы потом не было крика, посмотрите, куда вести силовые кабели.

Алексей ушел с этим человеком-велосипедом и надолго пропал. Когда он вернулся, предприняли попытку разбить отряд на группы и организовать работы. В павильоне стали появляться люди, загремели сбрасываемые с погрузчика железки, застучали молотки, и началась оживленная суета.

— Очень холодно, — признался Миша, с интересом разглядывая пляшущий в солнечном луче поток пара от собственного дыхания.

— Да, действительно, где же те обогреватели, о которых ты гак тепло рассказывал?

— Здесь под куполом сегодня построят трехэтажную галерею для света и лазеров, вот на нее и повесят еще тридцать метров. А остальные уже смонтированы: вон видишь, по всей длине, напротив баров. Сейчас включим. — Алексей покрутил головой и, заметив местного электрика, сложил руки рупором: — Сергей-ваныч! Врубите обогрев! У, черт глухой. О-бо-грев!

Уже через минуту через всю длину павильона вспыхнули и стали разгораться две параллельные линии нагревателей. Все с интересом подошли поближе. Равномерное тепло, источаемое этими линиями, сначала согрело лица, а через некоторое время друзья сняли верхнюю одежду.

Нужно было начинать работу. Алексей и Миша ушли с монтажниками, а Андрей принялся руководить группой волонтеров. В течение дня им удалось позаниматься самыми разнообразными делами: они таскали и расставляли пластиковую мебель, обтягивали пространства баров синей тканью, навешивали светильники. К обеду появился Тимур, и часть молодых людей под сто руководством стала развешивать

картины.

Миша съездил в город и привез с завода неоновые буквы «Gagarin». Он же доставил и обед на всю компанию: две бумажные сумки со снедью из первого в России «Макдоналдса». Вскорости приехали Бирман, Салмаксов и взволнованные мужички из «Кринта». Они появились в сопровождении группы усатых милиционеров с крупными звездами на погонах. Милицейские чины в каракулевых папахах озабочено осмотрели все вокруг и после долгой беседы с «Block Ltd» важно отбыли.

— Леша, как у вас дела? — спросил повеселевший Бирман.

— У нас все в порядке. К вечеру достроят все железо и начнут завозить аппарат. Световики предлагают монтироваться сегодня ночью.

— Ночью не получится, — вмешался в разговор Иван. — ВДНХ закрывается на ночь и ставится на охрану. Давайте работать до десяти вечера, а остальное — завтра с утра.

— Успеем?

— Вариантов нет.

— А у вас-то как дела? — поинтересовался Андреи, дожевывая холодный гамбургер.

— Бьемся. Проблем хватает, — туманно поведал Бирман. — Вот менты приезжали смотреть, пожарники давят, а еще у нас в номере пропали двести билетов.

— Что? — округляя глаза, спросил Алексей. — Двести билетов?

— Ну и вообще геморроя хватает, — печально заверил Бирман.

— Женя, — перебил его Андрей. — Вы за своим геморроем не забудьте завтра отправить автобусы на вокзал. В девять утра прибывает поезд с молодежью. Их нужно встретить и часть отвезти в гостиницу.

— А сколько, в конце концов, сюда едет человек? Мы забронировали в гостинице только двадцать двухместных номеров. Все, что было.

— Точно узнаем только завтра утром, — ответил ему Миша. — Когда мы уезжали, список был по меньшей мере из двухсот человек.

Обсудив еще массу вопросов, Бирман и Салмаксов уехали, а «Танцпол» продолжил свои дела. Монтажники, строившие стену из металлических конструкций позади спутника, почти довершили ее и заканчивали установку перил на третьем ярусе. Приехали грузовики со световым оборудованием, и рабочие в одинаковых синих куртках стали закатывать в павильон колесные тележки с тяжелыми ящиками. Свет распаковали и с большими

предосторожностями стали развешивать на сооруженные эстакады и огромные штативы. На втором ярусе, справа и слева от спутника, воздвигли рабочие столы и затащили на них громоздкие лазеры. Всю эту хитроумную конструкцию опутали силовыми кабелями, пучками проводов и шлангами, по ней сновали техники, под куполом слышались команды, возгласы и ругань. Ближе к вечеру приехали звуковики, и к танцполу, громыхая колесиками по уложенным на пол щитам, вереницей поплыли зачехленные колонки. Эти тяжеленные элементы стали устанавливать на заранее воздвигнутые подиумы, и уже через три часа справа и слева от спутника выросли два портала звука. Выглядели они настолько внушительно, что Алексей не смог сдержать довольную улыбку и спросил у брата:

— Ну как?

Порядком измотавшийся, Андрей сидел на пустом ящике и наблюдал за строительством звуковой стены.

— Выглядит бешено!

Набегавшись, натаскавшись и наоравшись за день, Андрей устало наблюдал за монтажом, и тут увидел вещь, на которую ранее никто не обратил внимания. Это был круглый портрет Гагарина диаметром около трех метров. Юрий Алексеевич в майорской шинели держал в руках белого голубя и улыбался.

— Какой красавчик! Может, используем?

— Неплохо бы! — живо отреагировал Алексей.

Он задрал голову вверх и нашел место для портрета.

Несколько человек рванулись на металлическую лестницу, ведущую под самый купол, и уже через несколько минут их маленькие фигурки были в основании купольного барабана. Идея Алексея была проста: улыбающийся Гагарин вознесся над танцполом, и портрет стало видно со всех точек павильона.

Утром гостиница превратилась в гудящий улей. Полторы сотни человек, привезенных с Ленинградского вокзала, брали штурмом два десятка выделенных под заселение номеров. Алексей, Андрей и Миша, не стали раздумывать и, прихватив остатки своей рабочей группы, в спешном порядке отбыли на ВДНХ.

Пространство перед входом в павильон уже было огорожено металлическим турникетом, а подступы к дверям охраняли милиционеры. Вереница шустрых грузчиков затаскивала в здание сотни картонных коробок, в освещенных секциях баров суетились люди, у всех присутствующих изо рта валил пар.

— Вот гады! — воскликнул со входа Алексеи, увидев выстывший от холода павильон и жмущихся от холода барменов.

— Опять электричество экономили.

К нему на всех парах бежали взволнованные звуковики.

— Алексей! Мы так недоговаривались. Здесь температура пять градусов, если у нас накроются усилители, вы будете платить! Или делайте что-нибудь — или мы снимаемся и уезжаем!

— Сейчас все будет в порядке, — заверил их рассвирепевший Алексей. — Сергей Иванович!!! Кто-нибудь видел этого придурка?! Сергей Иванович!!!

На его крик из служебного помещения вышел жующий на ходу старичок в теплой фуфаечке и каракулевом картузе.

— Вы что, офонарели? — зарычат Алексей, страшно выкатывая глаза. — Какого черта вы выключили обогрев! Вы в своем уме?

— Молодой человек… — растерявшись от такого напора, пролепетал электрик. — Вы, это, не хулиганьте…

Владельцы аппаратуры с хмурыми лицами обступили электрика, и один из них, фигурой напоминающий мясной куб, сквозь плотно сжатые зубы зло процедил:

— У нас тут техники на полмиллиона. Ты чего, старик, творишь? Во тьму захотел?

— Врубай тепло!!! — страшно заорал другой, забрызгав электрика слюной.

Поперхнувшись подкатившим к горлу комом, покрасневший старик со всей мочи рванул в щитовую. Уже через несколько минут что-то щелкнуло, и по всему периметру павильона вспыхнули красные линии.

У входа в павильон друзья повстречали Палтуса и Викентия, великолепную видсобапду, хлопотавшую возле стены, составленной из телевизионных мониторов. За несколько недель Палтус приготовил несколько часов видеографики, замикшированной с космической кинохроникой, и сегодня намеревался все это показывать. Высокий и худощавый Викентий кутался от холода в драповое пальто, а рядом с ним на четвереньках копошились два обслуживающих телевизор техника. Палтус нервно курил и крыл специалистов тихим матом.

Неожиданно раздался звук, чем-то напоминающий свист артиллерийского снаряда Громкий и пугающий, он заполнил собой весь павильон и вызвал настоящую панику у девиц, расставлявших бутылки в барах.

— Звуковики включились!

Подгоняемые любопытством, друзья поспешно выбрались из бара и стали приближаться к танцполу. Навстречу им вылетел первый низкочастотный удар. Оживающие один за другим, ряды

колонок включались, добавляя свою мощь к ураганному потоку звука. На специально выстроенной для диджея металлической башне стоял незнакомый парень с кудрявыми волосами и, внимательно прислушиваясь к образовавшемуся грохоту, крутил ручки на пульте. В какой-то момент он резко остановил пластинку, и в образовавшейся тишине раздался жуткий гул, вызываемый дрожью иголки, попавшей в акустический резонанс. Расположившиеся неподалеку звуковики задвигали ручками на огромном пульте, человек на башне махнул рукой, и после этого поток звука снова рванулся вперед. На этот раз из его невероятного нагромождения стали проступать более ясные очертания. Звук оформился, поджался, стал отчетливым, упругим и невыносимо громким.

— А кто этот розовощекий на башне? — пользуясь минутой тишины, спросил Викентий.

— По всей видимости, это Иоаким Горо.

— А вон и Янис! — радостно сообщил Палтус, указывая на вторую фигуру, появившуюся рядом с французом.

Музыка загремела снова и, постепенно отстраиваясь, стала прибавлять в мощности. В конце концов, давление звука стало таким, что его сила резиновым кулаком застучала в грудные клетки слушателей. Пара усатых ментов, зажимая уши, трусливо припустила с танцпола, а стайка собравшейся молодежи шаг за шагом стала медленно приближаться к его центру. Никогда до этого момента никто из них не слышал звука такой мощности, и физические впечатления, которые они сейчас получали, выплывали на их лицах счастливыми улыбками.

Удовлетворившись настройкой, Алексей подошел к друзьям и попытался перекричать грохот музыки:

— Ну как?

— Боюсь, что москвичи будут не готовы к такому!

— Главное, чтобы нам нравилось!

Внезапно, линия за линией, в темноту стали проваливаться широкие полосы освещенного потолка. Недоуменно наблюдая этот неожиданный эффект, все всполошились и, задрав головы, стали рассматривать широкую ленту рельефного узора, украшавшего свод павильона. В тот момент, когда стало очевидно, что случилась какая-то проблема с освещением, темный купол озарился ярчайшим взрывом.

— У-у-у!!! — радостно взвыли присутствующие.

Потоки разноцветного света от сотен прожекторов брызнули во все стороны и, залив своды павильона, высветили его в самых неожиданных местах.

На самом верху металлической галереи, справа и слева от

спутника, загорелись шесть ярких лучей. Упав на пол интенсивными белыми пятнами, они неожиданно окрасились в разные цвета и задвигались по площадке.

— Настоящий космос! — очарованно произнес Викентий.

В подтверждение этих слов один из лучей лизнул круглую голову спутника в центре танцпола, осветил ее ярчайшим фиолетовым светом и замер. Вслед за ним следующий луч малиновым зигзагом стал подбираться к спутнику, потом другой, третий. Через минуту все шесть лучей уперлись в одну точку, превратив металлический набалдашник космического аппарата в ослепительно сияющий объект, разбрасывающий во все стороны обрывки теней. Иллюзион с двигающимся светом продолжился, и вскорости к нему добавились еще три лазера. Несколько минут лазеры настраивали дрожащие в воздухе лучи, но очень скоро стали медленно шарить над площадкой, прицеливаясь к отбойным зеркалам. Процесс этот продолжался достаточно долго, и примерно через час воздушное пространство павильона покрылось ослепительной сеткой изумрудных и красных линий.

Настройка оборудования продолжалась до позднего вечера, и все это время помещение наполнялось новыми и новыми людьми. Все, кто в этот день впервые оказывался в грохочущем и ярко освещенном павильоне, вели себя одинаково. В буквальном смысле раскрыв рты, люди начинали свое приближение к танцполу, диковато озираясь и болезненно морщась от громоподобного звука. Недоумение плавало на лицах холеных барменов, ментов, служащих ВДНХ, рабочих и привлеченных к процессу техников.

За полчаса до начала вечеринки Андрей с приятелями выбрался и з павильона, чтобы покурить на свежем воздухе. Ледяной ветерок, гулявший по парку, поднимал вихри снежной пыли, искрившейся в потоках света от десятков автомобильных фар. Огороженная площадка перед павильоном была полна народу и окружена плотным кольцом автомобилей. Свет фар метался по аллеям парка, и ежеминутно к зданию подлетали новые машины. Рядом с огораживающим вход турникетом в окружении десятка милиционеров стоял Бирман и отдавал последние инструкции.

— Ничего себе наш друг вырядился, — со смехом сказал Заяц, указывая на одетого с максимальной торжественностью Бирмана.

Удивление Зайца было понятно, так как на вечеринку Женя пришел в строгом пальто, черном костюме в мелкую полоску, белой рубашке и галстуке золотого цвета, на котором были

вышиты изумруды и бриллианты. Оторвавшись от помпезного Бирмана, друзья стали с жадным интересом рассматривать незнакомую им московскую публику. Посмотреть было на что. Тотальная реклама вечеринки, бомбой разорвавшаяся в столице, всколыхнула первопрестольную, и на диковинное мероприятие пожаловали полчища разнообразных гостей. Здесь были все: молодежь в нарядах попугайских расцветок, одетые для офиса мужчины, женщины в мехах, подтянутые полуспортсмены, неформально одетые модники и уж совсем сомнительные мужики в меховых шапках.

— Н-да! Танцоры, — подытожил общие наблюдения Марат.

Не успел он произнести эти слова, как в павильоне загрохотала музыка. До начала штурма входной двери компания друзей успела юркнуть внутрь, и вслед за ними к кассе двинулся поток гостей. Прямо с порога на входящих обрушивался звук такой силы, что многие делали вынужденную остановку, пытаясь разобраться в происходящем, приспособиться и заставить себя двигаться дальше. Погруженный во тьму и озаряемый лишь красным заревом обогревателей, павильон производил устрашающее впечатление, но через несколько минут в разных его частях стали медленно загораться мощные цветные прожекторы, и картинка начала волшебным образом меняться. Потоки света развернули сжатый полу тьмой простор, и всем открылась гигантская перспектива места. Нарастающей рекой осмелевшие гости потекли по широкому проходу, стали заполнять все свободные пространства, и уже через несколько минут самые смелые оказались на танцполе.

Вечеринка гремела уже час, а неиссякаемому потоку гостей перед вход ом не было конца и края. Совершенно случайно Андрей встретил в бурлящей толпе брата и схватил его за рукав:

— Леха! Ну как?

Сияющий от счастья Алексей показал жестами, что все в порядке, и увлек брата в сторону входа. Спрятавшись в техническом помещении, они раскурили припасенную папироску, и смогли переговорить:

— Все путем! — возбужденно сообщил Алексей. — Пока, во всяком случае. Народу тьма. Ты видел их лица? Никто ничего не понимает. Понаехали телевизионщики. Я, честно говоря, такого количества людей не ожидал. Сейчас по билетам больше тысячи человек, представляешь себе эту кучу денег? Местные менты в шоке, эти коммерсанты из «Кринты» на седьмом небе, а Бирман впал в нереальный образ. Светится, как лампочка. Нам нужно торопиться — скоро француз начнет играть, ему нужно помочь.

— А ты когда играешь?

— Я в пять утра. Такая неразбериха! Бирман выдал мне рацию, но по ней ни черта не слышно. Забери ее, пожалуйста, будешь на связи. Нужно как-то контролировать всех, кто будет играть. Пойдем вместе посмотрим вокруг, а потом на танцпол.

Выбравшись из укрытия, они направились к приватному бару и по пути хорошо разглядели феерическую картину происходящего. По павильону и расцвеченному красками куполу метались яркие лучи, взрываемый стробоскопами воздух рассекался лазерными линиями, стелились клубы дыма, и в нем тонули две тысячи сотрясаемых децибелами человек.

Огромный бар для «особ приближенных» был похож на растревоженный муравейник. Сотни приглашенных сидел и за столами, столы были заставлены бутылками, все курили и очень громко разговаривали. Московские и питерские перемешались в гудящем пространстве, но в этой пестрой и шумной толчее были хорошо различимы несколько десятков известных в обоих городах персонажей. Выставку работ Тимура и происходящее в ВИП-баре снимали несколько камер, шустрая девушка с микрофоном в руках интервьюировала гостей. Когда братья подошли к бару, к ним подлетел перевозбужденный Салмаксов:

— Леха! Как у вас дела? Видели, что происходит? Женя говорит, что парковка переполнена, а люди без машин пешком идут от входа сотнями.

— Это хорошо, — счастливо улыбнулся Алексей, накладывая бутерброды на бумажную тарелку. — Вы там руку на пульсе держите? Вход, касса, менты и вообще? Я сейчас на танцпол, так что если что — рация у Андрея.

Иван не успел ничего ответить, был куда-то увлечен и пропал из видимости. Поесть не удалось: завидев братьев, девушка с микрофоном стала подкрадываться, и вдвоем с оператором они загнали Алексея в угол. Там, в луче яркого света, он в футболке «Gagarin-party», с всклокоченными волосами и серьгой в левом ухе, немного волнуясь, но все же внятно и с чувством юмора поведал ей все, что она желала услышать от устроителя праздника.

— Мы хотим, чтобы все чувствовали себя хорошо! — сказал Алексей, заканчивая свою речь. — Музыка поднимет человека в космос!

— Прекрасные слова! — живо откликнулась журналистка.

— Это сказал не я, — зарделся Алексей.

— А кто?

— Рей Брэдбери.

Уже через пятнадцать минут братья выводили из служебного

помещения толстенького Иоакима с чемоданом пластинок. Француз оказался забавнейшим парнем, веселым, улыбчивым и лохматым д о невозможности. Чувствовалось, что его д о глубины души потряс размах творящегося вокруг, а от суммы полученных ощущений он подпрыгивал мячиком на месте, сучил ножками и рвался к пульту. Забравшись на башню, звезда простерла к куполу руки. Раскланявшись, Горо вонзил иглу в пластинку и стал накачивать павильон невероятно забойными звуками. Саунд наддал, загудел, и раскачивающаяся, как маятник, басовая волна, сопровождаемая десятками свистков, задвигала телами.

«What time is love?» — зазвучало в головах у всех и каждого.

Музыка, которую заиграл раззадоренный Горо, была новая, никем не слышанная, а крутил он ее яростно, быстро переворачивая дымящиеся от скретча пластинки и успевая при этом размахивать руками. Публика с восторгом отдалась ему.

Андрей, сам не помня как, оказался в самой массе танцующих и начал энергично извиваться. Он медленно перемещался по площадке и, описав некую кривую, оказался в месте, где стереоскопичность звука и его давление были максимальными. Эффект был потрясающий. Звуковые вибрации, равномерно окружавшие его, сотрясали каждую клетку тела, но при этом не глушили слух. Звук стал физическим, действовал на сознание через резонатор грудной клетки. Андрей растанцевался и заработал телом с такой интенсивностью, что пришпиленный к его куртке медальон с профилем Гагарина оторвался и полетел в сторону. Краем глаза он у с пел разглядеть, как увесистое, размером с блюдце латунное украшение отскочило прямо в лицо танцевавшей рядом девушке. Морщась от ужаса, Андрей бросился на помощь, но получившая в лоб уже счастливо потрясала медальоном, восхищаясь невиданным по значимости знамением. Стыдясьи не желая встречаться с девицей глазами, Андрей попытался поскорее удалиться, завертелся волчком и с невероятной ловкостью дематериализовался.

Опьяненная счастьем душа вернулась в сбежавшее тело уже в баре. Кругом бурлило месиво тел, и, чтобы протолкаться к маячившему на возвышении бармену, пришлось как следует потереться о спины и зады. Через пятнадцать минут Андрей забрался на вершину толкавшейся перед баром пирамиды людей, успел ухватить бутылку шампанского и тут же был отброшен назад. Но подлетели друзья, и из целой бутылки оставили на его долю лишь стаканчик. Выпив вина Андрей закурил и стал осматриваться.

Картина происходящего вокруг менялась каждую минуту.

Люди прибывали и прибывали. Заполняя все свободные места в павильоне, они втискивались в танцпол, стремились доплыть до звука, взбирались на выставленные экспонаты, танцевали в проходах, лезли на технические галереи. К двум часам ночи танцевавших под спутником людей ста о так много, что плясавшие по краям подиума рядами сваливались вниз. Гости разогрелись и танцевали в одних футболках, под ногами валялись сотни дамских сумочек, верхняя одежда, бутылки, стаканчики.

Через полтора часа после начала своего выступления Горо закончил сет, и под возгласы одобрения его сменил Янис. Алексей метался возле звукоинженеров, готовил звук к выступлению групп, а сами группы счастливо пританцовывали рядышком. Потирая замерзшие руки, Янне перевернул кепку козырьком назад и со знанием дела взялся за танцоров. С первой пластинки он завладел слушателями и повел их за собой в фантастический полет, длившийся почти два часа. Все подпали под очарование его музыки, а он играл как заколдованный, не поднимая головы, заставляя людей танцевать с закрытыми глазами и смеяться от счастья.

«Первый космический уикенд» набрал такие обороты, что степень его воздействия на присутствующих теперь разнилась: от веселого удивления до шокового стресса. Смех, возгласы, открытые от недоумения рты, махание руками, болезненное зажимание ушей, свисты, беготня, суета и неуклюжие танцы — все это заводило гостей, не ожидавших такого крутого помола в этой космической мясорубке. Тяжелей всего пришлось тем, кто оказался в эпицентре случайно или по служебной надобности. Стражи правопорядка испуганно жались по углам и недоумевали настолько, что степень их болезненной растерянности мешала выполнению святого долга. К счастью, перепуганные менты так ни разу и не понадобились.

Все напоминало приезд в столицу какого-то диковинного театра. Вывешенные афиши привлекли внимание горожан, породили массу слухов, и в назначенный час на представление пожаловало степенное общество. Никто не знал, что будет происходить, и когда привыкшая к церемонности публика заполнила зал, к всеобщему замешательству, выяснилось, что кресел нет, программок нет, оркестр в партере, дирижер на сцене, буфеты в ложах, повсюду свечи, а зрители, смешавшиеся без сословий и чинов — участники спектакля.

Неконтролируемость действия и яркий калейдоскоп собранной в одном месте разномастной публики побуждали гостей веселиться, кто как умел. Молодежь выплясывала под

колонками, а бизнес-элита подкреплялась горячительными напитками. Пространстпа вокруг баров и подступы к ним были перегружены московской знатью. Женщины в шубах и мужчины в дорогих костюмах целыми компаниям и сидели за столами и энергично выпивали. Не имея возможности перешагнуть через представление о собственном статусе, они не смогли слиться с действом, смеяться, танцевать, а потому нашли себе приемлемое занятие, чем-то напоминающее так любимые ими ресторанные оргии. Громкая музыка жестко глушила пафос нуворишей, молодежь бесновалась, а за всем этим из-под купола с улыбкой наблюдал Юрий Гагарин.

Около четырех утра с подиума под спутником в буквальном смысле были сброшены последние, самые неукротимые танцоры, и на него ворвалась группа «Новые композиторы». Они вытащили клавиши и драм-машину, и их ясный, цифровой сигнал с удвоенной силой зазвучал в колонках. Выступление живой группы вызвало волну интереса, и к танцполу стали стягиваться свежие силы. Андрей с друзьями забрался на высокий подиум у бара, и оттуда им открылся прекрасный вид на все вокруг.

Он ждет тебя! Согрей его! Прибавь ему!
Любви и света!
Спутник!..

Хит «Композиторов» взорвал зал. Когда эмоциональное возбуждение перед сценой достигло вершины, в другой части павильона произошло хорошо заметное сверху движение. Поначалу по толпе пробежала легкая волна, потом люди стали расступаться, головы сидящих в баре развернулись, и наконец все увидели группу мужчин.

— Что там происходит? — спросил Леша Воробьев.

— Не знаю, — напряженно всматриваясь, ответил Андрей. Люди в барах стали вскакивать и махать руками, появился оператор с камерой, и тот, кого он снимал, показался на огромной видеостене. Разглядев скачущее изображение, Гарик радостно закричал:

— Да это космонавт!

— Какой космонавт?

— Реальный!

И действительно, широко улыбаясь и салютуя рукой, по павильону шествовал летчик-космонавт Гречко. От первого замешательства до последовавших радостных возгласов прошла минута, и пережив ее, все узнавшие гостя вслух или про себя произнесли это слово: «Космонавт». Дуга времени согнулась

таким образом, что молодому поколению был явлен герой времени прошедшего, человек, чей шаг в космос был следующим после полета Гагарина. Воодушевленные появлением человека-легенды, Андрей, Габриэль, Марат и Леша Воробьев счастливо пустились в пляс. С другой стороны зала на таком ж е подиуме танцевали Алексей, Настя Смирнова и Лера-Эклера. Все пришло в движение, и этого движения уж е ничто не могло остановить.

«„Композиторы", четыре утра. Леша!» — подумал Андрей, вспомнив распорядок выступлений.

Бросив куртку с рацией на попечение друзей, он скатился с подиума и стал продираться сквозь танцующих. Добравшись до платформы напротив, Андрей отчаянно замахал руками, пытаясь привлечь внимание бешено танцующего брата.

— Леша!!! Тебе сейчас играть!!! — надрывался Андрей, пытаясь перекричать музыку.

«Новые композиторы» уже доигрывали последнюю песню, когда мокрый от танцев Алексей добежал до вертушек. Он поставил первую пластинку, поднял правую руку, и зал податливо качнулся. Андрей облегченно вздохнул и нырнул в танцпол.

Кураж, охвативший всех этой ночью, пьянил головы устроителей ощущением настоящего счастья. Все получилось. Невероятно, но все состоялось. Идея этой гигантской акции, еще месяц назад казавшаяся им фантастической, материализовалась, и сейчас сотрясала стены главного космического мемориала. Две с половиной тысячи гостей, сотни друзей, киловатты звука, грузовики с техникой, аккредитованные телеканалы, журналисты, иностранные диджеи, выставка картин — все эти слагаемые собрались вместе и к шести утра пятнадцатого декабря представляли собой ревущий котел с бешеной энергией. Пар валил из этого котла, и двадцатикиловаттный молот стучал по головам обалдевших москвичей.

Ровно в шесть оказавшийся снова у пульта Янис с огоньком попрощался с гостями. Он изрешетил их звуками, потом дал передохнуть, напал на них снова, мучил, терзал, вживил всем микрочип прощальной песни и в концовке последним ударом жестко послал в нокаут.

На протяжении десяти последовавших минут в павильоне не стихал восторженный вой и буравящие небо свисты. Эти семь часов пролетели с такой скоростью, что многие лаже не поняли, почему остановилась музыка. Сотни людей продолжали стоять в тех местах, где их застал конец вечеринки, многие двигались к гардеробам, несколько уснувших во время party продолжали

мирно спать, почти все курили, некоторые допивали, кое-кто срывал на память плакаты, а самые находчивые фотографировались. Менты деликатно покашливали в кулачок.

Вечеринка отгремела, а ее отзвуки еще долго остывали в головах выбиравшихся из павильона участников. К семи утра публика окончательно покинула выставочный комплекс, и в пустом, нагретом теплом тел павильоне остались лишь группы заспанных техников, служащие ВДНХ, танцполовская гвардия волонтеров и одуревшие от работы торговцы баров.

Появились Бирман и Салмаксов. Алексей подмигнул брату, и они вместе проследовали в дальнюю часть здания, где за гардеробами находилась комната, охранявшаяся в этот утренний час четырьмя автоматчиками. Первое, что увидел Андрей в этой комнате, было лежащее на диване тело мертвецки пьяного директора компании-спонсора. Перед диваном, на котором почивал Дыба, на низком столике стояли пустые бутылки, а в креслах рядом сидели осоловевшие заместители Юрия Павловича. Бирман кивнул в сторону дивана и шепнул Алексею:

— Жизнь удалась.

Но все же это было не самое интересное. На конторском столе стояла коробка из-под телевизора, и к этой коробке были прикованы взгляды всех собравшихся. Когда ее открыли, все увидели плотно утрамбованную массу красных, фиолетовых, зеленых, желтых, мятых, хрустящих и невообразимо ветхих купюр разного достоинства. Приятными зелеными вкраплениями в этой массе различались американские доллары. Коробку наклонили и стали выгребать содержимое на стол.

«Block Ltd» и оживившиеся спонсоры приступили к азартному перекладыванию бумажек по цветам и номиналам, формированию пачек и деловитым подсчетам. Приглашенные наблюдателями Алексей и Андрей плюхнулись в освободившиеся кресла и с наслаждением вытянули ноги. Это был незабываемый для обоих момент: вечеринка успешно закончилась, все счастливы, и опытные счетоводы считают деньги. Пошарив рукой в картонном ящике, Андрей вытащил литровую бутылку «Johnny Walker» и скрипнул пробкой. Он подмигнул брату, они выпили из горлышка и закурили. Внезапно за пределами комнаты послышались голоса, дверь приоткрылась, и в нее заглянула огромная серая фуражка.

— Шуршат зеленые? — деловито осведомилась усатая голова. — Личный состав к построению готов!

Бирман, не отрываясь от счета, сделал бровями выразительное движение, после чего один из заместителей Дыбы

схватил увесистую пачку и передал ее милиционеру. Дверь тут же закрылась. Работа продолжалась еще довольно долго, а когда поднесли еще ящик с выручкой баров, стало ясно, что подсчеты затянутся. Андрей с братом выбрались наружу и отправились к своим. Демонтаж шел полным ходом, но все смертельно устали и еле шевелили ногами. Спасало то, что снять нужно было только картины Тимура. Всего за час измученные волонтеры справились с задачей, произведения упаковали и всех отправили в гостиницу.

Андрей и Миша вернулись в Петербург на триумфальном поезде, полном возвращавшейся с «Gagarin-party» публики. Эхо прогремевшей вечеринки обогнало поезд, и, достигнув северной столицы, весть о космическом уикенде с неимоверной быстротой распространилась по городу. Те, кто не смог поехать в Москву, завидовали очевидцам, а те, кто был там, без устали пересказывали друг другу и всем желающим бесконечные подробности увиденного. Событие всколыхнуло молодежь, стало самым значимым из всего, что происходило за последние два года. Все было настолько замечательно, что даже те, кто принимал участие, до конца не верили в случившееся. Первый канал российских новостей показал репортаж с вечеринки, некоторые газеты (в первую очередь, иностранные) поместили объемистые статьи, все звонили друг другу, поздравляли, разговаривали только об этом, история была у всех на слуху. Футболки «Gagarin — party» стали настолько популярны, что оставшийся у «Танцпола» комплект разлетелся в мгновение ока.

Прошло три дня, и из Москвы вернулся Алексей. Лучезарно улыбающийся Андрей встретил его в дверях и с удивлением обнаружил на лице брата печать заботы и сомнения. Алексей выглядел уставшим. Он прошел в гостиную и, усевшись в кресло, поведал Андрею и Мише о своих последних днях в Москве.

— По-моему, нас кинули, — сдержанно сообщил он товарищам.

— То есть как кинули? — энергично переспросил Миша и нервно задвигал желваками на скулах.

— Кинули — это кинули. Это означает: обманули, шваркнули, продинамили, выставили. Как тебе больше нравится? Два дня я сидел в гостинице и ждал результатов, потом пришел Бирман и показал итоги вечеринки. По его бумагам выходило, что мы заработали столько, сколько потратили. Он выдал мне двести долларов и сказал, что денег больше нет. Вот, можете посмотреть.

Он достал из сумки папку и выложил на стол ее содержимое. Это был финансовый план вечеринки на общую сумму пятьсот

двадцать шесть тысяч двести восемьдесят пять рублей.

— Он, ко всему прочему, обвинил меня в том, что мы устроили вторую кассу при въезде на ВДНХ, ну, там еще было много всякого бреда. Заработали все кроме нас: спонсоры из «Кринта», звуковики, свет, лазеры, бары, ВДНХ, менты, пожарники. Короче, как он говорит, все деньги ушли на уплату расходов. Такие дела.

— Ты шутишь? — не унимался Миша.

— Какие, к черту, шутки? Я посмотрел его интервью для английского телевидения, так там он ни словом не упоминает о «Танцполе», заявляет, что «Gagarin» подготовлен единственной в стране компанией подобного рода «Block Limited». Честное слово, я хотел ему морду набить, но так устал, что плюнул и уехал.

Желая приободрить брата, Андрей взял его за руку и сказал:

— Не расстраивайся, Леха! Кинули — не кинули, это только нам понятно и обидно. Но вечеринка-то состоялась. Все остальные счастливы. Люди до сих пор звонят и днем и ночью, благодарят. Ну не Бирману же они звонят — нам.

— Правда? — усталым голосом спросил Алексей.

— Я тебе говорю!

Алексей улыбнулся и стал задумчиво вытряхивать табачок из папироски.

24

Тяжело громыхая на рельсовых стыках, поезд, состоявший из шестнадцати закопченных вагонов, медленно тащился через заснеженные пустоши новостроек Петербурга. Состав давно проехал дачные предместья, миновал промышленные районы и приближался к замерзшем у Обводному каналу, за которым начинался старый, погруженный в зимнюю стужу город. Через некоторое время поезд заскочил на освещенный прожекторами цельнометаллический клепаный мост, который неизвестно почему именовался Американским, и шум, производимый стальными колесами, на какое- то время стих. Переехав через канал, поезд сбавил скорость, затрясся на стрелках и стал вползать в запутанный лабиринт стояночных путей Московского вокзала.

В купейном вагоне за номером двенадцать царило утреннее оживление, означавшее скорое прибытие на перрон, а с ним и конец всего шестисоткилометрового путешествия из Москвы в Ленинград. За полчаса до этого проводник с помятым лицом прошелся по спящему вагону, бесцеремонно стуча кондукторским ключом в двери купе и монотонно восклицая: «Подъезжаем, подъезжаем! Сдавайте белье!» После этих криков в купе зажигался свет и люди, спавшие в жарко натопленных кельях, приходили в движение.

Неожиданности, которыми одаривает кратковременное путешествие с незнакомыми людьми, сам и по себе никогда не бывают приятными. Впервые встретившиеся люди обычно начинают скорбно молчать, утыкаются в газеты, а потом, по

одному переодевшись и не желая друг другу спокойной ночи, молча ложатся спать. Бывает и иначе. Попутчики внезапно знакомятся, много шумят, острословят, клянут власти и времена, после появляется потребность выпить, и самый опытный достает из портфеля бутылку теплой водки. Граждане оживляются, достают дорожную снедь, и начинается полуночный пир с бесконечным и выбеганиями в прокуренный тамбур и непременным в таких случаях конкурсом бородатых анекдотов.

Именно такая компания ехала в купе номер четыре. Пробуждение для троих утомленных предновогодней попойкой мужчин было не самое приятное, так как, приговорив изрядное количество спиртного, они заснули мертвецким сном лишь около трех ночи, а прибытие поезда было означено расписанием в семь сорок утра. Поздно разлепив заспанные глаза, эти трое смущенно поприветствовали друг друга и, уж е не имея времени на умывания и туалет, принялись поспешно сдергивать постельное белье. И без того спертый воздух в купе наполнился клубами хлопчатобумажной пыли, оседавшей на лицах и одежде белыми пушинками. Собутыльники наскоро привели себя в порядок, по-хозяйски забрали каждый свои газеты и, поздравив друг друга с наступающим, поспешно выбрались вон.

После того как их хрипловатые голоса затерялись в шуме вокзальной суеты, с верхней полки свесились нога четвертого пассажира этого купе, не принимавшего участия в дорожной гулянке и терпеливо дожидавшегося того момента, когда ее участники покинут поезд. В проем между диванчиками спрыгнула девушка. Она потянулась всем телом, обернулась и стала рассматривать себя в зеркале двери. На вид ей было лет двадцать пять. Это была жгущая брюнетка среднего роста с большими темными глазами, чувственным ртом и приятными чертами лица, в котором угадывался отпечаток неславянского происхождения. Девушка пропутешествовала, не раздеваясь, в джинсах и свитере, и поэтому перед выходом ей оставалось лишь поправить прическу, надеть короткое шерстяное пальто и захватить спрятанную под подушкой сумочку. Удовлетворенная своим видом, она надела вязаную шапочку с вышитым на ней вензелем города Нью-Йорка, натянула на руки кожаные перчатки и, взявшись за замысловатую ручку, открыла дверь. Последний пассажир с коробками мелькнул в тамбуре, коридор был пуст. Пробираясь по вагону к выходу, девушка повстречала проводника, шустрого молодого человека в синем кителе, который, согнувшись над кучей мятого белья, торопливо запихивал его в полотняные мешки. Проводник, не ожидавший, что в вагоне еще кто-то есть, вздрогнул и, резко обернувшись, спросил:

— Белье сдали, гражданочка?

— Бел-ё? — переспросила девушка, на всякий случай улыбаясь.

Ухватив правой рукой горсть мятых простыней, проводник потряс ими у себя перед лицом и повторил по слогам:

— Бе-лье сда-ли!? Белье?

Поняв, что от нее требовали, девушка еще раз улыбнулась и сообщила:

— Я не ползавалась, оно там! — при этом она указала рукой в сторону своего купе. — До свидания! С Новым годом!

Услышав ее характерный акцент, проводник окинул ее непраздничным взглядом, а девушка вышла в тамбур и, сделав осторожный шаг, оказалась на перроне.

В морозном воздухе над платформой носился единственный в своем роде д у х железнодорожных путешествий: угольный дымок вагонных печек, перемешанный с мазутным запахом путей. Сновали грузчики с тележками, сотни людей, отягощенных чемоданами, медленной колонной двигались к зданию вокзала, издавая при ходьбе приятный звук хрустящего снега. Через несколько минут девушка оказалась в огромном прямоугольном зале, заполненном сотнями людей и гулким эхом голосов. Она прошагала его во всю длину и приблизилась к высившейся на прямоугольном постаменте гранитной голове Ленина. Ее никто не встречал.

Вчера в Москве, не сдав ключи администратору интуристовской гостиницы, она отправилась в ресторан через дорогу и уже оттуда позвонила в Ленинград Ирэне Куксенайте и Сергею Африке. Подобные сложности с переговорами были вызваны тем, что телефон в ее номере прослушивался, а ей не хотелось, чтобы стало известно, что, не предупредив никого из американских друзей, она уехала на уикенд в Ленинград и оставила с носом приставленных к ней наблюдателей из КГБ. Билета на момент разговора у нее не было, и поэтому, отправляясь на вокзал, она просто сказала Ирэне, что попытается приехать, и записала адрес Африки на Фонтанке.

Постояв возле памятника, девушка улыбнулась хитро щурившемуся Ленину и пошла к телефону-автомату. Улыбнуться ее заставило то обстоятельство, что ситуация, сложившаяся с ней сейчас, была зеркальным отражением приездов ее ленинградских друзей к ней в гости в Ныо-Йорк, когда, пройдя паспортный контроль, они набирали ее номер и радостно сообщали: «Марина, мы приехали!».

Еще в середине восьмидесятых Марина Алби Мод — так звали эту улыбчивую американку — во время визитов первых

перестроечных лет познакомилась в Москве со Стасом Наминым, Борисом Гребенщиковым, Жанной Агузаровой и Артемом Троицким. Потом она часто приезжала в Москву. Совершенствуя свой выученный в колледже русский язык, она много общалась с интересными людьми из СССР, помогала своим русским друзьям находить полезные контакты в Америке и, когда случалось, принимала их у себя в Нью-Йорке. Три года назад при довольно забавных обстоятельствах Марина познакомилась с Африкой и Сергеем Курехиным. 1989 год ознаменовался интересным событием, осуществление которого стало возможно благодаря разгару горбачевской перестройки. Десять стран мира устроили телемост с эволюционирующей Россией. В той части передачи, которую показали гражданам СССР, принимали участие Дэвид Боуи, Сергей Курехин со своей «Поп-механикой» и Бугаев-Африка. Съемки проходили в ленинградской студии передачи «Музыкальный ринг», куда ведущая этого шоу Тамара Максимова и пригласила Марину Алби. Подружившись с Мариной, Африка познакомил ее с Тимуром Новиковым, и, частенько наведываясь в Нью-Йорк, они держали Марину в курсе ленинградских культурных новостей.

Набрав номер мастерской Африки, Марина долго слушала гудки, а потом динамик в трубке скрипнул, и искаженный голос Африки незаинтересованно поведал: «Привет! Никого нет. Оставьте сообщение, если оно у вас есть».

— Привет! Это Марина, я приехала на вокзал, не знаю, что делать, попробую ехать к вам…

Трубка ожила, и Марина услышала голос Ирэны:

— Алло, алло! Марина, привет! Мы дома, еще спим. Возьми такси и приезжай. Д о встречи, дорогая!

Выйдя из здания вокзала и оказавшись на огромной площади, Марина увидела грандиозный монумент. Этот увенчанный золотой звездой памятник, напоминающий гигантское зубило, поразил девушку еще но время первого визита в Ленинград. У его подножия была сооружена затейливая конструкция, украшенная хвойными ветками, гигантскими снежинками и транспарантом «С Новым 1992 годом!». В утренней полутьме было прекрасно видно, как всю длину Невского проспекта перерезают мерцающие нити гирлянд.

Такси не было. Пройдясь по морозцу, Марина оказалась на Лиговском проспекте, замерзла и решилась на действие, не рекомендуемое иностранцам в России: стала голосовать частникам. Из реденького потока машин, цвет которых невозможно было различить от налипшего грязного снега,

выскользнул и «Жигули», и после непродолжительного торга майор в черном кителе согласился подвезти гражданку США по адресу, который она указала. Расположившись на заднем сиденье и разглядывая четко, по-офицерски подбритую шею водителя, крупные латунные звезды на его погонах, Марина размышляла над тем, возможна ли подобная ситуация в Америке, где, к примеру, в канун Нового года офицер армии США подвез бы русского туриста в надежде подзаработать. Получалось что-то очень забавное, и это немыслимое несоответствие рассмешило ее. Легкое чувство свободы и раскрепощенности постепенно проникало в сознание и начало доставлять невероятно приятные ощущения.

С первого визита Марины в страну Советов спецслужбы обеих стран по-разному оценили ее порыв знакомиться и дружить с людьми из СССР. Размышляя над складывающейся ситуацией, Марина не исключала того, что русские могли видеть все интенсивных контактах многоходовые интриги идеологических служб ЦРУ, а родные цэрэушники наверняка подозревали, что КГБ втягивает ее в свои козни. Своими сомнениями на этот же счет с ней поделился и родной брат Лук, помощник сенатора.

Согревшись в машине, Марина с интересом разглядывала плывущую над ней непрерывную вереницу красивых фасадов, украшенные елочками витрины магазинов, появившихся на улицах горожан, заснеженные тротуары, пустые троллейбусы с замерзшими стеклами. В это предновогоднее утро большой проснувшийся город неторопливо выходил на улицы, зажигались огни, в общественном транспорте пахло мандаринами, а у сетчатых клеток последние нерадивые покупатели с тревогой осматривали оставшиеся на их долю куцые елочки. Вскоре машина покатилась по Фонтанке, и в морозном воздухе, наполненном снежной пылью, взгляду открылась прекрасная картина вставшего над городом солнца.

Покрутившись по Фонтанке и заехав наконец с нечетной стороны, они нашли нужный дом. Марина расплатилась, зашла в подъезд и в лифте, напоминающем малюсенький шкаф, поднялась на последний этаж.

— Какой приятный новогодний сюрприз! — воскликнула Ирэна, обнимая Марину в дверях. Подруги расцеловались. — Я совершенно не поняла твоего звонка вчера вечером, у тебя был такой взволнованный голос, что можно было подумать, будто стряслось что-то невероятное!

Марина засмеялась и сообщила подруге:

— Шпионский детектив. Я просто сбежала из Москвы от всех. Если бы я это не сделала, у меня, наверное, был бы нервный срыв.

Очень не хотелось встречать Новый год в гостинице. Я ужасно устала от Москвы и от всего, что там происходит.

— Правильно сделала, что приехала! — согласилась Ирана. — Здесь безусловно интересней и спокойней. Мы всей компанией идем к нашим друзьям в «Танцпол». Сбор около одиннадцати, ну а до того времени можно еще успеть отдохнуть.

— Это там, где клуб? Да? А я знаю, мне Тимур в Нью-Йорке много рассказывал про это место, очень интересно посмотреть.

— Трудно сказать, клуб это, или квартира, или что-то еще. Одним словом, посмотришь.

Марина уселась на кухне в кресло у стола, поджала нога и с удовольствием обнаружила возле себя чашку горячего чая. Ирэна хлопотала вокруг подруги, пододвигая к ней яблоки, мед и прочие вкусности. Девушки, давно не видевшие друг друга, проговорили около часа, и в конце концов стало ясно, что обеим нужно еще поспать. Ирэна выдала все Необходимое для умывания и исчезла в глубине квартиры. Уставшая от мучительной поездки в поезде, Марина ощутила приятную истому и необоримое желание спать. Забравшись в постель, она практически сразу уснула.

Новогодняя вечеринка надвигалась, а танцполовцы все продолжали подготовительные хлопоты. Поздно проснувшись, они долго завтракали, потом рыскали по району, докупая шампанское, после дела занесли их на Садовую площадь, где у бетонной башни вечно строящегося метро был устроен елочный базар.

— Ну что? Какую? — спросил Андрей у ссутулившегося от холода Миши.

Густо усыпанные пушистыми хлопьями снега, они притопывали на месте и, согнувшись, нетерпеливо рылись в колючей куче оледеневших елок. Куча была не то чтобы велика — просто она была неряшливо навалена- множество других покупателей, явившихся к елочному базару раньше, как попало раскидали не приглянувшиеся им елочки. Порядком измарав руки пахучей смолой, молодые люди наконец-то выбрали новогоднее деревце и стали придирчиво осматривать свою покупку со всех сторон.

— Сколько стоит? — поинтересовался Миша у подскочившего торговца, одетого на манер разбойника из новорусских сказок.

— Дэсат рублэй, — добродушно ответил обладатель валенок, спортивных брюк и драного тулупа.

Торговец, судя по всему, уже был навеселе и нетерпеливо ожидал последних в уходящем году рубликов.

— Держи.

— Дэсат рублэй — мэтр, — уточнил тот, поднимая с земли длинную доску с нарисованными делениями.

Он выхватил у Миши елочку и произвел вычисления:

— Двадцат пят.

Андрей взглянул на часы — пять часов вечера. До Нового года оставалось совсем немного времени. На поиски елки они вышли после долгой дискуссии с Алексеем, утверждавшим, что все эти елки и прочие атрибуты традиционного новогоднего вечера — полная чушь. Андрей, не представлявший Нового года без привычной с детства елки, схлестнулся с братом. Горячая аргументация и художественное описание смешанного запаха мандаринов и ели победили, и неисправимый скептик сдался.

Ухватив обвязанную шпагатом елочку, друзья поспешили домой. Заснеженные улицы опустели, редкие прохожие, отягощенные сумками, спешили к праздничным столам. Молодые люди торопливо прошли по Садовой до Никольской церкви, свернули на Крюков канал и, практически никого не встретив, добрались до своего дома.

— Ну что, лесорубы? — встретил их в дверях Алексей с добродушной издевкой. — Чего притащили? О-о!!! Миша, а у нас не мало шампанского?

Миша отряхнул с куртки крупицы снега и вместо ответа открыл дверь кладовки. Алексей заглянул в полутемную комнату и удовлетворенно присвистнул — квадратная колонна из ящиков с вином подпирала потолок. Елочку установили в ведро, засыпали мокрым песком и оставили отогреваться у теплой батареи. Через час она оттаяла, расправила веточки, и в помещении запахло лесом. Усевшись в кресле и закурив, Алексей придирчиво осмотрел дерево и после некоторого раздумья подвел черту под украшательской суетой:

— Только давайте договоримся. Никаких этих дурацких игрушек. Просто елка — это я еще понимаю, а вся эта мишура и дождики — это бред.

Подыгрывая его добродушному настроению, спорить никто не стал, да и украшать елку, собственно, было нечем. Оставшиеся до полуночи часы провели за неспешными разговорами и затейливым ужином.

За исключением нескольких самых близких друзей, до наступления Нового года гостей не ожидалось. Закончив трапезу, на круглом столе оставили лишь огромное блюдо с фруктами, ананас, шоколад и шампанское. Алексей прошелся по всей квартире, зажег свечи и вернулся из спальни с картонным пакетом в руках.

— Катя прислала нам подарок из Берлина! — сообщил он с довольной улыбкой, показывая черный конверт пластинки.

Андрей с интересом уставился на пластинку:

— Что там?

— «Энигма»!

— Что?

— Сейчас послушаем.

Стойка с аппаратурой осветилась множеством лампочек, Алексей поставил пластинку и опустил иглу проигрывателя. Тихая и грустная мелодия, возникшая в пустоте, стала разрастаться, набирать мощь и заполнила квартиру проникновенным церковным хоралом. Эту композицию можно было бы назвать сплавом католической мессы и электронной танцевальной музыки. Развалившись в кресле, Андрей нафантазировал себе колючее пространство давящего своей масштабностью готического собора, рвущиеся внутрь потоки пламенного света и возносящееся к небесам пение серых монахов. Наполняясь возвышенными настроениями, пластинку прослушали несколько раз, мало-помалу добавляя громкости. Неожиданно в комнате появился Георгий. Он выжидающе остановился в дверях, и когда Алексей уменьшил звук, спросил со смехом:

— У вас тут религиозная оргия?

Вопрос был задан с тем осторожным участием, которое всегда граничит с вежливым насмехательством. Проникшийся остротой момента Алексей оторвался от пластинки и, протягивая руку, вышел навстречу другу. Настроение у Георгия было самое приподнятое, он приветливо улыбался и был, как всегда, необыкновенно элегантно одет. Пожав всем руки, он уселся в кресло, обвел помещение критическим взглядом и взял в руку бутылку вина.

— Катрин прислала в подарок из Берлина, — сообщил Алексей, подсаживаясь к столу и передавая Георгию конверт от пластинки.

Повертев конверт в руках, Георгий отложил его в сторону и откупорил стрельнувшую пробкой бутылку.

— Катя! Как она? — спросил он, оживляясь. — Я ужасно по ней соскучился.

— Шлет всем привет, тоже скучает и обещает в скорости приехать, — ответил ему Алексей.

— Отлично! Давайте выпьем! Сегодня же Новый год, нужно веселиться!

— Прекрасная идея! Проводим старый!

— Да, это был неплохой год. Но он прошел, и забудем о нем.

С Новым годом!

— С Новым годом!

Зазвенели бокалы, и друзья поздравили друг друга. Бокал шампанского произвел в голове Андрея свое обычное освежающее действие, чем-то напоминающее легкое дуновение ветра после изнурительного полуденного зноя. Полумрак, сгустившийся в этой старой квартире, и расставленные во множестве горящие свечи успокаивали его. Оставив минутной стрелке полчаса пути, время медленно приближалось к торжественной полуночи.

— Послушайте, может быть, стоит растопить камин? — обратился он к друзьям.

— Конечно, как это мы забыли! — откликнулся Алексей.

— Прекрасная праздничная идея! Супер!

Андрей принес дрова и занялся растопкой, и через какое-то время среди поленьев заплясал язычок пламени. То ли из-за сырости дров, то ли из-за того, что дымоход серьезно промерз, камин отчаянно задымил и наполнил гостиную горьковатым запахом костра. Но тепло разогрело трубу, тяга наладилась, и уже через несколько минут дрова весело затрещали. Комната осветилась колышущимися всполохами и стала наполняться приятным теплом. В это время в прихожей раздался нетерпеливый звонок, и Миша отправился открывать. Послышались выстрелы хлопушек, смех, и в гостиной появились обсыпанные конфетти Африка и Прока, а за ними в комнату вошла неизвестная девушка, закутанная по-русски в платок с матрешками. Новоприбывшие принесли с улицы морозную свежесть н плачущие на плечах снежинки. Сняв верхнюю одежду и торжественно поприветствовав присутствующих, они присоединились к обществу.

— Знакомьтесь, — пригласила всех Ирэна, растирая раскрасневшиеся от мороза щеки. — Наша подруга из Нью-Йорка, Марина. Прошу любить и жаловать.

Здороваясь, девушка в платке всем по очереди протягивал а руку и очаровательно улыбалась.

Компания перемешалась в комнате, хлопнула очередная бутылка шампанского, и Ирэна торжественно сообщила:

— Господа! До Нового года остается двадцать минут! Предлагаю высказываться по поводу года прошедшего, ну и, собственно говоря, попрощаться с ним.

Еще до того, как она оказалась в этой квартире, Марина со слов Ирэны и Тимура уже составила некоторое представление о том, что увидит в этом приватном клубе, но увиденное в действительности абсолютно ни на что не походило. Закрыв

глазницы окон, на берегу замерзшей реки спал старый дом. Но в глубине этого призрака теплилась жизнь, и эта жизнь мерцала в окнах огоньками свечей — их Марина заметила еще с заснеженной набережной. Безжизненный и тихий, у крашенный роскошной лепкой, этот спящий дом с первой минуты произвел на нее глубокое впечатление. Оторванный от нынешнего времени, дом обладал памятью стен, он хранил очертания былой роскоши, в нем угадывались наслоен и я разных возрастов, были видны шрамы и увечья, нанесенные ему людьми. Но самое сильное и в то же время странное впечатление произвели на нее люди, находившиеся тут, — четверо сидевших у огня и медитировавших в задымленной комнате. Девушка ожидала увидеть клуб, наполненный музыкой, светом и пестрой публикой, а оказалась в освещенном свечами призрачном месте, воздух которого был пропитан плавающими звуками какой-то грустной мелодии. Все странности последних дней, сложившиеся в одну цепь неслучайных событий, за несколько минут до Нового года привели ее к этому пылающему огню, и, вглядевшись внутрь себя, она с радостью осознала, что больше не чувствует того отчаянного одиночества, которое неотступной тенью ходило за ней весь последний год. Все стало просто и понятно. Волнение, которое она неосознанно испытывала, приближаясь к этому дому, растворилось. Марина успокоилась и вдруг осознала, до какой же степени он а устала от Москвы. Она подошла ближе к камину, протянула озябшие руки к огню и стала греться в исходивших о т него потоках тепла. Рядом с ней оказался тот молодой человек, который слушал музыку в наушниках. Он придвинул ей кресло, она благодарно улыбнулась и опустилась в него.

— Хочешь вина? — спросил он учтиво.

— Да, спасибо… — неожиданно оробев, ответила Марина.

Ирэна, представлявшая ей обитателей квартиры, так бы стро произнесла их русские имена, что сейчас она не могла вспомнить, как кого зовут и, что самое неудобное, как зовут этого улыбчивого молодого человека. Очевидно, поняв ее замешательство, он представился еще раз:

— Я Леша.

— Леша. А я Марина, — смутившись собственной забывчивости, произнесла она и улыбнулась.

— Я знаю.

Где-то далеко квартира ожила, наполнилась звуками и голосами, а уже через минуту в гостиной появились новые гости, наполнившее все вокруг радостными возгласами и смехом. В числе многочисленных новоприбывших Марина узнала Тимура и, невероятно обрадовавшись, поднялась ему навстречу. Тимур

заключил ее в объятия, они расцеловались, и после этого он представил ей своих спутников.

— Мы едва поспели! — радостно сообщил Тимур. — Ни машин, ни людей. Шли пешком. Господа! Прошу всех сюда поближе, остаются считанные минуты.

Веселая компания сгрудилась вокруг стола, все наполнили бокалы, и, поглядывая на часы, Тимур звонким голосом начал отечет:

— Пять, четыре, три, два, один!!! С Новым годом!

— С Новым годом!!! — веселым хором подхватили все собравшиеся.

Обсыпав всех дождем конфетти, разом выстрелили несколько хлопушек, гости разожгли бенгальские свечи и стали дарить друг другу припасенные подарки. Обнявшись со всеми друзьями, Алексей перехватил счастливо улыбающегося Андрея и, отойдя с ним в сторону, сказал:

— Андрюша, с Новым годом! Я пошел играть, встречайте с Мишей гостей. Сегодня будут все свои, но все равно присматривай за входом.

— Не переживай, все будет нормально. С Новым годом!

— Где-то в час Монро будет петь песню. Лучше всего это, наверное, сделать в гостиной, я подам тебе сигнал.

Через несколько минут Алексей встал к аппаратуре и, точно зная, с чего начать, взял Первую пластинку. Испытывая необыкновенный эмоциональный подъем от зарождающегося праздника, он улыбнулся пустому залу, сделал хороший глоток из стоящего рядом бокала и, согнувшись над вертушками, поставил диск «Энигма». Постепенно подвижная ручка мастера громкости поползла вверх, и динамики начали послушно выдыхать из себя равномерные толчки. В освещенном свечами пустом зале вспыхнул белый луч и стал чертить по стенам нервные линии. На звук ожившего барабана стали подтягиваться гости, они понемногу заполняли зал и прохаживались с бокалами в руках.

Не прошло и получаса, как квартира наполнилась людьми. Встретив Новый год в кругу семьи или друзей, все приглашенные на вечеринку и все желавшие туда попасть устремлялись на Фонтанку, используя все возможные средства передвижения. Уже к часу ночи плотно забитый танцпол счастливо отплясывал. На новогоднюю вечеринку собрался самый близкий, дружеский круг, и хлынувшее радостной волной новогоднее настроение затопило все вокруг.

Марина, забыв обо всем на свете, танцевала в центре зала.

Музыка, соединившаяся с происходящим вокруг нее, образовывала легкую волну, и эта новая, радостно пульсирующая волна наполняла ее душу восторженностью, легкостью и счастьем. Сквозь густые ресницы полуприкрытых глаз она исподволь наблюдала за танцующими вокруг нее неизвестными людьми и в полумраке зала видела их счастливые улыбки и горящие радостью глаза. Изредка она примечала некоторых своих знакомых, пляшущих рядом, но чаще всего ее увлажнившийся взгляд останавливался н а пятне света, в котором играл склонившийся над столом диджей. Маленькая лампочка кидала отсветы на его фигуру, а двигающиеся тени иногда полностью скрывали черты задумчивого лица. Присматривая за этим пятном света, она видела, как время от времени молодой человек разгибался, взмывало вверх его лицо, взгляд становился более мягким, он улыбался кому-то в зале, одобрительно качал головой и, прижимая наушник к уху, снова проваливался в музыку.

В это самое время Тимур разыскал Андрея и, передав ему кассету с фонограммой, кратко рассказал суть подготовленного Владиком Монро выступления. Из гостиной вынесли стол и кресла, а из маленькой спаленки, превращенной в гримерную, выпорхнула блондинка с ярко накрашенными алыми губами. Владик проследовал сквозь гудящую толпу в каминный зал и, образовав там круг, встал, сложив руки на груди. Музыка на танцполе остановилась, и разгоряченные танцоры шумным потоком устремились в соседний зал. Марина вместе со всеми проследовала в ту комнату, откуда началось ее знакомство с клубом и, оказавшись там, подивилась случившейся перемене: мебели не было стены были расчерчены яркими неоновыми линиями, а на полу, в углу у камина горел огромный белый шар, заливавший амфитеатр зрителей перламутровым свечением. В свободном пространстве, оставшемся в углу комнаты, склонив голову, стояла девушка. Ее трогательная и в то же время полная драматизма поза заставила всех смолкнуть, и когда в переполненном пространстве повисла театральная тишина, фигуру артистки осветил яркий луч.

Марина стала во все глаза рассматривать эту странную девушку и те мельчайшие детали, из которых обычно и состоит индивидуальность женщины. Светло-желтые волосы были уложены летящим набок волнистым потоком, она была в длинной ярко-красной юбке и красных перчатках; в ушах раскачивались пластиковые клипсы, а руки и плечи покрывал черный с блестками газовый платок, сквозь который просвечивало розоватое тело артистки. Заиграла музыка. Достаточно бодрое

барабанное вступление показалось всем совершенно незнакомым, но когда блондинка обвела зрителей влажным любящим взглядом и запела, зал немедленно заиграл улыбками.

С любовью встретиться — проблема трудная,
Планета вертится круглая, круглая!
Летит планета вдаль, но в суматохе дней
Нелегко, нелегко полюбить на ней!

С последними словами этого душераздирающего куплета девушка протянула руки к притихшим слушателям. Воздушная ткань, прикрывавшая ее плечи, соскользнула к локтям, раздалась в стороны, а в образовавшемся интимном разрезе всеобщему обозрению предстала обнаженная женская грудь, достаточно крупная, но обворожительно правильной формы и приятного загорелого тона. Изумленная неожиданным поворотом событий Марина смутилась и потупила глаза, но после некоторого раздумья решила все же рассмотреть эту впечатляющую грудь и уже через мгновение женским чутьем поняла, что грудь эта не настоящая, а самая что ни на есть искусственная, накладываемая на тело наподобие бюстгальтера. Блондинка привела слушателей в состояние восторженной эйфории, начала страстно извиваться и вдохновенно исполнила припев:

Теряют люди друг друга,
А потом не найдут никогда! Никогда! Никогда-аа!!!

— Да! Да! Да! Да-а-аааа!!! — воодушевлено подхватили слушатели.

Гром аплодисментов вперемешку с разноголосыми криками «Браво!» заполнил всю комнату. Низко поклонившись, Владик послал во все стороны томные воздушные поцелуи и был увлечен в кулуары плотным кругом друзей.

Квартира бурлила голосами, повсюду слышался смех, возгласы, хлопки шампанского. Марина осталась стоять там же, где слушала песню. Она почувствовала, что на нее кто-то смотрит, и, обернувшись, увидела в дверном проеме Алексея. Немного смутившись, она улыбнулась ему в ответ. Алексей исчез, и через мгновение в танцполе заиграла музыка, на звук которой устремились гости. Вечеринка вспыхнула с новой силой, и под ногами танцующих затрещал старый паркет.

Появившееся в этот вечер долгожданное ощущение покоя и счастья, поднимаясь из потаенных уголков души, до краев наполнило сердце Марины волнительным трепетом и пьянящим

чувством свободы. Друзья познакомили ее с множеством интересных личностей, ее приглашали в гости, расспрашивали, веселили, и это происходило настолько легко, что у нее не оставалось ни малейшего сомнения в искренности собеседников и необыкновенной естественности всего происходящего. Дружественное тепло, источаемое этими красивыми молодыми людьми, их открытость и радушие никак не походило на ту фальшивую манеру общения, которая была повседневной нормой приятельских контактов в Америке, а потом и офисных диалогов в Москве, и всегда топила ее в холоде бездушности. Она самозабвенно танцевала, как не танцевала уже давно, а может быть, и никогда, не размышляя ни о чем, превратившись в чистое чувство, не ощущая ни усталости, ни времени.

Алексей играл третий час и по изначальному плану должен был давно прерваться, чтобы упасть в руки ожидавших его друзей. Грув, явившийся ему на смену и уже давно сидевший на подоконнике, округлял глаза, тщетно пытался подавать ему знаки. Счастливый Алексей видел его мимические знаки, но никак не реагировал, потому что находился в состоянии необыкновенного вдохновения и подчинялся известному только ему, глубоко личному мотиву.

Он играл для нее. Не осознавая, как и почему, он украдкой выискивал глазами в зале ее хрупкую фигуру и старался звуками проложить дорогу для ее танца все дальше и дальше. В начале вечера они сказали друг другу не более трех слов, но натянувшаяся струна издала в сердце такой звук, что теперь он буквально физически ощущал ее присутствие рядом с собой. Она тоже чувствовала это, их взгляды стали встречаться чаще, и каждый раз она видела в его глазах свое отражение.

Какая-то сила притягивала их друг к другу. Еще через час, когда Алексей сдался и устало отшатнулся от пульта, он поднял глаза и вдруг не увидел ее.

Грув перехватил музыкальный поток и замолотил ускорившимся темпом. Зал одобрительно взвыл, завибрировал, а Алексей проплыл взглядом поверх голов и почувствовал щемящую тревогу. Он испугался, что она уже не здесь, ушла, уже удаляется куда-то, в другой город или на другой континент, и он больше никогда ее не увидит. Он торопливо прошел в каминный зал, потом, уворачиваясь от тянущихся к нему рук, проскользнул в гостиную, на кухню, обратно, метнулся к дверям. Ее нигде не было. В прихожей в хохочущей компании друзей он увидел брата и, толком даже не придумав, что спросить, отозвал его в сторону. Андрей с увлечением стал обниматься, но заметив его растерянность, протянул свой бокал и с трудом поменял

восторженное выражение лица на озабоченное.

— Все в порядке, Леша?

— Да, все нормально. А ты как?

— Я — прекрасно. Некоторые наши друзья уже отправились дальше по гостям и велели поблагодарить тебя за музыку. Играл ты просто супер, мы все танцевали, получился настоящий Новый год.

— А кто, кто уже ушел? — упавшим голосом спросил Алексей. — Я не успел заметить.

— Катя Голицына с Рибсоном, Женя Козлов, Аня Раппопорт, Витя Мазин, Олеся, ну кто еще? А! Гарик с Яночкой, все Воробьи вообще, Игорь Безруков, Венцлова, Тобрелутс… да мало ли, столько народу…

Алексей, внимательно слушавший этот перечень, внезапно перебил его и, откашлявшись, спросил:

— Андрюша, послушай, а Африка с Ирэной ушли? С ними была еще девушка в платке, похожая на цыганку, не видел?

— Девушка в платке? А, понял. Они не то чтобы ушли, они большой компанией пошли к Георгию: Тимур, Егельский, Африка, Ирэна. Там еще кто-то, но я не запоминал. Эта девушка, по-моему, тоже с ними.

Поблагодарив брата, Алексей вышел из квартиры и подошел к двери напротив. Он постучал по металлической накладке, и через минуту дверь отворил улыбающийся Георгий:

— О! Алексей, проходи, — радушно пригласил он.

Алексей оказался внутри, Георгий закрыл за ним дверь, и они вместе вошли в мастерскую. Появление Алексея было встречено радостными приветствиями, он обошел круглый стол в центре комнаты и поздоровался с теми, кого еще не видел. В полумраке мастерской, полной живописных холстов, он едва заметил ту, которую искал.

Марина сидела в низком ампирном кресле и, немного наклонив голову набок, смотрела прямо на него.

Их взгляды встретились, и радость осветила лица.

25

В этот день настроение, окрасившее все грани мировосприятия Андрея холодными и унылыми красками, было скомканное, довольно неопределенное, но это имело под собой ряд вполне объяснимых, житейских оснований. Зима, и без того самое нелюбимое им время года, выдалась на редкость гадостная и уморительная, затягивающая безрадостным кругом одинаковых сереньких дней. Ветреные потоки морозного воздуха,

забиравшиеся под воротник, студили тело, промозглый холод лютовал, вырисовывал наметами белого льда нижнюю часть окон, стлал густые разноцветные дымы над вымерзшими домами. Зима ухватилась за город, как собака за кость. Обмерзлые кучи потемневшего от грязи снега чернили обочины дорог, по торосовому полю замерзшей реки Невы ветер носил вертлявые перья сора, а появившееся в этот день призрачное солнце не грело вовсе. В ледяном коконе вызрел по-настоящему свирепый февраль. Единственное, что давало надежду на лучшее, было то, что это был его последний день, а вместе с тем и последний день этой затяжной зимы.

Щурясь и пригибая голову в потоке ледяных крупинок, Андрей шагал через Неву по Кировскому мосту. Ветер дул яростно, и, прикрывая глаза перчаткой, он бросал короткие взгляды под ноги, да иногда смотрел поверх перил на мутную фотографию города. Трамвай, промчавшийся на Петроградскую, так загрохотал на стыке рельсов, что дрожь от этого стального скока зазвенела в артиллерийской стали старинного моста. Спустившись на Троицкую площадь и протопав через пустой сквер, Андрей очутился перед аккуратненьким, похожим на глазированный торт модерновым особняком. Ранее, когда ему случалось оказываться в этих местах, он пытливым взглядом примечал этот милый дом, сокрытый от шума города внушительной оградой с угловой беседкой. В незапамятные времена жила здесь прима императорского театра, легендарная и обворожительная Матильда Кшесинская. Жила — не тужила, головы кружила. Потом случился «красный октябрь», и в дом ворвались большевики. Балерину «па-апрасили», и она навсегда покинула подмостки Мариинки, а вместе с ними — и этот роскошный особняк с персональной узкоколейной дорогой на дачу в Парголово. Революционеры растащили картины, продали серебро и устроили здесь свой штаб. Топча коваными сапогами буржуйские лакированные паркеты, они решали судьбы мира, харкали себе под ноги и вытравливали аромат духов махорочной вонью.

Андрей где-то читал или что-то слышал об этих исторических превратностях. Он остановился и задумчиво посмотрел на пристроенное к дворцу здание с плоским фасадом, облицованное невзрачным серым мрамором. «Музей революции» — гласила надпись, выведенная на фасаде бронзовыми буквами. Этот «музеи», гадливо прижившийся в изящных покоях, просуществовал долгие годы и докатился до перестроечных девяностых старым лишаем на теле музейного города. Раньше здесь принимали в пионеры, читали лекции и задурманивали

головы недалеким братским народам, приезжавшим в СССР, а точнее — в «колыбель революции Ленинград» напитаться социалистических идей. Прошли годы, и теперь обветшалая пыльная экспозиция, засаленные стены и скрипучий паркет под красными дорожками — вот, собственно, и все, что замечалось посетителями в некогда прекрасных интерьерах.

Перед входом в этот странный музей стояли и курили несколько человек.

— Здорово, Андрон! — еще издали воскликнул Габриэль, заприметив Андрея, входящего в калитку. — Мы все на месте. Где твои? Давай рули, время!

— Сейчас все будет, не волнуйся! — ответствовал ему Андрей, опуская обмерзший шарф и утирая перчаткой переносицу.

Габриэль Воробьев, больше известный среди друзей как Гаврила (иногда даже как Гарик), киноактер, красавчик, умница и балагур, покуривал в обществе родных и друзей. Яночка, Даня Адельсон и Денис Исаков поприветствовали Андрея, и расцеловавшись, все сразу же направились внутрь.

Обстоятельства, приведшие их в этот революционный колумбарий, были прямым следствием широкомасштабной интервенции «Танцпола», предпринятой им после «Gagarinparty» по отношению к множеству полуобморочных или попросту протухших институций. Проверке на крепость нервов подверглись директора разных учреждений. Как правило, события разворачивались по одному и тому же сценарию: с официальным визитом к руководителю какого-нибудь Дворца культуры или театра заявлялись бодрые молодые люди (Андрей, Алексей и Миша). Передавая друг другу слово, они громко и эффектно кодировали директора, рубили воздух ладонью, давя при этом на самую больную для него тему коммерческой импотенции его заведения. Как правило, круг проблем, обсуждаемых на таких встречах, делился на две части: первая, безусловно, была бедственное, полное трагической безысходности состояние дворца (музея, театра, дома культуры), а вторая — невероятно радужные перспективы, открывавшиеся перед дворцом (музеем, театром и т. д.) при возможном сотрудничестве с «Танцполом».

На сей раз молодым людям предстояло договориться с ближайшим родственником Дениса Исакова, одним из руководителей «Музея революции». Степенный мужчина, партиец-ортодокс с тридцатилетним стажем принял молодых людей в своей научной келье и после получасовой беседы заверил посетителей, что дело ему в общем нравится, да и деньги нужны до зарезу, вот только не может он побороть в себе страх перед

идеологически чуждыми каждому коммунисту иноземными танцами. На дом балерины, как на место для вечеринки, уже было махнули рукой, но умница Олеся придумала, что можно было с ним сделать.

Олеся Туркина, миниатюрная улыбчивая девушка, вместе с мужем, психоаналитиком и автором научных трудов Виктором Мазиным, были постоянными гостями на Фонтанке и практически на всех самых интересных культурных событиях. Олеся работала искусствоведом в Русском музее, в том самом новообразованном отделе «новейших течений», который не так давно устроил первую выставку закупленных музеем работ «Новых художников». Олеся и Виктор пришли во дворец Кшесинской и, представившись научными сотрудниками Русского музея, сумели убедить директора дать согласие на проведение в стенах «Музея революции» художественной выставки. После взвешенного обдумывания концепции определился и ее формат. Белла Матвеева и Владик Мамышев-Монро. Легенда Владика — тоска по Гермафродиту, и работы Беллы — герметичность и холодность красоты. Соблазн обмана и обман соблазна. Выставку назвали «Painting and Petting». Так все и произошло.

В намеченный день парадные комнаты особняка украсились множеством живописных полотен Беллы. Яркие, очаровывающие, воспевающие красоту человеческого тела, будучи расставленными на мольбертах в этих роскошных помещениях, они наполнились потоками света, и изображенные на них обнаженные фигуры воспарили. Владик же, как всегда, приготовил ряд номеров. В качестве собственного клона он привел на выставку маленького мальчика с белыми волосами (мини-Монро), который стал объектом его инсталляции. В зимнем саду под пыльными пальмами установили стол, накрыли его скатертью, и на этом столе белокурый мальчик возлег в трогательной позе. Одет он был в костюм цвета хаки, а на его шее был повязан красный бант. Он изображал бездыханную Мэрилин. Владик, как большой художник широкими мазками, забросал композицию красными гвоздиками, соорудил в изголовье мальчика рукодельный алтарек с фотографией Мэрилин и в конце, не удержавшись, кокетливо прибавил ко всему воздушных шариков. Когда решительно все было готово, он оперся рукою о белый рояль и, немного фальшивя, спел взволнованным зрителям довольно чувственную песенку о грустных шутках любви.

Выставка, никак не умалившая великого значения Октябрьской революции, прошедшая тихо и мирно, очень понравилась дирекции музея. Результатом чего стало заявление

большевиков об их готовности продолжать контакты с буржуазной культурой. Прошло какое-то время, и княжна Катя Голицына вместе с Яночкой Адельсон подготовила совещание, на котором присутствовали самые модные городские модельеры Татьяна Парфенова, Константин Гончаров, Владимир Бухинник и Елена Левшина. Выслушав предложение Яночки, все единодушно согласились с ее идеей и наметили провести в этом месте показ мод. Этот повод и привел Андрея к парадному входу в Музей революции морозным днем 29 февраля високосного 1992 года.

В просторном холле с пузатыми колоннами желтого камня отчетливо слышались гудящие звуки из гардероба, расположенного в недрах здания. Оказавшись в святилище Октября, ребята вытерли ноги и принялись вникать в обстановку. Дозорные бабульки подозрительно уставились на молодых нахалов и потребовали купить билеты. Те, в свою очередь, представились арендаторами и надменно проследовали в гардероб, громко глумясь над кумачовыми драпировками, обильно развешенными повсюду. Вскорости появилась распорядительница, представившаяся Виолеттой Михайловной. Умиленно оглядев молодых людей, эта солидная, пышно одетая дама увлекла всех за собой, оживленно болтая и, как показалось Андрею, даже немного покручивая задом перед симпатичными юношами. Все вместе они прошли по коридорам, поднялись и спустились по лестницам и в конце концов оказались в помещениях, которые, судя по остаткам роскоши и виду из окон, когда-то были парадными комнатами особняка Матильды.

— Вот! Этот зал и музыкальный салон — ваши! — громко объявила Виолетта Михайловна, поводя рукой вокруг себя. — Когда вы собираетесь начать?

— Сейчас прямо и начнем, — ответил за всю компанию Гаврила, подмигивая Андрею.

— А когда закончите?

— Ну… как получится, — уклончиво замямлил Андрей.

— Ну что же, — пропустив это мимо ушей, согласилась Виолетта Михайловна. — Вы тоже художники?

— Да, в общем, в какой-то степени…

— Я позову электрика. Если я вам понадоблюсь, то я буду в центральном здании. Осторожней с пальмами.

— Хорошо, хорошо! Спасибо.

Когда Виолетта скрылась за лаковыми дверями, Андрей стал задумчиво прохаживаться по музыкальному салону а Гаврила вытащил «ризлу» и, усевшись на ампирный диванчик, смастерил симпатичный косячок.

— Начнем, пожалуй! — улыбаясь, скомандовал он.

Прикурив папироску и выпустив струйку ароматного дыма, он немного закашлялся и смешно наморщил лоб.

— Да, пора начинать, — согласился Андрей. — Пойду позвоню.

Он направился к дверям и поблуждав по таинственным закоулкам, снова оказался в фойе музея. Но искать телефон и куда бы то ни было звонить ему не пришлось. Техники уже поджидали его распоряжений, посиживая во дворе музея на огромных черных ящиках. После недолгих совещаний работа закипела. Черные кофры с оборудованием перетаскали в особняк, распотрошили и через пару часов гроздья светильников были расставлены на штативах по всем углам парадных комнат. Свет зажгли, и все присутствующие ахнули от приятной неожиданности: разноцветные, плавно переливающиеся пятна света, разбежавшись по потолкам и стенам, наполнили зал необыкновенной торжественностью.

К вечеру стали прибывать действующие лица. В помещение для переодеваний притащили несколько столов, пару зеркал, зажгли яркий свет, и в воздухе запахло горячим утюгом. Девушки-модели, юноши, взволнованные друзья, помощники, гримеры, парикмахеры, приглашенные и самозваные — все закружились и завертелись в старинных комнатах лихорадочными потоками. Музей революции охватила такая суета, что служители-староверы, выказывая признаки заинтересованности и тревоги, стали испуганно высовывать носы из служебных кабинетов. Быть может, в этой беготне, грохоте стульев, смехе и криках им чудился отголосок былой революционной чехарды, охватившей этот дом семьдесят пять лет назад? Неизвестно. С улицы же все творившееся в особняке скорее напоминало то, что происходило в нем до начала красного разгуляева: в ярко освещенных окнах были собраны вверх белоснежные итальянские шторы, переливаясь разноцветными огнями горели хрустальные люстры, бросая воздушные тени, по комнатам ходили люди, и силуэты их были легки и изящны.

В просторной, но до чрезвычайности заполненной людьми комнате для переодеваний, в общем гвалте и густом табачном дыму у окна столпились все ближайшие друзья. Став полукругом, они пили шампанское и громко хихикали над оказавшимся в центре внимания, только что прибывшем на показ Владиком Монро. Покачиваясь на высоких каблуках, с бокалом в руке, Владик манерно покуривал и купаться в лучах всеобщего любования. Обтягивающее с серебряным отливом платье, темно-

зеленое перьевое боа вокруг шеи, длинный парик цвета воронова крыла и адский грим до неузнаваемости изменили облик нежной блондинки с пухлыми губками.

— Кто это!? Кого это я вижу? — театрально воскликнул Гаврила, успевший элегантно принарядиться и пририсовать себе тонкие усики.

Владик живо обернулся на зов эффектного мужчины и, смерив его снизу вверх оценивающим взглядом, с растяжкой в нос сообщил присутствующим:

— Я сегодня в новом образе.

— В каком, в каком? — зашумели все вокруг.

Сломав линию бровей и криво улыбнувшись, Владик сотворил на своем лице невероятно порочное выражение:

— В каком, в каком, — передразнил он их. — Я в образе сталинской шлюхи, неужели не понятно?

Его неожиданное признание утонуло в общем хохоте, скучавшие фотографы защелкали затворами, хлопнула бутылка шампанского, и больная часть собравшихся, дабы не мешать подготовке к показу, с шумом повалила из костюмерной вон. К этому часу дом был уже полон гостей. Украдкой куря по закоулкам музея, приглашенные терпеливо дожидались начала показа и оживленно беседовали тесными группками.

Набегавшись по переполненным людьми комнатам, Андрей как мог завязывал все узелки на постоянно рвущейся нити общей организации. Он очутился за белым роялем у огромного окна, где была установлена звуковая аппаратура. Место это, как оказалось, было выбрано совершенно неудачно, так как все зрители, заполнившие салон, смотрели именно в эту сторону, и ему, чтобы не маячить за спинами моделей, приходилось в буквальном смысле прятаться под роялем. Так или иначе, но нужно было начинать. К нему подошла дирижировавшая всем показом Екатерина Голицына, они пошептались, и после этого Андрей нажал кнопочку. Заиграла первая из запланированных для показа песен, гости притихли, свет разгорелся, и в открывшиеся двухстворчатые двери выпорхнула первая модель в платье из коллекции Тани Парфеновой.

Яркое, красочное действо, растянувшееся на два часа, подходило к концу, у зрителей уже ладони горели от аплодисментов. Все получилось настолько неожиданно и красиво, что сам того не ожидавший Андрей пришел в совершенно приподнятое настроение. Тот серый туман в голове и на сердце, с которым он шел сюда через заснеженный город, растаял, и у него возникло ощущение, что должно случиться что-то очень приятное, что вокруг друзья и все дальнейшее будет очень

хорошо. Милые, устремленные к центру ярко освещенной комнаты лица гостей жадно пожирали глазами представление. Немного холодные, но все же взволнованные модели порхали по подиуму, Катя Голицына и Яночка Адельсон счастливо улыбались, Гаврила хитро подмигивал, гости хлопали, а модельеры кланялись и получали цветы. Вне всяких сомнений, показ удался. Когда за гремели отодвигаемые стулья и шум возбужденных голосов заполнил зал, к Андрею бочком приблизился Гаврила. Заговорщицки оглядываясь, он стал шептать ему на ухо:

— Андрон. Тут почти вся администрация разошлась остались одни бабки на входе. А они не знают, что должно быть и во сколько все заканчивается. Давай побалдеем? Все готовы, шампанское есть.

— В смысле побалдеем?

— Врубай музон, часик потанцуем. Слушай, а где Леша? Я что-то не видел его сегодня. Его что — нет?

— Он в Москве, — ответил Андрей, раздумывая над предложением Гаврилы.

Предложение это было славное, так и подмывало продолжить тут веселье. Единственное, что омрачало радость, — танцевать-то им не разрешили. Показ — пожалуйста, а вот потанцевать — извините.

— Чего он в Москве делает? По бизнесу? Вечеринку готовит?

— Не-а. По-моему, он влюбился. Поехал к Марине.

— Марина? Кто это?

— Потом расскажу. Ну чего делать-то будем?

Уже через минуту яркий белый свет срезался, и в мигающем разноцветном калейдоскопе затанцевал весь музыкальный салон. Никем не ожидаемые танцы стали приятным сюрпризом, гости сдвинули стулья к стенам и без особых приглашений пустились в пляс. Переставляя кассеты, Андрей углубился в музыку и не заметил, как рядом с ним оказался какой-то молодой человек. Взглянув на него, он стал припоминать и вспомнил, что уже видел этого парня у Гаврилы, когда был там в гостях. Да, это был тот самый парень, который записывал на бобинный магнитофон передачи «BBS World» и обменивался с Гаврилой музыкой. Вот только имени его он вспомнить не мог.

— Привет! — бросил Андрею молодой человек. — Помнишь меня? Мы знакомились…

— У Габриэля.

— Точно. Я Костя. Сегодня в Парголово будут играть «Пупсы» и «Нож для фрау Мюллер»… — начал рассказывать он.

— Я не люблю панк-рок, — резко оборвал его Андрей с брезгливым выражением лица. — И вообще весь этот рок — дерьмо собачье…

— Подожди, подожди! Я тоже так думаю. Я не закончил, — извиняющимся голосом стал пояснять Костя. — После концерта будет house-party. Если есть желание, поехали с нами. Гаврила, Яночка и все наши едут. У нас есть место в машине…

— Почему нет, с удовольствием, — оживился Андрей. — Извини, я просто не дослушал. А кто будет играть?

— Я.

Улыбнувшись и дружелюбно подмигнув молодому человеку, Андрей снова углубился в музыку, но играть ему пришлось недолго. Минут через двадцать неожиданно резко вспыхнули хрустальные люстры, в зале стало невероятно светло, и в гущу танцующих вихрем ворвалась Виолетта Михайловна Лицо ее было бурым от гнева. К счастью, скандала не получилось. Как только включили свет и иллюзорный мир разломился пополам, все танцующие остановились и послали друг другу такое количество улыбок, что ослепленная этим сиянием Виолетта Михайловна смолчала и лишь тихонько пожурила ответственную за все Яночку. Княжна Голицына взяла Виолетту под ручку и через пять минут инцидент исчерпался сам собой.

Вечер заканчивался, и наступала ночь. Бросив остальные хлопоты на техников и уборщиц, Андрей вместе со всеми выбрался из здания и, остановившись во дворе музея, посмотрел в темно-синее небо над головой. До окончания зимы оставалось два часа. Небо было чистое, в морозном воздухе алмазными россыпями сверкали брызги звезд, а растущий полумесяц цеплялся желтым крюком за темный силуэт дома напротив и освещал верхушки заснеженных деревьев переливающимся светом. После громкой музыки тишина, нахлынувшая на улице, приятно звенела в ушах. Тихие разговоры прощавшихся друг с другом участников показан скрип ног по свежевыпавшему снегу тонули в этом молчании. Единственный звук, нарушавший эту благородную тишину, был тревожный визг колес о вымерзшие рельсы — поздний трамвай, разбрасывая рогами электрические искры, грохотал за забором дома. Андрей еще долго продолжал бы так стоять, если бы из этого мечтательного состояния его не вывел бодрый окрик Габриэля:

— Андрон! Рвем!

Бросив в тень забора красный огонек недокуренной сигареты и наматывая на ходу шарф, Андрей поспешил к поджидавшей его машине, втиснулся на переполненное заднее сиденье и, хлопнув дверью, оставил на улице уголок прищемленной куртки.

В страшно душном, темном и переполненном людьми пространстве остервенело молотила ударная установка. Раздетый по пояс, исколотый татуировками человек с обскобленной левой частью головы, задыхаясь от жары, яростно молотил палочками по барабанам, выкручивая интерес уже порядком разогретой публики в знак вопроса. Только что разорвавшие слушателей «Нож для фрау Мюллер» в буквальном смысле упали со сцены и, протаранив толпу обливающихся пивом фэнов, удалились в подсобное помещение. Превращенное на этот день в «гримерку для артистов», это помещение служило в обычное время складом, но сейчас здесь было полно орущего народа. Вдоль стен сидело множество пьяных, все курили и, в довершение этого ада, в центре комнаты группа «Пупсы» настраивалась на предстоящее выступление. Один лысый в кожаных штанах, другой не то крашеный, не то рябой от природы и третий низкорослый, с торчащим на голове ежиком волос, пригнув друг к другу головы, стояли в окружении преданных фанаток и с величайшей осторожностью чем-то занимались. Когда их занятие было закончено, маленький и самый гадкий восторженно заорал. Он бросил в стену пустую склянку и, хохоча, поднял над головой огромный шприц, полный мутной жидкости. Лысый в коже схватил его руку и потащил в потаенный уголок. Там дело пошло быстро: панки дружно засучивали рукава и, по очереди перетягивая друг другу руки ремнем, бодро втрескивались в вену.

— Ха-аа-аааааааааа!!! — широко разевая рот, бешено закричал лысый от переполнившего его восторга.

— Дай сюда!

— Блять!

— Девочки! Сюда-аааа!!!

Низкорослый, вращая обессмыслившимися глазами, размахивал шприцом перед лицами фанаток.

— Мне! Мне!

— Мне!

Какая-то девушка пронзительно заверещала. Карлика поймали, стали хватать за руки, он повис у кого-то плече, запрокинул голову и выпустил из шприца струйку кислоты себе прямо в рот.

— В догоночку! Ха-арашшо-оо!!! — заорал он.

Вырвавшись из державших его рук и опрокидывая на ходу стулья, он стал продираться к выходу на сцену.

Лысый успел завладеть шприцом, собрал вокруг себя кружок поклонниц и стал по очереди заливать им ПСП прямо в открытые рты. Когда процедура подошла к концу и всех присутствующих

растащило, орущие от галлюцинаций «Пупсы» оказались на сцене.

Никогда в своей жизни не видавший такого концерта Андрей растерял своих друзей в этом странном доме и сам немного потерялся. Они долго ехали из дворца Кшесинской и в конце концов оказались в занесенном снегами пригороде Петербурга. Все выгрузились перед двухэтажным деревянным зданием зеленого цвета и, как дорогие гости, с почетом были препровождены внутрь. Здание это казалось похожим на Дом культуры поселкового масштаба. Невероятно грязное, крашенное маслом изнутри, с дровяными печками и несколькими большими комнатами, оно было битком набито какой-то сомнительной публикой — очевидно, местными парголовскими гопниками. В одной из этих комнат был бар с бильярдом, в другой гремел хард-кор-панк и бесновались двести человек, а в остальных было вообще неясно что. Оказавшись в этом жутком месте, Андрей в одиночестве побродил по помещениям и, встретив, наконец, пригласившего его Костю, узнал, что все друзья собрались на втором этаже и сейчас отсиживаются там в какой-то приватной комнате. Отправившись искать эту комнату, Андрей попал в до невозможности прокуренное и темное помещение, где кололись панки и их поклонники. Повстречав там своих друзей, он остался с ними и, покуривая в сторонке, они стали свидетелями этой веселой настройки инструментов.

Судя по реву из зала, концерт «Пупсов» начался. Во время исполнения первой же песни музыка неожиданно оборвалась, и со сцены донеслись отчаянные крики, шум и грохот упавшей аппаратуры. Имея избыток времени и любопытства, тесный кружок приехавших с показа выбрался из вонючей кладовки, и все стали протискиваться к сцене.

В душной бане зрительного зала «Пупсов» довольно жестко размазало. От силы воздействия кислоты, духоты и направленных в лицо ярких прожекторов они потели и неестественно дергали разными частями тела. Слыша в искаженном виде доносившиеся до их сознания восторженные выкрики, хохот и свисты, музыканты сомнамбулически двигались по сцене, механически бряцая по онемевшим гитарам. Когда напуганные техники восстановили развалившуюся пирамиду колонок и кое-как Наладили звук, концерт продолжился. Заминка, случившаяся по вине рухнувшего на сцене музыканта, быстро забылась, группа бешено запрыгала и забренчала. Мощная, выворачивающая наизнанку энергетика понесла в зал звуки, похожие на визг электропилы грохот барабанов, крики и слюну вокалиста, а слушатели бесновато запрыгали перед сценой, некоторые даже

вниз головой с нее. Музыканты в раже стукались грифами гитар, плевались в зал, подпрыгивали, орали и, блаженно закатывал глаза, доводили своих поклонников до состояния, близкого к экстазу.

Андрей, погрузившийся в эту клоаку, от нехватки воздуха и невыносимости творящегося бреда стал частично терять сознание. Спасительная, успокаивающая близость друзей исчезла, его оттерли от них в сторону и, зажатый между трясущимися и липкими от пота панками, он стал быстро приближаться к безумию. Глаза заволакивало мутью, его постоянно толкали орущие люди, в толпе облили какой-то гадостью и в довершение всего больно ткнули горящим окурком в шею. Закричав от неожиданности, Ш схватился за место ожога.

«Бежать! Бежать отсюда! — пронеслась мысль в его гудящей колоколом голове. — Мерзкий сральник».

Ни вечеринка, ни другие заманчивые перспективы — ничто более не могло сдерживать его неустранимого желания поскорее убраться из этого вертепа, вернуться домой и снова оказаться в привычном мире, в задумчивой тишине пустой квартиры. Даже не осознав этой мысли до конца, он стал отчаянно продираться сквозь толпу, пытаясь проложить себе дорогу к выходу. Без двух пуговиц на куртке и с отдавленными ногами, он вырвался из зала и заметался в поисках гардероба. Его преследовало неприятное ощущение, что свет во всех помещениях меркнет и повсюду на него таращатся какие-то неприятные рожи. Затравленное чувство беззащитного одиночества, внезапно охватившее его, перешло в панику, и к нему прибавилась истерическая непереносимость окружавших запахов и разрастающаяся внутренняя брезгливость. Толкаемый в спину шквалом собственного сумасбродства, он с каменным лицом несся по запруженным людьми комнатам, пытаясь дознаться, где его одежда и где выход на улицу.

— Андрей, — прозвучал у него над самым ухом тихий голос.

Он резко обернулся и с близкого расстояния увидел пару карих глаз, в которых сияли влажные точечки света. Отступив на шаг, он прищурился и разглядел окликнувшую его девушку.

— Маша! — выдохнул он с облегчением и надеждой. — А я… ну…

Маша Демидова, юная девушка, высокая, стройная, с живым лицом и умными глазами, появилась на Фонтанке не так давно, но быстро сумела со всеми подружиться и стать всеобщей приятельницей. Беззаботная и веселая в обычной жизни, сейчас она выглядела немного подавленной и растерянной.

— Хорошо, что встретились. Я вас потеряла и уже полчаса брожу здесь одна, — сообщила она Андрею. — Гарик с Яночкой,

Воробей и Даня только что уехали домой переодеваться. Меня оставили.

— Я… Я, честно говоря… Чуть сейчас с ума не сошел, — признался Андрей, отводя ее за локоть в сторону. — Словил жесткую негативку. Хочу домой.

— А вечеринка? Костик же будет играть в первый раз.

— Не могу. Мутит от этого бреда.

— Поехали тогда вместе, — попросилась Маша. — Но у меня нет денег на такси. Я тоже хочу домой. Зря мы после показа сюда приехали. Как в грязи извалялась.

Андрей стал приходить в себя и кое-что соображать. Вдвоем они нашли гардероб, оделись и, проскрипев по обледенелым половицам коридора, выбрались на улицу. Из открытых форточек на втором этаже в ночное небо густыми клубами валил пар, а стекла замерзших окон дребезжали от музыки. Где-то рядом кто-то истерически хохотал, слышались пьяные голоса и ругань. Ночь была звездная, с прозрачной глубиной висящего над головой вселенского купола и растянутой в нем, от края до края, белесой полосой Млечного Пути. Мороз разрисовал все вокруг белым, и в свете уличного фонаря вымерзшая влага на веточках деревьев сияла ослепительно и ясно. Закутавшись в шарф, Андрей повеселел, отыскал в карманах сигареты и предложил Маше закурить. Вдвоем они склонили головы над огоньком зажигалки и выпустили вихрящиеся на морозе дымки.

— Куда пойдем? — спросила Маша, прикрывая перчаткой лицо от мороза.

— Хорошо бы к дому…

— О, смотри, машина.

На заснеженной поляне, неподалеку от клуба, в тени вековых елей стояла старомодная «Волга» с оленем на капоте.

— Ретрокар!

— То, что надо.

Легкий дымок от работающего двигателя и свет в сало не привлекли молодых людей, они приблизились, и Андрей коротко договорился о поездке.

— Нас двое, ничего? — пробубнил что-то жующий водитель, кивая головой в сторону сидевшего рядом с ним человека.

— Ничего, нас тоже двое.

Уже находясь внутри теплой машины, Андрей расстегнул куртку и стал рассказывать Маше о своих злоключениях в обители зла.

— Мне, конечно, не стоило сюда вообще ехать. Устал ужасно еще на показе. А когда приехал, понял, что так просто не уехать. Все куда-то делись, а потом я попал в такой гадюшник, что

самого замутило.

Маша засмеялась звонким колокольчиком, и от этого смеха Андрею стало спокойно и хорошо. Попетляв по темным дачным улицам, машина выскочила на освещенный проспект и, поднимая вихри снежной пыли, помчалась вдоль спящего района к метро «Озерки».

Долгий последний день зимы закончился, и в темноте ночи проступила лазоревая полоска раннего утра первого весеннего дня. При мысли о весне Андрей заулыбался и представил себе, как быстро теперь полетит время навстречу дню рождения. День ото дня солнце будет взлетать все выше, день наступать раньше, приблизится тепло, растает эта белая дрянь, и все будет очень и очень хорошо. Заметив его мечтательную улыбку, Маша потрепала пальцем красный кончик замершего носа и, наморщившись, спросила:

— Пойдете на вечеринку в ДК Горького?

— Куда это? Когда? — переспросил Андрей, борясь зевотой. — Что за вечеринка?

— Ваня Салмаксов с Бирманом устраивают. Получается, что уже сегодня ночью, в Доме культуры на Нарвской.

— А что там такое?

— Не знаю. Меня с Воробьем Тимофей Абрамов пригласил, они его взяли работать художником. Он им делает все дизайны и все остальное по этой части. Тимофей говорит будет очень красиво, танцы прямо на сцене, моряки, балерины…

— Не знаю, не знаю… Нас не приглашали. Мы с «Block Limited» после «Гагарина» не общаемся. Там вышла неприятная история с деньгами…

— Я знаю… — поспешила заверить его Маша, — Все в курсе, добавила она шепотом. — Но какая разница? Все идут. Тимофей передал для всей компании пачку приглашений.

Совершенно неожиданно резко присевшая носом машина свернула с трассы и нырнула в малоприметный переулочек, темной гущей влезавший в проем между какими-то гаражами. Качнувшись всем телом от неожиданного маневра, Андрей ухватился за спинку водительского дивана и, тревожно оглядываясь по сторонам, спросил у водителя:

— Куда вы едете, милейший?

Не удостоив его ответом, ссутулившийся над баранкой шофер молчал, кидая в маленькое зеркальце заднего вида короткие и злые взгляды. В черных щелях его сощуренных глаз читалась скрытая злоба и решимость.

— Куда вы едете, черт вас возьми! — заорал ему в затылок Андрей.

Побледневшая Маша прижала к лицу сжатые в кулаки руки и испуганно замигала глазами.

— Не ори! Кишки простудишь! — развернувшись к нему лицом, членораздельно произнес до этого молчавший пассажир с переднего сиденья.

Он положил согнутый локоть на спинку кресла и на пальцах его левой руки Андрей увидел фиолетовые татуировки в виде колец с крестами. Машина неожиданно остановилась, шофер выключил фары, после чего резко развернулся на своем месте и, повернув к Андрею свое ощерившееся от злобы лицо, коротко крикнул:

— Вылазь! Блять!

В образовавшейся полутьме во рту разбойника желтыми огоньками сверкнули вставные зубы, и только тут Андрей понял, что водитель и его липовый пассажир на самом деле бандиты с большой дороги.

— Вали отсюда! Баба с нами остается! — все так же не спеша скомандовал второй.

Андрей не увидел, а скорее почувствовал задрожавшую радом Машу. Неожиданно подступивший страх перехватил дыхание. Не видя ничего, он стал шарить левой рукой по обшивке двери, а когда холодная хромированная ручка оказалась в ладони, он крепко сжал ее и дернул что было мочи. Дверь неожиданно распахнулась, Андрей выпал из машины, едва успев подцепить правой рукой Машин локоть. Вместе они кубарем выкатились на снег и радом с их лицами под днищем машины густым рыком вздрогнула выхлопная труба. Поскользнувшись на присыпанном снегом льду, Андрей не удержал равновесия и со всего маха пребольно грохнулся спиной. Хрюкнула коробка передач и, выкрутив передние колеса, водитель стал двигать машину назад, как видно, намереваясь раздавить беглецов. Секунды, прошедшие после этого, показались Андрею часами: он извернулся в снегу и, распластавшись уже на животе, схватил Машу за ворот пальто.

— Бежим! — закричал он ей.

Страх выскочил у них из глаз и побежал по заснеженному переулку, из темноты, вперед, на освещенное зарево проспекта. Обежав неповоротливую машину кругом, Андрей и Маша с вывернутыми назад головами припустили по безлюдному переулку навстречу висевшему в темноте пятну света. Где-то сзади с хрустом рычагов и ревом двигателя разворачивалась «Волга». Вскоре свет ее фар полоснул по бетонной стене гаража и, колыхаясь поверх неглубокого оврага, стал вытягиваться под ногами удирающих. В голове у Андрея бешено заиграл на гитаре тот лысый в кожаных штанах, вставленный и реактивный.

Медиатор в его руке бряцнул по струнам с такой силой, что эхо этого звука мечущейся пулей залетало в голове. Андрею казалось, что его ноги отяжелели, двигаются с величайшим трудом и ко всему прочему прилипают подошвами к хрустящему снегу. Где-то рядом легко и бесшумно неслась Маша. Андрею показалось, что они бегут уже по меньшей мере час. Гаражи остались позади, за спиной деловито гудел бандитский автомобиль, а набравшая ночную яркость луна заливала мерцающим светом сосны, высившиеся справа и слева. Их засыпанные белым снегом пушистые кроны придавали происходящему оттенок сказочности, но в этой неожиданно ставшей страшной сказке зло черным драконом неслось за героями по пятам.

Как это обычно и бывает, от расправы и всего остального трудно представимого ужаса их спас добрый богатырь на сказочном коне. Когда обессиленные, они выбрались на хорошо освещенный проспект, то едва не попали под колеса, проезжавшей мимо грузовой машины, рассыпавшей соль на заснеженном шоссе. Водитель, меньше всего ожидавший, что в три часа ночи под его машину бросятся парень с девушкой, резко затормозил и, высунувшись из кабины, разразился матерной тирадой. Задыхаясь от бега и волнения, Маша с Андреем, наперебой стали рассказывать ему о нападении и просить помощи. Уразумев бедственное положение молодых людей и, как видно, имея собственные счеты с бандитами, водитель грузовика усадил молодежь в кабину, а сам достал из-под сиденья ручку для завода двигателя. С этой металлической дубиной он вышел встречать демонов, но те, выбравшись на проспект и увидев новое действующее лицо, даже не стали останавливаться и припустили к городу.

— Как же это, вашу мать, вас так угораздило? — молодецки сплюнув, спросил у ребят мужик-спаситель, усаживаясь в кабину.

На вид ему было лет пятьдесят-шестьдесят. Изборожденное глубокими морщинами, его лицо во время разговора постоянно меняло выражение от нахмуренно-серьезного к иронично-шутейному. Он закурил едкую сигарету без фильтра и, оглядев острым глазком своих растрепанных пассажиров, завел машину.

— Мы хотели домой доехать… — начал было рассказывать Андрей. — А они завезли нас, и говорят.

— Хав-х-ха-ря-ят! — смеясь и передразнивая Андрея грудью закашлялся мужик. — Чего ж ты, мать твою, с бабой к двоим-то сел?

— Никого больше не было… — теряясь под напором справедливого упрека, смутился Андрей. — Это какие-то бандиты…

— Какие, на хрен, бандиты? Шпана! — уверенно сообщил водитель. — Я их, бля!

Ожившая после погони Маша стала шарить по карманам и озабоченно смотреть себе под ноги.

— Похоже, я перчатки потеряла, — сообщила она. — Холодно.

Водитель включил загудевшую печку и ухватился за оплетенный пластиковым жгутом руль.

— Грейся, дочка! А то перемерзнешь, ебтваюмать! — с доброй улыбкой предложил он Маше.

Машина тронулась и зашуршала рассыпавшимися во все стороны потоками солевых кристаллов. В ровном гудении двигателя Андрей на минуту задумался. Задумался над тем, что первые его ощущения всегда бывают самые точные. Ему не стоило сегодня ехать в этот мутный клуб, не стоило обманывать самого себя. Еще несколько часов назад он чувствовал, что устал, но тогда у него было хорошее настроение, а теперь он почти мертв. Но теперь все кончено. Сегодня уже весна. Хорошо. Закончился этот кошмар. Машина уносила их из этого страшного места, подальше от всех этих уголовников. Подумав об этом, Андрей радостно улыбнулся, и только тут заметил, что пальцы рук водителя татуированы кольцами с крестами, очень похожими на те, что были у налетчика из «Волги».

«Вот те на! — подумалось ему. — Покатались!»

26

События ранней весны стали разворачиваться в Петербурге как скрученная пружина. House-вечеринки, став за последний год самым модным и популярным среди молодежи явлением, завладели умами масс и гремели яркими субботними фейерверками. Постоянно действующий клуб на Фонтанке стал трещать по швам от напиравшего на входную дверь потока гостей. Поток этот, не иссякая, приносил к дверям клуба все новые и новые массы взволнованных новобранцев. Знакомства третьей степени стали рекомендательной нормой. В узкой бойнице полуоткрытых дверей, на страже которых бессменно стоял Миша, эти рекомендации позволяли пройти самому «знакомому знакомого члена клуба», а в удачном случае еще и провести с собой несколько друзей. Постепенно и как-то незаметно к идейно выдержанному и сплоченному коллективу старых членов клуба стали примешиваться новые слои «современной молодежи», добавляя к и без того обширному кругу друзей новых персонажей. Штурмовым натиском, застенчивой

долготерпимостью, хитрой дипломатией и умилительной осадой в «Танцпол» пробирались молодые врачи, студенты разных вузов, сбегавшие из казарм курсанты военных училищ, мажоры с Дворцовой площади, иностранные журналисты, молодые бизнесмены, впервые вышедшие в свет молоденькие Девушки и прочая разношерстная публика. Все эта активная молодежь перемешивалась в одном пространстве, разогревалась и при определенном сжатии и музыкальном давлении выпускала столько энергии, что от этого процесса сотрясались стены старого дома.

В это же самое время Женя Бирман и Ваня Салмаксов, бывшие друзья и партнеры «Танцпола», ныне разделенные с ним стеной не до конца проясненного финансового конфликта, развили собственную, и достаточно энергичную, деятельность. То, что рассказала Андрею Маша Демидова, было правдой. На следующий день после показа во дворце Кшесинской и той странной вечеринки в Парголово в Доме культуры имени Горького состоялась танцевальная вечеринка, устроенная «F. Y. Intertainment» (новое после «Block Ltd» переименование компании «Бирман — Салмаксов»). Попасть на нее Андрею, однако же, было не суждено: вернувшись утром после всех случившихся с ним злоключений, он погрузился в такой глубокий сон, что надолго утратил связь с миром.

На неделе из Москвы вернулся старший брат. Андрея приятно поразила произошедшая с ним перемена: он стал энергичным, но терпимым к чужому мнению, чаще слушал, нежели говорил сам и вообще выказывал массу самых приятных черт своего характера. Однако же по фону этой внешней мобилизации и повышенной боеспособности все время проплывали легкие облачка рассеянности и время от времени случались минутные провалы романтической самоуглубленности. Ближайшие друзья, посвященные в тайну его романа с американской девушкой, улыбались этим переменам и вопросов не задавали, а остальным просто казалось, что Алексей стал необычайно мил.

Помимо лирического настроения, Алексей привез из Москвы массу полезных контактов и идей. Изучая после «Gagarin-party» структурную картину административной подготовки этой грандиозной вечеринки, он восстановил все контакты, находившиеся до этого момента только у Бирмана, и лично пообщался с лицами и организациями, задействованными в подготовке «Гагарина». Таким образом он познакомился с неким Олегом Цодиковым, спокойным и обходительным молодым человеком, представившимся другом Рубика. Цодиков не был

совсем уж случайным человеком. В свое время он работал барменом в том самом дискобаре, где год назад Рубик устраивал первую вечеринку в Москве.

Возможно, что его природная обаятельность и уравновешенность в сочетании с этой странной рекомендацией возымели действие, и щепетильный в отношениях Алексей достаточно быстро с ним сдружился. Цодиков, потрясенный до глубины души масштабом «Gagarin-party» и размерами выручки, много вкладывал в их зарождающуюся дружбу. Его внутричерепной калькулятор бесконечно производил массу различных вычислений, выдавая результаты с множеством нулей. Он чувствовал, что за этой еще не известной широким слоям москвичей формой развлечения лежит гора денег. Именно он правильно оценил высоту этой горы и, лично познакомившись с Хаасом, стал готовиться к восхождению.

— Мы выезжаем в Москву! — веско и твердо заявил Алексей своим товарищам за традиционным чаем.

Андрей, успевший до этого вкратце уяснить себе нынешнее положение вещей, не удивился, зато Миша недоуменно уставился на Алексея и потребовал разъяснений.

— Чего там?

— Мы с Олегом нашли в Москве классное место, нужно готовить вечеринку, но главное, что подписана бумага и состоится вторая «Gagarin-party» на ВДНХ.

— Вторая?

— Да.

— А о чем ты говорил до этого?

— Здание Министерства культуры.

— Вот это круто! — со смехом воскликнул Миша. — А кто нас туда пустит? Ты шутишь?

— Уже пустили.

Вскорости Алексей дал подробные разъяснения, из которых стало понятно, что новый знакомый и партнер по московским делам Цодиков, используя ниточки околородственных связей, встряхнул опутывающую столицу административную паутинку и добился от нужной инстанции разрешения на грошовую аренду фойе здания Министерства. Ничего не подозревающие чиновники собственноручно санкционировали вечеринку в стенах бывшего святилища социалистической культуры, тем самым включая зеленый свет бульдозеру, выехавшему крушить старье и разравнивать площадку под новый культурный пласт.

Цодиков оказался довольно продуктивным партнером. Вместе с ним Алексей предстал перед дирекцией ВДНХ, и после

нескольких встреч им удалось подписать новый договор на проведение вечеринки в апреле месяце.

«Gagarin-party-2» было решено провести 12 апреля, в день космонавтики.

Не пробыв дома и дня, Алексей снова укатил в Москву, а Андрей и Миша остались, чтобы подготовиться к глубинному погружению ж ярш тш в клубе обычную субботнюю вечеринку. Суббота пришла, но желая дознаться, что же делают бывшие партнеры Бирман с Салмаксовым, Андрей свалил все хлопоты по «Танцполу» на Мишу, а сам с друзьями уехал на проспект Стачек.

Выдержанный в лучших традициях сталинской архитектуры Дом культуры имени Горького располагался прямо на площади Стачек. Эта обширная площадь, построенная во славу побед русского оружия, была украшена величественными триумфальными воротами, стальным колоссом высившимися над суетой современного города. Внутри здания отчетливо слышались бухающие звуки музыки. Компания молодых людей, в составе которой Андрей прибыл на вечеринку, приблизилась к входу и оказалась в толпе, осаждавшей единственную входную дверь, узкую и забаррикадированную телами трех милиционеров.

— Тимофей! Тимофей! — надрывались голоса, доносившиеся из недр этой беспокойной массы. — Проведи!

Только тут Андрей заметил коротко стриженного улыбчивого юношу с торчащим вверх чубчиком черных волос. Он прятался за спинами стражей порядка. Нельзя было сказать, что они были так уж близко знакомы — скорее, часто виделись. Утонченный и изящный, Тимофей был молодым поэтом приятным человеком, талантливым во всех отношениях. Вместе со своей возлюбленной Татьяной он часто бывал на Фонтанке, и эта милая пара, как свеча во мраке, всегда источала вокруг себя покой и безмятежность. Сейчас же положение Тимофея было достаточно незавидным: нагромождения видимых и всех прочих обстоятельств заставляли его мучительно преодолевать трудности на входе и при этом еще хлопотать о друзьях и знакомых, жавшихся на улице в потоках промозглого ветра. За дело решительно взялись Леша Воробьев и Заяц. Протолкавшись локтями к горловине потока, они завладели вниманием Тимофея и, обменявшись с ним командными сигналами, энергично замахали остальным. После этого маневра все прибывшие друзья, как регбисты, ухватили друг друга за плечи и, протаранив ядро толпы, по одному протиснулись в двери. Насколько это возможно в тесном тамбуре, все по очереди поприветствовали Тимофея и двинулись внутрь, сжимая в руках выданные каждому флаеры. На

этих листовочках было начертано:

Приглашение на вечеринку «Вессенция»
«F. Y. Intertainment», Л.Ю.К.И., «Горький дом»,
общество «М-ИКС»
Симфонический оркестр, Академический хор, новая версия
Лондонские диджеи Иан Дарк из «98 Пруфр»,
Др. Джем из «Кукер»
Русский диск-жокей Грув

Из всего прочитанного в этой рекламке Андрей как-тосразу обратил внимание на фразу: «Русский диск-жокей Грув».

«Грув! Ах ты мурманский прохвост!» — подумал он с досадой.

Не то чтобы в нем взыграла помещичья ревность к перебежавшему в соседнюю усадьбу балалаечнику — скорее стало обидно, что человек, в появление и развитие которого они столько вложили, не стал придерживаться корпоративных принципов и отправился играть на вечеринку конкурентов.

Как только они проскочат коптящееся сигаретным дымом фойе и оказались в темном зрительном зале, вечеринка накаталась на них густой массой. Действие происходило на сцене. Несколько сот человек выплясывали на ней под летами прожекторов. Сизый дым в ультрафиолетовом сиянии струился по сцене и, клубясь, стекал в оркестровую яму, а в этом дыму бешено взрывались вспышки стробоскопа и суетно метались зеленые нити лазеров. Выбрав удобную для наблюдения позицию, Андрей замер в глубине кулис и стал осматриваться. Идея, воплощённая «F. Y. Intertainment», была необыкновенно хороша- огромная, объемистая сцена имела непостижимую высоту, сотни монтажных ходов и металлических конструкций. Зрительный зал был погружен в темноту. Засевшие в нем редкие зрители поблескивали огоньками сигарет и, сидя в мягких креслах, любовались необыкновенным представлением. Но основные эффекты оказались припасенными на попозже: когда по прошествии часа Андрей оказался среди танцующих, в высоте задымленной сцены вспыхнули прожектора. Эти яркие лучи высветили металлические клетки, а в них белыми птицами затрепетали танцующие балерины. Зал завыл от радости, и за диджейским пультом показался первый англичанин. Как только он заиграл, пол сцены завибрировал и, к общему изумлению, двинулся с места. Гигантский круг сцены пришел в движение и стал вращаться, медленной каруселью кружа уплотнившихся к его центру танцоров.

Через час разгоряченный и довольный происходящим Андрей

спустился со сцены и тут же повстречал в буфете своих друзей. С видом людей, дрейфующих по морю праздности, Олег Назаров и Денис Одинг вальяжно покуривали сигаретки и распивали бутылочку шампанского. С того момента. когда Андреи виделся с ними в последний раз, оба друга художника немного изменились. Отрастивший длинные волосы Олег был по-заграничному принаряжен, руки его блистали серебром перстней, а пластика движении стала увереннее и мужественнее. Денис изменился лишь тем, что покрасил волосы темными перьями, но был при этом не менее колоритен: откинувшись на спинку стула и вытянув ноги во всю длину, этот красавчик небрежно постреливал по проплывавшим мимо фройляйнам крупным калибром своих голубых глаз, а в случаях наиболее точных попаданий еще и издавал для них сладострастные стоны. Друзьям было очень весело, и они громко гоготали.

— Вот это встреча! — возбужденно закричал Назаров, обнимая Андрея так крепко, что у того хрустнули ключицы. — Денис картину продал! Отмечаем, садись. Я сейчас!

Он рванулся из-за стола и, работая локтями, вкрутился в галдящую очередь. Через пару минут толпа выбросила его с другой стороны, но в руках у него уже было две бутылки полусухого шампанского.

— Двести пятьдесят рублей бутылочка! — недоуменно воскликнул Олег, неизвестно к кому обращаясь.

— Ты что, с луны свалился? — весело спросил его Андрей. — Уже месяц, как все ноль добавляют. Билет сюда на вечеринку — пятьсот рублей.

— Инфляция! — лениво подтвердил Денис, пуская дым носом.

— Давно не виделись, как у вас дела? — спросил Олег, заливая стол винной пеной.

Понимая, что находится практически на вражеской территории и испытывая в связи с этим определенный дискомфорт, Андрей стал отпускать дозированную информацию:

— У нас все прекрасно! Работаем. После «Гагарина» народ как с ума сошел. На Фонтанке собираются толпы. Скоро будет вечеринка в Москве, в Министерстве культуры. А главное, в апреле второй «Gagarin». Послушайте, по-моему, я вас не видел на «Gagarin-party»? Или что-то путаю?

— Все так, — согласно закивал Олег. — Вышла тухлая история. Бирман позвал нас везти картины на вечеринку, сказал, что праздник, все такое, предлагал устроить там выставку. Мы собрались, упаковали картины, а когда пришло время, выяснилось, что нам нужно самим покупать билеты, денег нет, а

есть одна гостиница. Мы послали его и не поехали вообще.

— А-а, — промычал Андрей. — Денег нет — это знакомо. А чего делали? Вечеринка была просто супер. Жаль, что вас не было.

— Да жаль, но время зря не прошло. Я с Анкетой уехал в Германию. Берлин, Гамбург. Я столько нового увидел за эти два месяца!

— А я рисовал! — сообщил Денис.

— Вы все там же на Свечном?

— Нет. У нас был оплаченный договор на год. Но коммерсант, который оплатил нам мастерскую, сдулся. Его бандиты съели. И под Новый год нас оттуда выгнали. Мы нашли мастерскую неподалеку от Свечного, на Владимирском. Заходите в гости.

— Славный притон! — подтвердил Денис.

— Конечно…

Договорить Андрею не удалось. В поле его зрения попали Ваня Салмаксов и Женя Бирман, неспешно обходившие свои владения. Андрей увидел их впервые со дня гагаринской вечеринки и сейчас, обнаружив по-прежнему сияющую улыбку Бирмана, оторопел, не зная, как себя повести. Салмаксов с Бирманом приблизились и как ни в чем небывало, радушно всех поприветствовали. Пожав руки представителям «F. Y. Intertainment», Андрей расстроился от того, что у него не хватило духу пойти на конфликт и сказать им какую-нибудь резкость, но здравый смысл возобладал: решив проявить гибкость и дипломатичность, он вежливо поручкался, а после стал ждать, что будет дальше.

— Как вам тут? — сразу у всех спросил Салмаксов.

— Вери гуд! — заверил Денис. — Только шампанское очень дорогое.

— Мы хотим с англичанами на следующей неделе прийти к вам на Фонтанку. Пустите? — лукаво улыбаясь, спросил Бирман у Андрея. — Давно не виделись. Как у вас дела? Я слышал, Леша в Москве?

— Да-а, — медленно сказал Андрей и стал отвечать на его вопросы в обратном порядке: — В Москве. Дела хорошо. Приходите конечно. Почему ты спрашиваешь?

— Ну так.

— Дела прекрасно. В апреле будет второй «Gagarin», — продолжил Андрей.

— Серьезно? А где? Там же?

— Да.

— Понятно. У нас тоже будет вечеринка в Москве. И тоже в

апреле.

— А где? — еле выдавил из себя Андрей, разжевывая извилинами мозга ужасающую догадку. — На ВДНХ?

Бирман, не заметив, а скорее почувствовав его тревогу, засмеялся и ответил:

— Нет, мы не пересечемся. Велотрек «Крылатское».

— «Мобиле», — загадочно добавил Иван.

Они выпили шампанского, поговорили о чем-то еще и вскорости благополучно разошлись. Забыв спросить у Назарова и Одиига их новый адрес, Андрей распрощался с ними, спустился лунатическим шагом в гардероб и выбрался на улицу.

Прошло две недели, и действия уже разворачивались в Москве. Оказавшись накануне вечеринки в этом малознакомом и в общем-то нелюбимом городе, Андрей поселился на квартире у приятелей и вместе с Мишей захлопотал в одной упряжке. По накатанным рельсам в Москву примчался Янис Крауклис. Солнечным мартовским днем в просторный холл Министерства выгрузили дна грузовика аппаратуры, грузовик алкоголя и, после довольно замысловатых украшательств пространства, стартовали. Вечеринку в стенах Министерства назвали «Минкульт». Черно-белая, напечатанная на ризографе реклама изображала огромный правительственный автомобиль марки ЗИМ, стоящий у подъезда внушительного казенного здания. Какой за этим скрывался смысл, можно было только догадываться, но легким весенним ветерком эти загадочные листочки разлетелись по необъятным просторам столицы, и в назначенный час перед этим условно обозначенным подъездом собралась огромная толпа молодежи. Само здание, несмотря на семантическую помпезность, оказалось весьма невыразительным, лишенным какой-либо тайны и загадочности. Объемистые, отделанные светло-серым мрамором пространства, несуразные, брежневского периода, люстры, латунь, шелковые шторы, обилие стекла, дурацкие надписи. Трудно было себе представить более прозаический и скучный интерьер для вечерники, но в какой-то мере ситуацию спасло само фойе. Высоченный двухсветный зал наполнился дымом и залился цветными лучами. По верху он был окольцован широкой галереей для зрителей, а снизу к ней тянулся виток спиральной лестницы, блестящий во мраке хромом перильных балясин. Публика быстро заполнила это пространство и скоро, разлившись повсюду, бодро затанцевала под очень громкую музыку.

Это была первая после «Гагарина» вечеринка «Танцпола» в Москве. Московская молодежь, разогретая рассказами тысяч очевидцев о гигантской дискотеке питерских на ВДНХ, бойко раскупала билеты. Завышенная специально для Москвы цена никого не останавливала. Андрей, стоявший на входе среди совершенно неизвестных ему людей, чувствовал себя настоящим

инопланетянином. Мимо него несся поток людей, молодых, красивых, дорого и по-модному одетых. Предвкушая массу приятных ощущений, кроющихся за тайной дверью в конце узкого коридора, все смеялись, громко разговаривали и дисциплинированно, друг за другом, выкладывали в окошечко кассы вздутые инфляцией стопки денег. Приятно поражало отсутствие быков и каких бы то ни было проблем с бандитами: молодые люди улыбались, девушки смеялись, и в воздухе носился пьянящий аромат всеобщей расслабленности.

Но не обошлось и без забавных эпизодов. Около трех ночи, когда танцпол был полон и звук заставлял сотрясаться огромные стекла окон, к зданию Министерства кортежем подъехали несколько машин. Из «мерседесов» выгрузилась пестрая компания, и, выстроившись клином, новоприбывшие двинулись к входу. Возглавлял шествие человек в черном кожаном плаще до пола, в черных очках и с длинными прямыми волосами. Этот богемный образ и внушительная свита выдавали в нем звезду шоу-бизнеса. Когда черный плащ ступил в коридор и, не снижая скорости, направился в зал, дорогу ему преградили два милиционера, управляемые тихим шепотом Андрея. Незнакомец снял очки, и все узнали в нем зятя Пугачевой, певца Преснякова. Увидев звезду, милиционеры стушевались, но Андрей не растерялся и, гостеприимно улыбаясь, помог знаменитости увидеть красиво оформленное окошко кассы. Не ожидая такого приема, тот остановился в нерешительности, а спустя минуту резко развернулся к своему сопровождению.

— Поехали отсюда! — скомандовал он раздраженным голосом.

— Куда? Куда? — спросил тонкий женский голосок. — Вова, а зачем мы сюда приехали?

— В казино, куда угодно! Поехали!

Уже через мгновение возмущенные артисты эстрады грузились по машинам.

— Кого это ты проводил? — с улыбкой спросил появившийся на входе Алексей.

— Да, этого… Стюардесса по имени Жанна…

— Кого?

— Неважно. Они в образе, думали, тут ресторан. Такой гурьбой прикатили, только что без медведей и цыган…

— Андрей, я хочу тебя с Мариной познакомить. Бросай вход, пошли к бару.

Отдав строгий наказ ментам, братья устремились в бурлящий зал и вскорости оказались у одного из импровизированных баров, от которого во все стороны растекались потоки дорогого

алкоголя. Выплыв откуда-то из темноты, рядом с ними возникло сияющее счастьем лицо Цодикова. Поймав его взгляд, Алексей придвинул к нему свое ухо, Цодиков в него что-то нашептал и так же таинственно куда-то уплыл.

— Цод молодец! — радостно сообщил Алексей, кивком указывая в его сторону. — Только что выполз из кэш-бокса и говорит, что мы уже в плюсе. А еще только три часа ночи. Улавливаешь суть?

— Ну да-а, — как-то вяло и не очень конкретно согласился Андрей. — Билетов много…

— Май френд! Билеты кончились пять минут назад! Так что по бизнесу у нас все в порядке. Наконец-то мы услышим запах больших денег! Шучу. А-а, вот и Марина!

Борясь с потоками непрерывно двигающихся тел, к ним приолижалась та самая девушка, которая в новогоднюю ночь появилась на Фонтанке вместе с Африкой и Ирэной. Андрей узнал ее сразу, хотя внешний облик американки необыкновенным образом изменился. Она подошла к Алексею и взяла его за руку.

— Марина! Ты помнишь моего брата? — громко спросил ее Алексей, пытаясь перекричать грохот музыки. — Познакомься, это Андрюша.

Марина оторвала влюбленный взгляд от его лица и, как бы очнувшись, обнаружила рядом с ним еще одного молодого человека. Алексею пришлось представить ей Андрея еще раз. Рядом с влюбленной парочкой Андрею стало как-то не по себе, он застеснялся и густо покраснел. Марина по-дружески протянула ему руку, одарила теплой улыбкой, ну а уж посте такого официального знакомства Алексей подмигнул брату и увлек ее к центру танцпола. Тогда только Андрей и обратил внимание на их странные наряды: Алексей пришел на вечеринку в расшитой золотыми звездами и петлистыми узорами парадной форме генерала армии с белыми перчатками, а за Мариной волочился длинный шлейф какого-то невероятного и, судя по всему, антикварного платья. Светясь от счастья, они обнялись в центре зала и, удивительным образом отличаясь от всех остальных, стали притягивать к себе множество взглядов.

Алексей был по-настоящему счастлив. Миг упоения настал для него, когда он понял, что сегодня уже ничто не может изменить благоволения капризницы фортуны: любимая девушка и удача в любимом деле — все было с ним. Он крепко сжал хрупкие плечи Марины, вдохнул аромат ее волос, и тут же грудью почувствовал легкую вибрацию.

— Ты все еще кашляешь? — встревоженно спросил он.

— Чут-чут, — призналась Марина. — Мне, наверна,

температура… Волной. Ишо ты знаешь, я боялся тебе сказать все эти дни…

— Что? Что сказать? — недоумевая, спросил Алексей.

— Я должна… — запинаясь, начала Марина. — Я должна сегодня улетать.

— Сегодня!?

— Сейчас. Моя виза кончился уже вчера, мне прислали билет в гостиницу, сегодня в шест утра самолет… Шереметево… я сама на такси…ты должен быт тут…

— Как? Почему?

— Моя виза… билет… я не хотела портить тебе вечеринку…

Алексей взял ее за локти и пристально посмотрел в глаза На дне этих мерцающих грустью глаз он прочел ответ на все вопросы, мучавшие его последнее время. Сердце девушки выкинуло его наружу потоком неудержимых слез. Не в силах сдерживаться, Марина разрыдалась у него на груди прямо посредине танцпола. Ни одна мысль никогда так не сжимала ее сердца и ни одно чувство до этого не наполняло ее существование таким смыслом. Эти три месяца в России теперь казались ей годами. Сейчас, стоя посреди этого наполненного музыкой и людьми зала, она с ужасом осознала, что сегодня последний день в Москве, несколько часов или час, а потом… Наряжаясь на вечеринку в это роскошное привезенное Алексеем с киностудии платье, она не надела на руку часов и сейчас с тревогой схватилась за запястье. Виза. Виза кончилась еще вчера, но она втайне от консульской службы и своих американских коллег сдала билет, чтобы остаться с ним на эту вечеринку, не смогла уехать. Она до смерти боялась русских пограничников и не знала, что теперь из всего этого получится, только горькие слезы безрассудной любви текли по ее щекам, но и сквозь их поволоку она, не отрываясь, продолжала смотреть на его лицо.

В эту же минуту до Алексея дошел смысл сказанного: Марина уезжает. Сегодня. Сейчас. Время. Как это? Он засуетился, окликнул кого-то, и уже через миг сообщил и ей, и себе: «Три часа». Марина обреченно молчала.

Алексей разыскал брата и суматошно сообщил ему последние новости:

— Я уезжаю… Вернее, Марина улетает. Андрей, вы остаетесь тут, смотри, чтобы все было в порядке. Деньги все у Миши, он в кассе. Цодиков со всеми расплатится, проконтролируйте это как-то с Мишей. Я должен бежать. Все, пока, некогда, увидимся…

Произнеся этот монолог, он сорвался с места и, ухватив обессилевшую Марину под руку, — увлек ее за собой на выход.

— Куда это он полетел? — спросил появившийся рядом

Цодиков.

— Не знаю. Говорит, Марина уезжает.

— Почему сейчас?

— Не знаю…

— Что ж раньше-то? Что-то случилось?

— Не знаю…

— Пожар?

— Похоже, катастрофа.

Завизжали колеса, и такси рванулось с места, оставив на асфальте две извилистые черные полосы. Нанимая машину, Алексей так нервничал и торопился, что перепугавшийся шофер вообразил, что жена генерала вот-вот должна родить. Машина разогналась до ста километров и, гудя задним мостом, полетела по пустому проспекту. Мчась по ночной Москве, водитель время от времени бросал осторожные взгляды в зеркало заднего вида, а чаще коротко косился на пассажирское сиденье, куда Алексей бросил горсть мятых тысячерублевок. Легкий дождь, пролившийся этой ночью, дрожал трясущимися каплями света на стеклах машины. Ветер срывал эти капли, и они быстрыми слезами убегали назад. Марина сидела на холодном сиденье и, положив голову на плечо Алексея, с грустью смотрела на эти слезы. Оба молчали. Он молчал, потому что не знал, что нужно говорить: все произошло так быстро. Март, Москва, Марина, вечеринка, музыка, ее признание — и вот такси. Он балансировал на той грани, когда в обычной своей жизни он мог бы неожиданно сорваться, обидеться, уйти в себя и потерять ко всему интерес. Но теперь? Он гнал от себя эту мысль, но все же ему казалось, что она должна была предупредить его о своем отъезде. Должна. Он не винил ее. Нет. Это все та бессонница, что выматывала их последние недели. Внезапно он понял, что так кололо его самолюбие и непривычно саднило сердце — ее слезы. Не в силах больше сдерживаться, она расплакалась на вечеринке и беспомощно призналась, что теперь не может сделать без него и шагу. Теперь он был обязан дать ответ. Обязан. Должен. Он посмотрел на доверчиво притихшую у него на плече Марину, на ее тонкие пальцы и вдруг улыбнулся. А Марина, пытаясь отогнать от себя подступающий холод предстоящей разлуки, согревалась мыслями о нем. Бесконечно вспоминала все подробности их знакомства, свои эмоции, ставших общими друзей, место, время, обстоятельства их первой встречи. Неожиданно ей припомнилась одна деталь, заставившая ее задуматься. Когда в канун Нового года она приехала в заснеженный Петербург, ее подвез с вокзала военный офицер. Тогда тот случай показался ей диковинным. А

что вышло сейчас? Сейчас он а едет домой, в Америку, и везет ее в аэропорт человек в военной форме.

— Все, здесь! Паркуйся и жди! — неожиданно громко скомандовал где-то рядом голос Алексея. — Пойдем, Марина!

— Командир! Долго? Куда поедем?

— Шереметьево, — коротко бросил Алексей и, подумав секунду, добавил: — Раз уж ты такой военный, то называй меня «товарищ генерал».

Они выбрались из машины и оказались в потоке переливающегося света, источаемого огромным козырьком гостиничного входа. Осоловевший от ночного бдения швейцар, увидев прибывших постояльцев, удивленно вытаращил глаза. Девушка в старинном платье и молодой человек в военной форме получили ключ и, держась за руки, молча проследовали в лифт. На девятом этаже колокольчик мелодично звякнул. Еще несколько шагов — и за их спинами хлопнула дверь номера. Вихрь эмоций, ураганным порывом пронесший их через весь город, стих за этой дверью. Марина устало опустилась в кресло и подивилась перемене, произошедшей с ней за последний час. Усталость, простуда и хроническое недосыпание последних дней сковали ее тело, но душа перестала метаться и обрела долгожданный покой. Она вдруг ясно увидела свое будущее и поняла, что уезжает из этой страны ненадолго. Настолько ненадолго, что даже не станет собирать оставшиеся в номере вещи. Тепло этих мыслей постепенно заполнило все тело, но очень скоро оно обернулось легким ознобом простудной температуры.

— Собирайся, Марина! У нас очень мало времени! заботливо попросил ее Алексей.

Она удивленно подняла на него глаза и, улыбнувшись сказала:

— Не нужно.

— Что не нужно? — ласково переспросил он.

— Все это. Пусть остается. Теперь мне это не нужно. Ты сможешь забрать все эти вещи себе?

— Себе?!! Зачем?..

— Я вернусь…

Теперь пришло время удивиться Алексею. Он закрыл на секунду глаза, а когда открыл их, ее лицо было прямо перед ним.

— Ты вернешься?

— Да… К тебе… если ты хочешь… насовсем…

Ощущение вершащейся судьбы тяжело ударило его в грудь, и, задыхаясь от нехватки воздуха, он ответил:

— Да.

Он выпрямился во весь свой рост, она встала рядом с ним. Он молча бросил взгляд на ручные часы. Она как будто только за этим и пришла, взяла со стола паспорт и кредитную карточку. Хлопнула дверь, звякнул лифт, шаркнул ножкой коридорный, и они снова оказались на заднем диванчике старенькой, местами тронутой ржавчиной «Волги».

— Поехали! — строго потребовал Алексей.

— Вы, товарищ генерал, ну прям как Гагарин, — блеснул эрудицией шофер.

— Ты думал, — заверил Алексей, наваливая ему новую порцию купюр.

— Алеша, что он говорит тебе? — удивленно спросила Марина.

— Драйвер на «Гагарин-2» просится. Говорит, всю жизнь мечтал.

— Ты шутишь…

— Конечно шучу.

Через час в гудящем голосами огромном пространстве международного аэропорта за красной линией пограничного контроля у стеклянной будочки собрались несколько офицеров погранслужбы. Зеленые мундиры держали совет. Ситуация была до необычайности странная и неоднозначная. Прибывшая на государственную границу американская девушка была в бальном платье, без верхней одежды, да и вообще без каких бы то ни было вещей. В руках у нее оказался билет до Нью-Йорка и паспорт гражданки США с просроченной российской визой. Девушка не отвечала ни на какие расспросы и тихо плакала. Провожал подозрительную плаксу не менее подозрительный фрукт, неизвестно в связи с чем вырядившийся в генеральский китель и кидавший ей из-за красной линии многозначительные взгляды. Два молодых и энергичных, как борзые собаки, прапорщика передавали друг другу паспорт американки, недоверчиво вчитываясь в него, и всеми способами пытались выискать в нем признаки подделки. Но паспорт был настоящий, да и американка, судя по всему, тоже. Время шло, а в американском консульстве, за ранним часом, включался автоответчик. Решения не было. За дело взялась толстая тетка в лейтенантских погонах, отстоявшая на страже рубежей не один десяток лет.

На сносном английском она приступила к девушке с расспросами:

— Почему у вас просрочена виза? Вы живете в Нью-Йорке? Что вы делали в Москве? Где вы работаете? Почему вы все время плачете?

Утерев слезы ладонью, Марина на довольно неплохом

русском ответила:

— Я не хочу уезжать.

Пытаясь понять, что делают пограничники, Алексей подпрыгнул и крикнул поверх голов:

— Марина!!!

— Из-за него? — строго спросила пограничница, кивая в сторону красной линии.

Марина снова заплакала.

— Пропустить! — коротко бросила женщина. Уголками губ она улыбнулась Марининым слезам и, уходя, добавила:

— Не плачь, вернешься.

27

Апрель прожег в свинцовом куполе неба круглую дырку, и солнце посмотрело на грешную землю в этот маленький глазок. В Петербурге было то холодно, то не очень, то снег, то дождь, но чаще стояла неопределенная сумрачная мгла, вызывающая даже у душевно здорового человека приступы тоски и уныния. Ледовая короста по-прежнему безобразила тротуары улиц, но тонны высыпанной за зиму соли медленно плавили ее, хотя и никак не могли извести. В первых лучах солнца, к радости горожан, заблестели золотые шпили колоколен и расступились мрачные тени промерзших дворов. Старики на парковых лавках грели свои ватные спины, солнцу радовалось все живое, а больше всех, казалось, — очумевшие за зиму птицы. Прыгая по собачьим кучам на грязных газонах, они щебетали как-то по-особенному, по-весеннему, беззаботно радуясь природному оживанию.

Разделяя птичий восторг, Андрей бодро маршировал по Крюкову каналу. У дома, где в свое время жил и скончался великий Суворов, он остановился и посмотрел в окна квартиры полководца. По сложившейся привычке, он всегда останавливался здесь и ждал минуту. Ник то не вышел из этого тихого двухэтажного здания и, пообещав себе какой-нибудь сюрприз в будущем, Андрей отправился дальше. Свернув на Фонтанку и уже подходя к дверям, он нос к носу столкнулся с Маратом. Друзья пару дней не виделись, и поэтому обнялись.

— Куда направляешься? — спросил Андрей у друга.

— Куда? К вам. Разговаривать с Лехой насчет футболок, нужно все обсудить. Сейчас Лелик Захаров подойдет.

— Кто это?

— Лелик? Тот, кто нам все футболки печатал. Вспомнил?

— Теперь да.

— А ты откуда?

— Да так — встречался тут, на местности…

— Пойдем, покажу, какой я дизайн сделал для второго «Гагарина».

Вместе они поднялись в квартиру и оказались в гости ной, полной народа. За круглым столом председательствовали Алексей и Миша. Шло развернутое совещание с участниками, помощниками и волонтерами, задействованными в организации «Gagarin-party-2». Две недели назад «Танцпол» вернулся из Москвы и сейчас в срочном порядке доделывал в Петербурге предпусковые работы. Новый партнер Цодиков (так как смыслил в этом) взял на себя все бары, общение с ВДНХ, ментов и бандитов, а все остальные вопросы легли на «Танцпол». Новая ситуация (после разрыва с «Block Ltd»), в которой пришлось работать над таким крупным проектом, заставила мобилизовать все силы и возможности. В первую очередь в кратчайшие сроки был решен главнейший вопрос — вопрос поиска денег. Безусловно, «Минкульт» дал сборы, и все заработанные на нем деньги были инвестированы в будущую вечеринку, но все же эти пять тысяч долларов не решали всех проблем, а траты росли в геометрической прогрессии каждый день. Очень скоро проторенная дорожка снова привела молодых людей в офис рыботорговцев. Нужно отметить, что после декабрьского «Гагарина» бизнесмены из «Кринты» пребывали в полнейшей эйфории и поэтому, увидев делегацию «Танцпола», встретили неформалов со всей возможной любезностью. Столковались довольно быстро. «Один пишем — два в уме», — так с мечтательной улыбкой на лице обозначил это сотрудничество господин директор, уже реально представляющий, о чем идет речь. Он дал отмашку и, как водится, «однажды вечером» курьеры притащили на Фонтанку спортивную сумку, полную рублей.

Начав хлопотать сразу после Нового года, Алексей только к середине марта добился результата, и теперь было окончательно ясно, что из лондонского «Brain Club» на «Gagarin party-2» приедут Тим Филдинг и Грант Харпер. Из Риги ехал Яни с и его друг Угис Полус, из Питера группа «Not Found», Грув (с проектом «N.D.E») и, естественно, сам Алексей под именем New Culture.

На рекламу решили не разоряться: напечатали только реально необходимый тираж полиграфии и рассудили так, что ситуация в Москве и без того лавиноопасная. Разбуженная первым «Гагариным», молодежь пятнадцатимиллионного мегаполиса беспрерывно повторяла слова «вечеринка», «диджей» и «Gagarin». Колоссальному количеству молодых людей стало ясно, что протухшая эра рок-музыки окончательно завершилась, неактуальны больше дискотеки с лампочками и уж тем более

неприличные места с вульгарным кабацким душком. Всем хотелось нового и самого современного. Масштабный импорт этого нового в Москву как раз и обсуждался в этой комнате.

Проговорили до часу ночи. Когда после всестороннего обсуждения все основные вопросы были закрыты, волонтеров и малознакомых персонажей распустили по домам. Тесный круг уставших друзей раскурил трубки и принялся релаксировать, а Палтус, наделенный в этом проекте большими полномочиями, все еще решительно рубил воздух ладонью. Ситуация «по делу» была всем понятна, и тысячу раз прожевана, но, дымя самой большой папиросой, Миша продолжал вулканировать идеями, одна другой невозможней и фантастичней. Его креативному домысливанию подверглись все без исключения аспекты подготовки, и этим тяжелым катком он, укатывал одуревших за вечер товарищей.

— Я предлагаю показать там космический спектакль. Такой, чтобы всех колбасило, — вещал Миша.

— Ты бредишь, Миша. Какой спектакль?

— Специально поставленное театрализованное действо! Я самолично могу написать сценарий… Давайте оденем барменов в костюмы инопланетян или лучше раздадим ментам космические бластеры. А? Как вам?

— Передавай, не морозь…

— Слушайте, вы как хотите, а я считаю, что кровь из носу необходим телемост «Вечеринка — Орбитальная станция, МИР“», и показать его нужно на огромном экране…

— Миша, а инопланетяне-то будут? — прервал оратора Марат.

— Будут. Я не шучу. Было бы ещё здорово в рекламных Целях запустить над Москвой аэростат, хорошо бы произвести глобальный салют, и нужно транслировать вечеринку по кабельному телевидению…

Когда он стал подбираться к идее запуска с территории ВДНХ ракеты-носителя и ее последующей стыковки в космосе, слушатели не выдержали и от смеха стали по одному лишаться сознания.

— Захватить Тушино! — утирая слезы радости, кричал ему в отьет Алексей.

— Захватить Тушино? — наморщив лоб, переспросил Миша.

— Ну, да! Поднять самолеты! И бомбить Кремль!!!

— Это авантюра!

— Зато — масштаб!!!

Около трех ночи, когда все окончательно набредились и разошлись по домам, Алексей сообщил брату:

— Был сегодня в гостях у Гурьянова. Виделся у него с Ваней Салмаксовым. Он показал мне только полученные из типографии плакаты «Мобиле». Ваня приглашает нас и всех друзей к ним на вечеринку в Крылатское.

— Когда?

— Через неделю после «Гагарина».

— Наступают на пятки.

— Я так не думаю. Эта ситуация теперь одним нам не принадлежит. Наша монополия заканчивается. Но это и к лучшему. Чем больше людей вовлекается в этот процесс, тем больше он будет. От этого выиграют все. Иван предлагает забыть старые счеты и работать если не вместе, то хотя бы не мешая друг другу. Что думаешь?

— Поживем — увидим.

Через несколько дней мощный вихрь подготовки сорвал основной состав «Танцпола» и несколько десятков его помощников, чтобы снова перенести их в Москву. Второй раз идти хоженой дорожкой значительно легче. Ситуация с местом изучена, рычаги управления крепко сжаты в руках, вопросы решаются быстрее. узлы рубятся, нити ловко связываются. Одним словом, в день монтажа павильона, как и положено стартовой площадке, превратился в кишащий муравейник. Пережив в нем мощнейшие эмоции своей самой главной вечеринки, Алексей настолько сросся с этим пространством, что во время второго монтажа действовал уже более решительно. Без суеты и сомнении он распорядился имеющимся объемом техники и выстроил невероятно красивую световую картинку. На этот раз количество управляемых компьютером приборов было увеличено вдвое, более эффектно расставили лазеры, высветили дальние планы, зажгли прожекторами купол, подсветили фасад. Морозов не было, и потому дорогостоящего обогрева не потребовалось. Работали быстро, но измотались в хлам, и потому, когда до начала вечеринки оставалось два часа, большая часть волонтеров от усталости была похожа на медленно ползущих к живодерне кляч.

Находясь непосредственно на месте и наблюдая за всем происходящим, Андрей, по сути, был выключен из общего процесса. Молча бродил он по гигантскому павильону, злился, переживал и не находил себе места. Накануне отъезда в Москву, за несколько часов до поезда, он очень громко, как говорится, в пух и прах разругался с Алексеем. Началось все с мелочи, но, как это и бывает, очень быстро переросло в крупную ссору со взаимными оскорблениями. Братья еще с детства имели богатый

опыт междоусобной войны. Вот и тогда, перед поездом, практически на чемоданах, у них разгорелся спор о чем-то несущественном. Их точки зрения разнились не настолько, чтобы они не смогли договориться, да на беду им решил помочь общий друг Миша Палтус. Желая урезонить братьев, он высказал собственные домыслы, но на деле лишь подлил масла огонь. Алексей ухватился за сказанное, круто переменил свое мнение и, назвав рассуждения брата бредом, махнул в его сторону рукой. Не выдержав этой прилюдной порки, Андрей вспыхнул и перешел в контратаку. Уже через пять минут все присутствующие испуганно пригибали головы: по комнате летали снаряды тяжелой артиллерии.

С той ссоры прошло уже два дня, но даже здесь, в Москве, находясь на монтаже, они по-прежнему не разговаривали. Андрей из-за всего этого сильно переживал и мучился, а Алексей — по крайней мере внешне — был бодр и энергичен. Понимая, что это доставляет брату неудовольствие, он необычайно дружелюбно беседовал с Палтусом, совещался с ним по любому поводу и выказывал ему знаки полного расположения.

Но время шло, а дело делалось. Несмотря ни на какие раздоры, к вечеру двенадцатого апреля павильон «Космос» наполнился потоками ослепительного света, сотрясая металлическую крышу, в помещении надрывались двадцать пять киловатт звука, охрана стояла на местах, а холодильники были забиты шампанским. Ровно в назначенный час вечеринка стартовала, и гости потоком устремились на танцпол.

Все пространство павильона гудело и дрожало, как во время землетрясении. Звук грохотал с таким давлением, что даже в отдаленных от танцпола технических помещениях его сила заставляла вибрировать вентиляционные каналы. Одна из таких комнат была оккупирована волонтерами, принимавшими участие в подготовке. Среди наваленных коробок и сумок с вещами на ящике из-под оборудования сидел молодой человек в белых джинсах, белом «кенгуру», с надетым на голову белым капюшоном. В таком наряде парень был похож на инопланетянина. Это был тот самый Костя, который месяц назад пригласил Андрея послушать собственный микс на панк-вечеринке в Парголово. Сидел он в довольно вольной позе и имел расслабленный вид. До выхода на подиум оставалось около получаса, и Костя разумно пользовался оставшимся временем для отдыха. Поджидая своего приятеля Лешу Локтионова, он курил сигарету и внимательно прислушивался к звучащей на танцполе музыке.

Две недели назад Миша Воронцов пригласил его на «Gagarin-2» работать гоу-дансером. «Будьте автономны!» — дал тогда совет Воронцов. Им с Локтионовым вручили билеты на поезд, а по приезде в Москву поселили в гостинице. Предвидя большую усталость от предстоящих пятичасовых танцев, они не стали надрываться во время монтажа и благополучно просачковали все, что можно. Зато теперь полный сил Костя с удовольствием ждал назначенного часа. Перед выступлением оставалось только одно — выпить шампанского, и именно за этим Локтионов нырнул в бурлящий котел вечеринки. Через какое-то время двери комнаты распахнулись, но вместо Локтионова в помещение вошел Алексей Хаас. Обведя комнату строгим взглядом, он обнаружил отдыхающего Костю и подступил к нему с решительным видом.

— Послушай! — резко начал Алексей. — Почему вы тут прячетесь? Для чего мы вас приглашали вообще? Не хотите танцевать — не нужно. Зачем было головы морочить! Могли остаться в Питере!

— Леша! Леша! Мы ждем своего времени, — попытался объясниться Костя. — Воронцов сказал, что сценарий у Палтуса, а тот велел нам выходить к часу…

— Какой Палтус! Какой сценарий! — рассержено закричал Хаас. — Идите танцевать сейчас! Потом это вообще никому не нужно! Вечеринка идет уже час! Там полный танцпол народа. Какого черта!

Не дожидаясь ответа на свой демарш, Алексей развернулся и, хлопнув дверью, ушел. Волонтеры в комнате притихли, а расстроенный всем случившимся Костя устремился за ним, но столкнулся в дверях со своим другом.

— Куда летишь? — спросил его улыбающийся Локтионов.

— И чего Хаас такой злой? Что-то стряслось?

— И да, и нет! Наверное, он сам все перепутал. Наорал на меня. Требует, чтобы мы немедленно начали денсить.

— А шампунь? Мы же хотели по стаканчику?

— Потом.

Спрятав бутылку в кучу одежды, друзья надели черные очки и устремились к танцполу. Место, на котором им предстояло танцевать, представляло собой кубическую башню высотой около пяти метров. Выстроенная из металлических конструкций, она возвышалась над всем танцполом и была ярко освещена. Переглянувшись, молодые люди полезли по узкой лестничке и очень скоро оказались на верхней площадке. Если снизу вся эта конструкция представлялась просто внушительной, то наверху она оказалась невероятно высокой. Осторожно слушая по щитам

настила, Костя и Леша подошли к краю. Море голов, от края до края заполнявшее танцпол, плескалось у них под ногами и со всех сторон озарялось яркими вспышками прожекторов. Стробоскопы рвали темноту ослепительными клочьями, узкие разноцветные лучи метатись по танцполу, и в этом задымленном аду лазеры чертили невообразимые узоры. Раздумывать было некогда, и, поймав хорошенький басовый удар, парочка белых инопланетян задвигала телами. Их эффектное появление не осталось незамеченным, и множество танцующих с радостными улыбками протянули в их сторону руки. Постепенно освоившись с вибрирующей под ногами платформой, Костя ухватил свисток зубами и, размахивая поднятыми рутами, увлеченно ушел в танец. Время от времени он вспарывал густой воздух очень резким и заливистым свистом. Постепенно к его трелям стали присоединяться свистки с танцпола — московская молодежь подготовилась к вечеринке и, с азартом втягиваясь, вторила ритму.

Но потанцевать в одиночестве белым комбинезонам пришлось недолго. Их заметная выигрышная позиция, помимо всеобщего внимания, привлекла к ним и желающих присоединиться. Поставленный для охраны башни мент не выдержал пытки звуком и исчез, и в результате его дезертирства на платформу очень скоро стали взбираться люди. Первой появилась какая то пергидрольная блондинка в золотых цацках и тряпках от Гуччи, за ней — взволнованный своим поступком студент-очкарик, потом две подружки-карлицы, потом кто-то еще, и еще. Уже через десять минут на площадке собралась критическая масса танцующих. Самозванцы плотно ужали рабочий простор штатных гоу-дансеров и, задыхаясь от счастья, тряслись рядом с ними в самом центре снимаемой всеми видеокамерами картинки. Понимая, что еще чуть-чуть, и их с Лешей просто столкнут вниз, Костя бросал тревожные взгляды по сторонам, но не видел никого, кто мог бы нам помочь. Когда перегруженная башня стала опасно вибрировать, ситуация усугубилась тем, что на площадке появился еще один кряжистый паренек. Протолкавшись к видовому краю, он стал энергично размахивать руками. Несколько раз его тяжелые, как дубины, руки задевапи танцоров, и когда он в очередной раз треснул Костю в бок, тот не выдержат и прокричал:

— Мы вообще-то здесь работаем! А вы нам мешаете!

Здоровяк схватил его за шею и, притянув к себе, заорал прямо в ухо:

— Кто! Я!?

— Вы все! — ответил Костя, делая жест рукой.

— Хочешь, я их всех, сейчас, нахрен, выгоню!!! — предложил незнакомец с перегарчнком.

— Было бы неплохо.

Очевидно, проникнувшись к людям в белом покровительственными чувствами, подвыпивший собеседник Константина жестом показал, что вопрос решаемый, и круто развернулся на месте. Двумя руками он ухватил за одежду первых попавшихся, но эти первые решили поупираться, и пока он сталкивал их вниз, у него от напряжения расстегнулась куртка.

«Все понятно! Дембель», — подумал Костя, разглядев краем глаза десантную тельняшку.

Между тем десантник продолжил методично зачищать захваченный пятачок. Уже через пять минут плацдарм был довольно грубо освобожден, и он царственно махнул гоу-дансерам рукой: «Танцуйте».

Одной из последних с башни кубарем скатилась поклонница Гуччи. Изрыгая проклятия, она тайфуном проложила себе дорогу к ВИП-бару, где вокруг заваленных выпивкой столов отдыхало большое количество крепких парней. Придумав себе боевую миссию охранника белых богов, ничего не подозревающий десантник согнул руки крендельком и встал за спинами танцоров, зорко оберегая их покой. Постоянно косясь в его сторону, Костя вскорости увидел то, что заставило его вспомнить фильмы про Рембо. На площадку неожиданно вылез амбал в расстегнутой до пупа рубашке с никелированным пистолетом в руке. Десантник принял боевую позу, но амбал был выше его на две головы. Лосиным копытом он стукнул десантника в живот, а после добил по башке рукояткой пистолета. Костя и Леша в мельчайших деталях разглядели, как подброшенный очередным ударом десантник раскрыл руки и полетел к подножию башни. Поводив свиными глазками, амбал что-то прорычал и стал спускаться, а его друзья отыскали внизу тело героя и за ноги потащили его куда-то в темноту декораций.

Вечеринка летела вперед, как разогнавшийся паровоз на прямом участке пути: кудрявый пар из трубы, свистки машиниста и искры из пылающей топки. С трудом представляя себе, сколько они уже танцуют, Костя утирал рукавом капли соленого пота и продолжал движение. Они с Локтионовым так растанцевались, что теперь было просто невозможно останавливаться. Когда закончил Угис, начал играть Грув. После Грува играл Янис. После Яниса появился Грант Харпер. Охрану вокруг башни восстановили, гопники исчезли, и оставалось только танцевать. Но к четырем часам ночи, когда англичанин из «Brain club» уже закончил свой сет, Костя понял, что у него кончаются силы.

Хотелось пить, и от усталости дрожали ноги. Пока он раздумывал о том, как метнуться за оставленным шампанским, на их площадку мягкой кошкой взобрался брюнет в джинсовой курточке. Приглядевшись к нему, Костя не поверил своим глазам: это был тот самый англичанин. Улыбнувшись русским танцорам, Харпер даже не присел — он улегся на помосте и, уложив взлохмаченную голову на руку, стал наблюдать за танцполом. Знаками он пригласил Костю присесть, и когда тот устало привалился рядом, англичанин с приветливой улыбкой сказал ему два слова:

— Вы супер.

Из бездонного кармана своих брюк он извлек бутылку мартини и пару пластиковых стаканчиков. Бедняга Локтионов, как обезвоженный марафонец, упал рядом с ними. Костя не мог поверить своим глазам: он со звездой из моднейшего английского клуба пьет мартини над огромным танцполом. Харпер стал очень живо что-то им рассказывать, но друзья, не знавшие по-английски ни слова, только кивали головами. Впрочем, было понятно, что англичанин очень рад оказаться после тяжелого сета в их компании, но о чем он говорил, еще было неясно. Но это было и неважно. Англичанин очень эмоционально рассказывал, восклицал, жестикулировал и смеялся, а Костя, раскинув руки, лежал на помосте и смотрел в расцвеченную фонарями высоту купола. Когда свинцовая тяжесть немного отпустила тело, он приподнялся на локте и улыбнулся. Харпер протянул ему руку.

— Это вам, — сказал диджей, разжимая пальцы, и, по примеру Кости, с наслаждением развалился на помосте.

На его сухой ладони лежали две розовые капсулы.

Сменив Гранта Харпера на пульте, Алексей распотрошил пластиночный ящик, и стал раскручивать свою отшлифованную домашними прогонами программу. Уже второй раз он играл для такого огромного количества танцующих, но волнение его от этого было не меньше. Где-то на третьей пластинке он втянулся и, окончательно собравшись, ладно заиграл без косяков и провалов. Микс удачно складывался, он хорошо слышал монитор, чувствовал зал и очень скоро позабыл обо всем на свете, кроме собственной музыки. Наполненный людьми танцпол бился разноцветными волнами о подножие диджейской башни, и в этих потоках мелькали сотни лиц, тысячи движений, глаза, лучи, эмоции, тени. Находясь в гуще этого созданного собственными руками представления, Алексей мысленно вознесся над всем происходящим и оказался на вершине самых позитивных ощущений. Светлые мысли наполнили его душу восторгом.

Сомнений не было. Все удалось. Теперь ничто не могло ему помешать, он ясно понял свое предназначение в жизни и уверился в собственных силах. Стало совершенно ясно, что все годы застойного безвременья, искания отрочества, бред рок-н-ролльной юности, все люди, встречавшиеся на пути, все радости и беды — все это вело его к этой минуте. Заканчивая свой сет, он поставил самую любимую пластинку и в сиянии этого музыкального бриллианта вдруг представил себе, как выглядит в этот момент со стороны. Молодой и красивый, воздев руки кверху, он стоит на возвышении, а перед ним бушует энергия двух тысяч человек, тянущих к нему свои руки.

Последним движением он перевел мастер на пульт сцены, ти из-под спутника «Восток» загудела группа «Not Found». Вечеринка подходила к концу. Оставался последний час, который должны были поделить между собой «Not Found» и Янис. Отыгравший полтора часа в начале вечеринки, Янис к этому часу отдохнул, и теперь с нетерпением ждал своего «последнего слова». Забравшись на башню и принимая эстафету, он хлопнулся с Алексем ладонь о ладонь и стал готовиться к финальному кровопусканию. Счастливый Алексей спрыгнул вниз и, рассчитав оставшееся время, поспешил начать обход территории.

К пяти часам утра танцпол еще держался, но публика, заполнявшая все бары и зоны отдыха, уже была похожа на бесформенную массу. Мощное купеческое свинство, устроенное состоятельными господами, потрясало воображение. Вполне приличные с виду люди спали на стульях, никем не убираемые столы были завалены объедками и бутылками, дым, чад и грязь царили в этой части павильона. Оценив масштабы космической гулянки, Алексей брезгливо проскочил бары и, отдавая на ходу распоряжения ментам, занялся поисками своих партнеров. Первым обнаружился Олег Цодиков. Как и предполагал Алексей, он прятался в кассе, где мирно, с коньячком, заботливо мусолил гору мятых купюр.

— Ну что цифирь? Какие там у нам числа?! — прямо с порога радостно закричал ему Алексей.

Цодиков блаженно улыбнулся и поднял глаза к небу.

— Полный шоколад! — отрапортовал он другу.

— С нугой и карамелью?

— Еще и с кокосовой стружкой сверху… Тысяча семьсот билетов.

— Приятно слышать.

— Очень недурно!

— Скоро заканчиваем. Я что-то не могу найти никого из

наших. Ты не видел Воронцова, Палтуса или Андрея? Куда все подевались?

— Воронцов на входе пасет ментов, Андреи — не знаю, не видел. А пот с Палтусом проблема. Его все ищут, а он…

— Что-то случилось?

— Ну как тебе сказать? Похоже, что он принял недетскую дозу и вырубился в тряпках.

— В каких тряпках?! — воскликнул Алексей, брезгливо наморщившись и начиная злиться.

— За сценой свалены декорации, он там лежит.

— Набухался?

— Похоже на ЛСД. Точно не знаю.

Чертыхнувшись, Алексей оставил Олега считать деньги, а сам помчался догонять минутную стрелку, быстро бегущую к шести утра.

На танцполе меж тем уже разыгрывалась финальная сцена. Понимая, что до конца праздника остаются минуты и что ничего уже не вернуть, изо всех щелей на танцпол повалил народ. Засверкали вспышки фотокамер, люди проснулись, встряхнулись и, слившись в едином крике, встретили последний звук вечеринки. Янис умелой рукой выдавил из них слезы радости и, проиграв прощальный марш, приказал всем расходиться.

Еще какое-то время в гулком куполе летало эхо выключившегося звука, тишину буравили свистки и крики людей, но уже минут через десять страсти понемногу улеглись, и даже самым неугомонным стало ясно, что вечеринка закончилась.

Бросив всех и все, Андрей уже в девять часов, не прощаясь ни с кем, покинул пределы ВДНХ. Ссора с братом, как невынутая заноза, отравила ему весь праздник и, устав себя сдерживать, он под утро дал волю эмоциям. Несмотря на полный успех вечеринки, по ее окончании общей радости он не ощущал. Радовало лишь то, что наконец-то все закончено, не нужна больше эта душная суматоха, и можно погрузиться в спокойствие. Но затянутый в последние дни узел нервов не позволял расслабиться: его тяготили чужой город, предстоящий день в гостинице и неизбывное обилие малознакомых людей, при которых волей-неволей приходилось надевать улыбчивую маску. Испытывая усталость от душевного дискомфорта, Андрей рассудил, что лучшим будет вырвать себя из сложившейся ситуации, и с этой целью отправился гулять по Москве. Прогулка действительно помогла: в тишине утренних бульваров раздражения и обиды отваливались от него засохшими корками. Нагулявшись до изнеможения, он с мукой подумал о том, что

придется возвращаться в гостиницу, и тут на ум пришло неожиданное решение. Обдумывая его, он выкурил несколько сигарет подряд, а когда решился, то направился к ближайшей станции метро. Пропутешествовав по подземному городу, он вынырнул на станции «Комсомольская», купил на Ленинградском вокзале билет на поезд и уже через пару часов скоростной Р-200 унес его из Москвы.

За то время, что Андрей прогуливался по московским улицам и после проспал в ожидании поезда, в павильоне «Космос» разобрали большую часть техники и в спешном порядке грузили оборудование по машинам. Расплатившись с диджеями, ментами, звуковиками, лазерами и светом, Алексей и Цодиков пересчитали оставшуюся кучу денег и приступили к самом приятному — делению пирога. Когда все заработанные деньги были разложены по долевым кучкам, партнеры наполнили ими черные полиэтиленовые пакеты и плотно перевязали скотчем. Получилось три мешка: один большой — «Танцполу», другой поменьше — рыботорговцам из «Крипты» и третий, самый маленький, — Цодикову. После всех восторгов и поздравлений смертельно усталые Алексей и Миша Воронцов пожали Цодикову руку и, взвалив мешки на спины, отправились в гостиницу.

Все было закончено. Ощущая полную пустоту в головах, Алексей и Миша устало брели по огромному парку ВДНХ, время от времени перебрасываясь незначительными фразами. Сил на разговоры не было никаких, и все же, когда они выбрались на оживленную улицу, Миша сказал:

— Послушай. У нас тут двадцать пять тысяч долларов. Я так устал, что не могу больше идти пешком. Может быть, поймаем машину?

Бросив свой мешок на асфальт, Алексей остановился, и широко зевнул:

— Можно и машину. Главное, чтобы нас с этими мешками в менты не приняли.

— И это тоже… — согласился Миша, вытаскивая из дырки в полиэтилене тысячерублевую купюру. — Слушай, а где наш главный сценарист? Где Палтус? Ты его вообще видел ночью?

— А его инопланетяне утащили.

— Как это!?

— На опыты.

— Шутишь?

— Говорю тебе. Он так обдолбался эсидом, что потерял сознание и провалялся в невменяемом состоянии всю вечеринку. Хорошо, что его там за сценой гомосексуалисты не нашли, а то бы

он вернулся оттуда уже другим. Сценарист.

— Ну а куда Андрей пропал?

Алексей наморщился, устало потер лоб и признался:

— А вот где Андрей, не знаю. Он что-то на меня разобиделся.

— Леха, вам надо помириться. Что вы как дети маленькие?

— Согласен. Ну, он сам начал…

— Да брось ты…

Миша остановил частника на опрятном жигуленке и, быстро договорившись с водителем, крикнул Алексею:

— Ну, что? Поехали?

Устало махнув рукой, Алексей ответил:

— Поехали!

28

Уверенным шагом навстречу теплу и солнцу промаршировал красивый месяц май. Установилась прекрасная погода, позеленели деревья, и в изменившемся ритме городской жизни почувствовалось становление долгожданного лета. Одним из таких теплых дней, в первую субботу июня, братья Хаас по особой причине оказались на тихой улице дачного поселка Коломяги. Поселок — не город, а потому асфальтовая дорога, по которой они не спеша прогуливались, была во всю длину отчеркнута водосборной канавой, полной мутной жижи и затонувшей дряни. Еще не так давно этот милый частный район с обнесенными заборами вековыми домами был излюбленным местом летних дачников. Славился он как зеленый и тихий уголок, но более того был известен ближайшими к городу озерами, в которых из-за благости воды купания не прекращались до зимы, а там почти всегда переходили в моржевание. Однако с ходом времени и ростом стремящегося на северо-запад города, в поселок влепились вылезшие к Поклонной горе новостройки, и в нем началась такая чехарда, что старожилы только головами качали. Тихое место наполнилось шумом и грязью, по дачам стали лазать криминально настроенные подростки, и от всего этого Коломяги быстро стали одноэтажным пленником возвышавшегося за шумной трассой бетонного бредо-города.

Не вдаваясь в тонкости местной усадебной жизни, братья не спеша разыскивали улицу с вполне подходящим для такой местности названием Утиная. Нагулявшись по похожим одна на другую улочкам, они окликнули бывалого старичка, и тот гостеприимно замахал руками. Из его показаний выходило, что искомая улица была у молодых людей прямо перед носом, то есть они стояли на пересечении 1-й Утиной и Десятинной улиц. Очень

скоро отыскался и дом, рати которого они затеяли такое неблизкое путешествие из центра города.

Под кронами огромных берез, в ничем не примечательном с виду бревенчатом доме размещалась старейшая в городе фабрика по подпольному производству концертной аппаратуры. Алексеи и Андрей самовольно открыли калитку, прошли во двор и, взобравшись на крыльцо открытой веранды, прислушались — рядом с домом хорошо ощущались низкочастотные вибрации.

Взявшись за ручку двери, Алексей радостно сообщил брату:

— Ну, теперь у нас дело пойдет веселее!

Но и до наступления этой приятной минуты участники истории довольно неплохо проводили время.

Во второй половине апреля, после «Gagarin-party-2» все вернулись в Петербург и на неделю погрузились в радостную эйфорию. Братья Хаас помирились, и Алексей рассказал Андрею массу леденящих душу историй.

Как выяснилось, на первом «Гагарине» в декабре 1991 года Бирман заранее расплатился с дирекцией ВДНХ, но после вечеринки ни копейки не заплатил техническим службам комплекса. Те серьезно обиделись на питерских и, дождавшись окончания «Гагарин-2», перекрыли выезд грузовикам с техникой, требуя за первую вечеринку ни много ни мало двенадцать тысяч долларов. Дело было в воскресенье, дирекции никакой, а оплата простоя всей техники до понедельника составила бы сумму вдвое большую. Измученный усталостью и бессонницей Алексей вернулся на ВДНХ и после часа ожесточенной ругани принял непростое решение. Чтобы освободить арестованную технику, пришлось отдать по долгам половину всех заработанных денег.

Потом навалилась новая напасть: партнер по бизнесу, компания «Кринта», посчитала, что просто удвоить вложенные в вечеринку средства — хорошо, но было бы еще лучше их утроить. После получения в Москве заработанных ими десяти тысяч долларов дядечки в серых костюмах довольно бесцеремонно начали задавать вопросы о количестве проданных билетов, выручке баров и прочих интимных подробностях. Алексей, и без того обозленный потерей огромной суммы, пришел от этой наглости в бешенство и, устроив шумный скандал, пинками выгнал из гостиничного номера коварных коммерсантов.

Уже в Петербурге рыботорговцы подослали на Фонтанку новых переговорщиков, поласковее, но сплотившийся «Танцпол» повторно выставил стяжателей и сбросил им на головы из окна квартиры тяжелую коробку с рекламными флагами их фирмы. Прибывший на Фонтанку директор Дыба через закрытую дверь

прокричал ультиматум, но был послан ко всем чертям, после чего объявил неформалам войну.

Сразу после этих событий из Петербурга в Москву под патронажем «Танцпола» выехала огромная компания молодежи. Целью коллективной поездки было посещение вечеринки «Мобиле».

Наступала эра вечеринок-гигантов. После второго «Гагарина», пробившего в набат, на олимпийский велотрек в Крылатском выдвинулись тысячи человек. Столица гудела. Жаждущая развлечений молодежь ощутила присутствие новой движущей силы, модной, современной, хорошо организованной, а оттого непредсказуемой по идеологии и вектору модности. Иностранные издания, аккредитованные в Москве, написали массу статей о «Gagarin-party-2», английский «Face» поместил разворот о «Танцполе», а смонтированный Тимуром ролик с первого «Гагарина» прокрутили в новостях по английскому MTV. В иностранных публикациях о культурных новостях в Москве впервые прозвучало слово «рейв» и надолго повисло информационное эхо «Gagarin-party». Русский рейв стал феноменом даже для живущих в этой стране иностранцев, но большинство российских СМИ, как они всегда это и делали по поводу любой активации молодежи, просто проспали. Один Артемий Троицкий показал по российскому телевидению свой репортаж о «Gagarin-party-2» и закончил его жизнеутверждающими словами: «Рок умер».

Слухи и информационные потоки поднимали среди модников волну небывалого интереса Сами же питерские, умело манипулируя этими рычагами, ориентировали неподготовленные массы москвичей и, тщательно легендируя свои мероприятия, в конце концов, приводили всех к кассе. Так вышло и с «Мобиле», ставшим самым крупным танцевальным мероприятием своего времени. Темой вечеринки, ее сутью и основной эстетикой была выбрана концепция непрерывного движения. Художник всей постановки Тимофей Абрамов развил концепцию и довел ее до красивого воплощения. Всю ночь по отполированным до блеска, взлетающим под самый купол дорожкам трека носились профессиональные велоспринтеры, вокруг огромного танцпола в центре арены катались веломобили, велосипедисты были на подиумах, среди танцующих, повсюду. Звук был расставлен по четырем сторонам спортивной арены, а огромная конструкция со светом была вывешена таким образом, что каждый из пяти с половиной тысяч человек, находившихся на танцполе, ощущал себя в самом центре происходящего.

Алексей и Марина, недавно вернувшаяся из Америки,

протанцевали на «Мобиле» под ревущими колонками всю ночь, и, когда все вернулись в Петербург, Алексей уже точно знал, что нужно делать. Он поделился своими соображениями с Андреем, после чего они решили перевооружать клуб, искать звук, технически менять ситуацию от любительской к профессиональной. Экономного до скупости Мишу братья в свои планы не посвятили и стали действовать вдвоем. В течение месяца они искали нужный комплект техники, и только через старые рок-клубовские связи Алексей нашел нужного человечка. Это был звукоинженер-самоучка, который еще в начале восьмидесятых делал самодельные усилители и колонки для популярных ВИА и прочих эстрадников. Звали этого умельца Юра Старченко, и это он обитал в приватной деревянной избушке на Утиной улице.

Отворив двери подпольной фабрики, братья ступили внутрь и стали пробираться через комнату, заставленную фанерными ящиками. Внезапно дорогу им преградил мощнейший шквал звука. Где-то рядом, в соседней комнате, на полную громкость включили гитарный рок-запил. Ориентируясь по звуку, Алексей отыскал в полутьме дверь. Резкий, угнетающий рев вывалился из открывшейся двери и резанул по ушам. Небольшая, прямоугольная комната без окон была пуста Потолок и три стены были обиты листами толстого войлока, а четвертая была заставлена огромными колонками. Эта ревущая стена дышала мощностью и испускала такое количество децибелов, что молодые люди, болезненно морщась, зажали уши. Музыка неожиданно смолкла, и на одной из стен открылась неприметная дверь. Из нее вышел среднего роста мужчина, круглолицый, в очках, с зачесанными назад волосами. На вид ему было тридцать пять — сорок лет. Одет он был просто: джинсы и свитер, — но вид имел важный, сосредоточенно занятой.

— Вы кто? — строго спросил он.

— Я Алексей. Мы созванивались неделю назад насчет покупки звука.

Услышав ласковое слово «покупка», Старченко сменил выражение лица на заинтересованное и протянул руку.

— А, понял. Насчет дискотеки? Припоминаю.

— Ну, не совсем дискотеки. Для клуба…

— Это без разницы. Пойдемте.

Он провел молодых людей через несколько превращенных в цеха маленьких комнат и в конце концов привел в уютный кабинетик, до потолка заставленный книгами, приборами и всевозможными радиоустройствами. Все то время, что они

пробирались по дому, Андрей вертел головой и разглядел массу интересного. В одной комнате рабочие распиливали листы толстой фанеры и из получившихся частей скручивали корпуса будущих колонок, в другой женщины в синих халатах собирали и клеили огромные динамики, в третьей, уткнувшись в электронные платы, сидели люди с паяльниками, в четвертой что-то красили. Кругом были коробки, ящики, катушки проводов, шум, гам, визг машин, странные запахи и звуки. Крайне загадочным оставалось, как все увиденное могло уместиться в этом неприметном и внешне совершенно маленьком бревенчатом доме. Но размышлять над этим было некогда.

Подпольный фабрикант усадил гостей в кресла, уселся сам, и все закурили. Пока молодые люди с интересом осматривались, Старченко раздумывал, как ему лучше повести разговор. Трудность его положения заключалась в том, что, не придав особого значения звонку неизвестных молодых людей, он в водовороте дел о них забыл и продал обещанный им комплект аппаратуры. Хороший был комплектик, а продал дешево, неизвестно зачем поторопившись. Теперь же, увидев исполненные решительности лица молодых людей, он как-то сразу понял, что дал маху. Судя по всему, странные ребята не просто пришли, они пришли с деньгами. Наблюдательность не изменила многоопытному подпольщику: на эту встречу Алексей прихватил две тысячи долларов — все, что осталось от суммы, заработанной «Танцполом» на «Гагарине».

— Что же нам с вами делать? — колеблясь, начал беседу Старченко.

— Мы обещали приехать вчера, но не смогли! Не нашли машины, — стал радостно объясняться Алексей. — Но машину мы заказали на сегодня, она будет с минуты на минуту. А как наш звук? Хотелось бы посмотреть.

— Понимаете, то о чем мы говорили…

— Мы говорили о двух киловаттах, — начал было Алексей.

— Но можно и больше. Лишь бы качество было супер!

— Не такое, на котором рокеры играют, — добавил Андрей.

Желая дать понять, что хорошо знает, о чем идет речь, Старченко покачал головой.

— Нам нужен современный звук, для электронной, битовой музыки…

— Понимаю, понимаю. Прямой широкоходник.

— Что-что? — переспросил Алексей.

— Ну, имеется в виду не рупорный звук, а широкополосный, — стал пояснять Старченко.

Чтобы оттянуть минуту неприятного объяснения, он сел на

любимого конька и прочел ребятам небольшую лекцию по техническим характеристикам различных акустических систем. Закончив свой интересный и полный специфических подробностей рассказ, он сокрушенно вздохнул:

— Но вам придется немного подождать, — насилу выдавил из себя Старченко. — Понимаете, какая история получилась, вы обещали приехать и не приехали…

— И что?! — с тревогой воскликнул Алексей.

— Ну, вы не приехали, а вчера появились люди из Выборга и все забрали. У меня сейчас ничего нет готового. Потребуется месяц, все в работе…

— Как это? Месяц! Вы же нам обещали. Это невозможно! Нужно сейчас! У нас клуб работает каждую субботу! Сегодня вечеринка! Вы нас без ножа режете! — начал закипать Алексей.

Старченко развел руками и изобразил на лице полную покорность судьбе.

Понимая, что удача ускользает из рук, Андрей наморщился и вообразил себе этот скорбный месяц без аппаратуры, с неработающим клубом и остановившимся ритмом привычной жизни.

— Послушайте, — сказал он. — Может быть, вы продадите нам то, что стоит у вас в той комнате?

— Где? А-а! Понял. Ну что вы, это несерийный комплект, Мы только его собрали и продуваем. Неизвестно, как он себя поведет. Ну, в общем, новая разработка и пока в единственном экземпляре. Тем более, там больше, чем два, там около трех киловатт, и….

— Как раз столько, сколько нам и нужно, — обрадовавшись, заверил его Алексей.

— Даже не знаю… Не понимаю, вам что — горит?..

— Горит — не то слово! Давайте посмотрим!

— Конечно!

— Ну давайте, — неуверенно согласился Старченко, понимая, что молодые люди так просто не слезут.

Через какое-то время они снова оказались в войлочной комнате. Старченко включил красные кнопки на усилителях, и восемь оживших колонок глухо хрюкнули.

— У меня тут есть один диск «Led Zeppelin»…

— Не нужно. Поставьте вот это.

Алексей протянул кассету с записью Яниса. Уже через минуту мощный бит стучал в стены старого дома Эффект был потрясающий, и Алексей сразу влюбился в эту технику. Это было как мощный спортивный автомобиль: жмешь педаль, и мощность появляется без усилий.

— Сколько стоит? — спросил Алексей, когда Старченко выключил аппаратуру. — У нас есть две штуки!

— Ну, этого мало! — взмолился Старченко. — Три киловатта, японские транзисторы…

— А сколько нужно? — спросил Алексей, лучезарно улыбаясь и любовно поглаживая рукой сетку динамика.

— Хотя бы три с половиной, ну три… Три киловатта, три тысячи, это еще куда ни шло…

— Идет! Три! Сейчас две, и тысяча в течение месяца. Идет?!

Грустно улыбнувшись торопливому молодому человеку, Старченко кивнул и как бы нехотя хлопнул с ним по рукам:

— Идет!

— Круто! Мы снова в бизнесе!

— Я бы ни за что не продал, но вижу, что вам очень нравится, — вяло промямлил фабрикант.

— У нас есть еще человек триста, которым тоже понравится, — заверил его Андрей.

— А, ладно! Забирайте.

Когда грузовик с новой техникой приехал и выгрузился на Фонтанке, поглазеть на приобретение примчались все друзья и знакомые. Алексей ходил вокруг колонок, как жених вокруг невесты. Тяжеленные ящики выстроили в зале двумя стойками по четыре штуки, долго соединяли проводами и наконец включили. Поначалу всем показалось, что начался артобстрел: густой тектонический рокот стал выбираться из ящиков, а верхнечастотные драйвера душераздирающе завизжали. Морщась от страха, Алексей выключил усилители и побежал звонить самоделкину. Через несколько минут он вернулся с записанными на бумажке разъяснениями, перепаял соединительные провода и снова включил приборы. На этот раз все удалось. Мощный резиновый кулак лупанул собравшимся в животы. После чахлых звуков бытовых колонок ураганная мощь этой системы показалась устрашающим оружием. Не встречая препятствий, мощный поток звука разлился по квартире, и от его силы задрожали колотые стекла в оконных рамах. Алексей встал к пульту и заиграл. Он парил в звуке, как безмоторный самолет в потоках восходящего ветра. Разница между старым звуком, извлекаемым из полумертвых динамиков, и новым саундом была настолько велика, что из соседней мастерской пришел разбуженный невообразимым шумом Георгий.

— Что это у вас тут происходит?

— Новый звук проверяем, — радостно сообщил ему Андрей. — Только что привезли. Ну как тебе?

— Впечатляет! Так что, сегодня вечеринка на новом звуке?

— Похоже на то!

До позднего вечера квартира сотрясалась и гремела После трех часов игры счастливого Алексея сменил Грув. Как обычно, после занятий в консерватории он пришел в клуб и так же, как все, был ошарашен увиденным. Оценив по достоинству все возможности нового аппарата, он встал к вертушкам, дал полный газ и беспощадным скретчем стал терзать шестнадцатидюймовые динамики.

Одним из последних, перед самым началом вечеринки приобретение увидел Миша. Закупая напитки, он весь день прокатался на такси и теперь, затащив в чуланчик при входе последний из двадцати ящиков шампанского, с лицом труженика ступил на танцпол. Еще не зная о том, что в новые динамики были вбуханы все их общие деньги, он с радостной миной стал рассматривать высившиеся до потолка колонки.

— Где нарыли? — сквозь грохот музыки прокричал он Алексею, пожирая глазами фантастическую технику. — В аренду взяли? Сколько стоит? — допытывался Миша.

— Почти даром! — измывался над ним Алексей. — Три штуки.

Очень скоро Миша понял, что за технику расплатились в том числе и его любовно собираемыми деньгами. Испытав шок от самоуправства друзей, он пережил одному ему известные мучения и горестно поплелся на вход рулить запуском в клуб и снабжать людей шампанским.

К двенадцати часам ночи на призывный грохот новой аппаратуры со всех сторон стал стекаться народ. Необыкновенная новизна ситуации вызвала массу восторгов, и в густом потоке громкого звука сразу и яростно затанцевала старая квартира. Сквозь распахнутые по случаю летней духоты окна звук бухающего барабана разносился по заключенной в гранит Фонтанке, улетал в белесое беззвездное небо и дробным эхом прыгал по всей округе. Потоки шампанского, шипя, изливались в пластмассовые стаканчики, гости шумели, курили, очень громко разговаривали и возносили хвалу неизвестному умельцу с Утиной улицы.

Когда набравшая обороты вечеринка неслась на всех парах, Алексей отвел Андрея в сторону и сказал:

— Послушай! Меня тут нашел наш общий приятель. Он работает переводчиком на — «Белых ночах»…

— Что за «Белые ночи»?

— Да муть какая-то, фестиваль — не фестиваль. Непонятно.

Весь город в афишах, какие-то концерты. Устраивает Киселев, бывший вокалист группы «Земляне». Неважно. Так слушай. На эти «Белые ночи» пригласили «Супермакс», «Бони-М» и «Снап»!

— И что? В смысле, что они там делают?

— Что делают, не знаю, но знаю, что сейчас они умирают от скуки на каком-то пафосном ужине в их честь в «Прибалтийской». Этот парень говорит, что там совершенно неинтересно и они очень хотят куда-нибудь сбежать от этого русского застолья. Предлагает привезти их сюда.

— Круто!

Прошел час, и полна пробежавшей по клубу новости прибила к окнам десятки любопытствующих. Перед домом на набережной Фонтанки остановились несколько длинных, как троллейбусы, лимузинов, и из них выбиралась прелюбопытнейшая публика. Приехавших было человек десять, и делились они на две группы, отличающиеся друг от друга размерами и цветом. Первая состояла из невысокой африканки в серебряном платье, темнокожего мужчины в трико с лампасами и офицерской фуражке, еще одного улыбчивого темнокожего и трех европейцев, одетых ярко и нарядно. Другая же была составлена исключительно из мужчин в черных костюмах, огромного роста, молчаливых и ничему не удивляющихся. Каждый из здоровяков в черном встал позади одного из пестро наряженных, и в таком порядке иностранная делегация проследовала в грохочущий музыкой неофициальный клуб.

Пахнущие свежей летней зеленью огромные послевоенные тополя накрывали шелестящими кронами скверик, расположившийся на углу Лермонтовского проспекта и крохотного Морского переулка. В глубине вытоптанного газона стоял милицейский уазик. Внешне машина не подавала признаков жизни, но тем не менее она была обитаема, и в ее кабине что-то происходило. Сквозь мутное стекло в темноте машины были видны два плохо различимых силуэта Водитель и сидящий рядом сержант не спеша потягивали пивко и, крутя сигаретными огоньками, поминутно оглядывались. На заднем сиденье происходила напряженная борьба: тяжело дыша и матерясь, старший прапорщик Викулов пытался приласкать недавно пойманную на Балтийском вокзале проститутку. Пьяненькая бродяжка, сопя, отпихивалась, а возбужденный ее близостью усатый прапорщик доверительно шептал:

— Чего ты брыкаешься? Дура!

Неожиданно в патрульной машине раздался тревожный и свистящий эфирными помехами вызов с пульта. Поскольку

старший наряда был занят, то на связь с командованием вышел молоденький сержантик. Недавно вернувшийся из армии, этот розовощекий вояка еще сохранял остатки военной выправки и потому ответил четко и внятно:

— Два, сорок два! На связи!

— Не ори! Авдеич, ты что ли? — заспанным голосом поинтересовался офицер на рации.

— Никак нет! Сержант Иванов!

— Чего орешь, сержант? Плохо слышно?

— Никак нет!

— А слышь, Иванов, а где Викулов?

— Он… он отошел, сейчас будет, — находчиво соврал защитник обездоленных.

— Тут это, уже дважды звонили из «Советской» и из сумасшедшего дома на Троицком тоже. Говорят, спать невозможно. Там что-то происходит. Где-то грохочет, никто ничего понять не может, но жильцы в гостинице жалуются. А на Троицком все психи проснулись и орут, санитары их колют. Давайте-ка по-быстрому на Фонтаночку, причешите там всех, чтобы был порядок. После доложите.

— Есть порядок! — обрадовавшись настоящему заданию, энергично ответил Иванов.

— Черти, отдохнуть не дадут! — сдавленно прокашлял прапорщик, застегивая пуговицы на сером кителе и перестраивая блудливый шепот на повелительный басок: — Пошла отсюда!

Распахнув дверь машины, он согнул ногу в колене и, поднатужившись, пинком вытолкнул помятую путану на пыльную землю. Следом за ней из машины полетели пивные бутылки и окурки.

— Поехали, посмотрим, кто нам спать мешает, — скомандовал Викулов своим подручным.

Машина вздрогнула и, фыркнув черным дымом, устало завелась. Экипаж покатил по проспекту и вскорости оказался у Египетского моста. Долго искать нарушителей спокойствия не пришлось: над прохладными водами реки Фонтанки отчетливо плясал барабанный перестук. Наблюдательный прапорщик сразу разглядел скопище машин у дома 145 и приказал включить мигалку на крыше. Когда милиционеры приблизились, они увидели, что на третьем этаже открыты все окна, на подоконниках сидят люди, и именно из этих окон на улицу вырывается невообразимый грохот.

— Ах, мать твою! Что творится! — наливаясь яростью, воскликнул прапорщик, затягивая на поясе портупею с кобурой. — За мной!

Он вывалился из машины и, расталкивая куривших на лестнице людей, помчался наверх. Уже через минуту менты ворвались в квартиру и там, нанося удары направо и налево, стали прокладывать себе дорогу в глубину заполненного людьми клуба. Сержант с водителем махали дубинками, а прапорщик потрясал пистолетом и орал. Неожиданно в пылу боя перед прапорщиком вырос огромный черный костюм, заканчивающийся лысой головой с воткнутым в ухо наушником:

— Ты чего шумишь, служивый? — поинтересовалась голова. — Не маши волыной! Тут звезды отдыхают.

— А мне по хрен твои звезды. У меня у самого звезды, — заводясь от наглости лысого, сообщил ему прапорщик и указал стволом пистолета паевой погон.

— Всем стоять! Музыку выключить! Включите свет! Документы!

— Что за шум? — вальяжно поинтересовался неожиданно нарисовавшийся Заяц.

Вместо ответа прапорщик размашисто саданул его по голове рукояткой пистолета:

— Стоять!!!…..

— Ты чего делаешь, гад!!!…

— Иванов! Вызывай наряд!!!

— Что вы делаете!.. А-а-а!!!..

Уже через несколько минут вечеринка была полностью остановлена, и в бурлящем гомоне и образовавшейся неразберихе раззадоренный прапорщик стал наводить порядки:

— Кто такие? Документы! Стоять!..

Алексей, красный от волнения и стыда за конфуз в собственном клубе, пробился к центру скандала и попытался объясниться:

— У нас здесь молодежный клуб. Все официально. Это наши гости, у нас мероприятие…

— Какое мероприятие?! Три часа ночи! А это что за бандиты? Иванов, вызывай ОМОН!

— Это не бандиты! — попытался разуверить его Алексей, перехватив взгляд прапорщика. — Это телохранители. Здесь находятся музыканты из Америки.

Алексей попытался увести прапорщика, но тот, не опуская руки с пистолетом, стал напряженно осматриваться. От его наблюдательного ока не ускользнули детали, и среди сотен взволнованных лиц он заметил знаменитостей, недоуменно прячущихся за широкими спинами черных костюмов.

— Это эти, что ли? Негры? — спросил прапорщик, убирая огнестрельное оружие. — Так, стоять! Кто здесь главный, ты? Со

мной. Остальные стоять!

Алексей, Андрей, Миша и один из охраны потянулись к выходу, чтобы продолжить переговоры уже в коридоре.

— Вы поедете с нами, остальным расходиться! — скомандовал прапорщик, обращаясь к Алексею.

— Послушайте! — стал втолковывать ему Алексей. — Это частный клуб, а это — наши друзья. Мы имеем полное право…

— Какое право? Три часа ночи! Открыты окна, шум, музыка! Притон! — забрызгал слюной прапорщик. — Расходиться! Шалой воняет на всю округу. Частный клуб! Может, еще и оружие есть? Надо все-таки ОМОН вызвать. Ивано-ов!!..

— Послушайте, — задыхаясь от волнения, начал Миша, пытаясь сбить накал разговора. — Вы же сами были молодым.

— Ну и что? — неожиданно заухмылялся прапорщик, крутя усами в разные стороны. — Был.

— Музыку слушали, на танцы с девушками ходили. Ну там «Бони-М», «Отаван», «Чингис-хан»… Помните?..

— Ну, ходил. И чего? В три ночи танцев не было, так чтобы окна нараспашку — и гуляй на весь район! «Бони-М»! Что «Бони-М»?

— Да вот же он перед вами! — тихо сообщил Андрей прапорщику.

— Кто?

— Ну, этот парень из «Бони-М».

— Где? — вытаращил глаза прапорщик.

— Вон стоит у стены.

— Это который? Этот, что в фуражке пограничника?

— Он и есть. Собственной персоной. Это его мажоры вырядили пограничником. Первый раз в России.

— Они в гости к нам приехали… — подхватил Миша. — Концерт будут петь.

— Потому, собственно, и шум…

Заморгав, прапорщик поджал губы и, не отрывая глаз от звезды дискомузыки, спросил:

— А остальные кто?

— Вон та, в серебряном платье, — из «Снап», те двое — из «Супермакс», а остальные наши гости…

Что-то важное щелкнуло в голове усатого рубаки. Он как-то обмяк и унесся непослушными мыслями куда-то далеко, в давние восьмидесятые. Где-то там осталась южная танцплощадка, на которой он первый раз в жизни напился портвейна до рвоты, с кем-то дрался из-за бабы, а после победителем танцевал «Багама-мама». Бессвязные и приятные воспоминания о танцах юности яркими картинками мелькнули в его голове, но тут же были

сдавлены обручем служебной фуражки.

— Но это!.. Все равно! Расходиться! Не положено. Шум… — Тут он запнулся и продолжил уже на полтона тише: — Окна хоть закройте…

Понимая, что в ситуации наступает переломный момент, Алексей мигнул Мише, и тот вытащил тысячерублевую купюру.

— Не надо! — гордо открестился от мзды прапорщик, принимая меж тем купюру ловким движением руки. — Закройте окна, ну там, и не шумите особо… Нас же дергают. Слышно аж до «Советской», там же люди живут. И эти дурики напротив тоже проснулись. Надо как-то потише… А этот что, правда, из «Бони-М»?

— Вернее не бывает, собственной персоной.

Случилось чудо: прапорщик забрал подручных и в скорости оставил клуб. Единственное, что тревожило всех друзей, — уходя, он, не комментируя свои действия, увел с собой пострадавшего Зайца с окровавленной головой. Окна квартиры плотно закрыли, музыку сделали поташе, и танцы немедленно продолжились. Налет милиции вызвал у всех прилив адреналина, и потому веселье снова вспыхнуло как порох. Через час, когда все страсти улеглись, из эркера квартиры снова увидели милицейскую машину. Менты подъехали к дому. Все напряглись, но из машины вывалился лишь очень пьяный Заяц. Из его радостного рассказа выходило, что сначала прапорщик повез его на Сенную площадь, менты отобрали у ларечников три бутылки водки, после все вместе поехали в отделение, и после сдачи оружия там началось братание. Новые знакомые выпили одну бутылку и разговорились по душам:

— Серега! А это правда «Бони-М»? — допытывал прапорщик.

— Ну я тебе говорю! — убеждал его Заяц.

— Я сразу понял, что «Бони-М». Да брось ты свою голову лизать! Возьми бинт. Ну хочешь — меня вдарь!

— Не, не хочу, давай лучше бухнем.

— О! Наш человек! Еще по маленькой!

— А вот эту помнишь: «тара-тара-ра-ра, та-ра-ра-ра-ра!»?

— Ага.

— Слушай, а чего вы такое говно курите?

— Какое говно? — насторожился Заяц.

— Ну такую вонючую шалу. Хочешь, я тебе нормальной достану, у нас тут есть конфискат, у цыган вчера отняли.

— Давай.

И захмелевший прапорщик дал. Обратно в клуб забинтованный Заяц приехал на машине с мигалкой, в руках у него были две бутылки водки, а в кармане — увесистый пакет травы.

Но на этом чередование приятного и неприятного в тот день не закончилось. Уже под утро, когда уехали лимузины с суперзвездами и основная масса гостей разошлась по домам, клубная примадонна Юля Шуба в разговоре нажаловалась Алексею, и тот, выпучив глаза, чуть ли не с кулаками набросился на Мишу. Вид у него был бешеный, и разговор получился более чем неожиданный:

— Миша! Какого черта! — орал Алексей, не обращая внимания на то, что еще не все гости покинули клуб. — Говорят, ты берешь с наших друзей деньги на входе? Это правда?!

— Ну если ты называешь друзьями приятелей Юли Шубы, то

тогда да. Она их сама не знает. Я их не знаю. Да и он и нас тоже. Почему бы им не заплатить за вход?

— Почему? Я тебе сейчас объясню почему! — закричал на него Алексей. — Ты стоишь на входе для того, чтобы посторонние не попадали сюда. Но у нас клуб для друзей.

Сюда попадают только в одном случае: если ты друг. За деньги или кого попало мы не пускаем.

— В таком случае, может быть, ты сам будешь стоять на входе? — съязвил Миша и лукаво уставился на Алексея черными бусинками глаз.

Тот не выдержал и, окончательно сорвавшись, заорал:

— Буду! Лучше уж я сам буду стоять на входе, чем поручать это таким, как ты.

— Я не очень понимаю, из-за чего ты так орешь, — повышая голос, начал отбиваться Миша. — Мы пускаем сюда огромное количество народа, мы даже половины из них не знаем! Прошли те времена, когда туг собирались одни друзья. Оглянись. Мы просто теряем деньга. А их у нас и так нет. Мы, что все работаем за идею?

Дождавшись этого вопроса, Алексей взбеленился и закричал ему прямо в лицо:

— Да! Я работаю за идею! Я пускаю к себе в клуб кого хочу. И беру деньги, когда хочу. Понял? Это мой клуб!

— Но это и мой клуб! — начиная стервенеть, закричал Миша.

— Может быть. В какой-то мере! Но решения тут принимаются коллективно или никак. Понял!? Иди лучше шей свои тряпки! Шитик!

Разговор имел только одно последствие: две недели друзья не разговаривали, а после этого Миша как-то незаметно вывез свои вещи и, не прощаясь ни с кем, исчез с Фонтанки. Лопнула такая крепкая дружба, и разошлись в стороны пути-дорожки. Андрей, естественно, был на стороне брата и так же, как он, против мелочных выгод, но так как верх взяли эмоции, то сказать что-либо примиряющее никто не мог. Все произошло комкано, поспешно и суетно. В каком-то тонком месте надорвался нервный узелок, стыд сменился брезгливостью, а после все накрыла безудержность ярости.

Мишино исчезновение не сразу, но все же сказалось на привычном укладе жизни и деятельности «Танцпола». Несколько недель июня братья вдвоем тянули клуб, вечеринки продолжались, но вскорости их стали настигать последствия событий, случившихся задолго до этого расставания.

Случилось то, что давно могло случиться, и, как это всегда

бывает, в самый неподходящий момент. Из небытия возникли озлобленные на неформалов рыботорговцы. Бывшие партнеры и спонсоры по «Gagarin-party», компания «Кринта», раздобыли все-таки какие-то документы на право распоряжаться площадями в доме и однажды заявились с милицией. Их приход нельзя было предсказать, иммунитет у клуба был ослабленный, и это привело к тому, что «Танцпол» не смог ничего внятного им противопоставить. Менты предприняли традиционный прессинг и вынудили молодых людей в трехдневный срок очистить помещение. Началась агония клуба. Удар, нанесенный всеми этими неприятными обстоятельствами, был такой силы, что оправлялись от него долго и мучительно. Основные ценности и личные вещи были перемещены в пустующую квартиру в соседнем шестиэтажном доме, в «Танцполе» оставили лишь диджейский стол и гору аппаратуры. Еще несколько недель нелегальным образом в опечатанной ментами квартире удавалось проводить вечеринки, но всему приходит конец, и однажды эту старую, ставшую родной и близкой квартиру пришлось оставить. Закончилась славная история этого места. В покинутой всеми квартире остались лишь грациозные девушки, одиноко пляшущие в овальных гипсовых медальонах.

Из Москвы приехала Марина. Она почувствовала сердцем, что происходит что-то нехорошее, и, оставив все дела, примчалась в Петербург. Они с Алексеем как-то обустроили огромную чужую квартиру на четвертом этаже в соседнем шестиэтажном доме и зажили в ней втроем. Из Москвы Марина приехала уже не одна. По ее постоянной счастливой задумчивости и округлившимся формам можно было догадаться, что она беременна. Ее растущий живот действовал на Алексея, как магнит, и, раздумывая над жизнью, он подолгу просиживал с ней рядом, положив тяжелую голову ей на колени.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ДЕТИ ПОДЗЕПЕЛЬЯ
1993–1998

1

С вечера 12 декабря 1992 года крепчающий мороз подмел остатки витавшей в небе влажной мути, и всю ночь эта снежная мука белым крошевом сыпалась на спящий город. Поутру на совершенно чистом и бездонном голубом небе вспыхнуло солнце. Своими лучами оно обшарило убеленные улицы, раскидало повсюду длинные тени и засветило так ярко, что квелые

пешеходы щурились, закрывали ладонями глаза.

Начинался прекрасный день. Александровский сад, обнимающий своей большей частью Ленинградский зоопарк, к этому времени уже был полон людьми. По одной из его извилистых аллей, дымя сигаретками и вполголоса переговариваясь, неторопливо шагали Денис Одинг и Олег Назаров. За ранним часом шаги их были нетверды. Еще ни разу со времени окончания средней школы Денис не заставлял себя вставать так рано. Не без дрожи отвращения, он спросонья окунулся в безумный мир утреннего метро, и прокатился в вагоне, полном спешащих на работу горожан. Олег держался более уверенно — сказывался не до конца забытый армейский опыт ранних подъемов, но и его вязко мутило от вида заспанных соотечественников.

Подняться из мягких и теплых постелей их заставило одно очень важное обстоятельство: именно в это время, а точнее в восемь утра, Римлян Зуфарович наказал им явиться к себе в подвал. Этот строгай и загадочный Римлян Зуфарович говорил с ними по телефону только один раз, но и этого раза было достаточно, чтобы Денис все понял и сообщил другу:

— Этот старикан, судя по всему, порядочный зануда. Сталинский сокол.

— Будем с ним работать! — оптимистично заверил друга Олег.

Не случайно должны были встретиться молодые художники с этим «сталинским соколом». В течение этого солнечного дня, и уж тем более в событиях, предшествующих ему, не было никаких случайностей. Олег в очередной раз съездил к Аннете в Германию и, вернувшись, привез оттуда окончательное намерение связать отныне воедино свой образ жизни и свою привычку постоянно веселиться. После ставшей знаменитой мастерской в Свечном переулке, судьба таскала друзей по разным адресам, но всюду, где они ни пускали корни, их очень скоро настигали неблагоприятные обстоятельства и злая воля недружелюбно настроенных третьих лиц рушила все планы. К тому времени рисование картин уже давно было задвинуто на пятый план, а приоритетным занятием для Олега и Дениса стали одни лишь вечеринки. Да и не могло быть на тот момент ничего более интересного. Каждый новый день был светел лишь тем, что обязательно приходила ночь, и неизбежно наступал веселый час начала новой acid-party. За прошедшие два года друзья собрали вокруг себя внушительное количество преданных молодых людей и слепо верили тому, что самое главное в их дальнейшей жизни

— это не останавливаться, и продолжать веселиться.

Все к этому шло. Вечеринки полностью завладели умами молодежи и загремели по городу. Летом этого же года, помимо «Танцпола» на Фонтанке, открылся еще один неформальный клуб. Назывался он по месту расположения — «Обводы и Газы», так как находился на пересечении Обводного канала и проспекта Газа. В целом мрачное и депрессивное место, огромный доходный дом — мелкие кооператоры, цыгане, подозрительные конторки, пьянь и прочая городская шушера, наполняли его темные квартиры, как тараканы старый буфет. Верховодили новым клубом несколько постоянных посетителей Фонтанки: Слон, Ломбах, Кузьма и Массальский. Квартиру со сломанными стенами они оклеили белой бумагой, разрисовали все флюрокрасками и оснастили имеющимися в наличии приборами. Клуб получился простенький, но едкий, как редька. Едким он был от неимоверного количества горькой на вкус кислоты, которой потчевали друг друга его верные поклонники. Новая формация молодежи, те, для которых попасть на Фонтанку было лишь несбыточным желанием, устремились туда и забурлили в нем адским месивом.

Бывая на Фонтанке, наведываясь на «Обводы», посещая вечеринки Бирмана — Салмаксова, а позднее и ставшего самостоятельным Воронцова, Олег и Денис все больше убеждались, что им необходим свой собственный клуб. Посещая берлинские и гамбургские притоны, Олег насмотрелся всякого и, вернувшись в Петербург, предложил другу искать заброшенный подвал. По его мнению, клуб под землей меньше мозолил бы глаза обывателям и властям, нежели беспрестанно орущая по ночам квартира. В конце концов, идея зарыться под землю настолько завладела умами художников, что они перешли к конкретным действиям. После долгих и утомительных поисков на Зверинской улице был найден огромный земляной курпш, под восьмиметровой толщей которого прятался построенный на случай ядерной войны пункт управления каким-то заводом. Пересмотрев за эти месяцы массу заброшенных убежищ, ребята уже было отчаялись, но вот судьба улыбнулась, и в лабиринте улиц Петроградской стороны они наткнулись на этот холм. Отделенное от жилых домов деревьями, это убежище одиноко дыбилось из земли посреди огромного участка незастроенной территории. Летом оно зарастало буйной зеленью и было излюбленным местом гадящих собак, а зимой естественным способом холм превращался в детскую горку для санного катания.

Найдя этот заманчивый объект, художники навели справки и очень скоро оказались в приемной директора крупного

оборонного завода. Это огромное, занимающее несколько кварталов предприятие в связи с сокращением госзаказа и переходом на самоокупаемость на всех парах приближалось к экономическому краху. Директор, технарь-интеллектуал, весьма приветливо встретил художников и, услыхав об их интересе к убежищу, не удивился. Покуда у директора в глазах горел огонек участливого внимания, Олег и Денис, перебивая друг друга, объясняли, насколько станет жизнь на зелоте краше, если у него хватит мужества и он пустит неформалов в подвал. Из их фантасмагорических рассказов выходило, что это чуть ли не спасет тонущий в долгах завод, так как получение прибыли в будущем клубе гарантировало бы истерзанному предприятию жиденький, но зато постоянный ручеек денег. Чтобы вот так вот сразу не пугать вечеринками воодушевленного директора, основной упор рассказчики делали на художественную часть прожекта. В течение получаса директор узнал для себя много интересного, в том числе и множество новых слов. Улыбка, появившаяся у него на лице сразу, как только он увидел крашеные волосы Одинга и ярко-оранжевую куртку Назарова, не сходила с его физиономии до самого конца их встречи. Когда же фонтан красноречия у просителей иссяк и они, ожидая вердикта, смолкли, директор собрал воедино полученные впечатления и, приняв решение, сообщил художникам:

— Идея мне нравится. Почему нет? Можно подумать. Но вы же не видели самого убежища. Вы знаете, там есть проблемы…

— Мы все починим! — воодушевленно заверил его Олег, припоминая, какие затопленные развалины им приходилось видеть до этого.

— Дело в том, — тут директор сделался серьезным, — дело в том, что еще никто не снял с этого места статус пункта управления. Там размещается наш склад гражданской обороны. Вот если вы сможете как-то ужиться вместе со складом…

— Конечно! — воскликнул Денис.

— Вы очень торопитесь, — улыбнувшись их напору, ответил директор. — Вот вам телефон нашего начальника по гражданской обороне. Его зовут Римлян Зуфарович. Пусть он вам все покажет. Если это то, что вам нужно, — милости прошу ко мне, обсудим детали.

Полные радужных надежд, Олег и Денис попрощались с директором и, добравшись до первого таксофона, созвонились с этим самым Зуфаровичем.

Когда молодые люди оказались на месте, часы показывали две минуты девятого. Четырехметровой высоты холм растянулся

на всю длину Любанского переулка, и был нарядно бел от выпавшего за ночь снега. Эта подземная крепость выходила на поверхность двумя бетонными сооружениями, каждое из которых имело по две стальных двери и забранные решетками вентиляционные отверстия. Остановившись в нерешительности, друзья призадумались:

— В какую дверь нам нужно? — озабоченно спросил Денис у друга.

— Не знаю, их тут четыре.

— Давай пробовать во все подряд?

— Разумно.

Приблизившись к первой двери, они принялись деликатно по ней постукивать. Гробовая тишина в глубине убежища и видимая в щель замка тьма подземелья, были им ответом. Постепенно раззадориваясь, художники набросились на следующую, потом перебежали на другую сторону убежища и стали молотить еще громче. Перед последней дверью Олег как-то сник и высказал печальное предположение:

— Наверное, там никого нет.

— Не может быть, он же сам нам время назначил. — Денис был очень расстроен. — Гад!

В сердцах он пнул дверь ногой и тут же испуганно отскочил в сторону: даже не скрипнув, тяжелая дверь легко распахнулась, и в освещенном дверном проеме перед ними предстал пожилой мужчина в видавшем виды сером пальто и заячьей шапке.

— Вы художники? — безучастно поинтересовался он, и взмахом руки выкинул наручные часы из рукава пальто на запястье.

— Да! Да, мы опоздали… не знали… стучали…

— Восемь часов семь минут, — пробубнил старик. — Я уже уходил. Вам повезло.

Окинув холодным взглядом ярких, как попугаи, молодых людей, мужчина сдвинул косматые брови и жестом пригласил их следовать за собой. Лестница прямо с порога падала вниз и убегала под землю двумя длинными маршами. Как только ребята ступили в бетонированную галерею, Римлян Зуфарович захлопнул дверь, и свет ясного дня срезался у них за спиной. Их окружило печальное безмолвие сумрачного подземелья. Привычным шагом старик направился вниз, и в конце спуска они оказались в узком коридорчике с несколькими выходящими в него дверями. Двери эти, как, впрочем, и все, что в дальнейшем друзья увидели в этом бункере, были не простые. Огромные, сваренные из толстых металлических швеллеров, они напоминали антураж фантастических фильмов о космосе.

Бронедвери висели на мощных петлях и герметично запирались с помощью вращающихся штурвалов. Пройдя этот коридор, художники свернули налево и оказались в герметическом шлюзе. Запираемая с двух сторон такими же дверями, эта бетонная камера была последней преградой между прячущимися внутри людьми и ударной волной ядерного взрыва на поверхности. Сразу за ней начинался огромный подземный зал. Оказавшись в нем, молодые люди раскрыли рты от удивления и, шаг за шагом ступая вперед, стали еще больше округлять глаза; это было как раз такое помещение, о котором они мечтали. Они оказались в настоящем техноклубе.

Вытянутое помещение имело восемь метров в ширину, три в высоту, и около пятидесяти в длину. Вдоль его стен находились двери, ведущие в комнаты поменьше. Под потолком тянулись мощные трубы вентиляции, по стенам расползались связки проводов, висели замысловатые приборы, светились лампы, мигали датчики. Все оборудование в этом зале было в прекрасном состоянии, на всем лежал отпечаток бережливого сохранения и педантичной, полувоенной заботы. Стены зала украшали множество плакатов по гражданской обороне, повсюду находились столы с черными фибролитовыми телефонами, на всех дверях висели таблички, стояли стеллажи с противогазами и огромные колесные огнетушители. Самыми впечатляющими объектами оказались пять неимоверного размера бочек, обернутых блестящим металлом.

Видя восторженную растерянность молодых людей, хранитель подземелья смягчил строгую мину и стал прояснять ситуацию:

— Все, что вы здесь видите, работает. Абсолютно все. Это стратегический запас пресной воды на триста человек, рассчитан на три месяца полной изоляции. Это энергоцентр, здесь стоит дизель-генератор, который может обеспечить электроэнергией все сооружение, и запас солярки к нему. Тут, — туалеты на двенадцать горшков. Там — командный пункт, радиоузел, медблок. Дальше — вентиляционные камеры. Вся вентиляция ту т идет через угольные фильтры, это чтобы отравленный воздух после ядерного взрыва не попадал внутрь. Там дальше…

— А, что это такое вообще? — с искренним восторгом перебил его Денис. — Д л я кого это строили? Для правительства?

— Ну, что вы. У Смольного свои убежища, роскошные. Этот пункт построили в шестидесятом году для управления нашим заводом в военное время. Если начнется война и на город сбросят бомбу, инженеры перейдут под землю и уже отсюда по телефону и рации будут вести управление цехами.

— А кто же работать-то будет? — нетактично выпалил Олег.

Тонко улыбнувшись его негармоничному восприятию мира, старожил убежища ответил:

— Кто-кто? Рабочие. Кто же еще?

— А как?

— Как положено. В противогазах, — ответил умудренный подземной жизнью старик. — Ну, вот, собственно, и все, что мне велели вам показать.

— А там что? — полюбопытствовал Денис, указывая в сторону нескольких проемов, темневших в стене зала.

— Такое же по размерам помещение, как и это, нотам находится склад химзащиты и средств спасения: противогазы, костюмы, аптечки, носилки, кровати, инструменты. Ну, вот вы все посмотрели. Может, теперь расскажете, для чего вас прислал директор?

— Мы хотим тут клуб сделать! — вывалил ему на голову Олег.

Хранитель подземелья снял шапку и медленным движением руки пригладил свои редкие, седые волосы. Без головного убора он как-то уменьшился, заблестела пролысина, и красным венчиком на лбу проступил след от кроличьей ушанки. Найдя его раздумья несколько комичными, Олег радостно улыбнулся, но тут же осекся. Римлян Зуфарович нахмурился и, не глядя на гостей, произнес:

— Да-а. Времена пошли. Черти что творится! Теперь клуб в убежище устроят. Тьфу!

Произнеся это мрачное предсказание, он плюнул в сердцах, повернулся к молодым людям спиной и побрел куда-то в темноту. Оставшиеся вдвоем Олег и Денис молча проводили его взглядом, а когда фигура смотрителя исчезла, они яростно схватили друг друга за плечи. Стараясь не шуметь, они выпустили такое количество энергии, что ее хватило бы на то, чтобы вскипятить все эти бочки с водой.

— Ты видел!!! Вода, электричество, туалеты!!! — бешено шипел Назаров.

— Нереалка!!! — соглашался Одинг, обводя сказочное помещение увлажнившимися от счастья глазами.

— Надо хватать любым способом. Старика сольем. Нужно лететь к директору и падать в ноги.

Находка действительно оказалась фантастической. Жизнь так устроена, что каждому в ней выпадает несколько возможностей обрести что-то очень важное или по-настоящему ценное. Происходит это всегда всуе, без небесных фанфар, и потому очень

важно правильно оценить представившуюся возможность и не пройти мимо своего шанса. Ослепленные открывшимися перед ними перспективами и захваченные одной-единственной мыслью — «не упустить удачу» — Олег и Денис в муках дожили до понедельника. Когда настал этот первый рабочий день, они с красными от бессонницы глазами уже в восемь утра сидели в приемной директора. Всю ночь накануне этого визита друзья провели без сна. Вместе со своим другом Штейном они выкурили бесчисленное количество папиросок и не переставали волноваться: как пройдет эта встреча. Измотав себя сомнениями и робкими надеждами, друзья выпили за ночь кастрюлю крепкого кофе, а под утро Олег и Денис тщательно принарядились и отправились на встречу.

Под натиском обычных заводских проблем директор позабыл о забавных ребятах, хлопотавших об искусстве и о том, чтобы увести молодежь с улиц. Художники поразили его своей оторванностью от нынешней реальности, странным смещением жизненных ценностей, внешним видом и речами. Умом он понимал, что они несолидные бездельники, но сердцем чувствовал в них бурлящий поток творческой энергии. В том, о чем они просили, не было ничего невыполнимого: это самое убежище вот уже как десять лет уныло дремало, и лишь изредка, для галочки, там проводились штатные заводские учения. Учитывая средний возраст рабочих завода — пятьдесят лет, эти учения всегда походили на групповое чаепитие для женщин и поголовный перекур для мужчин. Но клуб под землей — это было непонятно. Не разобравшись в этой ситуации до конца, обстоятельный директор отправил странных просителей к Зуфаровичу, надеясь, что суровый татарин покажет им подземелье и они, убоявшись трудностей, сбегут. Тем большим было его удивление, когда, снимая на ходу пальто, он вошел с утра в секретарскую и увидел двух посетителей.

— А! Это вы! — заулыбался директор.

Молодые люди как по команде встали и вытянули руки по швам.

— Леночка! — обратился директор к молоденькой секретарше. — Ко мне еще никого?

Леночка промолчала и дипломатично скосила глаза в сторону вытянувшихся во фронт художников.

— У меня есть минутка, заходите, — пригласил директор, распахивая двери своего кабинета. — Ну что? Чем порадуете?

Друзья переглянулись, и слово взял уравновешенный Денис:

— Мы посмотрели убежище…

— Лучшего и быть не может! — не в силах сдержать восторга,

воскликнул Олег.

Оптимистичное начало так понравилось директору, что он от души рассмеялся. Что-то в этих ребятах было такое, что по-доброму забавляло, умудренного жизнью мужчину. Лихие времена капитализации ежедневно приводили к нему разных людей, большая часть из которых пыталась за бесценок купить его завод, некоторые предлагали заманчивые многоходовые аферы, попадались и такие, от которых за версту несло уголовщиной. А эти были обуреваемы только своей идеей и просили такую безделицу, на которую еще никто не зарился.

Выслушав до конца доклад о посещении убежища, директор задал Денису несколько вопросов, услышав ответы, ненадолго задумался. В конце концов он пристально посмотрел на Дениса и спросил:

— А почему вы, собственно говоря, хотите танцевать именно под землей? У нас, например, на этой же улице есть заводской Дом культуры «Красный маяк». Может, вам туда?

— Нет, ну что вы. Наша музыка очень специфичная, — доверчиво сообщил ему Денис. — Мы думаем, что вместо того, чтобы постоянно объяснять посторонним, что это такое, лучше забраться под землю и ни с кем не пересекаться.

Директор снова рассмеялся. Это было действительно забавно. Он специально предложил им площади Дома куль туры — надеялся, что у них разыграются аппетиты и они возжелают целое здание. Но ничего подобного не произошло, и художники продолжали стоять на своем:

— Мы андеграунд! — малопонятным словом заверил директора Денис.

— И следственно, нам под землю! — добавил Олег, указательным пальцем тыча себе под ноги.

Мало-помалу секретарская наполнялась деловым гомоном, и в кабинет все чаще стали просовываться головы заводских.

— Однако мне пора работать, — произнес директор, поднимаясь из за стола и становясь безучастно серьезным.

Олег и Денис машинально вскочили и, стоя на ватных ногах, приготовились к самому худшему. Видя их близкое к обмороку состояние, директор усмехнулся в последний раз и пожал художникам руки:

— Готовьте документы для договора аренды. Будем работать! — коротко бросил он.

Олег еле сдержался, чтобы не броситься директору на шею. Ему показалось, что он в жизни не видел человека добрее. Резко и сладко сжалось сердце, и в голову ворвался пульсирующий ток горячей крови. Мысли разорвались трескучей петардой, и в ушах

запрыгало эхо: «Будем работать!» Испытав секундное головокружение и необыкновенный душевный подъем, он вознесся над терзавшими его сомнениями и понял, что все получилось. Денис, судя по всему, пребыв ал в сходном состоянии. Бессознательно совершая головой круговые вращения, он сиял улыбкой такой интенсивности, что ее сила выдавила из кабинета серенький свет утреннего солнца.

Не видя ничего перед собой, друзья выбрались из здания заводского управления и оказались на улице. Все накопленные за эти дни переживания грозовым разрядом ушли в заснеженный тротуар этой тихой улицы. Со звоном хлопнув ладонями, они расхохотались и, не сговариваясь, направились на соседнюю улицу — к убежищу.

Прошло несколько дней, и к ним пришло полное осмысление случившегося. Художники сделались одержимы. Чуть ли не ежедневно они появлялись в убежище, раздражая до нервного тика предчувствовавшего большие беды Зуфаровича. Старикан поздно сообразил, какая катастрофа надвигается на его тихий департамент пыльных противогазов и просроченных аптечек. Он провел в этом подземном мире долгие годы бесхлопотной службы и был уверен, что никто и ничто не в состоянии поколебать его размеренной жизни.

И вот пришла беда. Пришла в виде этих молодых прохвостов, одурманивших разум директора, опутавших его невидимыми сетями, поработивших его волю и превративших цветущее оборонное сооружение в вертеп. Но это будет позднее, а пока бурчащий Римлян Зуфарович был вынужден приходить в неурочный час и подолгу просиживать в своей кладовке, дожидаясь, пока художники закончат свои малопонятные действия. Странные ребята бродили по убежищу и вслух фантазировали: пряный дым травы будил фантазию, и они, размахивая руками, чертили в воздухе контуры будущего бара, гардероб, сцену, диджейский стол, кассу, офис. Все нужно было придумать, вообразить, представить.

Головы кружились от счастья, однако нахождение атомного убежища до поры до времени решили держать в строжайшей тайне. В курс дела были введены лишь несколько особо приближенных лиц: Аннета Лангер, Маша Малое — возлюбленная Одинга, Штейн и Аня Корнеева, общая подруга. Но так продолжалось недолго. Так не могло долго продолжаться, — нужно было действовать. Постепенно информация о скором открытии клуба стала расползаться среди общих знакомых и вскоре стала известна многим.

Время шло, и все ближе наступал час, когда нужно было предпринимать конкретные шаги. Пронянчив месяц новорожденную идею, напитав фантазиями и воображением, нужно было начинать кормить ее деньгами и действиями. Проспорив массу времени, Олег с Денисом пришли к выводу, что самостоятельно им этого дела не осилить, и начались осторожные, выверенные переговоры. Из ближайшего окружения они попытались выбрать человека, способного на партнерские отношения, который бы не просто дал деньга на этот проект, но и не стал в будущем большой проблемой. То, что творилось во внешнем мире бизнеса и лжи, простыми словами описывать было невозможно. Новое русское предпринимательство было сплошь замешано на жестоком обмане, бандитизме, «кидаловах», «стрелках!», «разводках», «подставах» и прочих мало приятных вещах. Страх держал мелких бизнесменов в стальных тисках. Бесконечно меняющиеся хороводы бандитов, лязгая зубами, ежедневно напрыгивали на их фирмы, требуя денег и оперируя лагерными понятиями, людей перемалывали вместе со всем их имуществом, пытали, без счета пропадали они при невыясненных обстоятельствах в сырой земле холодных ленинградских лесов.

Никто, никого и ни от чего не мог спасти или уберечь. Уповать в бизнесе можно было только на друзей или родственников, хотя примеры из жизни показывали, что даже на этом пуповинном уровне порой случались совершенно несусветные изуверства.

Всмотревшись, насколько это было возможно, во тьму предстоящих трудностей, друзья определились с искомой суммой и стали осторожно нащупывать почву под ногами.

2

С того времени, как летом 1992 года первый танцевальный клуб на реке Фонтанке прекратил свое существование, прошло около полугода.

Когда «Танцпол» покинул дом, рыботорговцы из «Крипты», получившие документы на право им распоряжаться, очевидно, в насмешку над заносчивыми «клаберами», поселили в знаменитой квартире секту каких-то богомольцев. Позднее выяснилось, что это было некое буддистское братство, или еще некое душеспасительное общество, инспирир ованно е в нашу безбожную страну религиозным аферистом Оле Нидалом, но безутешным поклонникам «Танцпола» легче от этого не стало. В том месте, где еще недавно звучал а электронная музыка и

танцевали счастливые люди, эти волосатые, увешанные побрякушками хипашоги расстилали свои грязные коврики и камлая горловые напевы, бились лбами о паркет.

В какой-то мере ситуацию спас Марат. Его кипучей энергии хватило на то, чтобы захватить на последнем этаже со среднего шестиэтажного дома большую пустующую квартиру. Марат сломал там все стены, навел идеальный порядок, и в этой белоснежной мастерской еще полгода проходили вечеринки. Но это было уже не то — наступал новый период.

Потеряв собственный клуб, Алексей Хаас и его брат Андрей, переключились на производство разовых вечеринок. Первыми в ту летнюю пору прогремели две ночи в киноцентре «Родина». Как ни странно, но организовал все и подготовил тот самый Костя — фанат house-музыки, кассетный диджей и гоу-дансер с «Гагарина». Желая разделить труды и славу, он с глубочайшим пиететом обратился к «Танцполу», и предложил клубу партнерство. Однако Алексей, перманентно пребывавший в легком пафосе, счел предложение молодого человека неадекватным и, сваливая все дальнейшиехлопоты на Андрея, дал наказ взять ситуацию с «Родиной» под полный контроль. Поначалу мягко и вежливо, а в процессе проведения энергично и четко, Андрей повернул ситуацию таким образом, что все нити управления, а впоследствии и вырученные финансы оказались в руках «Танцпола». Костя был плавно отодвинут от контроля над вечеринками, а под конец довольствовался лишь тем, что два дня подряд играл на них до полного изнеможения. В первую ночь он работал вместе с Грувом, но тот, насмотревшись на происходящие баталии, играть во вторую ночь решительно отказался, и счастливый Костя играл один. «Танцпол» выставил в фойе киноцентра свой новый звук, малобюджетный спет и — что было ново и очень примечательно — четверых омоновцев. Две ночи подряд каменное ф ойе киноцентра лопалось от напиравшего народа, и лишь эти самые омоновцы с большим трудом удержали ситуацию с криминально настроенными посетителями в рамках допустимого.

Драк на дискотеках тон поры вообще было множество: спортсмены дрались между собой, били молодежь, приставали к охране, провоцировали друг друга, нагнетали страх и отвращение. Но несмотря на их мерзость и жестокость, молодежь постепенно научилась не бояться и в массе своей продолжала веселиться, невзирая на творившиеся рядом ужасы. Воспринимая присутствие бандитов, как неизбежное зло, основная часть модников окрестила их «лысыми» и старалась по возможности

игнорировать. Два дня подряд битком набитый киноцентр трясся от звука. Эти первые летние вечеринки после долгого зимнего затишья мощными толчками раскачали маятник большого вечериночного бума.

Вскоре после вечеринок в «Родине» от гранитных стен Адмиралтейской набережной отчалил новый теплоход «Чайка». В начале рейса от перегрузки пассажирами веселое судно едва не затонуло, но, к счастью, все обошлось благополучно и, к всеобщему удовольствию, закончилось очень мило. С полуночи до самого утра, раскачиваясь на черных волнах и надрывая ревом музыки ночную тишину, плавающий клуб бороздил невскую дельту, скандализируя при этом разбуженных жильцов из домов на набережных. Из Лондона на это водное увеселение приехал играть Кэмден Логан. Малыш Кэмден, как его любовно прозвали питерские поклонники, доводился племянником всемирно известному дизайнеру Эндрю Логану и сам оказался стильным парнем. Милый и обаятельный, он сотворил настоящее чудо и влюбил в свою музыку петербургскую публику, которой посчастливилось оказаться на борту «Чайки».

В конце лета Алексей и довольно округлившаяся от беременности Марина улетели в Нью-Йорк. Житье в сквоте без мебели и горячей воды, так утомило Марину, что она предпочла до родов уехать в Америку. Квартира в соседнем доме, куда они переселились после потери клуба, была огромна, но настолько не устроена, что временами погружала в депрессию даже такого оптимиста, как она. К тому времени бизнес Марины в России достиг значимых масштабов, и она стала президентом компании. Компания «Белка» занималась телефонизацией, снимала огромный офис в центре Москвы и, захватывая рынок безбрежных просторов бывшего СССР, шаг за шагом превращалась в крупный телекоммуникационный консорциум. Оставляя шумную Москву, она приезжала в Петербург на уикенды, и такая жизнь между двумя городами продолжалось до самого отъезда.

С отбытием брата за океан Андрей и сам съехал с Фонтанки. На далеком от центра участке Литовского проспекта он нашел крохотную квартирку, навел там тряпочный фэн-шуй и, завалив ее горой танцполовской техники, спокойно зажил на оставшемся клочке свободного места.

Не пропал и Миша. Он всегда был немного роботизированным человеком: поднимался рано, ложился поздно, не пил, не курил, не ставил над собой психоделических опытов,

имел ясный ум и не замутненную травой память. Но все эти прелестные достоинства и правильные черты характера делали его в молодежных компаниях белой вороной. Так он и жил рядом со всеми, долговязый как жердь, странный и непонятный, но, как показала жизнь, сосуществование с этой вороной не могло продолжаться долго. Романтическая необузданность Алексея и прагматичный цинизм Михаила в конце концов встретились. Результатом этой встречи стала такая личная антипатия, что вчерашние друзья разлетелись в стороны, как бильярдные шары.

И вот Миша остался один. На какое-то время общие друзья выпустили его из виду, он затаился, приготовился и, объявившись лишь к середине лета, представил публике небывалое увеселение. Все, даже те, кто частенько над ним потешались, признали: Миша попал в десятку. Ему удалось заполучить здание огромного бассейна на Петроградской стороне, а идея состояла в том, чтобы совместить музыку, свет, танцы и купание С первой же вечеринки стало ясно, что это феерическое сочетание.

«Аквaделик» запомнился всем: под куполом дышащего влажным эхом бассейна гулко грохотала музыка, потоки яркого света расцвечивали колышущуюся воду, а ее бурлящую толщу пронзали зеленые нити лазеров. Полуголые танцоры извивались, как черти в аду. Прямо с танцпола, с небольшим разбегом один за другим, все желающие улетали в воду. Одеяния у танцующих были столь символические, что плотный эротический туман стоял над всем происходящим и в головах присутствующих. Свет превращал бассейн в необыкновенно красивое зрелище. Миллиардами световых отражений цветные отсветы плясали по стенам, над водой стлался дым, сумрачная пелена рвалась стробоскопами и озарялась ослепительными вспышками. Музыка и вода настолько расслабляли, что эффект превзошел все ожидания: на этих вечеринках всё поголовно купались, большая часть развлекалась шампанским, некоторые курили «башетунмай», ели грибы, а кое-кто прямо в воде занимался сексом. Но закончились «Аквaделики» все же трагически: на одной из этих вечеринок какой-то молодой человек принял немыслимую дозу героина, у него остановилось сердце, и несчастный тихо опустился на дно сверкающего светом бассейна.

Вечеринки, вечеринки, вечеринки! Ночь вытеснила день и стала главным временем суток. День превратился в работящую падчерицу, разбивающуюся в трудах, чтобы с последним лучом солнца наступил праздник для беспрестанно веселящейся ночи. Вечеринки в мастерской у Марата, вечеринки в Домах культуры, вечеринки у друзей, по несколько раз в неделю, в Петербурге, в

Москве, по поводу и без повода, платные, бесплатные, милые, с кровью. Осенью наступил сезонный рецидив, и вечеринки окрасились невероятно яркими фракталами галлюциногенных переживаний. Молодежь бросилась на поля, и очень скоро под руководством Леши Чернорота образовался клуб «Стоз». Сутью этого забавного сообщества экспериментаторов было отсутствие временного промежутка между нахождением псиллоцибинов и их употреблением в пищу, а называлось оно так потому, что обычной нормой всех его членов была сотня поганок, съедаемых как правило прямо на поле.

Прожив эти яростно веселые полгода один, Андрей так умотался, что однажды, осматривая себя в зеркале, разглядел в густой массе своей шевелюры льняные нити первых седых волос. Алексей по-прежнему был в Америке и лишь иногда присылал короткие сообщения. Из его скупых на подробности открыточек было ясно, что в октябре он стал отцом, Марина родила девочку, и младенца назвали Софией. Счастливый отец отсиживался на Манхэттене, а свежеиспеченный дядя Андрей суетился в Питере, хлопоча по поводу их новой квартиры. Поняв всю безнадежную глубину их бытовой неорганизованности, Марина перевела в Россию нужное количество тысяч долларов, и на Суворовском проспекте в престижном генеральском доме была куплена трехкомнатная коммуналка. Андрей завез в пустую, пахнущую прежними жильцами квартиру грузовик танцполовской аппаратуры и стал дожидаться возвращения брата.

Примерно в это же время несколько ранее не связанные друг с другом событий, бежавших параллельными курсами, стали сходиться и в середине февраля 1993 года, пересеклись в одном времени и месте. Обстоятельства колотыми льдинами сбились в кучу и ненадолго образовали затор, годный для того, чтобы несколько человек с разных сторон отчаянно побежали по нему навстречу друг другу.

Началось все с того, что Андрей «красным гостем» отправился на вечеринку в рок-клуб. Старая культовая помойка, Ленинградский рок-клуб, к тому времени уже практически помер и, доживая свои безрадостные дни, ютился во дворе, а в бывших помещениях Театра самодеятельного творчества засела некая осовремененная структура. Именно эта шустрая структура нафантазировала себе, что на вечеринках можно заработать денег, наняла невесть кого и устроила в дорогих сердцу каждого рокера стенах коммерческую танцульку. Все было соблюдено в духе модного жанра: в крашенном маслом фойе ватно молотили

колонки, подвижные лучики света плясали по наполненному людьми залу, в барах толкотня и дым коромыслом, билеты, касса, охрана. Все было прекрасно, и так бы, может, и закончилось, да на беду перед зданием на улице Рубинштейна остановилась одна машина — такие называют «американским крокодилом»: огромный и обвешанный хромом, нелепый «бьюик» семидесятых годов, местами мятый и проржавленный, с выбитой передней фарой, висящей под радиатором на проводах. Никто, возможно, и не обратил бы внимания на этот цирковой транспорт, если бы из него один за другим не вылезли семь человек. Прибывшие оказались мужчинами крепкого телосложения, с хмурыми лицами и тяжелыми взглядами, в которых плавали пугающие огоньки злобной решительности. Оставив свой автомобиль прямо на проезжей части, эти семеро задрали головы и, осмотрев здание, решительно направились к входу. Их напористый маневр и слаженность действий, а больше всего — навевающий размышления внешний вид, сразу не понравились двум милиционерам, до этого мирно курившим у входа. Одеты все прибывшие были в темно-серые плащи до пола, а у некоторых были еще и шляпы.

— У нас нужно в кассу! — неуверенно объявил один из сержантов, вяло преграждая им дорогу и оглядываясь.

В притихшей сзади толпе молодежи сержант попытался найти распорядителя мероприятия, еще минуту назад спокойно курившего рядом. Но напрасно — увидав приближающуюся группу, смышленый парень все понял и тут же нырнул в толпу.

— Ты, чё, мент? Мы только посмотреть! — дерзко выдохнул в лицо милиционеру один из плащей, хищно скалясь и обнажая золотой частокол вставных зубов.

Вытягивая голову вперед, он стал заглядывать внутрь.

— Волы есть? — громко спросил у него один из напиравших сзади. — Чё там?

— Да пидоры какие-то.

Бледный милиционер, потея и морщась от обилия свалившихся на него уркаганов, деликатно взял напиравшего на него человека за плечо.

— Купите билет, — уныло попросил он.

— Да слышь ты! — неожиданно громко и с яростной злостью крикнул останавливаемый.

Он оттолкнул схватившую его руку, откинулся корпусом назад и без зам ах а хлестко врезал сержанту в челюсть.

Ноги, как дырявые мешки с водой, просели и, стукнувшись спиной об угол дверного проема, покинутое сознанием тело милиционера упало. Все произошло настолько быстро, что другой

милиционер даже не успел бросить недокуренную сигарету. Видя, как, злобно гогоча, люди в плащах перешагивают через его поверженного напарника, он враз оцепенел всем телом и понял, что если сейчас хотя бы шевельнется, то уже через миг будет лежать здесь же рядом на заплеванном полу.

— Саня! Паси мусора! — повелительно крикнул один из налетчиков последнему из оказавшихся внутри негодяев.

Топтавшаяся перед дверями молодежь кинулась врассыпную, а банда в плащах, хохоча, стала подниматься по лестнице.

За несколько минут до налета на втором этаже в баре закончился один непродолжительный, но важный для всей дальнейшей истории разговор.

Олег Назаров и Денис Одинг встретили на вечеринке Кирилла Фролова и допытывались у него о перспективах своего долгого ожидания. Ждали молодые художники денег. Вернее сказать ждали Бирмана, обещавшего их найти. Еще два месяца назад, устав от раздумий и неопределенности, они предложили Бирману, Салмаксову и Фролову совместно участвовать в открытии клуба. Идея так понравилась «F. Y. Intertainment», что были организованы все требуемые консультации, и очень скоро для Олега и Дениса будущее окрасилось во все оттенки розового цвета. Прошел месяц разговоров, и, уезжая в Америку по своим делам, Бирман заверил их в том, что обязательно найдет в Нью-Йорке требуемые десять тысяч. Время шло. Изредка Бирман звонил, и деловито подбадривал приунывших художников, но денег не было, и все застопорилось.

Оттого-то сейчас, встретив на вечеринке Фролова, Олег решительно потребовал от него конкретности. Веселый и ненастроенный обсуждать дела Кирилл, как мог, покрутил разговором и, не расслышав в словах Назарова накипевшей раздраженности, очень скоро убежал. Как только его спортивная фигура растворилась среди танцующих, в переполненном людьми баре появился Марат. Завидя вечно улыбающегося друга, Назаров и сам улыбнулся — Марат вальяжно передвигался по вечеринке, ведя под ручки двух нимфеток. Друзья обнялись, разговорились, и уже через пять минут Марат был в курсе всех печалей друга. Откупоривая бутылку шампанского и подмигивая Денису в сторону одной из барышень, Марат жизнерадостно засмеялся:

— Брось ты этого Бирмана! Зачем он тебе сдался? Он вас еще год будет кормить завтраками, а потом сольет. Поговори с Хаасом. Они купили звук, мы под него на Фонтанке балдели. У них сейчас клуба нет, а звук есть. Стоит на Суворовском. У них есть звук, у вас — помещение, а чего вам еще нужно?

Денис с Олегом обменялись долгими взглядами и, когда Марат с девицами удалился, набросились друг на друга с одним и тем же вопросом:

— Что думаешь?

Но ни один, ни другой ответить не успели. Перекрывая громко звучащую музыку, в бар влетел шквал человеческого крика. В один миг идиллическая картинка вечеринки лопнула, и все вокруг превратилось в невообразимую, беспорядочную беготню и сумятицу. Пытаясь укрыться в баре, с танцпола бежало множество людей. В числе прочих снова появился Марат со своими напуганными подружками.

— Что там происходит? — удивленно оглядываясь вокруг, поинтересовался у него Денис.

— Надо сматываться! — торопливо поведал Марат, опасливо косясь назад. — Там какие-то отморозки в танцполе. Бедный Адриан Аникушин танцевал у колонок и нарвался — они его так избили, что он весь в крови.

— Кто? Что? За что? — в один голос воскликнули все вокруг.

— Не знаю. Уроды какие-то. Все в плащах и шляпах, я таки х еще не видел.

— Обычно они в спортивных костюмах на танцы ходят,

— сказал кто-то рядом с тихой ненавистью.

— Фролов попытался вступиться за Адриана, но тут же получил. По-моему, они чем-то обдолбанные.

Визгнув иглой по пластинке, музыка срезалась, и на танцполе истерически заверещала женщина, послышались очень громкие возгласы и матерные крики. Ругань и шум драки приближались, все в баре повскакивали, а из подсобного помещения выбежали несколько мужчин в костюмах. Явственно и громко в наступившей тишине где-то совсем рядом упали несколько стульев, и что-то тяжелое, очевидно человек, рухнуло на пол. Послышался стон боли и надрывный женский крик:

— Позвоните в милицию!!!

— Началось! — прошептал Олег на ухо Денису. — Нам нужно зарываться под землю и ставить такую охрану, чтобы эти уроды в клуб вообще не попадали…

Денис согласно закивал, продолжая настороженно прислушиваться к невидимой драке.

— Может, уберемся отсюда?

— Пошли скорее!

— Уходим!!!

Олег, Денис, Марат, девушки и еще несколько человек, не дожидаясь трагической развязки, выскользнули из бара и сквозь бурлящую толпу напуганной молодежи стали пробираться к

выходу. Как были, без одежды, они скатились по лестнице вниз и, переступив на входе через распростертого на полу милиционера, выбежали на улицу.

Собираясь на вечеринку, Андрей долго и с наслаждением принимал ванну. Долгое житие в сквоте, с крайне редко появлявшейся горячей водой и чугунной раковиной душа на кухне, приучило его ходить в баню. Старая, дореволюционная баня в переулке Макаренко была всем хороша, вот только не любил Андрей бани. С армии возненавидел он эти моечные фабрики с колотыми стеклоблоками на окнах, общие залы с намыленными лавками, отбитую кафельную плитку, орущих в очереди к душу, казенные простыни, запах хлорки в туалете и, что самое неприятное, — множество человеческих тел, подчас анатомически безобразных, со всеми их видимыми природными пороками и излишествами. Ванная — другое дело. Лежишь в ней один, плещешься, а над головой, убаюкивая, гудит и потрескивает старый газовый водогрей. Хорошо.

Намывшись и переодевшись, Андрей вскипятил чаю и ловко смастерил персональную сигаретку. Он сидел в большой и абсолютно пустой комнате в кресле и, потягивая чай из кружки, смотрел в окно. Красиво падал снег, крутился по стеклам окна, летел встревоженной стайкой на белый свет уличного фонаря. Часы показывали пять минут третьего, и в квартире было абсолютно тихо.

«Пора!» — подумал он, и хлопнув себя по коленям поднялся.

Пора, но идти на эту вечеринку почему-то очень не хотелось. Вот уже два часа, как он тянул время и медлил с выходом. Дурное предчувствие томило весь день, не попадая точно в цель, кружили домыслами приметы: выпав из рук, разбился вдребезги стакан, иод половицей отыскался потемневший от времени пятак, а под самый вечер неожиданно пришел знакомиться сосед — отставной генерал.

Выбравшись на улицу, Андрей вдохнул морозный воздух полной грудью и, затянув потуже узел шарфа, бодро пошел по Суворовскому проспекту. Очень скоро ему повезло — его подобрала карета скорой помощи с молодым краснолицым доктором и санитаркой в несвежем халате, надетом прямо поверх цигейковой шубы. Приняв у Андрея деньга, доктор безразлично отвернулся и продолжил бесстыдно рассказывать прыскающей от смеха женщине какой-то сальный анекдот. Трясясь на обтянутом дерматином откидном стульчике, Андрей от скуки стал разглядывать убогое снаряжение медицинской машины.

Вот на этой эмалированной тачке они носят беспомощные

тела больных, потом засовывают их в машину и так же травят анекдоты. Ужасная работа. Больной хрипит от боли, стонет, плачет, ему страшно, он хочет жить.

Андрей вспомнил 1985 год, как он, девятиклассник, работал санитаром в больнице. Учился делать уколы, прямо на больных. Врачом хотел стать. Не стал. В мутные белые стекла ничего не было видно. Машина притормаживала на светофорах, скрипела, тряслась, и казалось, будто бы она едет уже несколько часов. Наконец она остановилась, и Андрей с нетерпением выскочил на улицу. Глоток свежего воздуха после пропахшей лекарствами и страданиями тру- повозки подействовал бодрящим образом. Перебежав Невский проспект, он легко зашагал по улице Рубинштейна и довольно скоро повстречал на пути парочку молодых людей. Парень с девушкой быстро шли к Невскому, поминутно тревожно оглядываясь. Не обратив на них внимания, Андрей ускорил шаг и уже на подходе к нужному дому едва не был сбит с ног бегущим навстречу человеком.

— Не ходи туда! — крикнул ему бегущий, скрываясь в темноте арки.

Андрей остановился в нерешительности и, проводив его глазами, стал недоуменно осматриваться вокруг. Безмятежная ночь и легкий снегопад. Возле входа в рок-клуб виднелись какие-то люди и слышались неясные голоса. Неожиданно прямо по центру дороги вспыхнул яркий луч света, и длинные тени человеческих фигур легли на белый снег. Сразу после этого невыносимо громко и очень страшно ночную тишину спящей улицы распорола автоматная очередь. Неосознанно втянув голову в плечи, Андрей зажмурился и присел от страха Это было уже что-то нереальное. Короткое эхо выстрелов прокатилось по стеклам домов и оборвалось где-то радом озорным звоном разбитого стекла. Потеряв от неожиданности способность соображать, Андрей прижался к тротуару, и в голове его все перевернулось. Рядом громко взревел мотор машины и раздались крики. Приподняв голову, Андрей осторожно выглянул из-за стоящих у тротуара машин и убедился, что все то, что он слышит, происходит в пятидесяти метрах от него, прямо перед входом на вечеринку. Там бегали какие-то люди, кричали, и их тени мелькали в ярком свете этого одинокого прожектора.

— Андрей! Андрей! — прошептал откуда-то сверху знакомый голос. — Это ты? Иди сюда. Мы здесь, иди к нам.

— Кто это? — сдавленно захрипел Андрей, вглядываясь в темноту дворовой арки.

— Я, Марат! Иди сюда! Мы тут, смотри выше…

Подняв голову, Андрей разглядел в темноте подъездного

окна несколько силуэтов и сигаретный огонек. Почти на четвереньках он добрался до двери подъезда и юркнул внутрь. Было темно, и лишь где-то вверху, на отполированных ступенях, сияли белые отсветы уличного фонаря. Поднявшись по темной лестнице, Андрей оказался на площадке и с удивлением обнаружил там целую группу молодежи, густо облепившей подоконник: Марат, Олег со Свечного, его друг Денис, незнакомые девушки. Они все стояли и напряженно прислушивались к звукам, доносившимся из приоткрытого окна.

— Что здесь происходит? — ошалело спросил Андрей сразу у всех.

— Чикаго тридцатых годов, — голос Марата дрожал. — Плащи, шляпы. Ты не поверишь! Там сейчас такое побоище было, круче всяких боевиков. Мы сбежали, как были, без одежды. А ты что-нибудь видел? Кто стрелял-то? Менты?

— Я ничего не знаю. Ничего не понял, — задыхаясь от волнения, стал рассказывать Андрей. — Шел на вечеринку, и вдруг рядом со мной начали стрелять. Чуть не обгадился. Видел какой-то свет и больше ничего.

От всей этой небывальщины у него стоял звон в ушах, и дрожью в голосе наружу рвалось беспричинное желание хохотнуть. Чувство творившегося рядом беззакония завораживало, стучало диким пульсом в висках необыкновенное ощущение настоящего стресса. Тошнотворная волна адреналина, еще на улице застудившая низ живота, теперь жарко ударила в обмякшие ноги и, вспенившись в душе, превратилась в озноб восторженного возбуждения. Кое-как продышавшись и начиная привыкать к происходящему, Андрей нервически усмехнулся и закурил предложенную ему сигарету. От волнения он сделал такую сильную первую затяжку, что на несколько мгновений разгоревшийся огонек сигареты осветил его лицо.

— С утра сегодня понял, что день какой-то странный, — сообщил он друзьям.

— Это точно! — воскликнул Марат со смехом, переставая говорить шепотом и толкая Назарова локтем. — Слушай, а ты удачно зашел! Богатым будешь. У ребят как раз есть к тебе разговор.

Олег с Денисом пришли в замешательство, но промолчали и уставились друг на друга, пытаясь понять, что им делать дальше. Осторожный Денис только и успел подумать, что нужно бы все обмозговать, а более решительный Олег даже почувствовал некое облегчение: долгое и бесплодное ожидание денег надоело ему хуже пытки. Он готов был согласиться на что угодно, лишь бы дело стронулось с мертвой точки, и можно было поскорей начать

осваивать подвал. После двух месяцев ожидания его уже не смущало то, что еще один человек будет посвящен в их планы.

— Да брось ты париться! — с энтузиазмом переключился на него Марат. — Расскажи все как есть! Я тебе говорю — это лучше, чем сидеть и ждать у моря погоды.

Необыкновенная острота момента подействовала на всех присутствующих одинаково, очевидно, поэтому Олег отделился от стены и, слегка покачиваясь на ногах, стал в полголоса выкладывать факты:

— Мы нашли место под клуб. Очень классное, под землей. Там все есть, что нужно. Но у нас нет денег. Хотите, давайте вместе займемся. Только нужно быстро решать. Мы и так время потеряли…

Ставший необычайно серьезным Денис, внимательно посмотрел на друга и, когда тот смолк, стал прояснять ситуацию:

— Но нужны деньга.

— Можно все посмотреть, это на Петрограде… — перебил его Олег

— Марат говорит, у вас классный звук?

— Если есть звук, то вообще супер! Там все остальное уже присутствует: электричество, вода, вентиляция, туалеты. Нереальная история — настоящий клуб!

Друзья-художники смолкли и с тревогой уставились на Андрея, но он молчал и медлил с ответом. Скорость, с которой в последние пятнадцать минут развивались события, и их эмоциональная интенсивность загипнотизировали его. Не вполне оправившись от пережитого на улице, он все же собрался и ответил, но в душе его по-прежнему метался зигзаг неясной тревога. Даже не думая о необходимости поразмышлять над предложением, он быстро и немного словно согласился. Олег и Денис просветлели. Дальнейший разговор на эту тему тут же прекратился, молодые люди ступили кокну и вернулись к оставленным переживаниям. Прислушиваясь, они стали всматриваться в ночную тьму. У лица молчала. За стеклами была тихая, спокойная ночь, как будто и не было ничего: ни криков о помощи, ни шума драки, ни стрельбы. Трясясь от холода, они прождали еще какое-то время, и вскорости все облегченно вздохнули — на улицу вырвался радостный барабанный бит. Уже спускаясь по лестнице, Марат приотстал от своих подруг и негромко сказал Андрею:

— Это я им сказал, чтобы они с вами поговорили. Они ждут денег, но Бирман тянет время и денег не дает.

— А, вот в чем дело. Значит, они с Бирманом работают?

— Работали, еще десять минут назад. Сейчас уже нет — вы же

договорились.

Компания выбралась на продуваемую ледяным ветром улицу и стала осматриваться. Дорога была пуста Демоническая машина с одним горящим глазом исчезла и, очевидно, у везла прочь своих безумных пассажиров. Вечеринка продолжилась, но была похожа на растревоженный муравейник: всюду стоял гул голосов, у многих были растерянные лица, многолюдный танцпол еще не танцевал, а все оставшиеся после нападения страсти кипели в баре. Забившись с холода в это жаркое и перегруженное людьми место, друзья повстречали знакомых и, усевшись за столик, прислушались к шуму голосов.

— Убили?

— Кого у били? Никого не убили. Просто расстреляли какую-то машину.

— За что?

— Я почем знаю. Может, не понравилась, а может, просто переглючили. Они все базиликом обкуренные, глаза навыкате.

— Вон того били, видишь, в крови, водку пьет у бара. Еще какую-то девушку потащили к черному ходу, но там кто-то вступился, и началось…

— Мента вырубили на входе…

— Еще бы немного, и они бы тут всех вырубили…

Все, кто находился в этом невероятно душном и прокуренном баре, захлебываясь, пересказывали друг другу по дробности погрома. После того как бандюги покинули здание, у всех возникло отрадное чувство простой человеческой общности, душевной близости, фронтового доверия и участия. От послевкусия пережитой беззащитности легче всего избавиться с помощью водки, и потому те, кому плащи серьезно пощекотали нервы, столпились у барной стойки и, ожидая выпивку, нетерпеливо сучили ногами.

Добравшись до этой вечеринки таким необычным путем, Андрей оказался на ней уже до отказа переполненный впечатлениями и сейчас, сидя вместе со всеми, спокойно обдумывал состоявшийся в подъезде разговор. В том, что предложил Олег, он ничего не понял и лишь потому так легко согласился.

Какой-то подвал. Какой подвал? Неясно. Но если Марат не врет и Бирман кружит вокруг них, то это может значить только одно — этот подвал есть. Клуб в подвале? Они все как с ума посходили…

Неожиданно из толпы вынырнул Фролов. Рукав его рубашки был до локтя разорван, а в походке появилось легкое покачивание, делавшее Кирилла похожим на морячка — забияку.

Вразвалочку он подошел к общей компании.

— Нет, вы видели этих уродов? — дрожащим от возбуждения голосом проревел Кирилл. — В нашем городе таких точно нету. Это были какие-то заезжие беспределыщики. Я сам ничего не понял. Танцевал, потом смотрю, — двое в плащах бьют ногами Адриана. Я одного хватаю за рукав, и тут меня сзади дубинкой по голове. Трах! Во-о! — Кирилл приник головой к столу и раздвинул руками прическу: под волосами, на белой коже головы блестела мокрая от свежей крови ссадина. — Но самое интересное было потом. Это продолжалось минут десять. Народ уже стал разбегаться, и тут кто-то заорал: «Менты!» Эти все выкатились на улицу. Я не знаю, что там дальше произошло, но они расстреляли из «Калашникова» пустую машину рядом с входом, а потом уехали. Такие дела! А вы пьете? Налейте! — Он схватил протянутый бокал и залпом выпил его до дна. — А-ах! — крякнул он и вытер губы тыльной стороной ладони. — Хорошо, что никого не замочили. Вот что я вам скажу! — После этих слов он жизнерадостно засмеялся и, уже уходя, взял Олега за плечо и, понизив голос, сказал: — Все нормально, Олег, не переживай с нашим делом. Женя скоро вернется, думаю, все будет.

— А я уже не переживаю, — спокойно ответил Олег. — У нас действительно все будет нормально.

Не расслышав второй раз за вечер перемену в его голосе, Кирилл по-свойски хлопнул Олега по плечу и спокойно отправился к друзьям за соседним столиком.

— Парят нас уже второй месяц. Деньги обещают на клуб, — доверительно шепнул Олег.

Андрей понимающе кивнул.

— Алексей-то когда приедет? — придвигая свой стул, спросил Денис.

— Теперь — скоро.

3

Первое мая — красный день календаря. С самого утра на улицах Петербурга ожили алюминиевые рупора громкоговорителей. Несколько часов они нудно и монотонно зомбировали граждан подозрительными щелчками, а когда программирование народа на ощущение радости было завершено, спецслужбы включили праздничный патефон. Над чисто выметенными, залитыми солнцем улицами разлетелись бессмертные хиты Соловьева-Седого. Рабочий люд с заводских окраин пенистыми потоками выбирался из станций метро, эта масса заполняла собой оцепленные милицией улицы, лепилась в

колоны, готовилась к демонстрации. К десяти часам утра ежегодный марш рабочих к Дворцовой площади начался. Красные от кумача колонны шли с Васильевского острова, стекались с Петроградской стороны, двигались с песнями по Невскому проспекту, подтягивались от Адмиралтейских верфей. Центр города стал непроездным, и до самого вечера пешеходы захватили в нем власть. День солидарности трудящихся всех стран — культовый большевистский праздник, странным образом сохранился и при нынешнем государственном устройстве. Коммунистам уже давно дали под зад, но все равно тысячи людей в этих колоннах, многие из которых были весьма молоды, украшали себя в этот день фетишами кроваво-красного цвета.

Наблюдая издали за революционной активностью угнетенных пенсионеров, Андрей и Олег сидели на лавочке возле памятника поэту Пушкину и спокойно дымили самосадом из Чуйской долины. Площадь искусств, отделенная от бурлящего Невского Михайловской улицей, была почти пуста, и кроме них, тут же на лавочках отдыхали лишь несколько бабулек, да стайка галдящих детей носилась среди деревьев сквера. Скучающий милиционер возле чугунных ворот Русского музея поначалу подозрительно посматривал на молодых людей, но, видя, что они не рефлексируют, вернулся в свою будку к недочитанной газетке.

Настроение у ребят было самое радостное: все то, что до этого было не ясно, — прояснилось, кончились неопределенность и бесконечное ожидание, теперь уже вполне четко были видны красивые очертания их нового клуба и воображение рисовало прекрасные картинки из его будущей жизни. Последние два месяца они проводили в подвале круглые сутки и были так заняты, что лишь изредка появлялись на поверхности. Два месяца под землей стучали молотки, визжали сверла, суетились помощники и непрерывно играла музыка. Не знали еще жители района, да и никто не знал, что делают под землей эти худые и угрюмые ребята, что готовят эти новоявленные подпольщики. Питаясь одними булками и пепси-колой, они, не ведая ни дня, ни часа, вгрызались в бетон, превращая убежище в первый техноклуб.

Два месяца назад, сразу после гангстерской вечеринки, Андрей позвонил брату в Ньо-Йорк. На другом конце земного шара Алексей скептически отнесся к услышанной новости, но, узнав подробности, медлить не стал и вылетел домой. Уже очень скоро он, Андрей, Денис и Олег, — сидели за тем самым круглым столом, что еще недавно стоял на Фонтанке, и вырабатывали позиции партнерства. Торговались, спорили, но в конце концов обо всем договорились, хотя моментами импровизировали прямо

на ходу.

Перво-наперво совместным мозговым штурмом придумали название. Перебрали множество имен: связанных с подземной тематикой и абстрактных, русских и иноземных, потом поразмышляли над своими ощущениями и нашли то, что искали. Длинный бетонный зал связывал два входа, тянулся под землей, и казалось, вел куда-то, он был подземным ходом, тоннелем, по которому всем гостям предстояло идти навстречу своему счастью.

С легкими сердцами новорожденного окрестили «Тоннель».

Вскоре подоспели и все важные бумага. Новая контора получила счет в банке, избрала директором педантичного Одинга и, вручив ему мастичную печать, приобрела статус организации. Примерно тогда же в компании появилась «мертвая душа». Из множества иностранцев, пьянствовавших в мастерских Олега и Дениса, молодые художники выделили одного тихого, молодого англичанина. Звали этого голубчика Брит. Это был тихий парень, не без гомосексуальных наклонностей, зато он сразу согласился на паях участвовать в новом клубе и дал те три тысячи долларов, благодаря которым и закрутилась вся работа.

Помещение было огромное, невозделанное, и работы было превеликое множество. Круглосуточно в убежище что-то красили, меняли проводку, устанавливали двери, навешивали приборы, варили железные решетки. Ремонту и переделке подверглись все помещения: восстанавливали вентиляцию, оборудовали кассу, сооружали гардероб, чини ли горшки в туалетах, латали электрику. Но всюду молодые тоннельщики натыкались на сложности, ответить на которые мог только старейшина этого подземного царства, мрачный и недоверчивый Зуфар. Однако старик с каждым днем все больше замыкался в себе и становился совершенно не выносимым занудой. Шаг за шагом Римлян Зуфарович отрывал от себя с кровью все, что прикипело за годы работы. Постепенно он лишился в собственном подвале былой свободы, томясь, один за другим отдал ключи от всех помещений, уплотнился на складе и в конце концов был замурован в нем глухими стальными щитами. Развязных нахалов, оккупировавших его убежище, стало так много, что они принялись действовать напористо, без оглядки, тихо посмеиваясь на все его охи и ахи. Поначалу он еще бегал с жалобами к директору, но вскоре понял, что толку не будет, и, страдая острой болью подорванного авторитета, по-стариковски ушел в себя, затаился за пыльными стеллажами. Он был живой, но всего лишь одной проблемой. О стальные проблемы были из стали и бетона.

Денег было мало, и поэтому в ход шло все подряд. Модельер Таня Парфенова подарила металлические решетки, выброшенные

за ненадобностью из ее нового магазина, и из этих выгнутых сегментов собрали замысловатую решетку, отгородившую диджея и звук от танцоров. На военном заводе изготовили из нержавеющей стали обшивку для клубного бара. Эту сияющую металлом броню навесили на деревянный каркас, конструкцию стянули болтами, и получилось потрясающее сооружение, внутри которого стояли пять огромных бочек с водой. Все помещения получили новое назначение: радиорубка стала кладовкой, комната отдыха превратилась в офис, вент-камера переоборудовалась в склад напитков, а гермошлюз — в кассу. Только туалет сохранил свой статус, хотя и не без проблем. Он был всем хорош, да только имел высоту потолков в метр пятьдесят. Все без исключения набивали там кровавые шишки, но вскорости приспособились. Для большего оптимизма стены туалета раскрасили ромашечками и все оставили как есть.

К концу апреля в клубе установили звук и через гудящие трубы вентиляции на поверхность вырвались первые подземные толчки. Подготовка шла к финишу.

Именно это обстоятельство и привело бледных молодых людей на лавочку у памятника Пушкину. К этому дню все без исключения друзья получили устное уведомление о необходимости явиться на площадь Искусств. Был объявлен общий сбор. Окрашенная полувоенной тайной, ситуация вокруг этого сбора интриговала непосвященных, остальным же было ясно — будут выдавать приглашения на открытие «Тоннеля».

Когда на аллеях сквера появились первые знакомые, сердце Андрея сжалось и в голове застучал барабан пульса. Все эти месяцы, пока они пропадали под землей, ему не верилось, что этот день когда-нибудь наступит. Он был где-то там, далеко, и горы проблем скрывали его от всех. Но вот к ним с улыбкой подходят друзья, здороваются, протягивают руки и получают эти заветные картонные треугольники:

Добро пожаловать
на закрытую программу
«Ядерная истерия — безумие века».
Штаб по делам гражданской обороны, «Танцпол»
и Министерство обороны представляют клуб «Тоннель».
Dj's: Audrey Tanzpol, special guest from Paris FG 98,2
Didier Sinclair, L'aquarium.

За час с небольшим два подсумка из-под противогазов, плотно набитых приглашениями, были опустошены.

Задыхающиеся от счастья Олег и Андрей увидели тьму народа, всех своих знакомых и тысячу раз повторили один и тот же набор слов: «Седьмого мая. На Зверинской. Под землей. Два француза. Будет круто!»

День за днем потянулась томительная неделя ожидания.

Ночь с пятницы на субботу седьмого мая 1993 года навсегда запомнилась жильцам дома по Любанскому переулку. Уже с десяти вечера в его освещенных окнах виднелись их темные силуэты, а перед самим домом, у подъездов и в арке, растерянно курили жители близлежащих домов. То, что происходило этой ночью, в обычно патриархально тихом переулке, не поддавалось никакому определению и до дрожи в коленях нервировало всполошившихся граждан. На асфальтовой площадке перед входом в бомбоубежище колыхалась огромная толпа молодежи. Шум голосов, производимый этой толпой, был такой, что временами перекрывал монотонный бой барабана, вырывающийся из-под земли, через решетчатую дверь убежища. Где-то глубоко под землей этот барабан бил с такой силой, что дрожь сотрясала вентиляционные трубы и вырывалась на поверхность вибрирующим гулом. По всему переулку бродили люди, многие забирались на земляной холм, мерцали там огоньками сигарет, к убежищу подъезжали машины, все чего-то ждали. В двенадцатом часу в толпе произошло хорошо заметное оживление, плотная масса собравшихся забурлила и начала сжиматься, стремясь всеми своими частями приблизиться к входу. В неясном свете подземелья закачались тени, решетка распахнулась, и один за другим из-под земли вышли двенадцать человек в зеленом камуфляже. Увидев экипированный с ног до головы ОМОН, передние ряды подались назад, но сжатые напиравшими телами так и остались на месте.

— Не волнуемся! Все по одному! Приготовьте приглашения! — зычным голосом протрубил один из воинов, в бронежилете, каске и с укороченным автоматом на груди.

Поняв, что это не каратели, молодежь радостно взвыла и стала прорываться к входу.

За пять минут до этого братья Хаас, Назаров и Одинг держали под землей последний совет перед началом штурма клуба.

— Где французы? — торопливо спросил сразу у всех припозднившийся Алексей.

— В офисе сидят. Спрашивают, во сколько им играть.

— Пока то да се, Андреи, иди играть первый. Час протянешь?

— Чего-то я робею, — неуверенно ответил Андрей.

— Не ссы в трусы! — со смехом приободрил его брат. — Пока

будешь прогревать народ, я думаю, тут все устаканится и начнет Синклер. Давай за вертушки!

Андрей ухватил тяжелый ящик с пластинками и пошел в диджейскую, а остальные рысцой пробежались по клубу.

— Что в баре? Порядок?

— Я думаю, полный! — голос Дениса звенел уверенностью.

— Лучших барменов, чем Штейн и Корнеева, нам не найти. Они всех знают, любят поболтать и симпатичные. Что еще надо?

— Леша! Там на улице туча быков без приглашений. Охрана спрашивает чего делать?

— Как что делать? Без приглашений не пускать.

— Будут проблемы.

— Ну, не знаю. Значит, будут. По обстановке.

Музыка на минуту стихла и заиграла снова в два раза громче.

— Ну что? — с веселой неуверенностью спросил своих друзей Алексей.

— Давайте начинать! — предложил Олег.

— Пора! — согласился Денис.

За спиной у них включился стробоскоп, а прямо над головами вспыхнула изумрудная нить лазера.

— Так, ну что делаем? — строго спросил у них, командир омоновцев.

— Давайте открывать вход.

Рыцарь, закованный в пятнистые латы, заорал своим подручным:

— Все на вход! Работаем!

«Работаем!» — про себя повторили за ним трое молодых людей.

Уже через пятнадцать минут пустой и прохладный клуб превратился в бурлящее столпотворение. Люди заполняли помещение с такой непостижимой скоростью, что очень скоро передвигаться по нему стало можно, только протискиваясь среди тел. Восторга, которые рассыпали первые гости, складывались воедино и создавали такой радостный фон, что даже крашенное черной краской бетонное сооружение-становилось в нем как-то милей и привлекательней. Пока было возможно, первые гости еще бегали по клубу, рассматривали мебель, дизайн, расписанные стены, трубы, двери, клетки, а когда все смешалось и стало до невозможности тесно, большая часть посетителей пустилась в пляс. Одним вздохом клуб набрал в свои легкие людей, и застучало его трехкиловаттное сердце.

Готовясь к первой вечеринке, Андрей всю ночь играя,

тренировался, но встав к вертушкам, так разволновался, что вспотел от напряжения и был вынужден буквально бороться с собой. Руки не слушались, пальцы дрожали, поминутно он бросал в зал затравленные взгляды и видел, что со всех сторон заперт в клетке танцующими людьми. Но счастливые танцоры не замечали его смятения, их плотная масса радостно двигала телами, музыка молотила так, что люди в передних рядах морщились от ее физического давления. Свет в клубе был достаточно скупой: неоновые трубочки, ультрафиолетовая лампа и несколько двигающихся лучиков, но этот примитивизм не был заметен в ослепительном сиянии лазера. Главный лазерщик Гоша Копылов расстарался, и из его оптико-механического пулемета вылетали тысячи зеленых лучей. Как-то сразу воцарилась страшная жара. Клубы пахнущего глицерином влажного дыма с шипением вырывались из-под ног танцующих и вытесняли под потолок остатки годного для дыхания воздуха. Дымящийся котел танцпола разогрелся до такой степени, что конденсат от дыхания сотен человек влагой потек по прохладным стенам убежища и сами танцующие стали мокрыми от пота.

Прошли первые полчаса, Андрей отволновался положенное, кое-как пришел в себя и стал различать детали происходящего. Прямо перед колонками, за изогнутой линией стальной решетки, колыхалась плотная масса танцующих. Людей было так много, что они заполняли собой весь клуб до отказа. Рядом с ним в клетке для диджея у стола танцевали человек пять ближайших друзей. Андрей переглянулся с Назаровым, улыбнулся другу и снова углубился в микс.

В это же время в другой части клуба Алексей выводил французских диджеев из переполненного людьми офиса, Синклер тащил огромный рек с пластинками и еле поспевал в потоке людей за Алексеем и Лаквариумом. Когда они миновали гудящий бар и приблизились к танцполу, идти стало и вовсе невозможно. Алексей взял у растерянного Синклера ящик, взмахнул его себе на плечо и решительно двинулся в гущу танцующих. Всего за пять минут, протерев всю стену спинами, они продрались до решетки и оказались в «диджейке». Толпящиеся в тесной клетке друзья расступились, Синклер взобрался на подиум и радостно улыбнулся — вид оттуда открывался вдохновляющий. Стеклянный стол на котором стояли вертушки, парил в полутьме, в клубах дыма вспыхивали яркие лучи света, справа и слева от стола до потолка громоздились порталы звука, за ними решетка, а за ней сотни рук, голов и тел. Насколько хватало глаз, «Тоннель» был заполнен танцующими, и над всем этим призрачным действом суматошно метались зеленые нити лазера.

Рядом со столом, в пятне света настольной лампы, стоял красный от волнения Андрей.

— Все шабаш! — весело крикнул ему Алексей. — Сдавай баян! Специалисты приехали!

Словно тяжелая гора свалилась с плеч у Андрея. Он смущенно заулыбался, собрал свои пластинки и спрыгнул с подиума Синклер перекинулся с Алексеем парой фраз, что-то прокричал сквозь грохот музыки залу, помахал рукой и бодро взялся за дело. Встав к пульту, он враз преобразился, собрался, ловко выдернул первую пластинку и, кинув ее на фетровый круг вертушки, крутанул с такой силой, что музыка надрывно взвизгнула. Колонки зашлись гулом, резкий вой динамиков прокатился по клубу, отразился от стен и заметался эхом. Сахарный сиропчик, легенького house, которым Андрей потчевал публику, застрял у танцоров в горле. Веселый парижанин включил такую зубодробилку, что зал истошно взвыл от неожиданности. Прямой, злой, истеричный бит, доводящий до тошноты, плюхающийся в желудке бас и сыпящая острыми ударами барабанная дробь с первой секунды радикально сменили окрас происходящего. Заиграла такая музыка, от которой по коже пошли мурашки. Сгустился мрак. Потух свет, яростно засверкал стробоскоп, и в зале началось такое беснование, что всем стало ясно: Вот оно, техно! Пришло!

Прошло всего два часа, а Олег изнервничался, как за весь последний год. Гнетущее чувство поселилось у него в груди и, выкручивая душу тревогой, наполняло всего его болезненным ощущение приближающейся беды. Начало не предвещало ничего неприятного — вечеринка стартовала с места, как гоночный автомобиль, быстро набрала скорость и полетела вперед. Все они были вместе: он, любимая Аннета, друг Денис со своей Машей, Андрей, Алексей, Штейн, все друзья и знакомые, — вся эта дружественная масса влилась в клуб и заполнила его до краев. Олег очень скоро понял, что они правильно угадали ответы практически на все неясные вопросы подземелья. Все, о чем друзья несколько месяцев спорили до хрипоты, подтвердилось на первой же вечеринке: мельчайшие детали интерьера, освещения, расстановки мебели, потоки движения людей, регулировки звука, — практически все оказалось верным. С первым ударом барабана, клуб ожил и забурлил живым организмом.

На открытие пожаловали все, кто только мог. Огромный круг знакомых и друзей, все представители художественного и околомузыкального андеграунда этого города втиснулись в подземное убежище и в давке обнимали друг друга, даже не

поднимая рук. Общее воодушевление и радость из-за долгожданного события кружили головы, люди светились счастьем, ликование было общим и неостановимым. Ощущаемая всеми ясность случившегося была настолько ослепительна, что счастливые гости поздравляли друг друга с восторженностью, близкой к упоению. Эмоции, переживаемые первыми гостями, было не с чем сравнивать, происходящее просто не укладывалось в голове. У всех присутствующих за плечами была слишком короткая жизнь, прожитая в строго табуированном социалистическом обществе. То общество строго карало идеологических отщепенцев, преследовало западные веяния, запрещало чуждую музыку, подавляло творчество, уничтожало и клеймило несогласных. Любое отступление от серых правил считалось признаком вырождения и жестоко подавлялось. Но к счастью, к концу восьмидесятых «совок» подломился и страну затрясла бездуховная лихоманка кончины. Вихрь, с которым новое вторгалось в остановившуюся жизнь, закрутил сознание рабских масс, и «империя зла» погрузилась в хаос.

Оттого-то так ярки сейчас были переживаемые в семи ощущения. Все было вновь, впервые, все стало возможно. Наконец-то. Безнадежную мглу унылого прошлого снесло далеко назад, и горизонт грядущего стал безоблачно чист.

Олег по-настоящему понял, что то, о чем они так долго мечтали, произошло, лишь когда в офисе началось фотографирование на клубные билеты. Штатный фотограф «Танцпола» Игорь Быстрый работал не покладая рук и за час сфотографировал около сотни мемберов. Все по очереди влетали в офис и, не меняя сияющего выражения лица, запечатлевались для долгожданного клубного билета.

Да, все получилось. У них есть клуб. Вот он гремит и светится. Настоящий клуб, такой же как клубы в Гамбурге, Нью-Йорке и Париже. Первый клуб в этой стране.

Так прошел первый и самый радостный час, но очень скоро в эйфорию общего ликования стали вплетаться ошеломляющие моменты неотвратимой реальности. Как и следовало ожидать, вместе с принаряженной молодежью на открытие клуба прибыло внушительное количество разнообразных мерзавцев. Ни у кого из них не было и не могло быть приглашений, но неизвестно каким образом к двум часам ночи все они оказались в клубе. Не помогли ни стальные двери, ни вооруженные омоновцы, — зло проникло в клуб и началось то, чего больше всего боялись до его открытия. В гуще переполненного людьми подземелья, в разных

его закоулках между агрессивными быками и модниками стали возникать короткие стычки, больше походившие на избиение последних. Поначалу с тревогой, а потом и с ужасом Олег стал осознавать, что в считанные часы клуб стал заложником неуправляемой ситуации, решить которую не могли даже вооруженные до зубов омоновцы. Пока растерянные милиционеры пытались отыскать кого-то из зачинщиков драки, вспыхивали новые инциденты, несколько человек уже смывало кровь в туалетах, некоторые предпочитали бежать из клуба вон, многие пробовали спасаться в темноте танцпола Ситуация усугублялась еще и тем, что никто не знал вточности, что нужно делать. Расслабленная молодежь не ожидала силового прессинга и, пытаясь отшучиваться, напарывалась на стальные кулаки. Охрана металась по темному помещению, но большей частью это была бесполезная суета. Пытаясь следить за ситуацией, Олег бегал по клубу, нервничал, успокаивал друзей и небезосновательно опасался за безопасность танцующей Аннеты. Иногда он встречался с Андреем, иногда с растерянным Денисом, они так же, как и он, были подавлены происходящим и пытались понять, что делать. Около четырех ночи друзья наконец встретились в офисе и стали торопливо обмениваться невеселыми новостями.

Выяснилось, что в клубе орудует несколько не связанных друг с другом групп. Бандюганы развлекаются кто как может, но преимущественно заняты глумлением над молодежью и грабежом бара Милиция предпочитает в откровенные стычки не ввязываться, персонал подавлен, большая часть гостей напугана, есть пострадавшие. Самое неприятное из всего этого было то, что помимо хулигански настроенных «микробратков», и пьяных спортсменов в клубе оказались еще и несколько настоящих рецидивистов, по-настоящему опасных и непредсказуемых. Один из них, со страшным шрамом через все лицо, требуя в баре водки, достал пистолет и, перегнувшись через стойку, вставил ствол пистолета Штейну в рот. За первые часы работы бедные бармены натерпелись такого страха, что их трясло мелкой дрожью. Несчастная Аня Корнеева пряталась в офисе, после того как два бандита пытались затащить ее за руки в мужской туалет. Вскорости появился Алексей с начальником милицейской охраны. Бронированный капитан был угрюм и напряжен, а Алексей, еле сдерживая ярость, кричал и махал руками:

— Это какой-то бред! Вы, что не можете вдесятером справиться с кучкой уродов?!! Почему я бегаю по клубу за вашими людьми? Наших гостей бьют, а вы не можете выкинуть из клуба уголовников.

— Алексей! — пробовал вставить слово капитан. — Алексей! Мы не знали, что будет такая обстановка.

— Какая обстановка?!

— Ничего не видно, свет мигает, бойцы не ориентируются!

— Пойдите прямо сейчас к бару! — присоединился к горячему объяснению Олег. — Там куражатся несколько человек. Их и искать не нужно! Они напились и плещут водкой людям в глаза! Эти бандиты не платят денег, а один из них размахивает пистолетом! Вам этого мало?!

— Поставьте одного человека у диджея! Немедленно! — потребовал Алексей. — Троих оставьте на входе, там сейчас больше не нужно, а остальных рассредоточьте по клубу!

— Следите за туалетами! Там постоянно кого-то бьют!

— Соберитесь пожалуйста, иначе все закончится уголовщиной.

— Добро!

Когда усатый капитан вывалился из офиса, появились Марина Алби, Катя Голицына и Ирэна Куксенайте.

— Алоша! Хорошая музыка, но очень много опасных людей! — воскликнула княжна Голицына.

— Да, Катя. Мы сами не ожидали такого.

— Надеюсь оставаться дальше безопасно? — с тревогой спросила Ирэна. — Очень хочется еще потанцевать.

— Ничего не бойтесь. Сейчас охрана спустится в клуб.

— Прекрасно!

Марина с тревогой посмотрела па раскрасневшееся от гнева лицо Алексея и поняла, что творится в его душе.

— Алеша! Пожалуйста, не связывайся с этими людьми. Это опасно.

— Конечно. Ты тоже держись рядом с Катей, а лучше будьте здесь. Хотите шампанского?

— Прекрасная идея!

Прошел еще час, и эта первая, такая трудная вечеринка стала близиться к завершению. Предчувствие, угнетавшее Олега этой ночью, к несчастью, оказалось небезосновательным и к утру вылилось в настоящую драму. Пропал Алексей. Пропал в полном смысле этого слова Сначала Марина начала волноваться из-за его отсутствия, потом Андрей безуспешно искал его по клубу, сразу после этого стали расспрашивать друзей, прибежали случайные свидетели, и вконце концов охрана призналась, да уже было поздно. Как выяснилось, усатый капитан организовал-таки зачистку клуба. На улицу были выдворены несколько особо неприятных личностей и целая группа хулиганствующих

подонков. Этих пьяных удалось отогнать от дверей клуба дубинами, и очень скоро они растворились в темноте ночи, но обозлившиеся спортсмены сгруппировались у своих машин и дерзко требовали разбирательства. На беду, Алексей решил не прятаться за спинами милиции и вышел к ним объясняться. Милиционеры утверждали, что он поговорил с этими людьми, а после сам сел к ним в машину, и они уехали, но молодежь, наблюдавшая за всем этим с крыши убежища, сообщила другое. Они разговаривали на повышенных тонах, слышалась ругань и угрозы, а после этого Алексеи получат очень сальный удар в лицо и был моментально увезен на машине без номеров с тонированными стеклами.

Такой финал потряс всех участников. Уже давно была выключена музыка, разошли последние гости, а в замусоренном и полном табачного дыма клубе у бара стояли не сколько человек. Андрей, Олег и Денис подавленно молчали. Они не знали, что сказать друг другу. Слышен был лишь шелест метлы уборщицы и тихий плач Марины.

Как потом рассказывал сам Алексей, люди с которыми он схлестнулся в то утро перед клубом, просто решили проучить его, и «по понятиям» объяснили, как нужно разговаривать. Они расценили его гневный демарш как агрессию и не нашли ничего лучшего, как «вырубить» его на месте и подержать в подвале сутки, «чтобы подумал». Но нет худа без добра — за эти сутки они разговорились. Алексей так фанатично отстаивал свой клуб, что большая часть из рассказанного им была услышана, его отпустили без вреда и даже обещали при случае помочь.

4

Тяжелыми, странными и угнетающе темными показались Андрею первые месяцы работы их нового клуба. Темными они были из-за того, что жизнь большей частью обрела ночной режим и протекала преимущественно в темноте. Если не было неотложных дневных дел, молодые люди спали до вечера, потом кое-как приходили в себя и только к ночи начинали что-либо делать или отправлялись в клуб на рабочие бдения. Никто из них не имел опыта работы, братья и их новые друзья-художники были вольными птицами, полностью зависимыми от собственных капризов и настроений. Работать в их кругу вообще считалось признаком дурного тона и серьезным недостатком воспитания, приводящим к непоправимым искривлениям судьбы. С этим никогда не шутили. Но клуб — не мастерская, и очень скоро всем стало ясно, что во многом это банальная организация, с

неизбежным набором крайне неинтересных дел. Скучные премудрости скупердяйской науки о цифрах, налогах и пенях стали мало-помалу оседать у них в головах.

С первых дней в молодежном коллективе появился бухгалтер — рыхлая пугливая женщина неопределенного возраста с отцветшим лицом и неизменным полиэтиленовым пакетом в руках. Именно в этом мятом пакете она по понедельникам уносила в банк существенную часть с трудом заработанных денежек. Куда шли эти деньга, понять было невозможно, их просто отдавали как неизбежную данность, и они пропадали на каких-то мифических счетах, очевидно пополняя дырявый бюджет и позволяя жить сиротам, врачам, милиционерам и дорожным строителям. Остальные же деньги просто распихивались по карманам, ими оплачивались диджеи, охрана, свет, уборка, аренда подвала и прочее.

Тяжелее всех в новой ситуации пришлось Денису. Спокойный и вдумчивый, он возглавил тоннельную канцелярию и, будучи обличен всеми полномочиями, с первого же дня закопался в огромную груду документов, согласований, лицензий, протоколов и прочей бумажной канители, поглотившей его без остатка. Он буквально сгорал на работе, мучался скукой, насиловал себя точностью встреч, но безропотно ходил по многочисленным инстанциям, сидел в очередях, хлопал глазами, улыбался и знакомился с чиновниками, большая часть которых на поверку оказывалась надменной разновидностью самых алчных врунов. Все остальные его товарищи почти ежедневно пропадали в клубе, совершенствуя его оснастку, латал дыры, меняя и улучшая обстановку.

Клуб постоянно дарил подземным затворникам что-то новое, неизвестное и, как вскоре выяснилось, не совсем приятное. Всего через неделю после открытия события в нем приняли просто авральный характер и стали походить на героическое противостояние человека и стихии. Дождливый май привел к повышению грунтовых вод, и в заглубленном на шесть метров убежище начался обширный потоп. Мрачный кладовщик Зуфар расцветал ядовитой улыбкой, наблюдая за тем, как после каждого дождя наглые прохвосты растерянно бегают с ведрами, по щиколотку в ледяной воде. Он знал, что делать, но мстительно молчал, и молчат до тех пор, пока смирившие гордыню клаберы не пришли к нем у и не пали в ноги.

После того как в залитом водой убежище были отмечены несколько вечеринок подряд, друзья поняли, что швабрами да тряпками моря не вычерпать, и стали сговорчивей. Н е без оснований опасаясь за сохранность аппаратуры и всего проекта в

дальнейшем, они собрали для Зуфаровича «котлету» — пачку денег — и, выбрав делегатом сладкоголосого Андрея, отправили его на переговоры. Поначалу процесс не ладился, но после тщательного умасливания израненного стариковского самолюбия, заверения в глубочайшем респекте и «котлетного» лечения был заключен надежный мир. Немедленно за этим Зуфар возглавил штаб по ликвидации последствий потопа и очень скоро открыл взволнованным юнцам секреты дренажного мастерства. Оказалось, что вода из убежища откачивается только через специальную шахту, но огромный насос в этой страшной шахте недавно полетел, вот вода и стала переполнять допустимый уровень. Неимоверными усилиями добровольных рабов полутонная железка была извлечена из глубокого колодца и заменена самодельным приспособлением. Не имея возможности починить промышленный насос, бойцы «Тоннеля» купили пятнадцать садовых насосиков, хитроумно соединили их шлангами и погрузили всю эту гирлянду в затопленную шахту. Вода стала спадать. Первая проверка на прочность была выдержана, можно было продолжать работать.

Помимо всех несуразиц с болячками старого подвала, на плечи Андрея и Олега навалилась тягостная обязанность еженедельно закупать для бара разнообразные напитки. Поначалу они проделывали эту малоприятную процедуру, нанимая недорогих частников, но очень скоро Андреи стал брать машину у родителей. На этом новеньком «рафике» вся «тоннельная» банда целыми днями носилась по городу, по всем рабочим надобностям и со всяческими прочими затеями.

Все эти заботы и события, все происходящее с ними в этот период — все было ново и странно. Очень странно.

Но все эти суетные дела, маленькие катастрофы и скучные дневные обязанности не причиняли молодым людям такого расстройства и угнетения, как то, что творилось в клубе на самих вечеринках. С первого же дня со всей очевидностью и досадой стало ясно, что клуб вызвал всплеск небывалого интереса в совершенно чуждых слоях общества. Всколыхнулась первая волна и попала за нею рябь, а потом и пена «Тоннель» замышлялся как тайное, спрятанное от всех обиталище любителей «техно», и думалось так, что посещать его будет только очень определенная молодежь, но в действительности все вышло совершенно не так. В задымленное и гремящее киловаттами подземелье устремились все кому не лень. Танцующей молодежи пришлось делить свой клуб с воинствующими спортсменами, валом валили какие-то сомнительные коммерсанты в костюмчиках, за ними подтянулись валютные шлюхи, показывались районные гопники, заходили на

огонек подвыпившие инженеры, залетали детки до восемнадцати и взрослые, уже далеко за тридцать. Клуб превратился в высокопрочный котел, в котором вся эта не смешиваемая в обычной жизни масса переплавлялась по ночам в некое невообразимое месиво. Радость, страх, модность, распущенность, эйфория, злоба и нелепость — все эти чувства и качества, немедленно проявлялись, как только люди переступали порог клуба.

Но всего больше в первые месяцы всех доставала агрессивность. Клуб стаз той диковинкой, познакомиться с которой считаюсь необходимым для каждого «нормального пацана». Спортсмены приезжали повеселиться «бригадами» и целыми «колодами». Как правило после «терок», «стрелок» и «разборок» им хотелось «блядей, бухла и помахаться», однако в клубе без мебели и официантов старый лозунг «бабы, тачки, рестораны» заводил их в тупик, и от неспособности влиять на ситуацию «мышцатые» обычно начинали «бычить». Чаще всего они, рисуясь друг перед другом, устраивали драки в самом клубе, но случалось, что и около него, доставали вооруженную охрану, измывались над посетителями, грабили в подворотнях, били неформалов ради забавы, а случалось и друг друга.

Никто из четверых основателей «Тоннеля» не ожидал, что будет таксложно заставить клуб работать. Не просто существовать, а работать. Алексею и Андрею по очереди приходилось играть без смен и замен, из недели в неделю. Иногда наведывался Грув, очень редко приезжал Янис, но большей частью им приходилось играть вдвоем. К середине лета к игре в «Тоннеле» подключился Даня Адельсон, младший брат Яночкн. Гарик привез ему из Лондона стопку пластинок, и Даня заиграл приятный американский house. Сам же Гарик рассказал своим друзьям, что в Англии появилась совершенно новая музыка. По его утверждению в лондонских клубах техно пришло в упадок, стало не модным, и родился новый саунд — транс. Пластинок с этой музыкой он не привез, но бредил ею яростно и считал дни до поездки в центр транс-музыки, индийский штат Гоа.

Спустя месяц после открытия клуб напечатал свою первую рекламу — флаер открыточного размера, и распространил среди своих друзей долгожданные клубные билеты.

Вот так, в трудах и заботах, пролетели эти первые месяцы, наступило лето и потянулись приятные теплые дни. Зелеными великанами по Зверинской улице шумели послевоенные тополя, отцвели и угасли уже белесые белые ночи, и в кромешной тьме

жаркого июля под этими тополями каждую субботу случалось великое роение молодежи. Прошла первая болезненная резь, которую клуб причинил выпученным от неожиданности глазам своих диковатых посетителей, пообвыклись все, попритерлись. У клуба появились свои завсегдатаи, сдружился коллектив работающих, и стали уже привычными нервические истории, еженедельно случавшиеся на входе в подземелье и его недрах.

Освоилась и охрана. Некоторые из двенадцати этих бронемолодцов резонно рассудили, что делить заранее оговоренную сумму на восемь человек в известной мере приятнее, и удалили из своего коллектива трусливого капитана-усача и еще троих сомневающихся. Возглавил уменьшенное, но ставшее более эффективным подразделение, один молодой, светловолосый, и на удивление улыбчивый сержант по имени Роман. Ромашка, как ласково окрестили его девушки в клубе, был большой душкой и скоро стал любимцем публики, счастливым талисманом всех униженных и оскорбленных. Голубоглазый, аккуратно подстриженный, опрятно одетый и обходительный, он управлял своей группой молотобойцев железной рукой, а общаясь со злом, попеременно использовал резонные увещевания, понуждение силой, но чаще всего рукоять своего табельного пистолета.

Подчас на входе в клуб закипали нешуточные страсти. Обычный, еженедельный контингент очень скоро примелькался, перезнакомился с охраной и стал более гуманным, но почти ежедневно к дверям клуба приносило незнакомых воителей, и площадка перед клубом превращалась в гладиаторскую арену. Пьяные, обдолбанные, «вставленные», злые, наглые, опасные — к входу подлетали компании разнообразных бандитов, требовавших бесплатного прохода, и в дело вступали помощники Ромашки.

В личном составе «тоннельного» ОМОНа помимо элегантного Романа состояла еще пара весьма примечательных бойцов: Слава и Ниндзя. Эти двое были настолько хороши, что вдвоем стоили целого отделения. Слава — милицейский франт, одетый в форму с иголочки, весь в шевронах, нашивках и значках, всегда носил на себе целый арсенал стрелкового оружия и, ненавидя бандитов классовой ненавистью, кидался в драку с ними при любом удобном случае, разя их чем попало, за что очень скоро получил в клубе почетное звание Бешеный. Маленький, сухой, и необычайно резкий Ниндзя был большим любителем восточных единоборств и, не в пример своему другу, обходился без дубин и прикладов. Невысокий и незаметный в толпе, он летал по клубу тихим духом возмездия, внешне не производя впечатления силы и страха, но неминуемое поражение постигало любого слоноподобного

амбала, если Ниндзя намечал его в жертву и начинал преследование. Кроме своих разящих рук и ног, он всегда был картинно вооружен внушительным набором холодного оружия. Карманы его жилета были полны разнообразных ножей, метательных звездочек, цепочек для тихого удушения врага и коротких дубинок со свинцовыми стержнями внутри. Этого наместника Брюса Ли побаивались даже коллеги по цеху.

Прошли первые месяцы, и помимо башипского сообщества и бесчинствующих выродков интерес к клубу стали проявлять и надзиратели из правоохранительных органов. Такое непонятное и явно социально опасное явление не могло дольше оставаться без внимания милиции. Однако с первого дня своего существования «Тоннель» ушел в глубокую оппозицию, объявил себя неформальной территорией и от сотрудничества с «усачами» решительно отказался. Владельцы клуба балансировали на опасной грани между двумя противоборствующими мирами. Им в равной степени не хотелось прослыть ни бандитским притоном, ни ментовской точкой. Пользуясь для охраны клуба вооруженным ОМОНом, они прибегали и к помощи авторитетного покровительства, но когда на входе в клуб появлялись серенькие мужички с форменными усиками, ответ бывал один и тот же: «Вход в клуб только через кассу!»

Прошел июль, в течение которого засылаемые милицией наблюдатели несколько раз были не допущены в клуб, и незамедлительно за этим наступила ответная реакция. Как и в случае с драматическим инцидентом на открытии клуба, события развивались по одному и тому же сценарию. К клубу прибыла группа в штатском, предъявив удостоверения, они пожелали попасть на вечеринку, но получили отказ. Объясняться по этому поводу к ним вышел Алексей. Он только и успел сообщить взбешенным сотрудникам, что клуб является частной территорией, как был заключен в наручники и увезен в неизвестном направлении.

Это было второе исчезновение Алексея за три месяца работы клуба, и нервы у смертельно напуганной Марины не выдержали. Заламывая руки и плача, она вместе с Андреем объездила все имеющиеся в городе накопители для за держанных, но Алексея они так и не нашли. На следующий день ей позвонил не представившийся человек и сообщил, что Алексей арестован за распространение наркотиков и содержится в каком-то отделе какого-то там управления. Марина и Андрей бросились по указанному адресу и не без труда отыскали это место — оно пряталось за непримечательной стальной дверью без таблички, в

казенном доме на Петроградской стороне. Выслушать напуганных родственников вышел неизвестный человек с пистолетом в поясной кобуре и, поняв, что от него хочет эта плохо говорящая по- русски девушка, безучастным голосом сообщил, что «возбуждено уголовное дело, имеются все доказательства и молодой человек сядет в тюрьму на очень долгий срок».

Это была последняя капля ядовитого страха, выпитая Мариной за эти безумные дни, она окаменела, потом пришла в ярость и начала действовать. Вопрос стоял более чем когда- либо серьезно — Алексею угрожала опасность лишиться свободы, и теперь все странные истории, слышанные ею про правосудие в этой азиатской стране, слились в одну дикую и оттого очень трагичную перспективу. Ее потрясло проявленное по отношению к ним беззаконие, и стало ясно, что очень скоро его финалом может стать их личная катастрофа. Марина подняла на ноги всех американских друзей, словно по боевой тревоге был задействован консульский отдел США, появился адвокат, обзвонили всех знакомых журналистов, и вся эта команда пошла на приступ. Сотрудники того загадочного отделения совершенно не ожидали, что вслед за приходом плачущей американки разразится такая буря — начались звонки из очень странных инстанций, дверь оказалась в осаде журналистов, адвокат требовал свидания с заключенным, а чиновник из американского консульства угорожал нотой протеста. Марина и друзья по очереди дежурили под стальными дверями целые сутки, атакуя всех входящих и выходящих оттуда, информация об этом деле доползла до мидовских структур, время шло, ничего не происходило, и положение уже начинало казаться безнадежным, как неожиданно случился счастливый перелом. На третий день беспросветного ожидания, злополучные двери раскрылись, и сильный толчок выбросил на лестницу арестованного. Алексей был небрит, стоял на бетонном полу в одних носках, под правым глазом его виднелся лиловый кровоподтек, но на лице сияла торжествующая улыбка.

Вот так, к общей радости всех участников его вызволения, счастливо закончился этот первый арест в первом ночном клубе. Это крайне неприятное происшествие открыло счет всем дальнейшим бесчисленным задержаниям, обыскам и облавам, произошедшим в «Тоннеле», а потом и множестве других клубов, выросших после него. Но все это будет потом, а сейчас участники этого повествования только сделали свои первые, невеселые выводы в отношении возможной будущности клубной культуры. Эти тягостные выводы привели Марину к мысли, что из страны, где людей похищают не только бандиты, но и полиция, необходимо бежать, и как можно скорее. Найдя свою семью в далекой и непонятной России, она успела полюбить населявших ее странных людей, но пройдя сейчас через эти первые испытания поняла, что теперь уже никаким воображением не сможет представить себе подлинную степень их непредсказуемости и меру жестокости к ближнему. Она забрала годовалую Соню и

улетела в Москву — продавать свой бизнес. Но судьбе было угодно сохранить все как есть, Алексей уговорил ее остаться, она поборола страх и еще раз поверила своей новой родине.

Это и многие другие неблагоприятные события, произошедшие с четырьмя друзьями в первые, «темные» месяцы работы их клуба, в скором времени привели к тому, что порог их восприимчивости к подобным потрясениям возрос и они перестали рвать на этом душу. Молодость, жизнелюбие и в известной мере цинизм не позволяли им раскисать из-за проблем, и клуб продолжал свою работу, несмотря ни на что. Жизнь в постоянном состоянии опасности и ожидании возможного зла научила их многим полезным вещам, они стали более жизнестойкими, и теперь с еще большим ожесточением, нежели вначале, защищали созданный собственными руками клуб. Окреп и сам клуб, как понятие. Сформировалось его ядро, те первые сто пятьдесят человек, которые почитали сырое подземелье своим молельным д о мом и еженедельно собирались в нем для выхода в астрал. К психоделическому таинству вечеринок приобщались все новые и новые люди, эсид разъедал головы танцующих, в грохоте музыки лопались мутные пузыри зажатых мыслей и раскручивались узлы подавленных страстей, души разрывались на миллионы горящих осколков, и этот сияющий звездопад выжигал в глазах гостей неизгладимые следы счастливых воспоминаний. Слава об acid-клубе и этих странных «танцах без водки» очень скоро выбралась из подземелья и стала расползаться по поверхности. К клубу потянулись бесчисленные вереницы молодых людей, ищущих чего-то в беспросветной тьме своей невеселой юности. Все они, один за другим, в первый раз шагнули в гудящее горнило танцпола, но выходили из него уже каждый по- своему. Кто-то выстреливался из клуба, как ядро из пушки, и, оставив визжащий след ужаса, более никогда не приближался к Зверинской улице; некоторые дотягивали до утра, но по привычке напивались и, не почувствовав вкуса к происходящему, с презрительными плевками навсегда покидали «подвал»; но большая часть новобранцев проникалась царящей атмосферой, быстро постигала законы поведения и очень скоро оказывалась в прочных сетях восторга. Клуб влюблял в себя быстро и без ухаживаний. В нем было то невыразимое, чего так не хватало всем его будущим поклонникам, то, чего они искали и не находили в своих домах, — в нем была самая настоящая жизнь. В считанные месяцы эта жизнь сформировала вокруг клуба ту массу поклонников, про которую через пять лет кто-то метко скажет: «Первая гвардия „Тоннеля"», и эти люди стали первым прототипом всей будущей клубной молодежи.

Высоко-высоко в небе над Петербургом птицы чертили еле различимые быстрые линии. Было всего около двенадцати часов дня, но воздух успел сгуститься до той стадии, когда его можно было уже нарезать влажным ножом и подавать на десерт в виде теплого суфле. Традиционная для этих чисел августа жара в северной столице усугублялась полным безветрием, миражами над гранитными набережными висело знойное марево, вились душные асфальтовые испарения, и одуревшие граждане, как рыбы, разевали рты. Тонущие в этой вязкой дреме люди томились обморочной вялостью, обволакивающая неспешность сковывала их движения, всем хотелось прохлады, воды, а еще лучше мороженого. Стоящая уже неделю жара выпарила всю влагу из каменной массы вечно сырых петербургских домов, все накалилось и пылало иссушающим жаром.

В гудящем моторами потоке суетливо толкающихся машин по Загородному проспекту медленно двигался микроавтобус «РАФ». За рулем автомобиля на крытом красной рогожей кресле, вальяжно развалившись, сидел Андрей. Он лениво посматривал по сторонам, иногда сигналил скуки ради и, понимая тщетность своих попыток вырваться из плена, тешил себя монотонным нажатием педали газа. Мотор послушно рычал на холостом ходу, пешеходы рядом вздрагивали, но машина все так же крепко сидела в крутой каше автомобильной пробки. За час медлительное полчище машин доползло до Звенигородской улицы, где, вырвавшись из опостылевшей неподвижности, Андрей рванул машину и под мигающий желтый свет опасно пронесся перед несущимся навстречу потоком. Однако далеко ехать ему уже не пришлось, сразу за перекрестком микроавтобус резко свернул налево и, не снижая скорости, ворвался в арку огромного доходного дома.

Дом этот, как было видно по всем сохранившимся остаткам красоты, в былые времена являл собой пример роскошного строения и, без сомнения, возведен был человеком не только богатым, но и обладающим изысканным вкусом. Масштабная стать фасада, полированный гранит отделки, горделивая угловая башня и общий ритм вырывали его из ряда довольно типичных соседних домов, и он высился над ними надменным гордецом. «Рафик» пересек двор и оказался на задворках этого каменного красавца, среди грязных стен, у замусоренного служебного входа в огромный гастроном. Машина остановилась, Андрей выбрался наружу и с наслаждением разогнул спину.

— Нашел где машину поставить! — прозвучал прямо над его головой противный скрипящий голосок. — Мы тут товар выгружаем.

Андрей обернулся — на ржавой металлической эстакаде, пристроенной к двери гастронома, с папироской в руках сидела одутловатая женщина в синем халате.

— Не балуй, бабка! — молодецки крикнул ей Андрей. — Деревню сожгу!

Старуха еще что-то проскрипела в ответ, но он уже этого не расслышал. В углу этого грязного двора пряталась неприметная дверь. Открыв ее, Андрей вошел внутрь и по лестнице черного хода бодро поднялся на четвертый этаж. В последнее время он часто приходил в эту квартиру — неосознанное чувство тянуло заскочить сюда хоть на минуту. Формально он приходил выкурить папироску с другом Буниным, на деле же — полюбоваться его цветником. Дима Бучин занимал одну комнату в коммунальной квартире на задворках этого шикарного дома, а его цветник состоял из огромного количества девушек, бесконечной вахтой дежуривших у него в гостях. Квартира эта была небольшая, состояла из трех комнат, и кроме Бунина в ней еще проживали тихая болезная бабулька и одна сумасшедшая стервоза трудноопределимого пола, беспрестанно терроризировавшая Диму и всех его нежных посетительниц. Но Бучин был энергичный оптимист и, пропуская мимо ушей ее злобные реплики, всегда набивал этими самыми гостями свою комнату до отказа.

Андрей позвонил в дверь и, оторвав палец от звонка, с удивлением обнаружил, что он измаран губной помадой. Пока он вдумчиво вытирал палец о беленую стену, за дверью загремел замок, Андрей состроил приветственную мину и уже было открыл рот для приветствия, как дверь распахнулась, но вместо Бучила на пороге оказалась невысокая темноволосая девушка в коротком цветастом сарафане. Ее темные глаза, как два ножа, полоснули по нему, он вздрогнул, а девушка тихо отступила назад и, легко развернувшись, упорхнула в открытую дверь комнаты. Из кухни послышался голос Бунина:

— Андрей, ты? Проходи! Кушать будешь? Я сейчас.

Андрей немного стушевался и, не решаясь один идти в комнату, замялся у дверей. Он заглянул с порога в кухню и увидел друга в переднике у плиты с дымящейся ложкой в руках. Вид этой идиллической картины воодушевил бы любого пессимиста. Чисто вымытый пол шашечками, Бучин с кастрюлькой риса, два дивана, чай со сладостями на низком столике, телевизор, фикус — от всего этого всегда веяло таким

покоем и порядком, что, по всей видимости, именно это комфортное ощущение и собирало вокруг Бучина тот самый цветник милых барышень, которым приезжал полюбоваться Андрей. Он не знал точно, были ли это девушки самого Бучина, а может, это был клуб его бывших, возможно, они были просто друзьями или он был их подружкой? Неизвестно, но что было бесспорно, так это то, что с Димой было приятно дружить. Он был всегда спокоен, имел бесконфликтный характер, приветливо принимал у себя гостей, поил, кормил, угощал всяческими вкусностями, которые всегда отыскивались в различных ящиках его огромной гарнитурной стенки. Но помимо всех этих прелестных душевных качеств, высокий и статный брюнет Бучин напоминал Андрею кого-то из счастливого безмятежного детства, кого-то хорошего, доброго. Когда Андрей сформулировал свои ощущения, он пришел к выводу, что Бучин в его сознании более всего напоминает великою французского сердцееда Джо Дассена

— Как дела? — зарокотал Бучин своим мягким баритоном, усаживая Андрея на диванчик и пододвигая к нему литровую кружку чая. — Что нового? Марина, познакомься — это Андрей.

Девушка в сарафане качнула тяжелой челкой, прикрывавшей ее лоб до самых бровей, неожиданно выбросила вперед тонкую руку и сказала:

— А мы уже виделись, но тогда не познакомились Я Марина.

— А! Ну да-а!.. — протянул Бучин, догадливо морща лоб. — Точно, на вечеринке у Аникушина!

Тут-то Андрей и вспомнил, где он видел эти мерцающие карие глаза, так ожегшие его сейчас. Это было год назад в скульпторской мастерской знаменитого Аникушина, в гостях у его развеселого внука Адриана. Он протянул руку и, ощутив прохладу Марининых пальцев, неизвестно зачем стиснул ее ладонь в довольно крепком мужском пожатии.

— Ой! Больно! — воскликнула девушка, запрокидывая голову и удивленно рассматривая странного парня. Ток пробежал от ее руки, и у Андрея в груди легким спазмом стеснилось дыхание.

«Да что же это я? — горячим шепотом зашелестело у него в голове. — Глупо. Как всегда нелепо».

Он мгновенно расстроился и уже было собрался спрятаться от шквала этих чувств за анемичной маской безразличия, как неожиданно ощутил безотчетную тягу дотронуться до ее руки еще, раз. По затылку поползли холодные муравьи. Густая дурманящая волна странного возбуждения придала ему храбрости, и Андрей, не узнавая себя, стал обшаривать фигуру девушки взглядом. Легкий ситец с мелкими цветочками по синему фону льнул к Марининым ногам и груди, она откинулась

на спинку дивана, и он с волнительным трепетом разглядел, что эта тончайшая ткань, скрывающая ее тело, держится всего лишь на нескольких пуговичках.

— Ну так что происходит? Давно не виделись. Расскажи! — прозвучал где-то рядом знакомый голос.

Андрей неожиданно встрепенулся, да так, что стукнул коленом по десертному столику и пролил из своей кружки парящую лужицу чая. От внимания многоопытного Бунина не ускользнуло минутное оцепенение друга. Подав своему гостю салфетку, он тонко усмехнулся.

— Знаешь, я принес приглашения на «Штубниц», — сообщил Андрей, играя совершенно ненужной и ненатуральной улыбкой.

Он сам не знал, зачем начал улыбаться таким образом, просто внутри у него что-то надорвалось, и теперь на лицо выплывали странные гримасы, холодящая дрожь пугающей решительности дергала судорогой уголки рта. Плохо видя увлажнившимися глазами сидящего рядом друга, он, как канатоходец, не глядящий по сторонам, устремился на другую сторону начатой им истории.

— На Васильевском острове пришвартовался немецкий корабль «Штубниц». Немцы, молодые парни из Ростока, купили этот старый рыболовный сейнер. Они очень долго приводили его в порядок, изменили всю внутреннюю обстановку, набили его компьютерами и превратили в «корабль искусств», который будет ходить по европейским портовым городам, останавливаться и устраивать всякие акции… У нас есть друзья — «Клуб речников»: Рома Грузов, Тимофей Абрамов, Денис Александров, Макс Полищук, Линас и Егор Остров, они пригласили «Штубниц» в Петербург. Вот он и приплыл. Совершенно невероятная вещь. Огромный корабль, принадлежащий молодежи… Сегодня вечером на нем какая-то выставка, а ночью «Тоннель» устраивает на «Штубнице» вечеринку. Мы везем туда весь свой аппарат, бары и все остальное, танцевать все будут в трюме. Думаю, будет очень красиво…

Заинтересовавшись услышанным, Бучин по своему обыкновению начал грызть ногти, а Андрей замолчал и, порывшись в карманах, вытащил слегка заломанный, но все же еще весьма привлекательный косячок. Друзья утонули в облаке душистого аромата, а некурящая Марина пересела на дальний край дивана и, поджав нош, одарила рассказчика гипнотической улыбкой.

— А мне можно туда попасть? — неожиданно спросила она тихим голосом расстроенного ребенка.

От этого выстрела Андрею увернуться уже не удалось.

Горячий снаряд попал ему в сердце и разорвался в нем взрывом покровительственного великодушия. Ему мгновенно захотелось заверить это нежное создание, что любое ее желание будет выполнено еще до того, как ее очаровательный ротик успеет его произнести. Андрей замахал руками и стал тараторить, выкладывая все подробности, обещая содействие и берясь провести на корабльее и всех ее друзей, всех без какого бы то ни было исключения. Он не осознавал, что происходило в его душе и какая перемена настигла его при этих ее словах. Он настолько оглох от желания ей понравиться и оказаться нужным, что совершенно позабыл, что еще пятнадцать минут назад тупо сидел в душной пробке и, поплевывая в окно машины, мысленно задирал подолы всем проходившим мимо гражданкам с соблазнительными задницами. Головокружительный аромат мгновенной влюбленности ударил ему в лицо, и оно, обычно бледное, зарозовело нежным цветом. Расхрабрившись, Андрей попробовал встретиться с ней глазами, но предательские очи не желали слушаться и пугливо метались из стороны в сторону, пытаясь спрятать восторженную растерянность, упавшую на самое дно его одинокого сердца. Время замедлилось и странным образом стало оставлять его позади. Незаметно пролетели минуты, прошел час, а он все так же сидел, как будто застыл на этом диване. Уже выпит чай и рассказаны все истории, но он не уходит, все медлит, робеет.

На помощь пришел случай, принявший для этого раза образ общего друга художника Андрея Медведева. Спокойный и очень добрый Андрюша — так обычно звали Медведева все его ближайшие друзья — был соседом Бучина и имел официальную мастерскую на Загородном проспекте. Известная всему городу уютная мансарда Медведева была всем хороша, разве что не имела ванной комнаты, и поэтому время от времени Андрюша приходил к Бучину с полотенцем. Так вышло и на этот раз. Бегло поприветствовав Марину и Андрея, Медведев скрылся в глубине квартиры, а вместе с ним по-хозяйски удалился и Бучин.

Андрей и Марина остались одни. Мысленно желая этой приватности, Андрей вдруг совершенно растерялся и оцепенело молчал, мучаясь противоречивыми чувствами. Ему думалось, что ничего не происходит и он просто сидит с Бучинской приятельницей, ждет хозяина комнаты, при этом он очень надеялся, что в ее душе поселилась такая же страстная надежда, как и та, что засела в его вспыхнувшей от любовного жара голове. Но самое главное — его не покидала тоскливая мысль, что Марина, возможно, не приятельница Бучина, а, очень может быть, одна из его многочисленных пассий и пришла к этому жеребцу не

случайно и — что самое ужасное — ждет не дождется, когда странный юноша откланяется.

Окончательно запутавшись в своих сложных измышлениях, Андрей поднял на нее взгляд, и тут же его участь была решена. Она ждала его. Как только их глаза встретились, сверкнула вспышка, такая сильная и яркая, ярче света солнца настолько, что когда он снова прозрел, то был уже окончательно в нее влюблен. Гром грянул у него в голове, забурлила кровь, и теперь Андрей физически чувствовал, что их разделяют уже не горы условностей, а всего лишь этот заставленный кружками десертный столик. Марина плавно поводила ресницами и улыбалась ему отстраненной улыбкой. Он горел под этим взглядом, пожирал ее глазами и, теряя рассудок, едва сдерживался, чтобы не броситься к ее ногам. Эта бурная немая сцена была прервана появлением хозяина квартиры и влажного от душа Медведева. Пытаясь умерить рвущееся дыхание, Андрей стал повторно рассказывать подробный анонс сегодняшнего вечера, но теперь он не слышал собственного голоса. Неожиданно Марина встала и потянулась за своей замшевой сумочкой.

— Мне пора, — произнесла она с тихой грустью. — Надеюсь, что мы сегодня еще увидимся, на вечеринке, — сухо добавила она уже выходя в коридор. — Всем пока!

Бучин пошел провожать ее до дверей, а Андрей почувствовал, что диван под ним начинает гореть. Она уходила. Уходила, даже не взглянув на него, вот так вот просто, как будто ничего не произошло. Он ошарашенно догадаться, что все, что ему привиделось, — возможно, всего лишь плод его возбужденной фантазии, болезненная реакция любовного голода, мучившего его последнее время. Но ему нестерпимо захотелось не терять ее, не возвращаться в мучительную пустоту своего тщательно скрываемого одиночества. Невыразимая мука сменилась горделивым бешенством, ему стало казаться, что она просто бросила его, поманила, раззадорила, увлекла, а после сухо улыбнулась и ушла, куда ей было угодно. А он смешон. Что это он себе возомнил, какого он невероятного мнения о своей красоте, уме и силе привлекательности, и зачем, собственно, он столь неосторожен со своим так легко воспламеняющимся сердцем?

Вывернув себя наизнанку, Андрей снова мысленно вернулся к Марине и явственно вспомнил нежные округлости ее тела, тонкие, почти детские руки, ямочки ключиц, неспешный бег ее пальцев по шее. Не отдавая себе отчета в резкой смене собственных настроений, Андрей очень скоро потерял интерес к дальнейшей беседе с приятелями и, поскучнев еще больше, начал

все глубже уходить в себя. Он беззвучно смеялся над каким-то веселым анекдотом, даже сам попытался шутить, но очень скоро стал маяться обстановкой и решил уйти.

Когда за ним захлопнулась дверь, ему и вовсе показалось, что его обманули. Горькая, отравляющая белый день пленка эротической депрессии стала застилать глаза. Медленно, шаг за шагом, он начал спускаться по лестнице, задерживая свое внимание на подъездных матерных надписях, тяжелее и тяжелее становились его ноги. Он понимал, что идет в никуда. Когда же Андрей достиг второго этажа, он и вовсе остановился — на подоконнике, сложив руки на коленях, сидела Марина. В полутьме подъезда глаза ее блестели влажными огоньками. Эмоции, бушевавшие в душе, парализовали ее, и при его появлении у нее хватило сил лишь для того, чтобы встать, руки беззащитно опустились, и она качнулась ему навстречу. Не видя ступеней под ногами, Андрей кинулся к ней, и она повисла у него в руках. Закрыв глаза и затаив дыхание, он впился в ее рот поцелуем и так сильно стиснул дрожащее тело, что почувствовал сердцебиение девушки в своей груди. Тяжело дыша и не разжимая объятий, они долго целовались на лестнице. Когда где-то наверху хлопнула дверь, влюбленные, с припухшими губами, выбежали из подъезда. Не в силах сопротивляться желанию, Андрей снова привлек ее к себе и стал целовать шею.

— Не здесь, пожалуйста, уйдем… — обессилев, прошептала Марина.

Услышав этот голос, Андреи очнулся и, вдохнув полной грудью запах се волос, повел Марину за руку к «рафику». Через минуту они уже мчались по гремящему дневной суетой проспекту. В микроавтобусе, большом и неуютном, их разделяло значительное расстояние между креслами. Андрей курили вел машину, резко лавируя в потоке, а Марина сидел а боком, обняв спинку кресла рукой и уложив на нее голову. Она не отрываясь смотрела на него и молчала. Андрей тоже молчал. Взрыв страсти, на котором они подорвались, оглушил их. Андрей боялся разговора, ему казалось, что это все испортит, он дрожал от возбуждения и время от времени рыскал взглядом по ее фигурке. Не представляя, куда ехать, он нервничал и торопился, ему не терпелось снова заполучить ее в руки. Она почувствовала, что он близок к безрассудству, и велела везти себя домой.

Вырулив из центра, микроавтобус понесся по закопченному грузовиками Обводному каналу. Андрей не ехал, он рвал мотор, выдавливая из него всю мощность до капли. Он понял, что едет к ней, и, как только он туда домчится, она станет его. Скрипя зубами, он давил на педали и, стискивая руль, слышал, как

грохочет пульс в его висках. Страсть громко пела им попутную песню без слов. В каком-то новостроечном районе они свернули в небольшую рощицу и оказались на узкой дорожке, бегущей вдоль череды одинаковых девятиэтажных домов. Машина остановилась у одного из них, Марина вышла, Андрей выскочил, она пошла к подъезду, а он устремился за ней. Она жила на первом этаже, и он настиг ее, когда она, не попадая ключом в замочную скважину, пыталась открыть дверь. Он прижал ее к себе, рванул цветастый ситец, дверь бесшумно распахнулась, и они, кружась, влетели в прихожую, жадно целуясь и срывая друг с друга одежду. Дверь квартиры гулко захлопнулась, а на черном резиновом коврике остались лежать три маленькие синенькие пуговички.

В это же время на другом конце города в подземном командном пункте Вселенной сидели Олег Назаров и Денис Одниг. Неделю назад Алексей Хаас уехал в Москву, подбирать место для новой вечеринки. Где был их второй партнер, Андрей, было неизвестно. Они сидели в своем маленьком офисе и с сомнением поглядывали на часы. Ситуация была непростая: на носу висела давно планировавшаяся вечеринка на немецком корабле, волонтеры разобрали всю аппаратуру, но неожиданно пропал Андрей со своим микроавтобусом.

— Ну позвони ты кому-нибудь! — расстроенно взмолился Денис. — Куда он мог деться? Где он бывает?

— Да шут его знает где! — ответил Назаров, барабаня пальцами по столу.

Он схватил телефонную трубку, распотрошил записную книжку и принялся крутить диск. Денис вышел из офиса, прошел через клуб и, поднявшись по лестнице, оказался на поверхности земли. На асфальтированном пятачке перед клубом стояли несколько десятков картонных ящиков с напитками, огромные звуковые колонки, усилители и вертушки. Приготовленное к транспортировке оборудование грелось на солнышке вместе с тремя развалившимися на басовых колонках волонтерами.

— Мы готовы! — радостно воскликнул один из тоннельных новобранцев. Это был рослый молодой человек с прической неандертальца, настоящий технокамикадзе по имени Майкл. — Ждем сигнала!

Денису было нечего ему ответить, он закурил и, прищурившись, посмотрел на яркое солнце. Проходившая мимо пожилая дама увидела перед клубом кучу ящиков и, гневно потрясая желтым кулачком, воскликнула:

— Наконец-то прикрыли это безобразие! А то ни конца ни краю нет! Сволочи!

— Не дождетесь! — радостно крикнул ей Денис. — Мы вас

сами прикроем!

— Денис! Денис! — послышался из глубины подземелья голос Олега.

Уже через минуту Одинг снова оказался в офисе. Олег разговаривал с кем-то по телефону, улыбаясь при этом странной улыбкой. Когда он закончил разговор, то сообщил другу:

— Я кое-что разузнал! Звонил Медведеву, он сказал, что видел Андрея у Бунина. А тот говорит, что он был у него два часа назад, но после его ухода Бунин видел, как он во дворе целуется с Раненой. Такие дела.

— А что это за Раненая такая?

— Марин а Раненая. Ну, есть такая роковая девушка, она еще с «Кино» дружила, снималась в фильме «Игла», помнишь?

— Смутно. Звони Раненой!

Олег накрутил номер и, прикрыв трубку ладонью, прокашлялся.

— Алло! Марина! Привет, это Олег Назаров. Извини, пожалуйста, я ищу Андрея. Ты случайно не… А-а, да? Прекрасно… Андрей! Ну ты даешь! Ну мы же ждем тебя, все горит… Да, да, давай, срочно…

Через час к «Тоннелю» подлетел микроавтобус. Из водительской двери вывалился Андрей, вид у него был как у расплавленного воска. Назарову достаточно было беглого взгляда на него, чтобы понять, что друг перепил любовного дурмана и не способен сейчас ни к каким командным действиям. На лице у Андрея застыла маска блаженной рассеянности, его покинутую силами оболочку уложили на зеленую траву газона, и оттуда он, сладостно мыча, подзывал к себе кого-нибудь то с сигареткой, то с бутылочкой пепси. Когда большая часть клубного барахла была загружена, друзья уселись в машину и помчались на Васильевский остров.

На причале их прибытия уже дожидались взволнованные «Речники». Когда волонтеры принялись затаскивать на борт корабля оборудование, состоялось знакомство с немецкой стороной. Рома Грузов и Тимофей Абрамов познакомили владельцев «Тоннеля» с несколькими немцами, но за незнанием языка общение ограничилось лишь рукопожатиями. Совершенно неожиданно немцы вручили им три рулона с пронумерованными билетами и попросили использовать их для продажи на ночной дискотеке. Меж тем на корабле подходил к концу очередной выставочный день. По всей палубе прогуливалась молодежь, в двух глубоких трюмах теплохода висели картины, на больших экранах показывали видео-арт, светились неоновые скульптуры, и множество людей дожидались начала некоего немецкого

перформанса. И действительно, очень скоро представление началось. Появился сам автор перформанса и две его ассистентки. Втроем они вынесли несколько подносов, на которых лежали горки леденцов на палочках. Леденцы были увесистые, ярко-красного цвета и при ближайшем рассмотрении оказалось, что выполнены они в форме довольно толстого эрегированного члена. Публика завладела леденцами, и перформанс начался — все сосали замысловатые угощения и обменивались впечатлениями.

При всей свой любви к современному искусству Андрей от участия в акции уклонился и сосредоточился на подготовке ночной вечеринки. Несколько часов подряд они бегали по кораблю, нервничали, лазили с лестницами, орали друг на друга, вешали провода и лампочки. Общими усилиями все удалось сделать, и, когда на город пала ночь, а по Неве рассыпались миллиарды световых бликов, в трюме «Штубница» жутко загрохотал тоннельный саунд. К этому моменту на причале уже выросла значительная толпа молодежи, свежий балтийский воздух развевал вымпел на рубке судна, а с бортов «корабля искусств» махали руками дождавшиеся танцев участники перформанса. Машину Андрея превратили в кассу, деньги посыпались в открытое окно, и выездная сессия клуба началась. Уже через полчаса «Штубниц» стал слегка покачиваться у причальной стенки, а триста человек вопили в голос и дрыгали телами в его стальном брюхе.

К часу ночи, к самому разведению мостов, к причалу на такси подъехала Марина. Увидев ее с борта «Штубница», Андрей вздрогнул. В его жизни наступал переломный момент. Впервые он влюбился настолько сильно, что прятать и скрывать свою возлюбленную было бы странно и дико. Он всегда дорожил своей независимостью и никогда ни одну из своих случайных сексуальных партнерш не называл «любимой» и не представлял своим друзьям. Он ждал любви, ему всегда хотелось, чтобы она была бесспорна, сильней него, топила его, лишала разума, и теперь, кажется, он этого дождался. Марина стояла на бетонной набережной и зябко держала себя за локти.

— Привет, — нежно сказал ей Андрей, спускаясь с трапа. Она улыбнулась и не ответила. Андрей подошел к ней вплотную, обнял и поцеловал.

— Привет, — тихо шепнула она.

Они поднялись иа борт и затерялись в шумной толпе. Андрей волновался и не очень понимал, как следует себя вести. Она медленно шла по палубе, он шел за ней, их толкали, приходилось пробираться сквозь толпу веселящихся людей. В конце концов они

обнялись и замерли. Он утопал в ее волосах, она гладила его руки. Так, не замечая никого, они простояли какое-то время, пока на них не налетел Назаров с компанией, и все вокруг пришло в движение. Выстрелила бутылка шампанского, вокруг загомонили люди, все с любопытством поглядывали на Марину, улыбались Андрею, у него отлегло от сердца Очень скоро к их компании присоединился и Бучин. От счастья Андрею хотелось смеяться, он понимал, каким забавным все происходящее должно казаться старику Джо Дассену, но Бучин лишь хитро подмигивал и налегал на шампанское.

Кто-то тронул Андрея за плечо. Он обернулся, Марина нахмурилась и спряталась за его спину, а компания друзей заинтересованно притихла.

— Ну что? Теперь ты с ней? — звонко спросил немного пьяный молодой человек с прямым каре волос, насмешливым взглядом и бутылкой пива в руке.

Он был в джинсах, футболке и, несмотря на жару, в расстегнутой рокабильной куртке на молниях.

— А ты кто такой? — заводясь с пол-оборота, спросил Андрей, смерив незнакомца взглядом.

Нутром он понял, что рокер — кто-то из ее прежней жизни, а может быть, и из настоящей, и пришел предъявить свои права. Но после пережитого сегодня Андрей уже не допускал и мысли ни о какой ее «прежней» жизни. Этот парень так нагло на него смотрел, что было ясно: он распаляет себя перед дракой. Наступал момент истины, все слагаемые классического любовного треугольника собрались воедино: он, она, оно и даже они в виде дружественно настроенных сторонних наблюдателей. Не размышляя над тем, что совершенно не умеет драться, Андрей с вызовом посмотрел на незнакомца.

— Я Эдик! — со значением сообщил ему рокер.

— Очень хорошо. Иди гуляй, Эдик! — коротко бросил Андрей.

Понимая, что сейчас может получить удар бутылкой по затылку, Андрей повернулся к Эдику спиной и шепнул Марине:

— Все нормально.

Но за этим ничего не последовало. Человек с пивом нелепо постоял рядом, а после куда-то делся, и все про него забыли.

— Что это за Эдик такой? — тихо спросил Андрей у Назарова.

Олег нагнулся прямо к его уху:

— «Петля Нестерова» — знаешь такую группу? Гитарист. Муж ее. Бывший или не бывший. Не знаю.

«Плевать», — подумал Андрей.

Ночь пролетела, как быстрый призрак тьмы, и около четырех утра уже начало светать. На «Штубнице» еще полным ходом шло веселье, а в микроавтобусе уже принялись считать деньги. Подсчеты оказались затруднены. Немцы что-то лопотали по-своему, считали билетики, предъявляли какие-то «контрольки», писали на бумаге цифры, которые они желали получить, и выходило, что они требовали едва ли не всю выручку вечеринки. Количество проданных билетов и количество присутствующих на борту не сходилось, и педантичный немецкий ум не мог понять, кто такие друзья клуба и почему «Тоннель» не выгнал с борта «Штубница» бесплатных посетителей вечерней выставки.

— Получается, что мы должны из своего кармана платить за тех, кто пришел на вечерний перформанс? Так, что ли? — кипятился Олег.

«Речники» пытались сгладить недоразумение, но переговоры накалялись и мало-помалу превратились в настоящее противостояние.

— А почему мы должны платить за этих членососов, которых они же и пригласили? — в яростном ожесточении кричал Андрей. — Да пошли они! Мы закрыли свой собственный клуб, привезли аппарат, все сделали, а эти сладкие хотят вытянуть все деньга. Мы что, работали даром?

Крик и шум разбирательства переместились на борт корабля. Андрей разозлился настолько, что хотел остановить вечеринку и немедленно начать вывозить аппарат, но его уговорили не делать этого, так как никто из танцующих не виноват в случившемся. Переложив все остальные хлопоты на друзей, он уехал с Мариной и очень скоро благополучно позабыл обо всех этих так мало значащих мелочах.

Заканчивался этот первый, такой счастливый и трудный день из тех, что им было суждено прожить вместе. Оказавшись второй раз в Маринином доме, Андрей смог повнимательней рассмотреть ее быт. Она жила в небольшой трехкомнатной квартире, свежеотремонтированой, немного мещанской, но в целом чистой и по-женски уютной. В одной из комнат спали неизвестный парень с девушкой, а в другой крохотная девочка в розовой байковой рубашечке.

— Моя дочь Лиза. Это с ее пьяным отцом ты сегодня разговаривал на корабле, — тихо шепнула Марина. — А это мои друзья, немцы. Я сдаю им эту комнату, чтобы сводить концы с концами.

«Так, — вязко подумал Андрей, борясь со сном. — Опять немцы».

Марина уложила его на диван-книжку, обняла его голову и,

склонившись над его лицом, стала разглядывать. Андрей медленно открыл глаза, поцеловал ее и тут же провалился в глубокий сон без видений.

Сознание вернулось к нему, когда солнце уже стояло в зените. За окном был яркий, жаркий день, но на первом этаже этого обросшего зелеными деревцами дома было тихо и прохладно. Тенистая растительность источала свежесть, ее тонкий запах свободно вплывал в комнату через открытое окно. Андрей открыл глаза и вспомнил, что теперь у него есть Марина. Она сидела рядом с ним, на постели, ему даже показалось, что он и не засыпал. Он потянулся всем телом и обвил ее руками.

— Иди ко мне.

— Мама, — раздался рядом тихий голос. — Это мой новый папа?

Андрей повернул голову и увидел девочку, заглядывающую в дверь. Он посмотрел на Марину, но она предпочла промолчать.

На завтраке в малюсенькой кухне стало так тесно, что и повернуться было негде. Знакомиться с Андреем собралось все население квартиры. Пока он сооружал какой-то сложный мегаомлет, пришла малышка Лиза. Она бесцеремонно взяла его за руку и повела показывать своих плюшевых друзей. Потом появился молодой человек в очках, довольно неплохо представился по-русски и сообщил, что изучает Достоевского. Следом явилась его герлфренд, тоже русофилка и тоже что-то изучающая. У Андрея, которого распирало счастье, было благостное настроение, которое возникает у всех фанфаронов, когда они оказываются в центре всеобщего внимания. Он шутил, веселил компанию, всячески пытаясь расположить к себе обитателей квартиры. От умиления своей новой большой семьей у него даже возникло ощущение, что он давно потерянный блудный сын, который наконец вернулся в милый дом.

Из этого приторно-сладкого состояния его вывел неожиданный звонок. Телефонировал Назаров, дела срочно требовали немедленного присутствия Андрея под землей.

После двухчасового прощания за закрытыми дверями Андрей оставил свою возлюбленную и, кое-как приведя себя в рабочее состояние, прибыл в Подземелье. Напоенный любовью, как иссохшееся дерево водой, он находился в совершенно благостном настроении, но застал своих партнеров с невероятно кислыми физиономиями. Олег и Денис, как боксеры в спарринге, стояли против длинного мужчины и невероятно толстой женщины, одетых в зеленую форму и, судя по знакам различия, принадлежащих к несгораемому племени пожарных. Шел

неприятный разговор. Женщина, носившая лейтенантские погоны, гневно трясла подбородочными складками и с визгливым надрывом трубила ультиматум:

— Кто вам дал разрешение? Это безобразие! Где средства защиты? Где двери? Что это за темнота? Я прекращаю вашу работу и опечатываю помещения!

Плохо сдерживая отвращение к этой зеленой жабе, Олег пытался вставить слово и дать пояснения:

— Это военное убежище, здесь все построено по военным нормам, мы ничего не меняли, у нас есть все бумаги…

Андрей отвел Дениса в сторону и стал с ним шептаться:

— Что это за страшилище?

— Наш пожарный инспектор. Она, оказывается, уже несколько раз приходила, но ее сливали наши волонтеры или уборщики. Она в ярости и грозит всем самым худшим. Надо что-то решать… Может, дать ей «котлету»?

— Ты что, с ума сошел? Ее нужно проадминистрировать.

— Это как?

— А вот так…

Напустив налицо выражение спокойной рассудительности, Андрей вклинился в переговорный процесс с довольно лживым заявлением:

— Так что вы нам предлагаете сделать? Вы поймите правильно, мы официальная организация и, если надо, выполним все необходимые требования… Порядок есть порядок…

Услыхав про порядок, длинный, похожий на зеленого богомола, огнеборец вытащил из папки какие-то листики и зашелестел ими. Его круглая партнерша выхватила из его рук документы и стала зачитывать Андрею наиболее значимые пункты манифеста. На пятнадцать минут молодые люди погрузились в узкоспециальную техническую тарабарщину, а после прочтения в подземном бункере наступило минутное молчание. Денис, чтобы не засмеяться, отвернул лицо, Олег прикрывал рот руками, а Андрей до невозможности округлил глаза.

— Что-что, простите? Я не понял, — пораженно спросил он. — Вы нам предлагаете прорубить в убежище восемь окон?

— Не предлагаем, молодой человек, а предписываем! — гневно хрюкнул зеленый шарик.

— А вы знаете, что толщина земляной насыпи убежища

— шесть метров, а под ней метр железобетона высочайшей марки! Это же оборонный объект на случай ядерной войны! Какие окна?

— Так! — истерично завизжала женщина. — Предлагаю всем

покинуть помещение, будем опечатывать!

— Хорошо, хорошо… Сколько у нас есть времени на выполнение?

— Один месяц.

— Так. Получается по два окна в неделю. Ну что же… Э-э, начнем с завтрашнего дня. А теперь извините нас, есть еще дела.

Получив под роспись предписание, Андрей проводил обескураженных пожарников до выхода и вернулся к друзьям.

— Ты это серьезно? — недоуменно спросил Денис. — Будем делать окна?

— Ну что ты, — улыбнулся Андрей. — Забудь про окна. Это я так. Чтобы она отвязалась.

— Так они же через месяц…

— А мы им снова что-нибудь пообещаем. Мы же организация. Напишем письма. Поплачемся, что нет экскаватора, спросим у них же совета, запарим их как-нибудь.

— Согласен! — воскликнул взбодрившийся Олег. — Не в первый раз. Эта тварь мучительно хотела денег, но увидела наши циничные лица и поняла, что ничего не выгорит. Надо готовиться к осаде. А следующий, кто пустит сюда это существо, будет заточен в бетонном колодце ужасов навечно!

Друзья радостно рассмеялись и выразительным и уларами по полусогнутой руке продемонстрировали свое отношение к пожарным.

— Но это еще не все, — загадочно улыбаясь, сообщил Денис. — Там в офисе сидят какие-то мужики из Рязани. Они инженеры на тамошнем консервном заводе.

— Конверсионном, — важно поправил друга Олег.

— Ну да. Я и говорю. Эти ученые личинки предлагают сделать для клуба световую суперсистему.

И действительно, в офисе сидели два мужичка в серенькых брючках, рубашечках с короткими рукавами и в практически одинаковых очках с солидными диоптриями. Их морщинистые лица имели выражение типичных провинциальных интеллектуалов, вызревших под ярким св е том чертежного кульмана. Один из них начал подавать из портфеля синие кальки каких-то схем, а другой монотонно забубнил, описывая «тоннелерам» некую мудреную машину с множеством лампочек и невероятными возможностями. После прослушивания технической лекции началось торжище. Академики из Рязани оказались на редкость крепкими скупердяями. Они заломили заоблачную цену за свою машину, а после этого целый час нудно торговались за каждый доллар. Когда все ударили по рукам, инженеры получили аванс и наконец убрались из клуба, троица

партнеров стала совещаться. Впервые за четыре месяца работы «Тоннеля» наступил тот день, когда монопольное воздействие клуба на умы молодежи прерывалось дерзкой атакой одного давно всеми позабытого персонажа. Миша Воронцов, тот самый, что отделился от «Танцпола», организовал и подготовил масштабную акцию на открытом воздухе, и ее проведение сегодня грозило сорвать субботнюю вечеринку в клубе.

— Предлагаю всем идти вместе, — обратился к друзьям Олег, — в клубе оставим охрану.

— У нас нет лайт-мастера. Прежний сжег половину света и заторчал. Надо что-то делать.

Припомнив вчерашний монтаж на «Штубнице», Денис предложил самое здравое решение:

— Послушайте, можно долго искать грамотного человека. Кадры нужно растить самим. Тут у нас один волонтер появился. Длинный такой, волосатый, Майкл. Рвется в бой. Хватается за любую работу. Давайте его обучим. Пусть светит?

— Ты в нем уверен?

— Настоящий фанатик. Маму родную за техно не пожалеет. Да у нас на пульте всего-то три тумблера. Что ж он, думаешь, не справится?

— Наверное, справится, — согласился Андрей. — Зови этого «тумблера».

— Тогда последние распоряжения — и пошли?

— Мы ждем тебя на входе. Пусть открывают кассу. Залогин с Френчем к вертушкам, скажи охране, что мы вернемся часам к трем.

Уже через полчаса друзья оказались на набережной Невы. Вынырнув из района возле Зоопарка, они пошли мимо Петропавловской крепости по направлению к кронверку, и буквально сразу до них стал доноситься монотонный бой далеких барабанов. Большой Музей артиллерии, ракетных войск и войск связи располагался в огромном здании оружейного пакгауза, построенного в петровские времена, в виде крепости, обороняющей подходы к Заячьему острову. Трех этажное здание красного кирпича было выстроено в форме разогнутой подковы и имело огромный внутренний двор, отделенный от невского рукава и проезжей части каменной стеной.

Воронцов каким-то образом договорился с дирекцией музея и получил этот огромный двор под проведение вечеринки. На плакатах, расклеенных им по всему городу, красовалась надпись «Арсенат». Название было как нельзя более подходящим: в огромном дворе музея были выставлены несколько десятков

единиц гаубичной артиллерии, легкие пушки, самоходные реактивные установки, тяжелые осадные орудия, машины-миноукладчики, зенитные комплексы и прочее, включая ядерный миномет с длиной ствола около пятнадцати метров и дальностью метания снарядов более сорока километров. Помимо того, что здесь выставлялась эта армада смертоносной техники, место это было печально известно тем, что сто семьдесят три года назад рядышком, на пустыре у кронверка были повешены пятеро декабристов.

Уже от старозастойного плавучего ресторана, мирно дремавшего у моста, ведущего в Петропавловскую крепость, стали видны десятки машин, множество людей толпилось перед входом в Арсенал, некоторые забирались на каменный забор, по стенам кронверка метались яркие лучи света.

— А приличное количество народа собралось, — сообщил друзьям Олег, ревниво поглядывая на скопление людей за металлическими воротами музея.

— Да, немало, — согласился Денис, вытягивая шею чтобы получше разглядеть происходящее. — Тысячи полторы, не меньше.

А происходящее внутри было довольно занимательным. Обширный артиллерийский двор тонул в клубах белого дыма, басовые синусоиды метались в этой гари, звук отражался от окружавших двор высоких стен и летал по нему дробным эхом. В этой звуковой каше дрыгались около тысячи человек, стробоскоп рвал темноту клочьями, люди метались в них, как призраки, лучи света размашисто чертили цветные линии, пахло глицерином и вытоптанной травой. Танцевали на небольшом круглом газоне в центре двора под прицелом стволов крупнокалиберной артиллерии, танцевали на башнях самоходных орудий, танцевали даже на этих самых стволах. Около часа друзья простояли в шевелящейся массе людей перед входом и, только поняв бесцельность дальнейшего ожидания, предприняли попытку пробраться к входной калиточке. Дюжие охранники в милицейской форме едва сдерживали натиск желающих пройти бесплатно, а у окошка кассы кипел настоящий бой. Несколько десятков крепких парней, все коротко стриженные, наглые и напористые, рвались со своими бабами за невиданными развлечениями. Каждый из них надолго зависал в окошке, а после покупки билета громко ругал дороговизну ночной жизни матерными словами.

Прямо перед друзьями, в пяти метрах от входа, вспыхнула драка. У двоих пацанов в белых рубашках и черных брюках с манжетиками от томительного ожидания в очереди не выдержали

нервы. Избрав для дуэли довольно формальный предлог, один из них, тот, что был пониже и толще, закричал: «Ты мне, бля, на ногу наступил!» — и, не скупясь, залепил своему долговязому обидчику крепкую затрещину. Тот, что наступил на ногу, качнулся от удара, но уже через мгновение ощутил радость поединка и со всего маха врезал толстому ногой в пах. Очень скоро у них все наладилось, и удары стали ложиться равномерней. Вокруг дерущихся образовался кружок зрителей. Разгоряченные пацаны со свекольного цвета рожами сопели от напряжения и стискивали друг друга смертельными захватами. Когда белые рубашки были порваны и на вздувшихся шеях обнажились увесистые «голдяхи» — цепи из фальшивого золота, — совершенно неожиданно произошло братание Голые по пояс, украшенные кровоподтеками пацаны стали хватать друг друга за плечи и примирительно тереться своими кожаными тыквами.

Андрей, успевший до тошноты насмотреться на подобные сцены в клубе, брезгливо поморщился и предпринял еще одну попытку прорваться к входу. Ему даже показалось, что в людской каше мелькнуло скуластое лицо Миши Воронцова, но очень скоро он понял, что ошибся.

— Ну, что будем делать? — хрипел рядом Олег. — Бесплатно пройти нам, по всей видимости, не удастся.

— Ну не билеты же покупать…

— Тогда пойдем отсюда…

Уже через пятнадцать минут друзья выбрались из гудящей толпы и снова оказались на набережной. Неудачливые визитеры закурили и стали совещаться. Сложилась необычная для них ситуация. Они не то что не попали на вечеринку в привычном для себя формате всеобщих героев, но и оказались в незавидном положении обычных посетителей, вынужденных покупать билеты и толкаться в очередях. Легкая уязвленность этим обстоятельством позволила молодым людям как следует перемыть кости Воронцову, но в глубине души они чувствовали, что на его месте поступили бы так же — никаких гостевых списков, вход только через кассу.

Между тем время шло, и праздник за забором шел по плану. Через огромную решетку ворот было хорошо видно, как на сцену взобрался Грув. Толпа танцующих воодушевленно взвыла, свет метнулся к сцене, Грув прилепил к уху толстый «шанхайзер», схватил пластинку и, махнув ею в воздухе поставил первый трек. Когда волна басовых ударов захлестнула танцпол, диджей вздел руки к небу и начал дирижировать звучащей музыкой. Лавинообразное поднятие рук в танцполе было ему ответом.

— У, пижон, — с презрением сказал Олег.

— Сейчас скретчить начнет, а потом снова ручки поднимет…

— Где-то я уже это видел, — засмеялся Андрей.

— Где-где. У ВестБама слизал, — констатировал Денис.

— А вон и Воронцов! — сердито закричал Андрей, указывая пальцем в сторону сцены.

И действительно, рядом с Грувом возникла высокая сутулая фигура независимого промоутера. Миша, как всегда, был в черных джинсах и курточке, а на поясе висела его неизменная сумочка.

— Он-то что там делает? Играть будет?

— Рисуется перед публикой, — сообщил Олег.

— А я слышал, что он накупил себе пластинок и активно тренируется в игре, — поведал друзьям Андрей. — Так что не удивлюсь, если и заиграет. Вишь, как раззадорился.

Вдруг кто-то сзади повис у Андрея на плечах. Толчок был такой силы, что Андрей едва не рухнул наземь. Опешив и несколько испугавшись, он резко извернулся, чтобы увидеть напавшего, но вместо ожидаемого злодея разглядел перед собой сияющую физиономию Зайца.

Он переобнимал всех друзей и, прикурив сигаретку, принялся рассказывать:

— Мы из Гоа! Только вчера вернулись с Воробьями из Индии. Гаврила, Янка, Леха и я. Два месяца там жили. Ну, я тебе скажу, это другая планета! — Заяц радостно рассмеялся. — Жили в огромном доме, все стоит копейки, индусы прислуживают, океан, жратва, «дуды»… Я научился ездить на мотоцикле, проехали все побережье. Но было очень жарко. Нужно ездить зимой, тогда там самая тема… Сейчас здесь, но в декабре хотим снова уехать. После Индии это все, — тут Заяц сделал выразительную гримасу, — полный отстой.

Андрей удивленно хлопал глазами. От Зайца исходила хорошо ощущаемая мощная энергия, да и сам он изменился: стал еще более загорелый, глаза хитрые, все время смеется. Но в целом Заяц как Заяц, такой же хохотун и весельчак.

— А вы чего тут? Тоже аутсайдеры? — со смехом обратился Заяц к друзьям. — Пришли на разведку? Чего тут — Миша замутил, да? Но внутрь не попали! Ха-ха-ха! Я тоже. Потолкался в этом свинюшнике, накурился с друзьями и решил идти к вам, в клубан. А тут и вы. На ловца и зверь бежит. Ха-ха-ха! Пойдемте отсюда, тут делать нечего. Есть ре-а-альная тема!

Он растормошил опешивших друзей, и вчетвером они отправились обратно в «Тоннель». Уже на подходе к клубу настроение у молодых людей кардинально отличалось от того, каким оно было полчаса назад. Они бодро шагали, смеялись и

загадочно посматривали друг на друга. Все было просто. Заяц накормил своих друзей марочками. Микроскопический квадратик картона, пропитанный ЛСД, на котором была изображена клубничка, только и всего. Сомнений, есть или не есть, ни у кого не было: все разжевали горькие бумажки и теперь торопились в клуб, чтобы поскорей запить пепси-колой свое безумное состояние на ближайшие пятнадцать часов.

Прямо на площадке перед клубом им повстречалась довольно странная компания. В темноте ночи мелькали разноцветные пятна цветочных букетов и дамские платья пастельных тонов. Ярко резала глаз лишь одна фигура — одетая с головы до ног в белое девушка с огнённо-рыжими волосами. Она разговаривала с омоновцем на входе, а тот странно улыбался, но в клуб никого не пускал.

— А что такое, почему нам туда нельзя? — допытывалась пребывавшая в развеселом настроении невеста. — У меня свадьба! Мы хотим танцевать! Почему вы такой жестокий?

Охранник хитро щурился на подоспевших хозяев клуба и помалкивал.

— Ира, пойдем! Родители ждут за столом! — жалобно пропищал рядом с невестой молодой человек в визитном костюме, по всей видимости жених.

Но расшалившаяся Ира и слышать не хотела с капитуляции. Андрей, которого уже начало покалывать замыкание в мозговой микросхеме, неожиданно хохотнул и посмотрел на Олега. Тот поймал его каверзный взгляд и подмигнул охраннику.

— Проходите к кассе, — величественно дозволил омоновец. — Оружие, наркотики, алкоголь. У кого Него есть?

Спускаясь по лестнице позади свадебного кортежа, владельцы клуба неестественно громко захохотали.

— Я же говорил! — заорал Заяц. — Ре-а-альная тема!

Реализм, обещанный Зайцем, превзошел все ожидания. Сознание частично вернулось к Андрею лишь к шести утра, а до той поры он смутно помнил, как, обливаясь потом, трясся под колонками. Еще никогда персонал клуба не видел владельцев в таком воодушевлении: голый по пояс Олег танцевал прямо в баре, да так, что капли влаги с трясущейся копны его волос разлетались вокруг, Денис врос в закрывавшие колонки металлические сетки и, галлюцинируя, висел на них несколько часов кряду, а Андрей обливал себе голову минеральной водой и смеялся таким немыслимым образом, что всем было ясно: прет красавца

Но это было еще не все — как позже выяснилось,

неугомонный Заяц без церемоний свел знакомство с похотливой невестой, они куда-то пропали на полчасика, а когда снова объявились в танцполе, слегка помятая Ира уже истерически хохотала под колонками. Подвенечное платье наевшейся ЛСД невесты летало по клубу, как белая молния, а ее безвольный жених, не выдержав конфуза, напился с горя и уснул в гардеробе.

Уже к середине ночи в клуб стала прибывать сбежавшая с Арсенала молодежь, большая часть которой также пребывала в глубоко измененном состоянии сознания. В клубе вспыхнули такие жаркие танцы, которые кое-как приостыли лишь к девяти утра.

К двенадцати часам дня в клубе остались самые стойкие. Уперевшись ногами в низкий квадратный столик, на диванах из искусственного меха расцветки «пятнистая корова» развалились: Олег, Денис, Андрей, Заяц, новый лайтмастер Тумблер Неврубающийся, охранник Слава Бешеный и невеста Ира, бросившая своего пьяного жениха и выгнавшая кудахтающих родственников из клуба пинками. Омоновец с благословения владельцев клуба пил казенную водку и развлекал компанию солдафонскими анекдотами, невеста крутила в руках его табельный «Макаров», а уставшие после мощнейшего трипа друзья сидели не разговаривая и только беспрерывно курили. Это было необыкновенно странное ощущение остановившегося времени. У Андрея было такое чувство, что за эти десять часов он успел прожить сразу несколько жизней. Сознание подзеркаливало, и он все время видел мелькающие в памяти картинки из этих жизней. Это было забавно, он мог все это видеть настолько реально, что казалось, будто это и есть реальность.

«Нуда. Заяц тоже говорил, все будет реально. — Красивые картинки галлюцинаций склеивались с жизненными кадрами настолько прочно, что их было невозможно отделить друг от друга. Неожиданно в сознании всплыло лицо Марины. — Красивая девушка… Кто же это с ней? Так это же я! Ну да. А кто она? Она, она..»

Андрей поморщился и попытался сосредоточиться. Выходило что-то трудно вообразимое. За эти десять часов его так раскидало по персональному космосу, что собрать сразу себя и свои мысли в одну кучу было крайне затруднительно. Неожиданно случилось то, отчего эту жалкую кучку и вовсе разметало во все стороны, — в глухом бетонном бункере грохнул оглушительный выстрел. Все оцепенели и, вытаращив глаза, уставились на пьяненького Бешеного. Очевидно желая показать девушке, как разбирается пистолет, тот совершенно забыл про патрон в стволе и едва не отстрелил себе член. Пуля прошла в десяти сантиметрах от

детородного органа и, продырявив угол стола, с визгом улетела в темноту подземелья.

Когда прошел первый шок, Андрей неожиданно резко вскочил и, не прощаясь ни с кем, отправился вон. Он вышел на улицу. Светило солнце. В голове стоял звон, в животе была голодная резь, а в носу — странный запах порохового дыма.

Он неожиданно вспомнил, кто была эта девушка, и совершенно отчетливо понял, что она где-то ждет его.

6

Проснувшись очень рано, в непривычное для себя время, около семи утра, Алексей, стараясь не шуметь, выскользнул из постели и прошлепал босиком в ванную комнату. Марина еще спала, а у нее под боком, изредка вздрагивая во сне, примостилась крохотная девочка. Соня всю ночь беспокоила мать и только под утро засунула кулачок в рот и ровно засопела.

Обстановка съемной московской квартиры, чуть смахивающей на заваленный детскими игрушками гостиничный номер, каждое утро напоминала Алексею, что он на другой планете. Так случилось и сейчас. Эта странная и во многом чужая планета называлась Москва; вот уже два месяца, как он высадился на ее поверхность и начал готовить встречу с ними. Он все продумал, ошибки быть не может. Мероприятие дважды откладывалось и вот сегодня должно было состояться — они придут. Идея вечеринки, задуманной Алексеем, опиралась на красочную мифологему «Инвайдерс», то бишь по-нашему «Захватчики», «Пришествие», «Пришельцы». Просто и красиво. Одно слово выводило огромный смысловой ряд, полностью оживляющий house-пати.

Алексей долго разрабатывал эту идею и приехал в Москву специально для ее осуществления. Сразу по приезде судьба снова и неслучайно свела его с Олегом Цодиковым, тем самым Цодиковым, что шесть месяцев назад крепко вцепился в «Гагарин-2» с поистине московской коммерческой хваткой. Впрочем, как тогда, так и сейчас Алексей прекрасно осознавал, что именно такой человек и был ему нужен в этом городе. И дело тут было не в невероятных способностях или редкостных талантах этого человека, вовсе нет, — просто, имея довольно типичную страсть к деньгам, Алексей всегда брезговал лично приближаться к грязному процессу их зарабатывания, а практичный Цодиков легко избавлял его от этих чистоплюйских мучений. Рядом с таким партнером, как Цод, можно было спокойно заниматься только проектами, творить, мечтать. Они

снова коротко сошлись, и Алексей завулканировал идеями.

Уезжая, он с облегчением перепоручил события в Петербурге младшему брату Андрею, да и проистекали они там по вполне предсказуемому сценарию. Там все было ясно — «Тоннель», как ледокол, колол льды и, дымя всеми котлами, нес знамя технореволюции в массы. Однако уже по прошествии полугода работы Алексей понял: сила первого техноклуба локально ограничена масштабом северной столицы, и, как теперь хорошо виделось, клуб имел вполне ограниченные перспективы финансового развития. Здесь же, в Москве, другое дело — пятнадцатимиллионный город, караванные пути и кучи блуждающих денег.

После первого, революционного рейва «Gagarin», Москва встряхнулась от ресторанной спячки, и в столице заработали сразу несколько промоутерских групп. Эти свежеиспеченные диверсионные отряды действовали по обкатанным схемам, звезд с неба не хватали и ничего не изобретали, но «рубили капусту», не «запариваясь» при этом ни с постановкой, ни с легендированием. Одних клонов «Гагарина» было произведено такое количество, что посетители знаменитого «первого» уже считали себя ветеранами движения. Столичная молодежь быстро полюбила ночной кураж, а тон тут в новой моде по-прежнему задавали бывшие партнеры «Танцпола» Женя Бирман и Ваня Салмаксов. «F. Y. Intertainment» подхватили московскую ночную жизнь под ручку и, не давая скучать ненасытным до развлечений бездельникам, проводили вечеринку за вечеринкой. Список их деяний множился. Они строили клуб в Ялте, сотрудничали с корпорацией «ЛиСС», участвовали в разработке проекта «Москва-2000», от всего этого стали очень известны, и вот, из совсем недавнего: в прошлую субботу Алексей, Марина Алби, Владик Монро, Витя Фролов, Алиса и множество общих друзей, бывших на тот момент в Москве, были приглашены ими на увеселительную программу в полуресторанный клуб «Манхэттен Экспресс».

Алексей чистил зубы и, вспоминая обо всем этом, тряс головой — собирался с мыслями. Он чувствовал себя как спортсмен перед установкой рекорда — снаряжение подогнано, стратегия определена, мышцы размяты. Когда все физиологические процедуры были завершены, он оделся, сварил себе крепчайший эспрессо, выкурил утреннюю сигарету и тихонько вышел из квартиры.

Утро этого октябрьского дня было довольно обычным — прохладная свежесть дворовых газонов, гулкие голоса детей перед школой, дворник с метлой, гаражи-ракушки. И все же что-

то вокруг было не так. Однако пока Алексей шагал по улице, пока ловил такси, он был настолько погружен в свои мысли, что не обратил ни малейшего внимания на изменения, случившиеся с Москвой за последние сутки. Ускользнули от него пугающие знаки, не заметил он и прочих странностей этого исторического утра, не разглядел приближения чего-то нехорошего, грозного. А это нехорошее меж тем надвигалось — по улицам, истошно визжа, носились спецмашины, на перекрестках крупных проспектов пучились массы растревоженных людей, у женщин были растерянные, у мужчин пьяно-возбужденные взгляды. Кое-где уже кричали, спорили, махали руками и флагами, дрались. В десять часов утра в городе раздался первый выстрел.

Такси, в котором Алексей пробирался в центр, неожиданно застряло на набережной Москва-реки, не доехав до кинотеатра «Ударник» нескольких сот метров. Водитель мрачно сплюнул в окно и, указывая на перегородившие дорогу неработающие троллейбусы сообщил своему пассажиру:

— Ельцин с Руцким херами меряются, а мы тут за грош давимся!

— Чего? — удивленно переспросил Алексей, просыпаясь от собственных грез.

Ехать дальше было некуда, да и невозможно. Весь поток транспорта остановился, а проезжая часть неестественно быстро стала заполняться людьми.

— Что это за народ? Демонстрация, праздник какой? — недоуменно озираясь по сторонам, забеспокоился Алексей.

Водитель еще раз плюнул, но ответить на успел — дверцу машины рванули, и человек с всклокоченными волосами влетел на заднее сиденье:

— Срочно! Задний ход! Пожалуйста! В травму или в любую больницу рядом! Скорее!!!

Алексей и водитель развернулись, чтобы получше разглядеть безумца, но вместо него увидели уже другого человека, влезающего в салон машины. Неизвестный прижимал к голове руку, а другой пытался нащупать перед собой точку опоры — из раны под его ладонью с бульканьем вытекала густая темно-красная кровь, она заливала несчастному глаза, стекала на шею, потом на грудь, а с нее капала на сиденье машины. Обезумев от такой неожиданности, Алексей выскочил из такси и стал растерянно оглядываться вокруг он стоял посреди огромной автомобильной пробки, в которой кишели тысячи перевозбужденных людей.

— Они идут! — закричали где-то рядом в толпе.

— Кто идет?

— Солдаты! Вон они!

Забыв заплатить водителю такси, Алексей вместе со всеми рванулся вперед и на предельно возможной скорости стал выбираться из образовавшейся толчеи. Очень скоро он уже входил в просторный холл кинотеатра. Тут все было вроде бы нормально, никто не кричал, не бегал, и увечных не было видно. Посреди гранитного фойе стояли хорошо знакомые ящики и кофры с аппаратурой, а на одном из них, развалившись, сидел Андрей.

— Ну наконец-то! — обрадованно воскликнул он, вскакивая при появлении брата. — Что тут за бред происходит? Мы приехали на вокзал и попали в очень странную историю. Какие-то недобитые коммунисты маршем топали по проспекту, все движение встало, все кричат, кругом менты. Я привез с собой несколько волонтеров, они от нечего делать пошли погулять по Москве и пропали. Я силу тут уже два часа, никого нет. Что все это значит?

— Я и сам хотел бы знать, — воскликнул Алексей, пожимая брату руку. — Я сам едва не попал в какой-то революционный замес. Люди орут, машины стоят, видел мужика с пробитой башкой… Я не понимаю, что происходит. А где Цодиков?

— Не знаю.

— А где Тарнавский?

— Не знаю.

— А где наша аппаратура?

— Не знаю.

Братья посмотрели друг на друга и нахмурились. «Пришествию», запланированному на сегодняшнюю ночь, грозила катастрофа. Вмешательство каких-то враждебных сил перевернуло обычный уклад жизни города. Алексей призадумался и понял, что этой ночью что-то случилось, но что именно, сейчас разгадать было совершенно невозможно. Братья стали нервно прохаживаться и курить, время медленно ползло по циферблату огромных часов в каменном холле, но ничего не происходило. Они прождали больше часа, и вот наконец развязался один из узлов в этой путанице событий — появился Цодиков. Его фирменная улыбочка на этот раз была погашена, и на лице плавало недоуменное выражение, Цодиков моргал и растерянно тер небритую щеку.

— Что происходит, Олег? — набросился на него Алексей.

— Ничего не понимаю, похоже на революцию! В городе говорят черт знает что. Будто бы захвачено Останкино и идут бои у здания ТАСС на Тверском. Коммунисты, демократы, Хасбулатов, Ельцин. Включил телевизор — там один канал работает, говорят, будто бы стрельба уже в студии. Наверное, скоро «Лебединое

озеро» включат, а там… ну, сам знаешь… Такие дела. Похоже, что наша вечеринка отменяется. А тут что?

— А все нормально! — с едким сарказмом сообщил ему Алексей. — Пропали наши волонтеры из Питера. Приехали на вокзал, пошли погулять и больше не появились. Прокатчиков звука тоже нет, и наш грузовик со всей техникой неизвестно где. Мы предварительно продали более пятисот билетов, так что сегодня нам предстоит приятная ночь.

— Может, смоемся с деньгами? — тихо шепнул Цодиков.

— Ты что, дурак?

— Ну, это я так, — хохотнул Олег.

— Нужно ждать, — сказал Алексей.

И они стали ждать. Очень скоро они делали это уже на огромной крыше кинотеатра, куда их надоумила забраться бабулька-уборщица. Вся дирекция кинотеатра в полном составе с растерянными лицами толпилась тут же под гигантскими буквами ржавой неоновой вывески. С этой крыши открывался необыкновенно красивый вид на Москву, Кремль и прочие достопримечательности столицы, но ими сейчас никто не любовался. Присмотревшись к дымам над Москвой, Олег стал комментировать ситуацию и пояснять названия разных мест, где хорошо различались муравьиные полчища людей. Издалека явственно слышались доносящийся шум толпы и гул бронетехники.

— Настоящее нашествие! — в ужасе воскликнула пожилая женщина, указывая на колонну военных грузовиков, медленно ползущих в сторону белоснежного здания Парламента. — Просто захватчики какие-то!

Услышав это странное для сегодняшнего дня определение, Алексей переглянулся с братом и расстроенно насупился. Неожиданно для всех ровный фон далеких щумдбыл расколот раскатистым громом. Глухой звук взрыва пронесся над кинотеатром и, отразившись в стенах стоящего рядом сталинского дома, качнулся обратно, эхом ударил по ушам. Сразу же донесся еще один взрыв, потом еще один, после чего над центральной частью здания Дома правительства стал подыматься черный дым.

— Боже мой! — ломая руки, заголосила пожилая женщина. — Что же это происходит?

— Стреляют по Парламенту.

— Как стреляют, кто стреляет?..

— Похоже, что танки.

— Это что, война? — дурным голосом взвыла другая служительница.

— Нет, не война. Это кто кого.

Оценив ближайшие перспективы завязывающейся политической дискуссии, Андрей подмигнул брату. Вместе они отправились в самую отдаленную часть этой необъятной крыши, уселись за воздуховодом и закурили традиционную для таких сложных случаев трубку-думку.

Нужно было все как следует обдумать. Голова шла кругом. Все происходящее более всего походило на абсурдный и отвратительно страшный фильм — осенняя Москва, полчища людей, стрельба, танки — и они, сидящие на крыше кинотеатра, рядом с Кремлем. Бред. Вот тебе и «Пришествие».

— Не будем суетиться, — немного успокоившись, предложил Алексей. — Сейчас тут и без нас паникеров хватает.

— Согласен. Ну а что делать-то будем?

— Давай рассуждать, — покрепче затягиваясь дымком, предложил брату Алексей. — Мы вне политики. Так?

— Так!

— Война не война — нам все равно. Реклама была, билеты продавались, и иностранные диджеи приехали — следственно, придут люди. Вывод: мы должны работать.

— Думаешь, придут? — с сомнением спросил Андрей. — Гляди, какая страсть кругом.

— Да, крутое дерьмо заварилось, — задумчиво констатировал Алексей, — но я думаю, что если нам с тобой все равно, то уж нашим гостям и того более безразлично. Но в любом случае, нам нужно быть готовыми. Если конечно, мы профессионалы, а не зяблики.

— Да, но наш фургон?

— Да, фургон. Тут заминка. Техника пропала, это проблема… Но может, все образуется. Пойдем лучше посмотрим, что можно пока сделать.

Братья спустились в фойе и принялись вникать в обстановку. Очень скоро стали появляться и остальные, потерянные до этого момента участники проекта. Первыми вернулись волонтеры. Эта стайка взволнованных подростков наперебой принялась рассказывать о своих злоключениях. Выяснилось, что они, заспанные после поезда, бродили ранним утром по набережной Москвы-реки и на свою беду решили перейти мост, чтобы поглазеть на Красную площадь. Уже оказавшись в саду у Кремлевской стены, молодые люди были задержаны нарядом милиции. Ну а дальше все сложилось, как обычно бывает в таких неожиданных ситуациях, — в кармане у одного из них нашелся пакетик с травой, всем надавали дубиной по почкам, продержали час в ментовском «уазике», отняли все деньги, но, к счастью,

вскорости благополучно отпустили.

Буквально следом за молодыми горе-помощниками появился Игорь Тарнавский со своими техниками. Игорь был взрослый человек, он без суеты сообщил много новой и неожиданной информации. В первую очередь, весь центр Москвы охвачен паникой, вызванной расстрелом Дома правительства. В городе полно военных, по улицам мечутся толпы людей, их заводят провокаторы, кругом митинги, грабят магазины, неразбериха, везде люди с оружием. Как он выразился, «идет драчка за власть». Сторонники Ельцина хулят и бьют чем попало сторонников Руцкого, а те в свою очередь отвечают им с жестоким остервенением, но используют при этом не крики и продуктовые авоськи, а автоматы и дубинки. Есть убитые и раненые. Когда Игорь узнал, что огромный фургон со всей его техникой пропал в охваченном вооруженным переворотом городе, он приуныл и стал заметно нервничать. Шедшая из Петербурга машина по всем прогнозам должна была оказаться в центре Москвы еще ранним утром. Однако ее по-прежнему не было, а намеченный для монтажа день меж тем клонился к вечеру.

Неожиданно в «Ударнйке» появилась девушка с синими волосами. Ольга Тобрелутс в своем неизменном ультрамариновом парике, с горящими глазами и фотоаппарату на перевес влетела в кинотеатр как фурия, и уже через пять минут сонно-унылая обстановка приговоренного к смерти «Пришествия» стала походить на ее экстренную пресс-конференцию. По всему было видно, что молодая художница до предела возбуждена и ей срочно требуются слушатели. Из ее сумбурных рассказов стало ясно, что она преднамеренно оказалась в самой гуще кошмарных событий: рядом с ней упал, сраженный пулей снайпера, молодой человек (студент или не студент, было не разобрать), она видела, как солдаты, хохоча, стреляли по крышам зданий, на ее глазах шальная пуля отстрелила палец какой-то женщине. Ольга сфотографировала этот палец и всю эту людскую свалку. Опьянев от революционного дурмана, она безрассудно полезла в самое пекло горького от порохового дыма противостояния и едва не оглохла там от грохота стрельбы. Ко всему прочему, сражавшаяся на стороне молодой демократии художница успела поесть солдатской каши из походного котелка и покрасоваться с воинами-первогодками на броне боевого транспортера, притворяясь при этом фотографиней из немецкого журнала «Штерн».

Рассказы о ее приключениях позабавили приунывших пати-менов, да и само появление питерской художницы было не лишено авантажности, но все же это представление, хоть и очень

веселое, никак не изменило непростой ситуации в охваченном паникой кинотеатре. По всему выходило, что позор сорванной вечеринки неизбежен. Алексей с отвращением представлял себе, как придется всю ночь объясняться с раздосадованными москвичами и видеть ликующие лица конкурентов, но его команда все еще продолжала на что-то надеяться. Таким мучительным образом эта тягостная ситуация протянулась аж до шести вечера, когда на площади перед кинотеатром неожиданно появился грузовик с питерскими номерами. Увидев в холле растерянного и уставшего водителя, Алексей так обрадовался, что заключил седого мужчину в объятия. Измаявшиеся от мучительного ожидания волонтеры набросились на машину, как муравьи. Теперь все мог решить только спортивный азарт. Алексей превратился в крик, а Андрей — в ноги. Вдвоем они подняли такую сумятицу, что всего лишь за час пятнадцатитонный грузовик был полностью разгружен.

Никогда до этого и, наверное, уже никогда после, никто не монтировал подобную гору концертного оборудования с такой непостижимой скоростью. Тяжелые ящики по деревянным трапам закатывали в фойе, устанавливали, подключали, развешивали аппаратуру, собирали конструкции, прокладывали провода. Работа придала всем сил, питерская команда воспряла духом, все спешили, посматривали на часы и изредка — за стеклянную дверь кинотеатра. Несмотря на весь ужас кровопролитного дня, танки и толпы обезумевших смутьянов на улицах Москвы, к одиннадцати часам вечера перед зданием кинотеатра собралось внушительное количество молодежи. Ровно в полночь счастливый Алексей дал отмашку милиции, открыли кассу, и залитое светом фойе стало заполняться нарядными людьми. Поглядывая на этих сияющих модников, Алексей лишний раз убедился в неоспоримой правоте Георгия Гурьянова. Однажды Георгий сказал ему в приватной беседе: «Никто и ничто никогда не помешает нам развлекаться, если мы того захотим».

«Никто и никогда!» — мысленно повторял Алексей пророческие слова любимого друга.

Он ликовал: судьба и в этот раз явила ему свое благоволение. «Нашествие» странным образом состоялось, а никто из собравшихся даже не понял, каких усилий и волнений стоил ему этот радостный праздник.

Пока вечеринка разгоралась, он еще хлопотал, суетился, немного нервничал по привычке, но все шло как по маслу, и очень скоро он смог спокойно проанализировать ситуацию. Это было возвращение «Танцпола» в Москву. Бесспорно удачное возвращение, происходящее в необычных условиях, но финансово

превзошедшее даже все его самые радужные ожидания. Непостижимо, но все обстоятельства сложились в одно усилие — и день, и место, и загоревшаяся мятежом Москва.

«Повезло, — думал Алексей, тревожно оглядываясь, как будто опасаясь, что все сиюминутно исчезнет и останется лишь пшик да пустота. — А может, и нет?»

Играл Дидье Синклер, веселый гей-парижанин, раздробивший всем головы на открытии «Тоннеля». Постепенно переставая волноваться за дальнейшую судьбу «Пришествия», Алексей уже спокойней посматривал вокруг, слушал музыку и только поспевал улыбаться новым московским знакомым. Проблемы отступили, они отшатнулись от края бездны, за которым был провал вечеринки, прошло нервное удушье, и теперь можно было немного расслабиться. Через некоторое время он уже пил с хохочущими друзьями шампанское. Ему стало легко, и, окунувшись в это приподнятое настроение, Алексей неожиданно для себя призадумался над никому не видимыми странностями собственной профессии. Профессия эта, если можно было так называть то, чем они занимались все эти годы, заключала в себе два взаимоисключающих начала — работа и отдых. Главная их несовместимость была в том, что, когда приходилось работать, он почти всегда был вынужден делать вид, будто беззаботно отдыхает, а от этого всем вокруг всегда казалось, что постоянно веселящийся на собственных вечеринках Алексей только и делает, что развлекается. Ко всему прочему, эта странная деятельность была настолько подвержена всевозможным внешним обстоятельствам, что качество конечного продукта никто и никогда гарантировать не мог. Производство развлечений — это как торговля воздухом: пока воздух чист, все дышат, всем нравится, но как и почему это происходит, никто не задумывается. Люди хотят веселиться, и им все равно, кто приготовит для них это приятное состояние. Все платят и хотят только лучшего. Ну, так пусть лучше это будет он. Он ведь лучший. Не так ли?

От этих отрадных размышлений Алексея оторвал Цодиков. Московский партнер сиял торжественной улыбкой и, судя по тому, что от него попахивало коньячком, успел уже подвести весьма ободряющие итоги.

— Мы снова в бизнесе! — привычно поприветствовал его Алексей, хлопая друга по плечу. — А ты говорил — смоемся с деньгами. Посмотри, как все красиво получилось! Народу тьма — настоящее «Нашествие». Все танцуют, красота! Нервов, конечно, стоило, но это ведь наша работа. Не так ли?

Цодиков неопределенно замотал головой, но от прямого

ответа воздержался, очевидно по-своему представляя себе эту самую работу.

— И к тому же мы приобрели очень хороший опыт. Мне после сегодняшнего дня вообще многое стало ясно,

— Н-да! — умиленно протянул Цодиков, пытаясь не рассердить Алексея какой-нибудь глупостью.

— Нашим клиентам глубоко плевать на все вокруг, — продолжал разглагольствовать Алексей, которому сейчас не терпелось поделиться со своим приземленным другом внезапно осенившими его яркими умозаключениями. — На революции, на коммунистов, на демократов. Плевать на все вообще!

— На все? — изумился бывалый практик.

— На все! Поверь мне. Только не на себя самих. Себя тут любят все и без сладкого не оставят.

Алексей внезапно зайнулся, смолк и стал серьезен. Цодиков прищурился, встревоженно вытянул шею и преувеличенно внимательно приготовился дослушать эту доктрину.

— В этой стране будет происходить все что угодно, но молодежи будет хотеться только одного, глухим голосом сообщил Алексей.

— Чего? — с деланной наивностью поинтересовался Цодиков.

— Веселиться, май френд. Проблемы всем надоели. А в революции все примут участие, но только не в этой пенсионерской возне за потерянные вклады, нет. У нас революция психоделическая. А мы — один из ее мощнейших отрядов. Такие дела. Ну а что у нас там с кассой?

Цодиков многозначительно похлопал себя по внушительному вздутию в кармане джинсов и вытащил толстенький бумажный брикет.

— Алеша, есть разговор, — осторожно сказал он, передавая пачку денег.

Зарумянившийся от вида наличности Алексей вопросительно взметнул брови.

— Нет-нет, у нас все в порядке. Не то. Все под контролем. Тут другое, есть один человек… С деньгами… Довольно странный, но в принципе безобидный коммерсант. Я знаю, ты этих жлобов не жалуешь, но все же послушай. Он меня давно мучает вопросами про вечеринки — что да как, сколько можно заработать. Ну, ты понимаешь…

— Ну и? — начиная хмуриться, стал поторапливать Алексей. — Не понимаю. Чего хочет-то?

— Хочет денег дать на клуб, — вывалил Цодиков. — Но только чтобы делал его ты.

Цодиков замолчал и выжидающе уставился на Алексея. Тот

не торопился с ответом и казалось, что даже не расслышал последней фразы.

— Клубы, Олег, — это я и есть. Это то, чем я себе на жизнь зарабатываю, — после некоторой паузы напыщенно сообщил Алексей. — Но эта идея мне нравится. А что за человек? Браток?

— Нет, ну что ты. Я бы никогда. Я же говорю — «коммерс». Д а вон он на диванчике с девушками сидит.

— Этот упитанный? Довольно прост.

— Ну да. Без пафоса, но деньги найдет. Я его давно знаю. Хочешь, я вас познакомлю? — оживился Цодиков.

— Ну что же, — милостиво согласился Алексей.

Уже через минуту «простоватый и упитанный» похлопал подружек по задкам, табунчик девиц отправился танцевать, а на прогретом диванчике завязался преинтереснейший разговор. После знакомства коммерсант начал издалека, с общих фраз, но очень скоро все уже смеялись его шуточкам, а он, по-восточному витиевато нахваливая вечеринку, потихоньку подсыпал Алексею свои вопросики. Падкий на лесть Алексей благосклонно слушал болтливого бизнесмена, отвечал на его бестолковые расспросы, а сам пытался представить себе, кто же этот «коммерс» на самом деле и чем зарабатывает себе на безбедную жизнь. Невысокий, коротко стриженный, плотного телосложения, с быстрым и цепким взглядом, довольно циничный, этот шутливый человечек вобрал в себя практически все черты, свойственные людям торговых профессий, и все же сказать что-нибудь определенное о нем было сложно, разве что он точно не бандит, а также что он забавно и довольно своеобразно для коммерсанта шутит. Эти шуточки были глубинным эхом простого народного юмора, почерпнуть который можно только путем длительных погружений в низшие слои социума, и Алексей постепенно уверился, что человек этот — обыкновенный торгаш, потрясенный масштабами легкой наживы на новомодных ночных оргиях. Впрочем, очень скоро этому было получено и вполне убедительное подтверждение — когда весельчак отлучился в сортир, Цодиков вкратце поведал Алексею о том, что первый капитал и деловую хватку их собеседник приобрел, торгуя китайскими куртками на вещевых рынках столицы. Так-то!

Вечеринка уже почти заканчивалась, а за круглым столиком все продолжалось таинственное шептание. Впрочем, говорили уже достаточно громко — просто чтобы слышать что-то сквозь грохот музыки, приходилось наклонять друг к другу головы.

— Сейчас! Хочешь, прямо сейчас! — кричал раскрасневшийся от виски коммерсант, зазывно поглядывая на Алексея.

Цодиков хитро щурился и помалкивал. Алексей улыбался, как девица свахе.

— Ключи есть, чего тянуть. Скажешь свое слово. Если да, то да! Если нет, ну, нет, — продолжал свои ухаживания купчина.

— Поехали! — согласился Алексей. — Стой! А как же эта войнушка?

— К-какая войнушка?

— Ну, весь этот бред со стрельбой и танками? Там на улице безопасно?

— Думаю, что нет. Но какая нам разница? Машина прямо у дверей. Рванем сотку — и всех делов.

Компания вскочила с мест и решительно направилась к выходу. В дверях их остановил Андрей.

— Леша! Ты куда?

— Скоро будем. Э-э… Заканчивайте тут. Мы ненадолго.

Проводив долгим взглядом брата и его друзей, Андрей задумался, куда это они так заговорщицки направились, и в конце концов решил, что скорее всего нюхать недавно появившийся в Москве дорогущий кокаин. Но ни вскоре, ни даже через несколько часов, когда уже разбирали аппаратуру и грузили фургон, Алексей в кинотеатре не появился. Вечеринка давно уже закончилась, уехали техники, и разошлись по домам служащие, а оставшийся с горсткой заспанных волонтеров Андрей все дожидался его возвращения. Как и сутки назад, он снова сидел в фойе этого треклятого кинотеатра, на куче ящиков, усталый, голодный и злой. На руках были билеты на первый дневной поезд и немного денег, привезенных еще из Питера. В голове у Андрея была полная неразбериха, и ему очень хотелось спать.

Закипая раздражением, он сидел и обдумывал свое странное положение.

Они собирались вместе вернуться домой и готовить вечеринку с англичанами из «Spiral Trible» — это раз. Вернувшийся из Индии Гарик взялся пригласить знаменитый транс-клуб в «Тоннель», и планов была превеликая куча. Это два! А в-третьих… Тут Андрей поднялся и вышел на улицу. После полумрака помещения дневной свет дня резанул по глазам, Андрей закурил, нерешительно потоптался на месте, выбросил сигарету и плюнул с досадой. Из уличного таксофона он позвонил Марине и ледяным голосом сообщил о том, что уезжает сегодня один. Ему очень хотелось спросить у Марины, где Алексеи, но он неизвестно почему сдержался и от этого еще больше обиделся на брата. Сама же Марина то ли со сна, то ли от безучастия ничего у него не спросила и вежливо пожелала счастливого пути.

«Уехал, бросил всех, не оставил денег и сам, наверное, уже спит! — распалял себя Андреи. — Однако это на него не похоже, — вдруг подумалось ему. — И как-то уж слишком цинично».

Под мерный шум гудящего таксомотора Андрей дожевывал эти вялые мысли, но так ничего и не решил. Со всеми своими ящиками и коробками он с трудом дотащился до Ленинградского вокзала и только там получил ответ на все вопросы. На перроне стоял Алексеи. Почему-то без дорожной сумки, очевидно, и не думал уезжать. По тому, как он лукаво улыбался, Андрей понял, что брат в отличном настроении и приготовил ему что-то интересное и явно неожиданное. И точно. Победно улыбаясь, Алексей сунул ему в руку пачку денег и, обняв за плечо, отвел в сторону.

— Андрей! Я остаюсь.

Андрей промолчал и сдержанно улыбнулся.

— Тут вот какое дело, — заторопился Алексей, видя его упадочническое настроение. — Есть место. Место и деньга. Я буду строить в Москве клуб. Сегодня все решилось. Я давно мечтал сделать все сам. От первого винтика до вывески. Чтобы никто не путался под ногами. Ты извини, Олег и Денис твои друзья, но пока мы строили «Тоннель», была пара моментов, когда мы едва не подрались из-за дизайна. Тут все иначе. Я буду все делать только так, как сам хочу. Пойми, я давно мечтал о таком проекте! Там место колоссальное. Я даже название придумал за утро — «Титаник». Что думаешь?

Кисло улыбнувшись, Андрей пожал плечами и опять ничего не ответил.

— Да ладно тебе! — заулыбался Алексей, разгадав причину его обиженного молчания. — Держи выше нос! Скоро увидимся! Я буду звонить, позже сообщу подробности. Передавай всем привет!

Поезд громыхнул железом и тронулся с места. Андрей вскочил в вагон. Москва поехала в сторону, и состав медленно поплыл по железной дороге.

— И еще! — бодро крикнул Алексей в еще открытую дверь тамбура. — Считай, что мы просто открываем второй фронт! Идет?! Держись там! Но пасаран!

7

После возвращения Андрея из Москвы жизнь его, и без того представлявшая собой невероятную смесь дня и ночи, и вовсе превратилась в бесконечный хоровод безумств и развлечений. Он стал неузнаваем, словно сорвался с привязи. Результатом этой странной перемены в нем явилось то, что очень скоро его мягкие

и добрые черты характера были подавлены внезапно объявившейся невыносимой резкостью, он сделался заносчив, дерзок, гневлив и своенравен. Оставшись один, без довлевшего над ним авторитета старшего брата он вцепился обеими руками в собственное «я» и принялся тянуть его, растягивая до невообразимых размеров. Юношеский максимализм, подогреваемый пылкой любовью, и внезапно открывшиеся перспективы делать отныне все как захочется пьянили его и заставляли друзей изумляться.

Но интересовало ли его это? Нет, конечно же нет. Денис и Олег морщились, но терпели своего околдованного друга, а до остальных ему и дела было мало. Играючи он сорил хорошим отношением к себе и очень скоро снискал славу непредсказуемого и циничного эгоиста.

Но ярче всего эта дремлющая в каждом распущенность вспыхнула в его горящем любовью сердце. Он превратился в настоящего тирана, изводящего предмет своей любви придирками. Если в начале их романа он не желал даже думать о том, как Марина жила до встречи с ним, то теперь он стал повсюду натыкаться на живые следы ее прежней жизни и оттого мучительно ревновать ее к этому прошлому, пытаться уничтожить его, запретить и заставить забыть. Зеленоглазое чудовище ревности пропитало ядом его мнительный разум, и он следил за возлюбленной, подозревал, требовал отчета и устраивал невыносимые сцены. Ему хотелось того, что было никак невозможно, и подчас он ждал от нее больше, чем она могла ему дать.

Сам не понимая, что с ним происходит, Андрей самоутверждался этой дикостью и таким странным способом соединял свою безумную жизнь в ночном клубе с тихим бытом Марин иного дома. Так они и жили среди людей, любя и постепенно сходя от этого с ума. Нервы, скрученные в тугой узел, все чаще рвались, они невыносимо ссорились, расходились, сходились, только что не дрались. Андрей оказался не способен снести того, что он у нее далеко не первый, и как-то бес ревности загнал его в такой угол, где он едва не погиб. Однажды, гоняясь за Мариной по городу, он, к своей досаде, не застал ее дома и, осененный внезапной догадкой, помчался за ней на дачу, за сто километров. Но когда выяснилось, что и там никого нет, он взорвался яростью, а возвращая сь обратно в густом тумане, безумный ревнивец так бешено гнал машину, что слетел с дороги и лишь чудом не снес выплывшее из сумрака дерево.

Но весь этот бред творился только в его личной жизни — так

он общался с людьми, так любил и так отдыхал в кругу своей новой семьи. Что же касалось его дел, то глубокое любовное безумие и эксцентрические выходки вовсе не мешали ему, а даже наоборот — усиливали эффект производимых действий. В полном смысле этого слова настоящей семьей для него и его друзей мог быть и был только клуб. Только его они любили, варясь в нем сутками, на непрекращающемся яростном огне. Клуб был на фантастическом подъеме, и все в нем дышало жизнью.

К этому времени «Тоннель» уже стал настолько известен, что значки с изображением его радиоактивного символа появились даже среди подъездных надписей. Бывший единственным в своем роде городским ночным фетишем, клуб сплотил вокруг себя полчища молодежи, и теперь эти люди бурлили в поисках самовыражения. Новые клубы пока не появлялись, но забитое под завязку Подземелье с десятидолларовыми билетами наглядно демонстрировало: вечеринки становятся неплохим бизнесом. Результатом этой демонстрации явилось то, что очень скоро многие его посетители, большая часть которых были люди весьма далекие от электронной музыки, стали предпринимать самостоятельные попытки производства house-пати. Начался лавинообразный процесс производства коммерческих дискотек. В основной массе это были довольно неуклюжие схемы, примитивно копирующие общий принцип организации, но на волне массового, восторженного энтузиазма хватало и этой малости. Как правило, новоиспеченные промоутеры браги в аренду огромный и неприспособленный зал (обычно театра или дома культуры), печатался плакат с глубокомысленным названием, устанавливался минимум звука и света бар и сомнительные секьюрити. Большей частью подобные опыты разоряли своих устроителей. Но несмотря ни на что, эти попытки подзаработать множились, а люди шли на них, каждый раз надеясь на лучшее.

Но в безликой череде этих коммерческих дискотек стали случаться и приятные неожиданности. Так, усилиями Виктора Фролова и Андрея Комара была подготовлена «Бонопартня». Первый раз местом проведения вечеринки стал настоящий дворец. Расцвеченный прожекторами Белоколонный зал Дома дружбы народов был необыкновенно хорош, однако же даже эта затея провалилась. Солидная публика, на которую рассчитывал менеджер Комар, не пришла, а значит, и не покрыла всех расходов, которые ушли в основном на оформление, сделанное ослепительным модником и всеобщим любимцем Витей Фроловым.

В этот же период запомнились, так как отличались от общей

массы и были основательно подготовлены, несколько масштабных вечеринок «Кристалл». Миша Воронцов, ставший к тому времени уже диджеем Михой Вороном, и его новый компаньон Валера Ващенко перенесли место действия в огромный Дворец спорта, и там среди дымов и грохота децибел полторы тысячи человек катались по ночам на коньках и танцевали прямо на льду хоккейной арены.

Городские заборы и фасады домов запестрели пятнами плакатов с загадочными именами и символами. Вечеринки стали делать неудашниеся рок-музыканты, торговцы подержанными автомобилями, помощники депутатов, владельцы ресторанов, студенты и валютные спекулянты. Не остались в стороне от шумных событий и представители таких мужественных профессий, как разбойники и рэкетиры. Последние в своем роде даже изрядно преуспели, добиваясь намеченных целей, как и принято в их кругу, не качеством, а массой. Это благодаря их усилиям прогремели мощные «таблеточные» пляски в стенах Театра «Балтийский Дом». Бедный, задыхающийся в долгах театр превращался в заполненный дымом и лазерными лучами притон, а «таблеточными» эти вечеринки стали называться оттого, что с этого же момента на массовых мероприятиях появились первые драгдилеры, торгующие разнообразными модификациями дешевых синтетических психостимуляторов. Впрочем, стоили они не так уж и дешево: от пятнадцати до тридцати долларов. Десятки орудующих в толпе дилеров распространяли сотни таблеток и в результате всего этого уже скоро в мутной воде ночной жизни начали плавать тысячи долларов. Бандиты быстро сориентировались в образовавшемся мореплавающих долларов и приняли силовые меры к поимке торговцев. Незадачливых «аптекарей» отлавливали, били, пытали, после чего они поступали в рабство к своим мучителям, отчисляя сметливым крепышам львиную долю от своих грязных барышей.

Вечеринки превратились в единственный вид коллективного взаимодействия. Вокруг acid-party скопилась такая энергетика, что всем, кто молод, было ясно: это не только самый приятный способ времяпровождения, но еще и довольно быстрый способ обретения легких денег. На acid-party начали паразитировать сотни предприимчивых дельцов, образовался огромный полукриминальный процесс, в который оказались вовлечены тысячи людей. Все они в безостановочной ротации каждую пятницу и субботу заполняли собой и сырые своды подземного клуба, и многочисленные площадки арендованных залов.

Возросший спрос на ночные дискотеки привел к взвинчиванию цен на их производство. Прокатчики аппарата,

видя, какие кучи денег загребают устроители вечеринок, стали требовать с них все большей и большей платы, те, в свою очередь, жаловались на бедность, торговались, договаривались, иногда по-доброму, а бывало — грязной интригой или бандитским кулаком.

К разгару массовой танцевальной истерии подоспела и сформировавшаяся первая версия будущей клубной эстетики. Стали появляться новые, альтернативно выглядящие персонажи. Появились никому не известные ранее околоклубные профессии. Все это бесконечно мешалось в невообразимом ночном салате, а посреди этой кучи событий попрежнему угрюмо высился бетонный вход в подземный бункер. Впрочем, этот самый вход в соответствии с новой эстетикой «тоннелеры» покрасили в цвет зимнего хаки, выбрав для покраски время, как и положено настоящим психам, — декабрь при минус двадцати. Получилось дико и угрожающе.

«Тоннельные» теперь узнавали друг друга на улицах. Завязывались знакомства в самых невообразимых областях, и только благодаря тому, что вчера или позавчера новые знакомцы «облупились колес и колбасились» на танцполе, пока «менты не выгнали». «Уделанные» и голые по пояс танцоры, обливаясь потом, бились под колонками, не ведая ни места, ни времени. Огромные количества высвобожденной им и энергии распирали бетонные стены подземелья, и через трубы вентиляции эта энергия вырывалась в морозное небо гудящим потоком. Лихая сила амфетаминовых порошков так рвала головы, что, когда вечеринка в клубе заканчивалась, он а перемещалась на квартиры и не утихала там до поздней ночи.

Вакханалия, которая еженедельно разыгрывалась в техноубежище и его окрестностях, доводила местных жителей до состояния, близкого к умопомешательству. Несчастные, ставшие заложниками этого дьявольского вертепа, стонали в своих кроватях, а из-под земли раздавался и лишал их сна беспрерывный гуд ада. Ближайшие к клубу подъезды были оккупированы молодежью — по ночам в них грелись, ждали, общались, решали тайные делишки. Во все инстанции на клуб летели слезные жалобы, писали ветераны, писали рабочие, врачи, домохозяйки. Жаловались на подземный притон, на гнездо разврата и наркомании, взывали о помощи, требовали положить конец. Результатом стали регулярные визиты в клуб представителей власти. Между стражами правопорядка и клубным ОМОНом начали вспыхивать препирательства, но внушительная бронированная охрана пока еще держала удар. Во время этих рейдов менты важно дули щеки, стращали, но довольствовались лишь проверкой документов и прочесыванием

близлежащих дворов. Однако уже очень скоро начались и задержания посетителей. На общегородских планерках высокие милицейские чины взяли подозрительный подвал «на карандаш».

Сам же «Тоннель», или, как его еще называли, «Тунец», окреп и возмужал.

К концу 1993 года его костяк составлял слаженный коллектив единоверцев, слепо преданных своему электронному технобожеству. Как и любая другая организация, клуб представлял собой структурную пирамиду, на вершине которой стояли Одинг, Назаров и Хаас. Управляя курсом «Тоннеля» и всем его разнообразным персоналом, эти кукловоды дергали за нитки, ну а наиболее важными фигурами в их манипуляциях были диджеи.

К тому времени в постоянно играющий состав «Тоннеля» входили: Леша Хаас, Даня Адельсон (Храбрый), Гаврила, Грув, Андрей Хаас, Леша Чернорот, Залогин, Френч и Матнк.

Диджеи быстро стали представителями самой модной молодежной профессии и возымели такое влияние на умы масс, что их фигуры в Подземелье почитались священными. С первого дня клуб стал собирать свою коллекцию пластинок, его резиденты тренировались и днем и ночью, их приглашали на все городские вечеринки, и несколько раз лейбл «Тоннеля» выезжал в Москву.

Одни из этих персонажей, Леша Чернорот, вскорости и сам переехал в столицу, а спустя какое-то время открыл там в новостройках клуб «ЛСДанс». Это был второй клуб в стране, а прославился «ЛСДанс» своим штурмовым натиском на сознание молодых москвичей, а еще тем, что завел у себя порядки гораздо более неформальные и подозрительные, чем у своего питерского духовного отца.

Следом за Черноротом в Москву отбыл и диджей Грув. Достигнув на легендарной Фонтанке, 145, а после за пультом «Тоннеля» максимальной общегородской известности, Грув взалкал еще большей славы и отравился на ее поиски. На какое-то время его следы потерялись в столице, но он там не пропал, а сумел врыться в мутный ил московского шоу-бизнеса и даже пустил в него корни.

Следующими по значимости после диджеев в саунд-системе клуба считались оптические иллюзионисты: выходец из волонтеров, бешеный лайтмастер Майкл Тумблер Невру- б ающин ея и его угрюмый подельник, лазерщик Ишутов. Вдвоем эти так непохожие друг на друга молодые люди заведовали всем светотехническим арсеналом и прилагали немало усилий для того, чтобы лишать танцоров остатков разума. Тумблер ж ал на

кнопки самодельного пульта, дымил и всячески изгалялся с имевшимися в распоряжении фонариками, а Ишутов расстреливал из своего зеленого пулемета беснующихся перед решеткой танцоров.

Помимо всех этих артистов, особо важные роли в общем спектакле играли бармены, или, как их еще ласково именовали, «манипуляторы-полташечники». Саша Штейн и Аня Корнеева были настоящим лицом клуба, теми людьми, с которыми все общались, перед которыми как на ладони разворачивались все клубные события. Они помнили большинство своих клиентов по именам, вели бесконечные долговые списки, умели отпустить тысячу острот, и именно им приходилось принимать решения и жать на красную кнопку в тех ситуациях, когда перед баром начинали закипать страсти. Штейн, как уже известно, был художником и кипучим выдумщиком, а субтильная ироничная Анечка серьезно увлекалась саксофоном.

Всеми деньгами, взимавшимися за вход в Подземелье, заведовала студентка театрального института Рита. Тихая и незаметная, она с полночи до утра просиживала с книжкой в кассе, а о происходящем на вечеринках знала лишь то, что могла увидеть через круглое окошко этого бронированного сейфа.

Охрану клуба от бандитов, налетчиков и прочих распоясавшихся несли семь усатых милиционеров. Этим хороводом часто меняющихся камуфляжных матрешек строго правил голубоглазый Ромашка, а за всеми ними присматривал контролер Андрей Мистрюков.

Замыкали клубное хозяйство появлявшиеся только под утро трусливая бухгалтерша, имени которой никто не помнил, и уборщица Галина Ивановна, пожилая пенсионерка из местных.

Некоторым особняком от штатного состава держался клубный художник, молодой и талантливый Петя Лебеденко.

В начале 1994 года в команде появились еще два персонажа: Даня Ди Каприо и Денис Мотоциклист. Первый возник и стал очень популярен среди юных посетительниц благодаря милой наружности, делавшей его необыкновенно похожим на голливудского киноартиста. Второй же героической внешностью не блистал, зато был мастер на все руки, не чурался грязной работы и, быстро став завхозом-уборщиком, забавно подкатывал к клубу на дребезжащем мотоцикле с коляской.

Легкий и общительный Ди Каприо быстро сдружился с Андреем. Они стали проводить вместе много времени, встречались почти каждый день, по любому поводу, иногда и не расставались вовсе. Работая на каком-то заводе, этот веселый молодой человек мучился своим бездушным занятием и потому

так потянулся к «подземным» людям. Общение с клубными не прошло для него даром — очень скоро Данила бросил опостылевший завод и, растворив в acid-музыке все свои проблемы, окончательно примкнул к угрюмым подпольщикам.

Вся эта организация, именуемая «Тоннелем», была плотно пригнана, хорошо обучена и закалена в боях. Клуб работал как часы.

Все было поставлено на поток. Диджеи играли, световики сверкали, бармены напаивали, охрана махала дубинками, уборщица выгребала кучи мусора, а кассирша считала деньги и приносила их в офис. В офисе эти деньга распихивались по карманам, и здесь же происходили все взаимодействия. Тысячу раз за ночь сюда забегали разнообразные знакомые, сюда стучались и пытались прорваться всякие нежелательные персонажи, тут же прятались от шума друзья и уставшие диджеи. Офис был отделан со спартанской скромностью: камуфляжная сетка под потолком, металлический шкаф и сейф, доставшиеся еще от штаба ГО.

В этой же прокуренной комнате строились творческие планы, один другого фантастичней. Впрочем, все, что еще недавно могло казаться фантастикой, теперь было абсолютной реальностью. За эти полгода в первом российском техноклубе выступило такое количество диджеев из Европы, что к началу 1994 года о нем уже знали в Берлине, Гамбурге, Лондоне и Париже. Чаще других приезжали Camden Logan и Rod («Drum club»), а также Nick Warren («Mixmag») и Roman To («P-500 Boat»).

Так «тоннельное подполье» было организовано и так оно жило своей шумной жизнью глубоко под землей, негласно управляя оттуда всем танцевальным бедламом, творящимся в ночном городе. Однако уже к концу 1993 года, достигнув своего звездного часа, «Тоннель» обрел такое могущество, что сферы его интересов выбрались на поверхность и клуб нанес по городу свой первый мощный удар.

Конец подземному затворничеству положила противоречивая натура Андрея. Она всегда толкала его в спину и побуждала к действиям, но сейчас он просто суетно спешил и метался из стороны в сторону. Все бы было ничего, моего кипучая энергичность постоянно чередовалась с приступами депрессивной меланхолии. Во время этих провалов полные театрального драматизма любовные переживания насыщали его такими страстями, что, возвращаясь в клуб, он щедро делился с друзьями изрядным количеством личной неврастении. Масштабы собственного клуба Андрею казались уже тесными, не давали

покоя гремящие на поверхности бездарные вечерники новоявленных промоутеров. Амбициозная натура Андрея ждала большего признания, и он настойчиво требовал штурмового рейва. Назаров соглашался, что пора выходить из подполья, но осторожный Одинг полагал, что пока еще рано выбираться из безопасной брони убежища.

Сосредоточивший в своих руках все информационные потоки, «Тоннель» долго и придирчиво выбирал из массы предложений. В конце концов они выискали финансовых партнеров и организовали несколько мегавечеринок под своим директоратом. Наиболее крупная из этих акций осуществилась на деньги довольно загадочных структур, но прошла в здании Центрального выставочного зала. Впервые за всю свою двухсотлетнюю историю здание Конногвардейского манежа стало площадкой для танцев. Диджеем на этом масштабном шабаше выступил сам Андрей Хаас, а танцевальными шлягерами молодых петербуржцев развлекала московская штучка Лада Дэне. Народу собралось столько, что опьяненные успехом представители загадочной структуры впали в эйфорическое состояние. На радостях они выпили так много писки и вынюхали так много кокаина, что под утро, с криками «Эго наш город!» вдребезги разбили свой дорогущий «BMB».

Дорогая вечеринка удалась. Этот хорошо подложенный заряд рванул с таким грохотом, что после фееричного рейва в Манеже народ стал веселиться так, как будто жить ему осталось последний день. Разбить машину по пути в клуб и с хохотом бросить ее обескураженным ментам — это был уже не подвиг. Теперь почти на каждой большой вечеринке отыскивался какой-нибудь новый гуляка, который по просьбе своей девушки «кидал штукарь грина», чтобы «все было» (то есть тысячу долларов, чтобы танцы продолжались еще час или два). Шампанское лилось пенными струями, дорогой коньяк продавался в барах бутылками, билеты стали стоить тысячи рублей, и у многих в карманах завелись модные таблеточки. Потеснив недоумевающую молодежь, на танцполы ринулись «малиновые пиджаки» и в переполненных гардеробах впервые стало не хватать номерков.

Тихо разбогатевшие «широкие массы» пришли в движение и наконец поняли, как нужно развлекаться: дорого, вычурно, до потери сознания. Именно в этот период на крупных вечеринках впервые появился неприятный душок дешевой буржуазности. Заработала давно простаивавшая ярмарка тщеславия. Красным шелком, золотым блеском и лаковой кожей на коммерческие танцполы обрушилась лавина вульгарной итальянской моды. Наступил звездный час для всех, кто тратил тысячи долларов на

своих пергидрольных блондинок, покупал им ложные «Versace», сомнительные «Dolce & Gabbana», попугайские «Moschino» и тонны блестящих побрякушек. В лучах сценических прожекторов их никчемная и никому доселе не интересная жизнь обрела свой яркий и оттого такой долгожданный смысл. В ярком блеске этого смысла и под пьянящим соусом абсолютной модности спесивые «новые русские» и их увешанные бижутерией «офисные палки», а также «правильные пацаны» со своими грудастыми «телками» наконец окончательно раскусили подозрительную пилюлю странного ночного куража.

Теперь в прямом и переносном смысле эти «пилюли» стали неотъемлемой частью их вальяжного отдыха. Для тысяч продвинутых коммерсантов и их заклятых врагов-рэкетиров обратной дороги уже не было. И те и другие были молоды, и те и другие хотели развлекаться, у тех и у других были деньги. Результат этой сомнительной общности определился очень быстро — оказываясь на танцполах, они начинали есть таблетки горстями. Кокаин был тогда еще дорогой диковинкой, поэтому новообращенные набрасывались на «колеса» и, обжираясь ими, становились героями клубных анекдотов. Ели они их много, глупо и по кабацкой привычке — чтобы забыться. Разница была лишь в одном — первые запивали их ликером «Амаретто», а вторые по старинке теплой водкой.

Психоделический туман, выпущенный из темного Подземелья, заколдовывал приобщившихся чарами еженедельного безумия, да так, что отныне они обречены были плясать субботними ночами без сна и отдыха, до полного лишения сил.

Некоторые проплясали так очень многое. Иные — все, что имели. Остановиться им было сложно. Скорость, с которой вечеринки потащили за собой банальное понятие «красивая жизнь», требовала денег. Ко всему прочему все это сопровождалось такими фантастическими выбросами эмоциональной энергии, что некоторые после своих трипов к делам уже не возвращались. Глядя на беснующихся на танцполе братков, завсегдатай клуба, бывалый рейвер Алик Оглоблин, сказал про них: «Они всю свою звериную юность пробегали с палками по рынкам, убивали и мучили людей, а теперь, уже в зрелом возрасте, проглотили волшебную конфетку и неожиданно вернулись в недополученное детство».

Необыкновенные, пугающие своей доброй расслабленностью ощущения озаряли улыбками суровые лица, вылепленные из мускулов и шрамов, крепкие головы трещали от психотропного воздействия музыки, и, будучи не в силах противиться таким

бешеным ощущениям, новоявленные танцоры ревели и завывали от счастья.

Спустя какое-то время для этих примитивных существ изобрели и особое название, метко приклеившееся к ним и их неформатным танцам. Чаще всего трясущиеся в таблеточном экстазе, мокрые от пота «пацаны» выкрикивали кричалку: «Давай! Давай! Давай!!!»

Этот двусмысленный призыв, опоясанный обручем заливистого свиста, стал настоящим народным кличем, собиравшим в то время вокруг себя равных по пустоте сознания.

Но время шло, оно неудержимо быстро летело над зарывшимся под землю клубом, шурша старомодным перекидным календарем в его смешном офисе, меняя декорации природы и вытирая из памяти его посетителей уже отболевшие печали минувшего. Время кружило всех этих танцующих людей в своем собственном танце, переставляло их с клетки на клетку, и несмотря ни на что людей, играющих в эту игру без правил, с каждым днем становилось все больше.

Наступил новый 1994 год. И он был совершенно не похож на год минувший. Теперь контроль над этой веселой игрой уже не принадлежал «Тоннелю» безраздельно, как раньше, монополия клуба заканчивалась, и на ход событий начинали влиять новые игроки.

Время шло, однако двадцатипятилетним героям этой истории, живущим большей частью без света дня, в подлунном мире, по-прежнему казалось, что оно терпеливо ждет за спиной, не мешает, а то и вовсе что его не существует. Это странное, усыпляющее ощущение постоянной ночи осталось у них с тех самых пор, когда они сообща прожили самые счастливые времена своей юности в развеселых сквотах и никогда не спящих художнических мастерских.

Тогда они еще не ощущали могучей силы времени, потому что беззаботно не следили за ним, теперь же, повзрослев и распрощавшись с былой беззаботностью, они не чувствовали его потому, что находились в самом центре образовавшегося вокруг них огромного вихря людей и событий. В центре ураганной воронки всегда поразительно спокойно, но всем известно, что это шаткое равновесие сил. Вокруг такой безмятежности всегда бушуют мощные потоки и невообразимые страсти. Не являлось исключением и призрачное благополучие «Тоннеля», просто шестиметровая толща земли и бетона пока еще скрывала возмутителей общественного спокойствия от гроз и бед, гремящих над поверхностью земли.

Едва проснувшись, молодая художница Ольга Тобрелутс по привычке позвала свою собаку. На ее тихий зов никто не откликнулся, Ольга приоткрыла глаза и с улыбкой вспомнила, что находится в гостях у друзей, за тысячи километров от собственной мастерской. Небольшая комната в полосатых обоях, торшер на хромированной ноге, полосатый коврик, обертка от печенья, а главное, вид за окном — все было незнакомым, новым, другим. За окном гудел Берлин.

Ольга сладко потянулась, поднялась, натянула черные шорты и старый белый свитер с затяжками и вышла в соседнюю комнату. Настроение у нее стало легкое и радостное, счастливая улыбка осветила черты мечтательного лица. Длинные темные волосы разметались по лицу, и из-под их прикрытия она хитро посмотрела на сидящую в гостиной подругу.

— Ты уже проснулась? — обернулась к ней смуглолицая Зарема. — Так рано. На тебя не похоже.

Ольга с размаху плюхнулась на диван, ухватила яблоко и с интересом уставилась на огромный живот Заремы

— Какой у тебя месяц?

— Шестой. А у тебя семь пятниц на неделе и шило в заднице, — отчитывала ее Зарема. — Сколько тебя знаю — ты меня удивляешь каждый день! Ты спишь, а тут звонит какая-то Катрин и напоминает про какую-то киностудию.

— Правда? — воскликнула Ольга, вскакивая с дивана. — Боже мой, а сколько времени?

— Ты что, не помнишь, о чем договариваешься? Как ты так живешь?

— Да брось ты, Заремка! — кричала Ольга уже из другой комнаты. — Я же художник. Л все художники немного сумасшедшие.

Заремас сомнением покачала головой:

— Наверное, я этого никогда не пойму.

Ольга моментально переоделась, на ходу поцеловала Зарему и выскочила из квартиры. Еще полгода назад они и не знали о существовании друг друга, пока как-то раз обе не заявились на пляж Петропавловской крепости, чтобы позагорать у холодной Невы. Зарема, казашка по национальности, симпатичная и весьма секси, явилась на городской пляж с Максом Кучинским, своим законным и вечно небритым мужем. Ольга же всегда и всюду ходила лишь со своим бассетом, вислоухой и печальной Майей, известной в общих компаниях своими пакостями «по-большому».

Знакомство у девушек сладилось на современный манер, и

семена дружбы упали в подходящую почву. Уже через месяц новые не разлей вода друзья, не чая души друг в друге, строили совместные планы, но события повернулись так, что вскоре Зарема и Макс уехали в Берлин, а Ольга осталась в Ленинграде. Тогда она не очень понимала, что же ей нужно от жизни: сбежав из дома, из обывательского круга, Ольга жила в самовольно захваченном сквоте на канале Грибоедова, деля мастерскую с известной в городском андеграунде тусовщицей Никотиновной. Там, в этой мансардной светелке, Ольга безостановочно рисовала какие-то абстрактные картинки и зачитывалась одной-единственной книжкой Шри Арубиндо. Ольга была молода, красива, и это в сочетании со странностями ее характера привлекало к ней внимание романтично настроенных молодых интеллектуалов.

Забавное, но достаточно спартанское житие в замусоренном сквоте, вечно полном малознакомых гостей, продлилось полгода. После, задорно подмигнув, ей широко улыбнулась удача — любимая преподавательница из архитектурного техникума узнала о мытарствах своей ученицы на пути к искусству и попросила своего супруга, главного архитектора Эрмитажа, похлопотать по поводу мастерской. Благоволеньем этого отзывчивого человека никому не известная молодая художница получила стометровую квартиру на Миллионной улице, неподалеку от самого Эрмитажа.

Жизнь закрутилась как в чудесной сказке. Ольга с наслаждением погрузилась в работу и закружилась в хороводе новых встреч. Она познакомилась с самыми интересными представителями неофициального искусства, стала рисовать, снимать короткометражные фильмы и участвовать в выставках. А вот совсем недавно все так сложилось, что творческий поиск занес ее в Германию, и она снова встретилась со своими друзьями. Успевшие обосноваться и получить немецкие паспорта Зарема и Макс приютили ее в своей квартире, и она поселилась на их гостевом диванчике.

Рождественский Берлин встретил Ольгу тысячами огней и неожиданно пришедшим ощущением творческой перспективы, легкости и свободы. Уезжая, она условилась со своей подругой Ветой Померанцевой, что будет искать в Германии возможности и заинтересованные организации для участия в съемках их совместного кинопроекта. С этой целью она разыскала в Берлине Катю Беккер и договорилась с ней о встрече.

Направляясь на встречу с Ольгой Тобрелутс, Катрин Беккер по-прежнему не могла точно вспомнить, кто же на самом деле эта Ольга. Во время телефонного разговора по-дружески болтавшая

Ольга назвала имена Тимура Новикова, Георгия Гурьянова, Владика Монро, Виктора Тузова, рассказала, что она встречалась с Катей на Фонтанке, и еще про какие- то немецкие перформансы. Но представить ее лицо Катя все равно не могла. Уехав из Ленинграда два года назад, она погрузилась в тысячу дел, и этот водоворот берлинской жизни тащил ее не останавливаясь. Теперь та неспешная жизнь, которой она жила несколько лет в Ленинграде, вспоминалась как сказка, и потому любой звонок из того мира мысленно возвращал ее в ту странную квартиру, всплывали в памяти люди, события, разговоры, мысли и пережитые чувства Вот и сейчас, даже толком не вспомнив приехавшую из Ленинграда девушку, Катрин уже мчалась к ней на встречу.

Выйдя из подземки, она оглянулась и, не увидев никого знакомого, закурила Ждала она долго, минут тридцать и, расстроившись из-за русской необязательности, решила найти ближайший таксофон и отменить встречу на киностудии.

— Катя! — послышался сзади звонкий голос. — Катя, прости, я опоздала. Запуталась в метро.

По лестнице, ведущей из подземки, поднималась запыхавшаяся молодая особа в синем парике. Взглянув на ее светящееся радостью лицо, Катрин сразу вспомнила ту девушку, которая часто приходила играть в шахматы к Георгию и бывала на вечеринках «Танцпола», часто в этом же самом парике.

— О, привет! — радостно воскликнула Катя. — Я, честно говоря, два дня не могла понять, кто же мне звонил?

— Теперь вспомнила?

— Да, конечно!

Оживленно разговаривая, девушки зашагали в ногу в через несколько кварталов оказались уже на вокзале. Когда они уселись в вагон электрички, Ольга стала рассказывать все новости художественного Петербурга. Катя слушала с большим интересом, расспрашивала и узнала о друзьях массу интересного.

— А как поживает Леша Хаас? Я так скучаю по той квартире на Фонтанке и ребятам.

— Той квартиры давно нет. Они устраивают теперь огромные вечеринки. У нас настоящая клубная революция. Алексей со своим братом и друзьями открыли подземный клуб «Тоннель». Но теперь это уже не те вечеринки, с которых все начиналось в девяностом году, — теперь там и деньга, и бандиты, и милицейские погромы. Многое поменялось.

Ольга прервалась и, забыв на минуту обо всем, стала сосредоточенно рассматривать разбегающиеся в разные стороны рельсовые пути. Когда она очнулась от этой медитации, Катя

сказала:

— Я по твоей просьбе договорилась о встрече с директором киностудии, но расскажи мне, пожалуйста, о чем пойдет речь.

— Это очень интересно! — затараторила Ольга — Я организовала в Ленинграде кафедру изучения орнамента, а моя подруга Бета Померанцева занималась съемками фильмов. Мы объединили усилия и решили сделать совместный проект: снять альтернативное кино. У него довольно сложная психоделическая суть. История о человеке, исчезающем в пространстве, и пространстве, отображенном в этом человеке. Это красочное, со множеством геометрической графики кино, но начали мы, конечно, по-любительски, и ничего хорошего не получилось.

— А что вы делали? — стала расспрашивать Катрин.

— Снимали за городом, на природе. Актерами были Владик Мамышев, Андрей Гамаюн и группа «Пепси». Октябрь месяц, холод ужасный. Они все голые, мы красили им тела гуашевыми красками и пробовали снимать на шестнадцатимиллиметровую камеру. Владик изображал бога солнца, а девушки — его окружение. Камера была дрянь, да и эффекты получились так себе, так что почти весь материал пришлось выкинуть. Но Вета написала прекрасные тексты. Мы хотим по этому же сценарию снять новый фильм, но смонтировать его на настоящем оборудовании, наполнить эффектами, озвучить.

Катя на минуту задумалась.

— То место, куда мы сейчас едем, — ответила она, — это пригород Берлина, территория бывшей ГДР. Киностудия была крайне запущенная, старая, без техники, а сейчас ее переоснастили, и там новейшее оборудование и компьютеры.

Поезд стал снижать скорость и через какое-то время остановился у платформы. Городок Бабельсберг, небольшой и тихий, утопал в зелени и чем-то напоминал Царское Село под Петербургом. Добравшись до киностудии, барышни были препровождены в офис, где были любезно встречены герром директором. Шустрый, вертлявый, не по годам молодо выглядящий, седой директор представил девушкам своих коллег, все расселись за овальным столом, и Ольга запета соло. Катрин переводила, едва поспевая за пулеметными очередями, которыми энергичная рассказчица расстреливала ошарашенных киношников. Ольга вытащила из сумки фотографии с ранних съемок, махала руками, набрасывала сопроводительные рисунки, показывала гримасы, ходила по комнате, восклицала, говорила громко и веско. Напор выдаваемой информации и ее чуть съехавший от возбуждения парик так подействовали на собравшихся, что тут же была организована экскурсия по

киностудии. Развеселившийся директор лично сопровождал девушек, и когда, осмотрев технические чудеса студии, все вернулись в кабинет, произнес пламенную речь. Помянув разные аспекты, касающиеся некоммерческого кино, директор обрисовал девственное состояние студии, ее фантастическое оснащение и в конце согласился участвовать в этом проекте всеми возможностями киностудии — требовались лишь три вещи: сценарий, актеры и добрая воля. Успех переговоров был колоссальный.

В Берлин девушек отвез на машине некий Ульрих Вайенберг, господин, присутствовавший при общей беседе с директором и представившийся профессором компьютерных технологий.

Возбужденная неожиданно открывшимися перспективами и возможностями, Ольга начала звонить в Петербург. Ее обуревали восторг и кипучая энергия. Но случилось непредвиденное — оставшаяся на родине подруга впала в образ подозрительной собственницы и неожиданно заявила, что написанный ею сценарий неотделим от нее, а потому она может только самолично отвезти его в Германию. Подруги разругались в пух и прах. Неожиданно после полета в небо Ольга уткнулась в темную безысходность. Поначалу она еще увещевала строптивую сценаристку, но та упорствовала, и в результате последним, что Померанцева услышала от Тобрелутс, было «Дура!».

Ольга оказалась в весьма сложной ситуации: получив полное согласие от директора студии, она теперь должна была предоставить сценарий и обсудить подготовку к съемкам, но сценария не было, и все шло прахом.

Испытывая невероятный стыд перед Катей, представившей ее директору студии, Ольга три дня никому не звонила и мучилась.

Прошло еще несколько дней, и вот однажды, роясь в карманах, Ольга вытащила визитку.

— Ульрих Вайенберг, профессор, — прочитала она.

Тут же припомнился обходительный мужчина, подвозивший их с Катей в Берлин на своем «мерседесе» и всю дорогу рассказывавший про какую-то виртуальную реальность. Набрав номер телефона, она на ломаном английском спросила этого самого Ульриха и неожиданно легко договорилась с ним о встрече. Дом, который ей следовало найти, находился на площади рядом с зоологическим садом. Подойдя к институту, она увидела стальную табличку с надписью «Art Com».

Профессор Ульрих, в джинсах и свитере, встретил русскую художницу и повел показывать свой институт. Профессор знал десяток русских слов, художница — три немецких и сто

английских, и вот таким манером они неожиданно разговорились. Институт занимал два этажа огромного здания. Прозрачные, перетекающие друг в друга пространства представляли собой настоящую научную лабораторию, полную компьютеров, механизмов и всевозможной техники. Тут было все: мощнейшие компьютеры, лаборатории с людьми в скафандрах, невиданные трехмерные скульптуры, но самыми запоминающимися оказались огромный зал виртуальных тренажеров и стеклянный холодильник, в котором находился сервер института.

Еще во время первой встречи в Бабельсберге профессор заинтересовался рассказами русской художницы о качестве перетекания одного плана в другой, которого она хотела бы добиться в своем фильме, и сейчас повел ее в просмотровый зал. За несколько лет работы институт накопил огромное количество трехмерной графики и всевозможной анимации. Показав Ольге, как действует кофейный автомат и откуда извлекать материалы для просмотра, он оставил ее в одиночестве.

Через три часа, с трясущимися от выпитой годовой нормы кофе руками и перегруженной от увиденного головой, Ольга выбралась из просмотровой комнаты и, пошатываясь, отправилась разыскивать профессора. Тот еще издали заметил ее лунатическое состояние и, улыбнувшись произведенному эффекту, вручил ей пластиковую карточку с магнитной полосой.

— Что это? — удивленно спросила Ольга.

— Это карта студента. Вы можете приходить к нам и заниматься компьютерами. Мы бесплатно проведем для вас курс по этим технологиям. Надеюсь, это поможет в вашем творчестве.

Не веря своим ушам, Ольга приняла карточку и, поблагодарив профессора тысячу раз, счастливая вышла на улицу.

Целый месяц до конца своей визы Ольга ходила в «Art Com» и с головой погружалась в компьютеры. Зная об их существовании только по фильмам и впервые столкнувшись с ними, она была потрясена новой, столь неожиданно открывшейся перспективой и фантастическими возможностями, а более всего — красотой и ясностью кибернетического разума. До красноты глаз она целыми днями таращилась в мониторы, постигая хитроумную машину, засыпала от усталости в институте, перезнакомилась со всеми его сотрудниками, училась, работала, от всего этого похудела как щепка, но стала разбираться в основах и получать первые результаты. Привезенные с собой материалы она перевела в

электронные файлы и стала создавать из них новые картины. Профессор Ульрих навешал русскую студентку, помогал советами и прикрепил к ней молодого компьютерщика.

Веселый и коммуникабельный Гюнтер был двадцатипятилетним асом виртуальной анимации, а кроме того — весельчаком и модником, завсегдатаем берлинских клубов и поклонником электронной музыки. Вещи, которыми он сам занимался, были настолько сложны, что Ольга испытывала к нему чувство благоговейного трепета. Когда занятия в институте подошли к концу и Ольге нужно было уезжать в Петербург, Гюнтер показал ей недавно вышедший на экраны фильм «Газонокосилыщик» и в качестве прощального подарка предложил испробовать виртуальную реальность. Предложение было настолько заманчивое, что отказаться было невозможно.

Для первого знакомства хитро улыбающийся Гюнтер предложил попробовать симулятор с программой полета боевого звездолета. Впечатляющего размера устройство представляло собой вывешенный на гидроопорах механизм, имевший три плоскости вращения. Усадив подопытную в кресло, Гюнтер плотно пристегнул ее тело, руки и ноги специальными ремнями, надел на голову скрывающий лицо тяжелый шлем, уложил ее ступни на педали, руки — на управляющие джойстики, а сам уселся за контролирующий компьютер.

— Смотри! — раздался в наушниках электронный голос Гюнтера.

Темный экран шлема вспыхнул, и Ольга увидела сложнейшее трехмерное пространство, нарисованное зелеными линиями. В сетке этих линий угадывался тянущийся за горизонт ландшафт и смутные очертания каких-то строений.

— Это планета, где ты делать война. Смотри!

В одну секунду сетчатый мир окрасился, возникла за сыпанная обломками метеоритов планета, появились фантастические здания, мосты, космопорты, в темно-фиолетовом небе двигались космические капсулы, а снизу к ним тянулись огненные нити выстрелов.

— Ты — солдат! — командовал в шлем Гюнтер. — Это война. Смотри! Правая нога — вперед! Левая — стоп! Правая рука — ориентация! Левая — вооружение! Медленно, медленно! Старт!

Внезапно ее окружили звуки. Это был рокот гудящего за спиной ракетного двигателя, команды компьютера, выстрелы, разрывы и вой проносящихся мимо боевых машин. Кресло завибрировало и подалось вперед. От неожиданности Ольга сжала джойстик в руке, и с глухим рокотом заработала крупнокалиберная носовая пушка. Улетевшие к цели снаряды

достигли какого-то здания, и из установленной на его крыше огромной неоновой собаки брызнул фонтанчик дымящихся осколков. Перед глазами зажглись бегающие цифры, различные параметры, датчики и приборы.

— Вперед! Вперед! — надрывался в наушниках голос Гюнтера.

Ольга от испуга нажала педаль и всем телом ощутила вжимающее в кресло ускорение. Космический город качнулся, подался навстречу и стал быстро приближаться. Навстречу ей выскочили два боевых корабля и, стреляя спиральными молниями, предприняли попытку тарана. Последнее, что она успела разглядеть перед тем, как зажмуриться, было страшное лицо злобного инопланетянина в кабине вражеской машины. Рука импульсивно дернулась, ее корабль завалился, а вместе с ним перевернулись картина боя и сам пилот. Страшно вибрируя, кресло опрокинулось, и пристегнутая Ольга закружилась вверх ногами. Столкновения удалось избежать, но теперь, вращаясь волчком, приходилось удирать от насевших сзади преследователей. Ее догоняли яркие росчерки выстрелов. Начиная понемногу ориентироваться, Ольга заработала джойстиком, ее звездолет качнулся, зарылся носом и, резко уходя к земле, вошел в штопор. Заломив кривую и выровняв курс, она влетела в космический город, обстреляла монстров и едва не врезалась в стальную балку, выпиравшую из разрушенного здания. Скорость боя нарастала. Кресло, к которому она была пристегнута, крутилось во всех направлениях, вздымаюсь вверх, заваливалось и тряслось. Вошедшая в раж Ольга, не слыша себя в шуме боя, кричала по-русски, верещала и охала, а наставник Гюнтер умирал со смеху, наблюдая ее кульбиты на экране монитора.

Через несколько минут ее окончательно подбили, и сеанс закончился невероятным по реализму падением звездолета на дно индустриального ущелья, полного биологических роботов.

Когда Гюнтер отстегнул задыхающегося от волнения пилота, Ольга вывалилась из кресла мягким комом. Смешавшиеся рефлексы и полная путаница в голове так закрутили нервный узел, что она с большим трудом смогла добраться до диванчика. Глаза горели, волосы были всклокочены, руки дрожали, и, пытаясь восстановить душевное равновесие, она выкурила три сигареты подряд. Гюнтер с тревогой наблюдал за ученицей, предложил ей коньяку из фляжки, но когда она стала возвращаться, немного успокоился и выключил оборудование.

Через полчаса они уже шли по вечернему Берлину, Ольга с

хохотом рассказывала о своих ощущениях. Мир, машины на улицах, Гюнтер, инопланетяне, война на планете, бой, горящий звездолет, роботы — все смешалось в ее голове. В таком сумбуре она дошагала с Гюнтером до станции метро и стала прощаться.

— Все! Спасибо! Завтра я улетаю. Но я обязательно вернусь!

— Завтра? — задумчиво повторил Гюнтер.

— Да, вечером.

— Так пошли с нами в клуб, — неожиданно предложил он. — Мы с друзьями сегодня идем на технопати в мой любимый клуб. Это интересно для тебя?

— Конечно! — после недолгого раздумья согласилась она — Я обожаю вечеринки. У нас в Петербурге есть свой клуб в подземном убежище.

Быстро столковавшись, парочка круто изменила маршрут и маленькими улочками пересекла два квартала. Вскоре они достигли цели и через арку вошли во двор огромного нежилого здания. Разрисованные стены вздрагивали от плясавших по ним отсветов горящих костров. Откуда-то — казалось, что из-под земли — бухала музыка, на улице вокруг бочек с огнем, весело шумя, толпилась молодежь. Гюнтер быстро сориентировался, нашел приятелей и тут же познакомил их с русской. Ольгу приняли очень радушно, стали расспрашивать про Ельцина и Горбачева, предложили сигарет, нива, и, когда неприметная дверь подвала распахнулась, ее со смехом потащили внутрь.

Клуб размещался в подземном гараже огромного полуразрушенного гэдээровского универмага. Выглядело все довольно примечательно: серые бетонные стены, колонны с оранжевыми полосами, круглый металлический бар в центре танцпола, безумно громкая музыка и минимум света. Клуб в считанные минуты наполнился людьми, и молодежь образовала в нем настоящий водоворот. Решив ничему не удивляться и во всем участвовать, Ольга очень скоро оказалась в гуще танцующих. Но зная здесь никого, кроме весельчака Гюнтера, она не чувствовала робости и самозабвенно вытанцовывала среди незнакомых людей. Радость бурлящими пузырьками проникала в сознание, и в душном невентилируемом помещении ей быстро удалось почувствовать себя своей. Весь месяц, прожитый в Германии, все окружавшие ее люди, случившиеся с ней события — все доставило ей массу приятных впечатлений и несомненную пользу. Счастливо улыбаясь и танцуя, она вспоминала, как послала к черту свою подругу; ей нравились картины, которые она делала в институте, у нее появились новые друзья, она сама стала новой, и впереди ее ждало только хорошее.

Музыка, заставившая трепетать сердце, неслась дальше и дальше, Ольга захотела пить и стала пробираться к бару. Когда она уже разглядывала быстро потеющий от духоты стакан воды, на нее налетел хохочущий Гюнтер. По всему было видно, что он находится в необыкновенно приподнятом настроении. Гюнтер залопотал по-немецки, но потом поправился и стал изъясняться по-английски. Говорил он быстро и сбивчиво, постоянно срываясь на смех. Через некоторое время, сообразив, что Ольга по-прежнему пребывает в веселом недоумении, приобнял ее за плечи и крикнул на ухо:

— Скажи: а-аа!!!

Ольга рассмеялась его дурацкой просьбе и, широко раскрыв рот, пропела:

— А-а-аа!!!

Мгновенно этим воспользовавшись, Гюнтер двумя пальцами вложил ей в рот маленькую бумажку и, подняв вверх большой палец руки, состроил выразительную гримасу.

— Это хорошо! Ешь! — прокричал он на ухо Ольге, с сомнением шарящей языком во рту. — Это эсид! Будем танцевать!

После этих слов он радостно взвыл и, замахав руками, кинулся в танцпол. Быстро сообразив, чем угостил ее Гюнтер, Ольга несколько секунд раздумывала, но так ничего и не решив, проглотила горьковатый клочок изжеванной бумажки. «Какая разница?!» — не то подумала, не то приказала она себе.

— Я восьмерка! Я восьмерка! — звучало в голове громко и ясно.

Это численное определение было самым точным из всех словосочетаний, способных описать те телодвижения, которые Ольга выделывала под грохочущей колонкой. Давно забыв себя у бара, она вышла из собственной оболочки и, повинуясь прозвучавшей команде, утекла к месту наибольшей концентрации звука. Изливающаяся из горы черных ящиков энергия позволяла совершать телом замедленные движения, напоминающие восьмерку и составленные из сотен более коротких движений. Эти мелкие неконтролируемые движения, в свою очередь, энергичным пульсом прокачивали питающую субстанцию через мускулы и передавали полученные результаты сознанию. Постоянно видя свои летающие в стробоскопическом свете руки, Ольга попыталась перестать управлять ими и вдруг поняла, что если бы даже захотела, то не смогла бы этого сделать. Поразившись этому, она попыталась сконцентрироваться, чтобы такое управление стало возможным. Ничего не получилось. Ни сразу, ни потом.

«Восьмерка», это закольцованное движение, закрутившее ее тело, оказалось лентой Мёбиуса, неуправляемым сигналом, сбоем программы, чьим-то вмешательством. Ольга не осознавала всего происходящего вокруг, пока с трудом не опознала самого места событий. Только тогда ясно вспомнился страшный, потрясший обшивку корабля удар, дым из горящего двигателя, пронзительный писк приборов и тошнотворное падение в глубину дымящейся пропасти, полной врагов из атакуемого города. Она вспомнила, как разбился звездолет и потом наступила темнота. Из этой темноты к покореженной машине поползли жуткие чудовища, а дальше был провал.

Это они, теперь все ясно, она по-прежнему находится в этой наполненной невероятным грохотом яме, едва уцелевшая и оставшаяся один на один с зацикленно двигающимися роботами. Она с ужасом поняла свою беззащитность, но в то же время осознала, что сбой в программе действует и на массу этих существ.

— Нужно выбираться! — прозвучал в наушниках чей- то голос.

— Нужно спасаться! — повторила его Ольга и невероятным усилием воли попыталась перебороть воздействие поврежденной программы.

Провал, в который свалился подбитый корабль, оказался страшным местом, найти выход она смогла не сразу. Бетонные развалины были плохо освещены, гремели страшные звуки, и слышались переговоры роботов, общавшихся на непонятном диалекте. Постоянно оглядываясь, замирая и падая от страха, она долго рыскала по подземелью, пока наконец не нашла лестницу, ведущую наверх. На вершине этого бесконечного подъема, в проеме открытой двери стояли два голых по пояс робота, от которых в ночное небо валил пар.

«Сварились», — решила Ольга, осторожно пробираясь между ними на свежий воздух.

Миновав дымящихся, Ольга выскочила наружу и даже вскрикнула от неожиданности. Перед ней стояла толпа призрачных существ, а посреди нее был один, одетый в серебряный скафандр. В вытянутой руке он держал горящий факел. Ей показалось, что при ее появлении призрачные радостно завыли, а взбодренный их голосами серебряный махнул факелом и выпустил изо рта длиннющую струю оранжевого пламени. Поняв, что это начало конца, Ольга рванула с места и помчалась без оглядки. Пытаясь найти выход из этого страшного мира, она с безумными глазами неслась по двору универмага, и только пробежав круг, разглядела арку и вылетела на улицу.

Силы скоро кончились, и ей пришлось остановиться, чтобы передохнуть. Жуткое место, где разбился ее звездолет и где в огне едва не погибла она сама, осталось далеко позади. Преследования не было. Задыхаясь в атмосфере чужой планеты, она присела на землю, и в это время со страшным воем ее объехало такси. Программа снова ожила и начала свое преследование. Ольга вскочила на ноги и поняла, что отдыхала посреди дорога. Ночной Берлин, окружавший ее, предстал в образе того самого злополучного города, над небом которого она еще недавно билась с врагами галактики. Чувствуя, что не стоит этого делать, она все же медленно обернулась и, подняв голову, уставилась на неоновую рекламу «Дойче Банка»: на крыше высоченного стеклянного здания сидела невероятных размеров собака, горящая оранжевыми линиями. Не поверив тому, что видит, Ольга отшатнулась и поняла, что ее движение замечено — чудовище шевельнулось. Она попятилась, зашагала назад и увидела, что по всему туловищу исполинской собаки побежали разноцветные искры. В то же время стало ясно, что собака не одна На крышах еще по крайней мере пяти зданий, приготовившись к прыжку, сидели такие же огромные звери, отличавшиеся от первой только размером и разнообразием ослепительных расцветок.

Бежать! Бежать!

И она побежала по Ораененбургер-штрассе. Побежала с такой скоростью, что местами обгоняла свой собственный страх, дико стучавший пульсом в голове. Свора неоновых собак сорвалась с крыш и беззвучно погналась за ней, раскидывая по улицам россыпи светящихся точек. Ольга бежала, сколько хватило сил. Постоянно оборачиваясь, она видела горящих собак и понимала, что они настигают и ей не уйти. Выбившись из сил, она стала задыхаться и тут увидела стоявшего посреди улицы давно подбитого и полностью сгоревшего робота. Его обуглившаяся до черноты голова была хорошо различима на фоне каких-то светящихся руин.

«У него должно быть оружие! — мелькнула в голове спасительная мысль. — К нему!»

Вызвав свои последние силы и дрожа всем телом от страха, она рванулась вперед и едва не сбила с ног мирно курившего у автобусной остановки африканца. Увидев еще издали невменяемую девушку, мчащуюся глубокой ночью по пустынным улицам Восточного Берлина, он поначалу не обратил на это внимания, но когда девушка с размаху налетел а на него, повисла на груди и что-то жалобно залопотала, все понял.

— Это трип. Не волнуйся, — как мог успокоил ее темнокожий

парень.

9

— Андрей! Ты где? Зачем ты опять куришь?! Я же просил а тебя не курить траву в квартире! И вообще не курить! У меня же Лиза, почему она должна дышать твоим дымом?! Почему ты молчишь?! Я так больше не могу!

Андрей сидел на узком подоконнике, прижавшись плечом к холодному стеклу, и, прищурившись, смотрел в окно. Тьма февральского вечера шевелила неясные силуэты деревьев, а в плохо прикрытой форточке скулил подвывающий ветерок. Андрей смотрел вдаль, но безрадостный уличный пейзаж, нарисованный двумя оттенками траурно-черной сажи, расплывался в табачном дыму. Где-то в глубине этого призрачного рисунка на качающейся от ветра проволочной волне висела искрящаяся в ресницах лампочка, а еще дальше за ней в морозном воздухе мерцало северное сияние городского электрического зарева.

Андрей сидел на этом подоконнике впервые. Вот уже полгода его мучительно раздражало, что он не может на него присесть, он молча дулся на закрытую дверь комнаты и копил бешенство. В этой маленькой комнатке до вчерашнего дня жили Маринины друзья-немцы, снимавшие у нее эти двенадцать квадратных метров. Тихие и чистоплотные студенты-гуманитарии уходили на учебу рано утром, а появлялись вечером, коротко ужинали и тихонько исчезали в своей келье. В целом это были мирные и безобидные ребята, но все же он вынес им приговор еще тогда, когда впервые появился в этой квартире. Они раздражали его своей приветливостью, ровным, незаинтересованным общением, немецкой педантичностью в быту и безэмоциональностью.

«Рыбы, а не люди» — прозвал он их про себя и записал в черный список. Но не эта их склизкая аморфность раздражала Андрея больше всего — немцы всегда появлялись не вовремя. Они бесцеремонно входили в кухню только тогда, когда он сажал Марину к себе на колени или начинал целовать. Бескомплексные студенты близоруко пялились на них через свои круглые очочки, а он ловил на себе их взгляды и спиной ощущал в них скрытое насмехательство. На своем тарабарском языке немецкие жильцы наверняка обсуждали его жеребцовую активность и Маринины стоны, потому как слышали по ночам частые шлепанья их босых ног в ванную комнату. Так из этой двенадцатиметровой комнатки они постепенно переселились в его ежедневное раздражение и очень скоро до смерти ему надоели. Прошло еще какое-то время, и Андрей тихо их возненавидел, как ненавидят коммунальных

соседей, как ненавидят врагов.

Как только появилась ненависть, обстановка в квартире начала накаляться.

Марина задыхалась от его сумасбродства, но поначалу решительно отказывалась видеть причину их частых скандалов в своих тихих друзьях. Андрей не унимался.

В квартире полгода висело напряжение, и наконец немцы молча собрали сумки, оставили на столе ключи и пропали без записки. Поначалу Марина думала, что они вернутся, а поняв, что потеряла друзей, набросилась на своего мучителя.

— Ты мне всю душу вымотал! Чем они тебе мешали? Какая гадость получилась!

— Они меня достали, — буркнул с подоконника Андрей. — Я хочу ходить голый по квартире. Я ненавижу коммуналки. Здесь всего сорок квадратных метров…

— Ну уж извини! Сколько есть! Тебе все время что-то не так! Все не по-твоему!

Андреи повернул лицо и холодно посмотрел в хорошо знакомое, но разгневанное лицо своей подруги.

— Да! Не по-моему! — взъярился он, вскакивая на ноги.

— К черту все! К черту эти сорок метров! К черту твоих друзей! Этих и тех, что, пока меня нет, дарят Лизе гребаных медведей!!!

— Каких медведей?! — лицо Марины сделалось бурым от ярости. — Каких медведей?! Что ты с ним сделал?! Лиза! Девочка моя, иди ко мне!

Она выбежала из комнаты, а Андрей неожиданно зло усмехнулся ей вслед:

— Я его казнил.

Он, рассвирепев, действительно разорвал в клочья красивого плюшевого медведя, не без оснований подозревая, что он подарен Лизе одним из давних Марининых воздыхателей. Часто повторяющиеся приступы ревности давно душили его, но эта выходка превзошла все мыслимые пределы. Марина вбежала в комнату с комком развороченной ваты, а сзади нее послышался пронзительный плач маленькой Лизы.

— Гад! Сволочь! Я тебя ненавижу! Как ты посмел?! Ведь она же все утро, пока мы спали, тихонько искала его, а нашла в мусорном ведре.

— Я тебя предупреждал — еще одно свидание у меня за спиной…

— Какое свидание! Я знаю этого человека десять лет. Это взрослый человек, он просто мой друг.

— К черту твоих друзей!

— Знаешь что! К черту тебя! Не нравится моя жизнь — убирайся в свою. Ты уже это делал! Мне надоели твои спектакли!

Не видя дна в колодце своего бешенства, Андрей резко шагнул к ней и крикнул:

— Скоро уйду!

Марина в ужасе отшатнулась и побледнела еще больше.

— Ты меня не любишь, — тихо произнесла она, и слезы потекли у нее из глаз. — Я давно это вижу. Так не поступают с теми, кого любят.

Андрей хотел сказать еще какую-то резкость, но ее неожиданные слезы горячими стрелами вонзились в его холодное сердце. Он не мог видеть, как она плачет. В последнее время она часто плакала, и только это ненадолго смиряло его с собственной неудовлетворенностью. Марина не понимала, что его постоянно раздражает, или не хотела понимать, а потому пришла к одному-единственному женскому выводу.

— Ты меня не любишь, — закрывая лицо руками, повторила она и опустилась на пол.

— Люблю… — коротко бросил Андрей, но тут же осекся.

Вся эта сцена с плачущей на полу Мариной меньше всего походила на тот фонтан восторга, с которого пол года назад начинался их роман. Теперь же, прожив с ней эту короткую жизнь, Андрей начал чувствовать, что сходит с ума.

Причины этого безумия были похоронены у него глубоко в душе, но он, по правде сказать, ни разу не копался в себе, доискиваясь ответов.

А напрасно — там было все: и гадкое чувство, что он у нее не первый, и несовместимость жизненных интересов, разница в возрасте, его постоянное курение марихуаны, отсутствие жизненной мудрости и стремление получить все сразу.

Еще в самом начале их романтических отношений Андрей понял, что Марина не ценит его любви к ночному клубу. Это уязвляло его гордыню и не позволяло рассчитывать на нее как на партнершу по психоделическим оргиям. Она не курила, практически ничего не пила, не слушала музыку, вела очень размеренный образ жизни и только морщилась, когда он, воняющий прокуренным клубом, приходил домой и заваливался спать. Но и это было бы ничего. Беда была в том, что когда он просыпался, то оказывался в плену строго отформатированного и довольно традиционного уклада ее жизни.

Вот тогда и начиналось удушье. Ему хотелось страстных экспериментов и безудержного секса, а Марине нужны были чувство дома и хоть малая, но забота о дочери. Почти во всем он получал от нее желаемое, но истинной платой за это эротическое

счастье был ежедневный обряд смирения бушевавших в нем бесов, вершащийся на алтаре фальшивого семейного благополучия. Насилуя себя, Андрей даже начал общаться с ее родителями, пробовал подружиться с пресными друзьями, но ужасно скучал в их обществе и тихо бесился от распиравших его порочных устремлений. Наркотики и грязный секс — вот что мерещилось ему на этих скучных дружеских обедах.

Так он и жил двумя жизнями. Одной с ней, другой в пьянящем разврате подземного мира, но страсть к бесконечным наслаждениям уже давно перевесила в нем былую любовь к ее тихому дому, и их счастье полетело в пропасть конца.

Была еще одна причина, отравившая это яркое счастье. Он взвалил на себя слишком тяжелый груз ответственности за ее ребенка, а после бесился и трусил себе признаться, что не хочет его дальше нести. Тогда, в самом начале их отношений, он суетливо пытался вообразить себя счастливым главой семейства, а потому неизвестно зачем приучал крохотную Лизу называть себя папой. Прошло некоторое время, он добился своего, и девочка к нему привыкла, но он вдруг отчетливо понял — это не его ребенок, чужой, и он его совсем не любит, более того, никогда и не сможет полюбить. Андрей начал ревновать Марину и к этой девочке. Его бесило, что у матери с дочерью есть свой собственный мир, в котором ему нет места и где с его мнением никто не считается.

Еще больше эту трещину расширила Маринина мать. С первого дня его появления она невзлюбила худого и мрачного юношу и продолжала с ним общаться как с посудным шкафом. Тонко чувствуя ее отношение к себе, Андрей понимал, что оно является лишь проекцией тех разочарований, которые принесли все мужчины, бывшие с ее дочерью до него. Острая игла этой брезгливой правды все время колола в сердце и в конце концов продырявила его насквозь. Он попытался подружиться с ее отцом, ездил к нему на дачу, помогал. Потом и это прискучило, Андрей полностью охладел к семейным ценностям и стал абсолютно чужим в их жизни. Лишь изредка по каким-то еврейским праздникам Марина просила его съездить с ней и Лизой к родительскому ужину, там, сторонясь бесед и откровений, он отсиживался за столом, а после всегда жалел потраченного времени.

Сегодня, на зло и на горе, был один из таких родительских дней.

— Марина, — глухо позвал он сидящую на полуссутулившуюся и окаменевшую от обиды Марину. — Марина, ну, ну прости. Чего-то я так…

Марина не отвечала и только мизинцем утирала со щек влажную соль своих горьких обид. Находясь сейчас вместе с ней в этой отвоеванной комнате, Андрей чувствовал себя неимоверно гадко. Он замотал головой и в тысячный раз понял, что это конец и ему не сбежать из этой тюрьмы собственных ошибок. В одной комнате сидела плачущая Марина, в другой плачущая Лиза, оставались еще крохотная кухня с искусственными цветами и наполненная телефонным трезвоном гостиная. Но и там, и тут — везде было тошно, он сжег чувство радости, в доме стоял плач и царило уныние.

Из этой удушающей безысходности был лишь один выход. Андрей посмотрел в коридор на входную дверь.

— У моих родителей, если ты помнишь, — тихо и бесстрастно произнесла Марина, — сегодня годовщина свадьбы. Я купила подарок, так что очень тебя прошу не портить всем праздник. Собирайся. Я одену Лизу.

— Если это праздник, — глухо пробурчал Андрей, — то что же тогда серые будни.

— Вся моя жизнь с тобой превратилась в серые будни, — грустно призналась Марина.

Ужин в тесной хрущевской квартире уже сам по себе не сулит ничего приятного, а ужин в такой обстановке, да еще и в компании пожилых интеллигентов, презирающих никудышного сожителя своей несчастной дочери, — это просто пытка. Понимая, что нарубил сегодня уже очень много дров, Андрей скрепя сердце отправился с Мариной к родителям. Район, в котором они проживали, назывался Ульянка. Максимально удаленное от центра города, это гетто для малоимущих всегда навевало на него такую тоску, что ему каждый раз хотелось безотлагательно бежать оттуда.

Храня полное молчание, они добрались до родительского дома, поднялись на нужный этаж и оказались перед дверью, к которой была пришпилена открыточка с обручальными кольцами. В сухих поздравлениях Андрея никто не нуждался, поэтому Лиза сразу упала в руки обожаемого дедушки, а Марина отправилась на кухню помогать матери. Оставшись один в парадно декорированном ущелье из шкафов и гарнитурной стеночки, Андрей от нечего делать стал разглядывать праздничный стол и пришел к выводу, что вся эта брежневская застольная классика одинакова для любого случая. В миллионах одинаковых квартир миллионы людей из года в год всю жизнь ставят на столы все те же оливье, мимозу, куриные ноги, заливное, шпроты, и им все равно, что заедать этим набором: похороны, свадьбы, поминки

или новые года.

На сегодняшнее торжество Андрей прибыл с голодной резью в желудке, поэтому, придирчиво осмотрев разносолы, воровато оглянулся и быстро погрузил руку в блюдо с жареной курицей. Когда заложник страсти уже дожевывал украденный кусочек, двери распахнулись, и в комнату вошла красная как самовар Лизина бабушка. Маленькая Лиза хитро выглядывала у нее из-за спины и строила веселые рожицы. Аппетит Андрея как рукой смахнуло.

— Молодой человек! — гневно протрубила красная бабушка — Лиза рассказала мне страшные вещи! Как вы смеете портить ее любимые игрушки?! Вы что, дикарь? Я давно подозревала в вас одни дурные наклонности, но всему есть предел.

Проглатывая вставшую поперек горла курятину, Андрей не нашелся с ответом и мысленно послал всех присутствующих к черту.

— Мама, прошу тебя! — В комнату пошла Марина. — Мы сами разберемся.

— Му, тогда прошу всех к столу, — меняя интонацию на покорно-оптимистичную, шутливо скомандовала бабушка, но, повернувшись к Андрею, тихо прибавила: — Хотя вы, молодой человек, как я вижу, уже успели подкрепиться.

Испытывая многообещающий прилип отвращения, Андрей смолчал и демонстративно уселся за дальний край стола. Начался торжественный прием пищи. Понимая, что ничего хорошего уже не будет, Андрей нагреб себе кучу закусок и низко склонился над тарелкой. В полном молчании все чинно жевали и тихо звенели приборами. Ели долго, не торопясь, подкладывали добавку, запивали. По мере насыщения микроклимат теплел, и семейный айсберг с противоположной стороны стола начал оттаивать. Уже к концу холодных закусок Лиза рассказала вызубренный стишок, а Марина вручила родителям десятилитровую хрустальную вазу. Молодожены выпили водочки и повеселели.

Когда подали горячее, обстановка в гостиной и вовсе разрядилась, но тут случилось непредвиденное, и праздник покатился в неправильном направлении. Андрей надеялся отсидеться на дальних рубежах застолья, но бабушка прищурилась, определила расстояние, щелкнула под столом помповым ружьем и начала обстрел.

Это было ее личное ноу-хау, особая глумительная технология, изображающая разговор с любимой дочерью о несуществующем в реальности персонаже, гнусном позоре человечества, примитивном одноклеточном червяке, сухом

кроличьем дерьме. Это был разговор о нем.

Андрею как-то сразу стало легче, теперь уже не к чему было притворяться.

Действие этого акта под горячее стало быстро приближать всю комедию к финалу. Выслушивая о себе в третьем лице много нового и поучительного, Андрей только сдерживал дыхание. Видя, что назидание не идет впрок, бабушка сменила помпу на ручные фанаты и закидала его убийственными метафорами. Андрей заскрипел зубами, но и тут сдержался.

В разгар этого непринужденного веселья слегка захмелевший дедушка заскучал и неожиданно предложил ему выпить. Еще полгода назад, впервые оказавшись в этой квартире, Андрей обратил внимание на громоздящуюся в серванте уменьшенную модель Эйфелевой башни. Замысловатая бутылка метровой высоты содержала в себе ликер «Гальяно», необыкновенно желтого цвета и, судя по всему, такого же необыкновенного вкуса Это был любимый бабушкин ликер, который она предпочитала цедить наперстками. Сейчас, поднимаясь в атаку, Андрей кинулся к этому желтому снаряду, схватил его, как противотанковое ружье, прицелился в бабушку и начал разливать.

Месть — то блюдо, которое подается холодным. Надеясь на то, что в больших дозах «Гальяно» имеет очень мерзкий вкус, Андрей до краев наполнил им высокий дедушкин стакан, а после придвинул к бабушке только что подаренное ей хрустальное ведро и влил в него оставшуюся пару литров ликера.

Над пиршественным столом повисла гробовая тишина.

— Ну что же, можно и выпить. Долгие лета! — ядовитым голосом произнес Андрей, вытряхивая на дно фужера последние капли любимого бабушкой нектара

Он поднял этот пустой фужер и сквозь желтые разводы на его стенках дерзко посмотрел на противоположную часть стола

— Дурацкая выходка, молодой человек, — ледяным тоном сообщила бабушка.

— Пей до дна! — радостно запищала Лизочка, кидая в желтый бассейн мандариновую корку.

— Мама, — в ужасе шепнула Марина.

— Спасибо за угощение, — резанул ее шепот Андрей. — Было неплохо. Но буду прощаться. Всего.

Он встал, опрокинув стул, и выбрался из тесной комнаты.

— Мама, Лиза останется у тебя, я позвоню! — кричала где-то сзади Марина. — Лизочка, я завтра приеду, слушай бабушку…

Выйдя из подъезда на морозный воздух, Андрей так хлопнул дверью, что грохот прокатился по темному двору. Марина догнала его, когда он уже ловил машину на замерзшей улице.

Машин не было. Не приближаясь друг к другу, они долго стояли, потом еще дольше шли по спальным кварталам. В конце концов их подобрало случайно объявившееся такси, и мрачные новостройки медленно поплыли в запотевших стеклах машины.

Все это время они молчали. Даже не смотрели друг на друга. Молчали, но уже как-то по-новому, тяжело дыша, нехорошо. Нехорошее молчание нарушила разъяренная Марина:

— Ты что, дурак? Зачем ты сделал эту' гадость? Ты не имеешь права так обращаться с моими родителями. Тебе нужно врачу показаться. Ты психованный придурок, неврастеник и идиот! Я много видела психов, но ты круче всех! Надо ж е быть таким идиотом, чтобы…

Не успев закончить свою гневную тираду, Марина ойкнула, и тут же в теплый салон ворвался вихрь студеного ветра. На полном ходу Андрей рванул дверь и, зажмурившись, выпрыгнул из машины. Водитель ударил по тормозам, заматерился, машина мягко скрипнула резиной колес и остановилась. Возле распахнутой двери закружился снежный волчок.

Прокатившись кубарем несколько метров, Андрей вскочил на ноги и, прихрамывая, побежал по снежному полю по направлению к сияющему огнями далекому проспекту.

— Андрей! — разрезая сердце, закричала Марина.

— Эй, ты, мудак! — орал выскочивший водитель. — Голову свою не забудь!

— Андрюша!!! Андрей! Прости!

Тяжело дыша и размахивая руками, Андрей бежал по нетоптаному искрящемуся снегу, падал на колени, вскакивал, оглядывался и продолжал бежать. Последний раз с таким же надрывом он бежал пять лет назад во время зимнего марш-броска по заснеженной казахской степи. Тогда он задыхался от тяжести навешанного вооружения, но, обливаясь потом, доказывал себе, что сможет, как и все, пробежать эти пять километров под высоким куполом байконурского неба. Сердце выскакивало из груди, слезы яростного отчаяния текли по ледяным щекам, и в обморочной усталости ему казалось, что он умирает, но он продолжал бежать, как обезумевшая от хлыста ездовая собака, и добежал-таки до затерявшейся в снежной пустыне точке сбора.

Сейчас же, в расстегнутой куртке, без шапки, Андрей бежал по заснеженным помойкам юго-запада Петербурга, и из разодранной во время падения руки сочилась кровь. Ничего не чувствуя и не видя перед собой, он бежал, и только одна мысль стучала пульсом в его голове: «Все! Конец. Больше не могу. Не хочу. Не люблю. Ненавижу».

Без денег и документов, в заляпанной кровью одежде, страшный лицом и разбитый усталостью, он добрался к утру до Суворовского проспекта, поднялся на пятый этаж своего дома и увидел ее. Марина стояла у стены, бледная и испуганная, напоминающая дух страдания. Увидев ее блестящие от слез глаза, Андрей неожиданно ясно вспомнил тот самый день, когда вот так же на лестнице она отдала ему свое сердце. Тогда было жаркое лето, светило солнце, и радостно стучало в его руках это трепещущее сердечко. Сейчас же, серым февральским утром, он, пустой и разорвавший за ночь душу, смотрел на нее с остывшей болью в глазах. Подняв руку с ключом, как святой крест, онемевший от пережитого, Андрей промаршировал мимо нее и отпер взвизгнувший замок.

— Андрей, — тихо позвала Марина. — Андрей, — более настойчиво заиграл ее голос.

— Я больше ничего не хочу, — тихо шепнул он, скрываясь за дверью.

— Ты не можешь так со мной!

Выглянув из-за стального укрытия, он покачал головой:

— Не могу.

— Андрей. Андрей. Андрей!!!

Звонок звенел еще около часа, потом все стихло. Андрей поднялся с пола, сбросил одежду и зажег свет во всех комнатах. Родители на даче, Алексей в Москве, он снова дома, один. Дом, милый дом, как хорошо в его пахнущих индийскими благовониями покоях. С интересом отмечая изменения, произошедшие за время его долгого отсутствия, он прошелся по комнатам, нашел сигареты, закурил, вскипятил воды, напился чаю, потом наткнулся на себя в зеркале и замер от ужаса. Из темного стекла на него смотрел испуганный и изможденный, невозможно худой человек, с темными кругами вокруг наполненных печалью глаз. Вся его фигура как- то сгорбилась, он ужаснулся своему жалкому виду и дотронулся пальцами до собственного отражения. Худой и небритый человек в зеркале попытался улыбнуться.

— Иди спать, — неожиданно сказал он Андрею. — Все кончено. Теперь тебе нужно жить самому. Без нее.

— Без нее, без нее, — повторяя на разные лады, зашептал снова впавший в тревожное состояние безумец, лунатически перемещаясь по комнате.

Не раздеваясь, Андрей повалился на кровать и не успел закрыть глаза, как кто-то вытащил все скомканные мысли из горящей головы, и он лишился чувств.

Не видя снов, не помня печали, Андрей проспал в тишине своей крепости целый день. Негреющее солнце этого дня встало над замерзшим Петербургом, прокатилось по его свинцовой крыше и снова грохнулось за город, когда он только открывал глаза. Необыкновенная тишина и покой благотворно подействовали на его состояние, Андрей проснулся с улыбкой и окончательно пришел в себя в горячей ванне.

— Жизнь продолжается, — неуверенно предположил он, разглядывая в зеркале результаты собственной! реставрации.

— А то! — лукаво ухмыльнулся ему типчик в зеркале.

— Давненько я не видел своих друзей по шоу-бизнесу. Где Олег? Где Денис? Где все? Где мой клуб? Где, черт возьми, я сам?

Жизнь снова показалась ему молодой и привлекательной особой, с которой можно поразвлечься. Стараясь даже не думать о финале собственной любовной пьесы, он решил немедленно мчаться в клуб и поскорее обнять подземных братьев.

В ответ на эту мысль на столе пугающе громко зазвонил телефон.

— Да! Алло! Кто это? Кто… — Отодвинув от себя трубку, Андрей посмотрел на нее с ненавистью и затрясся всем телом. — Да! Нет! Нет, не хочу, плевать, ну и что, к черту! Не хочу!! Оставь меня в покое!!! Я тебе все сказал! Нет! Нехочу!!!

Грохнув трубкой по аппарату, Андрей выругался. Вспыхнувшая порохом нервозность враз вернула его во вчерашнее унижение. Татарин на четверть крови, он мстительно нахмурил брови, но тут же сломался, сел и ощутил тяжесть навалившегося зла Он был слишком слаб, чтобы после случившегося летать гордым орликом. Слишком болен духом.

Телефон зазвонил снова. Андрей мучительно зажмурился и, выждав десять звонков, ответил:

— Не звони мне больше никогда. Что? Кто? Извините, кто?

Звонил ему какой-то человек и, ссылаясь на общих знакомых, предлагал встретиться, обсудить предложение про какой-то клуб или еще про что-то. Не разобрав ничего толком из того, что сказал собеседник, Андрей согласился встретиться и повесил трубку.

— Меня ждет «Подземелье черных козявок», — немного повеселев, сообщил он сам себе.

Это детсадовское название появилось у клуба еще с первых вечеринок, когда сотни ног поднимали в танцполе клубы цементной пыли, и эта пыль забивала носы танцующих крепкими сопливыми козявками.

Собравшись с мыслями, Андреи переоделся во что смог найти

и отправился в Подземелье.

Своя, понятная, не замирающая ни днем ни ночью жизнь встретила его, как родной дом. Вернувшись в чистый, лениво отдыхающий перед выходными клуб, Андрей быстро отогрелся сердцем. Олег и Денис строили в офисе планы празднования грядущей годовщины клуба, Данила Ди Каприо чинил залитую кока-колой кассу, а в ярко освещенном танцполе техники «Мосфильма» готовили киноаппаратуру для съемок.

— Что за киношники? — поинтересовался Андрей, разглядывая столичных кинодеятелей.

— Тебя не было, — лениво отрапортовал Денис. — Снимают фильм «Музыка для декабря». О чем — непонятно, бред, наверное, но нам без разницы. Дали денег, попросили несколько съемочных дней. А ты как? Что-то вид у тебя невеселый.

— Вчера повеселился, до слез, — хмуро признался Андреи.

— Знаешь, — сказал ему Олег после рукопожатия, — сегодня раз десять звонила Марина…

— Олег, не нужно об этом. Не хочу.

— Как скажешь. Не мое дело. Но я очень рад тебя видеть, дружище. У нас масса дел и, право, хорошо, что ты снова с нами.

— Я ушел от нее.

— Что? Ушел? Как ушел?

— Убежал. Так получилось. Я в ней запутался, как в сетях.

— Бывает.

Олег тепло обнял друга за плечи, а когда отпустил, в его правой руке уже была бутылка мартини.

— Сердечные раны нужно промывать бухлом, а не слезами, — наставительно заявил многоопытный в делах любви Назаров. — Сейчас обработаем.

— Вот за это я тебя люблю, Назарчик! — засмеялся Андрей. — Ты никогда не бросишь друга в биде.

Олег жизнерадостно ухмыльнулся и, приготовляя всем коктейли, серьезно сообщил:

— Ты знаешь, до встречи с Аннетой я сам хлебнул ревучей страсти. Так что давай выпьем за муки любви.

Друзья потерлись пластмассовыми стаканчиками и состроили гримасы порочного наслаждения.

Но больше всех воскрешению Андрея обрадовался молодой Ди Каприо. За те две недели, что они не виделись, Данила успел соскучиться по другу, и сейчас, пока Олег отпаивал страстотерпца, он скороговоркой выкладывал ему клубные новости, а после того, как вермут закончился, принялся утешать на свой манер.

— Не переживай. Такое дело, тебе нужно развеяться. Забудь. Кругом баб немерено. Ты просто никого не замечаешь, смотришь куда-то в потолок. У меня есть пара-тройка проверенных малюток, — перешел он на доверительный шепот, — будешь в настроении — поджарим их как следует, сразу полегчает.

В офисе загремел огромный шахтный телефон в противовзрывном металлическом корпусе. Данила поднял трубку с откидным рупором, послушал и протянул Андрею:

— Тебя.

Андрей побледнел и отшатнулся.

— Там какой-то человек, насчет какого-то клуба, тебя спрашивает, — успокоил Данила. — Второй раз звонит.

— А, да! — просветлев лицом, обрадованно вспомнил Андрей. — Алло, да, хорошо, где, через час? Буду.

Олег, Денис и Данила с интересом ждали разъяснений.

— Интересная история, — сообщил друзьям повеселевший Андрей. — Какие-то люди хотят построить клуб. Зовут обсудить. Данила, послушай. Сделай одолжение. Не бросай меня одного. Поехали со мной.

— Да куда хочешь, генацвале, — радостно согласился Ди Каприо. Телефон загремел опять, но на этот раз трубку взял Олег.

— Алло, да. Привет, Марина. — Олег пронзительно посмотрел Андрею в глаза, но тот затряс головой и стал пятиться из офиса. — Нет, нет. Его нет. Был. Ушел. Ничего не сказал. В каком настроении?

— В хорошем настроении!!! — вдруг страшно громко и с яростной ноткой закричал на весь клуб Андрей. — Пел песню Колобка!

— Нельзя ли потише? — опасливо заглядывая в офис, поинтересовалась девушка — помощник режиссера. — Мы же кино снимаем.

Встреча с неизвестным, на которую они, к слову сказать, безалаберно опоздали, состоялась в недавно открывшемся казино на реке Мойке. В этом энергетически замкнутом месте, в полной тишине, с притушенным светом и зашторенными окнами бурлили никому не заметные с улицы финансовые страсти. Царящее здесь безвременье, без часов и света дня, произвело на Андрея странно знакомое впечатление. До этого момента он никогда не бывал в казино и даже не представлял себе подробностей этой древней как мир разорительной забавы для влюбленных в фортуну дураков.

За столами мореного дуба с зеленым сукном и блестящими

каруселькими рядами сидели молчаливые мужчины. Никто из играющих не шевелился, все подпирали руками тяжелые головы, курили и, следя за руками крупье, подкидывали на стол пластмассовые кружочки.

— Видал? — шепнул Данила. — Каждая фишка — десять долларов.

Их встретил улыбчивый молодой мужчина, коротко стриженный, невысокого роста, дорого и со вкусом одетый. Его смуглое лицо показалось Андрею немного знакомым, и тут сам инициатор встречи помог ему вспомнить подробности их знакомства.

— Мы несколько раз бывали у тебя в клубе. Я Альберт, — со значением сообщил он, предлагая ребятам сесть.

Тут и Андрей вспомнил эту самоуверенную компанию, иногда появлявшуюся возле клубного бара. Проблем, как помнится, они не чинили, поили своих длинноногих девушек да посматривали по сторонам.

— Вспомнил, — улыбнулся Андрей, — у тебя еще друзья такие, в костюмах.

К ним подлетела вышколенная девица с подносиком, в очень короткой юбке, наколке и с весьма впечатляющим бюстом. Данила поплыл затуманившимся взглядом по ее крутым бедрам.

— Всем коньяк и кофе, — распорядился Альберт. А потом, улыбнувшись, негромко сказал Даниле: — Будь осторожен, приятель, у нее парень кикбоксер, наш охранник, сидит у тебя прямо за спиной. Послушай, Андрей, — вернулся он к разговору, — мы тут порасспрашивали про это дело, ну, у разных людей. Все говорят, что по поводу клуба лучше всего обращаться к тебе.

— Какого клуба? — враз насторожившись, поинтересовался Андреи.

Альберт сделал успокаивающий жест и прояснил ситуацию:

— У нас есть место, ну и деньги соответственно. Мы тут с дольщиками прикидываем, чего наворачивать. Посчитали. Сейчас самое выгодное — клуб открывать. Народу с деньгами тьма. Мы хотим клуб, примерно такой, как. У тебя, но только чуть почище. У нас там молодняк, а к нам будут ходить люди постарше. И вам же лучше — меньше проблем. Чего скажешь? Мог бы взяться? Все придумать, ну и все остальное, что нужно?

Андрей глотнул огнедышащего коньяка, закашлялся и закурил сигарету.

— Понимаю, — хлопнул себя по коленям Альберт. — Нужно подумать. Это разумно. Мы люди простые. У нас шестьсот метров, три этажа и полмиллиона долларов. Надумаешь — приходи. Реши, сколько тебе нужно, и позвони. А сейчас, извини, ухожу,

дела.

Он пожал молодым людям руки и, легко поднявшись с кожаного дивана, направился к выходу. Черной тенью за ним следом поднялся высоченный лоб, с массивными костяшками на сбитых в драках кулаках.

— Видал? — тихо произнес Данила. — Всадник без головы.

— Сколько мы должны за коньяк? — поинтересовался Андрей у пролетавшей мимо обладательницы большой груди.

— Все за счет казино.

— А ты? — нахально шепнул ей улыбающийся Данила, убедившись, что охранник уже ушел.

Девушка покраснела от удовольствия и, собирая бокалы, наклонила в его сторону бездонный вырез своего декольте.

— Боже мой, — заерзал Данила, разглядев ее баскетбольные мячи.

— Я до часу, — теперь тоже шепотом сообщила официантка, разрывая молодого красавчика горящими глазами.

— Шуберта любишь? — продолжал глумиться циничный красавчик.

— И в «шуберта» люблю, все люблю… — горячо зашептала она ему.

— Тогда приходи как-нибудь в «Тоннель».

Разгоревшаяся фантазиями девушка облизнула губы:

— Приду.

— Но только одна, — наставительно прошипел Ди Каприо. — Будем хоум-видео снимать.

— Кино?

Глаза у потрясенной официантки озарились голливудской мечтой.

— Ага. Трое в лодке, не считая собаки.

Когда они уже покидали чертог сказочной удачи, Андрей, давно привыкший к Данилиным выходкам с девушками, сказал своему другу:

— Ты на этих насекомых как липучка действуешь. На тебя, как на дудочку, можно всех баб из города вывести.

Данила самодовольно улыбался и не возражал.

— Ну а что думаешь по поводу этих простых людей?

— Если у них тут все такие, как бойфренд этой шлюхи, то боюсь, что они тебе за свои деньги голову открутят.

— Страшновато, конечно, — согласился Андрей. — Важно понять, сколько денег просить.

— Проси пятерку, — воодушевленно воскликнул Данила.

— Пятерку, — скептически повторил Андрей, — поллимона,

три этажа. Нет. Пятеркой тут не отделаешься. Я думаю, это долгая песня, и больше чем уверен — на бредовую музыку. Пятнашка будет в самый раз.

— Пятнашка чего?

— Пятнадцать тысяч долларов.

— Справишься?

— Думаю, да. Поможешь?

— Ты же знаешь, я с тобой.

Друзья звонко шлепнули ладонями.

— А эта шлюшка — ничего себе животное, — мечтательно причмокнул Данила, припоминая поразившие его формы.

— Будь спокоен, тебе от нее не уйти, — ободрил его Андрей. — Теперь она знает, где тебя искать. Так что, когда найдет, заставит себя трахать и за тех троих, что были в лодке, и, черт возьми, даже за их собаку.

10

Мартовское солнце загорелось в сером небе, как скирда в поле, и зима враз захирела, подгнила обочинами дорог, обессилела, пошла пятнами луж и хлюпающей грязью под ногами. Сломав ее морозный норов, солнце нагрело ржанце крыши, отовсюду потекло, завоняло талой грязью, повылезали помоечные коты, и начались их крикливые свадьбы.

Андрей всегда особо нетерпеливо ждал марта. Для него этот месяц — последняя страничка очередного прожитого года, после марта наступал апрель, и он становился именинником.

Март пришел и начал считать свои веселые дни. Помимо традиционного праздника всех танцующих женщин 8 Марта, «Тоннель» подготовил и осуществил «Интернациональный удар». В Петербурге снова высадился английский десант: Nick Warren и Roman To. Вместе с двумя ящиками превосходного deep-house английские диджеи привезли еще и журналиста из культового «Mixmag». Этот улыбчивый парень так повеселился в «Тоннеле», что после возвращения в Лондон написал обширную статью о русском рейве.

Описанный англичанином пожар клубной революции в России разжег в молодежи жажду к психоделическим развлечениям, и ранней весной в Петербурге открылся еще один клуб.

Это был первый acid-jazz-garage-клуб «Сатурн», а открылся он на Садовой улице неподалеку от вечно ремонтируемой Сенной площади.

Организовали acid-jazz-клуб известные среди городских

модников Антон Векшин и Костя Лавски.

«Сатурн» разместился в каком-то театре и, не обладая всеми параметрами автономного клуба, тем не менее бодро начал и быстро приобрел популярность. Сферой его музыкальных интересов стали совершенно новые музыкальные форматы acid-jazz и garage.

Март прошел, наступил долгожданный апрель, и настроение у Андрея стало еще теплее.

Двадцать пятый день своего рождения он встречал в старинном дружеском кругу. Это был теперь уже редкий случай, когда все любимые друзья, как прежде на Фонтанке, собрались за одним столом, ели торт, слушали музыку и любоватись клумбой подаренных цветов. Из Москвы приехали Леша, Марина и маленькая Соня, вернулись из Индии Габриэль, Яночка и Леша Воробьевы, Заяц, пришли Тимур, Наташа Длинная, Монро, Хлобыстин, Дав, Егельский, Длинный и девушка с синими волосами Ольга Тобрелутс.

Зализавший раны сердечных мук Андрей окончательно поправился к концу весны, поздоровел лицом и даже начал поднимать вверх свой задиристый нос. Осколок былой любви все еще ржавел у него в груди, но он был под присмотром опытного Данилы, и этот веселый доктор не давал сгущаться сумеркам раздумий.

Вдвоем они весело кутили. Чаще всего к ним присоединялся Олег, и эта троица носилась по клубу так, что оглобли гнулись. Дела были лучше некуда, народ валом валил, и перед кассой стояли длинные очереди. Они вальяжно сорили деньгами, завтракали по утрам в «Асторин» и увлеченно пускались во все тяжкие. Нажегшийся на страстной ревности, Андрей теперь плевать хотел на женский пол и потому заделался надменным недотрогой. К гомосексуалистам он, правда, тоже не подался, а просто жил без всякой тяга к сильным чувствам, тщательно выдерживая с юбками дистанцию локтя, лишь изредка пользовал похотливых девиц из «Ставня № 7».

Этот «Ставень № 7» был самым законспирированным местом во всем клубе, и о его существовании знали даже не все сотрудники. Это было четвертое измерение, выход в несуществующий уровень, укромное место для секса, курения травы и прочих экспериментов, вдали от ментов, бандитов и надоедливых знакомых-прилипал. Незаметная, трудно обнаруживаемая дверь вела в кубическую комнатку, пол и стены которой были покрыты мягкими матами. Ни звук, ни свет не проникали сюда, в толщу земли, и для многих молоденьких девушек посиделки тут часто заканчивалось тем, чем мамы

обычно пугают своих рано обзаводящихся грудями дочерей. Именно в этом порнобункере трудолюбивые содержатели клуба и их ближайшие друзья посвящали своих взволнованных поклонниц в бывалых рейверш.

«Тоннель» работал и ожидал дня своей годовщины в начале мая. Это эпохальное событие владельцы клуба договорились отметить чем-нибудь необыкновенным и после долгих раздумий решили приготовить фарш.

Мясной фарш из посетителей.

На всех плакатах, извещающих население о годовщине «Тоннеля», черным по белому было заявлено: «Вход фри». Сами эти плакаты, по правде сказать, уже одним своим видом повергали население в ужас. Долго мучаясь с его дизайном, Андрей изрезал ножницами массу журналов и в конце концов нашел страшную рожу, приделал ей растопыренные ручки, ножки и совершенно безумные глаза со спиралями вместо зрачков.

Неадекватный человечек на плакате орал: «Арбайтен твою бади!»

Не вызывала восторга у обывателей и странная подпись под этим неприличным призывом: «Пингвин, две клубники и вода из-под крана». Но фанатикам техно было ясно: «Пингвин» и «Клубника» — это популярные у молодежи кислотные бумажки, а «вода из-под крана» — это то, чем циничные владельцы клуба предлагали запивать рад ость праздника.

И вот этот праздник грянул.

7 мая стал красным днем подземного календаря. Случилось то, чего так добивались, — поздравлять «Тоннель» прибыло полторы тысячи человек, но половина из них большую часть ночи так и простояла на улице перед входом в битком набитый клуб. Никогда еще до этого дня безобразия на Зверинской улице не принимали такого масштабного характера. Счастливый Назаров, обнимая Андрея в переполненном друзьями офисе, орал на ухо другу:

— Полный фарш!

Для этого светопреставления специально из Лондона был выписан безжалостный техноубийца диджей Jango. Британец так расплющил головы русским поклонникам, что он и вспоминали его с любовью еще не один год.

Когда в двенадцать дня музыку наконец выключили, две сотни доживших до этого часа человек выбрались на поверхность, где продолжили пить шампанское, танцевать у раскрытых дверей гремящих музыкой машин и валяться на траве возле входа в свой

годовалый клуб.

Но даже и на этом подземный день рождения не закончился. Самые стойкие отправились еще дальше и до вечера куролесил и на Елагином острове.

Именно тогда, после этого гранд-де-трип, Андреи впервые заметил, что бесконечная вечеринка начинает незаметно вредить ему, нарушает адаптацию с миром. Попросту говоря, он стал дичать, понимал это, но ничего не предпринимал. Круговорот клубных ночей тащил его безволие все дальше и дальше от людей и былых интересов.

А культурные события в художественном Петербурге меж тем развивались с такой интенсивностью, что иногда, оказываясь на светских мероприятиях, одуревший от подземной жизни Андрей частенько попадал в забавные ситуации. Так случилось с ним и на одной художественной выставке.

Еще на своем дне рождения он получил довольно странный подарок — девушка в синем парике протянула ему амариллис в горшочке и дружески сказала:

— Андрей, я дарю вам свою выставку.

Тогда он не придал значения этим словам, однако в конце мая друзья затащили его в Музей этнографии, и он оказался на персональной выставке Ольга Тобрелутс. Хозяйка выставки неожиданно подошла к нему, и он с удивлением признал в ней ту странную дарительницу. Там же, при большом скоплении народа, художница неожиданно повторила свое подношение.

— Андрей. Эту выставку я дарю вам!

Не зная, куда обычно проваливаются в таких ситуациях, Андрей сконфузился, покраснел, что-то буркнул в ответ и сразу за этим сбежал из музея.

Посмеиваться над ним никто не стал, а расспрашивать подробности было некому. Раздосадованный таким нежданным подарком, Андрей решил, что молодая художница над ним подшутила, и еще более сгустил краски в своем и без того не лестном мнении о современных женщинах.

Но его главная, нокаутирующая встреча с современными женщинами, как оказалось, была еще впереди. По приглашению княжны Кати Голицыной в Петербург прибыли тридцать шесть молодых особ царской крови, принцы и принцессы, весь великосветский бомонд династических домов Европы. Отмечали день рождения баронессы Франчески фон Габсбург и день рождения петербургской художницы Ирэны Куксенайте. Как и пристало сиятельным особам, костюмированная вечеринка для голубых кровей состоялась в раззолоченных залах Мраморного

дворца. Пропитанные роскошью интерьеры удачно сочетались с надменными лицами родовитых дворян, но когда на мраморной лестнице появились приглашенные русские, Андрей, как один из них, почувствовал себя дурно. Это был его первый и последний выход в свет. Расплавившись комом воска под вежливо-насмешливыми взглядами высокородных дам, он ощутил себя мальчишкой-угольщиком, случайно забравшимся на бал к большим вельможам. Испытав сильнейшее чувство стыда за свое так мало значащее достоинство, он сбежал с предстоящего фуршета, не дойдя даже до конца ковровой дорожки.

Но этот отрезвляющий опыт не пропал даром. Не имея ни сил, ни желания испытывать в дальнейшем подобные переживания, он отрезал от себя непонятную ему светскую жизнь и, больше не мучаясь, никогда не приближался к ней так близко.

Вскоре пришло и долгожданное лето со своими выцветшими белыми ночами, а с его началом для Андрея закрутилась хлопотливая круговерть вокруг строящегося клуба. Несмотря на фантастичность заявленного им гонорара, владельцы казино неожиданно легко согласились, он получил от них треть суммы и стал вникать в подробности дела. Для собственной безопасности Андрей отдал эти деньги «тоннельной» «крыше» и, прикрываясь их артиллерией, стал полагать, что у него появился шанс уберечь в дальнейшем свою молодую жизнь от помола в тяжелых жерновах игорного бизнеса.

Однако дело, за которое он с такой обстоятельностью взялся, было ему совсем не знакомо. Не был он ни архитектором, ни строителем — никем, кто мог бы управлять масштабной стройкой, и тем не менее, наморщив лоб, ринулся вперед. Его кипучая энергия позволила развить очень бурную деятельность: на объекте загремели отбойные молотки, стали ломать стены, перестраивать помещения, перекраивать имевшуюся планировку и прилаживать ее к нуждам будущего клуба. Для решения стоящих перед ним непростых задач новоявленный дизайнер сколотил небольшое конструкторское бюро. Два обученных и, что было важно, психически уравновешенных рисовальщика сидели в тихой комнатке и не спеша переносили на листы ватмана идеи своего реактивного шефа. Дорвавшись до полноты власти на стройке, Андрей упивался возможностью покомандовать, крик и мат стояли там целыми днями. Работяги быстро раскусили этот стиль управления и побаивались непредсказуемого дизайнера, но заказчикам нравился его авторитарный темперамент, так что пока все развивалось к всеобщему удовольствию.

Пролетело лето.

Время шло, и незаметно крутились его шипастые колесики.

Не имея желания и возможности участвовать в культурной жизни на поверхности, друзья решили наладить ее внутри Подземелья. Они долго совещались, и с наступлением осени «Тоннель» предпринял попытку организации выставочной деятельности. Началось все с дневных показов кино на случайно арендованном видеопроекторе, а после этих спокойных и полюбившихся молодежи посиделок даже скептики уверились в необходимости продолжения внеклассной работы.

Олег и Денис сами были художниками, зарывшими свои кисти и таланты в буквальном смысле в землю, а посему энергично взялись за знакомое дело. Огромные площади стен позволили развернуть внушительную экспозицию, и первым представленным именем стал Ином Мансуров. Художник редкого дарования, не востребованного людьми и временем, неунывающий оптимист, Ином показал несколько живописных работ и большое количество листов своей балетной графики. Следующая выставка состоялась уже через месяц и явила собой ретроспективу творчества «Инженеров искусств». Живопись Инала Савчснкова и Сергея Инькова, а также металлические скульптуры Франца Ротвальда так понравились молодежи, что произведения выставлялись несколько недель. Художник-фантаст Дмитрий Дмитриев, Владимир Федоров… Список выставок множился, а клуб продолжал, старался и очень гордился своим новым хобби.

Но все эти акции и выставки картин были лишь изредка видимой при свете дня верхушкой айсберга, плывущего по необъятному морю ночной жизни.

Вместо одной субботней вечеринки «Тоннель» перешел на двухдневку. Интенсивность переработки поступающего человеческого материала дошла до предела, и всем желающим попасть внутрь уже просто не хватало места. Теперь музыка в Любанском переулке стала греметь по пятницам и субботам. Клуб существенно увеличил ротацию людей, в кассе прибавилось денег, но вместе с этим появились проблемы.

Главная из них — усталость персонала.

Бармены, охрана и диджеи просто валились с ног. Для работы в две смены срочно набрали кадры. За стойкой появились новые бармены: веселый Алекс, кудрявый Вася и обворожительная Оля. К шпайерскому пульту впервые встали девушки Лена Попова и Анжела Шульженко, а также самый юный диджей, пятнадцатилетний Сергей Демидов.

По мере сокращения боевых поединков в стенах клуба отпала надобность в содержании восьмирыльной армии ОМОНа. Охрану

клуба расформировали и сократили, а на смену ее уволенной части пришли самые настоящие опера. Отсутствие военной формы и непривычное инкогнито на входе поначалу разочаровали нанимателей, но наделе выяснилось, что бандиты и разбойники боятся их еще больше, чем страшилищ в камуфляже.

Но не только гирлянды успехов украшали двери клуба в это время. Осенью, приняв ошибочное решение, «Тоннель» отправил своих резидентов для игры на нескольких заранее провальных вечеринках.

Круглый ресторан гостиницы «Ленинград», именуемый в народе «Шайба», более известный как место сходняков городских ОПТ, стал тогда местом самой кровопролетной дискотеки. Пьяные и обнюхавшиеся кокаином быки под прогрессивный house дубасили там друг друга и всех, кто попадался под руку.

Еще одной неудачей стало выступление диджеев клуба на коммерческой вечеринке в засаленном от времени ресторане «Метрополь». Скучное место с пафосным дизайном оказалось так же далеко от клубной эстетики, как Земля от созвездия Гончих Псов.

Эту порочную практику было решено прекратить, диджеев заперли под замок и стали оберегать от бредовых предложений. Обращенная внутрь клуба, их творческая энергия дала плоды — постоянно звучащий в клубе формат музыки начал меняться и снова, как в самом начале, невероятно тяжелеть.

Жар в этой переплавке пластинок задавали «новенькие» и единственные в своем роде девушки-диджеи Лена Попова и Анжела Шульженко. Только что вернувшиеся из-за границ, эти повидавшие зарубежные клубы красавицы с неженской решимостью начали избивать танцполы. Попова делала ставку на жестокое техно, а Анжела — на привезенный из Парижа новый саунд hard-core. Оказываясь за пультом, он и выдавливали из черепных коробок танцоров последние остатки серого вещества. Сверкгш глазищами и шипованным браслетом на шее, радикальная Анжела так истязала своих слушателей, что ее музыка ужасала даже не ведающих страха техностарейшин.

В это же время в параллельном музыкальном мире и на городской поверхности собрались и ожили несколько гибридных траисформеров.

Первый и самый многообещающий дуэт — это компания «Undeground Expirience». Олег Азелицкий, известный питерской молодежи как Слон, объединяет свои усилия с Костей Лавски. До этой исторической встречи Лавскии и Слон пробовали себя в

различных направлениях. Костя играл как диджей с группами «Два самолета» и «Препинаки», организовал acid-jazz-клуб «Сатурн», а Слон на протяжении двух лет являлся духовным наставником фантомного клуба оголтелых неформалов «Обводы и Газы». Собравшись вдвоем, они поставили перед собой амбициозные планы захвата власти над умами и приступили к немедленным действиям.

Еще одним фантасмагорическим явлением того времени стала технопсиходелическая группа «Лунатики», объединившая художника Максима Галицкого, Мишу Теселкина, Игоря Зверинского и Женю Елисеева.

Молодые и бескомпромиссные, эти экспериментаторы расширили пределы своего музыкального сознания до поистине безграничных величин. Выкованное в огне их собственных галлюцинаций, жесткое техно «Лунатиков» начало паразитировать вирусом в сознании всех, кто его слышал.

После трехмесячного пребывания в Англии к родным берегам вернулся Миха Ворон. Старые друзья встретились в «Тоннеле». Ворон играл привезенную музыку на клубной вечеринке, но сразу после этого уехал в Москву. Финансовые просторы столицы поманили его, и он пропал в них, играя на вечеринках Бирмана и Салмаксова. Благодаря усилиям этих теперь уже московских промоутеров, коммерческие клубы «Манхэттен экспресс», «Пентхаус» и «Эрмитаж» стали центрами столичной клубной жизни. Но помимо этих гудящих по ночам полуресторанных мест в Москве готовился еще целый ряд клубных проектов и дозревала грядка собственных диджеев. По мере подготовки и денежнего выкукливання все новые проекты один за другим стали достоянием публики.

Самый значимый из них выстрелил на всю страну — это первый официально издаваемый журнал о клубной культуре «Птюч». Широкоформатный цветной журнал с зубастой редакцией начал плодить бумажных химер и живо писать своим жадным читателям биение московского ночного пульса.

Еще одним запоминающимся событием в ночной жизни столицы стала мартовская вечеринка «Весна — Мартини». Следом за ней гремели и зажигали сердца десятков тысяч человек крупнейшие московские рейвы «Орбита» и «Рейволюция».

Команда «Тоннеля» разработала адекватный удар и выехала в Москву. В только что отстроенном на Красной Пресне стеклянном здании Экспоцентра друзья организовали мегарейв «Prazdnik», но несколько грузовиков с аппаратурой и сложности с монтажом под высоким куполом у страшил и владельцев Экспоцентра, и вечеринку пришлось перенести в Дом кинематографистов. Авральная обстановка с изменением места проведения сплотила команду, все выложились на монтаже, и мощный футуристический дизайн из светящихся неоновых кубов и лазерных построений потряс видавшую виды московскую публику. Играл и диджеи М. Камине (Нью-Йорк), Шеб Малик, Адо, Ятра и клуб «Тоннель».

Теперь ночные новости двух столиц начали состязаться на невидимом сравнительном уровне.

Примерно в это же время исчезнувший из Питера диджей Грув всплыл в памяти своих прежних поклонников в неожиданном образе композитора. «Счастье есть, его не может не быть!» — двусмысленно пелось в его новом танцевальном сингле. Окрыленный удачей Грув погрузился в студии и начал безостановочное производство собственной музыкальной продукции.

Ответом на эти не испробованные на себе заявления стал хит

всех танцполов «Я хочу танцевать, я хочу двигать телом!». Старейшая электронная группа «Новые композиторы» записала ремикс своего знаменитого «Спутника» с голосом русской принцессы Кати Голицыной.

В это же время столичный певец и шоумен Богдан Титомир неожиданным вольтом стал владельцем недосягаемого для публики прайват-клуба. Продюсировал этот необычный проект Иван Салмаксов, и студия Титомира мгновенно стала моднейшим эсид-хаусом. В ночной Москве объявился сбежавший из Англии диджей Джанго. Перспективы русской столицы превзошли все мыслимые для него пределы, и Джанго начал работу сразу в нескольких проектах.

В конце этого урожайного года близилась к завершению и многомесячная эпопея со строительством клуба «Титаник». Алексей бился с этой стройкой почти год, и силы всех участников были уже на исходе. Поселившись в Москве и находясь вдали от дома и друзей, он жил там лишь надеждой, что когда-нибудь достроит главный клуб страны.

Клуб «Титаник», как и его тезка корабль, влетел своим создателям в копеечку. Бесконечная прорва, пожравшая сотни тысяч долларов, расширилась за этот год, окаменела, обросла проводами и метровыми трубами вентиляции, к клубу подтянули отдельную ветку электричества, детали клубного дизайна изготовили на военных заводах, и специально для «Титаника» из Англии привезли самую современную звуковую систему «Турбосаунд». По всему было видно, что, когда «Титаник» отпустят в ночь и он разогреет котлы, никто и ничто не сможет противостоять его мощи.

Уставший и хмурый, Алексей частенько приезжал в Петербург и, только играя в «Тоннеле», давал волю своим чувствам.

Петербург не Москва. Здесь его собственный клуб давно обладал той известностью, которая позволяла не иметь себе равных. Но неожиданно для всех именно это обстоятельство в первый раз сослужило «Тоннелю» плохую службу.

Как стало понятно уже потом, некоторые из сторон его широкой известности простерлись так далеко, что стали серьезно раздражать власть предержащих. Самоуверенная опорная конструкция «Тоннеля» еще не чувствовала вибрации, но ход событий был уже предрешен. До этого момента штрафные очки клуба, наверное, просто записывались в серую папочку «Дело», но теперь же, когда это «Дело» стало черным от записей, на клуб пала самая темная из всех прожитых им ночей.

Той ночью, впервые за эти несколько веселых лет, танцующая

публика наконец вспомнила, в какой стране она живет. Перед клубом выстроилось каре зарешеченных автобусов, и из них со страшными криками высыпало три десятка вооруженных автоматами бойцов. Мгновенно заполнив собой танцующий клуб, люди в масках принялись избивать непослушных прикладами, а когда все уже лежали на грязном полу, началось прочесывание помещений, поголовная проверка карманов и документов. Параллельно с этим на улице монтажными ломиками вскрывали машины, вели обыск всех, кого захват застал на поверхности.

Андрей, Олег и Денис лежали лицом вниз вместе со всеми и поднялись лишь тогда когда зычный голос потребовал руководство клуба к возглавлявшему погром офицеру. На коротком допросе черномасочник помахал у Дениса перед лицом пистолетом, наорал на Олега и приказал открыть сейф. Начался обыск в лучших традициях царской охранки. Были изъяты все документы, деньга, личные вещи и все, что было в карманах. В это же время каратели строем выводили всех, у кого не оказалось документов. Слоями, как сардины в банку, молодежь затолкали в омоновские фургоны и увезли в неизвестном направлении. Избиение младенцев продолжалось два часа и не принесло никаких результатов, но шок, в который были повергнуты все присутствовавшие, не с чем было сравнивать.

Вот так, без ордера на обыск и деликатности, без понятых, свидетелей и прочей канители милицейские власти впервые «причесали» подозрительных рейверов. Тот первый в истории танцевальной культуры военизированный начет на молодежный клуб не выявил оружия, наркотиков или опасных рецидивистов. Через несколько дней вернули вещи и документы (кроме денег), все стало забываться, но восемьдесят напуганных молодых людей навсегда запомнили ту экскурсию в легендарное управление на Литейном, 4, где половина из них получила дубиной по почкам, а остальные до вечера простояли в коридорах, подпирая стены поднятыми руками.

Но клуб сдержал удар, не дрогнул. Преследование только сплачивает молодых. Уже на следующей неделе по рукам посетителей пошла укрепляющая дух ксероксная листовка:

Подземелье настоятельно рекомендует Вам прослушать новые песни угрюмых подпольщиков. Бьемся в дэнсе до рассвета!!!

11

В бледно-синем небе за окном сверкали снежинки не

растаявших за ночь поздних утренних звезд. Тишина этого раннего часа сделалась такой невыносимой, что отдохнувшие за ночь барабанные перепонки спящего выискивали в ней, чего и вовсе не существовало вокруг. Неожиданно эту тишину распорол заливистый перезвон. Не раскрывая глаз, Андрей привычно выбрался из теплой постели, встал и лунатическим шагом пошел в коридор. Горячий поток низвергнувшейся из головы крови зашумел у него в ушах.

— Однако я давно тут сижу, — спокойно сообщил он сам себе, дивясь при этом глухому тону своего голоса. — Они, наверное, забыли меня здесь. Оттого и не идут. Но мы все делали правильно, и знаки, которые прислала Корпорация…

После этого слова он неожиданно замер и с ужасом понял, что только что наяву договаривал фразу, предназначавшуюся его исчезнувшему от утреннего света собеседнику. Он спал и видел этого человека еще тогда, когда уже шлепал босыми ногами к телефону, а теперь, окончательно проснувшись, досадливо поморщился.

— Постой, — попросил он сам себя. — Постой.

Телефон послушно смолк. Андрей встал, оперся рукой о стену и мучительно зажмурил глаза.

— Нет, не так! Кто это? Как его? Куда он…

Размашистых! шагом он вернулся к кровати и втиснулся в прогретую нору. Но мозг уже разорвал провода, и связь с миром снов прекратилась.

— Что же это было? Какая-то мощная штуковина, мировая организация…

Андрей окончательно проснулся и, уже не боясь света, стал таращиться на белую стену.

— Вспоминай.

Опять требовательно зазвонил телефон. Андрей ринулся в коридор.

— Вспоминай. Алло! Кто? Привет, Сережа.

На другом конце провода слышался динамичный и, как всегда, бодрый голос художника Африки. Пока Андрей тер глаза, Африка вывалил собеседнику целый воз информации:

— Извини, что так рано, дело спешное. Я только что с поезда.

Мой московский друг Овчаренко устраивает рождественскую вечеринку для сотрудников своего банка. Денег у них море, и ему срочно понадобились люди, которые проведут музыкальную часть. Я предварительно дал ему согласие за вас. Все состоится завтра в Москве, в Доме архитекторов. Если интересно, то сегодня же нужно выезжать.

Это не могло не устраивать, Андрей воодушевлено

поблагодарил друга и повесил трубку.

— Вспомнил, — наморщив лоб, прошептал он и стал лихорадочно собираться.

Через час он уже был на Петроградской стороне в шести метрах под землей. Олег, срочно вызванный им в клуб, дожидался его с недоуменным видом.

— Что случилось? Что за спешка? Пожар? — стал подтрунивать Олег над другом.

— Нет, — с серьезным лицом заявил Андрей. — Потоки космического разума. Понимаешь, сегодня было мне видение. Нет, не то, — замахал руками Андрей, увидев каверзную ухмылку друга. — Никакого наркобреда. Все иначе. Засыпал одним, а проснулся другим. Полная чистота эксперимента.

— Ты что, накурился на ночь? — делаясь серьезным, спросил Олег, пристально разглядывая друга.

— Нет, говорю же тебе, спал. Мне это все во сне открылось, и я все понял. Тут нет ошибки. Важно понимать, что происходит. Ты вот, например, живешь, и я живу. Мы вместе с тобой, Денисом и Лешей живем, и у нас есть клуб. Так?

— Ну, так, — вяло согласился зевающий во весь рот Олег.

— А почему клуб, почему не ремонт обуви или гараж? Ты никогда не задумывался, почему нам с тобой совершенно неинтересны какая-нибудь торговля или работа у станка, почему мы не месим навоз на селе, а рисуем картины и слушаем музыку?

Олег нахмурил брови и странно посмотрел на Андрея.

— Я тебе отвечу. Все давно решено за тебя и за меня, мы лишь выполняем предназначение. В этом мире все сбалансировано. Зло, добро, радость, ужас… Так вот, мы, к нашему счастью, принадлежим к той части человечества, которая отвечает за создание положительных эмоций. Это малочисленная, но самая влиятельная группа, занимающаяся формированием визуальных и смысловых построений, которые через каналы общего сознания проникают в человек а и уравновешивают его животную тягу творить зло и первобытный страх перед другими людьми. Понимаешь?

— А остальные что, кошмарят мир?

— Нет. У всех на земле свое задание. Просто тех, кто занимается злом, больше всего, и их работа — это часто меняющая внешнюю форму эволюция мирового зла, но их зло даже буквенно короче, чем наше добро.

— Ну, а мы, значит, Армия добра, — заулыбался Олег. — И мать Тереза наш бригадир?

— Нет, мы не Армия добра. В понятие добра входит много

чего — литература, архитектура, музыка, театр, медицина, наука, наконец любовь и религия.

— Ну и где же мы?

— Мы? Мы состоим в новом, буквально вчера сформированном отделе древнейшего Союза Добра, и этот современный отдел занимается управляемым выделением в мозг человека гормона счастья. Мы напрямую, минуя сознание и естественный ход событий, по желанию человека ввергаем его в среду, благодаря которой он быстрее всего подбирается к своим самым нежным точкам и начинает получать эйфорию счастья в управляемой нами ситуации. Ты же сам тысячу раз замечал, что на наших вечеринках достигнуть счастья могут практически все. Даже самые толстокожие дегенераты. Вопрос только в том, под какую музыку выстроить угол атаки на их мозговой панцирь, какое на площадке освещение и какие психостимуляторы они уже успели выпить или сожрать.

— Так что получается? — заражаясь воодушевлением друга, стал рассуждать Олег. — Получается, что мы производим счастье? Так, что ли?

— Мы производим ситуацию, при которой человек быстрее всего начинает ощущать себя счастливым. И тут все: дизайн, эстетика, мода, магия имен, свет, спецэффекты и главное — музыка Мы продаем населению впечатления от этих ощущений. Оптом на рейвах и в розницу в клубе. Это, конечно, нижайший уровень в понятиях вселенского добра, но сейчас такие темные времена, и народ стал такой жестокий, что нам разрешено напрямую применять к людям эти постановочные методики. Мне даже кажется, что мы уводим часть молодежи с пути, ведущего в полную тьму. Мы занимаемся производством фиксированного обстоятельствами фрагмента счастья и помещаем его в эмоциональную пустоту человека. Настоящее, полное счастье в искусственных условиях получить очень сложно. Это длительный духовный процесс, и большинство наших клиентов, попросту говоря, к этому не готово. Но минутного счастья хочется всем. Мы создаем эту ситуацию, и они его получают. У нас нескончаемая клиентура. Мы — «Корпорация счастья».

— «Корпорация счастья», — с тягучей медлительностью повторил Олег, вникая в услышанное. — Это как игра?

— Нет, Олег! Игра — это уже продукт, следствие. «Корпорация счастья» — это сами правила этой игры. Счастье дается тому, кто его ищет. Иными словами, «Корпорация счастья» — это все те, кто способствует его возникновению в жизни людей.

— Так это мы и есть! — восторженно догадался Олег.

— А я тебе что толкую. Когда вернемся, расскажем все

Денису и Маше. Это мощная мифологема, и мы должны извлечь из нее все возможности.

— Постой, — опять становясь серьезным, воскликнул Олег. — Как вернемся? Откуда? Мы что, уезжаем?

— Уезжаем, сегодня вечером. Нас уже ждут. Кругом миллионы людей, и всем нужны положительные эмоции. Мы едем в Москву.

— Зачем?

— Срубить денег по-легкому. Звонил Африка. Какой- то московский богатей хочет праздника жизни. Поехали, наполним карманы его нефтедолларами, а когда вернемся, закатим в клубе фееричный Новый год.

— Так что, объявляем боевую тревогу? — с энтузиазмом в голосе предложил Олег, хватаясь за телефон.

— Звони во все колокола! Нам нужна пара жилистых волонтеров таскать ящики, ну и кое-что, чтобы самим не умереть от скуки.

Рождественское чудо закружило их снежным вихрем. Пронесясь семьсот километров в обледенелом поезде, они оказались в дышащей морозными дымами Москве. Все, что рассказал Африка, оказалось правдой: вечеринка банка, Дом архитектора и все остальное. Только аппаратура, которую они притащили с собой, оказалась не нужна — ресторан Дома архитекторов был укомплектован под завязку.

— Нам же и легче, — резонно констатировал Андрей, разглядывая компьютеризированное управление светом на площадке.

Друзья подключили к пульту свой DAT-магнитофон и принялись ждать. Еще в Питере Андрей решил не мучиться с пластиночными миксами, набрал цифровых записей с самых удачных вечеринок и теперь ждал банкиров во всеоружии.

Когда наступила ночь, в празднично украшенном зале появилось руководство банка и первые приглашенные.

— Только не убивай их сразу, — опасливо инструктировал Олег, разглядывая холеных теток в вечерних платьях и драгоценностях. — Черт их знает, как на них техно подействует. Начинай полегоньку, с американского house, Бокальчика побольше, ну а уж когда выпьют и раскуражатся, поддавай жести. Смотри только не переборщи. Спои любимые не ставь.

— Что ты имеешь в виду? — встревожился Андрей.

— Я имею в виду, что если ты сразу врубишь «Plastik Dream» и сам начнешь балдеть, этих бухгалтеров накроет водочный негатив.

На том и порешили. В известной мере Олег был прав. Вокруг танцпола буквой «П» стояли ломящиеся от угощений столы. На белых скатертях, в хрустале и купеческом фарфоре, громоздились горы салатов, мясные башни, цельные осетры, ведра с икрой, водки, вина и наливки без счета, фруктовые каскады метровой высоты и затейливые стога из свежих цветов. На танцполе стоял такой дух, что голодные диджеи урчали животами. Когда гости собрались, в их нарядной толпе появился Дед Мороз. По-хозяйски встав у микрофона, он прокашлялся и начал вечер. К своему удивлению, в сказочном деде с курчавой бородой до пупа, облаченном в красный халат с белой опушкой и такой же колпак, Андрей неожиданно признал самого Африку. Широко раскрыв глаза, Андрей изумленно уставился на Олега, но тот уже улыбался во весь рот.

— Чувствую, вечерок будет изрядный, — зашептал Олег. — Не будем терять времени.

Порывшись в карманах, он нашел кусочек скомканной фольги, развернул его и вытащил две припасенные бумажки. Пшикнув открытыми банками пепси, друзья молча разжевали свой скромный ужин и запили его пузырящимся в носу напитком.

В ресторане потух общий свет, по стенам заплясали цветные лучики, повеселевший Андрей включил соответствующую фонограмму, и началась торжественная часть. Под общие аплодисменты какой-то видный мужчина долго вручал сотрудникам пухлые конверты с деньгами, те благодарили, некоторые даже читали стихи, Дед-Африка шутил и взбадривал одариваемых. Вскоре все оказались за столами, зазвенел и бокалы, и тут к обедающим выскочила группа в цирковых костюмах. Усатые мужики с седыми патлами запели под фонограмму ветхозаветный хит семидесятых.

— Это что еще за «усы подковой»? — в ужасе пролепетал Андрей, чувствуя в мозгу горячую пульсацию эсида.

— Похожи на «Песняров», черт их знает, кто это, — шипел рядом Олег. — Приготовь следующую фанеру, усачи заканчивают, а вон еще одни.

Когда ряженые певуны откланялись, на площадку выбралась новая группа, но на этот раз музыканты были помоложе.

— Специально для вас, — веселым голосом провозгласил Дед Мороз, потрясая фужерчиком шампанского. — Сегодня выступит группа «А-Студио»! Поприветствуем!

Финансисты вяло всколыхнулись и зааплодировали, а кое-кто даже стал выбираться из-за столов потанцевать. Андрей включил пленку, модные эстрадники ударили по клавишам, забренчали гитары, однако голос поющего как-то странно отсутствовал.

Беззвучно пропев почти куплет, вокалист группы обернулся и сделал такое страшное лицо, что Андрею стало ясно: на пульте выключен микрофон. Ударив по регулятору, он громко вывел линию голоса, ситуация была кое-как спасена, но все остальные пять песен «А-Студио» опасливо косилась в сторону питерского диджея.

Пока банкиры с Дедом Морозом резвились под беспроигрышную викторину, на площадке сменилось освещение, а рядом с пультом появился импозантный, коротко стриженный мужчина.

— Господа! — прохладным голосом обратился неизвестный. — Сейчас будет наш выход. Повнимательнее с фанерой.

В пятно света вышел худощавый юноша с длинными волосами. Воздев вверх руки, он стал заводить зал размеренными хлопками.

— Влад Сташевский! — провозгласил Африка, тряхнув растрепавшейся бородой.

В зале взвыли и заверещали, а особо захмелевшие дамы ринулись танцевать. На маленьком танцполе мгновенно образовалась давка, Андрей поддал громкости, а седой и импозантный одобрительно закачал головой.

— Знаешь, кто это? — теперь уже без всякого стеснения орал Олег на ухо другу.

Андрей затряс головой. В голове от этой встряски пошли волны путающихся мыслей, а в глазах замигали гирлянды цветных лампочек с пульта.

— Это Юрий Айзеншпиц. Тот самый, что «Кино» продюсировал.

Подопечный знаменитого продюсера допел первую песню, и визг в зале стал резать уши. Когда он затянул вторую, Олег нагнулся к другу и радостно прокричал:

— Мы скоро уже не сможем друг другу помочь, но пока еще есть время, приготовь пару медляков, house полегче и пошли искать наши деньги.

— Деньги! Деньги! — последнее, что из всего сказанного успел запомнить Андрей. — Наши деньги!

Он еще подкрутил ручку громкости, выплыл из-за пульта, и они отправились на поиски. С трудом ориентируясь в толпе незнакомых людей и активно галлюцинируя, друзья искали лысого как бильярдный шар распорядителя вечера. Еще в самом начале праздника этот лобастый красавец с интересом осмотрел багаж питерских музыкантов, но денег почему-то не дал. Сейчас, в прямом смысле теряя сознание, Андрей спешил найти сверкающую лысину и жаждал потребовать гонорар.

— Сколько попросим? — крикнул он другу. — Тысячу?

— Тысячу? — эхом донесся возмущенный голос Олега.

— Две?

— Две?!

— Ну что, три?

— Три!!! — воодушевлено согласился Олег. — Вот он, с томатным соком. Ты слева, я справа!

Поединок с распорядителем был быстрый, но эффективный. Сдерживая подбирающийся хохоток, Андрей выпучил глаза и набросился на денежного туза:

— Мы бы хотели получить свои деньги, пока это еще возможно!

— Э-э, — наморщился распорядитель, с удивлением рассматривая молодого человека с наушниками на голове.

— Почему сейчас? Как понять «возможно»?.. Давайте утром.

— Давайте сейчас, а то у нас настроение не праздничное.

— А сколько мы вам должны? — осторожно поинтересовался распорядитель.

— Три тысячи долларов, — с бесстыдной ухмылкой заявил Андрей.

— Так много?

— Это не много, это слезы, — людоедски улыбаясь, сообщил банкиру Олег.

— Какие слезы? — недоуменно поинтересовался лысый.

— Слезы радости, которые мы сейчас выжмем из ваших сотрудниц.

— Однако, у вас юмор.

Андрей не удержался и хохотнул, а лысый сунул руку в карман пиджака и выхватил оттуда пачку долларов. Привычным движением он сломал ее в руке, прошелестел веером банкнот и протянул Андрею отсчитанную часть.

— Можете не пересчитывать. Тут ровно три тысячи. С Рождеством!

В голове у Андрея громко начали бить куранты:

— С Рождеством! Бом! Бом! Бом!

С последним ударом этого колокола в глазах взорвался ослепительный фейерверк.

Когда через пятнадцать минут друзья вернулись к пульту, оба уже смотрели на мир глазами-калейдоскопами. Меж тем у банкиров давно прошло время манерных поз, начальство разъехалось, и вечеринка гудела в водочном разгаре. Эстрадная романтика Сташевского так раззадорила подвыпивших дам, что от вернувшегося диджея срочно потребовали очень медленных и

непременно жарких танцев. Не задумываясь о последствиях, счастливый Андрей врубил визжащим бухгалтершам «ORB» и, надев на голову наушники, провалился в счастливый мир собственных видений.

Андрей окончательно пришел в себя только в прохладном, но очень прокуренном тамбуре дневного поезда Москва — Петербург. Под немного подрагивающими от усталости ногами грохотали колеса Качающийся поезд быстро мчал его домой, а за ледяными наметами в окне мелькали заснеженные леса. Андрей курил уже которую сигарету подряд и не спеша перебирал в памяти забавные события прошедшей ночи. Большим голубым пятном с цветными огоньками перед глазами плавала переполненная танцующими женщинами ресторанная танцплощадка. Мало-помалу припомнился и необычайно эмоциональный финал этой банковской пляски, Дед Мороз, их перемещения по утренней Москве, неадекватный хохот при покупке билетов и посадка в поезд. Отчетливо запомнилось, как они с волонтерами бесцеремонно содрали со стен ресторана огромную кучу фирменных новогодних украшений, а уходя, прихватили их с собой. Андрей улыбнулся, вспомнив, как похожие на министров официанты жалели утром худосочных питерцев и, желая их подкормить, собрали с нетронутых столов целый ящик шницелей, котлет и сырокопченых колбас. Однако этот самый ящик одуревшие от бессонницы волонтеры зачем-то заперли в автоматической камере хранения, и скорее всего, именно там он пролежит ближайшую неделю, пока вонь прокисших деликатесов не расползется по вокзалу.

— Н-н-да-а…

Андрей устало тряхнул головой и поморщился. Нет, не эту бурлящую эсидом чушь мучительно хотелось сейчас прояснить. Он пытался мысленно вернуться в тот предшествовавший московским приключениям день, в свою квартиру, на тот самый матрац, где он заснул с книгой в руках и случайно дотронулся в темноте сознания до трудноуловимого смысла собственной жизни.

«Что же нам теперь делать? — в который раз спросил он себя. — „Корпорацию счастья"!»

— Куча долларов, нахально отнятая у загулявших банкиров, позволила реализовать давнишние планы. К Новому году из Германии вернулись Денис Одинг и Маша Малое, а из Москвы приехал уставший Алексей. После общего совещания было решено устроить небывалое преображение клуба. В недавно

открывшемся финском магазине друзья купили несколько ведер с красками самых бодрых цветов, и команда набросилась на работу. «Тоннель» перекрасили, обмотали вывезенными из Москвы украшениями, под потолком зажглись неоновые линии, а на стены навесили украденные на каком-то заводе гигантские шестеренки. Но самым впечатляющим преобразованием стало то, что клубные колонки убрали, а на их месте стеной до потолка выстроили десять киловатт новенького «Turbosoiind». Фантастический аппарат арендовали у старого знакомого Игоря Тарнавского, а «качал» он с такой мощью, что с барной стойки сдувало пластмассовые стаканчики. Вся эта подготовка наполнила город восторженными слухами, возник ажиотаж, а уже к самой вечеринке подоспела и интернациональная бригада диджеев: англичанин Disco-ordinator из лондонского «Confusion records» и француз Christoph из «Immence Paris».

Когда все хлопоты были закончены и клуб заблестел, как елочная игрушка, наступил Новый 1995 год.

Еще никогда в «Тоннеле» не было такого веселья. Необыкновенный по силе шквал звука обрушивался на гостей прямо со входа. Рассчитанное на силу ядерного взрыва, это прибежище для технобезумцев дрожало всеми своими стальными внутренностями. Зажатые бетонными сводами, десять киловатт звука ревели и бесновались, били в диафрагму танцующих с такой силой, что их сердца трепетали от музыки в полном смысле этого слова

Это был триумф новопровозглашенной «Корпорации счастья», это была та точка кипения и радостная эйфория, достичь которой им удалось впервые. Еще никогда до этого момента никто из присутствующих не ощущал такой силы клубного братства, как в эти часы. Доведенные до предела, эти ощущения заставили танцевать всех без исключения. Танцевали диджеи и бармены, уборщики, световики, друзья клуба, знакомые, танцевали бесплатные завсегдатаи и купившие билеты, наши, иностранные, совсем юные и уже с седыми головами.

Танцевали и сами владельцы клуба, создатели этой пока еще никому не ведомой Корпорации. Они счастливо улыбались друг другу и даже не подозревали, что это их лучшая вечеринка, но она уже и последняя из тех, что им суждено было провести вместе в этом клубе. Никто из них не догадывался, что эта ночь стала пиком их коллективной активности, верхним пределом удивительной жажды дружбы, а по ее окончании эту честную дружбу начнет догонять неминуемый крах.

Сразу после фееричного Нового года Алексей снова уехал в Москву, готовить к запуску свое детище — «Титаник». Открытие этого мегаклуба несколько раз откладывалось, но сейчас там доделывали последние детали и дрессировали персонал.

Андрей погрузился в собственную стройку.

В строящемся по его проекту клубе работы шли ни шатко ни валко. Заказчики выбрали пафосный древнеегипетский дизайн и, не мудрствуя, нарекли будущий клуб «Пирамидой». Четырехэтажное здание с частично вынутыми перекрытиями, четырьмя барами, танцполом и множеством лестниц лишь в одном оправдывало это мрачное название — строили его так же медленно, как и настоящие пирамиды, и ход этих грандиозных работ частенько останавливался. Заминки возникали, где их не ждали. «Даватели денег» и их подруги, ревниво оглядывая воздвигнутое, считали своим долгом давать советы, а неуживчивый дизайнер яростно от них отбивался. Время шло, конфликты улаживались, Андрей трудился, и «Пирамида» понемногу строилась. Но были два обстоятельства, омрачавших его творчество: во-первых, он не получил пока еще своих денег, а во-вторых, проводя на стройке почти все время, Андрей окончательно отдалился от жизни собственного клуба.

Чувствуя свою нечаянную вину перед собратьями по Подземелью, он предпринял попытку организации объединяющего всех проекта. Через своих многочисленных друзей «Корпорация счастья» вышла на дирекцию Молодежного театра и договорилась о проведении масштабной вечеринки. Крупный проект подхватил слегка обиженных друг на друга партнеров, они, как прежде, объединили усилия, и события быстро понесли их к намеченной цели. Маша Малос провела успешные переговоры с Германией, а вслед за этим в Петербург выехали диджеи знаменитого «Deep magazine».

Уже к концу февраля город был оклеен плакатами, и в Молодежном театре на Фонтанке прогремел «Прогрессив». Диджеи U.W.E. и Eggert Mike так влюбили в свою музыку танцоров, что вечеринка закончилась небывалым успехом. «Прогрессив» стал первой танцевальной акцией в Петербурге, для организации которой устроители привлекли помощь рекламодателей и активный промоушен на радио.

Вслед за этим успехом пришла весна, а с ее первыми солнечными лучами по сознанию обывателя снова ударил тяжелый кулак «тоннельного» плаката:

АЦИДТРАХАРДКОРТРАНСПАТИ
Для тех, кто в женском платье, — вход фри.
Остальные — 2 тыс. рублей.

Международный женский день под руководством Лены Поповой и Анжелы Шульженко с переодеваниями персонала и гостей встряхнул мемберов клуба и дал старт целой серии подобных акций. На этих «фрикадельках» дебютировал и начал регулярно играть манчестерский барабанщик Ли Рой, на них же зажглась клубная звезда нудистского перформанса Майкл Пуго.

Так громко, что эхо за сутки докатилось до Петербурга, в Москве стартовал ночной клуб «Титаник». Выстроенный в скособоченной трибуне спортивного стадиона, этот беспрецедентный по масштабам клуб вмещал за раз более тысячи человек. Дизайн Алексея напоминал внутренности гигантского корабля — огромные иллюминаторы, полированная сталь, болты, поручни, мягкая мебель — все было рассчитано на запросы привыкших к комфорту москвичей. Клуб был оснащен по последнему слову: фантастический звук, компьютеризированный свет, мощная вентиляция, бары, вышколенный персонал и прочие элементы буржуазного отдыха.

Уже на следующую ночь после открытая перед входом в «Титаник» выстроились длинные очереди. Клуб стал первым в своем роде ночным заведением Москвы, где столики заранее бронировались, а те, что находились ближе к танцполу, еще и стоили немыслимых денег. Но безумные цены здесь никого не пугали, счастливые владельцы «Титаника» «заряжали» их до «потолка» и начали энергично зарабатывать.

В Москву потянулись вереницы топовых диджеев. Гонорары, предлагаемые «Титаником» иностранным знаменитостям, позволили показывать столичной публике клубных звезд только первой величины.

Олег Цодиков, сосватавший Алексею этот проект, был счастлив, основной инвестор — на седьмом небе, счастливы были все, даже сам Алексей. Наконец-то, впервые за полтора года, на лице главного дизайнера появилась прежняя самодовольная улыбка, и он победно вернулся в Петербург.

События в ночной Москве набирали все большие обороты. Пока «Титаник», как флагман house-party, быстро уходил за горизонт успешности, был подготовлен к запуску и стартовал новый коммерческий клуб. Оживленный полгода назад вечеринкой питерского «Тоннеля», Дом кинематографистов на Красной Пресне превратился в клуб «Арлекино». По-московски

быстро и с размашистым бюджетом застойное здание было переоборудовано в процветающий найт-клаб. Но запросы новорусской буржуазии трансформировали это понятие в довольно странное образование, поэтому основной упор в «Арлекино» был сделан на ресторанное меню, шесты с голыми тетками, дорогой бар и солидную публику. Не ставший молодежным клубом, «Арлекино» вызвал к жизни особый подвид полуклуба-полуресторана и осуществил возврат к окрашенному в яркие краски современности патриархальному отдыху обывателей.

Геометрически растущее количество втягивающейся к клубное движение молодежи требовало более понятных мест с современной политикой, поэтому популярней прежнего стали точечные удары независимых промоутеров. «F. Y. Intertainmcnt» в лице Бирмана и Салмаксова, а также молодой художник и архитектор Михаил Бархнн объединили усилия и обрушили на ночную Москву потоки своих проектов.

Историческое разделение танцующей молодежи и солидных «папиков» окончательно закрепилось с открытием в одном из бомбоубежищ клуба «Птюч». Этот поистине долгожданный house-клуб стал культурным центром всей танцевальной столицы и той силой, которая протягивала к этому центру активность молодежных масс. Единственный в своем роде одноименный журнал с восьмидесятитысячным тиражом, интеллектуальная администрация, грамотный дизайн, лучшие промоутеры, диджеи и тщательная сепарация публики — все это сделало «Птюч-проект» лучшим неформальным клубом Москвы.

Саунд-система «Птюч» надежно опиралась на широкие возможности дружески настроенных спонсоров, клуб создал свой лейбл, под его знамена встали все московские диджеи, он гремел, он светился и стал хоть и не первым, но лучшим в своем роде, настоящим эсид-хаусом.

Отзвуки московских открытий, долетевшие до лежащего в снегах Петербурга, закрутили в нем энергетическое завихрение, и в здании давно покинутого прогрессивными рейверами Планетария началось активное движение. Свято место пусто не бывает, и спустя четыре года безмолвия этот космический мемориал, политый кровью первых жертв техноревопюции, обрел нового хозяина Поначалу с сарказмом, а потом уже с сомнением и тревогой, «Тоннель» наблюдал за происходящим в Александровском парке. Устоявшаяся в городе ситуация до сих пор представлялась незыблемой, и клуб растерялся при появлении конкурента. Скупые сведения, добываемые разводкой,

убедили в серьезности положения — у тех, кто засел в Планетарии, был четкий план захвата ночных развлечений, они активно набирали рабочую команду, сманивали диджеев, за ними стояли немалые силы, деньги и прочие необъятные возможности. Подтверждая эти дурные вести, перед Планетарием выгрузились несколько грузовиков, привезших из Голландии аппаратуру и мебель для нового клуба. События развивались в небывалом темпе, и очень скоро наступил тот день, когда перед входом в Планетарий выстроилась огромная толпа приглашенных.

То, что никакого сотрудничества между клубами не будет, стало ясно уже в самом начале — владельцев «Тоннеля» даже не пригласили на открытие. Помимо этого, Планетарий начат интриговать в замкнутой среде городских диджеев, и часть из них, не прощаясь, покинула вырастивший их подземный клуб. Этот удар «тоннельщики» перенесли тем больнее, что вместе с перебежчиками от них ушла добрая половина привычных посетителей. Ошарашенные происходящим подпольщики некоторое время присматривались, но зло, заплясавшее в новом клубе, само подсказало им правильный вывод — потерявший посетителей, поредевший рядами «Тоннель» на самом деле эволюционировал и очистился от налипшей на нем грязной шелухи. Весь клубный сброд, бандитская рать и прочая нечисть, резвившиеся в его недрах, мгновенно покинули Подземелье, как только наверху замигали огни коммерческого клуба. Позиционировавший себя как место для «нормальных людей», Планетарий создал для них благоприятнейшие условия и теперь лопался по швам от обилия «братков».

Осознав свой истинный выигрыш, «Тоннель» возликовал и стал энергично метать рекламу, еще больше отпугивающую «пацанский солидол». С этого момента ночная молодежь разделилась на два вида: правильные «планетарские» и неформальные «тоннельные». Благодаря появлению Планетария открытое противостояние между «нормальными» и «неформальными» ослабело, а пропасть презрительного отвращения позволила им при желании не смешиваться вовсе.

Весной из московских странствий вернулся Миха Ворон. Вдоволь наигравшись в коммерческих клубах столицы, он решил снова обратиться к промоутерской деятельности в Петербурге и энергично принялся за дело. Оценив конъюнктуру, он присмотрелся к городским окрестностям, и объектом приложения его кипучей энергии стал Сестрорецкий курорт. Удачно найденное место позволит ему надолго завладеть вниманием публики. Огромный белокаменный пансионат на берегу Финского

залива тонул в хвойном лесу и надежно скрывал от глаз посторонних громоподобные танцульки. Молодежь десантировалась в Сестрорецком курорте, танцевала до упаду, спала в чилауте, потом снимала дешевые номера и, пьянствуя да забавляясь сексом, дожидалась в них следующих вечеринок. Эти регулярные забавы стали крайне популярны, а замешанные на таблеточных переживаниях эмбиент-чилауты курорта превратились в активно действующий клуб знакомств.

Одновременно с Вороном в ночном городе объявились никому доселе неведомые, но очень энергичные промоутеры. Мелкие любительские вечеринки в фойе кинотеатров и дешевая ксероксная реклама постепенно уходили в прошлое, теперь ставки делались на бюджетные постановки и глобальный промоушен. Поскольку разорительные масштабы крупных проектов бывали крайне губительны, на плакатах рейвов все чаще появлялись товарные бренды и логотипы спонсоров. Менялся и привычный список мест их проведения. Теперь это был ТЮЗ на Загородном проспекте, Цирк на Фонтанке, павильоны «Ленэкспо», зал под стеклянным куполом училища барона Штиглица.

Стремительная индустриализация городских рейвов, медиапропаганда вечеринок, появление новых коммерческих клубов и растущие полчища ночной молодежи полностью вывело house-музыку из подполья. Из тщательно законспирированного музыкального явления, каким они были в начале девяностых, к середине 1995 года ночные вечеринки превратились в массовое молодежное движение, и поток событий начал размывать привычное равновесие сил. Все, от чего так ликовала молодежь, теперь не устраивало и крайне раздражало надзирающие органы. Спешно созданные подразделения МВД забрасывали в клубы и на рейв-площадки своих резидентов, начался тотальный сбор информации, проводились рейды, обыски и задержания. У всех, кто танцевал по ночам, теперь появился шанс стать жертвой вооруженных налетов ОМОНа, прозванных за свой адский антураж и жестокость «маски-шоу». Выискивая в клубах рецидивистов, убийц и драгдилеров, ОМОН настолько не церемонился с общей массой молодежи, что ужас этих рейдов стал главной клубной страшилкой. Бескомпромиссное противостояние милиции с рейверами закончилось в тот год грандиозным погромом ночных заведений, случившимся в Петербурге после убийства бандитами одного из оперативных сотрудников.

Эмоциональная мотивация, толкнувшая власти крушить ночные клубы, стала известна уже потом и далеко не всем, но то,

что пережили подвергшиеся налету гости «Тоннеля», запомнилось им на всю жизнь. Зверообразной лавиной вооруженные люди в масках влетели в переполненный клуб и принялись избивать всех подряд. В считанные минуты прекрасная вечеринка с немецким диджеем была растоптана озверевшим спецназом. Извергающие матерщину бронированные терминаторы с помповыми ружьями бегали по лежащим на полу юношам и девушкам, лупили кого попало прикладами, свирепо глумясь над ними за смерть товарища. После ухода мстителей молодежный клуб был в буквальном смысле залит кровью. На опустевшем после тотального ареста танцполе валялись дамские заколки, оторванные рукава рубашек, выбитые зубы и ломаные оправы очков. Из тех, кто танцевал в клубе тон ночью, пострадали практически все, но что было гаже всего — немецкому диджею выбили прикладом два зуба

Но и это снесли поклонники семплированной музыки. Иллюзий по поводу ханжеской власти и ментовского гуманизма никто не испытывал, так что все остались при своем, и танцы в побитом «Тоннеле» продолжились уже со следующей пятницы.

13

В конце апреля сырой, промозглой ночью по Приморскому проспекту в сторону курортов Финского залива мчался маленький «гольфик». Талая жижица мокро шелестела под днищем машины, а быстрые махи дворников едва поспевали утирать бегущие по стеклу росчерки дождевых брызг. За рулем сидел Данила Ди Каприо, рядом с ним угрюмо курил Андрей, а на заднем сиденье слепились в ком три заливающиеся смехом девицы, прихваченные друзьями для лучшей устойчивости этого необычайно шустрого автомобиля. «Пуля» — так именовал Данила свою машину — была куплена в польском спорт-клубе, весу в ней было шестьсот килограммов, но эта кроха имела турбированный стосильный мотор, переставленный в нее из настоящего «порше». Эффект этого имбридинга был настолько потрясающий, что вот уже вторую неделю друзья летали на этой «пуле» по всему городу, вжимаясь от ускорения в кресла и хохоча от физических перегрузок.

Промелькнули световыми пунктирами Ольгино, Александровская, потом Лисий Нос, «пуля» влетела в поворотный круг и, сбросив скорость, стала красться по спящему Сестрорецку.

— Смотри! — указывая вперед рукой, воскликнул Андрей. — Похоже, что менты!

— Вижу, гаси музыку!

Данила дернул рулем, машина спрыгнула с дорога и тенью юркнула в частную застройку.

— Куда ты?

— Удираем, куда же еще, у меня нет прав.

Поблуждав по темным улочкам, беглецы вынырнули у железной дорога, а уже она привела их к нужному переезду, за которым начиналась территория пансионата.

— Менты не спят, но мы прорвались, — радостно сообщил Данила притихшим девушкам. — О-о-о! Да тут серьезное движение!

Перед грохочущим отзвука концертным залом пансионата везде где только можно на ковре из прокисшей за зиму листвы стояли машины.

— Выгружайтесь.

Андрей выбрался на свежий воздух, но не взбодрился, а напротив, захлебнулся испариной нехорошего предчувствия. Их маленькая компания с минуту постояла перед зданием, а после разошлась в разные стороны: девушки за махали кому-то в толпе перед входом, Данила встретил знакомых и отстал, а Андрей, воспользовавшись одиночеством, еще раз обвел мерцающие стекла пансионата мутным взглядом.

«Света, Света! Где ты, где ты?» — пропел он сам себе.

Кого он звал и почему был так невесел, понять было несложно: Андрея томил жар любовного влечения. Две недели назад здесь же, в курорте, валяясь в полутемной комнате на мягких матах, он познакомился с известной тусовщицей Светой Чешуей. Свое странноватое прозвище эта clubqueen получила оттого, что являлась на танцполы в обтягивающем тело и переливающемся серебряными чешуйками платье. Не знавший этой ее особенности и растомленный таблеточной одурью, Андрей нашел своеобразную внешность Чешуи весьма привлекательной, а оттого загорелся нежданным пожаром любви. Ощущения, получаемые на контрасте, всегда сильны, поэтому после антиклубной чопорности ухоженной Марины компанейская и бескомплексная Света показалась ему необыкновенно сексуальной. Смахивающая на небольшого росточка японку, эта улыбчивая с маленьким насмешливым ротиком девушка очаровала скучающего Андрея, и он с жаром набросился на се изгибистое тело. Они долго целовались в чилауте, потом в такси, а очнулись голые у нес дома. Неделя пролетела в упоительном дурмане, они встречались почти каждый день, но Андрей день ото дня стал привносить в эти встречи все больше зашкаливающих эмоций. В «Тоннеле» он появлялся редко, а с недавних пор забросил и строящуюся «Пирамиду». Света заполнила собой его

время, он наслаждался своей находкой и видел в ее простоте достойный для себя финал.

— Андрей! Не спи! — голос Данилы вывел его из оцепенения.

Вдвоем они протискались сквозь толпу на входе, миновали милицейский кордон и оказались на вечеринке.

— Чего делаем? — нерешительно замялся Андрей.

— Как обычно. Бухнем, курнем, подрыгаемся. А ты чего? А-а… Ты по своей Чешуе сохнешь? Да она наверняка где-то здесь, зажигает. Где ж ей быть? Это хорошо, что ты размочился на этой Свете-конфете, но сильно в голову не бери, заболеть можешь, а лучше знаешь что?

— Что? — переспросил Андрей печальным голосом хворающего ипохондрика.

— Помнишь ту сисястую официантку из казино?

— Ну да. Это трудно забыть.

— Так вот, не прошло и года, она вчера объявилась в клубе!

— Да ладно!

— Говорю тебе! Прорвалась в офис — и ко мне.

— Ну а ты?

— Я в нее литр мартини — и в седьмой ставень, на опыты. Должен тебе доложить, что помимо своих шаров, она еще и мастер спорта по сексу. У нас были просто олимпийские соревнования на всех снарядах. Завтра у меня с ней показательные выступления.

— Ну и что? Я-то чего? Зрители нужны?

— Нет, хуже. Требует второго игрока.

— Знаешь что! — наконец-то заулыбался Андрей.

— Знаю! — самодовольно ухмыльнулся Данила. — Пошли к бару.

Выпили по рюмочке, потом и по второй, после шестой Данила наметил в танцполе жертву и честно признался:

— Я, наверное, поутру тут останусь. Чувствую, вон та, без лифчика, не даст мне сегодня покоя. Пойду познакомлюсь.

Он качнулся от стойки, глумливо виляя телом, вплыл в танцпол и уже через пять минут мял намеченный толлес в полутьме под колонками. Слегка захмелевший Андрей хлопнул еще коньячку, выдохнул из себя пряный жар и тут усидел Свету. Как всегда улыбаясь, Чешуя танцевала в бурлящей толпе, и лицо ее светилось счастьем. Ревнивый паук в голове у Андрея быстро сплел паутинку, он насупился и стал пристально осматривать ее партнеров. Но молодые люди рядом на нее не пялились. Света танцевала с Натусиком, клубной завсегдатайшей, тихо приторговывавшей на вечеринках таблетками.

Очень скоро их взгляды встретились, Чешуя улыбнулась ему через весь зал, обняла Натусика, девушки зашептались и стали пробираться к бару.

— Привет, — близоруко щурясь, промурлыкала Света.

— Скучаешь?

Андрей неопределенно дернул головой и, не дождавшись поцелуя, пробурчал:

— Я тебе звонил. Вчера. Сегодня.

— А, да? А я была в гостях.

— А чего ты такой скучный? — с ироничным участием поинтересовалась Натусик.

— Я не скучный, — начиная злиться, ответил Андрей. — Мне весело.

Чешуя игриво подмигнула подружке, та пригнулась к Андрею и зашептала на ухо:

— Хочешь таблеточку?

Андрей нахмурился, но Света ласково дотронулась до его руки:

— Догоняй нас.

Натусик сделала неуловимое движение по складкам своей одежды и поднесла руку к его лицу.

— Ам!

Андрей и сам не заметил, как таблетка оказалась у него во рту. Пока он покушал сок, запивал и расплачивался, девушки снова затанцевали. Стоя у бара, он, разжигаясь, смотрел на танцующую Свету, а она время от времени бросала ему многообещающие взгляды. По прошествии получаса музыка стала так колоть его электрическими разрядами, что Андрей сбросил маску печального Пьеро и пошел косить руками на танцполе. Старый знакомый Костя Лавски, играя за пультом, лукаво подмигивал ему, Андрей уже успел потерять сброшенный свитер и теперь танцевал в одной футболке.

Жаркие танцы продолжались несколько часов и незаметно дотащили его до самого утра. Выпустив семь потов, он остановился и стал собираться с мыслями. Рядом никого не было. Какие-то безымянные знакомые одобрительно качали ему головами, он встрепенулся, пробежался по вечеринке и только в самом темном углу нашел Данилу с его новой знакомой.

— Эй, на шхуне! Данила! Слышишь! Шесть утра, поехали в город.

Одуревший от петтинга Данила страстно промычал:

— Угу.

— Чего угу? Свиданье на лугу! Забирай это тело — и поехали. Я за рулем.

Наулине, по утренней прохладце, стало невероятно хорошо. Монотонный бой басовых колонок тряс толстые стекла пансионата, но в глубине леса распелись птицы, и их веселый пересвист ложился живой музыкой на этот мертвый гул. Раздосадованный тем, что Света бросила его одного, Андрей сосредоточенно курил, воображая себе, где она может быть и что делает. Спит, наверное.

Подпирая друг друга плечами, из дверей пансионата с хохотом вывалились несколько пьяных молодых людей. С бетонных балконов жилого корпуса на их утренний кураж с гневом смотрели отдыхающие в санатории пенсионеры. Им было отчего негодовать: всю ночь курорт дрожал от музыки, под окнами выли сигнализации, орали пьяные, слышались визги и хохот золотой молодежи. Один из этих весельчаков вырвался из рук друзей, опрокинулся на капот своей машины и, приставив к ширинке бутылку шампанского, начал показывать старичкам неприличные телодвижения. После этого он встряхнул бутылку и с воплем: «Я кончаю!» облил себя и своих истерически хохочущих друзей струей винной пены.

Неожиданно рядом с «пулей» появился Данила. Нежно поддерживая за ягодицы свою пошатывающуюся подружку, он отпер двери, перебросил ключи Андрею и, согнув девушку пополам, стал запихивать се на заднее сиденье.

— Помчали! — бодро засуетился Андрей.

Данила потер глаза и, потянувшись всем телом, замурлыкал:

— Свези нас в «Тоннель», но шибко не гони, я еще тут поработаю.

Машина оторвалась от влажной земли, и уже через пятнадцать минут свет ее фар летел по пустынной трассе.

Ворвавшись энергичным бегом в подъезд дома, где жил а Света, Андрей взлетел на второй этаж и остановился перед дверью ее квартиры. В руке влажно скрипнул букет синих ирисов. Задержав дыхание, Андрей ткнул пальцем пуговку звонка. Пока они ехали по утреннему туманцу, он так разволновался, что теперь едва владел собой. Возня на заднем сиденье, чмоки да ахи так раззадорили его воображение, что но возвращении в город он уже был полон самых жарких фантазий.

Ноготь пальца побелел, но на этот длинный звонок никто не отозвался. Андрей пошел заливать переливчатой трелью, азбукой Морзе, после замер и прислушался. Глухой фильтр ватно-дерматиновой обивки не выпускал из квартиры ни звука.

— Света! — с досадой воскликнул Андрей и стукнул в дверь коленом.

На старой искусственной коже двери от удара образовалась покрытая кракелюрами вмятина.

— Света! — страстно заголосил он еще громче и впечатал в дверь кулак. — Открой!

Мягко клацнула задвижка, Андрей рванул дверь, но она не поддалась; звякнув, натянулась цепочка. В образовавшуюся щель на него испуганно посмотрела Света.

— Это я. Зачем не открываешь? Куда ты делась, я искал…

Она не ответила ему, странно улыбнувшись, отперла дверь и пошла вглубь квартиры. Андрей вскочил в прихожую, впился в нес затуманившимся взглядом и задышал — Света была абсолютно голая.

— Подожди на кухне, — послышался из спальни ее слегка осипший голос. — Ты так стучал, я перепугалась. Сейчас оденусь.

— Не одевайся, — игриво зарычал Андрей. — Я уже сам раздеваюсь.

Мгновенно сбросив на пол верхнюю одежду, он рванул пуговицы на джинсах и, стряхивая штанины, попрыгал в спальню на одной ноге. Тяжелые шторы были плотно за дернуты, и в глубине полутемной комнаты из постельного кургана на его прыжки с тревогой смотрели два прищуренных глаза. Андрей стащил через голову майку, снял носки и, не зная, что лучше сделать: сначала снять трусы, а уже потом рвануть с нее простыню, ухватился за простыню и отбросил ее на пол.

— Сюрпрайс!!! — возбужденно пропел он, взмахивая букетом ирисов.

Замерев в этой позе, Андрей растерял весь свой задор, опустил руки и прикрыл цветами рельеф эрекции. В мятой и пахнущей теплом тел кровати, обнявшись, лежали Света и Натусик. Голые любовницы трусливо улыбнулись и, играя искорками бесстыдных глаз, стали услужливо тесниться, уступая ему часть кровати.

— Я же тебе говорила — догоняй нас, — пролепетала Света.

— Догоняй себя сама, — заливаясь краской гнева, выдавил из себя Андрей. — Только догонялку возьми подлиннее. Сука!

Наотмашь он хлестнул лесбиянок ирисами и, чертыхаясь, выбежал вон. Хлопнула дверь. Одевался он уже в подъезде — обувь без носков, куртка на голое тело, шапку забыл вовсе. Неожиданно вверху открылась дверь, и на лестницу выскочила Натусик.

— Андрей! Андрей! Вернись. Света зовет. Мы просто в таблетках. Ты не так понял!

— Твое счастье, что я не понял, — крикнул он ей. — Увижу тебя в «Тоннеле» — придушу собственными руками. Привет!

Очутившись на улице в таком буреносном состоянии, Андрей поежился от лезшего под куртку ветерка и с раздражением представил себе всю смехотворность собственного положения. Огнем его стаз жечь стыдливый гнев отвергнутого самца, и впервые в жизни захотелось ударить женщину. Со злой гримасой он представил, как его пусть и не боксерский кулак крепко печатает порочное лицо Натусика. Бац! Бац! Еще раз! Еще! Натуснк визжит, ах как хорошо! Ну и еще разочек! Андрей выпустил пар, горько ухмыльнулся и огляделся по сторонам.

Теперь главное в ментовку не попасть, а то там приласкают.

Усевшись в машину, он вжал педаль в пол, и «пуля» помчалась по пустынным улицам воскресного города. Когда реактивная машина подлетела к клубу, на асфальтовой площадке толпилась молодежь. Прикрывая полами куртки голую грудь, Андрей нырнул в гремящее Подземелье. Клуб по субботам работал до девяти и в этот утренний час был еще полон людей. Выгнав из офиса всех посторонних, Андрей спросил Олега или Дениса, затребовал Данилу и сигареты. Первым объявился слегка помятый, но счастливый Данила. Осмотрев с улыбкой экипировку друга, он приступил с ехидными расспросами.

— Ты что, в бане был?

— Ага. В лесбийской. Едва не попарился. Приглашали.

— Чешуя?

— И эта крыса, Натусик. Ая-то, придурок, с цветами! На чувствах! Тьфу! Найди мне, пожалуйста, майку, не голым же сидеть.

Когда он приоделся и рассказал подробности, возникло желание запить это утро стаканом вина. Друзья переместились к бару, а уже там Андрей обнялся с активно выпивающим Олегом.

— Хорошо, что я снова с вами, — глухим голосом признался Андрей.

— Да, редко появляешься, — похлопал его по плечу Олег. — Как вообще дела? Как «Пирамида»? Они тут звонили вчера, тебя спрашивали. Грозят чего-то. Говорят, ты их бросил, ушел.

— Да они мне год денег не отдают! — в сердцах взорвался Андрей. — Чего работать?

— Ну, не знаю, — равнодушно ответил Олег. — Тебе видней.

— И я не знаю. А вы тут как?

— Да все по-прежнему.

— А это что?

— Где?

— Да вот. На стене висит.

На черной стене, напротив бара были приклеены несколько

плакатов:

Resident Frontpage Tranx, Tommy Yamaha.

— Вечеринка, — с фальшивой беззаботностью ответил Олег.

— Вижу, что вечеринка. А кто проводит, Планетарий?

— Нет, не Планетарий. Проводим мы, в Молодежном театре.

— Мы? А почему я ничего не знаю?

— Ну, это… В общем, сейчас придет Денис, он тебе все и расскажет.

Олег растворился в толпе, а Данила зашептал Андрею:

— Я давно хотел тебе сказать, но ты завис на своей порнухе.

Они делают вечеринку в Молодежном, по нашей общей схеме. Маша вызвала немцев из «Фронта», зарядили радио «Катюша», «Кока-Колу», все дела! Но они решили, что раз вас с Лехой в клубе нет, значит, вас нет и во всем остальном. В общем, они работают «на троих». Денис, Маша и Олег.

— А я? А мой брат? — заорал Андрей. — Как же «Корпорация счастья»? Какая еще Маша?

Данила еще пожимал плечами, когда Андрей уже рассвирепел и пришел в такое взвинченное состояние, что едва не кинулся на улыбающегося Дениса.

— Вы что, меня с Алексеем кинуть решили? Так, что ли? Что ты улыбаешься? Я тебя спрашиваю! Что это за сепаратная вечеринка в нашей общей компании?

Туманная улыбка сползла с лица Дениса, он стал морщить лоб и выкладывать контраргументы.

— Андрей, у тебя свои проекты, у твоего брата свои, а у нас свои. Какие претензии? Мы же не спрашиваем тебя, почему ты один строишь свой клуб или почему Леша работает в Москве. У нас есть время, вот мы и делаем что умеем.

— Что умеем? Да? А ты один учился это делать? Это твоя личная разработка? У нас компания, и независимо от того, где мы находимся, мы все партнеры этого бизнеса Вы решили воспользоваться результатами общего труда и положить деньги себе в карман? Ты присвоил себе, своему другу и своей девушке ту часть общего проекта, которая принадлежит мне и моему брату. Вы попросту решили нас кинуть! Так?

— Нет, не так, послушай!

— Пошел ты!…

— Не разговаривай со мной так!..

— Пошел ты, я тебе говорю!!!

Наступая на Дениса и изрыгая угрозы, Андрей загнал его в офис, за ними вбежал встревоженный Олег, и дверь с треском захлопнулась.

Прошло два часа, давно закончилась вечеринка, разошлись гости, диджеи и охрана. В опустевшем клубе на трехногом табурете одиноко сидел грустный Данила. Хмель не брал его, но от душевной сумятицы он подливал себе виски и с тревогой слушал громкие возгласы за закрытой дверью. Наконец там все смолкло. В пустом и замусоренном клубе стало слышно лишь, как старенькая уборщица выметает пивные банки. Дверь офиса распахнулась, и оттуда, надевая на ходу куртку, вышел красный лицом Денис. Следом за ним выбежал Олег. Не говоря ни слова, взбешенные друзья покинули клуб, и наверху хлопнула тяжелая дверь.

Страшась увидеть что-то ужасное, Данила тихонько заглянул в офис. Андрей сидел, скорчившись в кресле, уронив голову на сцепленные руки. Вся эта ночь и все ночи, ей предшествовавшие, разочарования последних дней, неуверенность, усталость и обиды — все это слилось сейчас в каком-то невиданном выражении его лица. Посмотрев в глаза другу, Данила вздрогнул и понял, что случилось самое страшное — лопнула и раскололась их привычная жизнь. Вдребезги, навсегда, окончательно. Теперь больше нет их компании, ушли Олег и Денис, остался осиротевший Андрей, и одному богу известно, зачем они так дешево продали друг другу свою молодую и верную дружбу.

— Андрей, — осторожно позвал Данила. — Ты живой?

— Живой. Но на две трети умер.

— А что теперь?

— Не знаю, — устало ответил Андрей. — Они попробовали исключить нас, но все закончилось тем, что я исключил их. Окончательно и бесповоротно. Их больше нет. Они ушли. Заявили, что не хотят иметь дело с таким человеком, как я, и ушли. А я любил их, любил, но оторвал от себя. Но пусть лучше я буду таким жестоким в их честных глазах, чем они такими хорошенькими в моих оплеванных. Все кончено.

— Они еще передумают, — с надеждой воскликнул Данила.

— Нет, не передумают. Дело пошло на принцип. И проблема не в какой-то вечеринке.

— А в чем же тогда?

— Им надоели и я, и мой брат со своими первыми ролями, они хотят быть сами, везде и во всем. Первыми и единственными.

Данила присел, прикурил две сигареты и одну протянул Андрею:

— Думаешь, они построят свой клуб?

— Думаю, да. Не клуб, так что-нибудь другое. Дело не в этом.

— А в чем?

— Все вместе мы могли сделать нечто большее.

— Что же?

— Мы могли построить «Корпорацию счастья».

— И что теперь?

— Боюсь, что это конец нашей красивой игры. Несчастливый конец. Хотя как знать. Игра не закончена, пока игроки на поле. Думаю, они будут биться, и мы еще встретимся, просто теперь каждый будет биться за свою команду. Впрочем, я теперь не думаю, что уцелеет даже их дружба.

— Почему же? Они знают друг друга сто лет.

— Яд предательства друзья пробуют только один раз.

Собеседники замолчали и молчали довольно долго. Тягости в этом молчании не было, они легко молчали, как две хорошо понимающие друг друга половины одного воспаленного мозга.

— Ну а ты-то останешься? — с неожиданной силой выдохнул Андрей. — Иль одному томиться мне, в сыром и мрачном Подземелье?

— Я с тобой! — произнес растроганный Данила.

— Спасибо, друг. Не могу тебе передать, как тошно мне сейчас.

— Хочешь, позову доктора?

— Кого?

— Джони, он тут, за дверью.

Данила принес литровую бутылку виски и мигом наполнил пластмассовые стаканчики.

— Гадость, конечно, но сейчас поможет. Давай, потихоньку, — скомандовал он. — Не чокаясь.

— Да, я уже чокнулся сегодня, всей головой.

Глядя друг другу в глаза, сопя и отдуваясь, они выпили по целому стакану виски и когда утерли носы, были уже совершенно пьяны.

— Что за день такой! — хватаясь за голову, горестно простонал Андрей. — Такого дерьма наелся. Бабы, друзья, грязь. Тьфу!

У него зачесались глаза, но тут в душе щелкнули распределительные клапаны, и вместо скупых слез наружу полезла недовысказанная злоба. Ввергая себя в новый виток самоистязания, он еще раз представил себе разрушительные результаты сегодняшнего утра и стал настолько дик лицом, что Данила срочно налил второй стаканчик и стал увещевать своего мрачного друга

— Если ты все для себя решил — плюнь и забудь. Не мучь себя. Любая грязь лучше всего смывается еще большей грязью. Но эта новая грязь должна быть лечебная, расслабляющая.

— Что еще за расслабляющая грязь? Например?

— Ну, например грязный секс.

— Ты думаешь? — с пьяным энтузиазмом оживился Андрей.

— Я тебе говорю.

Друзья махнули еще по глоточку, стукнулись лбами и стали, заплетаясь языками, обсуждать волнующие детали необходимой психологической разгрузки. Договорились до того, что решили срочно, не медля ни минуты, ехать в казино и выманить оттуда грудастую официантку.

— Кстати! — возбужденно помыслил вслух Андрей. — Казино. Они требуют, чтобы я доделал «Пирамиду», а я хочу получить свои деньга. Как все удачно складывается. И деньги, и лечебная групповуха.

Ради взбодрившегося друга Данила был готов на что угодно. Они хлопнули на посошок и стали нетвердым шагом выбираться на улицу.

— И все же я не могу себе представить, что они ушли, — остановившись у дверей и снова проваливаясь в депрессивное состояние, забормотал Андрей.

— А то, что они тебя кинули и остались? Можешь?

— Нет, и это не могу,

— Тогда забудь.

— А! Гори все огнем! Устал я от этой помойки. Ты прав, купаясь в этой грязи, невозможно не замараться. Забавляясь тут ежедневно и лишая мозгов посетителей, мы сами мутировали в аморальных монстров. Эта красивая сказочка про «Корпорацию счастья» на самом деле лишь плод моего излишне романтизированного воображения. Никакого счастья нет. Его нет ни тут, под землей, и ни там, на поверхности. То, чем мы развлекаем своих гостей, — это страшный суррогат настоящих эмоции. Это такое же дерьмо, как и то, во что превращается французская кухня через три часа после обеда. Теперь мне даже кажется, что весь наш «Тоннель» прорыт в огромной куче этого дерьма и мы прячемся в нем, потому что нам просто некуда больше идти. Мы отгородились от остального мира и знать его не хотим. Нам скучно с обычными людьми, потому что они трудолюбивые дневные червяки, копающиеся в этой куче, а мы брезгливые неформалы, замуровавшие себя в этом чертовом склепе. Мы сидим тут, ниже уровня земли, и бредим под техномузыку идеалами искусственного счастья. Мы просто пещерные люди после атомной бомбежки. Дети Подземелья, честное слово.

Поблуждав по городу и слегка протрезвев, молодые люди заявились в никогда не спящее казино. После года строительства

«Пирамиды» и частых визитов к заказчикам они хорошо выучили распорядок жизни этой фабрики грез, поэтому безошибочно рассчитали время встречи с Альбертом. Увидев давно отсутствовавшего дизайнера с темными кругами под глазами, и его потрепанного помощника, хозяин казино нахмурился, подсел к молодым людям, и у них завязался напряженный разговор.

— Что не появляешься? Загулял? Дело стоит. Нужно заказывать аппаратуру, мебель, никто ничего не знает.

Наш инженер заканчивает отделку, но он ничего не понимает в клубах. Туту нас появился одни человечек, он привезет аппаратуру из Финляндии, тебе нужно с ним познакомиться, и вообще начинайте работать. Времени нет. Андреи в непривычной для себя манере слушал, не перебивая.

— И не заставляй нас тебя разыскивать, — сухо закончил Альберт, вставая и собираясь уходить.

— Заплатите мне деньги, и не придется разыскивать, — спокойно ответил Андрей.

— Деньги? — Альберт с улыбкой повернулся к нему. — Так дело еще не сделано, а мы уже часть заплатили.

— Год назад вы дали треть и прекрасно знаете, кто эти деньги получил.

— Да, знаем, но это твои люди.

— Альберт. Твой клуб будет доделываться с завтрашнего дня, но я пришел затем, чтобы мне заплатили сегодня, — упрямо повторил Андрей. От пережитых стрессов и разочарований он окаменел и впал в апатичное упрямство.

— Да, но это большие деньги, — внимательно разглядывая изменившегося дизайнера, произнес Альберт.

— И я на вас немало поработал.

— Нужно подумать.

Андрей вскочил на ноги и протянул руку для прощания.

— Постой, какой ты стал резкий. Сядь, договорим. Какая сумма?

— Десять тысяч.

— Так много?

— Для вас это ветер.

В первый раз за год рабочих встреч в разговоре между ними повисла такая напряженная пауза. Пока Альберт молчал, к столу, за которым они спорили, приблизились два охранника. Андрей увидел их маневр, но продолжал безучастно курить, в их сторону поглядывали крупье и официантки, а подавленный Данила безмолвно глядел в потолок.

— Хорошо, — неожиданно произнес Альберт. — Ты получишь свои деньга. Сейчас, — со значением добавил он. — Но работа возобновится с завтрашнего дня. Если этого не произойдет, по твоему следу побежит серый волк.

— Ну, это понятно, — с прежним спокойствием ответил Андрей.

Альберт встал и жестом пригласил его следовать за собой.

— Поймай такси и жди меня на улице, — беззаботно шепнул Андрей своему другу.

Охранники сорвались с мест и взяли его под конвой. Проводив их взглядом, Данила быстро осмотрел игровой зал и увидел свою подопечную. Несмотря на серьезность момента, игривая улыбочка выползла на его лицо. Побрякивая ложечкой в пустом чайном стакане, он подошел к бару и шепнул затрепетавшей официантке:

— Юля, если сейчас все хорошо закончится, будем ждать тебя в пять вечера у клуба. Подготовься. Будешь петь в два микрофона.

Такси на Мойке поймать непросто, Данила долго ждал и в конце концов сыскался частник, согласившийся остановиться у сияющего лампочками казино. Посматривая на воду и начиная терять терпение, Данила нервно курил, и тут кто-то взял его за плечо. Резко обернувшись, он увидел совершенно бледное лицо Андрея.

— Поехали отсюда. Скорее.

Друзья вскочили в машину, и, только захлопнулись двери, Данила набросился с расспросами. Вместо ответа Андрей расстегнул куртку и вытащил толстую пачку долларов. Водитель, увидев такую кучу денег, вильнул рулем и закашлялся.

— Смотри на дорогу, дедушка, а то врежемся, — радостно засмеялся Данила. — Рассказывай!

— Чего рассказывать, ты сам все видел. Пока считали деньги, эти два Громозеки чуть дырку во мне не проглядели, я аж вспотел от их заботы, когда они пошли меня провожать. Андрей закурил и стал нервно оглядываться.

— Думаешь, они за нами поедут? — нахмурился Данила.

— Не знаю. Но уверен в одном: или они, или наша «крыша», но кто-то точно попытается помочь нам потратить эту десятку.

— Чего делать?

— Самое лучшее — успеть ее потратить самим, и по возможности сегодня же.

— Но мы столько не выбухаем, да и Юлесса нас ждет. Мы же хотели расслабиться.

— Какая еще Юлесса? Ты что, уже подцепил бабу, пока я в казино надрывался?

— Да нет же! Ты все забыл: лечебная грязь, порноаэробика!

— А-а! Высокий стиль? — заулыбался Андрей.

— Ну да. Она еще поет во время минета. Можем ее вокалисткой зачислить в нашу группу, я уже и название придумал. «Два пистолета». Как тебе?

— Звучит неплохо, но нам нужно срочно сделать какую-нибудь покупку, пока у нас не отняли эти деньги. Желательно такую, которую тоже не отнимут.

— А давай купим «Беломора» на всю сумму. Накуримся в дым. Или лучше ментовский уазик! Будем на нем по клубу ездить. Его точно не отнимут.

— «Беломор» — это бред, а вот машину можно. Только какую?

— А давай тебе купим исполкомовскую «Волгу», с оленем, как у председателя колхоза Скромно и с достоинством. Главное — менты тормозить не будут. Сталина на лобовое, бахрому и леопардовые чехлы, короче — весь цыганский тюнинг. Продавщицы из магазинов будут на капот прыгать.

— «Волгу»?

— Зверь-машина!

— Давай «Волгу».

Уже через полчаса в автосалоне на Выборгской набережной появились два странных покупателя. Один из них, худой и угрюмый, бродил между выставленных автомобилей с дымящейся сигаретой и недоверчиво присматривался, а другой! улыбчивый и нахальный, с бутылкой виски, паясничал в полный голос:

— Скажите, а у вас есть вот такая же, но только без крыльев? — прихлебывая из горлышка, поинтересовался он у выскочившего селмена. — Нет? Будем искать. Подозрительная парочка, смущая персонаж облюбовала белую «Волгу» и потребовала ключи.

— У нас только по предоплате, — надменно заявил удушенный галстуком администратор с большой бородавкой на носу.

— Бабок — во! — агрессивно сообщил ему курильщик, делая

пачкой долларов выразительный жест поперек горла.

Увидев его степень готовности, администратор засуетился, принес ключи и стаканчики под виски, а сам побежал хлопотать в конторку. Уже через пятнадцать минут дирекция салона воодушевленно трясла руки пьяным покупателям:

— Сигнализация, центральный замок, аптечка и двадцать литров бензина!

— Звучит неплохо, — мрачно одобрил покупатель, — остается еще пара долларов на шлюх и выпивку.

Недоуменно пожимая плечами, торговцы проводили белую «Волгу» до ворот.

— И вот я без друзей, и вот я снова без денег! — со странной отрешенностью произнес Андрей, выкатываясь на шумную улицу. — Знаешь, Данила, такого тяжелою дня у меня никогда в жизни не было.

— Подожди, — разваливаясь на кресле, мечтательно произнес Данила — Он еще не закончен. Мы только переходим к заключительной части сегодняшней трагикомедии — выступление группы «Два пистолета».

— Ты думаешь, стоит?

— Прочь тревоги, прочь сомненья! — с чувством пропел Данила. — Юлесса должна ждать у клуба, хватаем это животное и сразу задело. Предлагаю устроить ей прослушивание прямо в машине. Только давай, пожалуйста, проедем мимо Сытного рынка, чтобы хачики протащились. Блондинка с буферами, белая «Волга» их нереально вставит.

— Издеваешься, гад, ты же сам мне это ведро присоветовал.

— Полный вперед!!! — скомандовал Данила, швыряя допитую бутылку в окно.

Когда «Волга» белым лебедем подплыла к Любанскому переулку, блондинка уже поджидала у клуба Увидев снова эту необычайно пышногрудую секс-бомбу, Андрей струсил и попытался откреститься от спаривания, но строгай тренер не дал ему спрятаться в панцирь:

— Начинаем операцию «Группенфюрер»! — командным голосом объявил он. — Действуем быстро, но жестко.

Данила перелез на заднее сиденье и открыл девушке дверь.

— Привет, мальчики, — ласково поздоровалась Юлесса, усаживаясь в машину.

— Ну! — строго подступил к ней Данила, открывая бутылку мартини. — И что мы с тобой будем делать?

— Делайте со мной что хотите, только не убивайте, — засмеялась Юлесса и расстегнула розовый плащик.

— Вау! — взвыл Данила.

Через два часа в вечерних сумерках дежурный наряд Центрального РОВД обнаружил в парке Театра юного зрителя стоящую прямо посреди газона абсолютно новую автомашину «Волга» без государственных номеров. Заинтересовавшись странной находкой, пятеро милиционеров вышли из патрульной машины и стали держать совет.

— Может, она заминированная, — опасливо предположил самый бывалый из наряда. — Надо на пулы сообщить. Такие случаи бывали.

— А может, угнали из магазина и бросили?

— А почему внутри ничего не видно? Как будто в дыму все? Может, горит?

Один из милиционеров включил фонарик и направил его на запотевшие стекла. Неожиданно машина дрогнула, качнулась и засмеялась женским голосом.

— Да там кто-то есть! — возмущенно зарычал старший по званию. — Эй, выходите по одному, руки на капот!

Открылись задние двери, и из машины со смехом выбрались два взлохмаченных типа, в одних джинсах и носках. Застегивая на ходу ширинки, подозрительные личности поздоровались с милицией.

— Так, кто такие! Что тут делаете?

— Мы артисты. Отдыхаем после выступления, — нахально улыбаясь, заявил один из задержанных.

— Артисты? Это откуда, из Юного зрителя?

— Точно! Довольно юного.

— А кто там еще?

Сначала показались голые женские ноги, а потом и все остальные части эффектной блондинки в розовом плащике. Прижимая к груди бутылку мартини, босая девушка, пошатываясь, встала и приветливо улыбнулась милиционерам.

— Девушка, у вас все в порядке? — поинтересовался усатый прапорщик, заглядывая в салон машины. — Наркотики употребляете? Паспорт есть? А что делаете с этими артистами?

— Пою! — счастливо улыбаясь, сообщила блондинка.

— И что поете? — дожевывал свои вопросы прапорщик, изучая документы на машину и паспорта «артистов».

Вместо ответа веселая девушка сделала последний глоток, уронила пустую бутылку на землю и протянула к прапорщику руки. Ее легкий плащ распахнулся, и лица милиционеров стали бурыми от смущения. Голая девушка с чувством пропела:

— Виновата ли я, виновата ли я, виновата ли я, что люблю!..

В немом и бестелесном калейдоскопе глубокого сна кружились яркие пятна переворачивающихся друг в друге и совершенно неустойчивых к запоминанию картинок. Последняя и самая малая часть бесконечно длинного ночного видения, пристегнутая к нему прозрачной нитью невидимого смысла, — чуткий утренний сон, в котором слабеет инфернальная сила почивающего духа и который всегда потом хочется вспомнить, потому что в нем мелькают приметы для сонников.

Широкий поток солнечного света, рассекаемый оконной рамой, жег пылинки в воздухе и медленно полз по паркету к изголовью кровати. Добравшись до ее спинки, свет неожиданно быстро вскочил на препятствие, спрыгнул на подушку, лизнул разметанные волосы и стал подбираться к лицу. Еще минута — и луч света запустил в закрытые глаза горячие красные кораллы, а спустя еще мгновение Ольга окончательно проснулась.

Никогда в своей жизни она не любила этот миг. Эта ежедневная пытка прощания со сном тяжелей всего истязала ее в детские годы, когда приходилось подчиняться неизвестно каким злодеем придуманному распорядку, вставать и чистить зубы, стелить постель, а после идти через сельское кладбище в школу. Но сейчас она лишь прикрыла глаза рукой и ощутила кожей тепло утреннего солнца. Ольга потянулась, улыбнулась новому летнему дню и негромко позвала

— Майя! Майечка! Девочка моя.

На ее зов в комнату вбежала вислоухая длиннотелая собака, цокающая коготками коротких ножек и размахивающая при беге изогнутой саблей хвоста. Подобравшись к хозяйке Майя вскочила передними лапками на кропать, уложила морду на уши и застучала хвостом по паркету. Печальные глаза бассета красноречиво говорили: «Вставай! Вставай! Я хочу есть. Мне скучно».

Не удовлетворившись гипнозом, Майя размашисто лизнула локоть хозяйки и издала ультразвуковой писк.

— Встаю.

Поднявшись и потерев глаза, Ольга зевнула и начата неспешное путешествие по квартире. Выйдя из залитой солнцем спальни, она оказалась в полутемном и пахнущем прохладной пылью, невообразимом по размерам коридоре. Этот украшенный колоннами необъятный коридор привел ее в гигантскую кухню с дореволюционной печью, чугунной раковиной посудомойки, окном во всю стену и дверью, ведущей в комнату прислуги. Ольга

набрала из носика старого мойдодыра крохотный черпачок, зажгла газ и стала кипятить воду. Пока поспевал кипяток для кофе, нужно было успеть почистить зубы. Прошагав по коридору в обратную сторону до самого конца, она очутилась в ванной комнате и принялась умываться.

«Хороший день, — подумала она уже за завтраком. — Вот только сон какой-то странный. Закат или восход, не поняла».

Майя мигом слопала предложенный ей бутерброд с маслом и деловито заглянула в пустое мусорное ведро.

— Ничего нет. Мы по-прежнему на мели, — беззаботно сообщила ей хозяйка. — Протянем как-нибудь. А ты и так толстенькая.

Заслышав голоса на кухне, из темного чулана деловито примчался мохнатый попрыгунчик, хорек по имени Шур-Шур. Этот независимый и шустрый зверек был куплен Ольгой для съемок в фильме, а когда кинопроцесс закончился, так и остался жить в ее огромной мастерской. Были еще два кенара-певуна, но те, выпущенные из клетки, напрочь заплутали в двенадцати комнатах и, сдохнув с голода, неизвестно где завалились за шкафы.

Квартира была настолько необъятна, что молодая художница сама ее побаивалась, особенно темными зимними вечерами. В такие вьюжистые ночи, когда за окнами крутилась снежная метель, старый дом, казалось, вымирал, и безмолвная квартира наполнялась подозрительными шорохами. Скорее всего виноват в этом был помоечный разбойник Шур-Шур, орудовавший в мусорных пакетах, но Ольга все равно трусливо забиралась в кровать, звала Майю, и вдвоем они дружно тряслись от страха. В такие моменты Ольге чудилось, что она заколдованная принцесса, которую поселил в этом страшном замке злой волшебник, и она горячо молилась, чтобы когда-нибудь ее спас от одиночества и страха благородный рыцарь на белом гривастом коне. А злой волшебник, который поселил ее в этом замке, звался Надеждой Васильевной.

Это была бодрая духом, неунывающая русская женщина, проработавшая тридцать лет и три года за рулем такси. Они познакомились, когда Ольга, разыскивавшая для себя мастерскую, позвонила по объявлению и пожелала снять за пятьдесят долларов предлагаемую в газете комнату. Показывая художнице эту самую комнату, Надсжда Васильевна почувствовала к ней симпатию, разговорилась с девушкой и поведала ей историю квартиры. Заколдованный замок давно поджидал свою пленницу — еще за год до этой встречи на шестом этаже знаменитого Египетского дома на Захарьевской случился

пожар. Огнеборцы, не скупясь, вылили на пламя двадцать тонн воды, все перекрытия промочило, потолки почернели, и жильцов срочно расселили. Барские квартиры, располагавшиеся по одной на этаж, опечатали, и тут, казалось бы, делу конец, но спустя месяц после пожара с югов вернулась Надежда Васильевна. Бравая таксистка наотрез отказалась выселяться и осталась одна, без надоевших соседей в четырехсотметровой квартире. Вскоре, однако, ее забрали к себе дети, и она подала объявление о сдаче своей комнаты внаем.

Где-то далеко и очень настойчиво звонил телефон. Когда Ольга только купила этот удобный аппарат-трубку, она очень радовалась современной штуковине, но с тех пор как поселилась в этих комнатах, все время его теряла и целыми днями разыскивала. Телефон обнаружился в кабинете под кипой бумаг и рисунков.

— Оля, здравствуйте! — приветствовал ее на другом конце линии приятный мягкий голос. — Это Катя Андреева Как вы поживаете? Хорошо? У меня для вас приятные новости. Ваша заявка побелила в конкурсе, и вы получите грант. Пятьсот долларов. Если располагаете временем, приходите сегодня к нам на Чайковского, в наш маленький особнячок.

Оглушенная нежданной вестью Ольга заголосила от радости и, захлебываясь словами, стала благодарить любезную Катю. Закончив разговор, она уже без всякого стеснения заверещала от счастья и, схватив меланхоличную Майю за передние культяшки, пошла вальсировать. Жизнь художника не сахар, а всего лишь жизнь художника, и посему он часто бывает просто голоден. Ольга голодала уже несколько дней.

Финансовый кризис начался три месяца назад и свирепствовал этой весной как никогда раньше. Сначала он уничтожил одну неделю ее жизни, потом вторую, потом и месяц. Чтобы хоть как-то засыпать ночью, они с Майей ходили по гостям, те кормили их чем могли, но все больше чаем с пряниками. Вскоре столоваться у таких же безденежных художников стало совершенно неудобно, и тут судьба прислала им кормилицу. Странная история — осунувшаяся и неугомонная Ольга стала ходить в казино. Не затем, чтобы играть, а потому что в казино на столах всегда были бесплатные сигареты и крекеры. Флегматичная Майя ждала на привязи, а хозяйка жадно курила и набивала карманы печеньем. За этим занятием ее однажды поймал наблюдавший за залом строгий господин с черной бабочкой и дорогам перстнем на пальце. Допросив смущенную девушку и узнав, что она не игрок, а оголодавшая художница, он

неожиданно проникся милосердием и, не желая более неволить ее гордость, положил в корзинку с крекерами пластмассовый кружочек.

Десять долларов, предложенные кассиршей казино за эту фишку, были большой суммой. Получив их, Ольга поспешила домой, но спустя минуту вернулась и обменяла обратно. Кассирша задорно ей подмигнула. Игра, фортуна, миг, удача — все эти силы подхватили ее фишечку и трижды прокатили по зеленому сукну. Через пять минут на улице красная от счастья Ольга показывала голодной Майе двести долларов.

Они кое-как расплатились за квартиру и стали жить на оставшиеся деньги. Именно тогда, в начале лета, Тимур Новиков и дал Ольге один совет. Выслушивая знакомых, как пастырь прихожан, Тимур многое знал о жизни каждого из них и, желая помочь, щедро дарил друзьям свои мудрые советы. Видя бедственные трудности и лишения на пути молодой художницы, Тимур посоветовал Ольге не тратить на создание дорогостоящих произведений собственных денег, тем более что таковых и не имелось.

— Мы с вами дожили до того времени, — воодушевленно творил Тимур, — когда в нашу страну устремились институции, которые хоть как-то поддерживают современную культуру. Придумайте художественный проект, опишите его и подайте в Фонд Сороса. Техника, в которой вы работаете, сложна, и для создания новых произведений требуются известные средства. Если ваш проект примут, фонд возьмет на себя все расходы. Иными словами, укажите в заявке нужную сумму и ждите ответа.

Воодушевленная перспективой работы над новыми картинами, Ольга не спала две ночи и сочиняла текст. Когда пять мелко исписанных листиков и ворох эскизов были переданы в фонд, она с волнением начала ждать. День тянулся за днем, полетели недели, прошел месяц. Вскоре она совсем махнула рукой и позабыла о фонде, и вот сегодня раздался этот звонок.

— Сорос, Сорос. Кто же такой этот добрый Сорос? — с ликованием вопрошала себя Ольга. — Не важно, кто он, срочно к нему.

Но тут ее ликование вдребезги разбилось об одну-единственную мысль. Ольга села на стул и призадумалась. Растерянность и грусть одновременно сжали ей сердце — она вспомнила о матери. Последний раз она навещала родителей в их муринском доме ранней весной. Тогда, обнимая деда Федю, отца и подросшего брата Сашу, она была рада, но почему-то запомнила только усталые глаза своей мамы. Отец бросил свой завод и стал тихонько попивать, дед болел, Сашка пропадал на

работе, одна она билась там как рыба о лед, сбиваясь с ног на этом средневековом хозяйстве. Магазин, в котором она отработала двадцать лет, продали «новым русским», мама осталась без средств и, не прося помощи, тащила на себе всех мужиков и весь этот заваленный хламом двор, подтопленный огород, стирку, воду и готовку.

«Как же ей дальше жить? — раздумчиво спросила себя Ольга. — Ведь им есть нечего».

Виляя хвостом, к Ольге подошла печальная Майя. Вдвоем они посидели, подумали, и верное решение пришло. Ольга снова счастливо улыбнулась, оделась и отправилась на выставку.

Царство Тимура, «Новая академия изящных искусств», располагалось в доме № 10 по Пушкинской улице. Этот известный своими акциями и творческими мастерскими дом постоянно воевал с городской администрацией и жадными инвесторами, мечтавшими выгнать художников и продать их квартиры. Отбиваясь от нечисти, истерзанная, но все еще не сломленная, Пушкинская, 10 являлась последним прибежищем для сотен музыкантов и художников, обитавших в бездонной глубине ее двора.

«Новая академия» жила особняком от этой массы экспериментаторов от искусства и располагалась на четвертом этаже. У Тимура всегда бывало много гостей и занимающихся студентов, но сегодня было особенно многолюдно — «Новая академия» открывала выставку Георгия Гурьянова, и сам Георгии, строгий и импозантный, как главный герой собственных произведений, стоял, окруженный улыбающимися друзьями и почитателями его таланта. Протолкавшись среди гомонящих знакомых к маленькому кабинету, Ольга увидела Тимура и поздоровалась со всеми присутствовавшими. Небольшая комната гудела голосами, и, улучив момент, девушка завладела вниманием хозяина кабинета

— Все вышло, как вы говорили, — я получила грант от этого Сороса.

— Мои поздравления! — просветлев лицом, воскликнул Тимур.

— Очень хотела начать новую серию, но возникло одно обстоятельство. Я описывала в проекте пять фотографических работ, а сейчас решила в корне изменить весь проект.

— Так в чем же дело? — удивился Тимур. — Гранты на то и даются, чтобы их тратили на проекты.

— Да, но если этот Сорос решит проверить, как я потратила деньги, а у меня совершенно альтернативный проект?

Тимур радостно засмеялся и на удивление легко вывел Ольгу из одолевавших ее сомнений:

— Ольга, поймите, этот господин Сорос — совсем недобрый старичок в кресле-качалке, и занимается он вовсе не искусством. Людям искусства просто перепадают листочки с огромного денежного дерева, которое трясут такие тузы, как Форд, Сорос и Картье. Деньги, которые они позволяют тратить на культуру, — это капля из того моря денег, которые они прокручивают через свои фонды по всем странам, занимаясь политикой, скупкой сырья и мозгов. Вы вольны делать с вашим грантом что пожелаете. Могу вас успокоить — что бы вы ни сделали — все будет искусством, так уж вы устроены.

Поблагодарив Тимура, счастливая Ольга выбралась из выставочных помещений и уже на лестнице повстречалась с добрым другом Викентием. Они давно не виделись и, испытывая взаимную симпатию, стали рассказывать друг другу интересные новости. Ольга увидела у Викентия висящий на плече фотоаппарат, призадумалась и отвела его в сторонку. Они долго шушукались, а после лицо Викентия расплылось в улыбке, и, взявшись под ручку, они куда-то ушли.

Уже через полчаса веселая парочка появилась в Фонде Сороса Ольга довольно быстро получила свои деньга, а уходя, нежно поблагодарила за хлопоты Катю Андрееву. После этого они с Викентием вышли на проспект и направились к метро. Подземка домчала их до конечной станции, и они оказались за городом.

— Какая тебе больше нравится? — с восторженным интересом допытывалась Ольга у Викентия. — Эта, которая облизывается? Или вон та, с белым пятном на лбу?

Викентий стоял рядом с ней и ошарашенно тер лоб рукой. По растерянному выражению его лица можно было сказать, что он впервые так сомневается в выборе.

— Как, ты говоришь, их зовут?

— Вон та, черная, — это Личинка, — со смехом повторила Ольга. — Вот эта, с пятном, — Румба, а та, побольше, — Ракета. Во, видишь, как смотрит! Голодная.

— Му-у! — томно замычала одна из коров, переминаясь с ноги на ногу и обмахиваясь от слепней хвостом.

— Вот эта, которая сейчас замычала, мне кажется самой симпатичной, — сформулировал свои наблюдения Викентий.

— У той, что Личинка, мне просто имя не нравится, а эта Ракета какая-то криворогая.

— Мы с тобой мыслим, как одна голова! — радостно сказала Ольга. — Все, мы выбрали. Вот эту. Румбу! Румба, Румбочка!

Хорошая. Видишь, на нас смотрит!

— Лишь бы она нас не съела по дороге.

К загончику, где стояли коровы, подошла женщина в рези новых сапогах и синем халате. Ольга отдала ей деньги, а женщина с улыбкой открыла воротца.

— Постойте! — заволновался Викентий. — А вы на нее никакой сбруи не наденете? Как же мы ее поведем?

Женщина вытащила из сапога свежесломаную хворостину и с улыбкой передала ее городскому чудаку:

— Вот тебе сбруя!

За тот час, что они гнали Румбу из местечка Ручьи в деревню Мурино, Викентий выучился заправски управляться с покорным животным. Покачивая при ходьбе необъятным чревом и тряся розовым выменем, черно-белая Румба неспеша шагала вдоль асфальтовой дорога. Вела она себя во время перегона очень прилично, и лишь раз громко выпустила злого духа из-под болтающегося хвоста. Машины притормаживали, и водители, смеясь, кричали им что-то одобрительное, Ольга всю дорогу хохотала, а Викентий деловито тряс хворостиной. Когда они вышли к самой деревне и проходили зеленое поле с лесным пейзажем на горизонте, Ольга понудила Румбу остановиться и попросила Викентия приготовить камеру.

— Пора делать проект! Румба! Ты будешь моей моделью. Ты — как символ надежды! Понимаешь? Все, делай задумчивое лицо.

Румба послушно хлопала своими коровьими глазами, «делала лицо» и с надеждой смотрела вперед. Викентий отснял эту постановку, и довольные друзья погнали животное на родительский двор.

Посмотреть на диво дивное, чисто сказочное явление коровы-кормилицы на двор семьи деда Федора собрались многие старики. Виданное ли дело, средь бела дня явилась к деду его внучка и подарила своей плачущей от счастья матери корову. Еще долго после этого случая, всколыхнувшего дремотную скуку, ходили по деревне россказни про какого-то жида Сараса, который от своих щедрот дарит всем художникам по корове. Сказки эти со временем переплелись с отчаянными враками, но все желающие узнать истину всегда могли пообщаться с дремлющим на завалинке дедом Федором, и уж он-то вносил ясность:

— Это сам Саросос подарил моей Олечке.

Детское счастливое настроение, умывшее душу безмятежным покоем, охватило Ольгу, когда они возвращались в город. Викентий всю дорогу рассказывал забавные истории, она смеялась, все представлялось ей теперь живым и ясным. Ольга

вспомнила свой растопленный ярким солнцем утренний сон и поняла, что сама судьба привела ее за руку к этой корове. Она отдала долг совести, и теперь с легким сердцем может приниматься за работу — кончилась ее черная полоса, она все сделала правильно и за свое терпение получит в награду вдохновение. Когда друзья добрались до Захарьевской улицы и поднялись в мастерскую, за дверью завывала голодная Майя, а в самой двери торчала записочка:

Оленька, жду тебя па свой день рождения, семь вечера, на Фуриках. Егор

— Успеваем! — радостно воскликнула Ольга, показывая записку Викентию.

Он и прихватили собаку и скорым шагом отправились к «Речникам».

«Клуб речников» или, как по-свойски именовали его друзья, «Речники» обретался в свежеотвоеванном сквоге. Веселая компания «Речников», свято чтя традиции художнического самозахвата, нашла эту пустующую квартиру и после непродолжительного зондирования почвы энергично внедрилась. Стародавний роскошный дом с тихим двором и каретными сараями углом стоял в том месте, где улица Фурманова упирается в шумящую машинами набережную Невы. Квартира располагалась на втором этаже и имела пять разновеликих комнат. Состав проживающих в ней друзей все время менялся, но основными поселенцами были: Роман Грузов, Егор Остров, Тимофей Абрамов, Максим Полищук, Стас Макаров, Линас Петраускас и найденный на улице палевый дог, прозванный за прыть и гигантский размер Котиком. С недавних пор в мастерскую к «Речникам» поселился еще и Юрнс Лесник. Таким вот мужским монастырем эти достойнейшие представители авангардного искусства, перформанса и поэзии сложили свои усилия и оживили самый примечательный в городе сквот. Свет никогда не гас в немытых окнах их мастерской. Днем и ночью, как на явочную квартиру, сюда приходили вереницы гостей, перед домом выгружались грузовики с любопытнейшими грузами, иногда из квартиры слышался тяжелый грохот, но чаще всего визг шлифовальных машин и треск сварочного аппарата В предельно короткое время мастерская заполнилась всевозможным металлическим ломом. «Речники» выискивали на свалках куски от распиленных вертолетов, стаскивали на «Фурики» трубы, баллоны, пружины и прочие замысловатые механизмы, а после

кромсали их на части и делали из всего этого всевозможные арт-объекты, движущиеся пневматические механизмы и работавшие под музыку огнеметы.

Еще издалека, подходя к дому, Ольга и Викентий заметили компанию молодежи, топтавшуюся возле арки.

— А что же мы подарим Егору? — с недоумением воск ликнул Викентий. — Неудобно, право, без подарка.

— Нам нечего ему дарить, — беззаботно ответила Ольга.

— Постараемся подарить ему свое общение. Но они не успели обсудить подробностей, как из арки вышел сам именинник и, сияя счастьем, простер к ним руки:

— Олечка! Викентий! Дорогие мои, как я рад вас видеть! Проходите сюда, во двор, у нас сегодня по случаю отличной погоды вечеринка на открытом воздухе.

Дружно захохотав, они поцеловали Егора и проследовал и внутрь. На втором этаже в распахнутом окне мастерской играла музыка, по двору прохаживались человек пятьдесят гостей: художники, тусовщики, разношерстная публика — близкий круг друзей Егора. Все беседовали, пили вино, курили и смеялись. Вскоре появился сам Егор и та, кого он дожидался больше всех, — он вел за руку улыбающуюся Свету Острову. Светловолосая красавица Света имела счастливый и немного загадочный вид, Егор был взволнован, они заметно смущались общего внимания друзей и торжественности момента. Вокруг них столпились друзья, все наполнили стаканы и произнесли тост за именинника. Егор выпил шампанское, нежно обнял раскрасневшуюся Свету и крепко поцеловал. Музыка как-то сразу заиграла громче, и веселящиеся люди пришли в движение. Особое оживление всему происходящему придавал Котик, шнырявший в толпе за длинноухой Майей.

Ольга обошла прямоугольный двор, поздоровалась со всем и друзьями и повстречала Юриса Лесника. Добрый великан в запачканном краской комбинезоне обнял ее и стал показывать свое творение.

— Вот наша пирамида! — со сдержанной гордостью сообщил он, указывая на странный предмет в центре двора.

Ольга подивилась, как она до сих пор не заметила в этом крошечном дворике такое внушительное строение. Над вытоптанным клочком земли возвышалась остроугольная гора, сложенная из одинаковых квадратных камней. Приглядевшись внимательней, Ольга поняла, что это камни — старая брусчатка, которой когда-то был вымощен весь двор. Ремонтники советских времен срыли за ненадобностью этот культурный пласт, и гора

рукотворных камней много лет пролежала без дела, но пытливый глаз Юриса узрел в них монументальную инсталляцию, и «Речники» затеяли строительство.

— Она еще не достроена. Кропотливый процесс, отнимает массу времени.

Юрис вскоре ушел, а Ольга, оставшись одна, долго дивилась его трудолюбию. У пирамиды не хватало примерно трети высоты и не было венчающей всю фигуру верхушки.

Шум разгоревшейся весельем вечеринки окружил ее невидимой стеной и, не замечаемая никем, она спокойно пребывала в задумчивом созерцании. Однако что-то заставило ее встрепенуться, показалось, что кто-то смотрит в спину. Резко обернувшись, она столкнулась взглядом с Андреем Хаасом. Молодой человек стоял, опираясь плечом о стену, курил и пристально смотрел на нее. Ольгу обдало жаром волнения, она попыталась улыбнуться, но увидела, что бледная маска его лица абсолютно бесстрастна. Единственное, на что хватило сил, так это качнуть головой. Андреи шевельнулся и, как ей показалось, тоже улыбнулся. Он ответил очень странным выражением каменного лица, но все же в нем уже не было его обычной холодности.

Она знала этого молодого человека давным-давно, еще с Фонтанки, но очень редко ей удавалось видеть его улыбку и вовсе не случалось разговаривать. Неразговорчивый с девушками Андрей всегда вызывал ее женское любопытство. Несколько раз она пробовала его разговорить, потом просила какой-то фильм, приходила в клуб и даже подарила ему свою выставку. Но все было тщетно — мрачный юноша не оценил кокетства, без слов дал совершенно не нужный ей фильм и попрощался. В клубе случилось еще хуже: поганка Майя наделала кучу на темном танцполе, а танцующие размесили ее ногами по всему помещению. Поняв, кто виновник этой жуткой вони, Андрей побрезговал даже проститься. А печальная загадка с выставкой? Применив все свое обаяние, она обратила на себя его внимание и громко, чтобы все слышали, подарила ему свои талант, а он? Он посерел лицом, что-то пробурчал и убежал из музея, как будто за ним черти гнались.

Припомнив все это, Ольга почувствовала себя неуютно. Прохлада вечера внезапно пустила зябкие мурашки под легкое платье, она поежилась, потерянно оглянулась и вспомнила про свою собаку.

— Маня, Майя! — завертела она головой.

— Она там.

Резко обернувшись, Ольга испуганно ахнула — Андрей стоял рядом, и наморщив лоб, указывал пальцем на мусорный бак.

— Что-то ест, — с серьезным выражением добавил он.

— Бедная, я же ее так и не покормила.

Ольга разыскала Манечку, отругала ее за помойничество и, не удержавшись, взглянула на Андрея еще раз. Он стоял как вкопанный. Это становилось интересным, и Ольгу стало разбирать любопытство. Хорошенько подготовившись, она взглянула ему прямо в глаза и уже не испугалась, как прежде.

«Да он живой!»

Набравшись смелости, она улыбнулась и попыталась беззаботно попрощаться:

— Мы с тобой давно знакомы, но ты, наверное, не помнишь меня. Я — Оля. Если тебе интересны книги по искусству, приходи в гости. Буду рада.

— Хорошо.

Услышав это «хорошо», Ольга просияла и махнула на прощанье ресницами. Она приласкала Майю и поманила за собой. Сделала шаг и снова украдкой посмотрела. Два шага — и снова посмотрела. Пошла потихоньку, оглянулась и увидела, что он идет за ней.

Андрей смущался своего преследования, но ноги сами поведи его за ней из этого гудящего двора Ему опостылела и эта вечерника, и псе гости вместе взятые — бесконечный поток ничего не значащей болтовни, словоблудие, треп под бесплатную выпивку, дым трапы, грохот музыки и горячие бредни дружков. Но поздравить друга было нужно, вот он и явился. Этот день рождения и десятки других уже давно слепились в голове Андрея в мутный ком довольно путаных впечатлений, а когда он закрывал глаза и пытался что-либо вспомнить, то ничего хорошего в голову не приходило. «Смешно, пока жуешь» — так называл всю эту вечериночную болтовню старый друг Сергей Заяц. Мудрый любитель жизни, веселый Заяц был прав, но Андрей пошел еще дальше — ему уже не было смешно даже во время «жевания». Краткий миг вымученного интереса, а после бегство или алкогольные фильтры на уши. Чаще всего спасала музыка, потому и вечеринки в клубе не так изматывали, как «светские», — в грохоте музыки чужой бред практически не слышен.

Вот и сегодня он сонно бодрствовал в мастерской у «Речников», по счастью, ничего не выпил, перевидал всех друзей и уже собрался уходить, как тут увидел эту смешную собаку. Потешное животное, трусливо оглядываясь и подметая ушами землю, пропрыгало к перевернутому мусорному баку и деловито закопошилось в горе мусорных пакетов. Не сразу, но все же вспомнилось, что это та самая за серушка, которая как-то обгадила весь клуб, а хозяйка ее — художница в синем парике.

Тут она сама появилась в центре двора. Не замеченный ею, он замер и стал наблюдать. В динамичном темпе вечеринка бодро двигала людьми, все вокруг шевелились, пили, кричали и активно релаксировали, но эта странная девушка пребывала в каком-то собственном мире и, не обращая ни на кого внимания, молча разглядывала затейливую кучу камней. Все живо вспомнилось Андрею: Фонтанка, 145, кинотеатр «Ударник» и самое непостижимое — ее странный подарок на день рождения, а после его конфуз в музее. Но припомнив это сейчас, он уже не испытал того былого неудовольствия, да и сама девушка теперь не показалась ему такой уж странной. Скорее заинтересовал а, и он проникся уважением к ее покою и благонравной кротости. Она не пила, не дымила табачком, не скалила зубы и не требовала от всех вокруг слушать свою очередную историю.

«Так это уже почти совершенство!» — мысленно завопил он, впиваясь в нее жадным взглядом.

Словно почувствовав его восторг, девушка обернулась и испуганно отвел а глаза.

«Она меня боится, как пугала».

Спасла ситуацию длинноухая собака Девушка стала разыскивать ее, а он набрался храбрости и стал помогать. Его порыв был оценен, и она сказала ему пару ласковых слов, пригласила в гости. Согласился. Конечно согласился. Услышав ее голос, он почувствовал, как забилось сердце. Но тут она стала уходить. Пошла, оглянулась, за ней ее собака, и земля закачалась у него под ногами. Не отдавая себе отчета, он пошел за ней, выбрался на улицу, и они остановились друг напротив друга.

— Почему ты всегда такой молчаливый? — решилась спросить его Ольга после продолжительного раздумья. — Никогда не улыбнешься?

Не найдя нужных слов для ответа, Андрей неопределенно затряс головой и почувствовал предательскую дрожь в коленях. Ольга нахмурилась, промолчала, но спустя миг смягчилась и улыбнулась:

— Тебе, наверное, скучно? Да? Нет того веселья, к которому ты привык. У вас в клубе бывает очень весело. Жаль, что я была там всего пару раз, да и те…

Андрей понял, какую историю она смущается упоминать, и улыбнулся:

— Не бери в голову, тот ваш визит с собакой — просто маленькая забавная история, не более того. Там порой творится такое, что волосы встают дыбом.

— А что? Что? Мне ужасно интересно. Ты извини, что я допытываюсь, просто про клуб рассказывают столько разного, не

знаешь, чему и верить.

— Воображаю себе, что ты слышала, хотя там действительно каждый день происходит такое, что диву даешься.

Ободренный ее интересом, Андрей начал пересказывать один из последних эпизодов: в клуб заявилась бригада уголовников, настолько страшных, что двое охранников прятались от них, лежа на полу в кассе, а третий, Ниндзя, начал махать у них перед носом самурайскими мечами — едва не началась стрельба. Прошло несколько часов, клуб наполнился людьми, и тут начался жуткий потоп. Вода стала выпирать из-под пола и стекаться огромными лужами. Все танцевали в воде, а влажность была, как в бане. После потопа приехали менты с автоматами и собакой, искать наркотики. Включили свет и стали проверять всех поголовно. Эта нюхастая собака сожрала сброшенный кем-то пакетик и сдохла прямо в клубе. Когда менты уехали, танцы продолжились. Но тут приключилась другая история. Как ни странно, тоже с «овердозой» и тоже с собакой. Какой-то наглый журналист из «Коммерсанта» настойчиво пробивался в клуб, но его не пускали, а когда все же пустили, он на радостях так напился, что впал в невменяемое состояние и сделался очень непристоен. Его вывели на улицу, а еще через полчаса охрана вынуждена была спасать его. Дело в том, что, пытаясь справить нужду, этот супермен снял брюки, но потерял сознание и упал. В таком положении его нашел огромный дворовый барбос, который сначала долго лизал его лысую голову, а потом пристроился к голой заднице и стал трахать. Охранники еле отогнали собаку. Но и это еще было не все. Когда утром выключили музыку, «заклубившиеся пацаны» попросили продолжения, и усатый милиционер ходил по клубу с фуражкой, собирал с них двести долларов.

— Так что все это ужасная чушь, и от этого устаешь, — заключил Андрей. — Часто я не разговариваю и не улыбаюсь, потому что мне не о чем разговаривать и особо нечему улыбаться. Очень мало вокруг красивого и хорошего. Клуб — это теплица чужих, дурных наклонностей.

Ольга задумалась, а после, засияв глазами, воскликнула:

— А хочешь, я покажу тебе удивительную красоту?

Потерявшись от смущения, Андрей закивал.

— Пойдем! — стала поторапливать она, запрокидывая голову и осматривая вечернее небо. — Если поторопимся, можем успеть!

Поняв, что настало время куда-то успеть, Андрей по-военному встрепенулся.

— У меня машина! — выпалил он.

— У меня собака, — запечалилась она. — Только что из

мусорного бака.

Вместо ответа Андрей бросился к машине, открыл замок двери и вновь встал как вкопанный.

Не слишком ли он ретив? Может, его поведение покажется ей назойливым?

Но Ольга улыбалась ему.

— Как ее зовут?

— Майечка.

— Садись, Майечка, — с улыбкой пригласил Андрей, распахивая перед бассетом дверь белой «Волги».

Необыкновенное облегчение почувствовал он, покидая эту опостылевшую вечеринку и слыша снова, как звенит вокруг свободная от криков тишина. Он старался не думать о том, что разоткровенничался с той самой девушкой, которая нее время подшучивала над ним. Сейчас, во всяком случае, это не ощущалось. Девушка сидела рядом и без лишних слов указывала дорогу, он немного трепетал от ее близости, но машина быстро летела но улицам и вмиг домчала их до цели.

— Сюда. Хочется успеть, — торопила Ольга,

Закрывая машину, Андрей поднял голову н увидел громадный дом, украшенный по фасаду орнаментом в виде переплетенных змей и букетов лотосов. Ольга отворила высоченную дверь с витражным орлом и поманила за собой. По обеим сторонам этой циклопической двери стояли скрестившие на груди руки египетские жрецы с рогами буйволов и знаком солнца над головами.

— Это мое любимое место, — прошептала Ольга. — Когда мне плохо или мрачно на душе, я прихожу сюда и чувствую облегчение. Это тебе поможет.

Они поднялись в лифте на последний этаж, Ольга привязала Майю на площадке и взялась за перила металлической лестницы.

— Ты первый, а то я в платье.

Не заставляя себя ждать, Андрей послушно полезна чердак и очень скоро очутился в восьмиугольной башенке, а уже оттуда выбрался на опоясавшую ее галерею.

— Не правда ли, красиво! — раздался за спиной счастливый голос Ольги.

Андрей не смог ответить и растерянно промолчал. Под ногами скатывалась вниз латанная после пожара и запятнанная ржавыми лишаями крыша Он испугался неожиданной пустоты под собой и ухватился за поручни. Ломаная линия кровли обрывалась у самых деревьев. Подняв голову, Андрей увидел церковный купол на Шпалерной, за ним бурлила пенными барашками Нева, а дальше, насколько хватало глаз, — крыши,

крыши, дома, шпили и трубы. Они оказались вознесенными выше всех построек, и их величественный город простерся под ногами. С этой высоты было отчетливо видно, как в безбрежной дали его предместий плавно гнется дуга горизонта. Испытывая с детства благоговейный страх перед высотой, Андрей стоял, вцепившись в перила, и не мог пошевелиться. Ольга радостно смеялась, махала руками и показывала ему розные достопримечательности.

— Иди сюда! — кричала она уже с другой стороны. — Вон видишь? Исаакий, Зимний, Стрелка, Петропавловка, но самое главное — то, зачем мы шли, — там! Смотри!

На самом краю этой захватывающей дух панорамы на землю легло огромное пылающее солнце, а вокруг него столпились красные от его пламени облака. Отблески этого пожара золотили старые крыши, воздух над пыльным городом слоился дымами, закат горел, как яркий знак небес, и, восхищая всех, кто его видел, освещал все вокруг мистическим сиянием.

— Удивительная красота, — прошептала девушка.

Ее молчаливый спутник согласно закивал.

— Ты не жалеешь, что согласился сюда прийти? — с тревогой и надеждой спросила Ольга, не отрывая глаз от последнего луча, пронзившего небо.

Андрей встрепенулся, вздохнул и честно признался:

— Я так устроен, что никогда ни о чем не жалею.

— А это хорошо или плохо? — заинтересовалась Ольга.

— Хорошо, потому что легко прощаться.

— А плохо?

— Тяжело прощать.

Как только горизонт поглотил солнце без остатка и свет померк, на крыши пали прохладные сумерки. Белые ночи уже давно отцвели, и в июльском небе стала быстро сгущаться синева ночи. Пока они наблюдали за сменой красок, зажглись дежурные городские звездочки и стаю совсем прохладно. Неизвестно отчего, Ольга очень боялась произнести эти слова и тем не менее набралась духу:

— Ты любишь чай? У меня есть чай. Там, дома.

Андрей улыбнулся и ответил:

— Твоя собака, наверное, тоже хочет чаю, я слышу, как она пищит.

— Боже мой! — воскликнула Ольга. — Опять я ее забыла!

Спускались без лифта, шли пешком. Перебирая ногами ступени, Ольга молчала, а Андрей сосредоточенно разглядывал диковинный подъезд. Радовалась возвращению одна Майя. Допрыгав до площадки четвертого этажа, она остановилась и завиляла хвостом.

— Вот я и пришла, — тихо произнесла Ольга, боясь второй раз заикаться про свой чай.

— Ты здесь живешь? — изумился Андрей.

— Здесь.

— А где ты пьешь чай? — улыбнулся он. — Покажешь?

Ольга покраснела и загрохотала ключом в двери.

Андрей повидал много разных мастерских, но все же подивился безбрежности этой квартиры. Огромное, пахнущее старой пылью пространство с почерневшими от потопа потолками напомнило какой-то призрачный мир, растворенную в океане Атлантиду, а больше того — заколдованный замок.

Ольга заварила бледный чаек и стала хлопотливо показывать ему все самое интересное. Наблюдая за тем, как она бережно подает свои рисунки и фотографии, Андрей уже все для себя решил и теперь терпеливо выжидал, что же будет дальше. Ольга, напротив, пребывала в полной растерянности. Она показывала ему все свои работы, эскизы, наброски, абстрактные акварели, коллажи и мучилась, когда представляла, как он сейчас кашлянет в кулак и соберется уходить. Образный мир ее увлечений и творчества был весь как на ладони, а по выражению его лица она так и не поняла — занимает ли он его хоть чем-нибудь.

Пытка стала невыносимой, когда она поставил свою пустую чашку на стол и они замолчали. Это короткое молчание показалось Андрею вежливым объявлением конца аудиенции. Не привнося своих эмоций и домыслов в реальность, Андрей поднялся и вознамерился прощаться.

Видя, что он встал и сейчас уйдет, Ольга погасила вздох и поднялась вслед за ним.

Вдвоем они молча прошли полутемный коридор и замешкались у двери.

Андрей не знал, что ей сказать: «До свидания» или, может, «Спасибо за чай», а Ольга не знала, что ему предложить на прощание — заходить в гости или передавать приветы друзьям.

— Останься, — прошептала она, едва не расплескав глазами страх своего одиночества.

— Только если с этой минуты ты станешь моей женой, — показал он ей свой петушиный хвост.

— Я согласна, — еще тише прошептала она, взбираясь пальцами ему на плечи.

15

Во второй половине 1995 года в ночных сражениях между мегавечеринками сложилась по-настоящему штурмовая ситуация,

и возникший ход событий привел к очередному перераспределению клубных сил. Оставившие «Тоннель» Денис Одинг и Олег Назаров организовали собственную промоутерекую компанию и назвали ее «Контрфорс». Новая «противосила» собрала вокруг себя группу инициативных единомышленников и немедленно приступила к Соевым действиям. Первым шагом на их пути к тотальному успеху стала серия масштабных вечеринок. Избрав направлением своей деятельности глобальные мероприятия, Денис Одинг, Олег Назаров, Маша Малое, а также присоединившиеся к ним Миха Ворон и Слон устроили в помещении киностудии «Ленфильм» революционный по своей технической постановке «Рейвмонтаж». С первого раза они вышли на качественно новый уровень в организации подобных акций, запустили массированную рекламу своего проекта и добились значительного успеха. На втором «Рейвмонтаже» более трех тысяч молодых людей осаждали историческое здание Центрального выставочного зала «Манеж». «Рейвмонтаж» мгновенно стал знаковым брендом, и «Контрфорс» все чаще приглашал для него самые верхние строчки международного букинга. Усилиями этих промоутеров в Петербург были импортированы танцевальные мегамонстры: WestBam, Marusha, Awex, Jeff Mills и Carl Cox.

Вскоре после этого ошеломляющего старта Олег Назаров уехал в Германию, а вернувшись, оставил прежних партнеров и организовал собственную компанию «Sound Reflex». Решив действовать самостоятельно, он подготовил и осуществил в ТЮЗе не менее масштабный проект «Нулевой отсчет» с Марком Шнайдером. Следом за пришедшим после этого успехом Назаров привез Космик Бэбп и провел в павильоне «Ленэкспо» красочное выступление Свен Ватта.

«Контрфорс» также не стоял на месте и к концу этого насыщенного событиями года представил танцующей молодежи свою новую разработку — «Восточный удар». Одновременно с появлением этого крупнейшего серийного рейва «Контрфорс» открыл регулярную передачу, посвященную электронной музыке, на радио «Европа плюс» и начал подбирать ключи к самой значимой городской арене — Дворцу спорта «Юбилейный».

К началу 1996 года встряска, вызванная промоутерскими компаниями и их безостановочной деятельностью, заставила коммерческий клуб «Планетарий» активизировать свою работу. Питаясь отвоевать часть утерянных с момента открытия позиций, клуб пригласил на работу нового арт-директора. Им стал Михаил Бархин. Получив в свое распоряжение этот памятник клубной культуры, Бархин затеял там значительные преобразования, а после рестайлинга внешнего и внутреннего содержания клуб

стартовал с новой международной программой.

Но основной целью Бархина в Петербурге было не это — ему, как архитектору и театральному художнику, предложено было строить совершенно новый клуб. Огромный кинотеатр в переулке Антоненко, в сердце исторического Петербурга, был выкуплен сигаретными магнатами, и по замыслу своих новых владельцев должен был стать самым крупным и многопрофильным клубом города.

Одновременно с реанимацией «Планетария» и начавшимся строительством клуба-гиганта в Петербурге начал и действовать сразу несколько новых клубов.

Популярнейшая среди интеллектуальной молодежи группа «Два самолета» завладела небольшим подвальным помещением в «Театре нерешенных проблем» и открыла в нем Культурный клуб «Нора». Несмотря на свою простоту и карликовый размер, этот клуб, как, впрочем, и все, что делали «Самолеты», вызвал у публики достаточный интерес, и «Нора» начала жить своей обособленной жизнью. На ее крохотном танцполе путевку в жизнь получили несколько молодых диджеев. В «Норе» танцевали, иногда проводили концерты, показывали кино и устраивали алкогольные хеппенинги. «Культурный клуб» на Литовском проспекте собрал тех, кому по разным причинам было неуютно находиться или далековато ездить в «Тоннель», и стал разменной картой «Двух самолетов» в большой игре за собственный клуб.

Следом за маленькой, но в какой-то мере культурной «Норой» открылись практически бескультурные «Спортивная» и «Трансформатор». Беспредельная удаль и незатухающий по утрам поствечсриночный наркотический бред толкнули тех, кому это было близко, на открытие собственных клубов. Так появились эти два внешне не похожих друг на друга, но одинаковых по сути клуба для «безбашенных» и «обколбашенных». Разница между ними была лишь в явно выраженной локальной привязке мест: в спрятанной на Каменном острове «Спортивной» большей частью отрывались «пацаны», зажигающие в стиле «Давай! Давай!», а в «Трансформаторе» рвали нервы все остальные, без каких бы то ни было различий и стилевых ограничений. Но там и тут основной кураж начинался с шести утра когда из разных мест в «Спортивную» и «Трансформатор» начинали съезжаться «непримиримые».

Но не только эти ужасы «нон-стопных» клубов и монструозные битвы танцполов гремели в начале 1996-го. Летом того же года на дамбе в Финском заливе «Клуб речников» организовывает первый российский open-air «Нелегальный пикник».

Началось все с того, что из Германии в Петербург вернулся «речник» Роман Грузов. Проводя в Германии массу времени, живя на корабле «Штубниц» и общаясь с различными саунд-системами, Роман повстречал на одном из немецких рейвов своего одноклассника Дениса Александрова. Старые товарищи оказались объединены общей страстью к металлическим объектам и по возвращении в Петербург именно это увлечение познакомило их с Мишей Бархиным. Строительство клуба-гиганта только начиналось, и Бархин пригласил «Речников» для работы в этом амбициозном проекте. «Речники» получили заказ на производство киберклуба и, окрыленные успехом, решили устроить вечеринку на открытом воздухе. Идею места подсказал Олег Назаров — узкая десятикилометровая насыпь в мелководном заливе соединила несколько боевых фортов петровских времен. На одном из них, с земляными крепостями, пакгаузами и казармами гарнизона, обнаружилась гранитная площадка береговой батареи. Подготовка пиратской вечеринки была проведена в лучших традициях «Spiral Trible»: кабина от «КРАЗа» для диджея, кусок краденого кабеля для электричества, металлический бар для гостей и сто пятьдесят флаеров для рекламы.

«Нелегальный пикник. Новые развлечения под открытым небом» — вот что было написано на этой листовке.

Ожидая увидеть человек сто друзей, «Речники» были изумлены, насчитав на форту около пятисот танцующих. По их приглашению на open-air приехал целый автобус с немцами из «Interflug Galactic» — лучшего берлинского клуба «Eimer». Играли бескопромиссная Аяжела Шульженко, Слон и диджей со «Штубница» Кусто.

Это небольшая по сравнению с уже привычными рейвами некоммерческая вечеринка положила начало ежегодному исходу танцующей молодежи из душных клубов на лоно природы.

Следом за знаковой для молодежи вечеринкой на ночной дамбе произошло еще одно событие, позволяющее многим надеяться, что времена меняются в лучшую сторону, — открылся первый гей-клуб. Расположившийся в районе Технологического института «Клуб 69», или, как его еще называли, «Цифры», сразу занял свободную нишу комфортного и тщательно, оберегаемого от посторонних, мужского клуба. Но уже очень скоро веселящийся «69» вызывал непредвиденную реакцию у людей, весьма далеких от гей-эстетики, и наряду с теми, кому это место предназначено, в «69» устремились вполне «натуральные» граждане, а более того — их страдающие дорогостоящим абсурдом подруги. Всех манил уют приватного клуба, быстрый сервис, кондиционер и чистота в туалетах. В кратчайшие сроки

«Клуб 69» стал гиперуспешным коммерческим проектом и, оттянув на себя часть обуржуазившейся публики, начал выкачивать кучи денег из их бездонных карманов.

Но время шло быстро, а события развивались еще быстрее, и вот наступил тот октябрьский день, когда распахнулись тяжелые двери нового детища легендарных «Самолетов». Земляной курган на Воронежской улице очень напоминал своим первым гостям подземного праотца всех клубов «Тоннель», но это было только внешнее сходство. Новый клуб был очень мал, а по сравнению с индустриальными масштабами Планетария казался просто крошечным, но его размер никого не смущал, так как с первой же вечеринки он стал «молодежным местом». Мыслящая и свободолюбивая молодежь обрела новый клуб, а породившие этот проект «Два самолета» нарекли его Модным клубом «Грибоедов».

Помимо самих «Самолетов», в «Грибоедове» получили прописку множество разных групп и музыкантов. Там устраивались концерты, играли диджеи, показывали кино, проводили турниры по шахматам. Клуб формировал свое творческое ядро и вырабатывал самобытный, ни на кого не похожий стиль работы. Камерность «Грибоедова» позволяла считать его клубом общения. В клубе была одна дверь, одна лестница, один гардероб, один бар, один танцпол и один приватный офис. В этом самом офисе за нардами или в пылу веселья всегда можно было встретить десяток известных городских персонажей и кого-нибудь из самих «Самолетов».

Не отвлекаясь на ложные цели, Модный клуб «Грибоедов» семимильными шагами шел к званию городского культурного явления. На его танцполе культивировался целый ряд музыкальных проектов, клуб пропагандировал широкий спектр развлечений и привечал у себя необычайно преданную публику.

В это же время первая буква техноалфавита, клуб «Тоннель» горел родовой горячкой и «отжимал» у завода вторую часть своего необъятного Подземелья. Брошенный Госзаказом и раздавленный долгами, завод-основатель был давно объявлен банкротом, а гектары его цеховых площадей заморожены кризисом. Используя трудность момента, настойчивое нытье и мелкий подкуп, «Тоннель» добился от подавленной дирекции уплотнения склада и завладел новыми площадями. В традиционном для клуба стиле «жесткого минимализма» была проведена мгновенная реорганизация, и гости клуба получили долгожданный чилаут.

Дела в самом клубе шли весьма стабильно, и, не ломая

сложившихся правил, эта старейшая фабрика развлечений не спеша коптила ночное небо. Стяжав себе всю возможную наземную славу, «Тоннель» давно стал потрескавшейся от времени клубной иконой и со спокойным равнодушием взирал на изощренные соревнования своих молодых конкурентов. Магнетизм старого, намоленного клуба с годами только усилился, и «Тоннель» крепко держал своих друзей в тесном круге общей привычки. Все они время от времени возвращались в него, как в собственный дом, танцевали, общались и веселились. Интенсивный метаболизм клубной жизни быстро старит технофанатов, а прошедший огонь и воду «Тоннель» являлся той самой ветеранской клиникой, где бывалые рейверы правили душевные силы. С годами в Подземелье исчез его былой яростный надрыв, смягчились нравы времени, и сила музыки сдружила огромный пласт людей. Не смешиваясь в своей обычной жизни, они по-прежнему приходили сюда под покровом ночи и привычно считались в клубе старыми друзьями по танцполу.

Протянувшаяся почти четыре года долгая жизнь «Тоннеля» сдружила не только его многочисленных поклонников. Спаялся в одно целое и персонал клуба.

Исполнительские междоусобицы были тоже в давнем прошлом, и «тоннельная» резидентура теперь охватывала лучших городских диджеев: Бумер, Сварщик, Демидов, Лавский, Массаж, Полена, Хаас, Залогин, Пуго, Славянка, Слон, Чори, Став, Примат, Юджин, Шульженко, Кузьма, Демидов, Питер Асиди, Квест, Тук, Тоник. Частенько из Москвы наведывались Зорькин, Еж, Фонарь и Компас.

В клубе снимались фильмы, устраивались художественные выставки и работала школа диджеев. Но старенькие механизмы Подземелья были уже порядком изношены и частенько давали сбои: требовалось постоянно латать аппаратуру, чинить электричество, бороться с потопами и перепадами температур, однако клуб был еще жив и закончил 1996 год суточным марафоном всех своих двадцати диджеев.

Начался 1997 год, и с его наступлением время на ночных танцполах стало кружиться еще быстрее. Бесконечный поток клубных событий, вечеринки, рейвы и концерты оклеивали все городские стены нескончаемой чередой афиш и плакатов.

В начале года открылся клуб «Пирамида». Раззолоченная и расписанная фресками, выстланная гранитом и украшенная скульптурами, «Пирамида» с первого дня довольно холодно посмотрела на танцующую молодежь. Всякое веселье, а тем более танцы в помпезной обстановке нового клуба отягощались

давящей массой его древнеегипетского храмового величия. Продержавшись некоторое время в неопределенном состоянии, роскошный клуб сделал крен в сторону солидной публики и закрыл свои двери перед клубными тусовщиками.

Примерно в это же время открылся первый виниловый магазин «Пластмасса». Братья Хаас, Марат Муракаев и два партнера из «Plasma Promotion» собрались в одну команду. В небольшом помещении роскошного дома Бенуа на Каменноостровском проспекте они сделали ремонт и учредили торговую компанию. Алексей отправился в Англию и привез для магазина пластинки, диски, иглы, сумки, наушники и прочие необходимые диджеям вещи.

Все та же «Plasma Promotion» заключила с «Тоннелем» промоутерский контракт и начала длительную серию вечеринок под своим патронатом.

Весной в Петербург приехал Свен Доз из «Superstition rec.». Компания Олега Назарова «Sound Reflex» представила публике красочную вечеринку в павильоне киностудии «Ленфильм»: огромные декорации, изображающие старый буддийский храм, мощные лазеры, гоа-трансовый флюродизанн, экшн с настоящими буддистами и барабанщики на танцполе. Помимо иностранной звезды, питерская публика снова услышала вернувшегося из Индии диджея Гаврилу.

В канун наступления лета, последним майским днем, в Знаменке, ближайшем пригороде Петербурга, состоялась невиданная по масштабам вечеринка «Air Fair». Это был уже второй после «Нелегального пикника» open-air, но на этот раз глобальная party на открытом воздухе консолидировала все клубные силы и превратилась в триумф промоутереких возможностей.

Организовали «Air Fair» Михаил Бархин и Олег Назаров. Стремительно приближалось открытие строящегося в переулке Антоненко мегаклуба «Порт», и Бархин получил небольшой бюджет на предпусковую рекламную акцию. Деньги были скромные, но и их хватило для того, чтобы собрать на «Air Fair» шесть тысяч человек. Городские власти были в шоке: 31 мая — в День города — требовались пафос и правопорядок, а тут — неожиданное и никем не санкционированное тысячное скопление молодежи на развалинах в Стрельне.

Как и в истории с нелегальной вечеринкой «Речников», все происходило по полупиратскому сценарию. Под мнимым предлогом съемок художественного фильма напористые

промоутеры захватили развалины конюшен императора Николая I и приступили к энергичным действиям: от ближайшей трансформаторной будки подключили электричество, установили тридцать киловатт ураганного звука, подсветили руины мощными прожекторами и стробоскопами, подожгли бочки с огнем. С наступлением темноты к месту действия стала съезжаться молодежь. Всю ночь между последней станцией метро и Знаменкой курсировали переполненные автобусы, и уже к двум часам ночи вся местность вокруг вечеринки кишела взбудораженными людьми. Дымящиеся кострами дворцовые руины изобиловали провалами и обрушающимися перекрытиями, так что только чудо спасло тех, кто в творящейся неразберихе залезал танцевать на самые высокие точки шатких стен.

Специально для игры на «Air Fair» в Петербург прилетел Чарли Холл, а помимо лондонской знаменитости, на трех площадках выступили практически все клубные диджеи. Вечеринка запомнилась всем, кто на ней побывал, и стала мощным проявлением одухотворенной коллективной энергии.

Через три месяца после этой громоподобной акции клуб «Порт» открыл первое независимое радио «Порт FM». Программным директором новой станции, вещающей исключительно в танцевальном формате, стал Федор Бумер. На волне «Порт FM» начали играть все прогрессивные диджеи, открылись авторские передачи, и нон-стоп, без рекламы, звучала электронная музыка всех стилей.

Прошло еще какое-то время, и город заполнился загадочными символами, напоминающими перепуганным гражданам мельницу свастики. Демонические плакаты трубили об открытии мегаклуба «Порт». Продукт двухлетнего труда большой команды участников — гигантское здание, наполненное дизайном, светом, компьютерами, объектами и инсталляциями. Клуб «Порт» непостижимо велик. В его необъятных пространствах вмещалось полторы тысячи человек, там были огромный танцпол сдвигающимися конструкциями, сияющие сталью бары, фантастический киберклуб, вы ставочная галерея, кинозал, чилаут и многое другое. Автором дизайна и идейным вдохновителем проекта стал Михаил Бархин, промоутером клуба — Марина Икока, букинг- и арт-менеджером — Олег Назаров.

С момента своего открытия «Порт» позиционировался как городской культурный вектор, объединяющий все творческие силы, по прошло всего два месяца, и начались недоразумения. Первыми мегаклуб покинули Марина Икока и Олег Назаров, следом за ними ушел куратор галереи Егор Остров, далее — создатели киберклуба «Речники», а потом уже и сам Миша

Бархин. Когда исход талантливых личностей из клуба завершился и их место заняли более сговорчивые сотрудники, «Порт», не мудрствуя, продолжил работу, сориентирован свои мощности под непритязательные запросы среднего обывателя. Кратковременная культурная жизнь этого многообещающего проекта явила собой первый в истории ночных клубов пример полной несовместимости ярких персоналий и высокобюджетных коммерческих конструкций.

1997 год шел к завершению. Петербург, колыбель русского рейва, к этому времени стал уже по-настоящему клубным городом. Как грибы после дождя росли новые места, публика рассредоточивалась в них но интересам, училась ориентироваться в музыкальных направлениях и определялась в предпочтениях. Десятки талантливых диджеев играли в клубах, молодые композиторы писали музыку завтрашнего дня, а нетерпеливая молодежь танцевала под нее уже сегодня. Постепенно менялись и сами клубы. Растущие запросы разбалованной вечеринками публики все время вынуждали их искать что-то новое, клубы разбивались по жанрам и стремились перещеголять друг друга крутостью имен, ценами и дизайном. Стали более привычными и гигантские танцевальные поля. Этой участи не избежала ни одна крупная площадка в городе. Предприимчивые промоутеры успели наплодить вечеринки везде где только возможно, и молодежь танцевала в школах, кинотеатрах, гаражах, в цирке, на заводах и спортивных аренах. Вирус ночного веселья заразил десятки тысяч человек, и теперь эта масса тратила на вечеринках такое количество денег, что клубное движение стало интенсивно развивающимся сегментом гигантского бизнеса развлечений.

Ранняя тьма декабрьского вечера залепила все окна гостиной комнаты черной бумагой, а яркие звезды проткнули в ней тонкие дырочки. На улице подморозило, подвывающий ветерок тряс стекла в старых рамах, но в доме было тепло и покойно. В полутемной комнате перед дышащей жаром печью сидели Ольга и Андрей. Отсветы пламени из распахнутой топки плясали по лицам, а сзади на стенах дрожали две их гигантские тени. Андрей стучал кочергой по раскаленным углям, и снопы искр сыпались на медный лист перед его ногами. Процесс поддержания огня действовал на него успокаивающе, он шевелил горящие поленья и, глядя на шипящие в черных трещинах струйки дыма, воображал себе, как миллионы микроскопических галактики миллиарды звездных миров рождаются и умирают в каждом миге этого жаркого пламени. Помыслы его устремлялись к тому, что, возможно, и вся наша планета, все сущее, все эти болтающиеся в

космосе триллиарды тонн материи — все это лишь язычок пламени в какой-то невиданной печке вселенского зарождения. Наливаясь теплом очага, Андрей молча любовался красным цветком жизни, а сидящая рядом Ольга с таким же вниманием разглядывала лежащего в кроватке маленького мальчика Этот крохотный мальчуган родился год назад и появился на свет с таким серьезным лицом, что получил от отца богатырское имя Аким. Ольга безмолвно смотрела на свое дитя и, как птица гнезду, тихо радовалась домашнему покою. Раскинув в стороны ручки и ножки, младенец беззвучно спал. Изредка черты его лица подергивались, он супил во сне брови и сжимал пухлые кулачки.

— На тебя похож, — прошептала Ольга, поворачиваясь к мужу. — Такой же строгай бываешь.

Андрей самодовольно улыбнулся — родившийся сын крепко тешил его мужское самолюбие, лечил душу от нервной лихорадки. В такой день, как сегодня, это было особенно нужно — вечер пятницы приближался к полночи, а за ней наступала суббота Пятница и суббота — для Андрея эти дни уже давно превратились в тяжелую и неизбывную повинность. На протяжении нескольких последних лет он почти каждую неделю хоронил их в подземном склепе, сжигая на том массу сил и невосполнимой душевной энергии. Хочешь не хочешь, а кипящий котел клуба настойчиво требовал присутствия, и, невзирая ни на какие настроения, ему приходилось бросать в него свои кости. Мысль о клубе заставил а нахмуриться, он взглянул на часы и с облегчением вычислил, что до вечеринки еще три часа. Целых три часа покоя, а потом…

Эта лошадиная усталость и мрачное восприятие своей некогда веселой профессии появились не так давно. Просто однажды он вдруг с ужасом понял, что абсолютно омертвел внутри, устал — и более всего от бесконечного потока людей, протекающего мимо него через клуб. Тогда же Андрей стал остро ощущать свое одиночество и обреченно осознавать, что никто не придет ему на смену ни завтра, ни послезавтра, ни в пятницу и ни в субботу. Никогда, и он один, вот так вот, будет вечно развлекать незнакомых ему людей в этой веселой подземной могиле. Старший брат пропадал в Москве, строил клубы и рестораны, в Петербурге бывал наездами, а когда бывал, Андрею было неловко признаться, что он задыхается в Подземелье и оно преследует его мучительными приступами клаустрофобии. Гордо и страшась насмешек, он тащил этот семейный бизнес и опирался только на друзей — преданный Данила возглавлял барное хозяйство, а старина Бучин стоял на входе бессменным администратором. Вместе они тянули тяжелый воз клуба, но

былой радости от процесса уже никто не испытывал. К пятому году этой клубной каторги Андрей нажил такую депрессию, что теперь частенько вспоминал самое начало, первый год после открытия «Тоннеля». Перед глазами проносились тысячи лиц, и припоминался радостный вкус новизны происходящего. В такие минуты он мог подолгу стоять у бара и, отгородившись от всех стеной молчания, разглядывать в памяти тех, кто был с ним вначале, тех, кто ушел потом, и тех, кого молодым забрала лихая доля. В клубе уже давно привыкли к его задумчивому одиночеству и в последнее время не видели Андрея веселящимся. Впрочем, сам клуб и не нуждался в его веселье — весельчаков тут хватало, — но и не отпускал от себя. Андрей стал заложником Подземелья, прикованным к нему цепями своего странного имиджа.

В прихожей раздался звонок. Андрей встрепенулся от дум и, повинуясь немой просьбе жены, принял на руки спящего сына.

— Отнеси его в спальню, — прошептала Ольга.

Андрей осторожно понес мальчика в дальнюю часть квартиры, а когда вернулся в гостиную, увидел Тимура Нопикова. Озябший с морозца, Тимур сидел на низеньком стульчике и с удовольствием протягивал руки к огню. Друзья поздоровались, принялись за чай и, как всегда, разговорились.

— Андрей, могу предложить вам интересный эксперимент, — с загадочной улыбкой сообщил Тимур после некоторого раздумья. — Он достал из кармана футляр от фотопленки и поставил его на столик среди чашек. — По своей сути это настоящая машина времени. Но должен предупредить — это эксперимент с магической составляющей, и, возможно, он опасен силой своего сжатого времени. Если не боитесь, можно попробовать.

— Вы меня заинтриговали. Я обожаю фантастические истории, — оживился Андрей, с интересом поглядывая на черный футляр. — А бояться мне нечего. Что там? Фотопленка?

Тимур улыбнулся и неопределенно качнул головой:

— Отчасти можно сказать и так. Скорее зашифрованная информация, предназначавшаяся человеку невероятных возможностей. Она побывала с ним в таком месте, которого боится даже тьма, а потом досталась нашим с вами современникам, а уже от них ее часть переместилась в эту' баночку.

— Так что же это такое? — теряясь в догадках, воскликнул Андрей. — Манускрипт? Папирус? Крем Азазелло?

Тимур открыл крышку, и на чайный столик выпал темно-

зеленый камешек. Все притихли и уставились на магический предмет.

— Это окаменевшая в медном колчане марихуана, пролежавшая две тысячи лет в гробнице скифского воина, — спокойно сообщил Тимур. — Мой друг, хранитель отдела сарматской культуры Эрмитажа, подарил мне этот камешек, догадываясь, что я не удержусь от эксперимента. Андрей повертел артефакт в руках, понюхал и нахмурился:

— Выглядит как самая настоящая трава, только очень твердая. А я ведь занимался археологией. Школьниками мы ездили с киевской Академией наук в степи, на раскопки. Эти курганы — страшные порталы времени, и все, что из них достают, обладает непостижимой силой. Говорят, что те женщины, которые по глупости примеряли украшения погребенных, получали ожоги на коже и страдали кошмарами. Культ скифского погребения очень страшен.

— Я кое-что знаю об этом, но с удовольствием послушаю еще. Расскажите-ка нам подробнее, — с улыбкой попросил Тимур, начиная крошить в табак окаменевшую траву. Андрей подкинул в печку дров, подлил всем чаю и стал рассказывать:

— Попробуйте вообразить себе жизнь и нравы кочевых племен, основной заботой которых были грабежи и войны. Яростным вихрем они носились по степям, грабили, жгли и убивали всех и все, что могли настигнуть. Помимо грабежа скотоводов, они еще бились между собой, враждовали и оттого многие гибли. Одним словом, смерть была такой обыденностью, что без страха воспринималась как продолжение жизни. Так вот. Когда убивали простого всадника, то его в лучшем случае забрасывали камнями, чтобы зверье не съело, но когда погибал знатный воин или глава целого клана — вот тут начиналась самая жуть. Племя находило место, рыло катакомбы, после укладывало в могилу нарядно одетого покойника, а за ним его жен, детей, друзей, всех слуг, лошадей и все, что могло понадобиться ему на том свете: драгоценности, оружие, еду, питье и, по всей видимости, траву.

— Какой ужас! — воскликнула Ольга. — А как же они уговаривал! живых лечь в могилу?

— Я думаю, ударом топора, — успокоил ее Андрей. — Но это не все. После погребения рыли круглый поминальный ров, и племя долго пировало. Когда вечеринка заканчивалась, наносился огромный земляной холм, и они навсегда покидали это место.

Тимур зажег сооруженную сигаретку, затянулся дымом и закашлялся:

— Как же они курили?

— Они бросали траву в костер, садились вокруг и дышали, — закончил свой рассказ Андрей, принимая дымящуюся сигарету.

Андрей смолк и снова уставился в жаркое окошко печки. Услышанное более всего потрясло Ольгу. Она испуганно держала себя руками за щеки и часто моргала. Тимур, безусловно, знал все подробности этого древнего культа и оттого спокойно улыбался. Все помолчали несколько минут. Но постепенно тягостное впечатление от языческих нравов развеялась, все посветлели, и оживившийся разговор завертелся вокруг проекта «Passiones Luci». Стали разглядывать только что отпечатанную книгу, обсуждали тексты статей и иллюстрации к произведению. За второй кружкой чая Тимур с Ольгой еще долго говорили о каких-то выставках, строили аланы. Так прошел еще час, а после этого Тимур попрощался и ушел.

— Поспи, — ласково попросила Ольга.

Очнувшись от грез, Андрей потянулся всем телом, поцеловал жену и перебрался на необъятный диван.

И он заснул. На удивление быстро заснул. Поначалу сон был мягкий и глубокий, жаркий сон у мерцающего огня. Андрей погрузился в него, как в теплую воду, и, не силясь разбирать замысловатости сюжета, свободно парил над его сутью. Видение раскачивало его на тонкой нити, соединявшей разум с воображением, и все вокруг заплеталось красивыми узорами сонных мыслей. Но неожиданно раздался писк — эта тонкая связь лопнула, как гитарная струма, и, кувыркаясь в образовавшемся смятении, Андрей стал быстро падать в какую-то бездонную яму. Во время этого стремительного падения у него закружилась голова, тело перевернулось несколько раз, и он с хрустом костей упал на что-то твердое.

— А-аа!! — простонал Андрей, скрючившись от боли.

Короткая вспышка света на миг осветила мир, в котором он очутился, — квадратная темная комната без окон и дверей. От увиденного по всему телу растеклась холодная дрожь и натянувшиеся нервы стали выкручивать мускулы. На миг показалось, что нечем дышать. Трясясь от ужаса и захлебываясь удушьем, он попробовал подняться, но в полной тьме ударился обо что-то головой, оступился, закачался, попытался дотянуться до стены и вцепился пальцами в сырую землю. Под ногами удалось что-то нащупать. Как слепец, он упал на колени, обшарил находку, и похолодевшая душа отчаянно затрепетала в груди. Перед ним лежал человек с ледяной кожей. Мошла. Он упал на самое дно глубокого могильника и попирает ногами

погребенного в ней воина в богатом боевом убранстве.

— Боже мой!!! Зачем я это сделал! — отчаянно завопил Андрей, но страх сдавил ему горло, и он захлебнулся хрипом.

Но никто ему не ответил. Полная тьма и абсолютная тишина окружали его со всех сторон. Сила времени зашвырнула его так глубоко, что он не мог заставить себя даже подумать о месте своего пребывания. Не в силах побороть подступивший ледяной ужас, он снова страшно закричал. Но собственный крик напугал его еще больше. Не понимая, что делает, он повалился навзничь и стал отползать от страшного соседа. Страх от близости смерти сдавил волю. Задыхаясь от кошмара и мучительно боясь покойника, он уперся спиной о земляную стену катакомбной шахты и застучал зубами. Постепенно глаза стали различать очертания погребальной камеры и простертую на полу фигуру. Свет, но откуда он? Пол и стены — сплошная земля. Свет над ним, или это только кажется? Да это же вход в склеп! Через него он сюда попал. Задрав голову, Андрей мутными от страха глазами стал рассматривать в черной пустоте над собой голубое пятнышко неба. Да, там есть свет, и там есть жизнь. Ему нужно туда. Наружу, наверх. Вдруг ему показалось, что покойник пошевелился и издал тяжелый вздох. Не выдержав более этой пытки, Андрей закричал что было сил и, раздирая пальцы, стал карабкаться по отвесной стене земляного колодца. Все, это конец. Сверху посыпался ручеек песка, а вслед за ним стали падать комья земли.

«Они зарывают вход!!! — взорвалась мысль. — Нужно кричать!! Аа-аа-аааааа!!!»

Кто-то сзади схватил его за плечо и потянул. Андрей рванулся всем телом и попытался поднять руки, чтобы защититься, но стал терять сознание и сквозь гул пульсирующей крови услышал далекий голос:

— Андрей!!! Проснись! Что с тобой?!

Упав на спину и закрываясь руками, едва не плачущий, Андрей обнаружил себя лежащим на диване. Прямо перед глазами плавало встревоженное лицо Ольги, она что-то говорила ему, но из-за шума в голове было не разобрать. Склонившись над мужем, Ольга трясла его за плечи и с волнением всматривалась в испуганное лицо:

— Что с тобой? Ты так кричал. Я испугалась.

— Там… — пролепетал он.

— Что там?

— Я был сейчас там. В том погребении, откуда эта трава. Меня едва не оставили там, в могиле, когда засыпали вход. Я чуть с ума не сошел от страха.

— Успокойся. Это всего лишь сон, плохой сон.

— Нет. Это не сон. Это какая-то страшная реальность. Она была рядом, и я был внутри нее. Это не сон, это черное зеркало жизни. Я увидел в нем себя, и теперь мне страшно.

— Не бойся. Ты увидел не себя, а свои страхи. Ты у меня смелый и ничего не боишься — просто не выспался и плохо проснулся. Ты очень впечатлительный, но за это я тебя и люблю.

— Господи, зачем я согласился на этот опыт!

Андрей сел и стал тереть лицо руками. Пелена жуткого сна постепенно спадала, но душу все еще морозил лед испуга.

— Просто тебе нельзя было ложиться спать. Да еще перед камином. Но сейчас полночь, и тебе нужно идти в клуб. Когда вернешься, мы что-нибудь придумаем. Завтра воскресенье, а в этот день все воскресает. Когда ты утром вернешься, тебе будет уже легче. Ты избавишься от своих страхов и спокойно заснешь, а когда проснешься, тьма рассеется и снова будет светить солнце.

— Ты думаешь?

— Чувствую.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Веря и не веря, где только что побывал, Андрей в полном смятении собрался и отправился в клуб. Кошмарный сон произвел на него такое тяжелое впечатление, что, подъехав к «Тоннелю», он увидел его заснеженный холм и вздрогнул.

— Все то же самое, — прошептал Андрей. — Курган и вход под землю.

Вечеринка уже стартовала, и перед клубом толпились молодые люди. Стараясь ни с кем не встречаться глазами, Андрей спустился по лестнице, проскочил охрану и оказался в грохочущей трубе клуба. Все как обычно: музыка, толпа людей, веселые крики и дым коромыслом. Пробравшись в самую дальнюю комнатку, он, к своей радости, повстречал там Данилу.

— Хорошо, что ты здесь.

— А где же мне быть? — беззаботно ответил Данила. — Мы тут с вечера.

— А что это за адский гул на танцполе?

— Бумер со Стивом мозги вкрутую заваривают. «Minimal Da Bass party». Между прочим, билеты по тридцать тысяч, но народ валом прет. А гудит так, потому что перед вечеринкой мы поменяли четыре басовых динамика. Но это не самое интересное! Ты себе не представляешь, что тут происходило!

— А что? Надеюсь, ничего ужасного? А то у меня сегодня дурное предчувствие.

— Ну, как сказать. Помнишь моего кота, которого я месяц назад взял у мамы и запустил в клуб разбираться с крысами?

— Помню. Он еще пропал куда-то, и Диана Васильевна искала его по всему району. А что?

— Сегодня, когда на полной мощности проверяли басы, из трубы вентиляции выскочил натуральный черт. Мы все перепугались, а он с визгом перелетел через весь клуб и скрылся под баром. Его загнали в женский туалет, а там он носился по стенам и потолку, рычал, как вепрь. Я очень боялся, но потом набросил на него тряпку, и мы его скрутили. Оказалось, что это чудовище — озверевший мамин Пушок. Тот самый Пушок, который перебирал фаршиками и куриными котлетками. От грохота в трубах и голода он так съехал с катушек, что за пять минут, пока я вез его домой, сожрал кожаную оплетку руля.

— Твоя мама, наверное, очень обрадовалась.

— Ага. Этот демон прыгнул на окно, разорвал марлю и с визгом удрал на улицу. Боюсь, что у него теперь клаустрофобия до конца жизни…

Данила не успел договорить, как в дверь постучали. Через мгновение стук повторился, но теперь он был такой силы, что перекрыл грохот музыки. Друзья застыли в нерешительности.

— Андрей, Данила! — закричали из-за двери. — Откройте!

Щелкнув замком, Андрей рванул дверь, и в комнату ворвался Бучин.

У Андрея отлегло от сердца.

— Что случилось? Опять кот вернулся? — попробовал пошутить он.

— Хуже. Молодежь говорит, по Зверинской едут автобусы с ОМОНом. Они еле добежали до клуба. Похоже, что это по нашу душу!

— Скорее! — всполошился Андрей. — Предупредите друзей и диджея! Пошли! Пошли! Паспорта барменам, и чтобы никаких чужих сумок там не было!

Друзья выбежали из комнаты, захлопнули дверь, но не успели сделать и пары шагов, как поняли, что уже опоздали. Тяжкая волна катилась по переполненному клубу. Возле гардероба образовалась сумятица, в потемках замелькали лучи фонарей, и, расталкивая людей, в центр клуба влетели люди в черных масках.

«Вот оно, — устало подумал Андрей, нащупывая в кармане паспорт. — Началось».

Одетые в зеленый камуфляж и вооруженные маленькими автоматами, нападающие молниеносно заполнили клуб, оцепили бар, отогнали от него посетителей и стали на караул у всех дверей. Пятьсот человек в клубе ахнули от неожиданности, возникла неразбериха и хаос. Андрей и Данила молча наблюдали за манипуляциями напавших, привычно готовясь к проверке паспортов и карманов, но на деле все вышло иначе. Когда в клубе выключили музыку, зажгли свет, и установилась зловещая тишина, возле бара появились одинаковые мужчины в серых плащах. Один из них нес коробку с деньгами и билетами, а другой — какие-то листочки. Следом за ними возникла бледная кассирша. В мгновение ока серые плащи пересчитали наличность в коробке и заклеили ее в конверт. После этого они вытеснили растерянных барменов, изъяли из бара все деньги и учетные бумаги, опечатали кассу и стали барабанить в дверь офиса.

— Там никого нет, — угрюмо сообщил им Андрей.

— Нам нужны руководитель и бухгалтер, — засуетился один из них.

— Я вас слушаю.

Вперед вышел невысокий мужчина с холодными глазами и черными усиками, он протянул Андрею какой-то лист и глухо произнес:

— Я капитан налоговой полиции. Решением районной администрации деятельность вашего клуба приостанавливается и в нем проводится полная налоговая проверка. До поры помещение будет опечатано, а документы изъяты.

— Вы не можете опечатывать клуб, тут наше оборудование, — стал протестовать Андрей. — И у нас есть договор с заводом…

— Теперь у вас нет никаких бумаг, — с неожиданной злобой заявил ему налоговый полицейский. — На заводе назначен новый арбитражный управляющий, и он не подтвердил факта вашего договора. Вот представитель завода, — добавил он, указывая на какого-то растерянного человечка. — Помимо этого, управление пожарной охраны вынесло постановление закрыть ваш клуб как непригодный для проведения массовых мероприятий. А вот и резолюция начальника РОВД, ознакомьтесь, — злорадно закончил капитан.

— Открывайте дверь, или будем ломать.

Удар был настолько неожиданный и такой сильный, что Андрей почувствовал приступ горячей тошноты. В притихшем клубе было слышно, как под потолком жужжит моторчик зеркального шара. Андрей медленно вынул ключи и бросил их на барную стойку.

— Полегче с жестами, — едко предупредил капитан, зыркнув на Андрея из-под бровей.

Офис отрыли, и проверяющие устремились внутрь. Мужички в серых плащах стали суетливо обыскивать полки шкафов и сейф, складывать документы в картонные коробки, а вооруженные люди вполголоса посмеиваться и курить. Когда все было оголено, капитан подошел к Андрею и, протягивая протокол, издевательски вежливо сказал:.

— Все, труба вашему гадюшнику.

— Кому гадюшник, а кому и дом родной, — крикнули из толпы.

Окинув быстрым взглядом сотни лиц, капитан не ответил, застегнул молнию на своей папке и скомандовал своре черных масок:

— Все в автобус. Мы закончили.

Вся эта масса вооруженных людей мгновенно покинула клуб, оставив в нем гнетущую тишину и уныние. Но оказалось, что ушли не все Тог самый тщедушный чиновник с завода замешкался и попытался поставить последнюю точку в разговоре:

— У вас есть три дня, чтобы очистить помещение и сдать по описи…

— Убирайтесь, — задумчиво произнес Андрей,

Оживший клуб всколыхнулся и стал сдвигаться к центру, окружая струхнувшего о человечка стеной разгневанных людей.

— Давай катись!

— Вали отсюда.

— Дайте я ему приклею…

Не дожидаясь расправы, побледневший чиновник бросил на пол какой-то листик и, продравшись сквозь толпу, дал деру. В клубе опять воцарилась тягостная тишина.

— А что нам делать?

— Метро еще закрыто! — плаксиво заныли какие-то девочки.

— Что делать? Расходимся?

— Включите музыку, — вполголоса скомандовал Андрей. — Клуб закрылся, но вечеринка еще не закончена.

Его последние слова потонули в одобрительном гуле голосов. На танцполе тут же замигал свет, глухо забил барабан, и взбудораженный клуб пришел в движение. Большая часть из тех,

кто пустился в пляс, не слышала того, что говорилось у бара, но те, кто был рядом и слышали, прекрасно поняли, что произошло. Персонал клуба и ближайшие друзья сгрудились у бара и нерешительно переминались с ноги на ногу. Все ждали каких-то слов, но Андрей молчал. Окруженный друзьями, он стоял у бара и, упираясь грудью в его холодную стальную обшивку, задумчиво смотрел в одну точку.

— Андрей, — не выдержал паузы Данила. — Ну чего ты? Может, обойдется? Менты попугают, как обычно, и все утрясется.

— Да они не имеют права, — воскликнула барменша Вика.

— Какое право! — с насмешкой в голосе оборвал ее Алекс. — Это же менты.

— А что теперь будет с клубом?

— Они все деньги забрали.

— Ты поэтому расстраиваешься? Да? Плюнь.

— Хорошо, что никого не загребли!

— Андрей! Что ты молчишь?

— Что теперь будет? Все плохо?

Андрей обвел своих друзей усталым взором и еле заметно улыбнулся:

— Нет. Все плохое уже позади. Теперь будет только лучше. Я чувствую, что мне уже легче. Жаль только, что эти люди изгадили нам последний праздник в придется запомнить его таким, когда мы уйдем. Зато больше нет страха! — воскликнул он, мучимый нестерпимой болью. — Не знаю, поняли вы или нет, но это наша последняя вечеринка в этом клубе, и вряд ли еще когда-нибудь мы будем так нужны друг другу, как сейчас… Это конец нашего клуба. Его больше нет. От него осталась только память… и печаль…

Андрей упал лицом на сжатые кулаки и зажмурился что было сил. Притихшие друзья окружили его стеной, и в душераздирающем миге пришедшего взаимопонимания их руки сплелись в одном объятии. Андрей заплакал. Не смог вынести боли, прорвался в самом тонком месте. Вместе с влагой и солью его горячих слез из него исходили и все мучившие его страхи, печали и усталость последних лет. Соленые капли слез стекали на полированную сталь бара, и в блеске этих кристаллов ему виделся красивый и искрящийся мир его так бурно прошедшей молодости.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
КОРПОРАЦИЯ СЧАСТЬЯ
1998–2003

1

В начале 1998 года завершилась славная история «Тоннеля», самого первого танцевального клуба на всем постсоветском пространстве. Для десятков последовавших за ним развлекательных заведений борьба за жизнь и идеологию уже не носила того революционного характера, с каким сражались за свой клуб «угрюмые подпольщики», — наступали другие времена, стала затухать бойня бандитской капитализации, пообтесался советский народ, и иностранные корпорации уже успели растравить его душу сладким ядом западных ценностей. Клубы и вечеринки прочно вошли в сознание людей как неотъемлемый атрибут современной жизни, горячий синтез нечеловеческой музыки, секса, наркотиков и молодежной распущенности. Сами же клубы не страдали от такой дурной славы и даже напротив, являясь исключительно урбанистическим порождением, наслаждались своим недоступным для широкого понимания положением.

Впрочем, в начале 1998 года в Петербурге еще не существовало множества мест, которые с полным основанием можно было бы называть клубами. Дефицит клубов остро ощущался молодежью, и растущий спрос оправдывал любые предложения.

1997 год закончился двумя соревнующимися друг с другом масштабными рейвами. Молодые промоутеры User и Fox организовали собственную компанию и провели в Доме молодежи Первый петербургский DJ-Parade. Это была презентация сразу всех диджейских сил города. За двена дцать часов на трех танцполах выступило более тридцати диджеев, игравших во всех стилях: Techno, NRG, House, Progressive, Break-Beat, Trip-Пope, Art-Core, Drum-N-Bass.

В параде приняли участие: Хаас («Тоннель», «Порт FM»), Демидов («U.E.», «Порт FM»), Q-Zma, User,Фрейд, Немо («Art-Mobile»), Слон («U.E.», «Порт EM»), Лена Попова («Тоннель», «Порт FM»), Сварщик («Тоннель»), FOX, Matic («MX 8»), Вьюнов («Art-Mobile»), Кисловский («Ground Level»), Сказочник («1.T.M.»), Нил, Doom («D.G.»), Car-O-Bass («Mad Wave»), Гном («TFC», «A & E»), Лавски («Love Shool»), Gosh, Lyric, Даня («H.D.D.»), Врунгель («100.3»), K-FEAR («Ф.и. Ы.», «Порт FM»), Took («D a Bass», «Порт FM»), Воронин, Primat («O.U.N.», «Порт FM»), Надежда («Грибоедов»), Арам («Underground»), Traxx PC, Underhouse, PCP, Пилоты, Усачев и Арсентьев.

Но последнюю точку в уходящем году все же поставила

компания «Контрфорс». В канун Нового года танцующей публике был представлен очередной «Рейв-монтаж». На двух танцполах в историческом зале Манежа встретились: Roland Casper (Германия), Tony Sapiano (U.K.), David Hollands (USA), Штакет, Лавски, М. Кисловский, Миха, Ворон, Слон и Кефир.

«Клуб речников» устроил на этой «елке» невероятное по силе техногенное представление: визга режущих машин перекрывали грохот музыки, со сцены сыпались искры и обломки разрушенных механизмов, а восторженные зрители с замиранием сердца наблюдали за поединком двух огромных металлических крыс, дерущихся друг с другом с помощью стальных рычагов и пневматических мускулов.

С закрытием «Тоннеля» в наступившем 1998 году спокойно вздохнули не только жители ближайший домов и милиция. Смерть титана вселила надежду и злорадный оптимизм в среду мелких, менее удачливых клубов, зарабатывающих себе на жизнь продажей ночных развлечений. Венок славы «Тоннеля» растащили на сувениры, а безутешные поклонники народного клуба распались на группы и разошлись кто куда. Возникла пауза, заполнить которую мог только новый клуб, и он не замедлил явиться.

Судьба водит людей странными путями, а порой забрасывает на те дороги, где они бывали прежде. Не избежал этих блужданий и Андрей Хаас. Схоронив истерзанный «Тоннель», он обрел долгожданную свободу, а вместе с ней и интерес к чему-то новому. Ничего иного, как строить клубы, он не умел, а потому стал выискивать место и об стоятельства, при которых это могло произойти вновь.

Его стародавний друг и бывший партнер Олег Назаров к тому времени находился в схожем положении. Приложив массу сил к созданию проекта «Порт», он уже вскоре после открытия покинул его и теперь серьезно раздумывал над жизнью. Старые друзья встретились. Время притупило остроту обиды, с которой они когда-то кромсали друг друга, оба покаялись в содеянном, и мощная сила восстановленной дружбы сблизила их интересы. Олег жаждал настоящего молодежного клуба, лишенного коммерческого блеска, но популярного настолько, чтобы перед ним стояли очереди. Андрей соглашался с этим планом, но после краха «Тоннеля» осторожно склонялся к идее создания танцпола, надежно защищенного от невзгод. Друзья приступили к поискам и неожиданно стали партнерами одной весьма официальной структуры — районный комитет молодежи передал им двухэтажный особняк на Малой Монетной улице. Это был случай,

который нельзя было упустить: необыкновенно удобная планировка, тихий дворик, полное отсутствие соседей и сносный ремонт. Недоставало только отопления. Друзья запустили в ночное небо красную ракету и объявили сбор.

На призыв встать под знамена нового клуба откликнулась вся старая гвардия и десяток новых волонтеров. В тихом домике на Малой Монетной закипела работа. Стоял лютый февраль, и в помещениях было ниже ноля. В клубе установили «тоннельный» саунд, развесили свет и провели необходимые преобразования. Пока шли работы, разрабатывалась концепция. Из всего многообразия стилен выбор пал на модный формат drum-n-bass. Для консультаций был приглашен виднейший представитель этого клана Федор Бумер, он же и возглавил музыкальную политику нового клуба. Оставалось название. Думали, спорили и остановились на простом и всем знакомом понятии. Клуб назвали «Мама».

В конце февраля после массированной радиорекламы новый клуб открыл свои двери и устремился в погоню за молодежной популярностью.

Следом за «Мамой» в городе стартовал еще один клубный проект. В прошлом любимая прихожанами лютеранская церковь, а ныне кинотеатр редкого и старого фильма «Спартак» стал одноименным клубом, в котором собирались любители house, progressive и break-beat-музыки. Новый клуб был незамысловат: фойе кинотеатра с игровыми автоматами, бары с микроволновками, скромный набор услуг, уцелевший еще с добрых времен застойного благополучия. Но поднатруженная обстановка этого кинозаповедника никого не смущала, и в «Спартаке» прижился особый контингент танцующих. Помимо танцев и просмотров фильмов, энергичный «Спартак» начал экспериментировать с различными акциями, и на его вечеринках время от времени появлялись «Театр Кваса», «Институт Перформанса», Наталья Першина-Якиманская и Ольга Егорова («Краткие видения»), Сергей Сонин, Сергей Гусев, Роман Ядык («Светосила») и группа «Спецэффект».

Наступила весна, и с ее приходом «Контрфорс» снова завладел вниманием молодежи. Выступлением WestBam в «Балтийском Доме» закончился проект «Рейвмонтаж». Эта красочная вечеринка подвела и общий итог трехлетней деятельности компании: Dick, Marusha, Jeff Mills, Carl Cox, Trevor Rocklife, Eric Powell, Disko, Awex, Roland Casper, David Holland, Beroshima, Lawrence Burder, Hardsequencer, Manu le Maline, Tom

Clark — вот далеко не полный список имен, представленных ею за время своего существования.

Помимо безусловных успехов, «Контрфорс» начал выпускать крохотный журнальчик «Заноза». Это было весьма едкое издание карманного формата, пытливо наблюдающее за ночной жизнью Петербурга и четвертующее острым словцом увеселительные затеи конкурентов.

С приходом лета поклонникам электронной музыки и ночного дансинга был нанесен сокрушительный удар — закрылась первая (она же последняя) независимая радиостанция «Порт FM». Агония этой единственной в своем роде танцевальной станции уже давно подавалась короткими сводками в эфире, молодежная среда бурлила слухами и сплетнями, но передатчик все еще шипел и не сдавался. Напряженная неопределенность протянулась до середины лета, и вот однажды наступил тот черный день, когда долга и ненависть официальных структур окончательно придушили эту гениальную и многообещающую затею. Вся команда «портовских» диджеев уныло разбрелась по разным клубам, а их без меры опечаленные слушатели задернули приемники траурной тафтой. Так бесславно закончилась судьба этой необычной станции, и были похоронены последние надежды сохранить островок электронной музыки, тонущий в безбрежном океане эстрадной мерзости.

Не позволяя себе раскисать на поминках по этой утихшей радиоволне, наиболее прогрессивные личности собрали вещи и умчались на юг. В Крыму, под поселком Щелкино, на недостроенной атомной станции, разворачивался очередной виток ставшего ежегодным проекта «Казантип».

Необыкновенная история этого серф-поселения окутывала нынешнее его воплощение аурой романтической тайны. Начинался «Казантип» в начале девяностых, когда гордые и нелюдимые искатели волн облюбовали это место для катаний на парусных досках. Никакой электронной музыки они тогда не слушали, драгсов не ели, а гоняли по морю и наслаждались фантастическими декорациями. Посмотреть в поселке Щелкино было на что: социалистическая стройка соорудила на крымской земле циклопическое здание будущего электрогиганта. Размерами этот колосс был так велик, что, без сомнения, хорошо различался даже из космоса. Технократический ландшафт недостроенной станции, гигантские цеха и исполинские краны потрясли воображение впервые попавших на «Казантип» рейверов, и уже через несколько лет поклонники электронной музыки преобладающей массой вытеснили из Щелкино серферов с их досками и скучной спортивной романтикой.

«Казантип» 1997 года стал первым масштабным рейвом на развалинах станции, но проект 1998 года превзошел все ожидания. Вечеринка на реакторе протрубила о «Казантипе» на всю страну и вознесла своего создателя Никиту Маршунка на вершину славы. К этому времени «Казантип» был уже свободолюбивой республикой, со своим правительством, законами и моралью. Полномочным представителем республики в Петербурге и ее премьер-министром стал Денис Одинг. Под его наблюдением несколько сотен человек выезжали в Крым, где сливались в гремящем реакторе еще с четырьмя тысячами танцоров. Эта вечеринка под жарким солнцем Черного моря потрясла всех, кто там был, и стала главным клубным событием года.

Но победы молодой «казантипской» республики никак не повлияли на планы промоутеров, и в Петербурге был проведен очередной open-air. На этот раз его вдохновитель Миша Бархин перенес место действия в пригородный поселок Солнечное. Объединив свои усилия с «Клубом речников» и Модным клубом «Грибоедов», Бархин нашел заброшенный бетонный ангар и, по сложившейся пиратской традиции, осуществил быструю интервенцию. «Rest-4-Rest» делался на символический бюджет и все же получился настолько заметным, что под утро унимать танцоров приехали наряды милиции.

Играли Лена Попова, Кефир и Лавски, горели костры, взрывались фейерверки, а на земляном танцполе помимо тысячи человек извивался десятиметровый матрос (надувная скульптура Саши Штейна).

С наступлением осени в силу вошел так называемый клубный сезон. Между клубами началась отчаянная рубка за публику, и заборы запестрели заманчивыми плакатами. Но список клубов по-прежнему не превышал десятка имен, а среди этих немногих выделить нечто примечательное было довольно затруднительно.

Наиболее значимым в культурном аспекте, цельным и ясным по стилю, без сомнения, оставался Модный клуб «Грибоедов». В этом маленьком подземном мире, который ближайшие друзья ласково именовали «Грибыч», шла своя, насыщенная событиями жизнь. «Грибоедов» не зависел от капризов быстротечной моды и не утруждал себя приглашениями дорогостоящих иностранцев, напротив, клуб сосредоточенно разрабатывал собственный музыкальный профиль и смело формировал вкус посетителей, пропагандируя преимущественно местные таланты. Эта патриотичная особенность «Грибоедова» стала основной причиной его народного признали, и, являясь состоявшимся

культурным феноменом, «Грибоедов» жил своей собственной жизнью, без пафоса и фальши. За ним закрепился статус городской клубной достопримечательности», и, прикрываясь своим земляным панцирем, «Грибоедов» не спеша перерабатывал тьму ночей в радость лиц. К этой его успешной работе неутомимые «Самолеты» добавили телевизионный журнал о культурной жизни города Камыши и начали выпускать карманный альманах «Памперс», чем окончательно прославили собственный клуб.

Помимо этого светлого пятна, на ночной карте города находились еще несколько клубов: коммерческие «Made Wave», «Метро», «Классик» и «Candimen», а также второй гей-клуб «Грешники».

«Made Wave» возник еще при жизни «Тоннеля». Вырос он как-то быстро, но энергично набрал темп и заработал как вполне жизнеспособный коммерческий проект. Размещался «Made Wave» в универсаме на Васильевском острове и претендовал на роль полупрофессионального клуба. С первого дня работы «Made Wave» стал наступать на пятки затухающему Планетарию, но все же расположение и некоторые особенности делали его исключительно «василеостровским» местом. Появление этого клуба никак не изменило сложившейся ситуации, «Made Wave» очень скоро нашел свою собственную публику, но тем не менее все время пытался конкурировать с тяжеловесами, устраивал международные программы и даже некие подобия турнирных выступлений диджеев.

Еще одним коммерческим клубом стал мало кому известный «Классик». Небольшое по размерам заведение для танцующих пацанов продолжало традиции клуба «Спортивная» и пользовалось популярностью, не нуждавшейся в рекламе. В культурной жизни ночного города этот клуб не участвовал, но преспокойно жил на глухой окраине Васильевского острова своей обособленной жизнью.

Прямой противоположностью этим двум вышеперечисленным местам стали новые клубы «Candimen» и «Метро». Это были первые абсолютно профессиональные клубы, построенные по общей концепции. Местом размещения «Candimen» стал типовой торговый комплекс на окраине города, но непрезентабельность района не стала для «Candimen» помехой — новый клуб энергично начал работу и очень скоро заполнил весь город своей рекламой. Клуб-гигант вобрал в себя абсолютно все, что могла желать обычная публика, имеющая достаточно средств для новомодного ночного отдыха: многоуровневая планировка,

несколько баров, столики, мягкая мебель, неплохой саунд, обилие света, охрана, сервис, голые девушки на шестах и прочее. Помимо этих прелестей «Candimen» потрясал сознание своих клиентов бесконечной чередой совершенно незнакомых иностранных имен, практиковал корпоративные праздники и студенческие дни.

Клуб «Метро» в общих чертах был похож на «Candimen», хотя и имел ряд особенностей. Он расположился на Литовском проспекте, был не такой огромный, но работал гораздо чаще. «Метро» собирал у себя в основном студенчество, там звучала музыка разных статей, и по своему формату этот клуб больше походил на дискотеку в привычном понимании этого слова.

В это же время на канале Грибоедова открылся второй гей-клуб «Грешники». Как и явствует из названия, он предназначался для строго ограниченного контингента танцующих, но за деньги туда впускали всех. В «Грешниках» играли неплохой house и, что важно для молодежи, никогда не было быков. Клуб был четырехуровневый, но с крохотными этажами. Маленький танцпольчик, бар, бильярд и какие-то затеи для мужского петтинга — вот, собственно, и все, чем это заведение могло развлечь своих гостей.

Несмотря на старания всех этих коммерческих клубов, уходящий 1998 год, безусловно, был годом клуба «Мама». С наступлением нового 1999 года его известность в молодежной среде достигла той отметки, когда перед входом начали регулярно выстраиваться очереди. К этому времени «Мама» разменял свой моностилевой drum-n-bass-формат и начал играть музыку всех форматов. Клуб уже не вмещал всех желающих, и владельцы начали ремонт второго этажа здания: всю зиму волонтеры крушили штукатурку и, задыхаясь от пыли, чистили кирпичные стены. Работы продолжались несколько месяцев и закончились только к лету.

В августе 1999 года в самом центре города, на Адмиралтейском проспекте, открылся «Decadence». Создали это довольно необычное и отличное от всех прочих заведение доселе никому не известные в ночном городе люди: Эдуард Мурадян, Илья Рукавишников и Илья Земкин. Новаторство и колоссальная притягательность этого проекта заключались в том, что создатели сконструировали для него совершенно новую форму, легко заполнившую весьма обширное пространство между двумя несмыкающимися мирами: соединили ночной танцевальный клуб и дневной ресторан. К этому на первый взгляд взаимоисключающему коктейлю они добавили бесплатный вход

на вечеринки, жесткий фейс- контроль, немного гламурной пыльцы и приличный сервис.

Измученная технобитвами, грязью помоечных клубов, пластмассовой посудой и духотой, искушенная публика устремилась в комфортный «Decadence» и начала красиво отдыхать. Плачущая от счастья «золотая молодежь» наконец обрела собственное место. С открытием этого заведения за каждым сословием окончательно закрепилась среда его ночного обитания: молодежь с рюкзачками, студенты, музыканты и прочие неформальные личности толпились перед «Мамой» и «Грибоедовым», простоватый «пипл» и офисный эшелон развлекались в «Candimen», а модные коммерсанты и красивые барышни танцевали в «Decadence».

Так все и пошло. На удивление гладко, сноровисто и бойко. Новый клуб молниеносно завладел самой платежеспособной и взыскательной частью ночной публики и закружил их в вихре затейливых вечеринок.

Причина необыкновенной популярности «Decadence» заключалась в отсутствии явных причин. Фокусов никаких не было, и тем не менее новый клуб как магнит притягивал к себе все блестящее. Многие пытались разгадать секрет этого успеха и ревниво изучали концепцию заведения, но и в дальнейшем превзойти этот клуб по популярности так никому и не удалось.

Ничто так не радует сердце петербуржца, как широкий бег холодной Невы — слева Медный всадник, справа Зимний дворец, обстановка, максимально располагающая ощущать себя избранным, а порой и баловнем судьбы. Более удачного месторасположения для клуба и придумать невозможно. «Decadence» обосновался в цокольном этаже большого доходного дома и своими окнами был обращен на самую красивую набережную. Сам клуб был не мал, не велик, достаточно уютный, но при этом довольно вместительный: он вмещал в себя до трехсот веселящихся. Интерьер представлял собой смесь грубого и комфортного, нарочито небрежного и тщательно выверенного: очищенные кирпичные стены с пятнами оставленной штукатурки, мягкий диван во всю длину помещения, множество столиков, лаконичная барная стойка, минимум света и крохотная сцена для музыкантов. Не желая сужать рамки жанровой привязанности публики, «Decadence» изобрел свой музыкальный формат вечерами в клубе играли джаз и арт-рок, а по ночам танцы под диджейские сеты.

С приобретением клубами бешеной популярности начался новый, «рекламный», виток в их развитии — на них, как на

заманчивые объекты, начали заглядываться многочисленные спонсоры. В клубы устремились эмиссары табачных концернов, пивные, водочные, коньячные дилеры, постоянно соревнующиеся друг с другом пепсикольщики и кокакольщики, производители соков, интернетчики, операторы мобильной связи. Начался штурм наиболее привлекательных мест, и в результате были подписаны эксклюзивные договора, и на владельцев полился золотой дождь. Ставки в этой рекламной гонке велики — за год такой клуб, как «Мама», набирал контрактов на двадцать — двадцать пять тысяч долларов. А коммерческие заведения зарабатывали намного больше. Началась охота за рекламными бюджетами, и между клубами стали все чаще возникать довольно ощутимые трения.

С приближением конца века в ночном Петербурге повысилась активность промоутеров. ГЗсе по-своему готовились встретить миллениум, рубеж тысячелетия манил своей волнующей тайной. Когда он настал и загремели десятки вечеринок, выброс эмоций был так велик, что все клубы с надеждой посмотрели на дату с тремя нолями.

В наступившем 2000 голу в Петербурге воскрес из пепла проект «Корпорация счастья». В 1994 году, когда он был задуман, его осуществление было невозможно из-за фактического отсутствия клубов. Теперь же несколько наиболее успешных промоутерских компаний и клубов решили объединить усилия и договорились совместно работать над крупными проектами. Образовался круг близких друг другу по идеологии партнеров: «Мама», «Грибоедов», «Decadence». Ключевым игроком в эту команду вошла компания «Контрфорс», и обновленная «Корпорация счастья» приступила к подготовке главного танцевального проекта 2000 года — «Media Art Fest ФОРТ „Александр I"».

История этой глобальной акции начиналась еще в 1997 гаду, когда Алексей Хаас, Олег Назаров, Миша Бархнн и Лена Попона совершили пиратскую вылазку на катере в закрытые воды Финского залива Техношпионы обследовали разбросанные в заливе боевые укрепления и обнаружили колоссальный форт «Александр I» («Чумной»). Настоящая крепость с огромным гарнизоном и пушками сдерживала во время войн неприятеля на подступах к Кронштадту. Три года молодые люди вели переговоры с администрацией Кронштадта, и в конце концов «Корпорация счастья» получила цитадель для производства рейва.

Неприступная крепость, отделанная гранитом, как гигантский айсберг высилась из вод Финского залива. Однако форт был настолько велик и неустроен, что необходимо было найти деньги на его уборку и реорганизацию. Вскоре такой!

партнер отыскался — им стал московский клуб «Цеппелин». Промоутеры двух столиц решительно взялись за дело, и в результате совместных усилий в июле 2000 года произошло это знаковое событие.

Вечеринка получилась беспрецедентная по масштабам: шесть тысяч человек танцевали внутри крепости и еще около трех тысяч просто не смогли переправиться на остров. Всю ночь между гранитной пристанью в Кронштадте и причалом форта курсировали пассажирские теплоходы, дым стелился по водной глади, вокруг места событий плавали десятки яхт и катеров, в небе полыхали вспышки света и мерцали лучи лазеров.

Впервые за всю свою историю форт пережил подобное потрясение: в огромном дворе крепости был устроен танцпол, в десятках крепостных залов — бары и чилауты, показывали видео, перформансы, кино и слайд инсталляции. Это был результат концентрации творческих сил двух столиц.

Арт-видео обеспечивали: «Речники», Юрис Лесник, «КБ Светосила», Группа «Север» (Москва), А. Штейн, «Обледенение архитекторов» (Москва), К. Преображенский (Москва), М. Бархнн (Москва), М. Розанов (Москва), «Медиа Арт Фес» (Германия), «Гетеродин», Амнго, «Кинокульпросвет», «Голос солнца», «Знаки», «Лазер перфекшн».

Играли: Зауэр, Попова, Компас Врубель (Москва), Дэн (Москва), Бумер, Тук, Квест, Стив, Хаас, Арам, Лавскн, Слон, Зорькин (Москва), Лист (Москва), Кефир, Рудык (Москва), «Два самолета», И. Вдовин, О. Гнтаркин, Ворон, Пак, «Лунатики», Юджин, Демидов, «Скандал» (Москва), «Чугунный скороход».

Но корпоративная эйфория развеялась уже к следующему году. Энергичные москвичи крепко потянули одеяло на себя и в результате непривычного для питерцев прессинга единолично завладели фортом «Александ I».

Прекратив взаимоотношения с оборотливыми москвичами, уже в следующем, 2001, году «Корпорация счастья» перевела свои ежегодный open-air на развалины форта «Шанц». Менее потрясающее воображение, но более приспособленное для рейва пространство было окружено береговыми батареями и земляными валами и собрало под открытым небом пять тысяч человек.

Теперь все интересы «Корпорации счастья» по производству гигантских танцевальных акций сосредоточились на дамбе, защищающей Петербург от наводнений. Уникальные ландшафты и невероятные технические сооружения манили промоутеров. В результате поисков они обнаружили невероятных размеров площадку с поистине индустриальным пейзажем.

В 2002 году под огромным бетонным мостом (судопропускное сооружение) на дамбе была проведена самая крупная акция из всех, что состоялись до этого. При интенсивной помощи спонсоров «Корпорация счастья» провела этот open-air и поставила своеобразный рекорд посещаемости — пятнадцать тысяч человек танцевали на танцполе размером с футбольное поле.

2003 год стал финальным рывком в этой промоутерской гонке открытых вечеринок-гигантов. Близилась помпезная годовщина северной столицы — 300-летие Санкт-Петербурга. Гигантский бюджет, выделенный на празднование, вызвал к жизни целый ряд подготовительных комитетов, а их истерия по поводу мер безопасности привела к тому, что танцевальные рейвы стали рассматриваться городскими властями как организованный способ увода молодежи из города. Случилось невероятное — городские чиновники официально пригласили «Корпорацию счастья» для производства двух open-air и поставили эти мероприятия в план на солидное финансирование.

Развернув невероятную по масштабам деятельность, «Корпорация счастья» подготовила этот мегапроект, но в конце концов пала жертвой чиновничьего надувательства и, неполучив обещанных денег, с жуткой финансовой пробоиной едва доплыла до финиша.

Примерно в это же время один из главных героев этой истории Алексей Хаас познакомился с энергичными коммерсантами, предложившими ему реанимировать легендарный проект девяностых — клуб «Тоннель». Как выяснилось, коммерсанты завладели могильником старого «Тоннеля» и решили вложить в его переоборудование и дизайн кругленькую сумму. Новость о возрождении прародителя всех клубов очень долго держалась в строжайшем секрете, и все это время под землей велась кропотливая работа.

Когда все было готово и молодежная среда уже радостно бурлила от нетерпения, новый клуб со старым названием громогласно стартовал. С первой же вечеринки стало ясно: новый «Тоннель» станет лучшим клубом в городе.

Так и получилось. Как только началась бесперебойная работа н «Тоннель» набрал полные обороты, он начал зарабатывать бездну денег. Но прошло совсем немного времени, и этот проект завершился так же нелепо, как и многие другие до него, — Алексею Хаасу и Лене Поповой при шлось оставить собственное детище и уйти из клуба из-за занудства и невыносимой жадности его фактических владельцев.

Клубы уже никого не удивляли и не волновали, как прежде, но это не означало, что клубная культура стояла на месте или достигла совершенства. Напротив, с воскрешением «Тоннеля» начала образовываться свежая формация клубов, и четко обозначился новый уровень в их организации. Яркий пример подобного подхода — Культурный центр «Пар СПб», ставший одним из самых любимых молодежью клубных проектов своего времени. Грамотная политика в кратчайшие сроки вывела это заведение на профессиональный уровень, и долгое время «Пар» был визитной карточкой Петербурга в международном клубном мире.

Клубы открывались и закрывались, горели короткой и яркой жизнью или чадили копотью. Некоторые из них так и пропали, не оставив о себе никаких воспоминании, а некоторые амбициозно воображали себя центром мира и пускали золотую пыль в глаза посетителям, отчего и разорились.

Время шло. Менялась мода, музыка и публика Список питерских клубов постоянно обновлялся, но конец этой истории пришелся на время, когда еще существовали подвальный «Абсент» и роскошная «Плаза», студенческий «Порт» и вычурный «Магриб», гигантский «Просвет», подземный «Тоннель», уютный «Decadence», неунывающий «Грибоедов», интернациональный «Пар» и неугомонная «Мама».

Все эти клубы жили по своим правилам, а отличались друг от друга лишь интерьерами, музыкой, ценами и степенью чванства хозяев. Некоторые из этих мест с ходом времени обуржуазились и, пропитавшись запахом кухонь, превратились в малопонятную европейцам русскую версию ночных клубов. Другие продолжали держать марку и, не гоняясь за длинным рублем, сохраняли стиль. Список клубов-ресторанов появился во всех глянцевых журналах и бесплатных газетах. Все это стало столь же обыденным, как реклама прочих развлечений. Даже власти стали более терпимы. Не то чтобы милиция полюбила ночную жизнь, просто пропало то бешенство, с которым она топтала молодежь в середине девяностых.

Изменилась и сама молодежь. За те пятнадцать лет, что отделяют нынешние клубы от времени появления первого «Танцпола» на Фонтанке, 145, успело народиться и вырасти новое поколение. Эта молодежь уже не видела крушения красной империи и не знала ужасов бандитского беспредела, она выросла в комфортном современном мире с мобильными телефонами, Интернетом и поголовным медстрахованием. Посещение клубов для этих молодых людей стало такой же частью жизни, как катание на роликах, поход в кино, шопинг или занятия фитнесом.

Для них строились все новые и новые заведения, устраивались крупнейшие рейвы. Бюджеты этих гигантских акций давно перевал или за сотни тысяч долларов, они свободно собирали десятки тысяч людей, стадионы. В индустриальном грохоте масштабного бизнеса развлечений сформировались целые касты диджеев, возникли промоутерские компании, появились узнаваемые бренды, установились цены, образовался настоящий товарный рынок, и все в нем встало на промышленный поток. Вечеринки стали проводить холодные и расчетливые профессионалы, играют на них супердиджеи, выглядит все это дорого, а оттого скучно и мертво.

Настоящая жизнь и ощущение новизны переместились куда-то в другую область коллективного сознания, оставив ночные клубы сформированной и прижатой к потолку возможности отраслью отдыха.

2

Густая августовская жара, пахнущая щекочущей нос автомобильной гарью, затопила центр города и вытеснила из его пыльных улиц последние остатки свежего воздуха. Сизый туман от нагретого асфальта висел над Невским проспектом, колебал перспективную даль главной улицы и уходил жаркими струями в небеса. Город гудел тысячами моторов, гудками, перестуком каблуков, смехом и возгласами людей. В палящем зное этого уличного ада, цепляясь взглядом за всякие диковины, вышагивал Андрей Хаас. Он промаршировал уже большую часть своего пути, оставив за спиной Фонтанку, канал Грибоедова, Мойку, и теперь нырнул под гулкую арку Генерального штаба. Поток туристов вынес его на простор Дворцовой площади, и легкий бриз, гулявший нал этим каменным полем, принес долгожданное дуновение не свежести.

Время не теснило, и потому Андрей не спешил, но впереди ждала встреча. Уже совсем рядом, за громадой Зимнего дворца, несла свои воды суровая Нева, и именно туда, на набережную, устремил он свои шаги. И день, и время, и место встречи — все было неслучайно, он долго раздумывал, прежде чем отправиться на нее, и теперь шел, испытывая невольную дрожь волнующей решимости. Ему предстояло увидеться со своим старинным другом и давним партнером по клубам Олегом Назаровым. Сегодня они должны были объясниться.

Их взаимоотношения, клуб, люди, мнения, настроения — все это с недавних пор завязалось в невероятный узел, сковавший движения и мешавший дышать. Андрей твердо решил не

мозолить рук, а рубануть его одним махом и ухватиться за одну из образовавшихся частей. Оставалось только решить, за какую. За ту, на которой останутся болтаться все проблемы и возможности, или за бестелесную перспективу, чтобы начать с нуля?

Подумать было о чем. В свои тридцать четыре года он по-прежнему был владельцем ночного клуба, но, в отличие от самого себя десятилетней давности, продолжая заниматься отдыхом молодежи, он уже давно перестал интересоваться этой самой молодежью, да и отдых в его нынешнем представлении принял довольно причудливые формы.

Еще издали Андрей заметил фигуру Олега. Волнуясь, он помахал ему рукой. Олег подошел, крепко пожал протянутую руку и привычно улыбнулся. Это была их первая встреча с тех пор, как Андрей пропал. Вот уже месяц, как он не появлялся в клубе, не подходил к телефону и пропадал неизвестно где.

Они встретились здесь, на Адмиралтейской набережной, с серьезным намерением поговорить, но ноги как-то сами подвели их пивной палатке.

— Как дела? — с деланной веселостью воскликнул Олег.

Андрей молча пожал плечами.

— Что так грустно, — улыбнулся Олег. — Подожди минутку.

Он отошел к стойке бара и, когда вернулся, в руках у него были два бокала пива. Друзья уселись за шаткий пластмассовый столик, закурили и сделали по глотку.

— Ты знаешь, Олег, — стараясь говорить уверенно и спокойно, начал Андрей. — У меня уже давно нет никаких дел.

— Подожди, зачем так мрачно? — заволновался Олег. — У нас клуб, он работает. Как это нет дел?

— Все, чем мы с тобой занимаемся, — это бесконечный бег по кругу, — упрямо заявил Андрей.

Олег напряженно улыбнулся и заморгал. Он вгляделся в своего товарища, но видел перед собой другого человека, с ускользающим взглядом, очень напряженного.

— К чему ты клонишь? Не пойму.

— Я ухожу, — неожиданно выдохнул Андрей.

— Вот так номер! То есть как «ухожу»? Не понимаю. Что стряслось? Говори толком.

— Ничего не стряслось, — дрожащим голосом стал объяснять Андрей. — У нас ничего не происходит, псами мы катимся по инерции. Раньше мне казалось, что вот завтра или послезавтра наступит какой-то день, когда свершится что-то важное. Но время шло, и ничего не происходило. Вот уже много лет, как мы с тобой глохнем в своих клубах, пьем, курим и о чем-то говорим. Тебе не

кажется, что это пустая трата времени? Когда все только начиналось, это было безумно интересно, не было ничего, что было бы увлекательнее наших вечеринок. Это было самое модное движение, и рядом были самые интересные люди. Вспомни начало девяностых: Фонтанка, «Новые художники», выставки, первые вечеринки, Планетарий, общий восторг, психоделические эксперименты, acid-музыка.

— Я ничего не забыл, — улыбаясь, проговорил Олег. — Но тогда мы все были молодые. Тогда и жизнь была другая.

— Да не жизнь! — раздраженно перебил его Андрей. — Мы сами были другие. Мы чего-то хотели, нам было все интересно. А сейчас мне безумно скучно. Страшно представить, как я выгляжу в глазах наших девятнадцатилетних посетителей. Седой дядька со стаканом виски и сигаретой во рту. Так? Давай признаемся честно, что уже с первой минуты вечеринки мы неосознанно начинаем ждать, когда она закончится.

— Нет, почему? — вскипел Олег. — Я — нет!

— А я — да! И честно говоря, уже давно, и даже до ее начала. Они меня начинают утомлять, еще и не начавшись! Я потерял к ним интерес. Я себя потерял в этом клубе!!!

Андрей отхлебнул из стакана, замолчал и уставился на противоположный берег Невы. Олег закурил очередную сигарету и, нахмурившись, стал вертеть в руках свой телефон. Друзья молчали так несколько минут: каждый обдумывал предстоящий крутой поворот в их жизни. Андреи волновался, но в душе его каменела решимость довести начатое до конца Олег же, напротив, был спокоен и считал его речь результатом незначительной депрессии, детом поправимым и неосновательным. Андрея и раньше настигали мучения болезненного самоанализа, но обычно это заканчивалось бутылкой виски, и хандра отступала.

— Послушай, что я тебе скажу, — осторожно обратился Олег к Андрею. — Может, тебе отдохнуть? Я могу один поработать. Тебе нужно развеяться…

— Ты не понимаешь, — замотал головой Андрей. — Мне не от чего отдыхать, я и так ничего не делаю. Я бездельник! В моих делах уже давно нет ничего такого, что вызывало бы у меня уважение. Мне жутко скучно от наших дел. Мне скучно тысячу раз повторять одно и то же. Когда мы начинали делать клубы, мы творили, мы изобретали, мы боролись. Любой клуб — это художественный проект. Все: идея, дизайн, место, персонал — все это один живой организм, и он имеет свой срок жизни. Я в последнее время часто вспоминаю последний год «Тоннеля». Я тогда не понимал, что происходит, и этот клуб едва не задушил

меня. А всего-то надо было оторваться от него и оглянуться вокруг. Вот и этот наш клуб. На протяжении трех лет «Мама» была самым популярным хлестом. Очереди стояли перед входом! Но время шло, и незаметно мы оказались первыми с конца. К нам перестали ходить наши друзья, проект устарел. Сейчас другое времена. Оглянись. Все изменилось. И клубы уже другие. Мы с тобой последние неформалы, сумевшие открыть клуб на десять тысяч долларов. Это был хороший проект, может быть, наш лучший, но он закончился. Все! Пора ставить точку!

— Я так не считаю. «Мама» может еще работать и работать, — спокойно заявил Олег. — Конечно, нужно кое-что привести в порядок и продолжать!

— Наверное, ты прав. Но я больше этого не хочу. Нужно вовремя уходить. Или мы сейчас закрываем клуб и все запомнят его еще живым, или через какое-то время он перечеркнет нас. Нужно заниматься чем-то новым! Нужно заниматься творчеством, ты же талантливый художник. Тебе нужно рисовать картины. Мы начинали вечеринки, потому что сами хотели веселиться. И вот прошло десять лет. Мы славно повеселились. Благодаря нашим усилиям построена огромная индустрия, вот только мы в ней оказались ненужными.

— Как же мы будем делить клуб? — нахмурился Олег.

— Никак! — вставая, воскликнул Андрей. — Если хочешь — продолжай работать. Я ухожу, значит, мне так лучше.

Все перевернулось с ног на голову, все пошло кувырком. Такого поворота событий Олег не ожидал и с изумлением смотрел на улыбающегося Андрея. Что-то надежное, проверенное и прочное откололось от него вот так вот запросто, за кружкой пива. Близкий друг, с которым он съел не только пуд соли, неожиданно собрался уходить.

— Ну а ты что решил? Что будешь делать? — взволнованно спросил Олег.

— Пока не знаю! — честно признался Андрей. — Но точно не слушать музыку' и не танцевать.

Андрей улыбнулся Олегу и почувствовал невероятное облегчение. Пожав другу руку, он открыто посмотрел ему в глаза и, улыбнувшись, пошел по набережной. Сделав несколько шагов, он все же обернулся. Олег по-прежнему сидел за столиком и смотрел ему вслед. Андрей кивнул на прощание и пошел дальше, по-детски пытаясь вышагивать прямо по стыку гранитных плит.

— Молодой человек! — послышался сзади смеющийся женский голос. — Молодой человек!

Андрей обернулся и увидел позади себя девушку в синем фартуке, торговавшую до этого пивом.

— Стакан нам оставьте!

Он улыбнулся и только тогда обратил внимание на то, что рука сжимает нагревшийся пустой бокал. Он протянул девушке стакан и произнес:

— Старая клубная привычка.

Персоналии

Алексей Хаас

Первый российский клубный промоутер. Создатель первого ночного клуба «Танцпол» на Фонтанке, 145 и организатор первых гигантских рейвов в начале девяностых.

Создатель первого техноклуба «Тоннель» и культового московского клуба «Титаник».

В настоящее время живет в Санкт-Петербурге и в Москве, играет в ночных клубах, большую часть времени занимается дизайном. Автор интерьеров: «Джусто», «Жигули», «Тоннель» (2002), «Министерство», «Decadence» (2005), «Мост» (2006).

Георгий Гурьянов

Барабанщик легендарной группы «Кино» и известнейший в современном искусстве художник, эстет и оригинал. Являлся идейным вдохновителем самых первых танцевальных вечеринок и повлиял на развитие всего клубного движения в целом. Сплотил в начале девяностых вокруг первого «Танцпола» лучших представителей художественного Ленинграда.

В настоящее время живет и работает в Санкт-Петербурге, активно перемещаясь по миру вслед за своими выставками.

Тимур Новиков

Художник, гений художественной мысли, опередивший в своем творчестве время. С начала восьмидесятых был участником всех самых важных художественных событий Ленинграда, к концу девяностых — создатель целого художественного течения, автор научных работ, основатель «Новой академии изящных искусств» и признанный мастер. Широта жизненных интересов позволяла Тимуру участвовать и способствовать возникновению большинства интереснейших проектов своего времени, одним из которых в 1990 году стал первый танцевальный клуб на Фонтанке.

Тимур Петрович Новиков скончался в Петербурге в 2002 году, оставив после себя вошедшее в историю искусств художественное течение, тысячи друзей и бесценные произведения искусства.

Сергей Бугаев (Африка)

Художник, актер, коллекционер, известнейший персонаж. Являясь мощным коммуникатором, активно способствовал развитию танцевальной культуры, участвовал во всех первых вечеринках «Танцпола». Выпустил ряд книг, был редактором журнала «Кабинет», вел радиопрограмму «Три поросенка», участвовал в огромном количестве художественных проектов.

В настоящее время проводит выставки в крупнейших музеях и галереях.

Янис Крауклис

Первый виниловый диджей, игравший на вечеринках в Ленинграде и Москве в период 1989–1991 гг. Сформировал музыкальные вкусы и представления о house-музыке у множества участников клубного движения начала девяностых.

В настоящее время не играет, живет в Риге.

Катрин Беккер

Немка, яркая индивидуальность, изучавшая культурные процессы в послеперестроечной России. Бакалавр искусств. Участница множества культурных акций в Ленинграде 1989–1992 гг. Активный участник клуба «Танцпол».

В настоящее время живет и работает в Германии, специалист по русскому искусству.

Рубен Петросян

Организатор первых house-вечеринок в Москве и Ленинграде. «серый кардинал» мирового техно. Оказал значительное воздействие на развитие клубного движения в России. Живет в Париже.

Иван Салмаксов

Член клуба «Танцпол». Один из первых промоутеров. Основатель компаний «Block Limited» и «F. Y. Intertainment». Участвовал в организации ряда крупнейших танцевальных вечеринок в Москве. Работал с клубами, играл музыку, выступал на радио, продюсировал музыкантов и разрабатывал дизайн клубов. Участник создания культового московского клуба «Птюч». Один из известнейших персонажей клубной Москвы середины девяностых годов. Пропал без вести в конце 1990-х.

Евгений Бирман

Основатель и финансовый директор компаний «Block Limited» и «F. Y. Intertainment». Организатор ряда крупнейших

танцевальных вечеринок в Москве: «Gagarin-party», «Мобиле», «Технуар». Организовывал вечеринки в Петербурге: «Весенция», «Горький Дом».

В настоящее время с клубами не связан, живет в Канаде.

Денис Одинг

Художник. Участник творческой группы «Солнечные зайчики». Организатор неформального сквота «Свечной» и первого техноклуба «Тоннель». Совладелец промоутерской компании «Контрфорс» и организатор крупнейших рейвов: «Рейвмонтаж», «Восточный удар», «Майдай», «Саундтрополис», «World dram'n'bass». Премьер-министр республики «Казантип». Организатор фестиваля «Свежий ветер».

В настоящее время президент «Корпорации счастья».

Олег Назаров

Художник, участник творческой группы «Солнечные зайчики». Организатор неформального сквота «Свечной» и первого техноклуба «Тоннель». Участвовал в создании медиацентра «Клуб „Порт"», провел open-air «Air Fire». Создатель промоутерской компании «Sound Reflex», привез в Россию Космик Бэби и Свен Ватта, Владелец клуба «Мама».

В настоящее время участник «Корпорации счастья».

Михаил Воронцов

Талантливый модельер. Один из организаторов клуба «Танцпол» на Фонтанке, 145, участник проектов: «Планетарий», «Чайка», «ДК Кирова», «Gagarin-party».

С 1992 г. самостоятельный промоутер: «Аквaделик», «Кристалл», «Арсенал», «Курорт».

Один из первых диджеев, много выступал по стране и зарубежью, вел передачи на радио.

С 1995 г. стал одним из организаторов компании «Контрфорс», где работает до сих пор.

Маша Малое

Промоутер. Принимала участие в международных проектах клуба «Тоннель». В 1995 году стала одним из организаторов компании «Контрфорс». В настоящее время продолжает работу по организации крупнейших танцевальных проектов.

Михаил Бархин

Архитектор и театральный художник. Участвовал в первых танцевальных проектах «Block Limited» и «F. Y. Intertaimnent». В

середине 1990-х был арт-директором клуба «Планетарий». Разработал концепцию и дизайн клуба «Порт». Подготовил и провел open-ain «Air Fair», «Rest 4 Rest», «Елагин остров», «Сухой док», «Александр I», «Шанц», множество других акций и мероприятий. Автор дизайна: ресторан «Садко», проект «Грибоедов», кафе «СССР», спорткомплекс «Шаровня», ресторан «Корова», ресторан «Москва». Подготовил декорации к нескольким спектаклям.

В настоящее время живет в Петербурге, занимается театральными проектами, работает как архитектор, активный участник «Корпорации счастья».

Ирэна Куксенайте

Художник, модель и актриса. Участвовала во всех проектах клуба «Танцпол» с момента его основания. Редактор научного издания «Кабинет». Снималась в фильмах «Леса», «Уикенд в аду», «Все против одного» и «Документ Р». В 1998 году в Лондоне получила титул «Альтернативной мисс Мира». Участвовала в проекте «Флора и Фауна».

В настоящее время живет и работает в Санкт-Петербурге, занимается графикой.

Марина Алби Мод

Живет в России с 1985 года. Участник первых телемостов между СССР и «капиталистическим миром». Возглавляла крупную американскую компанию; уйдя из бизнеса, поселилась в Петербурге. Организовала проект «Флора и Фауна».

В настоящее время консультирует глав государств, преподает в университете, занимается йогой и координирует работу эко-отеля в Египте.

Екатерина Голицына

Приехала из Англии в начале девяностых. Стала активной участницей многих художественных проектов, посещала мероприятия «Танцпола», пропагандировала русскую музыку в Англин.

Открыла библиотеку в Петербурге, снималась в кино.

В настоящее время живет в Лондоне, часто бывает в Петербурге.

«Новые композиторы» Валерий Алахов, Игорь Веричев

Одна из первых танцевальных групп. Внесли огромный вклад в развитие электронной музыки. Выступали на множестве вечеринок и крупных рейвах начала девяностых. Выпустили

несколько альбомов.

Сергей Зайцев (Заяц)

Член клуба «Танцпол» с первого дня основания. Сквогер, весельчак и модник, посетитель всех клубных мероприятий с 1990 года. Член клуба «Тоннель».

Погиб в Индии при попытке строительства там собственного клуба.

Игорь Борисов (Длинный)

Участник всех проектов клуба «Танцпол» с 1990 г. В настоящее время программный директор на радиостанции в Костроме.

Лена Попова

Первая в России девушка-диджей. Начала играть в клубе «Тоннель» как технодиджей. Жила в сквотах, вела передачу на радио «Порт FM», работала промоутером, участвовала в художественных проектах. В 2002 году вместе с Алексеем Хаасом приняла участие в реставрации легендарного проекта «Тоннель».

В настоящее время активно гастролирует по стране как диджей.

Саша Штейн

Художник, скульптор. Принимал участие в жизни художественного сквота «Свечной».

Работал в клубе «Тоннель», оформил множество клубов и помещений.

В настоящее время занимается графикой, создает объекты.

Виктор Мазни и Олеся Туркина

Участники многих мероприятий «Танцпола».

В настоящее время Виктор — профессор психоанализа и директор Музея сновидений Зигмунда Фрейда; Олеся — научный сотрудник отдела новейших течений Русского музея, куратор и критик художественных проектов.

Юрис Лесник

Художник, режиссер, скульптор, первый виджей. Создатель «Пиратского телевидения».

В настоящее время живет в Париже, занимается скульптурой.

«Речники» Роман Грузов, Максим Полищук, Тимофей Абрамов, Линас Петраускас, Денис Александров, Стас Макаров,

Егор Остров

Знаменитая арт-группа, воплотившая в себе все особенности современного клубного перформанса. Организовывали проект «Штубниц», создатели киберклуба «Порт», авторы дизайна множества интерьеров. Создатели огненных перформансов и уникальных механических объектов. Участники множества арт-проектов.

В настоящее время Роман Грузов путешествует по Индии и пишет в периодических изданиях, Тимофей Абрамов занимается дизайном в Москве, Максим Полищук работает в Москве, Егор Остров занимается живописью и художественными проектами, Денис Александров живет и работает в Петербурге.

Адриан Аникушин

Участник большинства вечеринок «Танцпола».

В настоящее время возглавляет компанию, связанную с новыми технологиями.

Марина Смирнова

Вместе с Виктором Цоем снималась в фильме «Игла». Принимала участие в издании журнала «Что делать?». Была ведущей на радио «Балтика». Живет в Петербурге.

Виктор Фролов и Алиса Леонова

Мужественность и красота. Эта яркая пара была украшением закрытых вечеринок «Танцпола» в первом клубе на Фонтанке. Впоследствии, уже будучи героями всех клубных событий, пробовали себя в различных областях и художественных направлениях.

Алиса скончалась в 2001 году, Виктор удалился в монастырь и стал иноком.

Габриэль Воробьев, Яна Адельсон

Участники «Танцпола» с первого дня его основания. Посетители всех танцевальных мероприятий. Снимались в кино, организовывали показы мод.

Габриэль играл в клубе «Тоннель» как первый диджей трансмузыки, участвовал в проектах компании «Чилаут Планет». Резидент московского клуба «Аэроданс». Много путешествовал по Индии.

В настоящее время играет на международных трансфестивалях и воспитывает троих сыновей.

Никита Маршунок

Основатель, идейный вдохновитель и президент самого смелого клубного проекта «Казантип». Феноменальные организаторские способности позволили Никите за несколько лет превратить малобюджетный рейв под открытым небом Крыма в крупнейший клубный фестиваль.

В настоящее время проект «Казантип» ежегодно собирает тысячи гостей.

Марат Муракаев

Художник, участник всех первых танцевальных проектов. На протяжении 1992 года, после закрытия клуба «Танцпол», в его мастерской на Фонтанке происходили танцевальные вечеринки для членов старого клуба. Посещал все клубные вечеринки до 2004 года.

В настоящее время вернулся к занятиям живописью.

Даня Афонин (Ди Каприо)

Принимал активное участие в жизни клуба «Тоннель», а впоследствии клуба «Мама». Занимался проектом «Пирамида».

В настоящее время с клубами не связан, живет в Петербурге, занимается бизнесом.

Влад Мамышев (Монро)

Художник, актер, перформансист. В начале 1990-х герой вечеринок на Фонтанке, 145 и ведущий «Пиратского телевидения». Главное действующее лицо множества акций.

В настоящее время популярная московская арт-личность, эпатирует публику своими образами, создает художественные произведения и снимается в кино.

Евгений Грув

Выпускник Петербургской консерватории по классу вокала. Стал диджеем в клубе на Фонтанке, 145. Был резидентом клуба «Тоннель», играл на всех вечеринках и крупных рейвах начала девяностых.

В настоящее время живет и работает в Москве, пишет музыку, играет как диджей.

Майкл Тумблер (Неврубающийся)

Лайтмастер клуба «Тоннель», фрик, участник многих танцевальных проектов.

В настоящее время модель, человек-перформанс.

Гоша Копылов, Олег Ишутов

Первые лазерщики на вечеринках в Ленинграде с 1991 по 1995 гг.

Авторы большинства световых инсталляций в клубах и на крупных рейвах того времени.

В настоящее время Ишутов занимается в Москве лазерными шоу, Копылов живет в Петербурге, с клубами не связан.

Игорь Тарнавский

На принадлежащей ему аппаратуре состоялись первые вечеринки в «Планетарии».

В настоящее время крупнейший поставщик оборудования для концертов и на рейвы.

Эдик Мурадян

Создатель клуба «Декаданс». Организовал множество вечеринок, показов мод и церемоний. Промоутер, владелец ряда ресторанов.

В настоящее время участник «Корпорации счастья».

Костя Лавски

Организатор первого acid-jazz-клуба «Сатурн». Резидент практически всех успешных клубов Санкт-Петербурга. Играл на крупнейших акциях: «Казантип», «Арсенал», «Восточный удар». Выпустил несколько кассет, ведет регулярную передачу на радио.

В настоящее время один из наиболее востребованных ди-джеев, активно гастролирует.

Игорь Вдовин

Композитор, участник целого ряда музыкальных проектов и групп, автор множества известных произведений. Выпустил множество альбомов.

В настоящее время живет в Петербурге, пишет музыку.

«Два самолета»: Вадим Покровский, Антон Белянкин, Михаил Синдаловский, Алексей Лазовский, Денис Медведев

Участники этой легендарной группы широко известны в нашей стране и далеко за ее пределами.

Идейные вдохновители Модного клуба «Грибоедов», создатели видеожурнала «Камыши» и альманаха «Памперс», авторы большого количества хитов и любимцы публики.

Андрей Хлобыстин

Художник, писатель, директор художественного архива на «Пушкинской, 10». Издатель журнала «Художественная воля» и

«Сусанин», автор многочисленных работ по современному искусству.

В настоящее время отец пятерых детей.

Алла Митрофанова

Организовала и возглавила кнберфеминнстское движение в России и открыла первый «Кибер-фемин-клуб». Автор многих статей и организатор конференций.

Светлана Острова

Участница всех мероприятий «Танцпола», координатор Фонда Сороса и института «Про-Арте».

В настоящее время редактор издательства «Афиша».

Игорь Шикунов (Быстрый)

Бессменный фотограф «Танцпола» и участник всех его проектов.

В настоящее время работает в компании «Лазер-мастер» и занимается фотографией.

Ольга Тобрелутс

Художник, режиссер. Активный участник многих танцевальных мероприятий начала 1990-х в Ленинграде.

В настоящее время известный художник, живет и работает в Петербурге, занимается международными художественными проектами.

Андрей Хаас

Один из основателен первого неофициального клуба «Фонтанка, 145». Принимал участие в организации первых рейвов в начале 1990-х. Вместе с О. Назаровым и Д. Одингом открыл первый техноклуб «Тоннель». Разработал дизайн клуба «Пирамида». Был идейным вдохновителем и создателем «Корпорации счастья». Совладелец клуба «Мама».

В настоящнее время занимается художественными проектами.

[1] Автор счел необходимым изменить фамилии некоторых лиц и названия ряда организаций.